

Археологические вести

— 27 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

27
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

27
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — Вып. 27 / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 446 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. В серии работ, входящих в раздел «Новые открытия и исследования», рассматриваются отдельные категории археологических древностей от каменного века до нового времени, также вводятся в научный оборот материалы палеолитического нахождения Ункей (Нукутский район, Иркутская область) и анализируются контакты населения самбийско-натагийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время. В специальный раздел включены статьи по актуальным проблемам археологии эпохи бронзы и раннего железа Кавказа, а также работа по интерпретации камерных погребений в Пскове второй половины X в. Кроме того в журнале представлены работы по истории и организации науки. Среди авторов — ученые из различных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Новосибирска, Владикавказа), Украины (Одессы) и Франции (Парижа).

The present issue of «Arkheologicheskie vesti» (Archaeological News) includes articles concerned with the most recent researches in the sphere of archaeology, history and culture. The series of works comprised in the section “New discoveries and researches” considers particular categories of archaeological antiquities dated from the Stone Age to the modern period; in particular, materials from the Palaeolithic site of Unkey (Nukut district, Irkutsk Oblast) are published and contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danubian region during the Hun and post-Hun time are analysed. A special section includes papers on the current problems of archaeology of the Bronze Age and the Early Iron Age in the Caucasus, as well as a study on the interpretation of stone burials in Pskov of the second half of the 10th century. In addition, the yearbook presents works on the history and organization of the archaeological science. The authors are scholars from different research centres of Russia (Moscow, St. Petersburg, Irkutsk, Novosibirsk, Vladikavkaz), Ukraine (Odessa) and France (Paris).

Первая страница обложки — Пенджикент. Расписная керамика (к статье Ф. Ш. Аминова)
First page of cover — Panjakent. Painted pottery (article by F. Sh. Aminov)

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Содержание

ОТ РЕДАКЦИИ

<i>С. А. Васильев.</i> Торжественное празднование столетия РАИМК.....	11
---	----

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Г. И. Зайцевой	14
К 70-летию А. Н. Егорькова	16
К 70-летию Ю. А. Виноградова	18
К юбилею В. Я. Стёганцевой	20
К 70-летию А. В. Субботина	22

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Н. К. Анисюткин.</i> К вопросу об эволюции эполейстоценовых каменных орудий на территории Восточно-Европейской равнины	24
<i>А. М. Клементьев, В. М. Новосельцева.</i> Ункей — новый палеолитический комплекс на Иркутско-Черемховской равнине	38
<i>Т. В. Корнева.</i> Орнаментика верхнепалеолитической стоянки Мальта	48
<i>С. Б. Бурков.</i> Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа	60
<i>А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа.</i> Железные топоры раннего железного века из могильника и поселения Джантух (Абхазия)	72
<i>С. Н. Сенаторов.</i> Бронзовые наконечники стрел последней четверти VI — первой трети V в. до н. э. из Мирмекия (по материалам раскопок Ю. А. Виноградова в 1983–1984 и 1992–1994 гг.)	90
<i>Е. С. Лесная.</i> Восточногреческая керамика из раскопок Херсонеса Таврического	99
<i>Ю. А. Виноградов, А. К. Каспаров.</i> Остеологические материалы поселения Фонтан-6 в Восточном Крыму	113

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. В. Бруяко.</i> Форма <i>Dragendorf 30</i> из раскопок римского форта в Картале	125
<i>М. М. Казанский.</i> Эстии и Аттила: о контактах населения самбийско-нотангийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время	131
<i>Ф. Ш. Аминов.</i> Расписная керамика средневекового Пенджикента	153
<i>А. А. Пескова.</i> Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликварии в свете новых исследований	175
<i>Д. С. Серезникова.</i> Западноевропейские бытовые предметы из раскопок в Новгороде	194
<i>А. В. Курбатов.</i> Кожаные предметы морского судоходства в археологических собраниях	203
<i>К. В. Горлов, К. А. Михайлов.</i> Нумизматические и сфрагистические находки с Ржевского городища «Соборная гора» (по материалам работ ИИМК РАН в 2019 г.)	216
<i>П. А. Миляев.</i> Костяные и роговые элементы декора ручного огнестрельного оружия конца XVI — начала XVII в. из Старой Ладogi. Новые данные о комплексе вооружения европейских воинских контингентов на Северо-Западе Московского государства в Смутное время	232

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>В. Р. Эрлих, Е. И. Гак, А. А. Клещенко.</i> Погребения среднего бронзового века археологического комплекса Шушук	253
<i>Е. Е. Васильева.</i> Классификация и хронология металлических подвесок в виде бараньих голов эпохи среднего бронзового века — раннего железного века Центрального Кавказа	279
<i>Н. В. Хвоцинская.</i> К интерпретации камерных погребений X — начала XI в. на Старовознесенской возвышенности в Пскове	306

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>И. Ю. Шауб.</i> Долгожданный ответ на давний вопрос. Рецензия на книгу В. Г. Лазаренко «Ахилл — бог Северного Причерноморья» (Ижевск: Шелест, 2018. 416 с.)	317
--	-----

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

<i>С. А. Семёнов, Ст. А. Васильев.</i> Проблемы современной локализации и идентификации археологических памятников	333
--	-----

ИСТОРИЯ НАУКИ

<i>М. Т. Кашуба, И. В. Сапожников.</i> Курганы и находки у села Троицкое на Нижнем Днестре как памятники древности и объекты кладоискателей XIX — начала XX в.	345
<i>А. Н. Кирпичников.</i> Об изучении русского вооружения. Заметки и размышления	367
<i>Н. Ю. Смирнов (подготовка текста, вводная часть, комментарии).</i> Нурина экспедиция ГАИМК 1933 г.: записи из полевого дневника И. В. Синицына.....	377

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ю. А. Виноградов. Несколько писем из стола В. Ф. Гайдукевича (Всю ли правду нам надо знать?)</i>	384
---	-----

К 75-летию Победы

<i>М. Ю. Вахтина. Блокадный дневник Наталии Александровны Энман</i>	392
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

<i>С. А. Васильев. Памяти Льва Самуиловича Клейна</i>	418
<i>С. Н. Астахов. Саяно-Тувинская археологическая экспедиция (1965–2003 гг.)</i>	420

ХРОНИКА

<i>Е. С. Ткач. Институт истории материальной культуры РАН в 2019 г.</i>	429
---	-----

AD MEMORIA

Памяти Сергея Степановича Миняева (1948–2020)	439
Памяти Сергея Никитича Астахова (1933–2020)	441

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	443
-------------------------	-----

Contents

ОТ РЕДАКЦИИ

<i>S. A. Vasilyev</i> . Grand celebration of the centenary of RAIMK	11
---	----

OUR JUBILEES

To the jubilee of G. I. Zaytseva	14
To the 70 th anniversary of A. N. Egor'kov	16
To the 70 th anniversary of Yu. A. Vinogradov	18
To the jubilee of V. Ya. Stegantseva	20
To the 70 th anniversary of A. V. Subbotin	22

NEW DISCOVERIES AND STUDIES

<i>N. K. Anisyutkin</i> . On the problem of the evolution of Eopleistocene stone tools in the East-European Plain	24
<i>A. M. Clement'yev, V. M. Novosel'tseva</i> . Unkey — a new Palaeolithic complex in the Irkutsk-Cheremkhov plain	38
<i>T. V. Korneva</i> . Ornamentation from the Upper Palaeolithic site of Malta	48
<i>S. B. Burkov</i> . Cremation rite in the Koban Culture of the Caucasus	60
<i>A. Yu. Skakov, A. I. Dzhopua</i> . Iron axes of the early Iron Age from the cemetery and settlement of Dzhantukh (Abkhazia)	72
<i>S. N. Senatorov</i> . Bronze arrowheads of the last quarter of the 6 th — first third of the 5 th century BC from Myrmekion (materials of Yu. A. Vinogradov's excavations in 1983–1984 and 1992–1994)	90
<i>E. S. Lesnaya</i> . East Greek pottery from excavations in Tauric Chersonesos	99
<i>Yu. A. Vinogradov, A. K. Kasparov</i> . Osteological materials from the site of Fontan-6 in Eastern Crimea	113
<i>I. V. Bruyako</i> . Terra sigillata of <i>Dragendorf 30</i> type from excavations of the Roman fort in Kartal	125

CONTENTS

<i>M. M. Kazanskiy</i> . Aestii and Attila: on the contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danube in the Hun and post-Hun time	131
<i>F. Sh. Aminov</i> . Painted pottery from mediaeval Panjakent	153
<i>A. A. Peskova</i> . The earliest Old-Russian pectoral reliquary crosses in the light of new investigations	175
<i>D. S. Serezhnikova</i> . West European domestic objects from excavations in Novgorod	194
<i>A. V. Kurbatov</i> . Leather objects of seafaring equipment in archaeological collections	203
<i>K. V. Gorlov, K. A. Mikhaylov</i> . Numismatic and sphragistic finds from the Rzhev hillfort of ‘Sobornaya Gora’ (after the works of IIMK RAS in 2019)	216
<i>P. A. Milyaev</i> . Bone and horn elements of decoration of the hand firearms of the late 16 th — early 17 th century from Staraya Ladoga. New evidence on the set of armament of European military contingents at the North-West of the Muscovite state in the Time of Troubles.....	232

TOPICAL PROBLEMS OF ARCHAEOLOGY

<i>V. R. Erlikh, E. I. Gak, A. A. Kleshchenko</i> . Burials of the Middle Bronze Age at the archaeological complex of Shushuk	253
<i>E. E. Vasil'yeva</i> . Classification and chronology of metal pendants in the shape of ram's heads from the Central Caucasus of the Middle Bronze Age and Early Iron Age	279
<i>N. V. Khvoshchinskaya</i> . Interpretation of chamber burials of the 10 th – early 11 th century on the Starovoznesensky height in Pskov	306

REVIEW ARTICLES AND BOOK REVIEWS

The long-awaited answer to a long-standing question. В. Г. Лазаренко. Ахилл – бог Северного Причерноморья. Ижевск: Шелест, 2018. 416 с. (Rev. by <i>I. Yu. Schaub</i>)	317
---	-----

THE ORGANIZATION OF SCIENCE

<i>S. A. Semenov, St. A. Vasil'yev</i> . Problems of modern localization and identification of archaeological sites	333
---	-----

HISTORY OF SCIENCE

<i>M. T. Kashuba, I. V. Sapozhnikov</i> . Barrows and finds from near the village of Troitskoye on the Lower Dniester as monuments of antiquity and goals of treasure hunters in the 19 th — early 20 th century	345
<i>A. N. Kirpichnikov</i> . Studies of Russian weaponry. Notes and reflections	367
<i>N. Yu. Smirnov</i> (preparation of the text, introduction, comments) The Nura expedition of GAIMK in 1933: notes from the field diary of I. V. Sinitsyn	377
<i>Yu. A. Vinogradov</i> . Several letters from the desk of V. F. Gaydukevich (Should we know all the truth?)	384

CONTENTS

To the 75th anniversary of Victory

M. Yu. Vakhtina. The blockade diary by N.ataliya Aleksandrovna Enman 392

PERSONALIA

S. A. Vasil'yev. In memory of Lev Samuilovich Klein (1927–2019) 418

S. N. Astakhov. The Sayan-Tuva Archaeological Expedition (1965–2003) 420

CHRONICLE

E. S. Tkach. Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS in 2019 429

AD MEMORIA

In memory of Sergej Stepanovich Minyaev (1948–2020) 439

In memory of Sergej Nikitich Astahov (1933–2020) 441

LIST OF ABBREVIATIONS 443

ОТ РЕДАКЦИИ

Торжественное празднование столетия РАИМК

18 апреля 1919 г. исполнилось 100 лет со дня образования Российской академии истории материальной культуры — непосредственного предшественника Института истории материальной культуры РАН и Института археологии РАН. По этому случаю юбилейные торжества состоялись в двух столицах. В Москве в Государственном историческом музее 10 и 11 апреля прошла конференция «Век археологии: открытия, задачи, перспективы».

18–19 апреля празднования продолжились в Санкт-Петербурге, где состоялась представительная международная конференция «ИИМК на рубеже тысячелетий». Торжественное открытие проходило в Белом зале Мраморного дворца — месте размещения РАИМК–ГАИМК в 1920–1930-е гг. — под председательством директора ИИМК РАН В. А. Лапшина и директора ИА РАН Н. А. Макарова.

В зале была развернута организованная сотрудниками архива ИИМК РАН выставка «Жемчужина Наркомпроса. К 100-летию Академии истории материальной культуры». Заведующая архивом М. В. Медведева представила оригинальный фильм, созданный на основе материалов юбилейных диафильмов, выпускавшихся в дни празднований в ГАИМК в 1930-е гг. Фильм, включавший серию остроумных шаржей на известных археологов той далекой поры, был встречен участниками собрания с большим интересом. К юбилею институт выпустил фундаментальный том научных статей («Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (к 100-летию создания российской академической археологии)».

СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019) и иллюстрированное издание, посвященное истории РАИМК–ГАИМК («Академия истории материальной культуры. 1919–2019. Материалы научного архива ИИМК РАН». СПб.: Невская книжная типография, 2019).

С поздравлениями в адрес ИИМК обратились Вице-президент РАН, Директор Института археологии РАН, академик Н. А. Макаров, Генеральный директор Гос. Эрмитажа, академик М. Б. Пиотровский, ведущие специалисты из различных стран мира — М.-А. де Люмлей и А. де Люмлей (Институт палеонтологии человека, Франция), М. Майер (Свободный университет Берлина, Германия), П. Эзарц (Королевский институт естественных наук, Бельгия), В. Вэй (Китайский народный университет), К. Карпелан (Университет Хельсинки, Финляндия).

Общим вопросам истории и нынешнего состояния академической и музейной археологии в России посвятили свои выступления Н. А. Макаров (ИА РАН) и М. Б. Пиотровский (Гос. Эрмитаж). Э. Кайзер (Свободный университет Берлина) говорила об активно развивающемся в последние годы сотрудничестве археологов Санкт-Петербурга и Берлина. В докладе А. В. Головнева (МАЭ РАН) был представлен анализ соотношения археологии и этнографии в отечественной научной традиции. История раскопок Судакской крепости в 1920–1930-е гг. стала темой доклада В. В. Майко (Институт археологии Крыма РАН). А. Г. Ситдигов и С. Г. Бочаров (Институт археологии Республики Татарстан) рассказали о деятельности казанских археологов и остановились на научных

Участники торжественного заседания, посвященного 100-летию РАИМК, в Мраморном дворце в Санкт-Петербурге 18 апреля 2019 г.

Participants of the grand celebration of the centenary of RAIMK near the Marble Palace in St Petersburg April 19, 2019.

связях петербургской и казанской школ археологии. К. К. Павленок (Институт археологии и этнографии СО РАН) обрисовал поразительные по размаху работы новосибирских коллег по палеолиту Вьетнама, Монголии, Алтая и Средней Азии. В докладе И. Л. Тихонова (Санкт-Петербургский университет) были прослежены этапы взаимодействия петербургской академической и университетской археологии. Подлинной сенсацией стали проведенные ИИМК РАН под руководством С. Л. Соловьёва и В. Л. Мыца раскопки на Историческом бульваре Севастополя, позволившие на широкой площади изучить остатки легендарного Четвертого бастиона и воссоздать многие новые страницы героической обороны города в 1854–1855 гг.

Вечером того же дня участники собрания были приглашены на открытие выставки «Боги, люди, герои. Из собрания Национального археологического музея Неаполя и Археологического парка Помпеи», развернутой в Манеже Малого Эрмитажа.

Второй день работы конференции проходил в здании ИИМК. Была представлена серия развернутых выступлений, раскрывающих различные стороны многогранной деятельности института от изучения древнейших памятников до нового времени. С. А. Васильев рассказал о масштабных работах Отдела палеолита, охватывающих огромные территории Евразии от Закавказья до Якутии. Е. М. Колпаков продемонстрировал впечатляющие результаты изысканий Кольской экспедиции, включая исследование и музеефикацию уникальных сосредоточений петроглифов на Канозере и в Чальмн-Варрэ. В докладе Н. Н. Скакун была дана характеристика современного состояния экспериментально-трасологических исследований в археологии на примере анализа серии плиттерочников каменного века. В. С. Бочкарёв предложил новую схему периодизации памятников эпохи бронзы юга Восточной Европы, основанную на смене технологии металлообработки. В. А. Трифионов рассказал

об изучении ранних дольменов эпохи бронзы на Северо-Западном Кавказе, а Л. Б. Кирчо сообщила об истории и нынешнем состоянии ленинградской/петербургской школы археологии Средней Азии. Исследования ИИМК РАН в центре Азии стали темой доклада Н. А. Боковенко. Особым размахом отличался доклад С. Ю. Внукова (ИА РАН), представившего итоги небывалых по объему и результативности полевых работ на античных памятниках Крыма в 2015–2018 гг. В выступлении Ю. А. Виноградова были прослежены основные вехи развития античной археологии в стенах ГАИМК–ИИМК. Старая Ладога, уникальный памятник ранней истории России, стала темой доклада В. А. Лапшина. Наконец, Н. Ф. Соловьёва дала краткую характеристику работ, проводимых ИИМК РАН на новостройках страны, от Крыма и Кубани до Сибири. Особое место в этой деятельности занимает изучение археологии Петербурга.

Выступая в завершившейся собрание общей дискуссии, С. А. Васильев остановился на основных новых моментах в развитии археологической науки в нашей стране, наглядно продемонстрированных на юбилейных конференциях в Москве и Санкт-Петербурге. Среди них — колоссальное расширение объемов работ, в том числе на крупнейших новостройках, изменение сферы интересов археологии, включающей ныне изучение памятников недавнего прошлого, сдвиги в структуре академической науки (формирование активно действующих региональных центров в Казани и Крыму). Особенно отрадно видеть возобновление традиционных контактов между ведущими научными центрами России и бывших советских республик, ныне стран СНГ. В дискуссии также приняли участие А. Н. Кирпичников, С. Н. Савенко (Пятигорский музей), К. К. Павленок, В. А. Алёшкин и В. А. Лапшин.

*С. А. Васильев
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории
материальной культуры РАН*

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К юбилею Г. И. Зайцевой

11 июля 2020 г. юбилей у Ганны Ивановны Зайцевой, старшего научного сотрудника Лаборатории археологической технологии. Годом ранее она отметила еще один свой юбилей — 40-летие работы в ИИМК РАН, в который она пришла уже квалифицированным специалистом. После окончания Горьковского политехнического института свою трудовую деятельность Ганна Ивановна начала в Институте полимеров в г. Дзержинске. Вскоре, пройдя обучение в аспирантуре на кафедре органической химии Ленинградского технологического института им. Ленсовета, она переезжает в Ленинград и становится сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института гидролизной промышленности, где проработала 10 лет. В декабре 1979 г. Ганна Ивановна переходит на работу в Ленинградское отделение Института археологии АН СССР (ныне ИИМК) на должность научного сотрудника в Лабораторию археологической технологии, а в 1989 г. становится ее руководителем.

Инициативность и лидерские способности Ганны Ивановны позволили ей переснастить радиоуглеродную лабораторию и постоянно проводить модернизацию оборудования, тем самым повышая качество и достоверность анализов. Под ее руководством был создан обширный банк данных радиоуглеродных дат, как отдельных памятников, так и целых археологических культур от палеолита до средневековья. Благодаря активности и научной целеустремленности Ганны Ивановны для подтверждения достоверности радиоуглеродного датирования в течение 12 лет лаборатория трижды участвовала в Международном контроле радиоуглеродных

Г. И. Зайцева

G. I. Zajceva

лабораторий, проводившихся департаментом статистики Университета г. Глазго, что позволило вывести нашу лабораторию на уровень ведущих однопрофильных лабораторий мира по качеству проводимых анализов. Для проведения отбора образцов для радиоуглеродного датирования Ганна Ивановна сама неоднократно принимала активное участие в различных экспедициях. Результаты исследований постоянно докладываются сотрудниками лаборатории на российских и международных конференциях.

Прекрасные организаторские способности Ганны Ивановны позволили в 2007 г. провести в Санкт-Петербурге на базе ИИМК международную конференцию «Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях», посвященную 50-летию Лаборатории археологической технологии.

Ганной Ивановной опубликовано более 100 научных работ, также она входит в число авторов двух коллективных монографий (Радиоуглеродная хронология Северной Евразии. СПб.: Теза, 2004; «Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология». СПб.: Теза, 2005). Она также является редактором сборника «Радиоуглерод в археологических и палео-

экологических исследованиях» (СПб.: Теза, 2007) и автором нескольких статей в нем, а в течение нескольких лет входила в редколлегию польского журнала «Геохронометрия». Своими научными знаниями она охотно делится с молодежью, так, на протяжении нескольких лет Ганна Ивановна на кафедре археологии СПбГУ читала курс «Естественные методы в археологии», а также цикл лекций для молодых археологов по теме «Методы стабильных изотопов в исследовании археологических объектов».

Редакция «Археологических вестей» от всей души желает Ганне Ивановне крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и творческих успехов!

К 70-летию А. Н. Егорькова

Александр Николаевич пришел в Институт истории материальной культуры в начале 1994 г. уже сложившимся химиком-аналитиком, одним из лучших аналитиков в Ленинграде.

До этого Александр Николаевич в 1967–1972 гг. учился в Ленинградском технологическом институте (ЛТИ) им. Ленсовета, где за годы учебы освоил две специальности — технология основного органического и нефтехимического синтеза и процессы и аппараты химической технологии. После успешного окончания института был направлен на учебу в аспирантуру в Чехословакию, в Пражский химико-технологический институт, которую закончил в 1975 г. и защитил диссертацию, получив степень кандидата технических наук. Во время учебы в аспирантуре прошел хорошую школу по методам инструментального химического анализа. После окончания аспирантуры работал на кафедре технологии нефтехимических и углехимических производств ЛТИ им. Ленсовета, сначала в должности младшего научного сотрудника, а затем — научного сотрудника. За время работы неоднократно посещал Прагу, где в своем институте имел возможность работать на высококласных аналитических приборах. В результате этой работы опубликовал свыше трех десятков статей в академических журналах, посвященных изучению химической структуры керогена сланцев различных отечественных и зарубежных месторождений. В 1990 г. он переходит на работу во ВНИИ охраны труда на должность заведующего аналитической лабораторией, где и работал до закрытия института.

А. Н. Егорьков

A. N. Egor'kov

С начала 1994 г. начинает трудиться в ИИМК РАН в качестве старшего научного сотрудника лаборатории археологической технологии, сменив на этой работе ушедшего на пенсию аналитика В. А. Галибина. С 2001 г. становится заведующим лабораторией, проработав на этой должности более 15 лет. На этом посту он проявил себя как ответственный руководитель. Научно-практическая деятельность Александра Николаевича связана с определением химического состава

археологического материала инструментальными методами, в основном при помощи оптико-эмиссионной спектрографии. Объектами исследования этим методом стали археологические артефакты из стекла и медных сплавов из разных регионов России и ближнего зарубежья.

Серия работ Александра Николаевича посвящена возможностям и разработке аналитических методов, а также принципам интерпретации результатов анализа. А. Н. Егоров является автором свыше полутора сотен

печатных трудов, половина из которых опубликована в рецензируемых изданиях, а также в ближнем (Украина, Молдова, Эстония) и дальнем (Чехия, Франция, Финляндия, США) зарубежье. Он неоднократно принимал участие в международных конференциях в нашей стране и за рубежом.

Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет Александра Николаевича с юбилеем! Желаем нашему юбиляру дальнейших творческих успехов, жизненной энергии, крепкого здоровья и бодрости!

К 70-летию Ю. А. Виноградова

12 сентября 2020 г. исполняется 70 лет ведущему научному сотруднику Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, доктору исторических наук Юрию Алексеевичу Виноградову. С одной стороны, это возраст немалый, но с другой — у него за спиной огромный научный опыт, позволяющий пребывать на пике своих возможностей.

Свой путь в науку он начал почти пятьдесят лет назад, еще будучи студентом кафедры археологии исторического факультета ЛГУ. Большую роль в том, что Ю. А. Виноградов связал свою жизнь с изучением античных памятников Северного Причерноморья, сыграл полевой сезон 1972 г., проведенный на раскопках Илурата в Восточном Крыму. Руководивший исследованием этого городища начальник Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР И. Г. Шургая и стал его настоящим учителем, хотя среди тех, кто впоследствии повлиял на формирование молодого ученого, можно упомянуть и других известных археологов: Е. Г. Кастанаян, А. Н. Щеглова, К. К. Марченко.

В 1976 г., после окончания учебы в ЛГУ, началась его плодотворная работа в нашем Институте, где он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI–III вв. до н. э.» (1990), а спустя двенадцать лет и докторскую — «Греки и варвары на Боспоре Киммерийском в доримскую эпоху». Здесь он в 2006–2012 гг. возглавлял Отдел истории античной культуры, во многом определив направления его дальнейшей работы.

Полевая деятельность Ю. А. Виноградова с самого начала отличалась удивительным разнообразием. Помимо раскопок в Илурате

Ю. А. Виноградов

Yu. A. Vinogradov

и Порфмии он участвовал в работе Тарханкутской, Нижнебугской, Нижнедонской и Ольвийской экспедиций, а после Южно-Туркменской экспедиции у него проснулся интерес к восточной археологии. Самостоятельный этап в его профессиональной карьере начался в 1982 г., когда после перерыва в восемнадцать лет был воссоздан Мирмекийский отряд Боспорской экспедиции. С конца 1990-х гг., в силу разного рода обстоятельств, деятельность Ю. А. Виноградова переместилась на другую сторону Керченского пролива,

где уже зрелый ученый возглавил Бугазский отряд Боспорской экспедиции, ведущий раскопки античного поселения Артющенко-1 на Таманском полуострове. Стоит отметить, что научные интересы Юрия Алексеевича всегда были на стыке исследований древней истории Запада и Востока. Неслучайно 35 лет назад он вошел в состав Советско-Йеменской (впоследствии Российско-Йеменской) комплексной экспедиции на юге Аравийского полуострова и острове Сокотра. Позднее было положено начало сотрудничеству в изучении этого региона и соседнего Омана с немецкими и итальянскими коллегами.

Для всех работ Юрия Алексеевича Виноградова характерны широкий кругозор и фундаментальность. Среди них следует особо выделить книги, посвященные военному делу Северного Причерноморья: научно-популярные издания «„Там закололся Митридат...“: Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху (VI–I вв. до н. э.)» (СПб.; М., 2004), «Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э. — IV в. н. э.)» (СПб., 2006), «Военная история Боспорского царства» (М., 2017) и монографию «Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. – III в. н. э.)» (СПб., 2009) (две последние в соавторстве с В. А. Горончаровским). В последние годы вышли его книги, посвященные исследованию памятников Боспора. Это, прежде всего, «Страницы истории боспорской археологии. Эпоха Императорской археологической комиссии (1859–1917)» (Симферополь; Керчь, 2012) и «Древности Боспора Киммерийского в рисунках К. Р. Бегичева и Ф. И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН)» (Симферополь; Керчь, 2017). Совместно с В. Н. Зинько и Т. Н. Смекаловой написана коллективная монография «Юз-Оба. Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. I. История изучения и топография» (Симферополь; Керчь, 2012). Второй том

этого издания был подготовлен в соавторстве с его учеником, сотрудником Эрмитажа А. М. Бутягиным: «Курганный некрополь аристократии Боспора. Т. II. Курганы на мысе Ак-Бурун» (Симферополь; Керчь, 2014). Ранее результатом их совместного творчества стали такие небольшие книги, как «Мирмекий в свете новых археологических исследований» (СПб., 2006) и «Мирмекийский саркофаг» (СПб., 2016), опубликованные издательством Гос. Эрмитажа. Там же вышло всестороннее исследование Ю. А. Виноградова относительно одного из уникальных античных памятников, найденных на Боспоре — «Большой лекиф Ксенофанта» (СПб., 2007).

Нельзя не сказать и об исследовательских проектах, успешно выполнявшихся под руководством Юрия Алексеевича сотрудниками ИИМК и завершавшихся выходом в свет научных изданий. Приведем здесь лишь два последних: «Элита Боспора Киммерийского: традиции и инновации в аристократической культуре доримского времени» (Керчь, 2017) и «Античная декоративная живопись Боспора Киммерийского: от графической фиксации к фотографии» (СПб., 2017).

На протяжении многих лет Юрий Алексеевич занимается подготовкой аспирантов и соискателей. Под его руководством защитили диссертации несколько кандидатов наук. Он входит в редколлегии многих отечественных и зарубежных журналов. Заслуги Ю. А. Виноградова в области археологии получили высокую оценку не только в нашей стране: он является членом-корреспондентом Германского археологического института, а недавно получил благодарность президента Переходного совета Южного Йемена Айдаруса Касима аль-Зубейди.

От имени всех друзей и коллег редакция «Археологических вестей» поздравляет дорогого юбиляра, желает ему новых научных поисков и открытий, а главное — крепкого здоровья, успехов и долгих лет жизни!

К юбилею В. Я. Стёганцевой

1 ноября 2020 г. юбилей отмечает Вероника Яковлевна Стёганцева — исследователь древностей энеолита и бронзового века южнорусских степей и Предкавказье.

Интерес к археологии пробудился у Вероники Яковлевны еще в школьные годы. В 1970 г., спустя три года после окончания средней школы в г. Кадиевка (ныне г. Стаханов), она поступила на кафедру археологии Ленинградского государственного университета. Круг научных интересов Вероники Яковлевны определился уже в студенческие годы, когда она проходила полевую практику в экспедициях, которые исследовали древние курганы европейской части степной зоны СССР. Вероника Яковлевна специализировалась в области археологии среднего бронзового века юга России. После окончания в 1975 г. учебы на кафедре археологии ЛГУ она продолжила археологические изыскания на юге России, работая вначале младшим научным сотрудником Северско-Донецкой экспедиции Института археологии АН УССР (Киев), а затем в течение пяти лет (1976–1980 гг.) — старшим лаборантом Донской, впоследствии Северо-Кавказской, экспедиции Института археологии АН СССР (Москва). За эти годы Вероника Яковлевна приобрела богатейший полевой опыт и стала высокопрофессиональным специалистом в области изучения культур катакомбного круга.

Научная деятельность Вероники Яковлевны в стенах ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) началась в январе 1981 г., когда она была зачислена в штат Лаборатории камеральной обработки на должность старшего лаборанта.

В. Я. Стёганцева

V. Ya. Stegantseva

С этого времени Вероника Яковлевна принимала активное участие в полевых и издательских работах Кубанской экспедиции — крупнейшего новостроечного проекта института в 1980–1990-е гг. Она является автором ряда

статей по археологии энеолита — бронзового века юга Восточной Европы.

Вероника Яковлевна много лет успешно работает в издательских группах института, выпускающих два важнейших периодических издания ИИМК РАН — «Археологические вести» и «Записки ИИМК РАН». Она скрупулезно и добросовестно делает свою работу, всегда добиваясь максимально высокого качества иллюстраций и таблиц, — от этого зависит притягательность издания для читателей. Вероника Яковлевна принимает деятельное участие в общественной

деятельности института по профсоюзной линии.

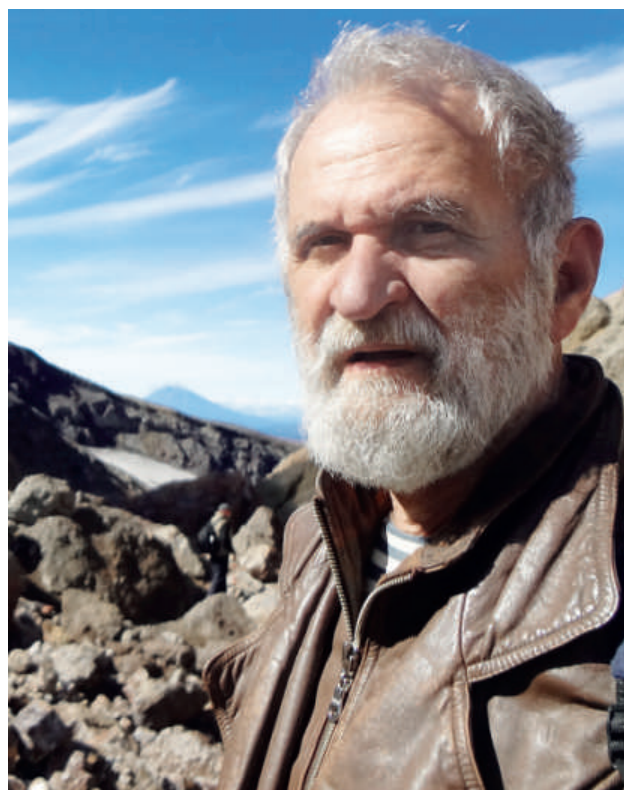
Она отличается лучшими человеческими качествами: отзывчивостью, умением понять человека и прийти ему на помощь. За все это мы ценим и уважаем Веронику Яковлевну.

Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет Веронику Яковлевну, желает ей новых творческих успехов и крепкого здоровья! Надеемся, что и впредь она будет радовать нас своей обаятельной улыбкой, доброй шуткой и готовностью поддерживать коллег и друзей!

К 70-летию А. В. Субботина

22 июля 2020 г. исполнилось 70 лет Андрею Викторовичу Субботину — известному исследователю древностей Сибири железного века.

Андрей Викторович пришел в науку совсем молодым исследователем. Завершив в 1972 г. обучение на кафедре археологии Ленинградского государственного университета, он приобрел разносторонние навыки полевых изысканий в экспедициях под руководством Л. С. Клейна и В. М. Массона, участвуя в раскопках курганов на юге России (Ростовская обл.) и древнеземледельческого поселения Алтын-депе (Туркменистан). Однако применение этих навыков на практике пришлось отложить на три года. Сразу же после получения университетского диплома Андрей Викторович был призван на службу в Советскую армию, а после демобилизации недолгое время трудился в Государственном музее этнографии народов СССР. С декабря 1974 г. начал работать лаборантом в Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), существовавшей на условиях хоздоговорного финансирования. Работая в этом коллективе, он окончательно определил основную область своих научных интересов — археология эпохи ранних кочевников Сибири. Приобретенный им ранее разносторонний полевой опыт он с успехом стал использовать при раскопках древних курганов на юге Сибири. С 1977 г. Андрей Викторович продолжил свои научные изыскания в составе Сибирской новостроечной экспедиции, где прошел путь от рядового сотрудника до ее начальника. В 2004 г. Сибирская экспедиция завершила свои работы. К этому

А. В. Субботин

A. V. Subbotin

времени ученый успешно защитил в ИИМК РАН (2001 г.) кандидатскую диссертацию «Динамика развития тагарской культуры». Его научным руководителем являлся доктор исторических наук Д. Г. Савинов.

После защиты квалификационного исследования Андрей Викторович становится младшим, а затем и старшим научным сотрудником Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН. Вскоре его назначают руководителем группы археологического мониторинга ИИМК РАН, вследствие

чего резко возрастает объем его работ в сфере охраны памятников истории и культуры. Много времени он стал уделять археологическим разведкам. В 2011 г. Андрей Викторович возвращается в Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Он возглавляет работы Северо-Кавказской и Калининградской экспедиций. К настоящему времени ученый осуществил около 50 полевых сезонов.

Андрей Викторович ввел в оборот значительный корпус источников по тагарской культуре и ряду других археологических объектов Южной Сибири. Основные результаты его исследований опубликованы в 60 статьях, монографии «Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически раскопанных могильников)» (СПб., 2014), а также в семи коллективных

монографиях. Эти научные труды являются существенным вкладом автора в решение дискуссионных проблем археологии Сибири финального этапа бронзового и железного веков.

Исследования Андрея Викторовича известны и зарубежной науке. Он является действительным членом ИКОМОС (Международная организация охраны памятников, подразделение ЮНЕСКО) и в настоящее время выполняет обязанности Председателя ИКОМОС Санкт-Петербурга.

Андрей Викторович пользуется в коллективе ИИМК РАН заслуженным уважением.

Редакция «Археологических вестей» от всей души поздравляет юбиляра, желает ему новых творческих успехов и крепкого здоровья!

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ И ИССЛЕДОВАНИЯ

К вопросу об эволюции эоплейстоценовых каменных орудий на территории Восточно-Европейской равнины¹

Н. К. Анисюткин²

Аннотация. В статье, посвященной материалам раннепалеолитической стоянки Байраки, анализируются каменные орудия из эоплейстоценовых слоев 3–5. Речь идет о сложных формах галечных орудий с элементами аккомодации и о стандартных орудиях, в их числе скребки на отщепках и клювовидные орудия типа bill-hook. Последние образуют четкие серии. Присутствие в каменных индустриях стандартных форм говорит о начале процесса эволюции в конце олдованской эпохи (позднее 1 млн лет).

Annotation. This article, dealing with materials from the Early Palaeolithic site of Bayraki, analyses the stone tools from its Eopleistocene layers 3–5. The forms concerned are complex pebble tools with elements of accommodation and standard tools including end scrapers on flakes and becs of the bill-hook type. The latter tools form distinctive series. The presence of standard forms in stone industries indicates the beginning of the process of evolution in the end of the Oldowan epoch (later than 1 million years).

Ключевые слова: Восточная Европа, олдован, сложные галечные орудия, стандартные формы на отщепках, эволюция.

Keywords: Eastern Europe, Oldowan, complex pebble tools, standard forms on flakes, evolution.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-24-37

Введение

Открытие древнейших местонахождений эоплейстоценового³ возраста в Восточной Европе явилось важным научным событием первобытной археологии. Одним из результатов этих открытий следует считать не только значительное удревнение времени появления предков ископаемого человека на огромных

просторах этой части Евразии, но и возможность более детального анализа каменных орудий столь раннего возраста. Подобные исследования неопценимы для понимания эволюции когнитивных способностей древнейших представителей Homo. Как правило, в большинстве научных публикаций, посвященных комплексам орудий олдована, основное внимание всегда акцентировалось на архаичности обнаруженных артефактов. До сих пор господствует представление об орудиях этого периода как очень примитивных. «Для олдувайской эпохи характерны грубо обработанные изделия, среди которых, как правило, трудно выделить четкие, устойчивые типы» (Вишняцкий, 2005. С. 174). Считается установленным, что в это время не было развития. В течение более миллиона лет каменные

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184–2019–0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Отдел палеолита, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ В российской геологии понятие эоплейстоцен соответствует понятию ранний плейстоцен европейских ученых.

индустрии оставались неизменными. В этом случае можно говорить об очевидном технологическом стагнате (*Там же*. С. 176).

Данное заключение основано на материалах с территории Африки, где олдован установлен и прослежен на гигантском отрезке времени — более 2,5 млн лет. Эта тенденция как будто выявляется и на вновь обнаруживаемых комплексах данного типа с территории Евразии. По данным известного французского исследователя палеолита Анри де Люмлея, предки ископаемого человека появились в Европе около 1,5 млн лет (*Lumley et al.*, 2009). Эту дату можно считать вполне обоснованной, невзирая на возражения некоторых исследователей, сомневающих в достоверности подлинных артефактов и датировок для таких опорных памятников европейского Средиземноморья, как грот Валлоне в Южной Франции и открытых местонахождений в районе Орсе (Барранка Леон и Фуенте Нуэва) в Испании (*Деревянко*, 2015. С. 339). Правда, данные возражения лишены доказательств. Реальность этих всемирно известных археологических объектов, признанных подавляющим большинством видных европейских ученых, не может вызывать сомнений. Имеющиеся публикации дают однозначное представление о них как о подлинных местонахождениях с обоснованными датировками и достоверными каменными изделиями. И если в гроте Валлоне с датировкой около 1 млн лет назад найдено мало артефактов, то на более ранних местонахождениях Испании (1,4 млн лет назад) — Барранка Леон и Фуенте Нуэва — они достаточно многочисленны и весьма выразительны. К этому же времени относится известное местонахождение Сима дель Элефанте в Атапуэрке.

Отсюда очевиден вывод, что первые представители рода *Номо* появились в Европе уже около 1,5 млн лет. Более того, сейчас имеются веские основания для существенного удревнения этой даты. Об этом свидетельствует несколько новых местонахождений с надежной стратиграфией, происходящих с прилегающих территорий Северного Кавказа и Тамани, с обширными коллекциями каменных изделий и фауны (*Щелинский, Кулаков*, 2007; *Амирханов*, 2007, 2016; *Щелинский*, 2014;

Анойкин, 2017; *Кулаков*, 2019). Эти данные хорошо согласуются с материалами из Закавказья, включая Армению и Грузию, в их числе хорошо известные комплексы Дманиси, где найдены более древние местонахождения с многочисленными антропологическими находками (*Любин, Беляева*, 2010; *Беляева, Любин*, 2014; *Ниорадзе*, 2010). В настоящее время существует данные, согласно которым древнейшие колонисты появились на Северном Кавказе уже около 2 млн лет (*Анойкин*, 2017).

Весьма выразительные коллекции каменных артефактов происходят с территории Балкан. Здесь в нижних слоях болгарской пещеры Козарника найдена каменная индустрия возрастом около 1,6 млн лет (*Иванова*, 2009).

Очень важные местонахождения, сопоставляемые с позднейшим олдованом, возрастом около 1 млн лет, найдены недавно на юге Восточно-Европейской равнины и в Крыму. Речь идет о таких памятниках, как Байраки и Крецешты в Приднестровье, а также крымском местонахождении Коз (рис. 1). На них обнаружены серии каменных орудий (*Анисюткин и др.*, 2012; 2015; *Анисюткин*, 2017а). Эти факты были положены в основу гипотезы известного российского палеогеографа А. Л. Чепалыги о заселении Европы с территории Кавказа (*Чепалыга и др.*, 2013).

При изучении коллекций данных местонахождений удалось выявить некоторые интересные особенности каменных орудий, включая существование четких серий, которые можно связать с эволюционным процессом. Этим наблюдениям и посвящена данная статья.

Основные источники

В качестве главного источника используются материалы стоянки Байраки, расположенной на древней VII (Кицканской) надпойменной террасе Днестра на окраине города Дубоссары. Здесь в шести слоях найдены показательные серии каменных орудий позднего эоплейстоцена. К сожалению, здесь до сих пор проведены незначительные раскопки, которые, тем не менее, дали выразительные археологические материалы, достаточные для серьезного научного анализа.

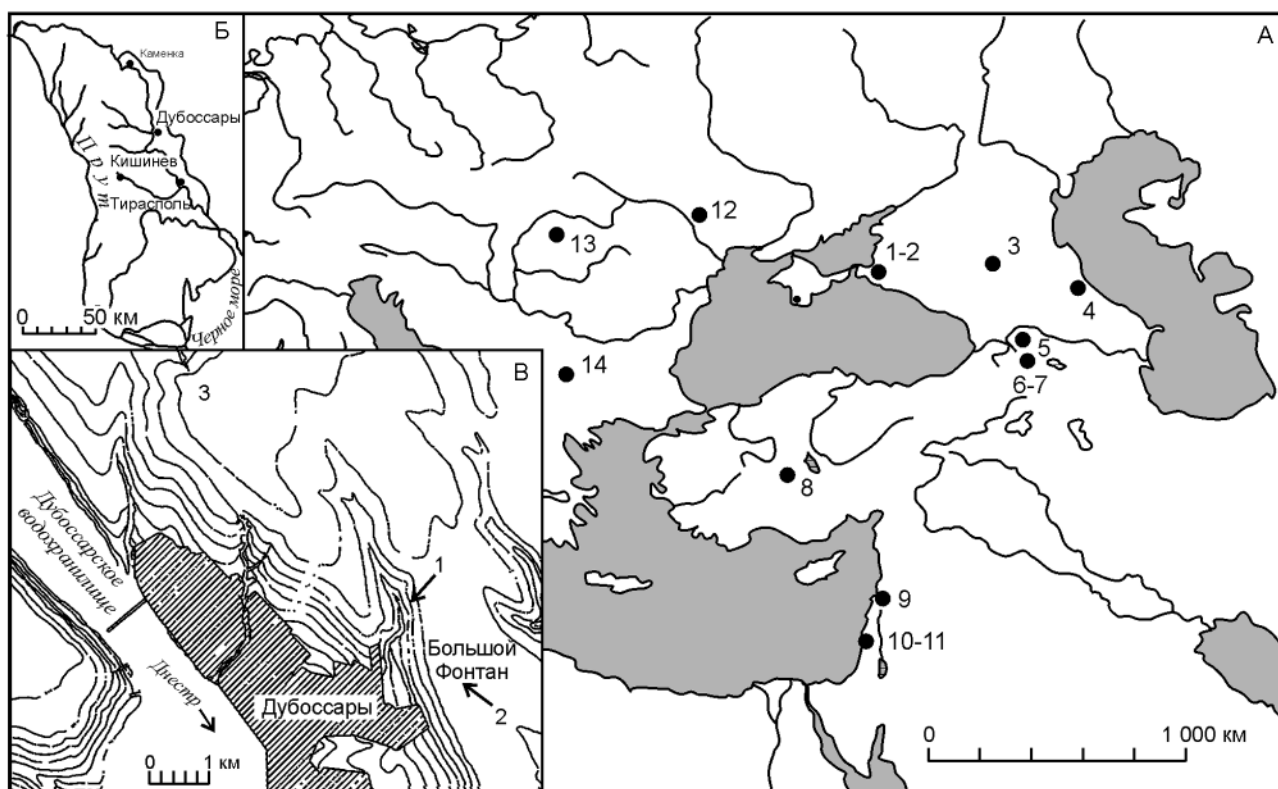

Рис. 1. А. Основные эоплейстоценовые стоянки и местонахождения Восточной Европы и Западной Азии (Щелинский, 2014): 1 — Цимбал; 2 — группа стоянок Таманского полуострова (Синяя балка /Богатыри, Родники, Кермек); 3 — Жуковский?; 4 — группа стоянок Дагестана (Айникаб I-II, Мухкай I-II, Гелашур I-III); 5 — Дманиси; 6 — Куртак; 7 — Карахач; 8 — Дуррсунлу; 9 — Латамн; 10 — Эврон; 11 — Убейдия; 12 — Байраки; 13 — Королево; 14 — Козарника. Б. Карта-схема расположения памятников раннего палеолита Нижнего Приднестровья. В. Карта-схема расположения памятников раннего палеолита в окрестностях г. Дубоссары: 1 — Байраки; 2 — Большой Фонтан; 3 — Крецешты

Fig. 1. A. Major Eopleistocene sites in Eastern Europe and Western Asia (Щелинский, 2014): 1 — Tsimbal; 2 — group of sites on the Taman Peninsula (Sinyaya Balka, Bogatyri, Rodniki, Kermek); 3 — Zhukovsky (?); 4 — sites in Dagestan (Aynikab I-II, Mukhkay I-II, Gelashur I-III); 5 — Dmanisi; 6 — Kurtak; 7 — Karakhach; 8 — Dursunlu; 9 — Latamna; 10 — Evron; 11 — Ubeydia; 12 — Bayraki; 13 — Korolevo; 14 — Kozarnika. Б. — schematic map of locations of Early-Palaeolithic sites in the Lower Dniester region. В. — schematic map of locations of Early-Palaeolithic sites in surroundings of the town of Dubäsary: 1 — Bayraki, 2 — Bol'shoy Fontan, 3 — Crecești

Стоянка Байраки была обнаружена осенью 2010 г. и исследовалась в 2011–2014 гг. комплексной геоархеологической экспедицией, включая археологов из России (ИИМК РАН) и Молдовы (Центр археологии Института культурного наследия АН Молдовы), а также российских геологов и палеогеографов (Институты географии и геологии РАН)⁴.

⁴ Все исследования по геологии и палеогеографии организовал и курировал известный палеогеограф профессор А. Л. Чепалыга (Институт географии РАН).

Каменные орудия и обломки костей ископаемых животных найдены в шести слоях, включая четыре, относящихся к эоплейстоцену (Анисюткин и др., 2012; 2015, Анисюткин, 2017a)⁵.

⁵ Работы были выполнены при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей (Первоначальное заселение человеком Восточной Европы)», а также проектов РФФИ РАН 11-06-12015, ОФИ м-2011, 11-06-00380.

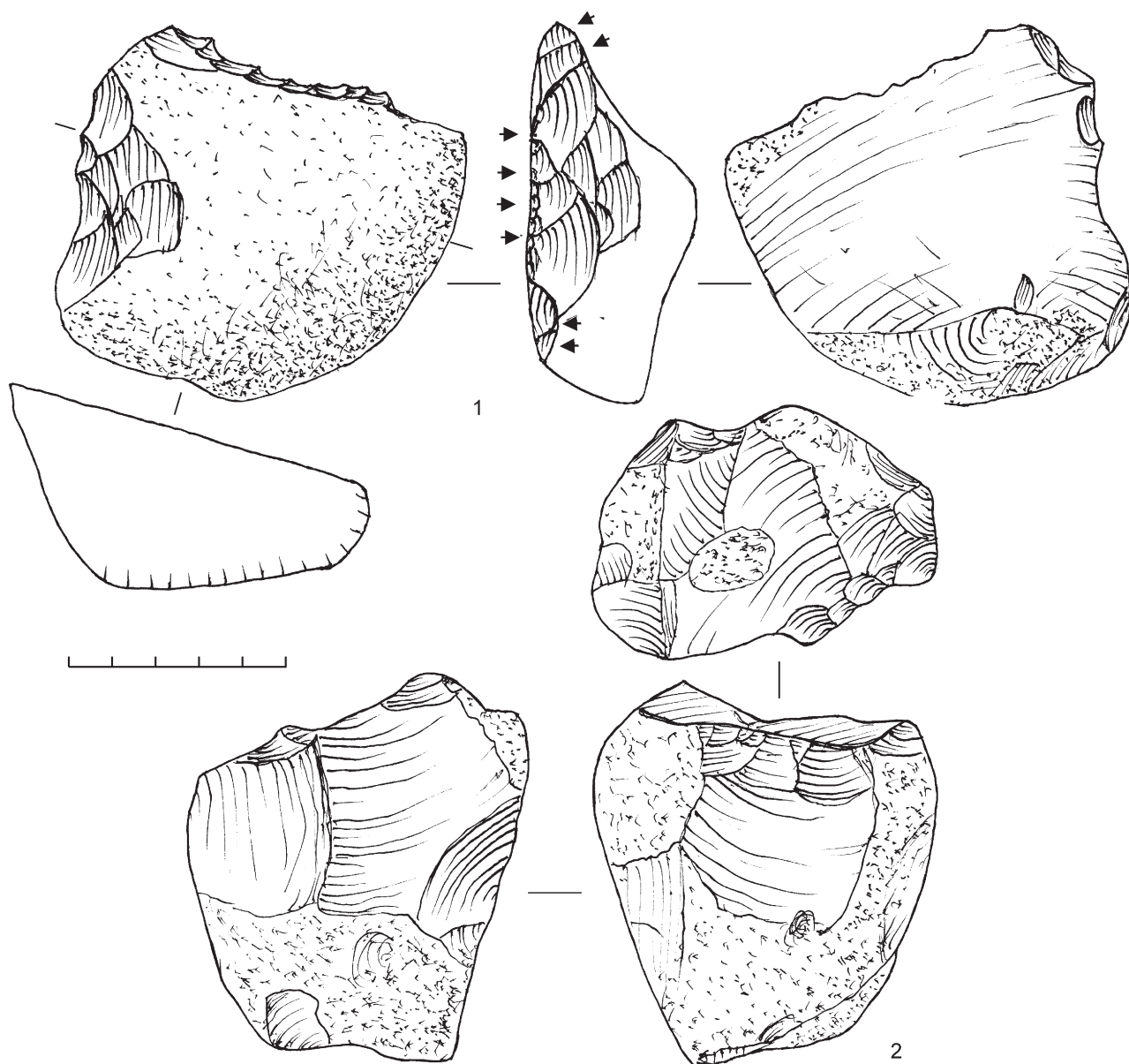

Рис. 2. Байраки: 1 — скребло из кровли эоплейстоценовых отложений; 2 — нуклеус с поверхности эоплейстоценового галечника

Fig. 2. Bayraki: 1 — scraper from the top of the Eopleistocene deposits; 2 — nucleus from the surface of the Eopleistocene shingle bed

1. Самая поздняя стратифицированная находка кремневого артефакта эоплейстоценового возраста происходит из суглинка, расположенного между двумя ископаемыми почвами. Лежащая выше древняя красноцветная почва со слоем 2 соответствует палеомагнитной эпохе Брунес, а нижняя, подстилающая, гидроморфная почва со слоем 3 относится уже к эоплейстоцену. Палеомагнитный анализ

образца суглинка с находкой показал его обратную намагниченность, указывая на финал эпохи Матуяма. В этом случае абсолютный возраст артефакта составляет около 800 тыс. лет⁶.

Артефакт является массивным первичным отщепом крупных размеров, изготовленным из кремня серого цвета. Орудие

⁶ Все исследования были выполнены известным геофизиком В. М. Трубиным (Институт геологии РАН).

имеет небольшую заполированность и покрыто патиной табачного цвета. Его дистальный край оформлен мелкой полукрутой и микрозубчатой ретушью, а боковой, который можно считать основным рабочим элементом, — чешуйчатой. Слабо вогнутое лезвие орудия было ограничено слева и справа несколькими отчетливыми сколами, нанесенными с дорсальной поверхности. Они намеренно выделяли основной рабочий край (рис. 2, 1).

По форме и характеру обработки основного рабочего элемента орудия эта форма близка чопперам, но она отнесена к скреблам на основании типа заготовки. В данном случае было использовано правило, сформулированное Франсуа Бордом, согласно которому к чопперам относятся все орудия из галек или желваков. Формы же из отщепов должны быть описаны как скребла (*Bordes*, 1961. Р. 47).

Возможно, этому скреблу синхронна сделанная ранее находка нуклеуса крупных размеров с ортогональной системой скалывания, изготовленного из низкокачественного серого кремня. Артефакт также имеет люстраж и покрыт патиной табачного цвета (рис. 2, 2). Первоначально данный нуклеус был включен в состав комплекса слоя 5 на том основании, что был найден на поверхности аллювиально-эоплейстоценового галечника, сохранившегося со времен действовавшего карьера (*Анисюткин и др.*, 2012. С. 23). Нуклеус изготовлен из аналогичного скреблу сырья и имеет ту же сохранность поверхностей. Оба предмета, скорее всего, происходят из отложений уничтоженного эрозией культурного слоя.

2. Следующий интересный предмет найден в слое 3 в древней ископаемой гидроморфной почве, которая представлена, по заключению известного почвовед С. А. Сычевой, иллювиально-глеевым горизонтом тяжелого суглинка зеленовато-голубого цвета⁷. Почва сформирована на поверхности пойменного аллювия. Каменные орудия и обломки костей залегают в слое с включениями гальки и гравия.

⁷ Эта почва была выделена и описана почвоведом С. А. Сычевой (Институт географии РАН), проводившей здесь исследования в 2011–2012 гг.

Находки, включая обломок нижней челюсти ископаемой лошади с сохранившимися зубами, определенной как зюссенборнская — *Equus (Allohippus) sussenbornensis* Wust., имеют следы явной древней деформации отложений. Палеомагнитный анализ образца из почвы показал отчетливую аномальную намагниченность, соответствуя, как считают специалисты, одному из позднейших палеомагнитных эпизодов. В слое, который изучен на площади всего около 26 кв. м, было обнаружено 15 каменных изделий, включая три чоппера, два нуклеуса, два скребла на отщепках, шесть отщепов и два обломка со следами обработки.

Особый интерес вызывает крупное орудие, изготовленное из окатанного желвака черного кремня. Предмет слабо заполирован и лишен патины. Это массивное в поперечном сечении орудие имеет два острия, что позволяет рассматривать его как комбинированное, где сочетаются такие формы, как чоппер и пик. Оба заостренных конца выделены полукрутой ретушью. На кончиках острий прослеживаются широкие резцовые сколы, возникшие в результате интенсивного использования. Одной из обращаящих на себя внимание особенностей можно считать наличие выраженных следов дополнительной аккомодации. Речь идет о двух участках отвесной ретуши, находящихся напротив заостренных концов орудия. Эта обработка формирует своего рода «пятки», оббитые крутой, отвесной ретушью, которые удобны для захвата рукой. Последовательность изготовления орудия можно представить так: первоначально на гальке одним сколом была получена очень крупная и глубокая выемка, на краях которой образовались два естественных заостренных конца. Далее эти концы были обработаны фасетками полукрутой ретуши, что превратило их в массивные острия. Затем на противоположных краях оббивкой были сформированы обушки или «пятки», удобные для дальнейшей работы. Как результат интенсивного использования острых концов на их кончиках образовались уплощенные резцовые сколы (рис. 3, 1). Было ли данное пиковидное орудие заранее запланированной формой, или

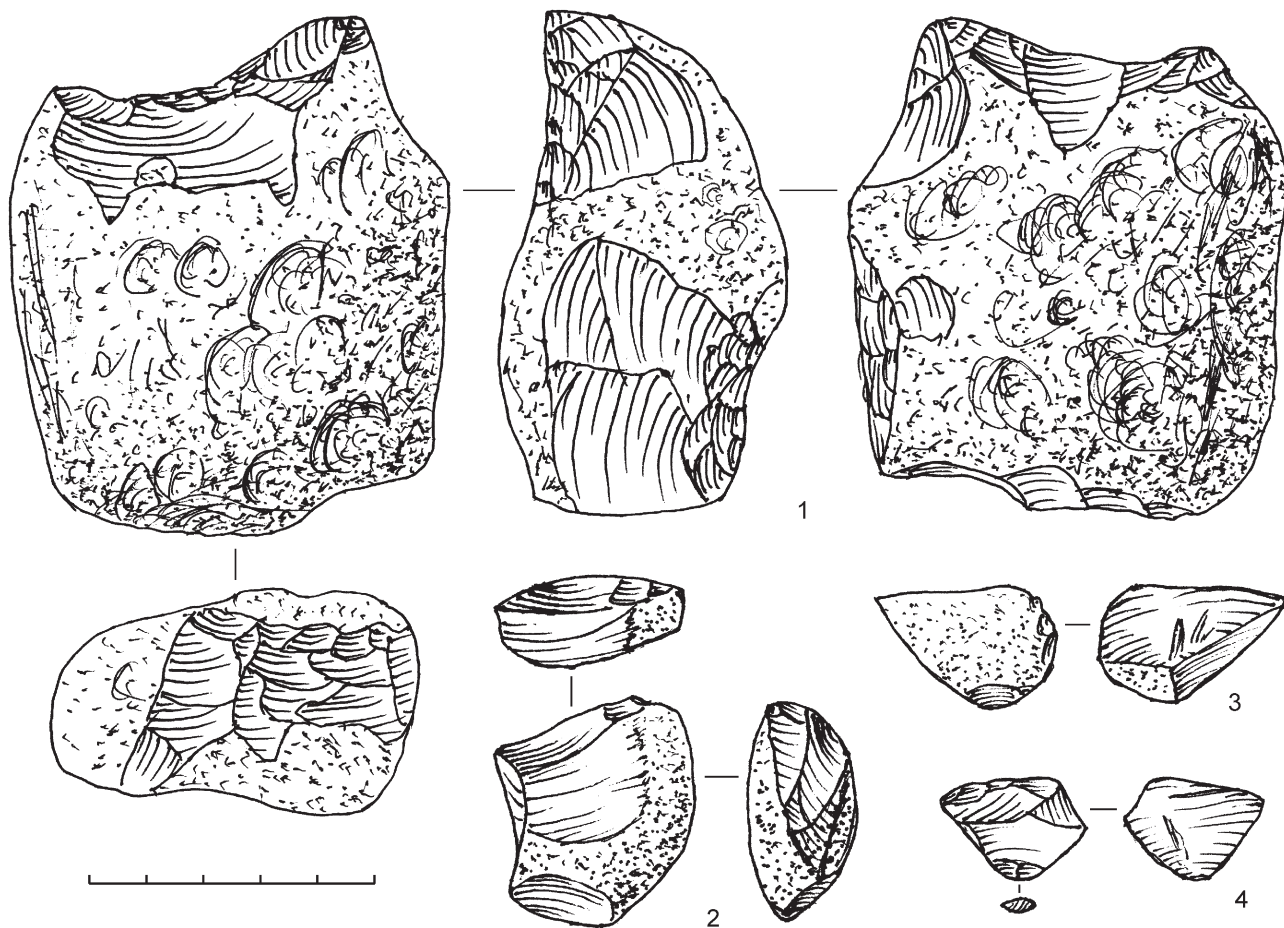

Рис. 3. Байраки. Образцы каменных изделий из слоя 3: 1 — комбинированное орудие чоппер-пик; 2 — чоппер; 3–4 — отщепы

Fig. 3. Bayraki. Examples of lithics from stratum 3: 1 — composite tool: chopper/pick; 2 — chopper; 3–4 — flakes

все отмеченные признаки появилось позднее, уже после использования чоппера с выемчатым лезвием, — на этот вопрос сложно дать однозначный ответ.

3. Хорошая коллекция выразительных орудий происходит из слоя 5, который связан с древними аллювиальными отложениями пляжного типа, представленными прослойками песка и мелкого гравия. Отложения сформированы в эпоху Матуяма, соответствуя палеомагнитному эпизоду харамильо, чей абсолютный возраст равен 990–1070 тыс. лет. В принципе находки каменных орудий и мелких обломков неопределимых костей происходят из нескольких горизонтов, которые можно описать как самостоятельные слои. Четко выделяются три-четыре горизонта

распространения находок. Речь идет о едином комплексе, представленным немногочисленными галечными формами и обильными изделиями на отщепах (около 800 экз.). Имеются чопперы, пики и протобифасы. Среди десятка мелких обломков неопределимых костей найден фрагмент пяточной кости небольшого *Cervidae*.

Особый интерес представляет крупное треугольное орудие грушевидной формы, которое можно описать как пик с двусторонней обработкой. В качестве заготовки использован желвак черного кремня низкого качества, в котором прослежены обильные каверны. Показательно, что из этого желвака кремня, пронизанного кавернами, невозможно было получить качественные отщепы. Поэтому

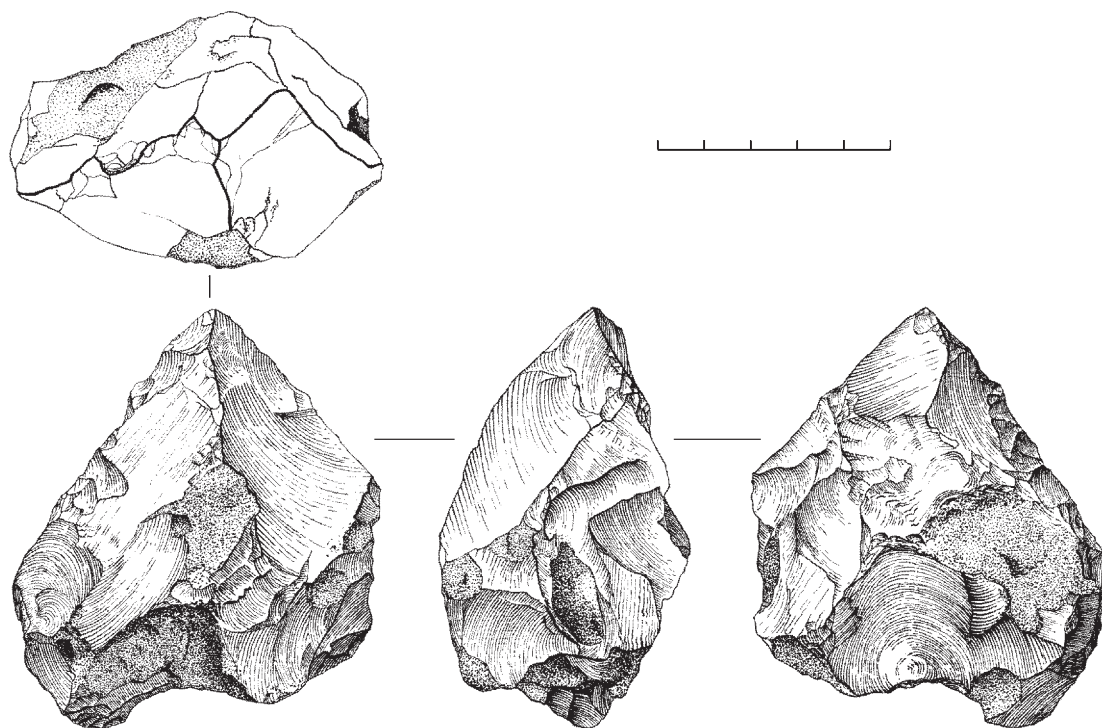

Рис. 4. Байраки. Слой 5. Пиковидное орудие с двусторонней обработкой

Fig. 4. Bayraki. Stratum 5. Bifacially chipped pick-like tool

желвак не мог быть нуклеусом и использован лишь для изготовления нуклевидного, крупного и массивного орудия, которое при помощи двусторонней оббивки было преобразовано в пиковидную форму. Массивная «пятка» или обушок также несут следы обработки контрударной ретушью, делая эту часть орудия удобной для захвата рукой. Интенсивно использовался заостренный верхний конец с трехгранным поперечным сечением, обработанный грубой, интенсивной ретушью, которая распространялась вдоль одного из краев. Этот бифас-пик может рассматриваться как комбинированное орудие (рис. 4). Второе, аналогичное, но менее выразительное, орудие имеет мелкие размеры. Здесь также прослеживается двусторонняя обработка острого конца, для которого характерно трехгранное сечение. В отличие от первого образца, здесь нет специально выделенной «пятки».

Наибольший интерес вызывает серия орудий на отщепках. Это, прежде всего, клювовидные орудия, сопоставимые с формами типа bill-hook, впервые выделенными в клектоне Англии (Warren, 1951; Bordes, 1984. P. 70).

Данные орудия выявлены на ряде комплексов раннего и среднего палеолита Евразии, включая, например, ашель пещеры Кударо 1 на Кавказе (Любин, Беляева, 2004. С. 221) и тайяк междуречья Днестра и Прута.

В коллекции слоя 5 эти сложные формы, обладающие четко выраженными признаками, представлены многочисленной серией (19 экз.). Как правило, выемка, расположенная на углу дистального конца отщепа, создает заостренный «клюв», который является основным рабочим элементом (Анисюткин, 2017б). Кончик обычно имеет следы утилизации в виде отдельных фасеток или микрорезцовых сколов (рис. 5, 1–4).

Среди многочисленных скребковидных форм слоя 5 обнаружена небольшая (4 экз.), но четкая серия выразительных скребков на мелких отщепках. Они имеют сходные размеры и аналогичную систему обработки рабочих краев (рис. 5, 5–8). Относительно обильная серия нуклевидных скребков каренэ не отличается единообразием признаков. Эти скребки имеют разные размеры и не всегда четко отличаются от нуклеусов (рис. 6).

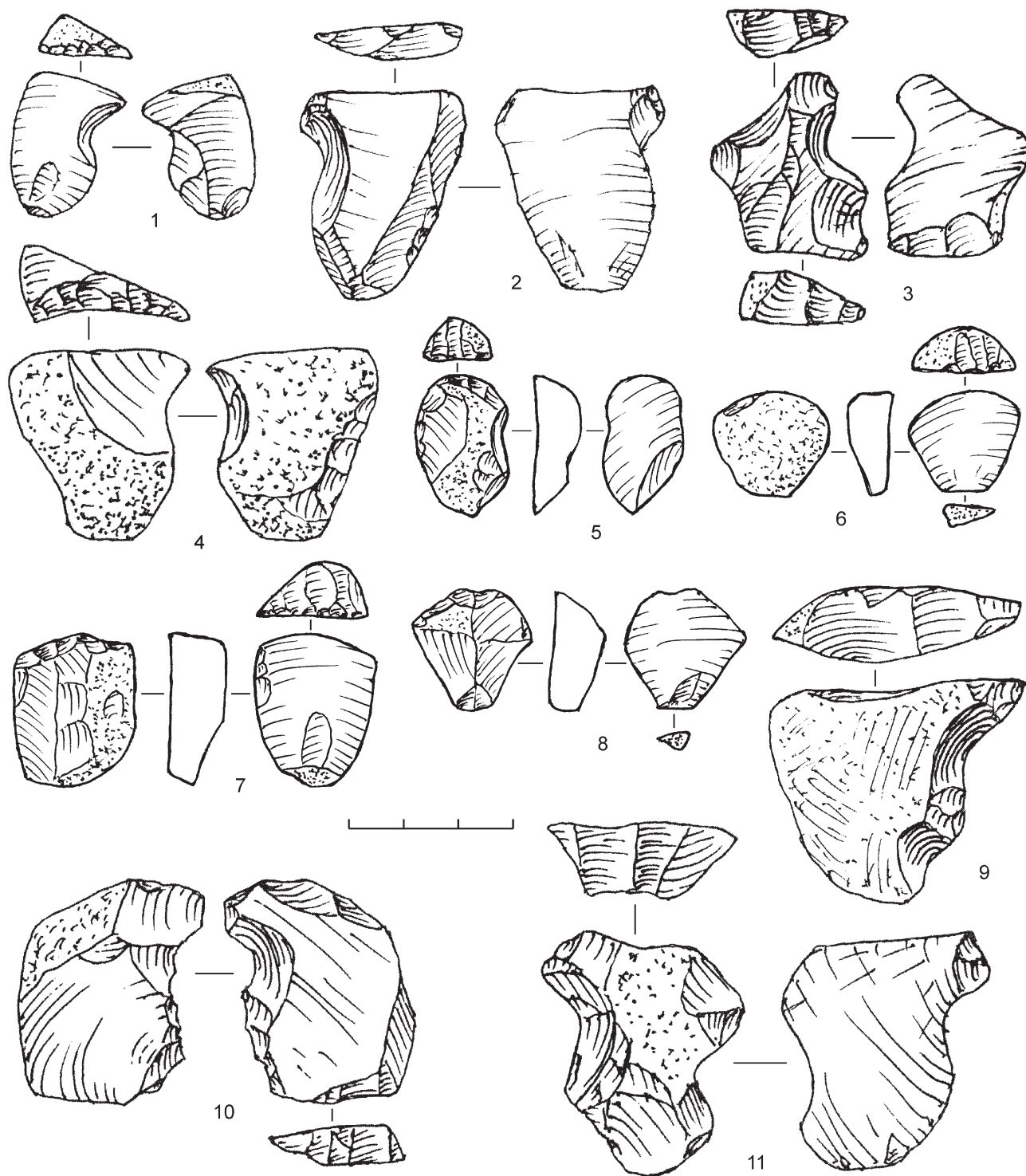

Рис. 5. Байраки. Слой 5. Орудия на отщепах: 1-4 — клювовидные орудия (bill-hooks); 5-8 — скребки
Fig. 5. Bayraki. Stratum 5. Tools on flakes: 1-4 — bill-hooks; 5-8 — end scrapers

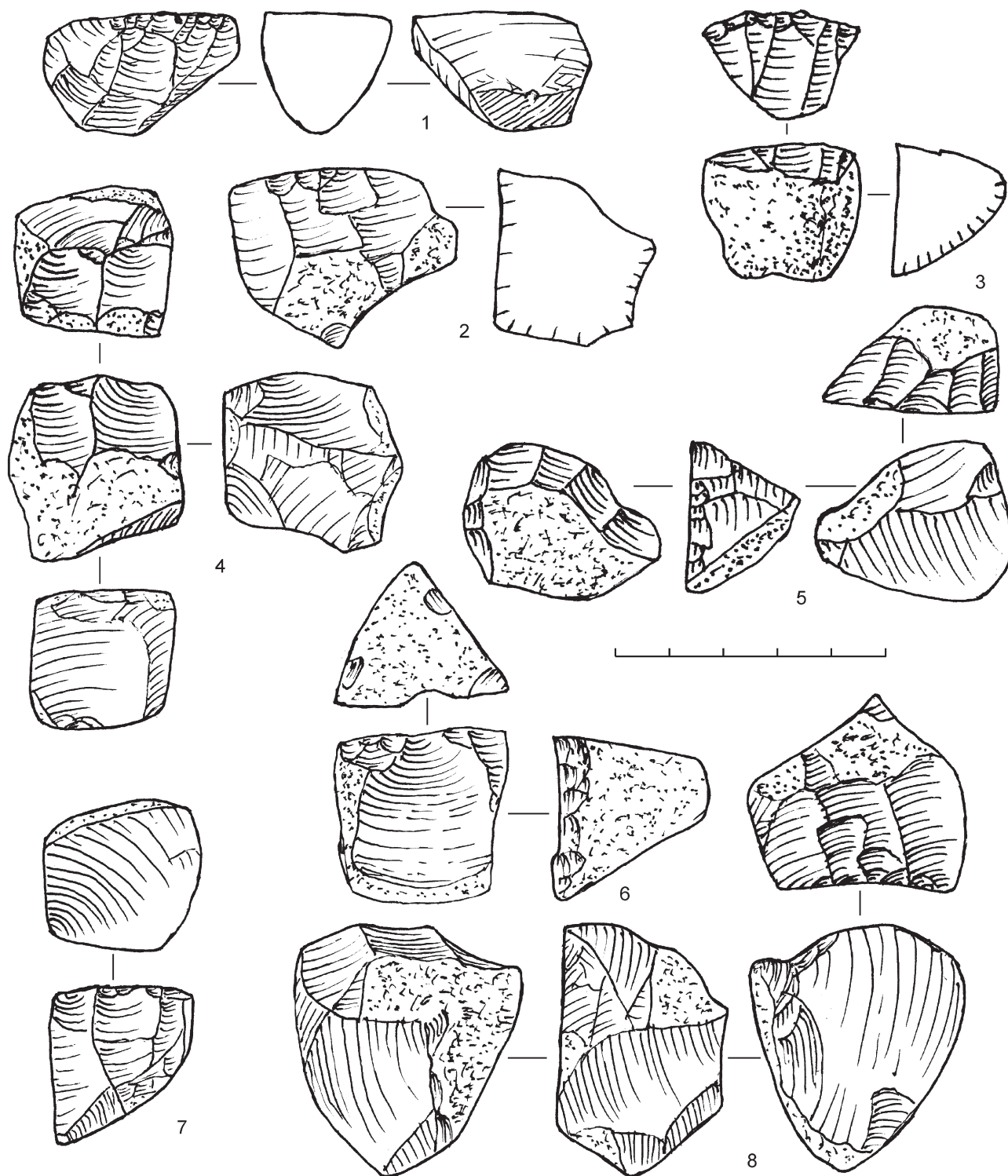

Рис. 6. Байраки. Слой 5. Образцы нуклевидных форм: 1-3, 5, 6, 8 — скребки каренэ (нуклевидные); 4, 7 — нуклеусы

Fig. 6. Bayraki. Stratum 5. Examples of core-shaped forms: 1-3, 5, 6, 8 — carinated scrapers (core-shaped); 4, 7 — nuclei

Обсуждение материалов

Каменные орудия, обнаруженные в эоплейстоценовых слоях стоянки Байраки, достаточно разнообразны. Среди них, кроме немногочисленных галечных форм, были выделены различные скребла и скребки, острия, клювовидные, зубчатые и выемчатые орудия, изделия с резцовыми сколами.

Отчетливые серии стандартных форм установлены лишь для изделий на отщепе, включая мелкие скребки и клювовидные орудия типа *bill-hook*. Важно особо подчеркнуть специфичность клювовидных орудий, которые обычно малочисленны в коллекциях раннего и среднего палеолита, включая клектон Англии (*Collins, 1968*). Их изготовление, если брать во внимание орудия из слоя 5, требовало необходимых знаний об общей и окончательной форме, ясного представления о заготовках и последовательности их дальнейшей обработки. Часто отщеп, использовавшийся в качестве исходной заготовки, должен быть намеренно фрагментирован для создания необходимой режущей кромки, расположенной на углу облома. Поверхность облома нередко имела вторичную обработку в виде крутой ретуши, формируя своего рода «обушок». Заостренный клювовидный выступ выделен выемкой, которая могла быть как клектонской, так и простой. Режущий кончик преимущественно имеет фасетки мелкой ретуши или плоские резцовые сколы.

В известных мне коллекциях с Таманского полуострова, с которыми я ознакомился благодаря любезности моих коллег В. Е. Щелинского и С. А. Кулакова, эти формы обычно единичны и недостаточно типичны. Похожее клювовидное орудие, возрастом около 800 тыс. лет, выделено в комплексе стоянки Карама на Алтае (*Деревянко и др., 2005*. Рис. 31, 2).

В иных публикациях данные формы не упоминаются вообще. Например, в работе африканских исследователей, связанной с научными изысканиями в Мелка Кунтуре (Эфиопия), похожие орудия были интерпретированы как выемчатые (*Chavaillon, 2004*).

Очень показательной является серия мелких скребков на отщепе из слоя 5 стоянки

Байраки. Они имеют одинаковые размеры и обработку. Это уже явно стандартные формы, в незначительной степени зависимые от качества первичного сырья. Они заметно отличаются от прочих скребков слоя 5.

Мелкие скребки выявлены в комплексах Дагестана и Тамани, где они не всегда отчетливо отличаются от скребел. Среди скребков одного из слоев стоянки Мухкай 2а можно упомянуть форму с явными следами утилизации, которые указывали на использование скребка для скобления по кости и резания мягких тканей (*Амирханов, 2016*. С. 159). В этом плане; очевидно, что скребки индустрий этого времени не были специализированы, как в верхнем или среднем палеолите.

В африканском олдоване подобные орудия были описаны весьма детально. Как отмечала еще Мери Лики, серии скребков на отщепе мелких размеров происходят в Олдувайском ущелье лишь из середины толщи *Bed II*. Наиболее типичные из них были сопоставлены с ногтевидными скребками позднего каменного века Африки, с чем согласились участвующие в дискуссии известные специалисты по африканскому палеолиту (*Leakey, 1967*. Р. 442). Выразительные образцы данных форм опубликованы в монографии М. Лики. Наиболее интересными являются скребки на ударных площадках отщепов (*butt-end-scrapers*). Эти орудия характерны для клектона Англии (*Leakey, 1971*. Fig. 53).

Появление более совершенных галечных орудий и выявление серий орудий на отщепе свидетельствуют о наметившихся изменениях в индустриях этого времени. В данном случае наши материалы являются надежным подтверждением идеи крупнейшего специалиста по палеолиту Х. А. Амирханова, отмечавшего, что основная тенденция развития в олдоване связана с переориентацией индустрий на изготовление разнообразных орудий на отщепе и активным использованием вторичной обработки (*Амирханов, 2016*. С. 180).

Заключение

Приведенные в данной статье наблюдения, основанные на материалах эоплейстоценовой

стоянки Байраки, указывают на очевидные элементы усовершенствования вторичной обработки каменных орудий. Они не касаются всего массива индустрии, распространяясь лишь на отдельные формы. Это явление характерно для галечных форм, но в наибольшей мере оно реально для орудий на отщепках. Для последних уже отмечаются четкие группы стандартизованных форм. В данном случае эти изменения в предварительном плане можно сопоставить с биологической мутацией.

Показательно, что наблюдаемая изменчивость не касается техники первичного раскалывания камня, которая остается практически неизменной на протяжении всей эпохи. Анализ разнообразных археологических источников, включая публикации и доступные коллекции, дает сходную картину: всюду использовались одни и те же приемы, связанные с простейшим однополярным и биполярным раскалываниями, включая дробление. Специально подготовленные нуклеусы отсутствовали. Отщепы получались как с чопперов, так и с нуклеусов. Для изготовления орудий также широко применялись соответствующие по размерам и форме естественные обломки и осколки.

Наблюдаемую вариабельность каменных индустрий, прежде всего, можно увязать со спецификой применяемого сырья. Так, в слое 5 основой для производства подавляющего большинства орудий являлись кремневые желваки и гальки мелких размеров. Из них изготовлена основная часть орудий на отщепках. Напротив, для немногочисленных изделий крупных и средних размеров, включая чопперы, обычно применялись соответствующие по размерам гальки прочного (косоуцкого) песчаника и, реже, низкокачественного кремня. Подобная дихотомия, которая типична для большинства олдованских комплексов, указывает на зависимость размеров орудий от особенностей сырья. Тем не менее наличие в коллекции массы мелких кремневых орудий с четкой вторичной обработкой не делает эту зависимость бесспорной.

Серии орудий стандартных форм указывают на признаки начинающегося развития.

Это происходит, если иметь в виду каменную индустрию слоя 5, около 1 млн лет, то есть в самом конце олдованской эпохи. В это время в Африке уже сосуществуют поздний олдован и ашель с бифасами. В Европе же ашельские каменные индустрии появляются гораздо позднее, лишь около 650–600 тыс. лет (Combiere, 2005).

В одной из публикаций я, учитывая особенности европейского палеолита, отнес к олдовану все эоплейстоценовые индустрии без ручных рубил. В качестве основы определения были использованы наиболее общие распространенные признаки (Анисюткин и др., 2015). Вероятно, это же имел в виду Анри де Люмлей, который включил в состав олдована комплексы с датами менее 700 тыс. лет. Достаточно назвать известную стоянку Изерния (Италия) возрастом всего 650 тыс. лет (Lumley et al., 2009). Для всех этих комплексов характерно господство орудий на гальках и отщепках, но без рубил. В этом случае «олдован» Европы стал восприниматься в весьма широких хронологических рамках.

В данной ситуации очень интересную точку зрения на олдованские индустрии предложил авторитетный отечественный специалист по палеолиту А. П. Деревянко. По его мнению, заселение территории Евразии началось около 1,8 млн лет, во время первой миграционной волны. В этом процессе принимали участие две индустрии, названные «галечно-отщепной» и «микrolитоидной». По предложению А. П. Деревянко, для Европы и Азии вообще следует отказаться от понятия «олдован», который принадлежит таксону, никогда не покидавшему пределы Африки. Все индустрии этого времени с территории Евразии следует относить к отщепно-галечным, или Mode 1 (Деревянко, 2015. С. 338). Кроме того, необходимо принимать во внимание также и региональные особенности комплексов. Вполне резонно, например, выделять региональные варианты индустрий типа «Дманиси» или «Тамань», сохранив наименование «олдован» лишь для территории Африки. Это предложение А. П. Деревянко, на мой взгляд, можно считать весьма

продуктивным, прежде всего, потому, что под единое понятие «отщепно-галечных» индустрий подводится круг выразительных комплексов, существовавших в Европе и Азии в течение очень длительного времени. Важно, что «отщепно-галечный» комплекс в Евразии был широко распространен не только во времени, но и в пространстве. В этом случае учет локального многообразия индустриальных комплексов необходим. По мере накопления фактов можно будет реально выявить примеры общего и локального развития. Если говорить только о галечных формах, то они, постепенно затухая, просуществовали до конца раннего палеолита. В частности, эти орудия отмечены в английском клектоне, где очень редкие чопперы были изготовлены из кварцитовых галек (*Bordes*, 1984. Р. 70)⁸. В Азии же комплексы с многочисленными галечными

орудиями продолжили существовать до конца среднего палеолита (*Ранов*, 1965). Галечные орудия гиссарской неолитической культуры, изученные мною в 1984 г. в Душанбе, заметно отличаются от палеолитических.

Можно допустить, что эоплейстоценовые «отщепно-галечные» индустрии Европы, сопоставляемые с поздним олдованом, демонстрируют особый вариант развития. Специфика данного развития состоит в том, что орудия на отщепках занимают первостепенное значение при постоянном уменьшении роли и значения галечных форм. Уже в раннем палеолите эта тенденция зримо начинает проявляться после 750 тыс. лет. Именно в это время происходят важнейшие изменения в технике раскалывания камня — появляется клектонская технология, которая стала абсолютно преобладать на юго-западе Восточной Европы в кромерское и миндельское время, то есть 700–450 тыс. лет назад (*Анисюткин*, 2016). Одновременно в Европе существуют архаичные каменные индустрии с орудиями микролитического облика (*Valoch*, 2003).

⁸ При знакомстве в 1990 г. с коллекцией клектона из раскопок Уоррена, хранящейся в Британском музее, я наблюдал единичные чопперовидные формы из кремневых галек.

Амирханов, 2007 — *Амирханов Х. А.* Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе. Предварительные результаты. М.: Таус, 2007. 52 с

Амирханов, 2016 — *Амирханов Х. А.* Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: МавреевЪ, 2016. 344 с.

Анисюткин, 2016 — *Анисюткин Н. К.* Дубосарский раннепалеолитический комплекс на территории Приднестровья // *Revista Arheologica. Chişinău*, 2016. Serie nouă. Vol. XII. N 1–2. P. 6–19.

Анисюткин, 2017а — *Анисюткин Н. К.* Новые данные о первоначальном заселении Восточно-Европейской равнины в раннем палеолите // *Revista Arheologica. Chişinău*, 2017. Serie nouă. Vol. XIII, N 1–2. P. 6–15.

Анисюткин, 2017б — *Анисюткин Н. К.* К вопросу о стандартизации каменных орудий в индустриях эоплейстоценового возраста // *Вестник Московского университета. Сер. XXIII, Антропология. М.*, 2017. № 1. С. 132–139.

Анисюткин и др., 2012 — *Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И., Очередной А. К.* Раскопки стоянки раннего палеолита Байраки в 2011 г. // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2012. № 4 (52). С. 19–27.

Анисюткин и др., 2015 — *Анисюткин Н. К., Чепалыга А. Л., Коваленко С. И.* Предварительные итоги пятилетних исследований (2010–2014 гг.) древнейшей на территории Восточно-Европейской равнины многослойной стоянки раннего палеолита Байраки (Приднестровье) // *АВ. СПб.: Дмитрий Буланин*, 2015. Вып. 21. С. 11–30.

Анисюткин и др., 2018 — *Анисюткин Н. К., Кулаков С. А., Чепалыга А. Л.* Исследования местонахождений раннего палеолита на высоких морских террасах Южного Крыма // *АВ. СПб.: ИИМК РАН*, 2018. Вып. 24. С. 33–41.

Анойкин, 2017 — *Анойкин А. А.* Палеолит Приморского Дагестана: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2017. 31 с.

Беляева, Любин, 2014 — *Беляева Е. В., Любин В. П.* Новый взгляд на развитие ашеля

- на Кавказе // Проблемы археологии эпохи камня: Сб. к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 2014. С. 189–214 (Тр. исторического факультета С.-Петербур. гос. ун-та; Т. 18).
- Вишняцкий*, 2005 — *Вишняцкий Л. Б.* Введение в преисторию. Проблемы антропогенеза и становления культуры. Курс лекций. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. 396 с.
- Деревянко*, 2015 — *Деревянко А. П.* Три глобальные миграции человека в Евразии. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 612 с.
- Деревянко и др.*, 2005 — *Деревянко А. П., Шуньков М. В., Болиховская Н. С., Зыкин В. С., Зыкина В. С., Кулик Н. А., Ульянов В. А., Чиркин К. А.* Стоянка раннего палеолита Караман на Алтае. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. 88 с.
- Иванова*, 2009 — *Иванова С.* Раннопалеолитни ансамбли от пещерата Козарника // *Saxa loquuntur*: в чест на 65-годишнината на Николай Сираков. София, 2009. С. 29–57.
- Кулаков*, 2019 — *Кулаков С. А.* Ранний и средний палеолит Северо-Западного Кавказа: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2019. 55 с.
- Любин, Беляева*, 2004 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо 1 (Центральный Кавказ). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 272 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. XIII.)
- Любин, Беляева*, 2010 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Новые данные о раннем палеолите Армении // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 107–126.
- Ниорадзе*, 2010 — *Ниорадзе М., Ниорадзе Г.* Ранний палеолит Грузии (Дманиси) // Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 84–106.
- Ранов*, 1965 — *Ранов В. А.* Каменный век Таджикистана. Душанбе: Изд-во АН Таджик. ССР, 1965. 144 с.
- Чепалыга и др.*, 2013 — *Чепалыга А. Л., Анисюткин Н. К., Садчикова Т. А., Трубихин В. М., Пирогов А. Н.* Геоархеология раннего палеолита (олдован) Северного Кавказа и долины Днестра: возможные пути миграций древнейших архантропов в Европу // VIII Всероссийское совещание по изучению четвертичного периода. Ростов н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 667–670.
- Щелинский*, 2014 — *Щелинский В. Е.* Эоплейстоценовая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН, 2014. 168 с.
- Щелинский, Кулаков*, 2007 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Богатыри (Синяя балка) — раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. М.: Наука, 2007. № 3. С. 7–18.
- Bordes*, 1961 — *Bordes F.* Typologie du Paléolithique ancien et moyen. I. Bordeaux, 1961. 85 p.
- Bordes*, 1984 — *Bordes F.* Leçons sur le Paléolithique / T. II. Le Paléolithique en Europe. Paris, 1984. 460 p. (Cahiers du Quaternaire; N 7.)
- Chavallion*, 2004 — *Chavaillon N.* Prehistoric archaeology. The site of Gombore 1. Debitage and tools on flake // Studies on the Early Paleolithic site of Melka Kunture. Ethiopia / Ed. J. Chavallion and M. Piperno. Florence, 2004. P. 371–435.
- Collins*, 1968 — *Collins D. M.* Metrischer und typologischer Beweis für Selbständigkeit der Kulturtraditionen des Acheuleens und des Clactoniens in England und Deutschland // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*. Halle (Saale), 1968. Bd. 52. S. 27–38.
- Combiér*, 2005 — *Combiér J.* Quelle présence humaine dans L'Espace rhodanien avant le stade 5 (135 ka) // *Extrait des Cahiers Scenifiques du Museum de Lyon*. 2005. N 3. P. 71–99.
- Leakey*, 1967 — *Leakey M. D.* Preliminary survey of the cultural material from Bed I and Bed II, Olduvai Gorge, Tanzania // Background to evolution in Africa: Proceedings of Symposium held at Burg Wartenstein, Austria, July-August 1965. Chicago, 1967. P. 417–446.
- Leakey*, 1971 — *Leakey M. D.* Oldovai Gorge. Excavations in Beds I and II. 1960–1963. Cambridge, 1971. Vol. 3. 306 p.

Lumley et al., 2009 — *Lumley H. de, Barsky D., Cauche D.* Les premières étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // *L'Anthropologie*. Paris, 2009. Vol. 113. P. 1–46.

Valoch, 2003 — *Valoch K.* The Excavation of the Lower Palaeolithic site Stránska Scála I

in Brno-Slatina // *Acta Musei Moraviae*. Brno, 2003. P. 63–65 (Sci. soc.; LXXXIII; 3–65).

Warren, 1951 — *Warren H.* The Clacton flint industry. A new interpretation // *Proceedings of the Geologist Association*. London, 1951. Vol. 62, N. 2. P. 107–135.

On the problem of the evolution of Eopleistocene stone tools in the East-European Plain

N. K. Anisyutkin

This article concerns stone tools from the Eopleistocene deposits (episode Jaramillo of the Matuyama palaeomagnetic epoch) at the site of Bayraki situated on a high terrace of the Dnieper River at the outskirts of the town of Dubossary (Moldova). This site was discovered and investigated in 2010–2014 by a geoarchaeological expedition of Russia and Moldova including experts in archaeology, palaeogeography, palynology, geology and geomorphology. Analysis of the stone tools allowed to identify complex forms of pebble tools and standard tools on flakes demonstrating an evolution. The latter was not concerned with the technique of knapping which had not been changing during the entire epoch. The advance was noted only for particular forms of tools from pebbles and flakes. Among the latter, the most distinct standardization was characteristic of small end scrapers and beak-like tools similar to bill-hooks from the English Clactonian.

The general tendency of the evolution included the importance of flakes and perfection of the secondary trimming and decrease of the number of the pebble forms.

Ункей — новый палеолитический комплекс на Иркутско-Черемховской равнине

А. М. Клементьев, В. М. Новосельцева

Аннотация. Новое палеолитическое местонахождение Ункей расположено на левом берегу р. Заларинки, в Нукутском районе Иркутской области. Археологический и палеонтологический материал зафиксирован в двух уровнях. Первый уровень — в подошве раннеголоценовых суглинков, второй уровень археологического материала зафиксирован в кровле позднекаргинской почвы. Прямые датировки костей, полученные по костному материалу непосредственно из нижнего слоя с артефактами, попадают в хронологические рамки 23 380–31 024 лет назад. Комплекс финальнопалеолитического времени имеет здесь смешанные черты объектов «бадайского» и «идинского» типов. В то же время комплекс позднекаргинского времени является самым западным форпостом ареала распространения Игетейской стратегии литорасщепления.

Annotation. The new Palaeolithic site of Unkey is situated on the left bank of the Zalarinka River in Nukut district of Irkutsk oblast. The archaeological and palaeontological materials were found here at two levels. The first level in the layer of early Holocene loams, was recorded in the roof of the Late Karga soil. The direct dating of the bones immediately from the lower layer with artefacts indicates the range of 23 380–31 024 years BP. The complex of the final Palaeolithic period is of a mixed character with objects of the 'Baday' and 'Idin' types. At the same time, the complex of the Late Karga period is the westernmost outpost of the distribution of the Igetey strategy of lithic knapping.

Ключевые слова: Иркутско-Черемховская равнина, палеолит, ранний голоцен, каргинский интерстадиал, артефакты.

Keywords: Irkutsk-Cheremkhov plain, Palaeolithic, Early Holocene, Karga interstadial, artefacts.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-38-47

Местонахождение Ункей было открыто в 2016 г. В. С. Николаевым² при проведении обследования территории под организацию карьера по добыче гипса. Ункей получил свое

¹ Клементьев А. М. — Институт земной коры СО РАН; ул. Лермонтова, 128, г. Иркутск, 664033, Россия; E-mail: klem-al@yandex.ru. Новосельцева В. М. — Институт археологии и этнографии СО РАН; пр. Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 630090, Россия; E-mail: novlm@mail.ru.

² Авторы статьи выражают благодарность В. С. Николаеву за предоставленный материал.

название по одноименной пади и располагался на левом берегу р. Заларинки, в 1,5 км юго-западнее пос. Новонукутский в Нукутском районе Иркутской области, на выположенной террасовидной поверхности 25–35-метрового левого борта долины реки (рис. 1). Геоморфологически местность относится к центральной части Иркутско-Черемховской равнины Предсаянского предгорного прогиба (левобережье долины р. Ангары). Левый борт долины Ангары занимали здесь так называемые Балаганские степи. Река Унга (притоком

которой является р. Заларинка), впадавшая в Ангару, имела широкую долину. В настоящее время в приустьевой части сформирован залив Унга Братского водохранилища, в который впадают с запада реки Унга и Заларинка.

История археологических исследований в Осинско-Унгинском георхеологическом районе насчитывает более 100 лет. В конце XIX в. впервые были открыты докерамические комплексы на территории Балаганских песков, ныне затопленных водами водохранилища. В 1880 г. известным бурятским краеведом М. Н. Хангаловым в районе Балаганских песков (ныне этот район находится под водой юго-восточнее правого мыса Унгинского залива) был обнаружен археологический материал. Хангалов проводил сборы материала, обнаруженного в поверхностном залегании. Собранная коллекция была передана в фонды Иркутского краеведческого музея и впоследствии определена Н. А. Агапитовым как палеолитическая (Агапитов, 1881). В последующие годы в этом районе полевые исследования проводили: Н. Н. Витковский в 1882 г., во время разведки по Ангаре, и М. П. Овчинников в 1910 г. В 50-е гг. XX в. для работы в зоне затопления будущего водохранилища Братской ГЭС была организована Братская археологическая экспедиция Ленинградского отделения Института материальной культуры АН СССР под руководством А. П. Окладникова. В приустьевом участке р. Унги были развернуты раскопочные работы на памятниках бронзового и железного веков. В 1957 г. последовало открытие первого достоверного местонахождения палеолита в урочище Красный Яр на правом берегу р. Ангары в 3 км ниже впадения р. Осы, напротив устья р. Унги. В 1958 г. С. Н. Астаховым было открыто местонахождение Федяево на левом берегу р. Ангары напротив устья Иды, в 1959 г. здесь произведены раскопки. В 1981 г. был открыт комплекс экспонированного материала Мельхитуй (Бердников и др., 1982). В конце 1980-х гг. сотрудниками КНИЭ ИОКМ под руководством О. Б. Варламова проводились работы на южном берегу Унгинского залива по изучению погребальных комплек-

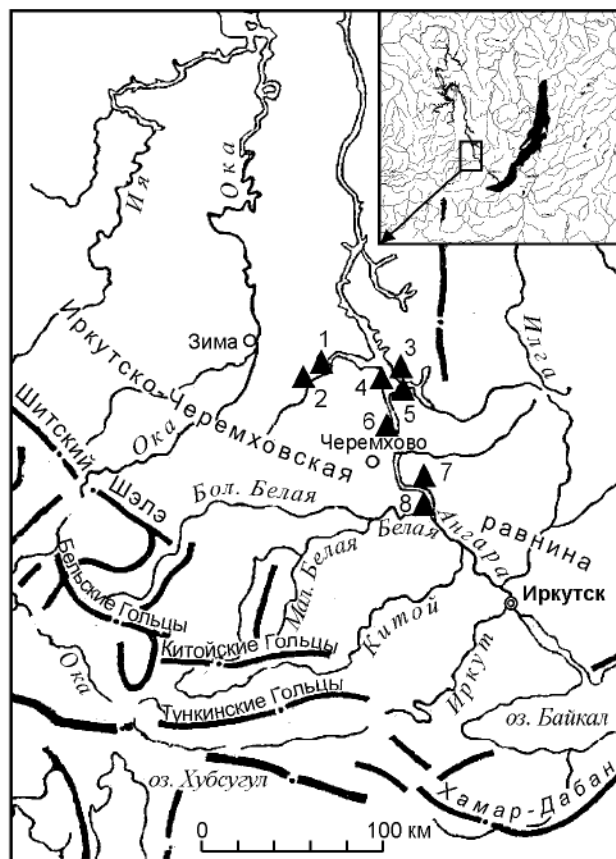

Рис. 1. Комплексы позднего палеолита на территории Южного Приангарья: 1 — Ункей; 2 — Леденево; 3 — Красный Яр 1; 4 — Мельхитуй; 5 — Игетейский георхеологический полигон, в том числе: Гора Игетей, Игетейский Лог 1, 3, Большой Нарын I, II; 6 — Федяево; 7 — Кулаково; 8 — Бадайский георхеологический полигон в том числе: Усть-Белая, Бадай V, Черемушник I, II, Сосновый Бор

Fig. 1. Upper Palaeolithic complexes in the Southern Angara region: 1 — Unkey; 2 — Ledenevo; 3 — Krasny Yar 1; 4 — Melkhituy; 5 — Igetey geoarchaeological testing area including Mt Igetey, Igetey Log 1, 3, Bolshoy Naryn I, II; 6 — Fedyaevo; 7 — Kulakovo; 8 — Baday geoarchaeological testing area including Ust-Belaya, Baday V, Cheremushnik I, II, Sosnovy Bor

сов II тыс. н. э. Помимо исследований древних погребений Унгинским отрядом проводился активный поиск палеолитических объектов.

Большинство известных археологических комплексов бассейнов рек Унга и Заларинка относятся к эпохам раннего железного века и средневековья (Унгинское городище,

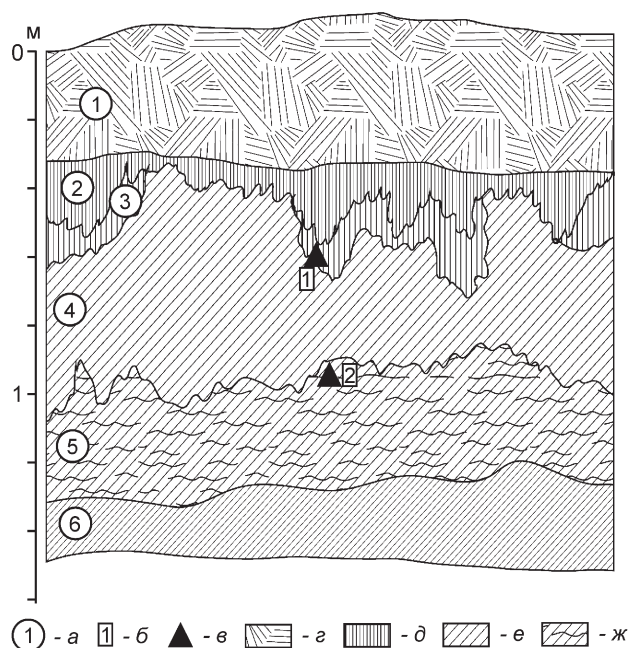

Рис. 2. Сводный стратиграфический разрез местонахождения Ункей: а — номер литологического слоя; б — номер культуросодержащего горизонта; в — уровень культуросодержащего горизонта; з — перепашка; д — супеси гумусированные; е — суглинки лессовидные; ж — суглинки солифлюцированные

Fig. 2. Composite stratigraphic section of the site of Unkey: а — number of lithological layer; б — number of horizon pertaining to a particular culture; в — level of the horizon pertaining to a particular culture; з — ploughed area; д — humic sandy loams; е — loess-like loams; ж — solifluction loams

Улан-Бор, Доглан). Комплексов верхнего неоплейстоцена известно немного, к ним относятся Мельхитуй, открытый в 1981 г. А. Б. Федоренко и Т. Н. Кононовой. В состав Мельхитуйского полигона входят четыре пункта обнаружения археологического материала на техногенном пляже: Мельхитуй, Мельхитуй «А», Мельхитуй «В» (II) и Мельхитуй «С». Полигон расположен на западном левом берегу Братского водохранилища и протянулся от Унгинского залива на юг до залива Мельхитуй, территориально входит в Осинско-Унгинский геоархеологический район (Новосельцева, 2005). В начале 1990-х гг. О. В. Задониным, А. В. Луньковым, С. А. Дзюбасом в составе отряда ЦСН открыт ряд местонахождений

финальноплейстоценового возраста в долине р. Заларинки: Красная Горка, Тагна 1, Троицк 3. К сожалению, пункты находок материала отмечены только разведочными работами и представлены единичными находками. Авторы работ, на основании техноморфологии каменного инвентаря, отнесли материалы к периоду 14–10 тыс. лет назад (Луньков, 1997). В окрестностях пос. Залари в 1996 г. открыто местонахождение Леденево, которое авторами работ было отнесено к финальному палеолиту, но объект был уничтожен в ходе разработки песчаного карьера, из-за чего местонахождение не исследовано. Необычным для района является комплекс экспонированных артефактов — Ункурлик, обнаруженный в 1993 г. на поверхности правого высокого борта долины р. Заларинки, недалеко от пос. Целинный (Ласточкин и др., 1995). Комплекс датирован средним палеолитом и является на сегодняшний день единственным из известных местонахождений корродированных артефактов, географически принадлежащим к Иркутско-Черемховской равнине, в отличие от ансамблей Лено-Ангарского плато. Авторы отнесли комплекс к началу позднего плейстоцена аналогично местонахождениям Георгиевское—Тайтурская Гора и Бильчир (Ласточкин и др., 1995. С. 167).

В 2016 г. при проведении разведочных работ В. С. Николаевым на территории под организацию карьера по добыче гипса на левом борту долины р. Заларинки в шурфах зафиксирован археологический материал в пачке палевых суглинков, предположительно сартанского возраста. В том же году определены границы объекта и выполнены спасательные работы. Общая вскрытая площадь объекта составила 300 кв. м. Стратиграфия отложений представлена в следующем виде (описание сверху вниз) (рис. 2).

1. Перепашка. Мощность 0,25–0,40 м.

2. Супеси пылеватые гумусированные, темно-серые. Фрагментарно сохранившийся слой, в верхней части нарушен перепашкой. Верхняя граница нечеткая, нижняя граница мелкотрещиноватая. Мощность 0,3 м.

3. Супеси пылеватые слабогумусированные буроватые, желтовато-буроватые.

Нижняя граница мелкотрещиноватая. Подошва слоя нарушена криогенными процессами. Мощность 0–0,5 м.

4. Суглинки лессовидные карбонатизированные палевые, с белесоватыми пятнами. Границы нечеткие. Слой нарушен криогенными и гравитационными процессами. Разбит криогенными трещинами с заполнением супесями слоев 2 и 3. Мощность 0,5–0,7 м.

5. Суглинки лессовидные, карбонатизированные, слоистые, солифлюцированные. Палевые, буровато-палевые, красновато-палевые. Видимая мощность — до 0,7 м.

Археологический и палеонтологический материал зафиксирован в двух уровнях. Первый уровень — в подошве литологического слоя 3 (раннеголоценовых суглинков), второй уровень археологического материала зафиксирован в кровле слоя 5 (в толще позднекаргинской почвы). Отнесение литологического слоя 5 к позднекаргинскому возрасту подтверждается датами, полученными по фаунистическим остаткам, зафиксированным в кровле слоя 5 (табл. 1).

Палеонтологический материал представлен по уровням неоднородно. Для верхнего уровня характерны неопределимые фрагменты костей крупных млекопитающих. Достоверно определен лишь северный олень *Rangifer tarandus*. В нижнем уровне были найдены как неопределимые остатки костей, так и определимые фрагменты. Среди них удалось установить кости ископаемой лошади *Equus ferus*, косули *Capreolus pygargus*, северного оленя *Rangifer tarandus*, благородного оленя *Cervus elaphus*, крупного быка или бизона *Bos aut Bison* sp. Отдельные фрагменты несут следы жизнедеятельности почвенных сапротрофов, сильно выветрелые. В целом комплекс видов типичен для мамонтового палеолитического комплекса, но отсутствие мамонта не позволяет датировать его максимумом сартанского криохрона, как на Мальгинской стоянке (Ермолова, 1978).

Часть артефактов принадлежит комплексу раннеголоценового времени, а часть — комплексу, зафиксированному в солифлюцированных отложениях позднекаргинского—раннесартанского возраста.

Таблица 1

Объект	Культуросодержаживающий горизонт	Радиоуглеродный возраст	Ошибка	Шифр графитизации	Калиброванный возраст* Calendric Age calBP	Вид животного
Ункей	Нижний	31 024	311	CNM91, CNM94	35 087 ± 392	Крупный бык <i>Bos/Bison</i> sp.
Ункей	Нижний	29 560	273	CNM96, CNM97	33 873 ± 337	Северный олень <i>Rangifer tarandus</i>
Ункей	Нижний	23 380	204	CNM98, CNM99	28 176 ± 272	Копытное млекопитающее
Ункей	Нижний	33 990	296	CNM100, CNM101	39 559 ± 961	Благородный олень <i>Cervus elaphus</i>
Красный Яр 1	III	15 880	240	СОАН-7778	19 086 ± 284	Северный олень <i>Rangifer tarandus</i>
Красный Яр 1	VI	19 100	100	ГИН 5330	22 920 ± 295	—
Красный Яр 1	VI	19 760	230	СОАН-7779	23 651 ± 412	Северный олень <i>Rangifer tarandus</i>
Красный Яр 1	VI	19 975	170	СОАН-7780	23 906 ± 352	Копытное млекопитающее

* Пересчитан с помощью Calpal online.

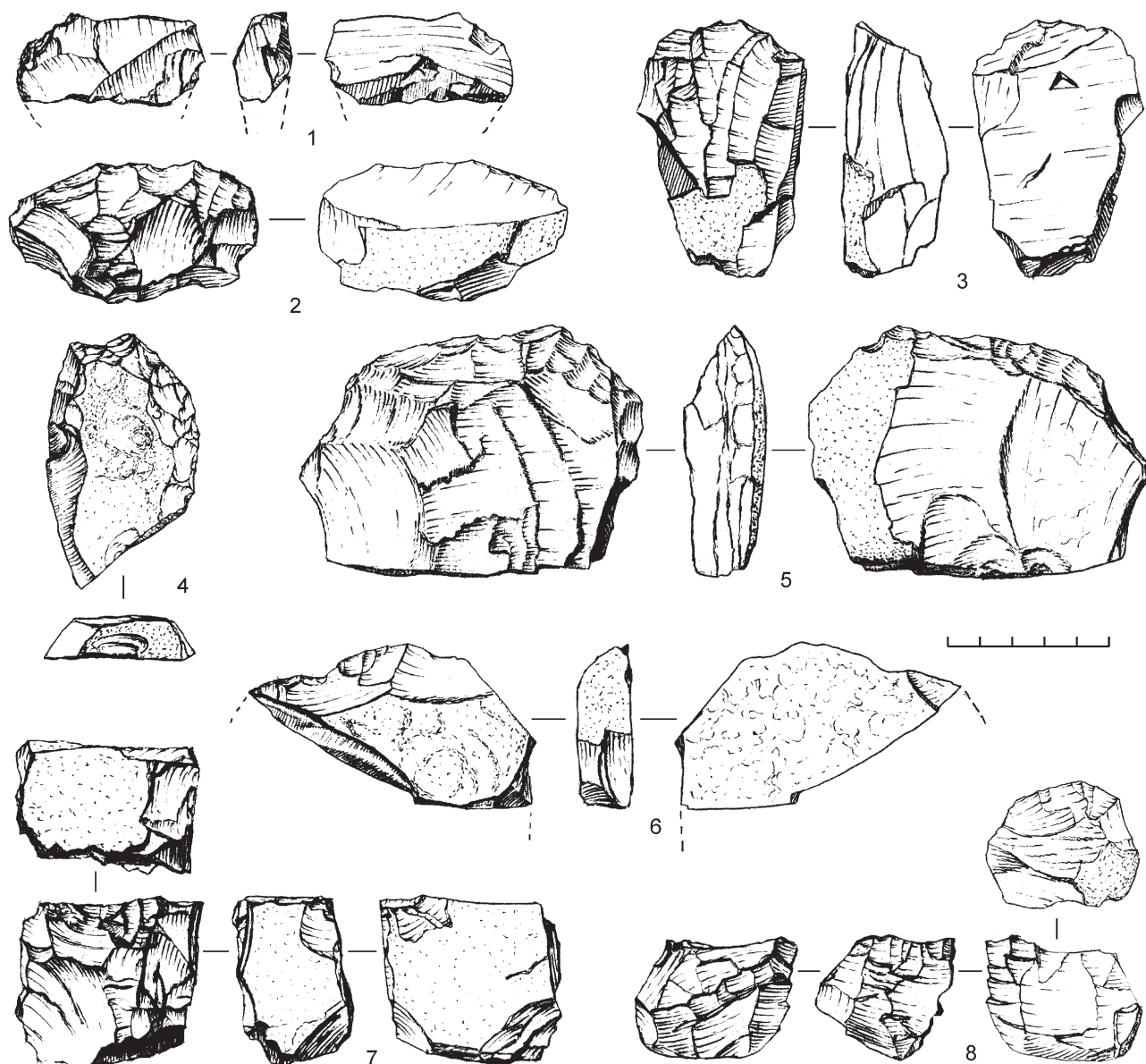

Рис. 3. Археологический материал Верхнего комплекса: 1 — долотовидное изделие; 2, 4, 5 — скребла; 3, 7, 8 — нуклеусы; 6 — острие. 1, 2, 5, 8 — кварцит; 4, 6 — аргиллит; 3, 7 — кремнь

Fig. 3. Lithics from the Upper complex: 1 — chisel-like tool; 2, 4, 5 — scrapers; 3, 7, 8 — nucleuses; 6 — point. 1, 2, 5, 8 — quartzite; 4, 6 — argillite; 3, 7 — flint

Комплекс артефактов раннеголоценового возраста представлен 34 артефактами из камня. Субстрат в основном (73,5 %) представлен кварцитом, и незначительная доля приходится на кремнь (23,5 %) и аргиллит (3 %). Небольшая по количеству коллекция содержит сколы (47 %), нуклеусы — 5 экземпляров (15 %), изделия орудийного комплекса — 5 экз. (15 %), в том числе: скребла, острие, долотовидное изделие. В коллекции

зафиксировано 2 экз. заготовок нуклеусов и две заготовки изделий, а также битый желвак кремня и битая кварцитовая галька.

Орудийный комплекс представлен следующими типами изделий: острие боковое (рис. 3, 6), оформлено на аргиллитовом сколе с корковым талоном; два поперечных скребла (рис. 3, 2, 5), оформленных на крупных, массивных, высоких в сечении сколах. Ширина сколов заготовок скребел превышает 10 см,

а длина по сагитальной линии не превышает 85 см. У одного скребла талон корковый, у другого — гладкий. Ретушь оформления рабочего края на дистале — высокая, крутая. Одно продольное скребло представлено фрагментом (рис. 3, 4), выполнено на кварцитовом сколе, высоком в сечении, с гладким талоном. Доловидное изделие (рис. 3, 1) выполнено на кварцитовом сколе, длина которого составляет 73 см, ширина 44 см, а максимальная толщина скола 30 см. Рабочий край оформлен на вентральной поверхности.

Первичное расщепление представлено пятью нуклеусами, из которых четыре монофронтальные, выполнены на кварцитовых гальках (рис. 3, 8). Один нуклеус для отщепов, одnofронтальный одноплощадочный, фронт объемный, высотой 40 мм и шириной 45 мм. Площадка оформлена покрывающим поперечным снятием с правой латерали. Два монофронтальных нуклеуса плоскостные, выполнены на кварцитовых гальках. Один из них одноплощадочный, достаточно крупный (с высотой фронта 15 см, шириной 8 см), а другой — двухплощадочный с ортогональными снятиями по фронту (с размерами фронта 2,5 × 5,5 см). И если у первого площадка подготовлена покрывающим поперечным снятием с правой латерали, то у второго площадки оформлены покрывающими продольными снятиями с фронта. К одноплощадочным нуклеусам относится и подпризматический нуклеус для пластин (рис. 3, 3), выполненный на сколе кремня, размеры фронта составляют 22,7 см в высоту и 4,7 см в ширину. Площадка оформлена покрывающим поперечным снятием с правой латерали. Один представитель класса нуклеусов — подпризматический, многофронтальный, многоплощадочный, оформлен на желваке кремня (рис. 3, 7). Максимальные размеры нуклеуса 6 × 4 × 5,2 см.

Нижний комплекс артефактов зафиксирован на глубине 60–100 см от дневной поверхности, в кровле слоя 5, и представлен 38 артефактами из камня. Первичное расщепление представляет группа сколов — 24 экз. (63%), группа нуклеусов — 3 экз. (8%). Орудийный состав содержит семь изделий (18%), три фрагмента изделий (8%) и одну заготовку изделия (3%).

Субстрат в преобладающем большинстве представлен кварцитом (87%), остаточная доля приходится на кремень (10,5%) и арсиллит (2,5%).

Нуклеусы, выделенные в коллекции, все относятся к одноплощадочным монофронтальным нуклеусам, оформленным на кварцитовых гальках с объемным фронтом и негативами субпараллельных снятий по фронту (рис. 4, 3). Площадки подготовлены продольными снятиями либо с фронта, либо с контрфронта. Высота фронтов варьирует от 48 до 90 мм, а ширина — от 40 до 57 мм.

Орудийный комплекс представлен семью изделиями, среди них: скобель, выполненный на кварцитовом сколе (размерами 48 × 55 × 13 мм), три продольных скребла (рис. 4, 1, 2), оформленных на сколах, размеры скребел варьируют в диапазоне по длине от 66 до 115 мм, по ширине от 37 до 55 мм.

В отдельной категории выделены два скребка, оформленные на кварцитовых отщепках, один из них концевой и один боковой, по длине изделия находятся в диапазоне 52–62 мм, по ширине 30–38 мм.

Остальные артефакты коллекции нижнего горизонта представлены фрагментами различных недиагностируемых изделий (3 экз.) и заготовкой изделия (1 экз.).

Согласно стратиграфическому положению верхний комплекс Ункея отнесен к раннеголоценовому периоду. Сравним техноморфологические характеристики ансамбля каменных артефактов с относительно синхронными объектами Южного Приангарья. Таких объектов в ближайшем окружении не так уж и много, так как, вероятно, основная масса оказалась затоплена Братским водохранилищем. Объекты Иркутско-Черемховской равнины следующие: по долине р. Белой (Бадайский комплекс Мальты, Бадай V, Сосновый Бор 3В культурный горизонт, Усть-Белая XIV–XVI культурный горизонт, а также Черемушник I, Кулаково), Федяево, комплексы долин рек Заларинка и Унга (Леденево, Мельхитуй, Красная Горка, Тагна 1, Троицк 3). К раннеголоценовым объектам относятся местонахождения Красный Яр 1 (горизонты 1, 2), Изотиха, расположенные на правом борту долины р. Ангары. Известны также единичные находки каменных

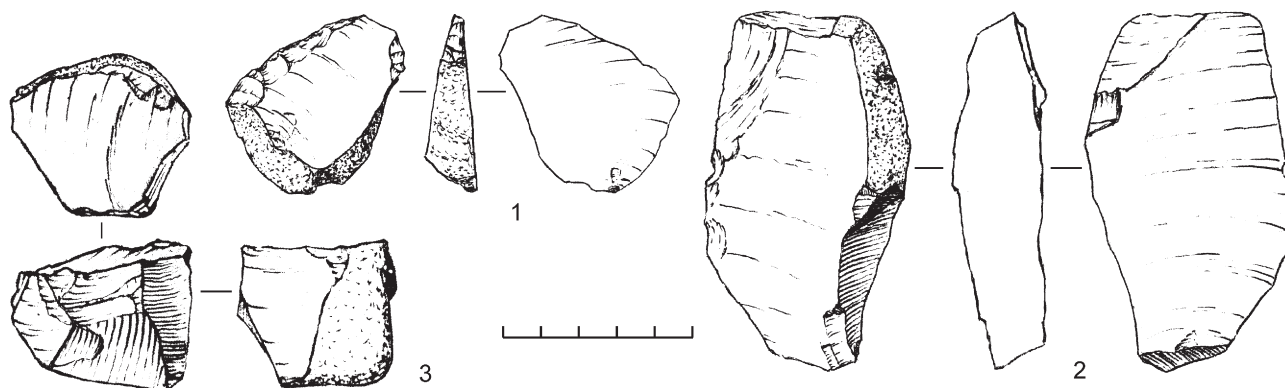

Рис. 4. Археологический материал Нижнего комплекса: 1, 2 — скребла; 3 — нуклеус. 1–3 — кварцит
 Fig. 4. Lithics from the Lower complex: 1, 2 — scrapers; 3 — nucleus. 1–3 — quartzite

артефактов в окрестностях дер. Середкино, но эти артефакты трудно датировать в силу отсутствия стратиграфического контекста.

Ранее был предложен термин «мельхитуйский» в качестве собирательного для обозначения комплексов с бифасами и микроинвентарем в околоустьевых пространствах при слиянии рек Ангары, Осы и Унги (Новосельцева, 2005). Термин «бадайский» является общим для группировки местонахождений в Ангаро-Бельском районе. Своеобразный плейстоцен-голоценовый технокультурный вариант местонахождений в приустьевом участке р. Иды и Сухой Каменки — Федяево определяет свой — «идинский» — локус (Мезолит..., 1971, 1980).

При корреляции археологической коллекции верхнего комплекса с относительно синхронными объектами, в первую очередь, обращает на себя внимание отсутствие клиновидных нуклеусов с поперечно оформленными площадками, что характерно для коллекций горизонта 2 Красного Яра 1 (Абрамова, 1978; Медведев, 1966) и Мельхитуя. Сдругой стороны, в коллекции присутствуют призматические полифронтальные нуклеусы. Такая особенность характерна для комплексов долины р. Белой — Кулаково и Черемушник 1, 2 (Аксенов, 1967; Лежненко, 1974). Три нуклеуса, выполненные на кварцитовых гальках, аналогичны нуклеусам, описанным в коллекции Федяево (Астахов, 1963). Орудийный же комплекс находит аналогии

в комплексах Осинско-Унгинского геоархеологического района — Мельхитуя, Красный Яр 1 (горизонты 1, 2) и Федяево, где в коллекции зафиксированы острия и долотовидные изделия. Долотовидные изделия отмечены и в горизонте 1 Черемушника II.

Датируя верхний комплекс артефактов Ункея по стратиграфической позиции позднеплейстоценовым—раннеголоценовым временем, мы можем сказать, на основании сравнения техники литорасщепления, что коллекция находит некоторые аналогии с синхронными комплексами «мельхитуйского» типа, но в то же время обладает чертами «бадайского» типа комплексов. А учитывая отсутствие бифасов и небольшой процент скребков, в отличие от ансамбля Мельхитуя, коллекция артефактов верхнего горизонта Ункея по техноморфологическим характеристикам тяготеет к «бадайским» и «идинским» комплексам.

Нижний комплекс артефактов, датируемый позднекаргинским временем по техноморфологическим признакам, относится к синхронным объектам Осинско-Унгинского геоархеологического района: Гора Игетей (некорродированный комплекс — (далее — НК), Красный Яр II, III, Хадахан (НК), Большой Нарын I, II (Есида и др., 2007; Медведев, Новосельцева, 2011; Khenzykhenova et al., 2011). Для перечисленных ансамблей каменных артефактов характерны следующие признаки: преобладание в качестве типов заготовок для изделий отщепов, мелких и крупных, единичны

пластинки и изделия на пластинках; наличие долотовидных изделий типа *pieces esquillees*; нуклеусы преобладают плоскостные поперечные для отщепов монофронтальные, единичны клиновидные нуклеусы; самые многочисленные типы изделий — скребла и скребки; стратегия литорасщепления характеризуется использованием галек продолговатой вытянутой формы для первичного расщепления. Спецификой района является использование для первичного нуклеарного расщепления галек вытянутой формы, подчетырехугольной, подтреугольной в сечении, и оформление фронта на торце гальки без предварительной подработки площадки и последующей подработки для поддержания выпуклости фронта, что связано с обилием подходящего сырья. Эта стратегия прослеживается и в комплексах позднекаргинского времени, и в комплексах сартанского времени, вплоть до финального палеолита (Федяево, Ункей). Прямые датировки костей

(см. табл. 1), полученные по костному материалу непосредственно из слоя с артефактами, попадают в рамки 23 380–31 024 лет. Датированы были также костные остатки из этого литологического горизонта: $29\,560 \pm 273$ и $33\,990 \pm 296$ л. н., что подтверждает каргинское время формирования почвенных дериватов разреза. Видовой спектр включает те же виды крупных млекопитающих, что и найденные на позднекаргинских объектах Седова, Герасимова I, Большой Нарын, Мамоны II (Клементьев, 2013).

Таким образом, в долине Заларинки выявлен уникальный объект, географически относящийся к центральной части Иркутско-Черемховской равнины. Комплекс финальнопалеолитического времени имеет здесь смешанные черты объектов «бадайского» и «идинского» типов. В то же время комплекс позднекаргинского времени является самым западным форпостом ареала распространения игетейской стратегии литорасщепления.

Абрамова, 1978 — Абрамова З. А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 7–34.

Агапитов, 1881 — Агапитов Н. Н. Следы каменного века в бассейне р. Куды и по р. Унге // Известия ВСОРО. Т. 12. № 4–5. 1881. С. 23–26.

Аксенов, 1967 — Аксенов М. П. Археологические исследования раннемезолитической стоянки Черемушник // Известия ВСОГО СССР. 1967. Т. 65. С. 127–132.

Астахов, 1963 — Астахов С. Н. Позднепалеолитическая стоянка у дер. Федяево на Ангаре // СА. 1963. № 3. С. 209–214.

Бердников и др., 1982 — Бердников М. А., Поселянин А. И., Лежненко И. Л., Кононова Т. Н. Мельхитуй — новый бескерамический комплекс на Братском водохранилище // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. С. 46–47.

Ермолова, 1978 — Ермолова Н. М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. Новосибирск: Наука, 1978. 222 с.

Есида и др., 2007 — Есида К., Като Х., Когай С. А., Куникита Д., Липнина Е. А., Максименко К. М., Медведев Г. И., Новосельцева В. М., Ощепкова Е. Б., Попов А. А., Такао С. Некоторые итоги изучения палеолитического местонахождения Большой Нарын I, II. Осинский залив Братского водохранилища. Российско-японский геoarхеологический проект // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: Материалы Всерос. конф. с международ. участием, посвящ. 100-летию М. М. Герасимова. Иркутск: Оттиск, 2007. С. 5–9.

Клементьев, 2013 — Клементьев А. М. Фауны позднекаргинского времени Иркутского амфитеатра // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2013. № 1 (2). С. 30–43.

Ласточкин и др., 1995 — Ласточкин С. В., Медведев Г. И., Мухаррамов Ш. З., Распопин А. Б., Роговской Е. О. Новые данные по геoarхеологии верхнего плейстоцена Байкальской Сибири // Обзорение результатов полевых и лабораторных исследований археологов,

- этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. С. 165–170.
- Лежненко, 1974 — Лежненко И. Л. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. Т. 2. С. 65–115.
- Луньков, 1997 — Луньков А. В. Некоторые результаты археологических исследований в Заларинском районе Иркутской области // 275 лет сибирской археологии: Материалы XXXVII регион. археолог.-этнограф. студ. конф. вузов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1997. С. 20–21.
- Медведев, 1966 — Медведев Г. И. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964–1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 годы: Материалы и доклады на науч. сессии Ин-та археологии АН СССР. Иркутск: Иркут. обл. краевед. музей, 1966. С. 5–25.
- Медведев, Новосельцева, 2011 — Медведев Г. И., Новосельцева В. М. Хронология, стратиграфия и техноморфология комплекса артефактов геоархеологического местонахождения Гора Игетей I // Вестник НГУ. Сер. «История, филология». Новосибирск, 2011. Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. С. 100–111.
- Мезолит..., 1971 — Мезолит Верхнего Приангарья: Сб. науч. тр./ Отв. ред. Г. И. Медведев. Иркутск: Иркут. ун-т, 1971. Ч. 1. Памятники Ангаро-Бельского и Ангаро-Идинского районов. 242 с.
- Мезолит..., 1980 — Мезолит Верхнего Приангарья: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М. П. Аксенов. Иркутск: Иркут. ун-т, 1980, Ч. 2. Памятники Иркутского района. 140 с.
- Новосельцева, 2005 — Новосельцева В. М. Плейстоцен-голоценовые комплексы экспонированного материала Осинского расширения Братского водохранилища // Социогенез Северной Азии. Иркутск: Иркутский гос. технический ун-т, 2005. Ч. 1. С. 149–154.
- Khenzykhenova et al., 2011 — Khenzykhenova F., Sato T., Lipnina E., Medvedev G., Kato H., Kogai S., Maximenko K., Novosel'tseva V. Upper paleolithic mammal fauna of the Baikal region, east Siberia (new data) // Quaternary International 231. 2011. N 1–2. P. 50–54.

Unkey — a new Palaeolithic complex in the Irkutsk-Cheremkhov plain

A. M. Clement'yev, V. M. Novosel'tseva

The site of Unkey was discovered in 2016 by V. S. Nikolayev, 1.5 km to the south-west from the village of Novonukut, on the surface of the left bank of the Zalarinka River, 25–35 metre long, Nukut district of Irkutsk Oblast (Fig. 1). The archaeological and palaeontological materials were found at two levels. The first level was at the sole of lithological layer 3 of early Holocene loams, the second layer of archaeological materials was revealed in the roof of layer 5, within the thickness of the Late-Karga soil (Fig. 2).

The upper level is characterized by unidentifiable fragments of bones of large mammals. Only reindeer *Rangifer tarandus* has been reliably identified. At the lower level, skeletal remains of fossil horse *Equus ferus*, Siberian roe deer *Capreolus pygargus*, reindeer *Rangifer tarandus*, red deer *Cervus elaphus*, large bull or bison *Bos* aut *Bison* sp. were found.

The upper complex (Fig. 3). The assemblage of tools is represented by the following types of artefacts: truncation point, two side-scrapers, chisel-like tool, and end scraper. The primary knapping is represented by 5 nuclei, of which 4 monofrontal ones are made on quartzite pebbles and one is a nearly prismatic polyfrontal multiplatform core made on a nodule of flint. Considering the absence of bifaces, wedge-shaped microcores and the small percentage of end scrapers, the collection of artefacts

from the upper horizon of Unkey, in terms of its technomorphological characteristics, is very close to 'Baday' and 'Idin' assemblages.

The lower complex (Fig. 4, 1-3). All of the nuclei were single-platform monofrontal ones made on quartzite pebbles with negatives of sub-parallel removals on the front. The platforms were prepared by lengthwise removals either on the front or on the counter-front. The tool assemblage is represented by six artefacts including: a push-plane, 3 side-scrapers, and 2 end-scrapers. The lower complex of artefacts dated to the late Karga period, in terms of its technomorphological characteristics, belongs to the synchronous objects of the Osinsky-Ungin geoarchaeological district: Mount Igetey, Krasny Yar II and III, Khadakhan, Bolshoy Naryn I, II.

The skeletal remains from that lithological horizon also were datable (Table 1): $29,560 \pm 273$ and $33,990 \pm 296$ BP, confirming that the pedogenic derivatives of the section were formed in the Karga period.

Орнаментика верхнепалеолитической стоянки Мальта¹

Т. В. Корнева²

Аннотация. Предметом исследования является орнаментика позднепалеолитической стоянки Мальта. В статье ставится вопрос о возможностях привлечения орнаментики в качестве культуро-различающего признака для определения происхождения мальтинской культуры. В работе приводится подробное описание орнаментов Мальты, а также краткий обзор орнаментики других стоянок Сибири и Восточной Европы. Сравнительный анализ орнаментов не позволяет сделать вывод о существовании генетических связей между Мальтой и костёнковско-авдеевской культурой, а также между мальтинской культурой и другими сибирскими палеолитическими культурами.

Annotation. The object of the present study is the ornamentation patterns from the Late Palaeolithic site of Malta in Siberia. This paper poses the question of the possibilities of the consideration of ornamentation as a cultural-differing indication for identification of the origin of the Malta culture. This work presents a detailed description of Malta decoration, as well as a brief review of the ornamentation patterns from other sites of Siberia and Eastern Europe. A comparative analysis does not allow us to make conclusions on the existence of genetic ties between the Malta and Kostenki-Avdeyevo cultures or between the Malta culture and Siberian Palaeolithic cultures.

Ключевые слова: палеолит, поздний палеолит, Мальта, искусство палеолита, орнаментика, палеолитический орнамент.

Keywords: Palaeolithic, Late Palaeolithic, Malta, Palaeolithic art, ornamentation, Palaeolithic ornamentation.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-48-59

Мальта, являясь одним из самых ярких палеолитических памятников Сибири, до сих пор остается во многом неисследованной; в особенности это касается изучения орнаментики. Между тем орнамент может служить важным показателем для определения культурной

принадлежности верхнепалеолитических памятников (Гвоздовер, 1953; 1985; Григорьев, 1970; 2007). До сих пор не существует единого мнения о том, является ли мальтинская культура автохтонным или пришлым явлением, поэтому изучение и сравнение ее орнаментики с орнаментальными традициями других культур могут помочь ответить на этот вопрос (Аникович, 1999). В задачи данной работы входят анализ и классификация орнаментов Мальты и их сопоставление с орнаментами памятников восточного граветта Русской равнины, с которыми Мальта обнаруживает много сходных черт, а также с орнаментикой сибирских стоянок. Целью работы является привлечение орнамента в качестве культуро-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме государственного задания № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: kortania22@gmail.com.

различающего элемента для поиска ответа на вопрос о происхождении мальтинской культуры.

Для исследования были использованы коллекции, хранящиеся в Гос. Эрмитаже (коллекции № 370, № 1407, № 1408 ОИПК), и материалы, опубликованные М. М. Герасимовым (*Герасимов*, 1931; 1935; 1958) и З. А. Абрамовой (*Абрамова*, 1962)³.

Произведения искусства, обнаруженные на палеолитической стоянке Мальта, украшены очень богатой и разнообразной орнаментацией, но на данный момент не существует единого исследования, которое было бы посвящено анализу мальтинского орнамента. Информацию о нем можно найти в работах М. М. Герасимова (*Герасимов*, 1931; 1935), З. А. Абрамовой (*Абрамова*, 1960б), А. П. Окладникова (*Окладников*, 1960) и ряде других исследований (*Фролов*, 1974; *Сосновский*, *Герасимов*, 1937; *Ларичев*, 1993).

Прежде чем приступить к анализу орнаментов стоянки Мальта, следует заметить, что качество их исполнения может затруднять изучение и классификацию. Такие особенности, как наличие четкого ритма, интервала, соподчинения размеров элементов орнамента, технически были труднодостижимы в позднем палеолите и соблюдались не всегда. Плохая сохранность и повреждения поверхности предметов затрудняют процесс исследования. Так, при изучении орнаментов Мальты оказалось сложным провести грань между волнообразными и зигзагообразными мотивами. Оба мотива могут встречаться на одном предмете и переходить из одного в другой (например, на пряжке из погребения). То же касается рядов полулунных вырезов, где соседствуют округлые и заостренные, больше напоминающие углы, элементы. И те, и другие были созданы при помощи одинаковых технологических операций, и их невозможно четко разделить на две группы.

Для Мальты характерен криволинейный, глубоко врезанный орнамент. С помощью

³ За помощь, оказанную при работе в Гос. Эрмитаже, хочу выразить признательность С. А. Демещенко.

глубокого врезания достигалась рельефность и так называемая обратимость орнамента, то есть превращение фоновой части орнаментированной поверхности в самостоятельный орнамент. Можно выделить следующие элементы орнамента: полулунные вырезы, округлые ямки, прямые линии, V-образные элементы и неправильные треугольники. Эти элементы являются составляющими для следующих орнаментальных мотивов:

- 1) параллельные ряды полулунных вырезов;
- 2) ряды округлых ямок;
- 3) округлые ямки, нанесенные поверх прямой линии (чаще всего такой мотив использовался для создания замкнутой окружности, спирального или S-образного орнамента);
- 4) параллельные прямые линии;
- 5) зигзагообразно-волнистые линии;
- 6) тонкие спиральные линии;
- 7) ряды неправильных треугольников.

Орнамент наносился на такие предметы, как женские статуэтки и иные произведения искусства, тонкие стержни, подвески, пряжки, диадемы, браслеты и их фрагменты, предметы неизвестного предназначения и др. Распределение орнаментальных мотивов по разновидностям предметов представлено в табл. 1, а также на рис. 1 и 2.

Из 29 найденных на стоянке женских статуэток 13 декорированы, частично или полностью, различными видами орнаментальных мотивов (кроме тонкой спиральной линии, характерной для одного типа вещей — тонких стержней).

Очевидной связи между орнаментальными мотивами и типами женских статуэток не прослеживается. На трех статуэтках встречаются сочетания зигзагообразно-волнистых линий и округлых ямок (рис. 1, 4, 5, 12); на одной статуэтке полулунные вырезы сочетаются с неправильными треугольниками (рис. 1, 1).

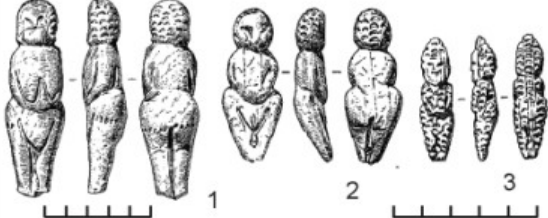
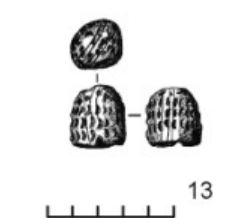
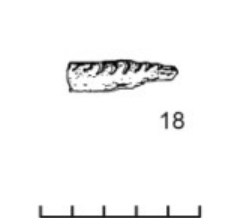
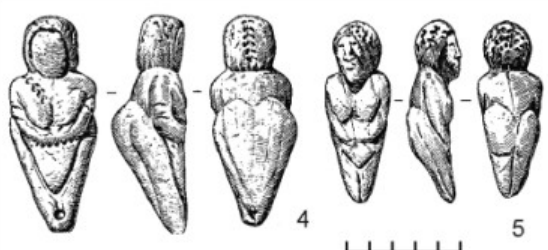
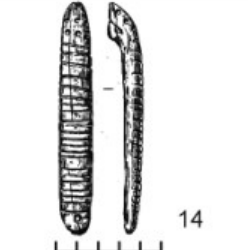

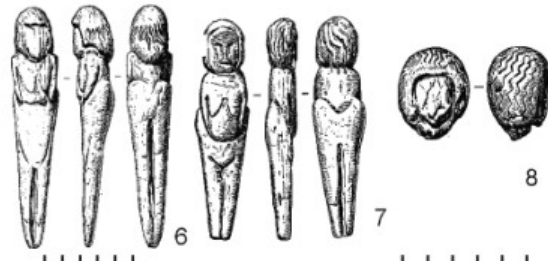
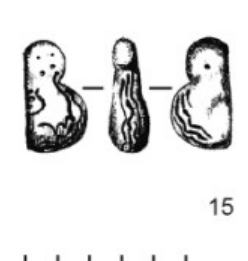
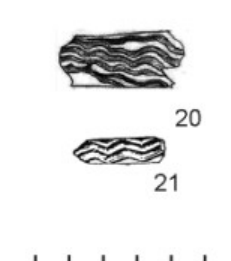

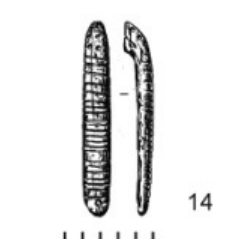
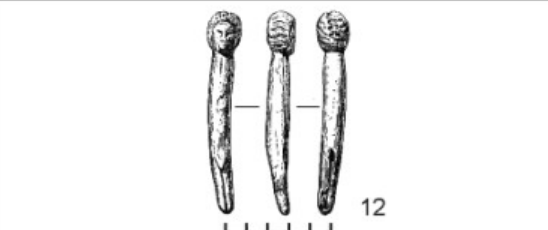
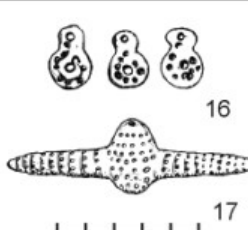
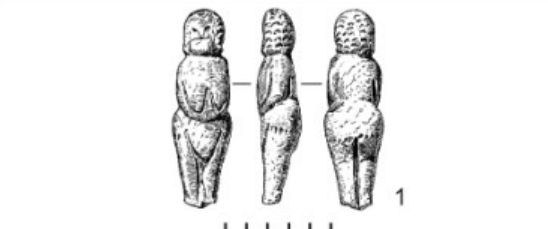
Наибольшая вариабельность орнаментальных мотивов характерна для декора головы. А. П. Окладников высказал предположение, что волосы в культуре Мальты и Бурети было принято изображать прямыми

Таблица 1. Соотношение типов предметов и орнаментальных мотивов
Table 1. Relation between the types of artefacts and ornamental motifs

Тип предметов	Кол-во	Орнаментальные мотивы	Кол-во
Женские статуэтки	19	Полулунные вырезы	6
		Прямые линии	6
		Зигзагообразно-волнистые линии	6
		Округлые ямки	4
		Неправильные треугольники	1
Фигурка птицы	1	Полулунные вырезы	1
Толстый стержень	1	Полулунные вырезы	1
Тонкие стержни и обломки стержней	6	Спиральные линии	6
Подвески	7	Округлые ямки	6
		Прямые линии	1
		Зигзагообразно-волнистые линии	1
		Полулунные вырезы	1
Пряжки, пуговицы	5	Зигзагообразно-волнистые линии	3
		Полулунные вырезы	1
		Округлые ямки	1
Фрагменты диадем (браслетов), браслеты, диадемы	10	Округлые ямки	7
		Зигзагообразно-волнистые линии	2
		Полулунные вырезы	1
Фрагменты пластин	2	Округлые ямки	2
Фрагменты изделий, украшений, художественных поделок	10	Полулунные вырезы	6
		Округлые ямки	5
		Прямые линии	1

Рис. 1. Орнаментированные предметы стоянки Мальта: 1–8, 10–21 — бивень мамонта; 9 — рог оленя (1–3 — Абрамова, 1962. Табл. XLIV. Рис. 6, 9, 2; 4–6 — Абрамова, 1962. Табл. XLVI. Рис. 8, 6, 1; 7 — Абрамова, 1962. Табл. XLIV. Рис. 1; 8, 9 — Абрамова, 1962. Табл. XLVI. Рис. 2, 7; 10–12 — Абрамова, 1962. Табл. XLIV. Рис. 8, 3, 4; 14 — Абрамова, 1962. Табл. LIII. Рис. 8; 16, 17 — Герасимов, 1931. Табл. 21; 18 — Абрамова, 1962. Табл. LV. Рис. 42; 19 — Абрамова, 1962. Табл. LIV. Рис. 1, 3, 4, 7, 9, 11, 12; 21 — Абрамова, 1962. Табл. LV. Рис. 41)

Fig. 1. Ornamented objects from the site of Malta: 1–8, 10–21 — mammoth tusk; 9 — antler (1–3 — Абрамова, 1962. Table XLIV. Fig. 6, 9, 2; 4–6 — Абрамова, 1962. Table XLVI. Fig. 8, 6, 1; 7 — Абрамова, 1962. Table XLIV. Fig. 1; 8, 9 — Абрамова, 1962. Table XLVI. Fig. 2, 7; 10–12 — Абрамова, 1962. Table XLIV. Fig. 8, 3, 4; 14 — Абрамова, 1962. Table LIII. Fig. 8; 16, 17 — Герасимов, 1931. Table 21; 18 — Абрамова, 1962. Table LV. Fig. 42; 19 — Абрамова, 1962. Table LIV. Fig. 1, 3, 4, 7, 9, 11, 12; 21 — Абрамова, 1962. Table LV. Fig. 41)

Вид изделия Вид орнамента	Женские статуэтки	Подвески	Диадемы, браслеты и их фрагменты
Ряды полулунных вырезов			
Ряды ямок			
Зигзагообразно-волнистый			
Ряды параллельных прямых			
Ямки поверх линии			
Ряды треугольников			

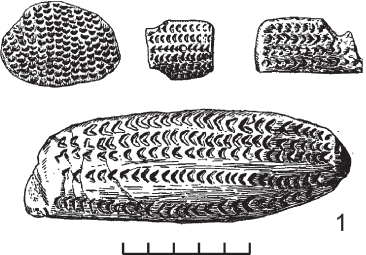
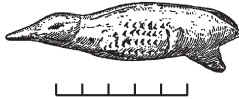
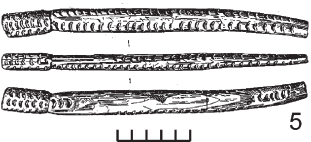
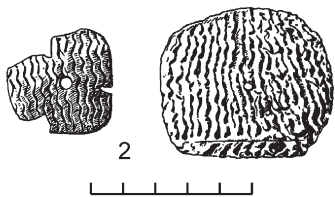
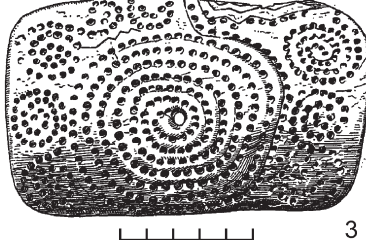

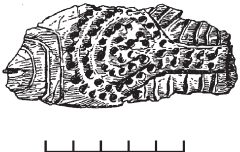
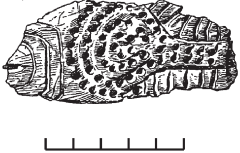
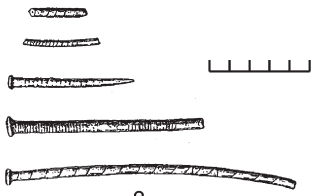
Виды изделий Виды орнамента	Пряжки и пластины	Скульптуры и фрагменты художественных изделий	Тонкие стержни
Ряды полулунных вырезов		 	
Зигзагообразно-волнистый			
Ямки поверх линии		 	
Ряды параллельных прямых			
Спиральные линии			

Рис. 2. Орнаментированные предметы стоянки Мальта: 1-8 — бивень мамонта (1 — Абрамова, 1962. Табл. LIII. Рис. 9, 10. Табл. L. Рис. 5, 3; 2 — Абрамова, 1962. Табл. L. Рис. 6, 7; 3 — Абрамова, 1962. Табл. L. Рис. 2; 4-7 — Абрамова, 1962. Табл. LIII. Рис. 2, 7, 6, 4; 8 — Абрамова, 1962. Табл. LV. Рис. 1, 3, 4, 6, 7)

Fig. 2. Ornamented objects from the site of Malta: 1-8 — mammoth tusk (1 — Абрамова, 1962. Table LIII. Fig. 9, 10. Table L. Fig. 5, 3; 2 — Абрамова, 1962. Table L. Fig. 6, 7; 3 — Абрамова, 1962. Table L. Fig. 2; 4-7 — Абрамова, 1962. Table LIII. Fig. 2, 7, 6, 4; 8 — Абрамова, 1962. Table LV. Fig. 1, 3, 4, 6, 7)

и волнистыми линиями, а головной убор — полулунными вырезами и округлыми ямками (Окладников, 1960. С. 282). Посередине теменной части головы у двух статуэток изображены орнаменты из продольной прямой линии и спаренных ямок (орнамент напоминает изображение колоса); возможно, этот орнамент можно трактовать как изображение косы или как деталь головного убора (рис. 1, 4, 12). У одной из статуэток орнамент расположен на плече, как будто продолжая изображение косы (рис. 1, 4).

Полностью декорированы четыре женские статуэтки (рис. 1, 3, 11). Во многих исследованиях отмечалось, что сплошное декорирование тела статуэтки изображало шитую меховую одежду эскимосского типа (Абрамова, 1960б. С. 135–136; Окладников, 1960. С. 281; Демещенко, 2000. С. 60). В Мальте для изображения одежды использовались два орнаментальных мотива: прямые параллельные поперечные линии и вертикальные ряды полулунных вырезов.

У двух статуэток в верхней части ног под седалищем расположены орнаментальные полосы, изображающие, по-видимому, перевязи, состоящие из округлых ямок у одной из фигурок и неправильных треугольников у другой (рис. 1, 1, 4).

Один из интересных и распространенных орнаментальных мотивов — ряды полулунных вырезов, которые встречаются практически на всех типах предметов, чаще всего — на женских статуэтках. Такой же орнамент нанесен на крылья единственного орнаментированного изображения птицы из Мальты (рис. 2, 4). Стоит заметить, что само изображение птицы тоже не имеет аналогов в искусстве Мальты и верхнего палеолита в целом и отличается реалистичностью исполнения (Абрамова, 1962. С. 48).

Полулунный орнамент встречается на шести женских статуэтках; он покрывает все тело статуэтки или поверхность головы за исключением лица и расположен одинаково: вертикальные ряды полулунных вырезов обращены острыми концами вниз (рис. 1, 1, 2, 3). На фигурке птицы элементы расположены

так же — они составляют четыре вертикальных ряда и обращены острыми концами к основанию тела птицы. Вероятно, на фигурке птицы этот орнамент изображает оперение. Таким образом, можно предположить, что он имел универсальное значение при изображении шкуры животных и оперения птиц.

Интерес представляют два других предмета, почти целиком покрытых полулунным орнаментом: толстый стержень (рис. 2, 5) и заготовка подвески, напоминающая наперсток (рис. 1, 13). На заготовке подвески в виде наперстка орнамент опоясывает поделку тремя горизонтальными рядами. Что касается стержня, то, по версии М. М. Герасимова, он являлся изображением змеи, а по мнению З. А. Абрамовой, он мог изображать пушистый хвост животного (Герасимов, 1935. С. 83; Абрамова, 1960а. С. 34).

Такой элемент, как округлые ямки, является образующим для двух видов орнамента. Более простой вариант — орнамент из округлых ямок, организованных в прямые ряды. Чаще всего продольные или поперечные ряды ямок украшают поверхность диадем и браслетов (рис. 1, 19). Такими же рядами ямок орнаментирована центральная часть подвески из ожерелья и «голова» подвески, напоминающей изображение змеи (рис. 1, 17, 14). Реже ряды из ямок нанесены наискосок, под углом к поверхности предмета.

Более сложный вид орнамента образован ямками, нанесенными поверх прорезанной линии; с их помощью создавались спиральный орнамент на пряжке со змеями (рис. 2, 3), S-образный орнамент на восьмеркообразных подвесках из ожерелья (рис. 1, 16), орнамент в виде замкнутых концентрических кругов на фрагменте художественной поделки, напоминающий изображение змеи (рис. 2, 7). Орнамент из ямок и прорезанных линий целиком опоясывает замкнутыми кругами конусовидные части центральной подвески ожерелья (рис. 1, 17).

Создается впечатление, что орнаментальный мотив из ямок, нанесенных поверх линии, применялся в тех случаях, когда мастер хотел создать сложный криволинейный

орнамент или какое-то изображение. Едва ли эта линия была необходима в качестве разметки для нанесения точечного орнамента. Сложно представить, что жители стоянки, обладавшие высоким уровнем владения косторезным мастерством, не могли нанести ямки без вспомогательной линии, к тому же врезанной глубоко и тщательно. Кроме того, расположение линии и ямок относительно друг друга одинаково на вышперечисленных предметах: ямки нанесены не строго поверх линии, они как бы лежат по одну сторону от нее, соприкасаясь с ней только основанием.

Этот орнамент принято связывать со стилизованными изображениями змей. Подобные ассоциации вызывают как сами формы орнамента (спираль, окружность, S-образный изгиб), так и выполнение его ямками, напоминающими чешую. Данную интерпретацию можно подтвердить тем, что на противоположной стороне пластины с подобным орнаментом нанесены реалистичные изображения змей (Демещенко, 2000. С. 60).

Другой распространенный орнаментальный мотив — зигзагообразно-волнистые линии. При детальном рассмотрении можно заметить, что в большинстве случаев они представляют собой комбинации V-образных элементов, так называемые шевроны. Чаще всего они украшают пряжки с отверстиями в центре и целиком покрывают их лицевую сторону (рис. 2, 2). Реже они встречаются на фрагментах диадем и браслетов (рис. 1, 20, 21). Часто зигзагообразно-волнистые линии используются как вспомогательные элементы для декора антропоморфных и зооморфных изображений: для передачи причесок или головных уборов у женских статуэток (рис. 1, 6–8) и для изображения, по-видимому, шерсти на зооморфной подвеске (рис. 1, 15).

М. М. Герасимов и З. А. Абрамова считали, что параллельные ряды двойных волнистых линий, которые можно увидеть на плоских округлых пластинках из бивня мамонта с отверстиями в центре (найденных как в культурном слое, так и в погребении детей), представляют собой стилизованные изображения ползущих змей (Герасимов, 1935.

С. 121–122; Абрамова, 1960а. С. 28). Надо отметить, что тела трех ползущих змей на пряжке изображены такими же, но более крупными зигзагообразно-волнистыми линиями.

Прямые поперечные параллельные линии украшали не только поверхность некоторых женских статуэток, но и подвеску, которую часто интерпретируют как стилизованное изображение змеи, а поперечные линии на теле — как изображение чешуи (рис. 1, 14). Можно предположить, что сходство орнамента на подвеске и женских статуэтках не случайно и говорит о связи образов женщины и змеи. В остальных случаях прямые линии выступают как вспомогательный элемент декора: они изображают прическу у женских статуэток (рис. 1, 9, 10) или оформляют фон на поделке с ямочным орнаментом (рис. 2, 7).

Многие орнаменты интерпретировались как стилизованные изображения змей: это относится и к орнаменту из полулунных вырезков, и к зигзагообразно-волнистому орнаменту, и к ямочному спиральному орнаменту, и к орнаменту из поперечных параллельных прямых линий. Сложно судить о значении данной интерпретации, но многочисленные изображения змей, как реалистичные, так и стилизованные, позволяют предположить, что образ змеи занимал особое место в искусстве обитателей стоянки.

Перейдем к сравнению орнаментов Мальты и памятников палеолита Восточной Европы. На стоянках костёнковско-авдеевской культуры, в частности в Костёнках I и Авдеево, орнаментом были преимущественно украшены утилитарные предметы (тесла, долота, крупные стержни, лоцила, лопаточки, остря, проколки, иглы), реже — произведения искусства (Абрамова, 1962. С. 22–23; Гвоздовер, 1953. С. 202). В Мальте, напротив, все орнаментированные вещи, кроме тонких стержней (служивших, вероятно, проколками или шильями), являлись неутилитарными.

В восточном граветте наблюдается приуроченность орнаментальных мотивов к определенным категориям вещей. Орнамент на фрагментах кости и бивня в Авдеево отличается от законченных орнаментальных

композиций на лопаточках, теслах, диадемах и других предметах (*Gvozdover*, 1995. Р. 15). М. Д. Гвоздовер на основании изучения авдеевских лопаточек сделала вывод о существовании специфических «женских» и «животных» орнаментов (*Там же*. Р. 18, 45).

В Мальте взаимосвязь формы и орнаментики прослеживается только на тонких стержнях со спиральным орнаментом, который, по видимому, наносился с целью уменьшения скольжения стержня в пальцах (рис. 2, 8).

Для костёнковско-авдеевской культуры характерны определенные традиции в размещении элементов орнамента на предмете и способ их компоновки в пределах орнаментированного участка. Орнамент никогда не покрывает всю поверхность предмета; обычно он расположен в один ряд по краю изделия или в виде параллельных полос. Орнаментальное поле отделено от фона рамкой, иногда оно разделено на части прямыми линиями (*Абрамова*, 1962. С. 22–23; *Gvozdover*, 1995. Р. 16). Строго регулировано расположение орнамента, изображающего украшения или детали одежды на статуэтках: перевязи над грудью, пояс на талии, браслеты на запястьях (*Gvozdover*, 1995. Р. 29). Орнамент покрывает предметы целиком только на изделиях со стоянок Хотылево II и Мезин (*Абрамова*, 1962. С. 34).

В Мальте строгие каноны в расположении орнамента на поверхности предмета отсутствуют. Чаще орнамент украшает всю лицевую поверхность, но есть исключения: браслеты, несколько обломков художественных изделий, фигурка птицы. На этих предметах орнамент локализован в пределах небольшого участка. То же касается женских статуэток: одни орнаментированы полностью, у других украшены головки, изредка изображены перевязи, некоторые не орнаментированы вовсе.

По технике гравировки Мальта также стоит в стороне от европейских памятников; здесь есть сходные с восточно-европейской технологией черты, но имеются оригинальные приемы гравирования (*Филиппов*, 2004. С. 115). Так, в мальтинской культуре существовал способ разметки поверхности точечными ямками для создания орнаментальных

элементов — возможно, на это повлиял опыт создания отверстий при изготовлении утилитарных вещей. Полулунные вырезы выскабливались острием от высверленной ямки: чаще всего просверливались три ямки, центральная из которых была глубже боковых, и затем они соединялись. Реже сверлились две ямки, иногда — одна. Разметка при помощи ямок применялась для создания стилизованной имитации волос и шерсти при изображении причесок и капюшонов у женских статуэток (*Там же*. С. 115). Такой же прием использовался для создания зигзагообразного орнамента на осколке пластины из бивня мамонта, где короткие бороздки отрезками прочерчены от ямки к ямке. На другом фрагменте с точечным орнаментом ямки делались проверткой с округлым концом, и участок ямки со стороны руки иногда оказывался недоделанным.

Для создания спиралевидного орнамента тонкие стержни прокручивали под давлением острого продольного края пластины; так называемая технология вдавливания использовалась и для нанесения орнамента в Мезине.

Такие способы нанесения орнамента, как скобление-прорезание и провертывание, носят универсальный характер. Приемы нанесения глубокой узкой гравировки, использовавшиеся в Мальте, полностью совпадают с приемами скобления острием, применявшимися для прорезания пазов (*Там же*. С. 116). Стоит заметить, что для Мальты характерны глубоко врезанные орнаменты, тогда как на большей части восточно-европейских стоянок орнамент наносился обычно легкими неглубокими насечками.

Различия между мотивами и элементами орнаментов Мальты и стоянок Русской равнины очевидны. В Мальте широко представлен криволинейный орнамент, лишенный острых углов и прямых линий в качестве образующих элементов. Встречаются тонкие резные волнистые линии, ряды углублений округлых, угловатых, полулунных, восьмеркообразных форм, иногда организованных в виде спиралей, одинарных и двойных. В Восточной Европе, напротив, распространен прямолинейный орнамент, основными

образующими элементами которого являются прямые, соединенные под разными углами и организованные в зигзаги, ряды углов и крестиков, меандры и т. д. (Абрамова, 1970. С. 86). К прямолинейным орнаментальным мотивам, характерным для стоянки Костёнки I, относятся тонкие насечки из мелких поперечных параллельных линий, косой крестик, зубчатый орнамент, ряды елочек и зигзагообразных линий, орнамент из четырехугольников, ряды клинообразных насечек. Исключение составляют криволинейные орнаментальные мотивы в виде поясков из соединенных полукружий и мелкие полулунные насечки на голове у одной статуэтки (Абрамова, 1962. С. 22–23).

Наиболее распространенным мотивом в Авдеево и Костёнках I является орнамент, состоящий из вертикально расположенных рядов наклонных крестов или пересекающихся линий (Gvozdover, 1995. P. 16). Такие же орнаменты встречаются на стоянках Костёнки II, Аносовка II, Костёнки IV, Гагарино, Хотылево II (Абрамова, 1962. С. 25–51). На их фоне выделяются орнаменты стоянок Мезин и Сунгирь. Для Мезина характерны геометрические орнаменты из прямых линий, образующие сложные сочетания в виде зигзагов, замкнутых геометрических фигур, меандра, ромбов и др. В Сунгире была найдена фигурка лошади с точечным S-образным орнаментом.

На первый взгляд могут показаться родственными такие мотивы, как зигзаги, типичные для Восточной Европы, и мальтинские зигзагообразно-волнистые линии, а также вертикальные ряды елочек и ряды полулунных вырезов. Они напоминают друг друга по форме и способу компоновки, а стилистически различаются только большей сглаженностью мальтинских орнаментов. Но в основе этих орнаментальных мотивов лежат разные первичные элементы, нанесенные по разной технологии. В Мальте первичным элементом является полулунный вырез, сделанный при помощи разметки ямками, а в Восточной Европе — наклонная прямая насечка, которая в сочетании с другой наклонной прямой составляет композиционный элемент орнамента в виде угла, лежащего в основе зигзагообразного мотива.

Перейдем к сравнению орнаментики Мальты и сибирских верхнепалеолитических стоянок. Последние не так богаты орнаментированными предметами, как памятники Восточной Европы. Единственная стоянка, являющаяся прямым аналогом Мальты и имеющая сходную с Мальтой орнаменту — Буреть. Здесь были найдены три орнаментированные женские статуэтки: одна целиком покрыта орнаментом из вертикальных рядов полулунных вырезов и округлых ямок, другая имеет головной убор в виде веерообразно расходящихся правильных кругов округлых ямок, у третьей головной убор изображен в виде параллельных рядов волнистых линий (Абрамова, 1962. С. 51).

Сходный с мальтинским орнамент встречается на «жезле начальника» из бивня мамонта с Ачинской стоянки, которая также относится к мальтинской культуре. Жезл орнаментирован спиральным узором, составленным из различных по очертаниям округлых ямок (Ларичев, 1987).

Что касается орнаментики других сибирских стоянок, то самым распространенным элементом является прямая тонкая насечка. Чаще всего встречается орнамент из коротких поперечных параллельных насечек. Он присутствует на украшениях, пластинах и фрагментах изделий со стоянок Афонтова Гора II, Ачинская, Лиственка, Каштанка I, Берелех, Красный Яр I (Аникович, 1976. С. 168; Шмидт, 2005. С. 38–39). Этот же орнамент украшает подвески и другие предметы, найденные на стоянках Горного Алтая (Кара-Бом, Малояманская, Усть-Канская) и Забайкалья (Каменка А и Ошурково) (Деревянко, Рыбин, 2005. С. 245–251). В Мальте подобный орнамент встречается только на головке одной статуэтки и изображает, по-видимому, волосы.

Реже встречается орнамент из радиально расположенных насечек. На стоянке Хотык была найдена бусина в форме корзины, орнаментированная насечками, радиально расходящимися от отверстия (Лбова, Табарев, 2009). На Афонтовой Горе III был найден диск с радиально расходящимися от центра нарезками (Абрамова, 1962. С. 52).

Вышеперечисленные виды орнамента, образованные тонкими прямыми насечками, не характерны для Мальты, где центральное место занимает криволинейный орнамент, образованный глубокими резными линиями.

На стоянке Военный Госпиталь несколько художественных изделий было украшено криволинейным орнаментом из глубоких резных линий, опоясывающих предмет или образующих концентрические круги, вписанные один в другой (Абрамова, 1962. С. 52). Вызывает интерес «жезл начальника» из рога оленя со стоянки Студёное-II. Он орнаментирован сложным криволинейным орнаментом, образованным глубокими резными линиями и тонкими насечками. На поверхности изделия сохранились две зоны орнамента. Для оформления обеих зон использована одинаковая комбинация элементов — чередование параллельных линий и полос с вертикальными насечками (Мещерин, Разгильдеева, 2002. С. 118). Однако сходство орнаментов Военного Госпиталя и Студёного-II с орнаментами Мальты исчерпывается наличием глубоких врезных линий, плавностью их изгибов, общей сложностью и мастерством исполнения.

Сопоставление орнаментики Мальты с орнаментами верхнепалеолитических стоянок Европы и Сибири показало, что орнаментика Мальты не имеет аналогов в искусстве палеолита. Орнаменты палеолитических стоянок Сибири, не относящихся к мальтинской культуре, отличаются от орнаментов Мальты не только стилистически и технологически; в контексте памятников они представлены

единичными экземплярами и не позволяют говорить о существовании устойчивой орнаментальной традиции, которую можно было бы сопоставить с мальтинской. Орнаментика стоянок Русской равнины сопоставима с орнаментикой Мальты только по богатству и разнообразию. Сходство мальтинских орнаментов с орнаментикой восточного граветта исчерпывается некоторыми особенностями технологии, продиктованными сходными приемами обработки кости, а также использованием орнамента в качестве декора для предметов искусства. Такие характеристики являются слишком общими, чтобы их можно было использовать в качестве аргумента в пользу родства культур. Анализ женских статуэток Сибири и Восточной Европы, проведенный З. А. Абрамовой, приводит к такому же выводу: факт наличия в Мальте женских статуэток, как и орнаментированных предметов, сближает ее с европейскими памятниками, но большое количество различий между обликом этих предметов не позволяет говорить о существовании прямой связи между этими культурами (Абрамова, 1987). М. В. Аникович, придерживавшийся идеи миграционного происхождения мальтинской культуры и ее генетической связи с костёнковско-виллендорфской культурой, писал, что традиции, перенесенные на большое расстояние, могли претерпеть сильные изменения (Аникович, 1999. С. 81). Отрицать такую возможность нельзя, однако сравнение орнаментик этих культур не подтверждает идею об их родстве.

Абрамова, 1960а — Абрамова З. А. Палеолитическое искусство Сибири. Иркутск: Иркутский областной художественный музей, 1960. 41 с.

Абрамова, 1960б — Абрамова З. А. Элементы одежды и украшений на скульптурных изображениях человека эпохи верхнего палеолита в Европе и Сибири // Палеолит и неолит СССР / Ред. А. П. Окладников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 4. С. 126–149 (МИА; № 79).

Абрамова, 1962 — Абрамова З. А. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 85 с. (САИ; Вып. А 4–03.)

Абрамова, 1970 — Абрамова З. А. Палеолитическое искусство // Каменный век на территории СССР / Отв. ред. А. А. Формозов. М.: Наука, 1970. С. 78–89 (МИА; № 166).

Абрамова, 1987 — Абрамова З. А. О некоторых особенностях палеолитических женских статуэток Сибири // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения / Отв. ред. Р. С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1987. С. 28–36.

Аникович, 1976 — Аникович М. В. Некоторые итоги раскопок Ачинской палеолитической

- стоянки // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности (эпоха палеолита) / Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1976. С. 155–169.
- Аникович, 1999 — Аникович М. В. О миграциях в палеолите // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. Кишинев, 1999. № 1: Время собирать камни. С. 72–82.
- Гвоздовер, 1953 — Гвоздовер М. Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит / Отв. ред. А. П. Окладников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 192–226 (МИА. № 39).
- Гвоздовер, 1985 — Гвоздовер М. Д. Орнамент на поделках костёнокской культуры // СА. М.: Изд-во АН СССР, 1985. № 1. С. 9–22.
- Герасимов, 1931 — Герасимов М. М. Мальта — палеолитическая стоянка. Иркутск: Издание Краевого музея, 1931. 34 с.
- Герасимов, 1935 — Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальта // Известия ГАИМК. М., Л.: Соцэкгиз, 1935. Вып. 118. С. 78–124.
- Герасимов, 1958 — Герасимов М. М. Палеолитическая стоянка Мальта: (раскопки 1956–1958 гг.) // СЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1958. № 3. С. 28–52.
- Григорьев, 1970 — Григорьев Г. П. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР / Отв. ред. А. А. Формозов. М.: Наука, 1970. С. 43–63 (МИА; № 166).
- Григорьев, 2007 — Григорьев Г. П. Орнамент на женских статуэтках // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер) / Науч. ред. Н. Б. Леонова. М.: Дом еврейской книги, 2007. С. 27–39.
- Демещенко, 2000 — Демещенко С. А. Искусство палеолитической стоянки Мальта // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Материалы Четвертых Сибирских чтений (г. Санкт-Петербург, 12–14 октября 1998) / Отв. ред. Е. Г. Фёдорова. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 59–63.
- Деревянко, Рыбин, 2005 — Деревянко А. П., Рыбин Е. П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты / Отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 232–255.
- Ларичев, 1987 — Ларичев В. Е. Ачинский жезл и его знаковая система // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1987. С. 92–101.
- Ларичев, 1993 — Ларичев В. Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск: Наука, 1993. 288 с.
- Лбова, Табарев, 2009 — Лбова Л. В., Табарев А. В. Культура, искусство, ритуал. Происхождение и ранние этапы: Учебное пособие. Новосибирск: Новосибирский гос. университет, 2009. 142 с.
- Мещерин, Разгильдеева, 2002 — Мещерин М. Н., Разгильдеева И. И. О находках произведений искусства «малых форм» на палеолитическом поселении Студеное-2 // История и культура востока Азии: Материалы междунар. науч. конф. (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.) / Ред. С. В. Алкин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2002. Т. 2. С. 116–120.
- Окладников, 1960 — Окладников А. П. Палеолитические женские статуэтки Бурети // Палеолит и неолит СССР / Ред. А. П. Окладников. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 4. С. 281–288 (МИА; № 79).
- Сосновский, Герасимов, 1937 — Сосновский Г. П., Герасимов М. М. Новые находки на палеолитической стоянке в с. Мальте // Советская секция Международной ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л., 1937. Вып. 1. С. 278–295.
- Филиппов, 2004 — Филиппов А. К. Хаос и гармония в искусстве палеолита. СПб.: ЛООО Сохранение природы и культурного наследия, 2004. 224 с.
- Фролов, 1974 — Фролов Б. А. Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974. 239 с.
- Шмидт, 2005 — Шмидт И. В. Афонтова Гора II: сложение научной традиции отношения к «мелким» свидетельствам эстетики верхнепалеолитической культуры // Искусство и ритуал ледниковой эпохи / Сост. В. С. Ветров. Луганск: ЧП Вега, 2005. С. 36–40.
- Gvozdover, 1995 — Gvozdover M. Art of the Mammoth Hunters: The Finds from Avdeevo. Oxford: Oxbow Monograph 49, 1995. 186 p.

Ornamentation from the Upper Palaeolithic site of Malta

T. V. Korneva

The ornamentation patterns from the Late Palaeolithic site of Malta are distinguished among Siberian sites by their richness and diversity. The closest analogue comparable with the Malta example in terms of the level of the development of the ornamental tradition is found at sites of the Kostenki-Avdeyevo culture. Of Malta, the curvilinear design is characteristic composing such ornamental motifs as rows of semi-lunular carvings, zigzag-wave lines, rows of rounded pits, parallel straight lines, thin spiral lines, rounded pits rendered over a line and rows of irregular triangles. In Eastern Europe, by contrast, a rectilinear pattern is widespread consisting mainly of straight lines organized into zigzags, rows of angles and crosses, meanders, etc. At Malta, the ornaments were drawn on female statuettes or other works of art, thin rods, pendants, buckles, diadems and bracelets, while any traditions in placing the pattern on a utilitarian object are almost untraceable (Fig. 1, 2). In the Kostenki-Avdeyevo culture, the ornamental motifs are combined with particular categories of artefacts including mainly utilitarian objects, while the manner of the distribution of the ornamentation on the object and its arrangement within the ornamented area follow definite canons. In the technique of engraving, Malta also differs from European sites.

At Siberian sites, the pattern similar to the Malta one is found on objects from sites of the Malta culture at Bureti and Achinskaya. Thin straight notches are the main element of the patterns characteristic of other sites. The deep curvilinear ornamentation is encountered at single pieces from sites of Voyenny Gosptal and Studenoye-II, however its appearance differs from the Malta pattern.

Thus the ornamentation from Malta has no parallels in the Palaeolithic art whereas consideration of the design as a culture differentiating indication does not allow us to state the kinship of the Malta culture with other cultures of Siberia and Eastern Europe.

Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа

С. Б. Бурков¹

Аннотация. Появление и развитие обряда кремации остаются одной из малоразработанных проблем в изучении кобанской культуры Кавказа. Одним из ключевых является определение источника возникновения данной погребально-поминальной традиции. Согласно двум взаимоисключающим концепциям, приоритет отдается племенам или Средней Европы (В. И. Козенкова), или Закавказья (А. Ю. Скаков), но в обоих случаях в их основе лежит идея заимствования такой традиции. В статье проанализированы возможные варианты решения проблемы с учетом материалов культуры племен «колхидо-кобанского» круга. Тема «срубного» следа в судьбах населения Кавказа финала среднего бронзового века и начала позднего бронзового века в исследовании рассмотрена лишь как общекультурный контекст. По мнению автора, обряд кремации на Северном Кавказе имеет давние традиции, длительное время присутствуя в различных культурах. Возможно, его появление связано не с прямым заимствованием традиций других культур, а обусловлено сменой идеологической основы самой погребально-поминальной обрядности, что могло привести к увеличению количества трупосожжений. Если в одном и том же обряде встречается разнообразие форм, то он мог не иметь сугубо этнокультурной природы, а, скорее, был надкультурного характера.

Annotation. The emergence and evolution of the cremation rite remains one of the little-understood problems in the studies of the Koban culture of the Caucasus. Of key importance is the identification of the origin of this funeral and memorial tradition. According to the two absolutely contradicting concepts, the priority is attributed to tribes of Central Europe (V. I. Kozenkova) or the Transcaucasia (A. Yu. Skakov) but, in both cases, the idea of the borrowing of this tradition is laid in the basis. The present paper analyses possible variants of the solution of this problem with a consideration of the evidence of the culture of the tribes of the 'Kolchis-Koban' circle. The problem of the 'Timber-grave' trace in the fates of the population of the Caucasus of the final Middle Bronze Age is considered in this study only within a general cultural context. In the opinion of the author, the rite of cremation in the Northern Caucasus was an old tradition and for a long time had been present in different cultures. Possibly, its appearance was not related with a direct borrowing of traditions of other cultures but was due to a change of the ideological basis of the funeral-memorial rite proper, which possibly increased the numbers of cremations. If a variety of forms is encountered within the same rite then the latter may have been of no ethnocultural nature but probably it possessed a super-cultural character.

Ключевые слова: Кавказ, поздний бронзовый век, кобанская культура, могильник, погребение, кремация, миграция, культурная трансформация.

Keywords: Caucasus, Late Bronze Age, Koban culture, burial ground, burial, cremation, migration, cultural transformation.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-60-71

¹ Отдел археологии, Институт истории и археологии PCO-A; ул. Ватутина, 46, г. Владикавказ, 362025, Россия; E-mail: sergeyburkov59@yandex.ru.

Введение

Обрядовые действия, связанные с использованием огненных ритуалов, зафиксированы во многих археологических культурах начиная с энеолита. Они известны на Северном и Южном Кавказе, где в погребальных обрядах в позднем бронзовом веке особое место занимает кремация. Так, М. В. Добровольская отмечает, что стремительное распространение по всей Евразии традиции кремации происходит во второй половине II тыс. до н. э., а с середины II тыс. до н. э. обряды трупосожжения приобретают массовое распространение (Добровольская, 2010. С. 90–91). В частности, они зафиксированы в погребениях кобанской и синхронной ей колхидской культур, однако тема, связанная с появлением и распространением обряда кремации на Кавказе, остается остро дискуссионной. В этой статье рассматриваются концепции появления трупосожжения у племен упомянутых выше культур, предложенные В. И. Козенковой и А. Ю. Скаковым. В своих трудах они уделили заметное место этой проблеме. Основной целью настоящей работы является анализ материалов, привлекаемых этими кавказоведами для обоснования своих базовых положений и выводов. Сопоставляя их позиции и привлекая дополнительные источники, в статье излагается авторская позиция, а также предлагаются перспективные пути изучения этой темы. Первоначально приведены основные работы В. И. Козенковой, дана оценка ее аргументов. Затем анализируются труды А. Ю. Скакова. Далее предложены комментарии автора, его выводы и сформулирован подход к изучению проблемы появления и развития обряда кремации в кобанской культуре.

Работы В. И. Козенковой

Свою первую работу, в которой обозначена идея об истоках обряда кремации в среде племен кобанской культуры на начальном этапе ее формирования, В. И. Козенкова опубликовала в 1982 г. Она отметила памятники, где этот обряд был зафиксирован (Верхняя Рутха, Эшкакон, Терезе, Баксанское ущелье (аул Булунгу), район Карабашево). По ее

мнению, этот ритуал начал формироваться в конце II тыс. до н. э., при этом раннюю группу кремационных погребений она отнесла ко второй половине XIII — первой половине XII в. до н. э. Она отметила и другие местонахождения, где также зафиксирована кремация, в том числе в Закавказье. Основываясь на том факте, что в Закавказье кремация широко распространяется лишь к началу I тыс. до н. э. (то есть заметно позже центральнокавказских памятников), она пришла к выводу, что эта область не может рассматриваться в качестве исходной для обряда трупосожжения. Напротив, В. И. Козенкова предположила обратный процесс, когда традиция кремации как способа погребения получила широкое распространение в связи с влиянием (миграцией) кобанских племен. По ее мнению, исходной территорией, откуда этот обряд проник и распространился в кобанской культуре, была территория Подунавья. Благодаря посредничеству сабатиновской культуры он проникает на Северный Кавказ, где на «предкобанской» стадии фиксируются нижнедунайские типы украшений и предметы вооружения. Она считает, что на раннем этапе этот обряд отражал присутствие иноэтнических группировок, в дальнейшем растворившихся среди местных племен. Позднее, уже в VIII–VII вв. до н. э., он распространяется в ареале колхидской культуры, выступая на начальном этапе как этнический маркер переселившейся группы (Козенкова, 1982).

В научном докладе, представленном в 1989 г. в качестве докторской диссертации, эту тему В. И. Козенкова глубоко не рассматривала. Кремация в нем показана как имевший место обряд, появившийся на «протокобанском» этапе. Характеристика же предметов позднего бронзового века, происходящих из Подунавья и Балкан, которые были найдены в зоне распространения Кобани, дана вне связи с этой обрядовой нормой (Козенкова, 1989. С. 17).

В совместной с А. П. Мошинским статье 1995 г. она вновь приводит тот же набор аргументов, что и в статье 1982 г., не рассматривая закавказские традиции как исходные

для обряда трупосожжения. Одновременно в этой работе отмечено синхронное появление данного обряда в Дигории и Раче, что, по мнению авторов, подтверждает исключительно тесную связь данных регионов на рубеже среднего и позднего бронзового века (*Козенкова, Мошинский, 1995. С. 48–49*).

В монографии, посвященной основным проблемам происхождения и развития кобанской культуры, В. И. Козенкова отстаивает свою позицию. Обращаясь к материалам Закавказья, она привела немногочисленные известные ей данные по обряду кремации на памятниках Грузии, Армянского нагорья и Азербайджана второй половины III тыс. до н. э. Это позволило ей прийти к выводу, что для рассматриваемых территорий в раннем бронзовом веке не характерна данная обрядовая норма. Известные к началу II тыс. до н. э. на территории Армении случаи трупосожжения определены исследовательницей как эпизодические. Этот обряд для конца II — начала I тыс. до н. э. на территории Восточного Закавказья более характерен для погребений ходжалы-кедабекского типа, рассматриваемых как элемент культуры переселяющихся иранских племен. В VIII–VII вв. до н. э. кремация в восточных и центральных районах Закавказья встречается лишь спорадически, она синхронна или появляется позже центральнокавказских захоронений. Всё это, по ее мнению, делает гипотезу о закавказском исходном импульсе появления этого обряда в Кобани маловероятным, поскольку только для среднеевропейских культур отмечены древнейшие погребения с кремациями. Это могло быть связано с единовременным кратким импульсом в один из периодов активного взаимовлияния и взаимопроникновения западных и восточных культурных элементов при посредничестве племен сабагиновской культуры. Данная норма — локальная особенность дигорской и близкородственных ей групп населения Кобани. На «предкобанском» этапе обряд кремации отражал присутствие чужеродного этноса и направление миграции западнокавказской популяции данной археологической культуры (*Козенкова, 1996*).

Эти рассуждения присутствуют в монографии Е. И. Козенковой, посвященной публикации материалов могильника у с. Терезе в Карачаево-Черкесии, основу которого составляли погребения с трупосожжениями. Однако здесь тема появления в кобанской культуре этого обряда оказалась связанной лишь с анализом обнаруженных материалов. Развернутой системы доводов в пользу средне- и восточноевропейского пути его обретения в книге нет. Могильник Терезе Е. И. Козенкова датировала концом XII — VIII в. до н. э. (*Козенкова, 2004*). Однако исходя из разработанной ею периодизации существования культуры, процессы, связанные с формированием базовых элементов Кобани, к началу функционирования рассматриваемого могильника уже завершаются. Для выделяемого ею периода Кобан I-б (начало XIV — первая половина XI в. до н. э.) обряд кремации отмечен как существенный, а для периода Кобан II (середина XII — рубеж XI/X вв. до н. э.) он отнесен к эпизодическим (*Козенкова, 1996. С. 10, 89–93, 131*). В таком случае утверждение исследовательницы о принятии обряда кремации на стадии формирования культуры выглядит не столь очевидным. Исходя из стратиграфических наблюдений, самым ранним погребением с кремацией являлась гробница № 2 могильника Терезе. Однако попытка установления относительной и абсолютной хронологии для этого погребального комплекса достаточно условна и основана на полевых наблюдениях, так как топография находок здесь могла быть иной из-за периодического смещения во время неоднократно осуществленных кремаций. К тому же зафиксированный обряд трупосожжения предстает здесь уже полностью сформированным. Но где происходило само формирование, на какой территории?

В. И. Козенкова утверждает, что оставивший могильник Терезе коллектив первоначально проживал на южном склоне Большого Кавказа, в бассейне Большой Лиахвы. В дальнейшем через Кобанское и Дигорское ущелья население мигрировало в предгорья северо-западной части Центрального Кавказа. Данный вывод подтверждается материалами

могильника. В частности, височные подвески VI и VII типов, стержневидные булавки с лопатообразными навершиями, булавки с навершием в виде пятишишечной булавы, бронзовое навершие булавы с четырьмя выступами датируются XIV–XIII вв. до н. э. Эти изделия наиболее характерны для погребений Тлийского и Стырфазского могильников, Нули и Квасатели в Южной Осетии. Находки этих изделий на памятнике западной группы Кобани указывают на время и территорию, откуда могло появиться изготовившее их население. Ряд керамических форм, в том числе и так называемые круглодонные фиалообразные кубки и их разновидности, датированы В. И. Козенковой второй половиной XIV — XIII в. до н. э. В то же время лопастные височные подвески и подвески кольцевидной формы из узкой мелкорифленой литой пластины, напоминающие, по ее мнению, вплоть до мелких деталей браслеты гальштатского типа из позднебронзовых памятников Восточной Европы, датируются ею XI–IX вв. до н. э., что исключает их из системы доказательств. К тому же металл, из которого они сделаны, — кавказский.

Следует также отметить тот факт, что изначально некавказские корни отдельных предметов для времени функционирования рассматриваемого могильника фактически являлись уже местными формами. К таковым можно отнести круглодонные кубки, узкое долото, крупные височные подвески сложной формы с волютами на концах, височные подвески из ребристой пластины, ажурные кольцевидные привески с крестом в центре, бронзовую рукоятку меча, широкие манжетовидные браслеты с крупными завитками на концах, бронзовые втульчатые двухлопастные наконечники стрел, бусы из египетского фаянса.

Височные подвески выделяемого ею VII типа очень похожи на подобные из погребений XIV–XIII вв. до н. э. из Нули и Квасатели в Южной Осетии и одновременно близки браслетам из рифленых пластин из памятников гальштатского периода, где они датируются более поздним временем — XII–X вв. до н. э. Подобные же находки для Пруто-Днестровского междуречья отнесены ею

ко времени второй половины XI — второй половины X в. до н. э., поэтому они тоже не могут учитываться в приводимой В. И. Козенковой системе доказательств. Как же тогда объяснить их схожесть? Предполагается, что это отражение общего для всего Циркумпонтийского региона процесса воздействия культур эпохи бронзы Средиземноморья на окружающий мир. По ее мнению, эти формы являются доказательством миграционных процессов, которые с юго-восточных Альп докатились и до Большого Кавказа (Козенкова, 2004. С. 45, 111, 117, 122, 134, 143, 145, 150, 153–155). Однако данные предметы не могут быть использованы для подобных доказательств, ведь их прототипы с территории Грузии древнее и типологически более близки, чем среднеевропейские.

Вполне вероятно, имел место обратный процесс, что может быть истолковано как кавказское влияние на культуры Средней Европы. К тому же сама В. И. Козенкова пишет о том, что археологические материалы показывают огромное воздействие культур Кавказского региона на степные культуры конца II — первой половины I тыс. до н. э. юга Восточной Европы, Северного Причерноморья, Нижнего Подонья и Поволжья (*Там же*). Поэтому, на наш взгляд, мнение о появлении обряда кремации в Кобани на начальном этапе формирования ее западнокавказского варианта через заимствование из Подунавья (при посредничестве степных племен сабатиновской культуры) не имеет под собой так называемых материальных оснований.

Тема, связанная с влиянием подвижных скотоводов середины — третьей четверти II тыс. до н. э. в культурно-исторических процессах на Северном Кавказе, требует отдельного внимания и привлечения значительного числа материалов. Далее рассмотрены работы А. Ю. Скакова, который предлагает иную версию появления обряда кремации у племен, имеющих колхидо-кобанскую основу.

Работы А. Ю. Скакова

Анализ его позиции по проблеме обряда кремации целесообразно начать с доклада, прочитанного им на Первой Абхазской

международной археологической конференции. В нем автор подробно остановился на нескольких основных моментах. Один из них касался того, как возник этот обряд. Полемизуя с мнением В. И. Козенковой, исследователь отметил, что в срубной культуре действительно есть кремационные погребения, и этот обряд для нее является культуuroобразующим признаком, но количество таких погребений не превышает нескольких процентов. При этом отсутствуют критерии, которые позволили бы соотнести данный погребальный обряд с той или иной группой срубного общества или вообще выделить устойчивую группу признаков, характерных только для погребений с кремациями. В сабашиновской культуре им отмечено единственное кремационное погребение (Борисовка, курган 3, погребение 2 — см. *Шмаглий, Черняков, 1970. С. 54–56*). Для Средней Европы среднего и позднего бронзового века характерна кремация в урнах. В срубной культуре известна кремация на стороне, но с помещением праха в грунтовые ямы.

Еще одно направление в «неприятии» А. Ю. Скаковым среднеевропейского пути появления данного обряда связано с датировкой памятников. Так, В. И. Козенкова продолжает датировать протокобанские памятники, в которых появляется обряд кремирования, XIII — первой половиной XII в. до н. э. А. Ю. Скаков же обосновал удревнение наиболее архаичных памятников протокобанского времени (когда и появляется кремация) до второй четверти II тыс. до н. э., а памятников дигорской культуры (к которой относится большинство ранних кремаций) — до XV–XIII вв. до н. э. Он считает, что нет никаких оснований связывать появление кремации на Центральном Кавказе с сабашиновской культурой, датирующейся XIV–XII вв. до н. э.² (*Скаков, 2009. С. 157*). Попытка отнести время появления древнейших памятников Протокобани и дигорской культуры к началу II тыс. до н. э.,

² Последние данные показывают удревнение нижней границы существования сабашиновской культуры, по меньшей мере, до XV в. до н. э. (см. *Сава, Кайзер, 2011. С. 377–397*, с цитированной литературой; *Сава и др., 2019. С. 170*). — *Примеч. ред.*

синхронизировав их с данными, основанными на радиоуглеродной базе культур посткатакомбного блока (*Мимоход, 2013. С. 18*), предпринята на незначительной серии анализов, которых явно недостаточно для этой цели. Ни одна из серии дат не дотягивает до минимального порога статистической корректности. Соотнесение же систем радиоуглеродной и относительной хронологии не может осуществляться прямым их совмещением (см. *Мимоход, 2011. С. 49*). Основываясь на том же принципе, В. А. Трифонов отнес протокобанские памятники к XV–XIV вв. до н. э., тогда как протоколхидские определены им в промежутке от XXV до XVIII в. до н. э. По его мнению, в XX–XVIII вв. до н. э. в подгорной зоне Центрального и Западного Кавказа существуют памятники, на основе которых позднее сформировалась протокобанская культура (*Трифонов, 2001. С. 80–81*). Противоречивость и недостаточность подобных данных заставляют автора статьи пока воздерживаться от их применения.

Второй вопрос — мог ли этот обряд появиться из Закавказья — оба исследователя решают по-разному. А. Ю. Скаков приводит мнение В. И. Козенковой о невозможности согласиться с выводом о «широкой практике» кремации в Закавказье в эпоху, синхронную и более раннюю, чем культура Верхнерутхинского могильника. Поэтому, несмотря на наличие определенного количества кремационных захоронений в археологических культурах Закавказья, этот обряд не мог проникнуть оттуда в кобанскую культуру. А. Ю. Скаков предпочитает выводить традицию кремации из триалетской культуры, где она была характерна для богатых погребений периода ее расцвета и близких им памятников (Цалка, Зуртакети, Метехи, Самтавро, Садуга), так как она синхронна памятникам протокобанского I этапа. Для Триалети, как и для Протокобани, была характерна кремация на стороне (в сочетании с ингумацией), но с захоронениями праха в каменных подкурганских склепах. В Звельских курганах коллективные кремационные погребения в каменных камерах также сосуществуют с ингумацией.

Кремация эпизодически встречается в ряде других закавказских памятников, предшествующих или культурно близких протокобанским. В частности, в погребении № 16 Кобальского могильника и в погребении № 34 могильника Цавгли предполагаются погребения в урне. По мнению А. Ю. Скакова, именно закавказский импульс финала среднего бронзового века был решающим в формировании протокобанского пласта памятников и собственно кобанской культуры. Кремация, наряду с некоторыми типами инвентаря или их репликами, связанная своим происхождением с триалетскими и посттриалетскими памятниками, распространяется по всему ареалу дигорской культуры (Верхняя Рутха, Кари Цагат, Брили, Богеши). В более поздний период кремация продолжает периодически встречаться в раннекобанских (проникая на территорию западного варианта кобанской культуры) и классических кобанских памятниках.

Исследователем отмечена и неоднородность кремационной традиции в рассматриваемых им погребениях. Он выделяет две группы: кремации в каменных склепах («домики мертвых») и кремации в больших грунтовых ямах. Первая группа является наиболее древней и главным образом присуща протокобанским и кобанским памятникам (за исключением Звели). Вторая группа преимущественно характерна для могильников колхидской ингури-рионской культуры. Кремационные погребения Боржомского ущелья являются урновыми. Он считает, что происхождение данного обряда в этих случаях различно. О факторе миграций применительно к обряду трупосожжения действительно можно говорить, но они имели локальный характер (Скаков, 2007а). В дальнейшем эти положения были им представлены и в публикации (Скаков, 2009).

В материалах Джантухского могильника в Абхазии зафиксированы коллективные погребения (погребальная яма № 6) второго яруса захоронений по обряду кремации на стороне, датирующиеся XII–XI вв. до н. э. По мнению А. Ю. Скакова, этот обряд появляется на изучаемой им территории в период

XIII–XI вв. до н. э. (нижний слой погребальной ямы № 6) и в дальнейшем эволюционирует (Скаков, 2011. С. 123, 126).

В статье А. Ю. Скакова, А. И. Джопуа и А. Козубовой приведено мнение Г. К. Шамба и С. М. Шамба о том, что истоки обряда кремации у колхидо-кобанских племен имеются в местных культурных традициях, которые нет оснований связывать с миграцией населения из Средней Европы. По мнению авторов, появление обряда кремации относится к протокобанской эпохе и связано с Закавказьем — триалетским и посттриалетским импульсами финала среднего бронзового века. Относительно Джантухского могильника был сделан вывод о том, что он по своим основным характеристикам более близок к кобанским, чем к колхидским памятникам. Для данного некрополя свойственна кремация на стороне, что более характерно для ранних колхидских погребений, тогда как для поздних — кремация на месте при вторичном обряде погребения. Коллективные кремационные погребения отмечены на могильнике Уреки в Западной Грузии. Авторы статьи считают, что непродуктивно связывать кремационные погребения с ареалом колхидской культуры в целом, как это предлагает В. И. Козенкова. По их мнению, это связано с тем, что некрополи с кремационными захоронениями сосредоточены в сравнительно небольшом районе Центральной Колхиды. За его пределами кремационные погребения (причем только индивидуальные) известны лишь на могильниках Гуадиху и Красный Маяк, находящихся в контактных зонах. В то же время заметная группа практически аналогичных по обряду и близких по инвентарю погребальных памятников давно известна в Кабардино-Пятигорье. Ранее А. Ю. Скаков допускал, что кремация проникает в Центральную Колхиду именно оттуда в X–IX вв. или в IX — первой половине VIII в. до н. э. Однако после обнаружения раннего кремационного погребения на Джантухском могильнике картина изменилась. Западнокобанские памятники утратили хронологический приоритет. Проникновение кремации в Кабардино-Пятигорье и

в Центральную Колхиду можно считать одно-временным. Связывать этот импульс следует с протокобанскими памятниками — с дигорской археологической культурой (Скаков и др., 2013. С. 14, 23–25, 29).

В дальнейшем А. Ю. Скаков обращается к разрушенному коллективному погребению Богреша в Сванетии, для которого он предполагает кремацию на стороне. Он датирует его первой половиной II тыс. до н. э., а возможно, и более древним временем (Скаков, 2013. С. 153–154). Исследователь считает, что на одном могильнике в синхронных погребениях с одинаковым инвентарем могли сочетаться различные обряды (ингумация, кремация), что, видимо, не связано ни с половозрастной, ни с социальной стратификацией. Появление обряда кремации в Западном Закавказье, вероятно, следует связывать с импульсом раннекобанских племен Центрального Кавказа, хотя необходимо учитывать наличие следов кремации в коллективных гробницах Красной Поляны среднего бронзового века (Скаков, 2007б. С. 215–216).

Работы других исследователей

Тема кремации присутствует и в ряде работ ученых-кавказоведов. Так, в монографии М. Н. Погребовой трупосожжению, а также применению огненных ритуалов, используемых населением в междуречье Куры и Аракса в позднем бронзовом и раннем железном веках, отведена заметная роль (Погрехова, 2011). Ею отмечено, что трупосожжение как способ захоронения зафиксирован на протяжении всех изучаемых ею хронологических периодов (вторая половина II — начало I тыс. до н. э.) практически на всей территории Восточного Закавказья. Оно использовалось достаточно редко и, как правило, лишь в отдельных погребениях на памятниках, где преобладала ингумация. Однако в ряде случаев (могильник «Славянка», XV–XII вв. до н. э., могильник у с. Заталу, конец XII — IX в. до н. э.) все погребения были устроены по обряду кремации на стороне. Помимо грунтовых данный обряд зафиксирован и в курганных некрополях. Он известен начиная с энеолита

(курган на р. Хаченагет), продолжается в раннем бронзовом веке (курганная группа в местности Осман-Бозу — в трех из четырех курганов). В среднем бронзовом веке разнообразием обрядов захоронения преимущественно отличались рядовые погребения. Для элитных же захоронений практически повсеместным был обряд трупосожжения. В значительном количестве обряд кремации зафиксирован на памятниках куро-араксской культуры, на памятниках триалетской культуры она преобладала. Этот обряд продолжал существовать и в последующее время, сочетаясь с другой обрядовой нормой — сжиганием деревянных элементов (перекрытий и стен) погребальных конструкций. В ряде случаев (Лчашен, Хасанлу и др.) пол погребальных камер был покрыт золой. В четырех курганах Гараджамирли в камерах зафиксированы остатки кострищ. В некоторых случаях (Кировобад, Ганжа, группа II, курган № 11) огонь, разведенный над настилом, сопровождал трупосожжение внутри могилы. В погребениях с оленями кремирован только основной покойный. Можно предполагать трупосожжение в одной из могил к юго-западу от Еленендорфа на правом берегу р. Гянджачай, в двух из 17 погребений под одной насыпью кургана у горы Парсегагох, в двух из пяти курганов у с. Кара-Булак, в одном из шести курганов у с. Ходжалы, в кургане Паша-тапа, в одном из девяти курганов 2-й группы степных курганов. В Армении погребения с кремацией известны в могильнике Неркин Навер (средний бронзовый век).+

В то же время для выделяемого М. Н. Погребовой I хронологического периода (конец XV — XIV в. до н. э.) отмечено почти полное исчезновение этого обряда на исследуемой ею территории. Этот вывод слабо коррелирует с представляемыми материалами. Вполне вероятно, что подобное противоречие во многом связано с выборочным охватом материала с территории Южного Закавказья, что отмечено и самой исследовательницей. Она не смогла *de visu* ознакомиться со значительной частью добытых в последние годы комплексов, а многие из опубликованных

материалов страдают неполнотой. Кроме того, предметом ее анализа являлись только те памятники Куро-Араксского междуречья, для которых автор счел возможным определить узкую дату. Подобное ограничение «вывело» за пределы изучения значительную часть материалов, что, вероятно, исказило общую картину. Для V хронологического периода (конец IX — первая половина VII в. до н. э.) единичные случаи кремации встречены в Кедабекском могильнике, а также в ряде курганных захоронений Ходжалы. Здесь помимо трупосожжений найдены наполненные пеплом сосуды, а часть пепла присутствовала в различных частях погребений. В погребениях курганного типа чаще всего практиковалось сожжение на стороне, с выкладыванием пепла на погребальном ложе или повозке, что было свойственно и триалетской культуре. Ею отмечено, что, по мнению многих исследователей, данный обряд несет в себе переднеазиатское влияние. М. Н. Погребова считала, что приток населения из Восточной или Средней Европы принес сожжение и погребения в повозках на марткопском этапе. На следы «северного влияния» в курганной культуре указывалось неоднократно. В качестве основного импульса обычно рассматривается ямная культура. По нашему мнению, это не так, ведь у носителей ямной культуры нет обряда сожжения тел покойных и погребений на повозках, хотя и встречаются некоторые элементы обряда кремации. Эти обрядовые нормы в развитой форме присутствуют только в погребальной практике катакомбной культуры. В то же время исследовательница приводит мнение Г. А. Меликишвили, который считает хурритской традицией сожжение тела и положение его на повозку. Но присутствие и разнообразие применения данного обряда, наряду с традиционным, вполне могло быть связано с отсутствием стабильного общественного устройства, которое было отмечено М. Н. Погребовой для начала позднего бронзового века. Огонь в основном присутствует в среде «элитных» погребений, где изредка встречаются и трупосожжения, а также среди захоронений особого

социального ранга (жрецы). Что же касается обряда, по которому совершались «элитные» погребения, то, по ее мнению, он не имеет единого культурного и хронологического значения и связан с социальными условиями. Кремация, как и вытянутое положение, также не имела исключительного социального значения (*Там же*. С. 8–10, 14, 24–25, 46, 52, 62, 88–90, 98–101, 110–111, 132, 157, 159, 197, 211, 241–242, 251, 258).

Предпринятый краткий экскурс показывает, что использование огня при захоронении умерших было характерно для широкого круга культур как степного блока, так и Закавказья. Этот обряд фиксируется и у земледельческих культур Балкано-Дунайского региона, есть он у носителей трипольской культуры, в курганах раннего бронзового века Болгарии, в кеми-обинских памятниках раннего бронзового века Крыма. Он присутствует и в кавказских древностях. Помимо Закавказья (триалетская культура) и района формирования западного варианта кобанской культуры конца эпохи бронзы он фиксируется и в более раннее время. Так, он известен в погребениях новотитаровской культуры. А. Н. Гей отмечает, что в 21 случае наблюдалась частичная обожженность или частичная кремация покойников, но случаев полного сожжения нет. В трех случаях наблюдалась обожженность всего скелета, в четырех — разведение костров на скелете, в четырех — под скелетом. Этот обряд присутствует на всех этапах развития культуры, причем в захоронениях как взрослых, так и детей. Интересно, что 12 из 21 случая были обнаружены в одном могильнике у ст. Новотитаровской. Очевидно, что эта форма обряда была популярна только у отдельных групп населения. Согласно А. Н. Гею, подобный обряд зафиксирован в захоронениях степной новосвободненской группы и ямной культуры, а также в катакомбной и в батуринской культурах, у катакомбного населения Подонья и в Заволжье, у поздних ямников, в захоронениях культуры многоваликовой керамики. Во всех перечисленных культурах погребения с кремацией часто выделяются из общей массы неординарными

обрядовыми характеристиками (Гей, 2000. С. 126–127). Однако этот обряд применялся для всех социальных страт и без ограничения по возрасту. Для большинства культур в могильниках, где был зафиксирован этот обряд, число погребений с его использованием составляло от 10 до 15 %. В позднем бронзовом веке данный обряд стал применяться более широко.

А. Ю. Худавердян и С. Г. Обосян, анализируя причину использования кремации на Боверском могильнике в Армении, относящегося к позднему бронзовому — раннему железному веку, предположили, что захороненные таким образом люди погибли за пределами их территории, т. к. доставка тел умерших к родовым кладбищам другим способом была проблематичной. Ими же приведены мнения и других исследователей, изучавших этот обряд. Так, появление обряда кремирования в культурах с господствующей традицией трупоположения, по мнению Ю. А. Шилова, приурочено к неким переходным этапам в развитии обществ в период становления новых идеологий, переориентации мировоззренческого комплекса. Согласно Ю. И. Михайлову, по обряду кремации хоронили лиц, относящихся к особой социальной категории (жрецы) или обладающих другим первостепенным социально-семейным статусом (Худавердян, Обосян, 2017. С. 9–11).

Выводы

Концепция появления обряда кремации на основе привлекаемых В. И. Козенковой материалов, на наш взгляд, является, скорее, культурологической конструкцией, чем реальной оценкой имеющихся материалов. Особенно это симптоматично на фоне отсутствия явных следов проникновения «носителей срубных традиций» на изучаемую нами территорию в XIV–XIII вв. до н. э., во время, когда происходил процесс формирования основ кобанской культуры. Появление «носителей срубных традиций» на Северном Кавказе В. А. Сафронов определял рубежом XIII–XII вв. до н. э., а В. И. Мамонтов считает, что это произошло еще позднее — не ранее конца

белозерского этапа, в конце IX в. до н. э. (Сафронов, 1970. С. 321; Мамонтов, 1980. С. 176). В выделяемой И. А. Сорокиной для территории степного Прикубанья культурном образовании XV–XII вв. до н. э., входящем в срубный мир, признаки кремации отсутствуют. Она подчеркнула, что возникновение этой группы памятников не было связано с экспансией срубной культуры (Сорокина, 1989. С. 287).

В то же время в ряде могильников иных культурных традиций, чье происхождение и развитие изначально или в основном происходило на Северном Кавказе, этот обряд фиксируется на протяжении длительного времени, в том числе и в позднем бронзовом веке. Достаточно ранние материалы прото- и раннекобанского периодов горно-предгорной зоны являются весомым аргументом в пользу его автохтонного происхождения. Самые ранние находки в гробнице № 2 могильника Терезе связаны с закавказским компонентом, тогда как возможные среднеевропейские импорты демонстрируют кавказский металл и формы. На этом фоне «колхидское» и более раннее «триалетское» направления выглядят более правдоподобными.

Возможно, что изменения в обрядовых практиках Кобани могли быть связаны не с прямым заимствованием, основанным на включении инокультурного компонента и восприятии его традиций, а со сменой идеологической основы самой погребально-поминальной обрядности. Это могло привести к более интенсивному использованию практики трупосожжения. Дополнительным доводом в пользу данного предположения может служить его усложнение, когда на смену сожжению на стороне либо использованию огня в самом погребальном сооружении (что было характерно для всех упомянутых выше культур) появляются специализированные площадки для проведения церемонии в пределах территории могильника. Если в одном и том же обряде встречается разнообразие, прежде всего, способов захоронения: кремация — на месте, на стороне, в урнах, в склепах, в грунтовых ямах, то он вряд ли мог носить сугубо этнокультурный характер,

а скорее всего являлся надкультурной обрядовой практикой. Поэтому его распространение вряд ли стоит связывать с миграцией каких-то «этнических» группировок. Очевидно, что при смене традиционного обряда труположения на инокультурную погребальную практику сожжения умерших была необходима кардинальная смена идеологических представлений. Не исключено, что погребальные традиции, характерные для восточноевропейского

населения позднего бронзового века могли стать составной частью формирующихся социальных норм на «предкобанском» этапе, когда их восприятие еще не ограничивалось сформированными и закрепленными регламентами обрядовых церемоний. Для уточнения этих вопросов необходимо привлечь источники, связанные с влиянием сообществ «подвижных скотоводов» финала среднего и начала позднего бронзового века.

Гей, 2000 — Гей А. Н. Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.

Добровольская, 2010 — Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 85–97.

Козенкова, 1982 — Козенкова В. И. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. 1982. № 3. С. 14–35.

Козенкова, 1989 — Козенкова В. И. Большой Кавказ в XIV–IV вв. до н. э. Кобанская культура: модель тысячелетнего развития: Научный доклад, представленный в качестве дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989. 59 с.

Козенкова, 1996 — Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: Наука, 1996. 162 с.

Козенкова, 2004 — Козенкова В. И. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII — VIII в. до н. э. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с. (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа; Вып. V).

Козенкова, Мошинский, 1995 — Козенкова В. И., Мошинский А. П. Кобанская культура Кавказа. Генетические корни и условия формирования (третья четверть II тыс. до н. э.) // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей, 1995. Вып. 1. С. 48–52.

Мамонтов, 1980 — Мамонтов В. И. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье // СА. 1980. № 1. С. 175–194.

Мимоход, 2011 — Мимоход Р. А. Радиоуглеродная хронология блока поскатакомбных культурных образований // КСИА. 2011. Вып. 225. С. 31–53.

Мимоход, 2013 — Мимоход Р. А. Лолинская культура. Северо-Западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 28 с.

Погребова, 2011 — Погребова М. Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II — начало I тыс. до н. э. (по данным археологии). М.: Восточная литература, 2011. 422 с.

Сава, Кайзер, 2011 — Сава Е., Кайзер Э. Поселение с «зольниками» у села Одая-Мичурин, Республика Молдова (Археологические и естественнонаучные исследования). Chişinău: Bons Offices SRL, 2011. 532 p. (Biblioteca “Tyragetia”; Vol. XIX.)

Сава и др., 2019 — Сава Е., Кайзер Э., Сырбу М. Некоторые результаты исследований на поселениях комплекса Ноуа-Сабатиновка-Косложень, расположенных в южной части Республики Молдова // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург) / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рожд. выдающ. археолога В. С. Бочкарёва. СПб.: ИИМК РАН; Невская Типография, 2019. С. 169–171.

- Сафронов*, 1970 — *Сафронов В. А.* Хронология памятников II тыс. до н. э. юга Восточной Европы: Дис. ... канд. ист. наук // НОА ИА РАН. Р-1. № 2078.
- Скаков*, 2007а — *Скаков А. Ю.* К вопросу о происхождении обряда кремации у кобанских и колхидских племен // Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия: Первая Абхазская Междунар. археол. конф., посвящ. памяти Ю. Н. Воронова (Сухум, Абхазия, 06–11 ноября 2006 г.) / Отв. ред. В. В. Бжания. Сухум: Алакарба; Сухумский госуниверситет, 2007. С. 325–328.
- Скаков*, 2007б — *Скаков А. Ю.* К вопросу о погребальных обрядах населения древней Колхиды // Лавровский сборник: Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований: этнология, история, археология, культурология, 2006–2007 / Отв. ред. Ю. Ю. Карпов, И. В. Стаевич. СПб.: РИО МАЭ, 2007. С. 215–218.
- Скаков*, 2009 — *Скаков А. Ю.* Некоторые проблемы истории Северо Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы — раннего железа // КСИА. 2009. Вып. 223. С. 143–172.
- Скаков*, 2011 — *Скаков А. Ю.* Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник РГНФ. М., 2011. № 4 (65). С. 121–132.
- Скаков*, 2013 — *Скаков А. Ю.* Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов: Материалы Междунар. науч.-практич. конф. / Отв. ред. Б. Х. Бгажников, В. А. Фоменко. Нальчик: КБИГИ, 2014. Ч. I. С. 151–172.
- Скаков и др.*, 2013 — *Скаков А. Ю., Джоуа А. И., Козубова А.* Открытия Г. К. и С. М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Материалы Третьей Абхазской международной археологической конференция, посвященной памяти Г. К. Шамба (28 ноября — 1 декабря 2011 года, г. Сухум) / Отв. ред. М. Т. Кашуба, А. Ю. Скаков. Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д. И. Гулиа АНА; Дом печати, 2013. С. 22–45.
- Сорокина*, 1989 — *Сорокина И. А.* О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополья: Сб. науч. статей / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. М.: Наука, 1989. С. 279–282.
- Трифонов*, 2001 — *Трифонов В. А.* Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы Междунар. науч. конф. к столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы / Отв. ред. Ю. И. Колев. Самара: СамГПУ, 2001. С. 71–82.
- Худавердян, Обосян*, 2017 — *Худавердян А. Ю., Обосян С. Г.* К вопросу о реконструкции обряда кремации у носителей эпохи поздней бронзы и раннего железного века Армении // Научные ведомости БелГУ. Сер. «История. Политология»; вып. 41. Белгород, 2017. № 1 (250). С. 9–15.
- Шмаглий, Черняков*, 1970 — *Шмаглий Н. М., Черняков И. Т.* Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра (1964–1966 гг.) // Тр. Днестро-Дунайской новостроечной экспедиции 1963–1967 гг. Ч. I: Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра / Отв. ред. П. О. Карышковский. Одесса: Маяк, 1970. С. 5–115 (Материалы по археологии Северного Причерноморья; Вып. 6).

Cremation rite in the Koban Culture of the Caucasus

S. B. Burkov

The rite of cremation is known in the Koban culture of the Caucasus from the latter's initial stage. It is supposed that its appearance was borrowed from other cultures. V. I. Kozenkova holds the version that it is of the Central-European (Danube) origin. Namely, during the mediation of

tribes of the Sabatinovka culture it penetrates the Northern Caucasus where, at the 'pre-Koban stage', Lower-Danubian types of ornaments and weapons are found. At the early stage, this rite reflected the presence of migrants who further on were diluted in the milieu of local tribes. In the Transcaucasia, it became widespread only by the beginning of the 1st millennium BC, i.e. notably later than at the Central-Caucasian sites; therefore this region cannot be considered as the original one. In the opinion of A. Yu. Skakov, this ritual tradition cannot have been borrowed from steppe cultures where it was fairly widespread. Neither there are any criteria which would enable to compare it with some or other group of the Timber-grave population or to identify any stable aggregation of features characteristic exclusively of burials with cremations. Of people of the Middle and Late Bronze Age in Central Europe, cremations in urns are typical. In the Timber-grave (Srubnaya) culture, cremation aside is known, however with placement of the ashes into ground pits; here no 'crematoria' are found. The dates of the Sabatinovka culture do not coincide with the early Koban stage when cremation burials appear in it. A. Yu. Skakov supposes that this rite arose under the influence of the tribes of the Trialeti and post-Trialeti cultures of the Transcaucasia during the time of their flowering and the sites close to them and synchronous to those of the proto-Koban 1st stage. It is exactly the Transcaucasian impulse of the final Middle Bronze Age that was decisive for the formation of the proto-Koban group of sites and the Koban culture proper. Cremations began to be distributed throughout the entire area of the Digora culture. G. K. Shamba and S. M. Shamba supposed that the origins of the cremation rite among the Kolchis-Koban tribes are traceable in the local cultures so that there are no grounds to link it with the migration of population from Central Europe. In our opinion, the rite of cremation has roots in old traditions in the Northern Caucasus having been present in different cultures for a long period. Possibly, its emergence is related not with a direct borrowing from traditions of other cultures but was due to the change of the ideological basis of the burial-memorial rite itself which led to the increase of the number of cremations. With the introduction of cremations in the late Bronze Age, the funerary practices became more complicated. If a diversity of forms is encountered in one and the same rite, then it can have had no strictly ethnocultural nature but rather be of a super-cultural character. Therefore the distribution of cremations in the Koban culture hardly is to be linked with a migration of some particular 'ethnic' groups of population.

Железные топоры раннего железного века из могильника и поселения Джантух (Абхазия)¹

А. Ю. Скаков, А. И. Джопуа²

Аннотация. В статье на фоне находок с территории Западного Закавказья и прилегающих районов Северного Кавказа анализируется серия железных топоров могильника и поселения Джантух (Восточная Абхазия) V–III вв. до н. э. Бóльшей частью это новые находки, позволяющие уточнить типологию и хронологию железных топоров данного региона, а также вновь обратиться к проблеме межкультурных связей на Западном Кавказе.

Annotation. This paper analyzes, against the general background of finds from the area of the Western Transcaucasia and adjoining regions of the Northern Caucasus, a series of iron axes from the burial ground and settlement of Dzhantukh (Eastern Abkhazia) of the 5th–3rd centuries BC. The finds concerned mostly have been discovered recently enabling us to propose a more correct typology and chronology of iron axes from the region under consideration, as well as to consider anew the problem of intercultural links in the Western Caucasus.

Ключевые слова: Абхазия, колхидская культура, могильник Джантух, железные топоры, кобанская культура, межкультурные связи.

Keywords: Abkhazia, Kolchis culture, cemetery of Dzhantukh, iron axes, Koban culture, intercultural relations.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-72-89

Введение

Могильник Джантух, расположенный в юго-восточной Абхазии, в ущелье р. Галидзга (поселок Акармара, г. Ткуарчал) (рис. 1, 1), на сегодняшний день можно считать одним из эталонных памятников для всего Западного Закавказья (Скаков, 2011; Скаков, Джопуа, 2011; 2012; 2018; 2019). Могильник «открыт»

еще в 1970–1980-е гг. местными «копателями» и много лет ими разрушался. В 1981, 1983 и 1985 гг. незначительные по масштабу работы здесь проводили абхазские археологи (Шамба Г., 1984; Шамба Г., Шамба С., 1990). Методический уровень археологических изысканий 1980-х гг. и качество публикаций материалов затрудняют использование полученных тогда материалов, бóльшая часть которых, хранившаяся в музее г. Гагра, пропала в период грузино-абхазского конфликта 1992–1993 гг. В 2005 г. нам удалось обнаружить место могильника, а в 2006–2017 гг. на нем велись ежегодные работы совместной российско-абхазской археологической экспедиции ИА РАН, ИВ РАН, АБИГИ и АГМ. В 2018–2019 гг. работы проводились на ранее обнаруженном поселении, синхронном

¹ Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ «Северо-Западное Закавказье (Абхазия) в эпоху поздней бронзы — раннего железа» (№ 18-09-00293а).

² Скаков А. Ю. — Отдел археологии бронзового века, Институт археологии РАН; ул. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия; E-mail: skakov09@gmail.com. Джопуа А. И. — Абхазский государственный музей; ул. Леона, д. 22, г. Сухум, 384900, Республика Абхазия; E-mail: arkadi100@rambler.ru.

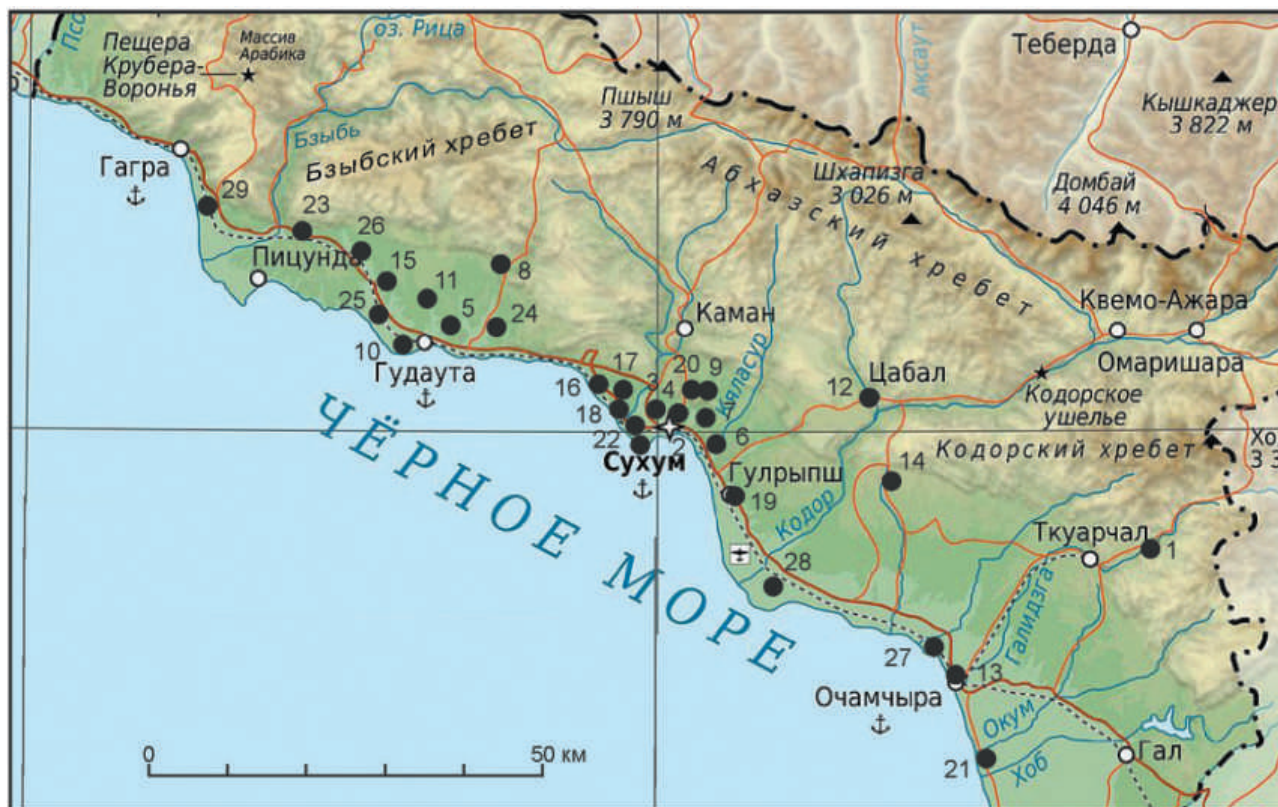

Рис. 1. Карта находок железных топоров VII–III вв. до н. э. на территории Республики Абхазия: 1 — Джантух; 2 — Красный Маяк; 3 — Гуадиху; 4 — Сухумская гора; 5 — Куланурхва; 6 — р. Келасур; 7 — Алексеевское ущелье; 8 — Ачандара; 9 — р. Беслетка; 10 — Бамбора; 11 — Лыхны; 12 — Цебельда; 13 — Очамчира; 14 — Джгерда; 15 — Здвандригли; 16 — Холм Верещагина; 17 — Эшерское городище; 18 — Нижняя Эшера; 19 — Гульрипш; 20 — Ахул-абаа; 21 — Гудава; 22 — Ачадара; 23 — Калдахуара; 24 — Аацы; 25 — Хипста; 26 — Отхара; 27 — Гиенос; 28 — Баглан; 29 — Псахара (Колхида)

Fig. 1. Map of findspots of iron axes of the 7th–3rd century BC in the territory of the Republic of Abkhazia: 1 — Dzhantukh; 2 — Krasny Mayak; 3 — Guadikhu; 4 — Sukhumi Mount; 5 — Kulanurkhva; 6 — Kelasur River; 7 — Alekseyevskoye gorge; 8 — Achandara; 9 — Besletka River; 10 — Bambora; 11 — Lykhny; 12 — Tsebelda; 13 — Ochamchira; 14 — Dzhgerda; 15 — Zdvandrigli; 16 — Vereshchagin Hill; 17 — Eshera hillfort; 18 — Lower Eshera; 19 — Gulripsh; 20 — Akhul-Abaa; 21 — Gudava; 22 — Achadara; 23 — Kaldakhuara; 24 — Aatsy; 25 — Hipsta; 26 — Otkhara; 27 — Gienos; 28 — Baglan; 29 — Psakhara (Colchis)

могильнику и расположенном на другом отроге той же горы³.

Железные топоры Джантуха

Достаточно многочисленные предметы вооружения из Джантухского могильника, опубликованные в свое время исследователями

памятника (*Шамба Г., Шамба С., 1990. С. 25, рис. 16, 4, 5; 20, 1, 4*), лишены каких-либо привязок к достоверным комплексам. Фактически это неполная сводка случайных находок с территории могильника. Джантухские материалы были опубликованы в двух монографиях, одна из которых, общего характера, увидела свет в Сухуми (*Шамба Г., 1984*), а вторая, посвященная исключительно этому памятнику, — в Тбилиси (*Шамба Г., Шамба С., 1990*), в период развала СССР. Недоступность последнего издания для большинства

³ В 2019 г. мы приступили также к исследованиям античного полиса Гиенос (современный г. Очамчира) и провели спасательные работы в с. Ачандара (Гудаутский район) на месте обнаружения в 2018 г. элитного погребения V в. до н. э.

специалистов, низкое качество иллюстраций, невозможность соотнести подавляющее большинство находок с несколькими раскопанными комплексами — все эти факты затруднили ввод уникального памятника в научный оборот. Учитывая это, в настоящей работе мы используем ранее опубликованные железные топоры Джантухского могильника (речь шла о шести экземплярах, но опубликованы рисунки и краткое описание только четырех — см. рис. 2, 4, 5, 7, 8) исключительно как аналогии новым найденным изделиям.

В первые годы наших работ на Джантухском могильнике в основном исследовались потревоженные грабителями погребальные ямы, хотя были обнаружены и комплексы XIII–XI, IX и VIII–VII вв. до н. э. В погребальных ямах более позднего времени находки предметов вооружения были единичными. Отметим, что датировка этих погребальных комплексов дана по античному керамическому импорту, встреченному здесь в неожиданно большом количестве (Скаков и др., 2016). В погребальной яме № 3 (вторая половина V — первая половина III в. до н. э.), где слой почти повсеместно был перемешан «черными копателями» советского времени, обнаружены две железные модели топориков (рис. 2, 1, 2). Модели предметов не единичны в материалах Джантухского могильника, здесь также встречены модели долот. В той же погребальной яме найдена лезвийная часть топорика (рис. 2, 3). Из погребальной ямы № 5 (вторая половина V — первая половина III в. до н. э.), также (кроме придонной части) потревоженной «искателями древностей», происходит лезвийная или обушная часть топора-клевец (рис. 2, б), по своей форме нехарактерного для территории Абхазии. В то же время фактически полная аналогия (если имеющийся фрагмент — обушок) имеется в западнокобанской культуре — в погребении № 1 Исправненского могильника (Козенкова, 1995. С. 73, табл. XIX, 9; Козенкова, Найденко, 1980. С. 204, рис. 5, 1). В. И. Козенкова отнесла этот тип топоров (тип III, по ее классификации) ко второй половине VI — началу V в. до н. э. Хотя в первой публикации она датировала погребение № 1 Исправненского могильника

рубежом VII–VI вв. или «самым началом» VI в. до н. э. (Козенкова, Найденко, 1980. С. 207).

В дальнейшем на Джантухском могильнике удалось обнаружить три непотревоженных комплекса, содержащих значительное количество разнообразного оружия. Это погребально-поминальная вымостка, являющаяся комплексом длительного бытования и неоднократного использования, и две ямы-«тайника», которые созданы при сооружении погребальных ям № 5 и 7 (Скаков, Джоуа, 2018. Рис. 1). По сути это своего рода жертвенные комплексы с достаточно ограниченным набором категорий инвентаря, который представлен сотнями предметов. Помещенные в огонь изделия (в более раннем «тайнике» погребальной ямы № 7 вещи сжигались где-то на стороне, в погребальной яме № 5 — в самой яме-«тайнике») не только требуют реставрации, но обычно остаются фрагментированными. Тем не менее еще до завершения реставрации получены серии кинжалов, копий и топоров различных типов. В ямы-«тайники» не помещали керамику и бусы, а украшения представлены лишь ограниченным набором категорий — в первую очередь браслетами, гривнами, цепочками; здесь также отсутствует антропологический материал. В погребально-поминальной вымостке железные топоры не обнаружены. Отметим, что такая особенность погребального обряда, как ямы-«тайники»⁴, впервые открыта на памятниках Западного Закавказья и прилегающих регионов (Скаков, Джоуа, 2013).

В «тайнике» погребальной ямы № 5 обнаружены два относительно целых топора (рис. 3, 1, 8), четыре лезвийные части топоров (рис. 3, 2, 3, 7, 9), один проух с обушной частью, две обушные части с остатками проуха. В большем количестве железные топоры⁵ представлены в комплексе «тайника» погребальной ямы № 7.

⁴ Это ямы, сделанные в придонной части погребальных ям, заполненные огромным количеством изломанных и пережженных предметов определенных категорий инвентаря и затем перекрытые материковой глиной.

⁵ Небольшое количество находок находится на реставрации.

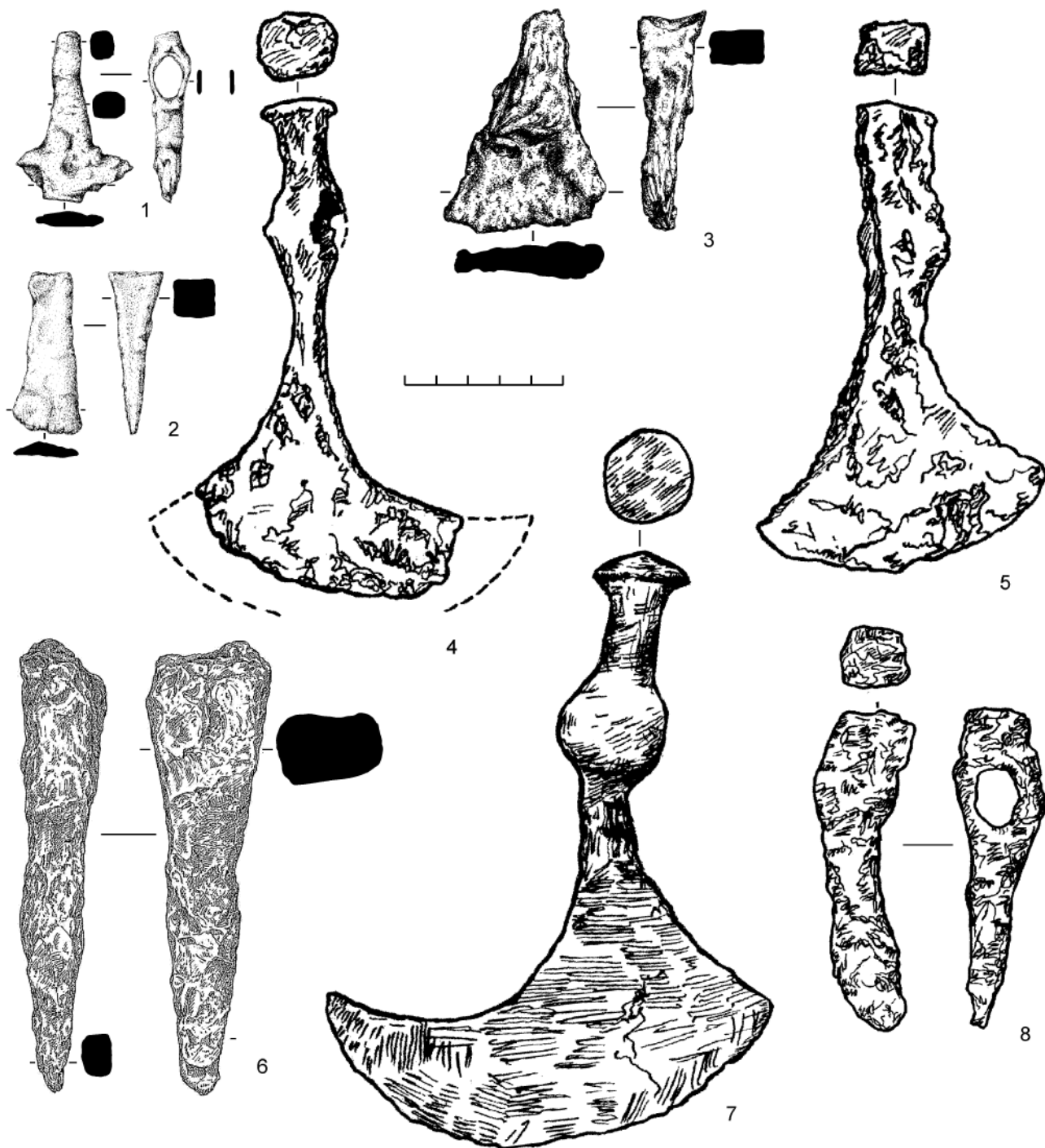

Рис. 2. Железные топоры могильника Джантух: 1, 2 — модели топоров из погребальной ямы № 3; 3 — лезвийная часть топора из погребальной ямы № 3; 4, 6-8 — топоры из старых раскопок могильника; 5 — фрагментированный топор-клевец из погребальной ямы № 5

Fig. 2. Iron axes from the cemetery of Dzhantukh: 1, 2 — models of axes from burial pit no. 3; 3 — blade of an axe from burial pit no. 3; 4, 6-8 — axes from previous excavations at the cemetery; 5 — fragmented axe-bec de corbin from burial pit no. 5

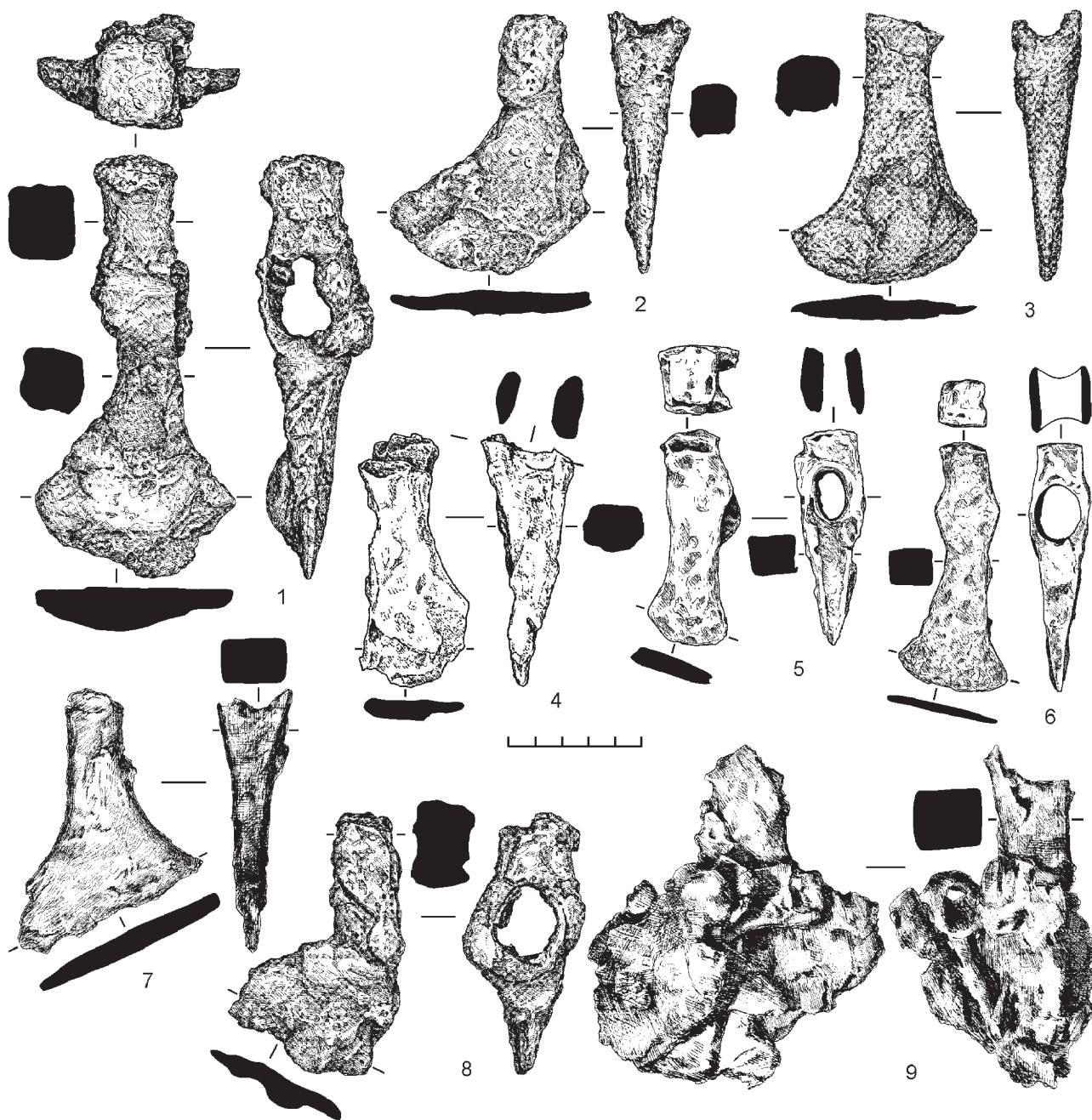

Рис. 3. Железные топоры могильника Джантух: 1-3, 6-8 — из «тайника» погребальной ямы № 5; 4, 5, 9 — из «тайника» погребальной ямы № 7

Fig. 3. Iron axes from the cemetery of Dzhantukh: 1-3, 6-8 — from 'cache' in burial pit no. 5; 4, 5, 9 — from 'cache' in burial pit no. 7

С учетом плохой сохранности топоров, их классификация является достаточно условной. В 11 случаях до нас дошли только обухные части топоров, иногда с частично или полностью сохранившимся проухом. Из них только в двух случаях обухная часть может

считаться сильно профилированной. В различной степени фрагментированные 21-23 топора могут быть отнесены к тому или иному типу, среди которых выделяется лезвийная часть со скошенным узким лезвием (рис. 4, 3). Топоры с таким лезвием хорошо

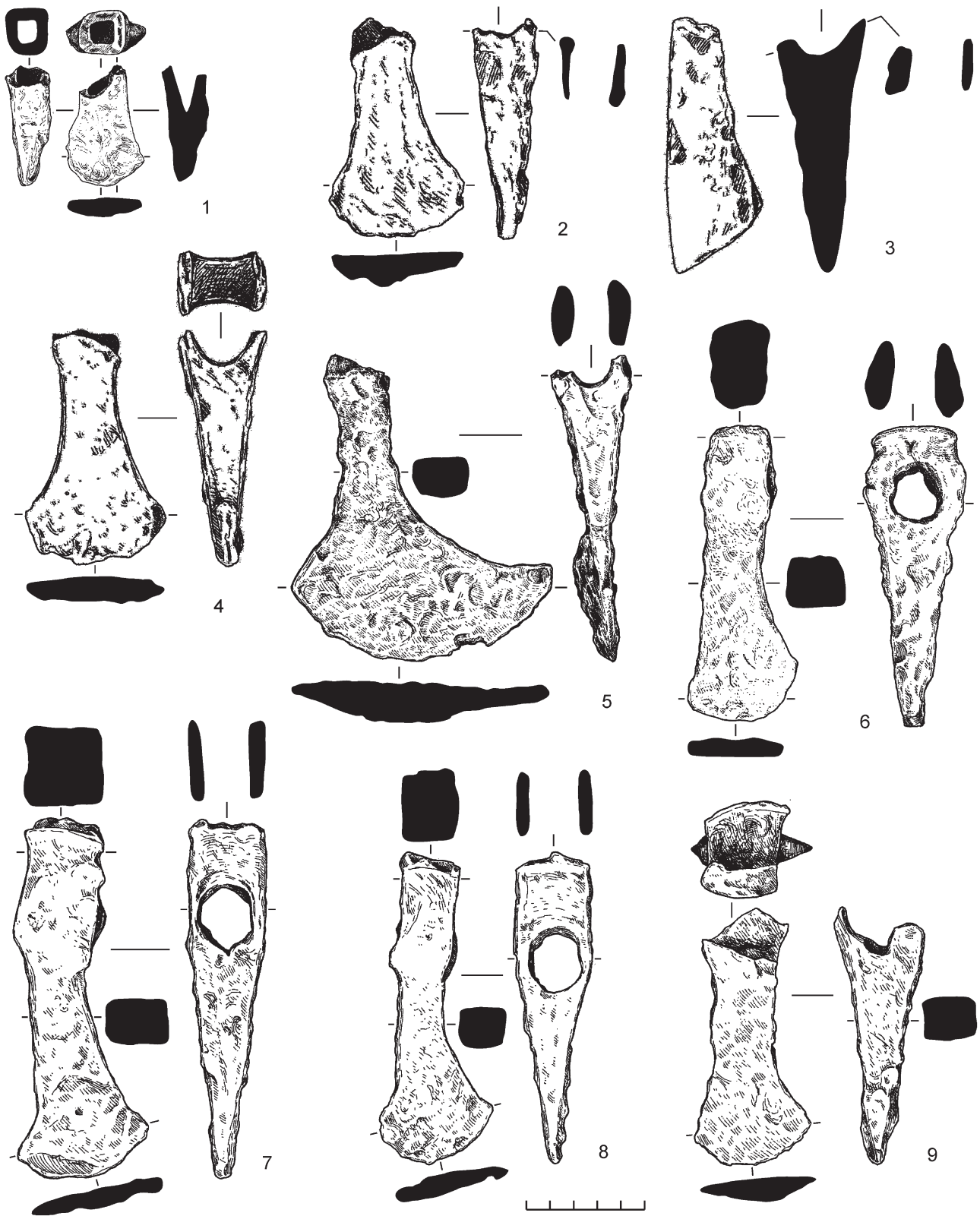

Рис. 4. Железные топоры могильника Джантух: 1-9 — из «тайника» погребальной ямы № 7
Fig. 4. Iron axes from the cemetery of Dzhantukh: 1-9 — from 'cache' in burial pit no. 7

представлены в западнокобанских древностях и относятся к типу I, по В. И. Козенковой (Козенкова, 1995. С. 72, табл. XIX, 1–3), но для Северо-Западного Закавказья они не характерны.

Классификация железных топоров

При классификации обнаруженных топоров мы опирались на типологическую схему Ю. Н. Воронова, которая требует некоторых уточнений, но пока остается единственной специально разработанной схемой для данного региона (Воронов, 1975. С. 221–222). Исследователь выделил три типа топоров. Первый тип, «с узким вытянутым контуром, проухом в центральной части, узким молоточковидным восьмигранным или округлым в сечении обухом», он отнес к началу VI в. до н. э. Второй тип, «со слегка расширенным вниз лезвием и коротким молоточковидным обухом», Ю. Н. Воронов датировал периодом начиная с V в. до н. э. Третий тип, «с секировидным лезвием, резко профилированной обушной частью и молоточковидным, часто выпуклым обухом», был отнесен к IV–II вв. до н. э. (*Там же*).

Некоторые современные грузинские исследователи выделяют для памятников Грузии V–IV вв. до н. э. только два типа топоров, ко второму типу относятся экземпляры с коротким обухом, узкой шейкой, широким асимметричным или симметричным лезвием, а первый тип отличается от него, по сути, только наличием узкого лезвия (*Gamkrelidze et al.*, 2016. P. 212–213). Соответственно первый тип датируется преимущественно V–IV вв. до н. э., хотя некоторые его разновидности доживают до III–II вв. до н. э., а второй тип бытует с конца V — начала IV до III–II вв. до н. э. (*Ibid.* P. 213).

Опираясь на схему Ю. Н. Воронова и дополняя ее, на основе архитектоники изделий, железные топоры Северо-Западного Закавказья можно отнести к трем типам. *Тип 1* — топоры с узким вытянутым корпусом, округлым лезвием, проухом (как правило) в центральной части и в большинстве случаев вытянутой узкой обушной частью; *тип 2* — топоры со слегка

расширенным лезвием; *тип 3* — топоры с секировидным лезвием. Особенности лезвийной части позволяют для топоров типа 3 выделить два подтипа: *подтип 3.А* — секировидное лезвие расширенное; *подтип 3.Б* — секировидное лезвие сильно расширенное и обычно асимметричное, при этом имеются узкая шейка, выделенная проушная часть и резко профилированная обушная часть. Для типов 2 и 3 выделяются по два варианта: с сильно вытянутым корпусом (*вариант 2-1, варианты 3.А-1 и 3.Б-1*) и с коротким корпусом (*вариант 2-2, варианты 3.А-2 и 3.Б-2*). Не исключено, что тип 1 может быть разделен на два подтипа (с вытянутой и укороченной обушной частью), однако такие топоры пока рассматриваются совокупно, как принадлежащие к типу 1. Отметим также нечеткие грани между первым и вторым типами, когда некоторые топоры занимают промежуточное положение. На наш взгляд, из топоров, найденных на правом берегу р. Беслетки в 2 км от моря и причисленных Ю. Н. Вороновым к третьему типу, только один может быть отнесен к типу 3 (Воронов, 1969. С. 53, табл. XXXVI, б), тогда как второй — к типу 2 (*Там же*. С. 53, табл. XXXVI, 3). Это обусловлено тем, что по формальным признакам тип 3 восходит к типу 2, являясь его развитием.

Среди упомянутых выше находок одна моделька топорика соответствует типу 1 (рис. 2, 2), вторая — варианту 2 типа 3 (рис. 2, 1), лезвийная часть топора — вероятно, типу 2 (рис. 2, 3).

В «тайнике» погребальной ямы № 5, учитывая плохую сохранность обнаруженных топоров и их фрагментов, достаточно условно к варианту 3.А-1 можно отнести один топор (рис. 3, 1), к варианту 3.Б-2 — один топор (рис. 3, 8), к подтипу 3.А — одну лезвийную часть топора (рис. 3, 3), а в целом к подтипу 3.Б — три лезвийные части топоров (рис. 3, 2, 7, 9). Отметим, что только в одном случае в этом «тайнике» имеется сильно профилированная обушная часть (лезвийная часть у этого фрагмента отсутствует).

В «тайнике» погребальной ямы № 7 восемь или девять топоров могут быть отнесены

Рис. 5. Железные топоры могильника Джантух: 1-9 — из «тайника» погребальной ямы № 7
 Fig. 5. Iron axes from the cemetery of Dzhantukh: 1-9 — from 'cache' in burial pit no. 7

к типу 2 (рис. 3, 4; 4, 1, 2, 4, 9; 5, 2, 3; 6, 3, 4). Пять относительно хорошо сохранившихся топоров относится к варианту 2-2 (рис. 3, 5, 6; 4, 6-8). К подтипу 3.А можно отнести три или четыре топора (рис. 5, 1, 6, 8, 9). Еще четыре топора принадлежат подтипу 3.Б (рис. 4, 5; 5,

4, 5, 7), причем один из них явно относится к варианту 3.Б-2 (рис. 5, 4).

Среди опубликованных ранее четырех железных топоров из Джантухского могильника (Шамба Г., Шамба С., 1990. С. 25, рис. 16, 4, 5; 20, 1, 4) один экземпляр с узким вытянутым

корпусом может быть отнесен к типу 1, однако он имеет укороченную и массивную обушную часть (рис. 2, 8), второй — с расширенным в нижней части секировидным лезвием и коротким обухом относится к типу 3.А-2 (рис. 2, 5), два остальных — с сильно расширенным секировидным лезвием, узкой шейкой и резко профилированной обушной частью (у одного из них обух слегка выпуклый) относятся к типу 3.Б-1 (рис. 2, 4, 7). Кроме того, из Джантухского могильника происходит поступившая в Абхазский государственный музей в составе одной из коллекций сильно удлиненная обушная часть железного топора, не имеющая следов пребывания в огне.

Железные топоры Абхазии и сопредельных территорий

Сводку железных топоров из Абхазии Ю. Н. Воронова следует дополнить многочисленными находками последующих лет (без учета материалов Джантухского могильника), а также несколькими не учтенными им экземплярами. К сожалению, опубликована только часть находок, а разобраться в некоторых публикациях и соотнести рисунок с описанием удается далеко не всегда⁶.

Два топора первого типа, по Ю. Н. Воронову, известны из погребения № 5 могильника Куланурхва (*Трапиш*, 1970. С. 109, 125–128. Табл. V, 11, 26), а также один экземпляр — из погребения № 11 могильника Красный маяк (*Трапиш*, 1969. С. 91, 183. Табл. XIX, 9). К первому типу относятся также два топора из разрушенных погребений на Холме Верещагина (*Воронов*, 1969. Табл. XXXV, 28, 29), топоры из поселения в с. Гудава (*Шамба Г.*, 1984. С. 8, рис. 1, б), кремационного погребения (датировано Г. К. Шамба второй половиной IV в. до н. э.) на Эшерском городище (*Шамба Г.*, 1980. С. 48 (№ 232). Табл. LXII, 4), два экземпляра из Гудаутского государственного музея Отечественной войны народа Абхазии им. С. Дбар. Из них наиболее ранними, очевидно, являются топоры с Холма Верещагина,

отличающиеся изящными пропорциями и восходящие, безусловно, к бронзовым прототипам. К этому же типу необходимо отнести топорик из погребения (2005 г.) в урочище Кутышха с. Нижняя Эшера, выделяющийся своим сильно изогнутым дуговидным абрисом. Комплекс датирован второй половиной VI в. до н. э. (*Шамба Г. и др.*, 2007. С. 167, 169, рис. 7, 4; *Джопуа*, 2011. С. 123–124, рис. 5, 4). Практически полные аналогии этому топору известны в ареале западнокобанской культуры (тип II, по В. И. Козенковой): из гробницы № 1 (1973 г.) на территории санатория «Туркменистан» в Кисловодске, из погребения № 1 в урочище Гоготлоба близ станицы Зеленчукская, из погребений № 3 и 7 могильника Клинь-Яр II (*Козенкова*, 1995. С. 72, табл. XIX, 6–8). В. И. Козенкова отнесла их ко второй половине VI — началу V в. до н. э. Впрочем, в своей более ранней работе она датировала захоронение из санатория «Туркменистан» началом VI в., может быть, даже рубежом VII–VI вв. до н. э. (*Козенкова*, 1989. С. 38).

Топоры второго типа, приведенные в сводке Ю. Н. Воронова, происходят из погребений № 10 и 12 могильника Сухумская гора (*Каландадзе*, 1953. С. 80, 85, табл. IX, 13; X, 1), погребений № 4 и 55 могильника Красный маяк (*Трапиш*, 1969. С. 87, 112, 183–184, табл. VI, 8; XIX, 10, 11), погребений № 4, 5, 10, 11, 55, 79, 80 могильника Гуадику (*Трапиш*, 1969. С. 20–21, 25–26, 33, 45, 56–60, рис. 4, 1–6, табл. II, 6, 9, 11), р. Келасури, р. Бесплетка (*Воронов*, 1969. С. 53, табл. XXXVI, 3), поселения в верховьях Алексеевского ущелья (*Там же*. С. 57, табл. XXVI, 5), Ачандары (2 экз.). Кроме того, ко второму типу относятся топоры из Гудаутского района (*Там же*. С. 53, табл. XXXVI, 2), из поселения на холме Ахул-абаа (*Воронов*, 1991. С. 225, рис. 5, 29), Эшерского городища (2 или 3 экз.) (*Шамба Г.*, 1980. Табл. LXII, 2, 3; LXVIII, 2), урнового погребения 1969 г. северо-восточнее Холма Верещагина (*Шамба Г.*, 1973. С. 187–188, рис. 3, 2), погребения 1968 г. в Нижней Эшере (датировано Г. К. Шамба второй половиной IV в. до н. э.) (*Шамба Г.*, 1972. С. 103, табл. I, 11), погребения 1980 г. в Очамчире (*Шамба С.*, 1982.

⁶ См. *Шамба Г.*, 1980. С. 47–48. Табл. CLII, CLIII.

С. 18, рис. 19, 5), из с. Приморского (*Шамба Г.*, 1984. Рис. 26а, 3).

Топоры третьего типа, известные Ю. Н. Воронову, были найдены на р. Бесплетка (*Воронов*, 1969. С. 53, табл. XXXVI, 6), р. Келасури, в погребениях № 1, 19, 20, 51, 52, 82 могильника Гуадику (*Трапи*, 1969. С. 242, 247, 249, 261, 263, 266, табл. XXIII, 6, 7, 11), погребениях № 2, 3 (2 экз.), 4, 5, 6, 8 могильника Сухумская гора (*Каландадзе*, 1953. С. 77–79. Табл. VIII, 1, 10, 11, 17, 20; IX, 1, 15), в Бамборе (*Воронов*, 1969. Табл. XXXVI, 4), Лыхны, Цебельде, Гульрипше (видимо, происходит из санатория Смецкого — *Миллер*, 1909. С. 75, рис. 2, 6), Джгерде. К третьему типу также относятся, как минимум, два топора (один из них со свинцовой ручкой) из Эшерского городища (*Шамба Г.*, 1980. С. 48, табл. LXIII, 5; 2000. Табл. 62-Б), топор, найденный в 1973 г. северо-восточнее Эшерского городища (*Шамба Г.*, 1980. С. 48, табл. LXIII, 6), экземпляр из погребения № 5 (датировано Г. К. Шамба III в. до н. э.) с верхней площадки Эшерского городища (*Шамба Г.*, 1980. С. 48. Табл. LXIII, 7; 1977. С. 130, табл. III, 6), топоры из погребения № 5 (1985 г.) на холме Ахул-абаа (датировано Ю. Н. Вороновым второй половиной IV в. до н. э.) (*Воронов*, 1991. С. 225, 228, рис. 2, 14; *Bill*, 2003. S. 222. Taf. 154, 15; *Gamkrelidze et al.*, 2018. P. 16–17, № 26), предполагаемого погребения (1970 г.) из пос. Агудзера (*Шамба Г.*, *Квициниа*, 1980. С. 121, рис. 3, 14), погребения 1988 г. (датировано автором публикации V–IV вв. до н. э., но, по нашему мнению, относится к III–II вв. до н. э.) в с. Калдахуара (*Барцци*, 2003. С. 50, рис. 1, 22; *Gamkrelidze et al.*, 2018. P. 89–90, № 3), Аацы, Хипсты и Отхары (*Шамба Г.*, *Квициниа*, 1980. С. 121, 124), городища античного Гиеноса (*Воронов*, 1976. Рис. 5, 29). Судя по краткой характеристике, к третьему типу относится «топор-секира эллинистического типа» из погребения 1 (1978 г.) в местности Баглан (с. Адзюбжа) (*Барамидзе и др.*, 1979. С. 496). Топор этого типа был обнаружен в 1952 г. в районе с. Псахара (ранее с. Колхида) близ г. Гагра, еще один такой же топор хранился в школьном музее в г. Гагра (*Шамба Г.*, 1974. С. 61–62, рис. 19, 3, 4). При этом последний, со ссылкой на сообщение

учителя К. М. Миносяна, был найден в одном комплексе (1951 г.) с железным акинаком раннескифского облика в бронзовых ножнах (конец VII — первая половина VI в. до н. э.), что неправдоподобно. По утверждению учителя К. М. Миносяна, акинак был найден вместе с бронзовым топором, переданным археологам в 1984 г. (*Бжания*, *Скаков*, 2004. С. 342). В фондах Гудаутского государственного музея Отечественной войны народа Абхазии им. С. Дбар имеется один топор, вероятно, подтипа 3.Б, еще один — варианта 3.Б-1, а также два или три топора варианта 3.Б-2, один из которых обнаружен в с. Звандрипш.

Среди топоров типа 3 выделяются экземпляры с сильно расширенным асимметричным лезвием, один из концов которого немного загнут. Такой топор найден в погребении начала III в. до н. э. в Даблагоми в Западной Грузии (*Gamkrelidze et al.*, 2018. P. 36–37, № 3). Для территории современной Абхазии такие топоры не характерны.

Необходимо упомянуть и находки из района Сочи — области, неразрывно связанной с колхидскими культурами Абхазии (*Мимоход и др.*, 2015. С. 96; *Кудин*, *Кизилов*, 2016). В составе яркого комплекса из Соболевки имеется топор варианта 3.А-1 (*Воронов*, 1979. С. 64, рис. 33, 9), в окрестностях Сочи известна случайная находка топора варианта III.Б-1 (*Там же*. Рис. 34, 7).

Корпус железных топоров рассматриваемого периода из Абхазии не исчерпывается тремя их основными типами. Достаточно вспомнить архаичный и восходящий к бронзовым прототипам топорик из Бамборского (Гудаутского) погребения (*Трапи*, 1970. С. 192, рис. 16, 3), двулезвийный топор с поселения Адзлагара в с. Лыхны (*Лукин*, 1941. С. 73, табл. XXIV, 1, 2). С бамборским топориком можно сблизить изящный и слегка изогнутый топорик из окрестностей Сочи (*Воронов*, 1979. Рис. 33, 19), видимо, тоже довольно ранний, впрочем, его можно отнести и к типу 1. Однако все топоры — это единичные экземпляры, не образующие серий и типологических рядов. Два железных топора и проушная часть еще одного топора обнаружены в могильнике Мерхеули,

но изображения предметов в публикации даны только сбоку, со стороны проухов, поэтому невозможно сделать какие-либо выводы об их типологической принадлежности (Барамидзе, 1977. С. 79, табл. IV, 26, 35, 43).

Если первые два типа (по Ю. Н. Воронову) с их вариантами характерны для широкого ареала, включающего не только большую часть Кавказа, но и степные районы Евразии, то тип 3 представляет собой региональную специфику и редко встречается за пределами Северо-Западного Закавказья⁷. Одно из немногочисленных исключений — находка топора, приближающегося по форме расширенного, слегка асимметричного лезвия к подтипу 3.Б (с укороченной обушной частью — вариант 3.Б-2) в комплексе погребения из Канчаети в Ленингорском (Ахалгорском) районе Южной Осетии (Гагошидзе, 1964. С. 94. Табл. XI, 33; Bill, 2003. S. 184, taf. 84, 6; Gamkrelidze et al., 2018. P. 145–146. № 8). Комплекс был датирован серединой V в. до н. э., так же как и Ахалгорийский «клад» и Алгетское погребение (Гагошидзе, 1964. С. 100). В последние десятилетия наметилась тенденция к «омоложению» находок типа Ахалгорийского «клада», по меньшей мере до первой половины — середины IV в. до н. э., а скорее всего, до второй половины IV — начала III в. до н. э. (Лордkipанидзе, 1989. С. 323; Lordkipanidze, 2003. P. 43–44; Bill, 2003. S. 184).

Еще одно исключение — горные районы Северо-Западного Кавказа, где топоры типа 3 известны из погребения на р. Домбай-Ульген (Домбайская поляна, 1967 г.) (Козенкова, 1995. С. 75–76, табл. XX, 2; Прокопенко, 2014б. Рис. 97.Б, 11), Тебердинского заповедника (1955 г.) (Козенкова, Ложкин, 1981. С. 198, 200, рис. 2, 4; Козенкова, 1989. С. 51, № 176-2), альплагеря «Софруджу» в Домбае (1954 г.) (Козенкова, 1989. С. 50, № 170; 1995. С. 75–76, табл. XX, 3; Прокопенко, 2014а. Рис. 97.Б, 12), погребения 1955 г. с притока Большой Лабы р. Пхия (Анфимов, 1981. С. 106–109, рис. 1, 2), склепа Кобу-

Баши (Алексеева, 1966. С. 151–152, табл. 9, 4; 1971. Табл. 176, 15; Прокопенко, 2014б. Рис. 82, 5; 97.Б, 15), погребения № 10 могильника № 6 у ст. Пашковской (раскопки Н. В. Анфимова 1972 г. — Анфимов, 1981. С. 106)⁸, погребения 3 могильника Мезмай Апшеронского района Краснодарского края (раскопки 2005 г.) (Шевченко и др., 2011. С. 129, 140–141, рис. 13, 5; 16, 2).

В этой выборке топорик из Домбай-Ульгена относится к подтипу 3.А, топорик из Мезмая — к подтипу 3.Б варианту 2 (секировидное сильно расширенное асимметричное лезвие, короткий корпус, узкая шейка, выделенная проушная часть, резко профилированная обушная часть), большинство остальных топоров должно быть отнесено к варианту 3-2. Сохранность лезвия топора из Тебердинского заповедника не позволяет делать вывод о степени его асимметричности. У топора с р. Пхия не выделены проушная и обушная части. Несколько удлиненные пропорции и сильно выделенные обух и проух имеются у топора из Кобу-Баши, который (наряду с экземпляром из погребения 3 Мезмая, датированного второй половиной III — первой половиной II в. до н. э.) является самым поздним в этой группе и принадлежит к варианту 3-1. Особенностью топора из Мезмая является наличие бронзовой оплетки рукояти, в качестве аналогии можно привести топор со свинцовой ручкой с Эшерского городища (Шамба Г., 2000. Табл. 62-Б).

Несмотря на явные различия, все эти топоры (Прокопенко, 2014а. С. 235–236) резко отличаются от местных позднекобанских экземпляров и могут быть уверенно отнесены к импорту с территории современной Абхазии. Учитывая факт их обнаружения в явно синкретичных комплексах, содержащих и некоторые другие предметы закавказского происхождения (гривны, отдельные типы браслетов и копий и т. д.), можно предположить проникновение какой-то группы

⁷ Так, по мнению Гелы Гамкрелидзе и его коллег, топоры этого типа вообще не встречаются за пределами Грузии (Gamkrelidze et al., 2016. P. 213).

⁸ Благодарю А. В. Иванова (Краснодар), любезно предоставившего мне рисунок топора и данные об инвентаре комплекса из Отчета Н. В. Анфимова.

выходцев из Северо-Западного Закавказья в западнокобанскую среду. Серийность находок, представленных не только топорами, заставляет усомниться в выводе В. И. Козенковой, которая неоднократно обращалась к этим комплексам, о том что «контакты с закавказским населением близ Марухского перевала носили форму примитивного обмена или, может быть, это могла быть и военная добыча» (Козенкова, 2013. С. 102–103). Нам представляется, что не стоит недооценивать мобильность древнего населения Кавказа — судя по археологическим материалам перемещения групп населения через перевалы Западного Кавказа с южного на северный склон Главного Кавказского хребта и наоборот были неоднократными. Прослежены многочисленные такие перемещения и в более поздние исторические периоды. Учитывая, что большинство найденных здесь топоров относится к варианту 3-2 (с укороченным корпусом), а на территории Абхазии в большей степени представлены топоры варианта 3-1 (с вытянутым корпусом), можно предположить, что большая часть таких топоров, кроме экземпляра из Кобу-Баши, попала на Северный Кавказ единовременно, с одной группой переселенцев.

В свое время с топорами типа 3 с Сухумской горы В. А. Ильинская сблизила уникальный скифский топор из Талаевского кургана (Ильинська, 1961. С. 39; Есаян, Погребова, 1985. С. 88). Но, как справедливо отметила А. И. Мелюкова, «сколько-нибудь близких к талаевскому топоров мне неизвестно. Сопоставление с топорами из погребений на Сухумской горе, сделанное В. А. Ильинской, неправомерно. Топоры Западного Кавказа не только по общей форме, но и по форме лезвия далеки от талаевского» (Мелюкова, 1964. С. 67).

Еще одно исключение — необычный топорик-секира с сильно опущенным и загнутым, наподобие цалды, одним краем лезвия, найденный в погребении № Л-7 меотского могильника городища № 3 хутора Ленина, датированном по античному импорту первой четвертью или началом второй половины II в. н. э. (Лимберис, Марченко, 2005. С. 226–227,

268–269, рис. 49, 14). Типологически близкие железные топоры-цалды, с чуть менее загнутым краем лезвия, обнаружены в Абхазии — в раскопе 4 на Сухумской горе (Каландадзе, 1953. С. 83, табл. X, 8–10), на городище античного Гиеноса (в слое или в разрушенном погребении) (Воронов, 1976. Рис. 5, 30) и в погребении № 1 (1987 г.) на Тамышском поселении (Бжания, Сангулия, 1989; Сангулия, 2014. С. 214, рис. 4, 6). Эти топоры, синхронные топорам-секирам типа 3, типологически восходят к ранним бронзовым орудиям, хорошо известным в южных районах Колхиды (см. Иессен, 1935. С. 122, рис. 14, 3).

О датировке и типологическом развитии железных топоров

В свое время Ю. Н. Воронов для погребений с топорами типа 3 на территории Абхазии предложил датировку в пределах IV–III вв. до н. э. Это оспаривается В. И. Козенковой на том основании, что появление в этих комплексах «элементов греческой культуры связано с интенсивной колонизацией прибрежной зоны Северо-Восточного Причерноморья в VI–V вв. до н. э.» (Козенкова, 1995. С. 75, 93). По ее мнению, несходство этого типа с кобано-колхидскими железными топорами не исключает, что это «элемент проявления греческого воздействия в Кавказском регионе в V — начале IV в. до н. э. наряду с керамикой, украшениями и деталями погребального обряда» (Там же. С. 75). Тем самым топоры данного типа предстают в роли античного импорта или подражаний ему, что, по нашему мнению, не имеет оснований. Основание для такого предположения известно — в свое время некоторые авторы отмечали, что в IV–III вв. до н. э. греческие мастера изображали скифов (к примеру, на Воронежском сосуде) с топорами близкой формы. Однако топоры рассматриваемого типа 3 тогда уже не бытовали не только у греков, но и у скифов (Есаян, Погребова, 1985. С. 88). Напротив, эти топоры вполне вписываются в типологическую линию развития, прослеживаемую именно в регионе Северо-Западной Колхиды. Тип 3 восходит к типу 2, который, в свою очередь,

обнаруживает явную преемственность по отношению к типу 1. Типологическое развитие топоров шло по линии максимального расширения лезвия (остающегося асимметричным) и выделения обушной части, отделенной от проуха.

Показательно, что в более поздней работе В. И. Козенкова уже не связывает появление железных топоров типа 3 с влиянием античной культуры, но продолжает датировать их V — началом IV в. до н. э. (Козенкова, 2013. С. 102–103). Если обратиться к хронологии комплексов, отдельное внимание которой уделит Г. А. Лордкипанидзе, то рассмотренные им погребальные комплексы с топорами типа 3 по античному керамическому импорту датируются в пределах IV (Гуадику, погребение № 52), второй половины IV (Сухумская гора, погребения № 2 и 5), III в. до н. э. (Сухумская гора, погребение № 3) (Лордкипанидзе, 1978. С. 53–54, 57). Из этого ряда выпадало погребение № 4 Сухумской горы, датируемое по акинаку «не позднее V в. до н. э.», но в настоящее время датировка кинжалов этого типа видится несколько иначе, и, очевидно, в некоторых регионах они бытуют и в IV, и в III в. до н. э. Таким образом, можно согласиться с предложенными Ю. Н. Вороновым датировками топоров типов 1–3.

Выше было показано, что для Джантуха не характерны топоры с удлинённым сильно вытянутым корпусом; судя по сохранившимся фрагментам, слабо представлены и экземпляры с сильно профилированной обушной и проушной частью. Видимо, такие топоры более характерны для Бзыбской (Западной) Абхазии, а в Джантухе преобладают достаточно массивные формы с укороченной обушной частью. Судя по сходству набора инвентаря, между «тайниками» погребальных ям № 5 и 7 имеется небольшой временной интервал. Первоначально, до завершения реставрации и обработки большей части находок из «тайника» погребальной ямы № 7, мы предполагали его возможную датировку в пределах VI–V (скорее V) вв. до н. э. (Скаков, Джопуа, 2016. С. 156–158). В свою очередь «тайник»

погребальной ямы № 5 был датирован нами IV в. до н. э., основанием чему служили найденные здесь серебряные подвески «брильско-го типа», датируемые серединой V — первой половиной IV в. до н. э. (Мошинский, 2006. С. 45), а также железные топоры-секиры. Выяснилось, что топоры-секиры (тип 3) присутствуют в обеих ямах-«тайниках», но в «тайнике» погребальной ямы № 5 всё же отсутствуют топоры типа 2. Это позволяет нам предполагать, что один из них более ранний, чем другой, поэтому «тайник» погребальной ямы № 7 может быть отнесен ко второй половине V — первой половине IV в. до н. э., а «тайник» погребальной ямы № 5 — к середине — второй половине IV в. до н. э., что может быть уточнено при полной обработке найденных материалов.

При исследовании производственного участка поселения на горе Джантух обнаружены два железных топорика сравнительно небольшого размера и хорошей сохранности (рис. 6, 1, 2). По своей форме они не характерны для памятников на территории Абхазии. У одного из них узкое лезвие и узкий клиновидный обушок, приближающийся к клювовидному; у другого — лезвийная часть в виде клевца, а обух также клиновидный, но без следов зооморфизма. Явная клювовидность, или зооморфность, обуха первого топорика напоминает топорик из разрушенного погребения в урочище Красная Горка (район Анапы) с изогнутым обушком в виде фигурки стоящего горного козла (Новичихин, 2006. С. 56, рис. 75). Вероятно, оба этих топорика связаны своим происхождением с Западным Закубаньем или другими смежными районами.

Таким образом, новые материалы раннего железного века из Абхазии позволили с иной точки зрения рассмотреть и предметы вооружения. Анализ всего массива железных топоров данного региона показывает наличие здесь линии их самостоятельного типологического развития с VII–VI до IV–III вв. до н. э. Находки локальных типов предметов вооружения на памятниках других территорий могут быть свидетельством межкультурных связей древнего населения Кавказского региона.

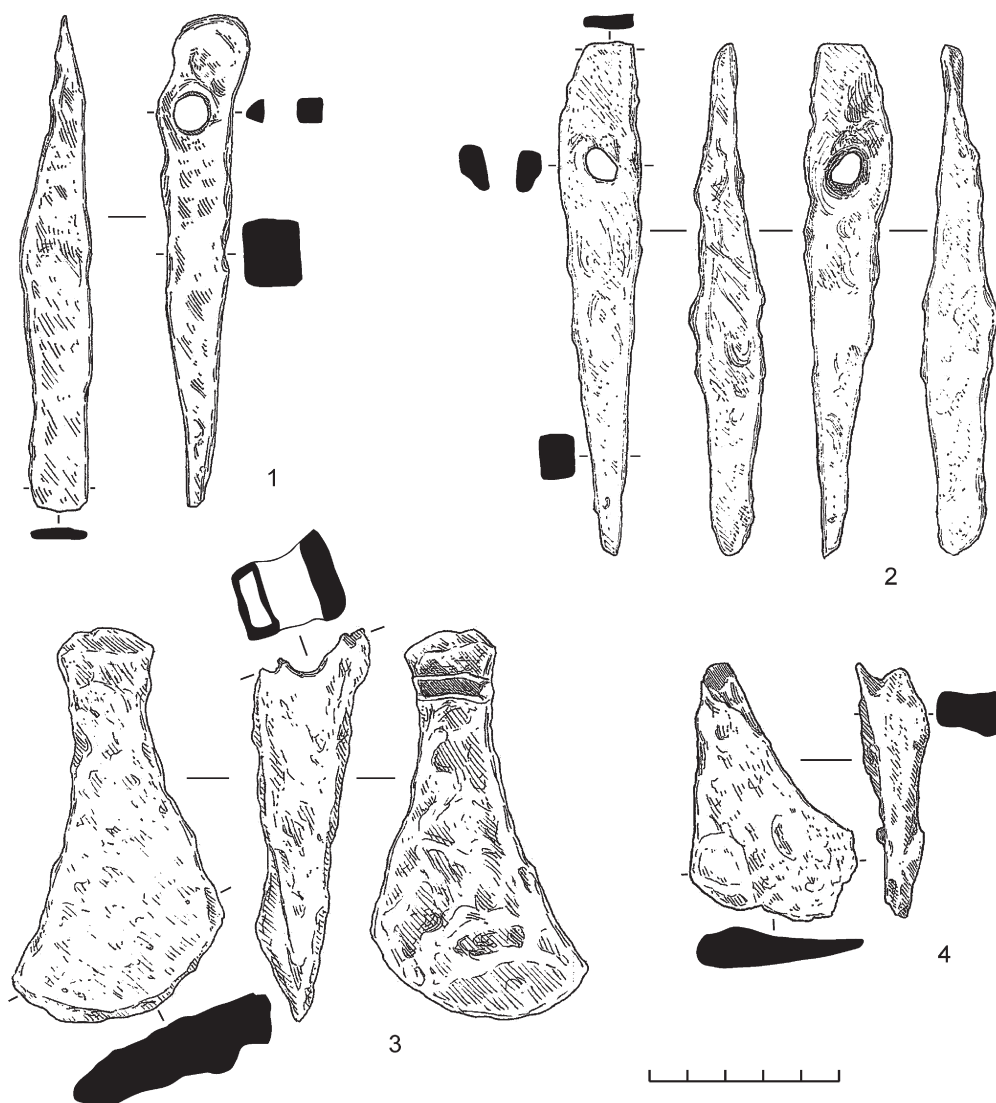

Рис. 6. Железные топоры комплекса памятников на горе Джантух: 1-2 — поселение на горе Джантух; 3, 4 — «тайник» погребальной ямы № 7

Fig. 6. Iron axes from the complex of sites on Mt Dzhantukh: 1-2 — settlement on Mt Dzhantukh; 3, 4 — 'cache' in burial pit no. 7

Алексеева, 1966 — Алексеева Е. П. Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкесии // Тр. Карачаево-Черкесского НИИ истории, языка и литературы. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1966. Вып. V (Сер. историческая). С. 132-260.

Алексеева, 1971 — Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука, 1971. 356 с.

Анфимов, 1981 — Анфимов Н. В. Погребение IV в. до н. э. с реки Пхии // Известия. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Тбилиси: Мецниереба, 1981. Вып. X. С. 106-109.

Барамидзе, 1977 — Барамидзе М. В. Мерхеульский могильник. Тбилиси: Мецниереба, 1977. 92 с. (на груз. яз., рус. резюме).

Барамидзе и др., 1979 — Барамидзе М. В., Бжания В. В., Квирквелия Г. Т. Раскопки в Адзюбжа // АО 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 496.

- Барцыц*, 2003 — *Барцыц Р. М.* Погребение воина из села Калдахуара // *Абхазоведение. История. Археология. Этнология.* Сухум: Алашара, 2003. Вып. II. С. 49–53.
- Бжания, Сангулия*, 1989 — *Бжания Д. С., Сангулия Г. А.* Погребение раннеантичного времени из села Тамыш // *Вопросы археологии Абхазии: Материалы юбилейной науч. сессии АИЯЛИ им. Д. И. Гулиа, посвящ. 70-летию М. М. Трапша / Отв. ред. Г. К. Шамба.* Сухуми: Алашара, 1989. С. 75–78.
- Бжания, Скаков*, 2004 — *Бжания Д. С. Скаков А. Ю.* Новые находки колхидской бронзы из Абхазии // *Памятники археологии и древнего искусства Евразии: Сб. ст. памяти Виталия Васильевича Волкова / Отв. ред. А. Н. Гей.* М.: ИА РАН, 2004. С. 335–343.
- Воронов*, 1969 — *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми: Алашара, 1969. 144 с.
- Воронов*, 1975 — *Воронов Ю. Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н. э. // *Скифский мир / Отв. ред. А. И. Тереножкин.* Киев: Наукова думка, 1975. С. 218–234.
- Воронов*, 1976 — *Воронов Ю. Н.* Гиенос // *СА.* 1976. № 4. С. 42–55.
- Воронов*, 1979 — *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1979. 128 с.
- Воронов*, 1991 — *Воронов Ю. Н.* Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // *СА.* 1991. № 1. С. 225–234.
- Гагошидзе*, 1964 — *Гагошидзе Ю. М.* Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси: Мецниереба, 1964. 126 с. (на груз. яз., рус. резюме).
- Джопуа*, 2011 — *Джопуа А. И.* Погребения воинской элиты архаического времени из Центральной Абхазии // *Вестник Московского университета.* М., 2011. Сер. 8. История. № 1. С. 115–135.
- Есян, Погребова*, 1985 — *Есян С. А., Погребова М. Н.* Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985. 152 с.
- Иессен*, 1935 — *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // *Иессен А. А., Деген-Ковалевский Б. Е.* Из истории древней металлургии Кавказа. М.: Л.: ОГИЗ, 1935. С. 7–237 (Известия ГАИМК; Вып. 120).
- Іллінська*, 1961 — *Іллінська В. А.* Скифські сокири // *Археологія.* Київ, 1961. Т. XII. С. 27–52.
- Каландадзе*, 1953 — *Каландадзе Ал.* Археологические памятники Сухумской горы. Сухуми: АБГИЗ, 1953. 148 с. (на груз. яз., рус. резюме).
- Козенкова*, 1989 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука, 1989. 196 с. (САИ; Вып. В2–5).
- Козенкова*, 1995 — *Козенкова В. И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант. М.: Наука, 1995. 168 с. (САИ; Вып. В2–5).
- Козенкова*, 2013 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: ТАУС, 2013. 252 с.
- Козенкова, Ложкин*, 1981 — *Козенкова В. И., Ложкин М. Н.* Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани // *СА.* 1981. № 4. С. 196–205.
- Козенкова, Найдено*, 1980 — *Козенкова В. И., Найдено А. В.* Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольский край) // *СА.* 1980. № 1. С. 195–210.
- Кудин, Кизилов*, 2016 — *Кудин М. И., Кизилов А. С.* Случайные находки колхидо-кобанских древностей на территории г. Сочи и прилегающей части Туапсинского района // VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, 31 мая — 2 июня 2016 г.) / Ред. Р. Б. Схатум, В. В. Улитин. Краснодар: ИП «Сморозин», 2016. С. 139–147.
- Лимберис, Марченко*, 2005 — *Лимберис Н. Ю., Марченко И. И.* Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // *Материалы и исследования по археологии Кубани / Отв. ред. И. И. Марченко.* Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005. Вып. 5. С. 219–324.

- Лордкипанидзе*, 1978 — *Лордкипанидзе Г. А.* Колхида в VI–II вв. до н. э. Тбилиси: Мецниереба, 1978. 192 с.
- Лордкипанидзе*, 1989 — *Лордкипанидзе О.* Наследие древней Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1989. 440 с.
- Лукин*, 1941 — *Лукин А. Л.* Археология Бзыбской Абхазии // Тр. Отдела истории первобытной культуры ГЭ. Л.: Изд-во ГЭ, 1941. Т. I. С. 17–97.
- Мелюкова*, 1964 — *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. М., 1964. 92 с., 16 вкл. (САИ; Вып. Д1–4).
- Миллер*, 1909 — *Миллер А.* Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 году // Известия ИАК. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1909. Вып. 33. С. 71–102.
- Мимоход и др.*, 2015 — *Мимоход Р. А., Скаков А. Ю., Клещенко А. А.* Могильник эпохи раннего железа Веселое 2 (предварительная публикация) // Города, поселения, могильники: Сб. ст. / Отв. ред. А. В. Энговатова, З. Х. Албегова (Царикаева). Чебоксары: Перфектум, 2015. С. 78–99 (Материалы охранных археологических исследований; Т. 17).
- Мошинский*, 2006 — *Мошинский А. П.* Древности Горной Дигории VII–IV вв. до н. э. М.: Изд-во ГИМ, 2006. 208 с. (Тр. ГИМ; Вып. 154).
- Новичихин*, 2006 — *Новичихин А. М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (По материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТиКД, 2006. 220 с.
- Прокопенко*, 2014а — *Прокопенко Ю. А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. Ч. I. 446 с.
- Прокопенко*, 2014б — *Прокопенко Ю. А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. Ч. II. 726 с.
- Сангулия*, 2014 — *Сангулия Г. А.* Меото-колхидский горизонт в наследии пограничной археологии Абхазии // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье: Материалы междунар. археол. конф. (г. Краснодар, 28–30 мая 2014 г.) / Ред. Т. А. Павленко и др. Краснодар: Традиция, 2014. С. 211–221.
- Скаков*, 2011 — *Скаков А. Ю.* Раскопки Джантухского могильника в Абхазии // Вестник РГНФ. 2011. № 4 (65). С. 121–132.
- Скаков, Джопуа*, 2011 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Джантухский могильник в Абхазии: новые открытия // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа: Вторая Абхазская Междунар. археол. конф., посвящ. памяти М. М. Трапш (8–12 ноября 2008 г.) / Отв. ред. А. Ю. Скаков. Сухум: РУП Дом печати, 2011. С. 132–147.
- Скаков, Джопуа*, 2012 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной / Отв. ред. Д. В. Журавлёв, К. Б. Фирсов. М.: Изд-во ГИМ, 2012. С. 217–238 (Тр. ГИМ; Вып. 191).
- Скаков, Джопуа*, 2013 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Культурная вымостка и «тайник»: неизвестные особенности колхидского погребального обряда на могильнике Джантух // Шестая Междунар. Кубанская археол. конф. / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: НИИ археологии Кубанского гос. ун-та; Экоинвест, 2013. С. 381–384.
- Скаков, Джопуа*, 2016 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Новые находки памятников кобано-колхидского графического искусства в Абхазии // КСИА. 2016. Вып. 245. Ч. I. С. 154–167.
- Скаков, Джопуа*, 2018 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Исследования последних лет на Джантухском могильнике в Абхазии // Вестник РФФИ. 2018 (Сер. «Гуманитарные и общественные науки»). № 1. С. 152–161.
- Скаков, Джопуа*, 2019 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И.* Исследование могильника на горе Джантух (некоторые итоги) // Археология евразийской степи. Казань, 2019. № 6. С. 53–60.
- Скаков и др.*, 2016 — *Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Журавлёв Д. В.* Античный керамический

- импорт Джантухского могильника // Древняя Диоскуриада: Материалы конф. (4 декабря 2015 г., г. Сухум) / Отв. ред. Б. С. Кобахия и др. Сухум: Дом печати, 2016. С. 55–71.
- Трапиш*, 1969 — *Трапиш М. М.* Древний Сухуми. Труды. Сухуми: Алашара, 1969. Т. 2. 376 с.
- Трапиш*, 1970 — *Трапиш М. М.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии. Труды. Сухуми: Алашара, 1970. Т. 1. 210 с.
- Шамба Г.*, 1972 — *Шамба Г. К.* Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера // Известия. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Вып. I. Тбилиси: Мецниереба, 1972. С. 98–112.
- Шамба Г.*, 1973 — *Шамба Г. К.* О некоторых археологических находках из села Нижняя Эшера Сухумского района // Известия. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Тбилиси: Мецниереба, 1973. Вып. II. С. 181–190.
- Шамба Г.*, 1974 — *Шамба Г. К.* Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии / Отв. ред. Л. Н. Соловьёв, Л. А. Шервашидзе. Сухуми: Алашара, 1974. С. 48–65.
- Шамба Г.*, 1977 — *Шамба Г. К.* Материалы могильника эллинистической эпохи из Эшерского городища (по раскопкам 1972 г.) // Известия. Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа. Тбилиси: Мецниереба, 1977. Вып. VI. С. 127–136.
- Шамба Г.*, 1980 — *Шамба Г. К.* Эшерское городище (Основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси: Мецниереба, 1980. 148 с.
- Шамба Г.*, 1984 — *Шамба Г. К.* Раскопки древних памятников Абхазии. Сухуми: Алашара, 1984. 99 с.
- Шамба Г.*, 2000 — *Шамба Г. К.* Абхазия в I тысячелетии до нашей эры (по данным письменных и археологических источников). Сухум: Алашара, 2000. 312 с.
- Шамба Г., Квициния*, 1980 — *Шамба Г. К., Квициния В. К.* Открытия в пос. Агудзера близ Сухуми // Тр. Абхазского государственного музея. Сухуми: Алашара. 1980. Вып. V. С. 120–127.
- Шамба Г., Шамба С.*, 1990 — *Шамба Г. К., Шамба С. М.* Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба, 1990. 88 с.
- Шамба Г. и др.*, 2007 — *Шамба Г. К., Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В.* Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии // Вестник Академии наук Абхазии. Сухум, 2007. № 2. С. 164–181.
- Шамба С.*, 1982 — *Шамба С. М.* Раннеантичный комплекс из Очамчира // АО 1980 года в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1982. С. 18–19.
- Шевченко и др.*, 2011 — *Шевченко Н. Ф., Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И.* Княжеское погребение эллинистического времени в могильнике Мезмай (Северо-Западный Кавказ) // ВДИ. 2011. № 1. С. 115–152.
- Bill*, 2003 — *Bill A.* Studien zu den Gräbern des 6. Bis 1. Jahrhunderts v. Chr. In Georgien unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Bonn: Dr. Rudolf Habelt, 2003. 474 S. (UPA; Bd. 96).
- Gamkrelidze et al.*, 2016 — *Gamkrelidze G., Shatberashvili V., Pirtskhalava M., Charkviani M., Davlianidze R.* Typological Analysis and statistical Data of Weapons from the Cemeteries of 5th–4th centuries BC Excavated in Georgia // Iberia-Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period. Tbilisi, 2016. No. 12. P. 209–230.
- Gamkrelidze et al.*, 2018 — *Gamkrelidze G., Shatberashvili V., Pirtskhalava M., Charkviani M., Davlianidze R.* Weapons and Armor in Georgia (5th century BC — 4th century AD). Tbilisi: Georgian National Museum, Otar Lordkipanidze Institute of Archaeological Studies, 2018. T. II: Catalogue. 194 p.
- Lordkipanidze*, 2003 — *Lordkipanidze O.* The “Akhalgori Hoard” (Attempt at Dating and Historical Interpretation) // Dziebani. The Journal of the Centre for Archaeological Studies Georgian Academy of Sciences. Tbilisi, 2003. № 11. P. 28–71 (Summary — P. 43–44).

Iron axes of the early Iron Age from the cemetery and settlement of Dzhantukh (Abkhazia)

A. Yu. Skakov, A. I. Dzhopua

This paper analyzes, against the general background of finds from the area of the Western Transcaucasia and adjoining regions of the Northern Caucasus, a series of iron axes from the burial ground and settlement of Dzhantukh (Eastern Abkhazia) of the 5th–3rd centuries BC. The finds concerned mostly have been discovered recently during the works of the joint Russian-Abkhazian expedition in 2006–2018. The majority of the axes were found in ‘hiding places’ which is a feature of a previously unknown tradition of the Kolchis burial rite. These are pits dug in the bottom part of graves filled with an enormous quantity of broken or burnt objects of some categories of grave goods covered afterwards with virgin clay. The series of objects recovered allows the researchers to reconsider more correctly the typology proposed earlier by Yu. N. Voronov for iron axes from the region under consideration. Three main types of axes are distinguishable, but if the first two of them are widely distributed territorially, the third type, excepting the North-Western Transcaucasia, is represented by only single finds in the Northern Caucasus (predominantly in Karachay-Cherkessia) and South Ossetia. These finds allow us to consider once more the problem of the intercultural links in the Western Caucasus.

Бронзовые наконечники стрел последней четверти VI — первой трети V в. до н. э. из Мирмекия (по материалам раскопок Ю. А. Виноградова в 1983–1984 и 1992–1994 гг.)¹

С. Н. Сенаторов²

Аннотация. В статье дается характеристика и классификация 16 бронзовых наконечников стрел скифского типа, найденных Ю. А. Виноградовым при раскопках античного Мирмекия в 1983–1984 и 1992–1994 гг. Все находки происходят из закрытых комплексов или культурного слоя городища последней четверти VI — первой трети V в. до н. э. Приводятся близкие им аналогии из греческих и тавро-скифских памятников Крыма.

Annotation. This paper considers the characteristics and classification of 16 bronze arrowheads of a Scythian type uncovered in 1983–1984 and 1992–1994 by Yu. A. Vinogradov during excavations of ancient Myrmekion. All these finds come from closed associations or the cultural layer of the townsite of the last quarter of the 6th — first third of the 5th century BC. Close parallels from Greek and Tauro-Scythian sites of Crimea are presented.

Ключевые слова: Крым, Европейский Боспор, античный Мирмекий, бронзовые наконечники стрел, скифские погребения, греко-варварские взаимоотношения, VI–V вв. до н. э.

Keywords: Crimea, European Bosphoros, ancient Myrmekion, bronze arrowheads, Scythian burials, Greek-barbarian interrelations, 6th–5th century BC.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-90-98

Археологические исследования античного Мирмекия, проведенные Ю. А. Виноградовым в 1983–1984 гг. (раскопочный участок «Р») и в 1992–1994 гг. (участок «С») в западной части городища (Виноградов, 2008. С. 43–44, рис. 1)³, позволили выявить в его

комплексах и культурном слое последней четверти VI — первой трети V в. до н. э.⁴ 16 бронзовых наконечников стрел. Часть этих наконечников (рис. 1, 7, 17, 19–24) связывалась с возможным скифским нападением на городище в период, близкий к 480 г. до н. э. (Виноградов, 1992а. С. 107; Виноградов, Тохтасьев, 1994.

¹ Статья посвящается светлой памяти археологов С. Р. Тохтасьева (1957–2018) и Н. Ф. Федосеева (1961–2018), принимавших в 1980-х гг. участие в раскопках Мирмекия.

² Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: senatorov-s@yandex.ru.

³ Автор выражает благодарность Ю. А. Виноградову за возможность использовать неопубликованные

материалы из раскопок Мирмекия и ценные советы. Также благодарю сотрудников Рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН Н. А. Белову, Р. В. Васильеву, Т. П. Иванову и Е. В. Четверкину за помощь в работе с архивными материалами.

⁴ Атрибуция и все датировки греческого керамического импорта в данной работе приводятся по данным Ю. А. Виноградова.

С. 58–59, рис. 4, 1–8; *Бутягин, Виноградов*, 2006. С. 20).

Между тем отличительные характеристики мирмекийских стрел, а также сравнительно узкая их дата, определяемая по сопутствующему греческому керамическому импорту, вызывают несомненный интерес и имеют важное значение в изучении как стрелкового вооружения населения античного Мирмекия, так и греко-варварских взаимоотношений на Европейском Боспоре в целом.

Все бронзовые наконечники стрел Мирмекия можно охарактеризовать, опираясь на классификации А. И. Мелюковой и автора настоящей статьи (*Мелюкова*, 1964. С. 16–32; *Сенаторов*, 2016. С. 213–216). По ряду качественных и количественных признаков (поперечное сечение и форма головки, наличие/отсутствие выделенной втулки, форма ложка, размерные характеристики) в данной коллекции выделяются семь типов наконечников (табл. 1).

Тип 1. Трехлопастный наконечник (ТП-3л) — один экземпляр с треугольной формой головки (рис. 1, 1). Лопасты подрезаны под тупым углом к выделенной втулке. Ложок сводчатой формы (*Мелюкова*, 1964. С. 28, рис. 1, тип II, 2, 2). Предмет найден в заполнении хозяйственной ямы № 146 вместе с обломками хиосских пухлогорлых амфор, ручек амфор с широкой полосой, фрагментами аттической чернолаковой (один фрагмент с пурпурной полосой под чашей), коринфской и ионийской полосатой посуды. Здесь же найден фрагмент венчика лепного сосуда с округлыми вдавлениями по краю (*Виноградова*, 1994. Сп. № 57). Комплекс в целом может датироваться последней четвертью — концом VI в. до н. э., поскольку приблизительно на рубеже VI–V вв. до н. э. или в начале V в. до н. э., по наблюдению Ю. А. Виноградова, все ямы архаического времени были перекрыты наземными каменными жилыми постройками (*Виноградов*, 2008. С. 48). Отличительной чертой наконечника является сравнительно широкий размах лопастей при малой общей высоте. Прямых аналогий данному наконечнику не найдено. Однако однотипный (рис. 1, 9), близкий по общей высоте (но не ширине)

головки наконечник происходит из погребения № 1 кургана № 1 у с. Надежда (*Черепанова*, 1985. С. 63, рис. 1, 61) рубежа VI–V вв. до н. э. — не позднее начала V в. до н. э. (*Полин, Колтухов*, 2015. С. 170).

Тип 2. Трехгранный наконечник (ТП-3г) — один экземпляр с треугольной формой головки (рис. 1, 2). Грани подрезаны под тупым углом к выделенной втулке (*Мелюкова*, 1964. С. 28, рис. 1, тип III, 1, 3). Наконечник найден в заполнении наземного помещения № XXVII вместе с обломками хиосских пухлогорлых амфор, полосатой ионийской, коринфской и родосско-ионийской посуды, а также фрагментами хиосских кубков (*Виноградова*, 1994. Сп. № 55) рубежа VI–V — начала V в. до н. э. (*Виноградов*, 2008. С. 48). Однотипный близкий по размерам наконечник (рис. 1, 10) представлен в колчанном наборе отмеченного выше погребения у с. Надежда (*Полин, Колтухов*, 2015. С. 169, рис. 3, 61).

Следующие пять типов мирмекийских наконечников найдены в смешанном культурном слое вместе с обломками хиосских пухлогорлых амфор, амфор с широкой полосой, фрагментами ионийской, коринфской и чернолаковой керамики последней четверти — конца VI — первой трети V в. до н. э. (*Виноградов*, 1992б. Л. 29, сл.; *Виноградов*, 1993. Л. 27–28; *Виноградов, Тохтасьев*, 1994. С. 57).

Тип 3. Трехлопастные наконечники (Т-3л) — четыре экземпляра с треугольной формой головки (рис. 1, 3–6). Лопасты прямо срезаны к выделенной втулке. Ложки двухлинейной (три экземпляра) и сводчатой формы (один экземпляр) (*Мелюкова*, 1964. С. 28, рис. 1, тип II, 3, 8). Однотипные близкие по размерам наконечники найдены:

1) в Нимфее (рис. 1, 11) — в шурфе к востоку от плит А 1–4 с материалами IV в. до н. э. (фонды Гос. Эрмитажа, кол. Н.79.204)⁵;

2) в могильнике у с. Нововасильевка (рис. 1, 12) — в кургане № 9 в погребении № 1 второй — начала третьей четверти V в. до н. э. (*Гребенников*, 2008. С. 52, 144, рис. 12, 13);

⁵ Автор выражает благодарность хранителю Гос. Эрмитажа О. Ю. Соколовой за помощь в работе с материалами из раскопок Нимфея.

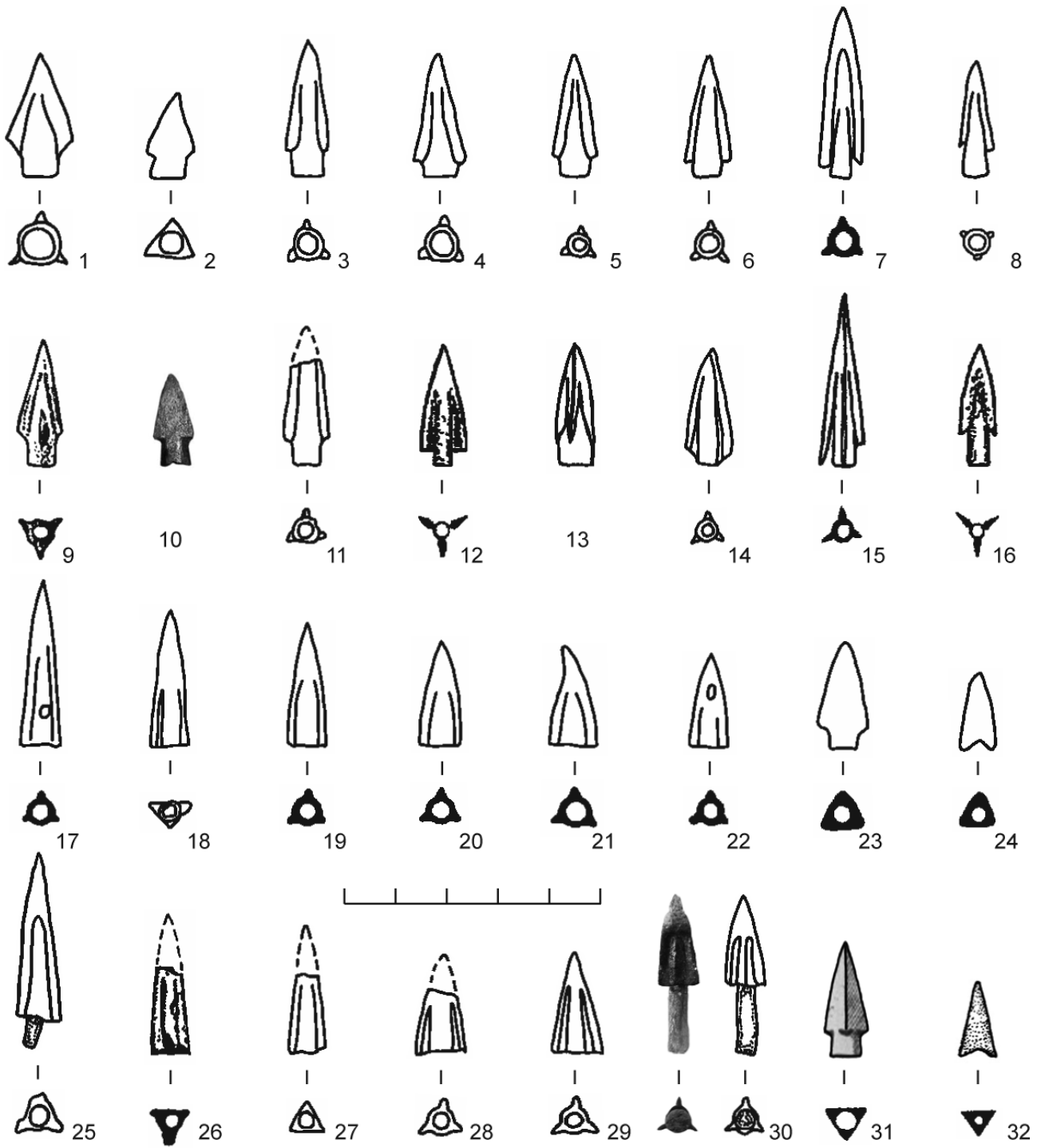

Рис. 1. Бронзовые наконечники стрел античного Мирмекия (1–8, 17–24) и их ближайшие аналогии (9–16, 25–32): 1 — Мирмекий, участок «С», яма № 146 (Виноградова, 1994. Сп. 57); 2 — Мирмекий, участок «С», помещение № 27 (Там же. Сп. 55); 3 — Мирмекий, участок «С», слой у стены 58 (Виноградова, 1992. Сп. 44); 4 — Мирмекий, участок «С», северный квадрат, шт. 9Б (Там же. Сп. 46а); 5 — Мирмекий, участок «С», южный квадрат, шт. 6 (Виноградова, 1993. Сп. 25); 6 — Мирмекий, участок «С», южный квадрат, шт. 14 (Там же. Сп. 38); 7, 17, 19–24 — Мирмекий, 1983–1984 гг., участок «Р», слой разрушения западного района первой трети V в. до н. э. (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 1–8); 8 — Мирмекий, участок «С», южный квадрат, шт. 6 (Виноградова, 1993. Сп. 25); 9 — Надежда, курган № 1, погребение № 1 (Черепанова, 1985. С. 63, рис. 1, 61); 10 — Надежда, курган № 1, погребение № 1 (Полин, Колтухов, 2015. С. 328, рис. 3, 61); 11 — Нимфей, 1979 г., шурф к востоку от плит А1-4 (ГЭ, кол. Н.79.204); 12 — Нововасильевка, курган № 9, погребение № 1 (Гребенников, 2008. С. 144, рис. 12, 13); 13 — Межводное, курган № 9, погребение № 4 (Колтухов, 2012б, С. 226, рис. 66, 9.2); 14 — Нимфей, 1958 г., кв. 68, в помещении дома (ГЭ, кол. Н.58.270); 15 — Гвардейское, курган № 2, погребение № 1 (Колтухов, 2014. С. 68, рис. 7, 12.3); 16 — Нововасильевка, курган № 9, погребение № 1 (Гребенников, 2008. С. 144, рис. 12, 11); 18 — Мирмекий, участок «С», прирезка 1, шт. 4 (Виноградова, 1994. Список 8); 25 — Дорт-Оба, 1892 г. (кат. 9), колчан № 2 (Колтухов, Сенаторов, 2016. С. 250, рис. 16, 21); 26 — Дальнее, курган № 2, погребение № 4 (Колтухов, 2012б. С. 241, рис. 81, 3.1); 27 — Черкес-Кермен, 1930 г., погребение в ящике Д-2 (МАЭ, кол. 4185/384); 28 — Нимфей, 1958 г., кв. 101, желтоглинистый грунт (ГЭ, кол. Н.58.336); 29 — Нимфей, 1960 г., кв. 68 и 71, вымостка V в. до н. э. у цистерны № 2 (ГЭ, кол. Н.60.469); 30 — Золотой Симферопольский курган, 1890 г. (ГЭ, кол. Кр 1890 1/6); 31 — Перебыковцы, курган № 2, колчан № 1 (Смирнова, 1979. С. 47, рис. 8, 22); 32 — Камкалы, курган № 1, катакомба «Б» (Скорый, 1982. С. 235, рис. 5, 20; Колтухов, 2012а. Рис. 21, 3.5). 1–32 — бронза. 1–8, 17–24 — по рисункам Ю. А. Виноградова чертил С. Н. Сенаторов

Fig. 1. Bronze arrowheads from Myrmekion (1–8, 17–24) and their closest parallels (9–16, 25–32): 1 — Myrmekion, area 'C', pit no. 146 (Виноградова, 1994. Список 57); 2 — Myrmekion, area 'C', room no. 27 (Там же. Список 55); 3 — Myrmekion, area 'C', layer near wall 58 (Виноградова, 1992. Список 44); 4 — Myrmekion, area 'C', northern block, spit 9B (Ibid. Список 46а); 5 — Myrmekion, area 'C', southern block, spit 6 (Виноградова, 1993. Список 25); 6 — Myrmekion, area 'C', southern block, spit 14 (Ibid. Список 38); 7, 17, 19–24 — Myrmekion, 1983–1984, area 'P', destruction layer in the western district of the first third of the 5th century BC (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 1–8); 8 — Myrmekion, area 'C', southern block, spit 6 (Виноградова, 1993. Список 25); 9 — Nadezhda, barrow no. 1, burial no. 1 (Черепанова, 1985. С. 63, рис. 1, 61); 10 — Nadezhda, barrow no. 1, burial no. 1 (Полин, Колтухов, 2015. С. 328, рис. 3, 61); 11 — Nymphaion, 1979, exploratory pit east from the plates A1-4 (ГЭ, кол. Н.79.204); 12 — Novovasilyevka, barrow no. 9, burial no. 1 (Гребенников, 2008. С. 144, рис. 12, 13); 13 — Mezhdnoye, barrow no. 9, burial no. 4 (Колтухов, 2012б, С. 226, рис. 66, 9.2); 14 — Nymphaion, 1958, block 68, a room in a house (ГЭ, кол. Н.58.270); 15 — Gvardeyskoye, barrow no. 2, burial no. 1 (Колтухов, 2014. С. 68, рис. 7, 12.3); 16 — Novovasilyevka, barrow no. 9, burial no. 1 (Гребенников, 2008. С. 144, рис. 12, 11); 18 — Myrmekion, area 'C', appended excavation area no. 1, spit 4 (Виноградова, 1994. Список 8); 25 — Dort-Oba, 1892 (catalogue no. 9), quiver no. 2 (Колтухов, Сенаторов, 2016. С. 250, рис. 16, 21); 26 — Dalneye, barrow no. 2, burial no. 4 (Колтухов, 2012б. С. 241, рис. 81, 3.1); 27 — Cherkes-Kermen, 1930, burial in cist Д-2 (МАЭ, кол. 4185/384); 28 — Nymphaion, 1958, block 101, from yellow clay (ГЭ, кол. Н.58.336); 29 — Nymphaion, 1960, blocks 68 and 71, pavement of the 5th century BC near cistern no. 2 (ГЭ, кол. Н.60.469); 30 — Simferopol Golden Kurgan, 1890 (ГЭ, кол. Кр 1890 1/6); 31 — Perebykovtsy, barrow no. 2, quiver no. 1 (Смирнова, 1979. С. 47, рис. 8, 22); 32 — Kamkaly, barrow no. 1, catacomb 'B' (Скорый, 1982. С. 235, рис. 5, 20; Колтухов, 2012а. Рис. 21, 3.5). 1–32 — bronze. 1–8, 17–24 — drawn by S. N. Senatorov after sketches by Yu. A. Vinogradov

Таблица 1. Основные характеристики бронзовых наконечников стрел из раскопок Мирмекия*
Table 1. The main characteristics of the bronze arrowheads from excavations at Myrmekion

№ на рис. 1	Место находки	Тип	Л об.	Л гл.	Л лп.	Л б.	В гл.	В вт.	Лж.	Дата, г. до н. э.
1	Участок «С». Яма № 146 (Виноградова, 1994. Сп. № 57)	ТП-3л	24,5	20	–	7,5	13,5	6,9	свд.	525–500
2	Участок «С». Помещение 27 (Виноградова, 1994. Сп. № 55)	ТП-3г	17,3	13	–		9,4	6,9	–	510–490
3	Участок «С». Слой у стены № 58 (Виноградова, 1992. Сп. № 44)	Т-3л	27,1	22	–	7,9	8,4	6,4	двлн.	510–470
4	Участок «С». С кв. Шт. 9Б (Виноградова, 1992. Сп. № 46а)	Т-3л	24,1	22	–	6,4	9,9	6,4	двлн.	525–470
5	Участок «С». 1993 г. Ю кв. Шт. 6 (Виноградова, 1993. Сп. № 25)	Т-3л	24	21	–	5,1	8,9	5,7	свд.	525–470
6	Участок «С». Ю кв. Шт. 14. (Виноградова, 1993. Сп. № 38)	Т-3л	23,4	21	–	5,6	8,8	5,6	двлн.	525–470
7	Участок «Р», слой (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 1)	ТЖ-3л	33,6	31	32	8	8,8	4,7	свд.	500–470
8	Участок «С». Ю кв. Шт. 6 (Виноградова, 1993. Сп. № 25)	ТЖ-3л	22,8	17	17	6,1	6,9	5,2	свд.	525–470
17	Участок «Р», слой (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 2)	БТ-3л	32,8	–	–	13	8,4	–	двлн.	500–470
18	Участок «С». Прирезка № 1. Шт. 4 (Виноградова, 1994. Сп. № 8)	БТ-3л	27	–	–	15	7,6	–	двлн.	525–470
19	Участок «Р», слой (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 3)	БТ-3л	24,7	–	–	11	7,5	–	двлн.	500–470
20	Участок «Р», слой (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 6)	БТ-3л	20,7	–	–	9,7	8,4	–	двлн.	500–470
21	Участок «Р», слой (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 5)	БТ-3л	20,2	–	–	8,9	9,4	–	двлн.	500–470
22	Участок «Р», слой (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 4)	БТ-3л	17,8	–	–	11	8	–	двлн.	500–470
23	Участок «Р», слой (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 7)	Т-3г	23	19	–	–	9,9	5,5	–	500–470
24	Участок «Р», слой (Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 8)	БТЖ-3г	15,2	–	16		7,9	–	–	500–470

* Условные сокращения к Таблице 1. Размеры наконечников даны в миллиметрах. Все даты относятся к I тыс. до н. э. Сп. — список; С кв. — северный квадрат; Ю кв. — южный квадрат; Шт. — штык; Л об. — длина общая; Л гл. — длина головки; Л лп. — длина лопасти; Л б. — длина бойка; В гл. — ширина головки; В вт. — ширина втулки; Лж. — ложок; свд. — сводчатая форма ложка; двлн. — двухлинейная форма ложка.

3) в могильнике у с. Межводное (рис. 1, 13) — в кургане № 9, в погребении № 4 второй — третьей четверти V в. до н. э. (*Колтухов*, 2012б. С. 78, 226, рис. 66, 9.2);

4) в Нимфее (рис. 1, 14) — в квадрате № 68, в засыпке помещения дома второй половины V — IV в. до н. э. (фонды Гос. Эрмитажа, кол. Н.58.270).

Тип 4. Трехлопастные наконечники (ТЖ-3л) — два экземпляра с треугольной формой головки (рис. 1, 7–8). Лопасты срезаны под острым углом к выделенной втулке, образуют жалъца. Ложки сводчатой формы (*Мелюкова*, 1964. С. 28, рис. 1, тип II, 4, б). Однотипные близкие по размерам наконечники найдены:

1) в могильнике у с. Гвардейское (рис. 1, 15) — в кургане № 2, в погребении № 1 второй половины V в. до н. э. (*Колтухов*, 2014. С. 55, 68, рис. 7, 12.3);

2) в могильнике у с. Нововасильевка (рис. 1, 16) — в кургане № 9, в погребении № 1 второй — начала третьей четверти V в. до н. э. (*Гребенников*, 2008. С. 52, 144, рис. 12, 11).

Тип 5. Трехлопастные базисные наконечники (БТ-3л) — шесть экземпляров с треугольной формой головки (рис. 1, 17–22). Лопасты срезаны вровень с основанием головки. Ложки двухлинейной формы (*Мелюкова*, 1964. С. 28, рис. 1, тип II, 5, 7–8). Ближайшие аналогии наконечникам известны в следующих комплексах:

1) в кургане Дорт-Оба (раскопки 1892 г.; каталог № 9) (рис. 1, 25) — в колчане № 2 конца V — начала IV в. до н. э. (*Колтухов*, *Сенаторов*, 2016. С. 61, 250, рис. 16, 21);

2) в могильнике у с. Дальнее (рис. 1, 26) — в кургане № 2, в погребении № 4 второй половины V — начала IV в. до н. э. (*Колтухов*, 2012б. С. 90, 241, рис. 81, 3.1);

3) в могильнике у с. Черкес-Кермен (раскопки 1930 г.) (рис. 1, 27) — в каменном ящике № Д-2, вместе с лепной орнаментированной керамикой второго этапа кизил-кобинской культуры VIII — первой половины VI в. до н. э. (*Сенаторов*, 2002. С. 16–18);

4) в Нимфее (раскопки 1958 г.) (рис. 1, 28) — в квадрате № 101, в слое желтоглинистого грунта с материалами последней

четверти VI–V в. до н. э. (фонды Гос. Эрмитажа, кол. Н.58.336);

5) в Нимфее (раскопки 1960 г.) (рис. 1, 29) — в квадратах №№ 68 и 71, при зачистке вымостки V в. до н. э. у цистерны № 2, также с материалами последней четверти VI–V в. до н. э. (фонды Гос. Эрмитажа, кол. Н.60.469);

6) в Золотом Симферопольском кургане (раскопки 1890 г.) (рис. 1, 30) — конец первой четверти V в. до н. э. (*Колтухов*, *Сенаторов*, 2017. С. 87).

Тип 6. Трехгранный наконечник (Т-3г) — один экземпляр с треугольной формой головки (рис. 1, 23). Грани ровно срезаны к выделенной втулке (*Мелюкова*, 1964. С. 28, рис. 1, тип III, 2, 5). Однотипный наконечник содержится в наборе стрел из колчана № 1 в кургане № 2 в могильнике у с. Перебыковцы (рис. 1, 31) (*Смирнова*, 1979. С. 47, рис. 8, 22) второй половины VII — начала VI в. до н. э. (*Алексеев*, 2003. С. 117).

Тип 7. Трехгранный базисный наконечник (БТЖ-3г) — один экземпляр с треугольной головкой (рис. 1, 24). Грани подрезаны под острым углом к основанию, образуют жалъца (*Мелюкова*, 1964. С. 28, рис. 1, тип III, 8, 3). Близкий ему наконечник встречен в погребении Б в кургане № 1 могильника у с. Камкалы (рис. 1, 32) (*Скорый*, 1982. С. 235, рис. 5, 20), которое С. Г. Колтуховым датируется второй — третьей четвертью IV в. до н. э. (*Колтухов*, 2012а. С. 51, 130, рис. 21, 3.5), а С. В. Полиным — первой четвертью IV в. (*Полин*, 2014. С. 420).

Представленный набор мирмекийских стрел имеет следующие характерные особенности.

1. Основной массив мирмекийских наконечников находит себе ближайšie аналогии в стрелковых наборах из погребений кочевых скифов Крыма конца VI — IV в. до н. э. При этом два наиболее многочисленных типа: трехлопастные втульчатые (Т-3л — 28 %) ⁶ и базисные (БТ-3л — 42 %) наконечники

⁶ Процентное соотношение подсчитано исходя из присутствия в рассматриваемой мирмекийской коллекции 14 экземпляров выделенных выше наконечников стрел типов 3–7, датирующихся последней четвертью VI — первой третью V в. до н. э.

с треугольной головкой преобладали, например, также и в колчанном наборе скифского погребения № 1 в кургане № 12 могильника у с. Танковое последней четверти VI — первой четверти V в. до н. э. (Колтухов, 2012а. С. 39, 121, рис. 12, 7), в котором эти же типы представлены соответственно 28 и 40 % (Щепинский, Черепанова, 1969. С. 213–214, рис. 81, 1).

2. Несколько мирмекийских наконечников близки экземплярам: а) оседлых кизил-кобинских/таврских племен Предгорного Крыма (рис. 1, 27) и скифов Поднестровья (рис. 1, 31) доколониационного времени; б) из скифских погребений Нижнего Побужья V в. до н. э. (рис. 1, 12, 16); в) из перемешанных культурных слоев греческого Нимфея последней четверти VI — IV в. до н. э. (рис. 1, 11, 14).

Из вышеизложенного следует, что мирмекийские наконечники по своим качественным и количественным характеристикам в целом сохраняют преемственность по отношению к наконечникам стрел варварского населения Крыма и Лесостепи еще с доколониационного времени. Вместе с тем эти наконечники, вероятно, были органичной частью стрелкового набора (рис. 1, 1–6, 8, 18), ставшего традиционным, по наблюдению Ю. А. Виноградова, для комплекса наступательного вооружения греко-варварского населения не только Мирмекия, но и всего Боспора (Виноградов, Горнчаровский, 2009. С. 55), начиная с позднеархаического времени и вплоть до эпохи эллинизма.

Интересно отметить, что из всего комплекса бронзовых наконечников стрел ряда греческих городов Северного Причерноморья, известного автору, представленный мирмекийский набор ближе всего по своему типологическому составу комплексу наконечников из раскопок античной Тиритаки. Здесь, по данным В. Н. Зинько, в культурном слое (Зинько, 2010. С. 228, рис. 9, 3, 11–12), в нижнем горизонте хозяйственного двора СК-XXXV (Зинько, 2014. С. 240, рис. 232, 1–4) и в хозяйственных ямах № 101-в и 125 (Там же. С. 175, рис. 165, 8–9; С. 128, рис. 121, 17–18)

вместе с греческим керамическим импортом второй половины VI — первой трети V в. до н. э. было найдено 11 экземпляров бронзовых наконечников стрел. Среди этих стрел, так же как и в Мирмекии, преобладают трехлопастные базисные наконечники с головкой треугольной формы (пять экземпляров — 45 %), часть которых связывается В. Н. Зинько со скифским нападением на Тиритаку около 480–470 гг. до н. э. (Зинько, 2013. С. 186, 190). Не исключено, что в условиях скифского вторжения, приведшего, по предположению Ю. А. Виноградова, около 480 г. до н. э. к частичному разрушению ряда городов Европейского и Азиатского Боспора (Виноградов, Горнчаровский, 2009. С. 46–53), судьбы Мирмекия и Тиритаки оказались наиболее тесно связаны.

Вопрос об этнокультурной принадлежности предметов вооружения, в свое время поставленный Ю. А. Виноградовым для всего Боспора и, в частности, для Мирмекия (Виноградов, 1997. С. 145), по-прежнему остается нерешенным. Можно лишь на основании косвенных признаков сделать некоторые предположения. Так, например, согнутый от удара о твердый предмет наконечник стрелы (рис. 1, 21) мог принадлежать, по наблюдению Ю. А. Виноградова, скифам-кочевникам, напавшим на Мирмекий (Виноградов, 1992а. С. 107; Виноградов, Тохтасьев, 1994. С. 59, рис. 4, 5). А наконечник стрелы из хозяйственной ямы № 146 позднеархаического времени (рис. 1, 1) можно связать с производством именно греческих мастеров Мирмекия, поскольку данный предмет по своим пропорциям и количественным характеристикам заметно отличается от варварского, в частности тавро-скифского, стрелкового вооружения.

Таким образом, рассмотренные бронзовые наконечники стрел позволяют уточнить особенности стрелкового вооружения населения Мирмекия позднеархаического—раннеклассического времени и определить место мирмекийских наконечников среди набора стрел скифских и греческих памятников древней Таврики.

- Алексеев, 2003 — Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Буцягин, Виноградов, 2006 — Буцягин А. М., Виноградов Ю. А. Мирмекий в свете новых исследований. Каталог выставки. (Санкт-Петербург, Государственный Эрмитаж, 11 апреля — 22 мая 2006 г.) / Отв. ред. А. М. Буцягин. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 4–51.
- Виноградов, 1992а — Виноградов Ю. А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора / Отв. ред. Г. А. Кошеленко. М.: Наука, 1992. С. 99–120.
- Виноградов, 1992б — Виноградов Ю. А. Отчет о работе Мирмекийского отряда Объединенной Боспорской экспедиции ИИМК–КГИЗ в 1992 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1, 1992 г. Д. 20.
- Виноградов, 1993 — Виноградов Ю. А. Отчет о работе Мирмекийского отряда Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 1993 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1, 1993 г. Д. 15.
- Виноградов, 1997 — Виноградов Ю. А. Новые находки оружия на городище Мирмекий // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 1 / Отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.; Псков: ИИМК РАН; ПГОИАХМЗ, 1997. С. 141–146.
- Виноградов, 2008 — Виноградов Ю. А. Некоторые итоги археологических исследований в районе акрополя Мирмекия // ВДИ. 2008. № 1. С. 42–54.
- Виноградов, Горончаровский, 2009 — Виноградов Ю. А., Горончаровский В. А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н. э. — середина III в. н. э.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-история, 2009. (Сер. Historia militaris). 349 с. (Тр. ИИМК РАН; Т. XXV.)
- Виноградов, Тохтасьев, 1994 — Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 1. С. 54–63.
- Виноградова, 1992 — Виноградова Е. М. Полевая опись находок. Мирмекий, 1992 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1, 1992 г. Д. 22.
- Виноградова, 1993 — Виноградова Е. М. Полевая опись находок. Мирмекий, 1993 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1, 1993 г. Д. 17.
- Виноградова, 1994 — Виноградова Е. М. Полевая опись находок. Мирмекий, 1994 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Оп. 1, 1994 г. Д. 10.
- Гребенников, 2008 — Гребенников Ю. С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н. э.). Николаев: Илион, 2008. 192 с.
- Зинько, 2010 — Зинько В. Н. Основание и становление Тиритаки // ДБ / Отв. ред. А. А. Масленников. М.: ИА РАН, 2010. Т. 14. С. 220–232.
- Зинько, 2013 — Зинько В. Н. Позднеархаическая история Европейского Боспора в свете новейших археологических исследований // ПИФК. 2013. № 2 (40). С. 183–193.
- Зинько, 2014 — Зинько В. Н. Тиритака. Раскоп XXVI. Т. II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. Симферополь; Керчь, Киев: ТОВ Оранта Арт Бук, 2014. 592 с.
- Колтухов, 2012а — Колтухов С. Г. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н. э.: Погребальные памятники. Симферополь: Изд-во ЧП «Предприятие Феникс», 2012. 140 с. (МАКК; Вып. X.)
- Колтухов, 2012б — Колтухов С. Г. Скифы Северо-Западного Крыма в VI–IV вв. до н. э. (Погребальные памятники). Донецк: Донбасс, 2012. 161 с. (Археологический альманах; № 27.)
- Колтухов, 2014 — Колтухов С. Г. Погребения скифского времени в курганах Центрально-Крымской степи // История и археология Крыма. Симферополь: ИП Бровко А. А., 2014. Вып. I. С. 45–72.
- Колтухов, Сенаторов, 2016 — Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг. (По материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского). Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. 288 с. (МАКК; Вып. XVII.)
- Колтухов, Сенаторов, 2017 — Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Золотой Симферопольский курган: по материалам Государственного Эрмитажа // АСГЭ. Вып. 41 / Отв. ред. А. Г. Фурсев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 57–88.
- Мелюкова, 1964 — Мелюкова А. И. Вооружение скифов. М.: Наука, 1964. 91 с. (САИ; Вып. Д1-4.)
- Полин, 2014 — Полин С. В. Скифский Золото-балковский курганный могильник V–IV вв.

- до н. э. на Херсонщине. Киев: Видавец Олег Филюк, 2014. 776 с. (Курганы Украины; Т. 3.)
- Полин, Колтухов, 2015* — Полин С. В., Колтухов С. Г. Скифское погребение в кургане у с. Надежда в Крыму // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы Международ. науч. конф., посвящ. памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С. И. Лукьяшко. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 162–172.
- Сенаторов, 2002* — Сенаторов С. Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 22 с.
- Сенаторов, 2016* — Сенаторов С. Н. Типология и классификация наконечников стрел // Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н. Скифы Предгорного Крыма в VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг. (По материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского). Симферополь: ИП Бровко А. А., 2016. С. 213–216 (МАКК; Вып. XVII. Прил. 4).
- Скорый, 1982* — Скорый С. А. Скифский курган с катакомбами в Северном Крыму // Древности Степной Скифии / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1982. С. 231–236.
- Смирнова, 1979* — Смирнова Г. И. Курганы у с. Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на среднем Днестре // ТГЭ. Т. XX / Отв. ред. А. М. Микляев. Л.: Искусство, 1979. С. 37–67.
- Черепанова, 1985* — Черепанова Е. М. Скифське поховання з с. Надежда Кримської області // Археологія. 1985. Вип. 50. С. 62–65.
- Щепинский, Черепанова, 1969* — Щепинский А. А., Черепанова Е. Н. Северное Присивашье в V–I тыс. до н. э. Симферополь: Крым, 1969. 328 с.

Bronze arrowheads of the last quarter of the 6th — first third of the 5th century BC from Myrmekion (materials of Yu. A. Vinogradov's excavations in 1983–1984 and 1992–1994)

S. N. Senatorov

In the associations and cultural layer of the archaeological site of ancient Myrmekion of the last quarter of the 6th — first third of the 5th century BC, 16 specimens of bronze arrowheads (Fig. 1, 1–8, 17–24) were uncovered. All the arrowheads, in terms of their quantitative and external features, are attributable to seven different types (Table 1) of which 13 specimens are three-bladed (Fig. 1, 1, 3–22) while three are trihedral (Fig. 1, 2, 23–24).

In their features, a considerable number of the Myrmekion points have parallels among the shooting sets from burials of the nomadic Scythians of Crimea (Fig. 1, 9–10, 13, 15, 25–26, 30) and cultural layers of Greek Nymphaion (Fig. 1, 11, 14, 28–29). Sets of arrows similar typologically were encountered in Scythian burial no. 1 of Kurgan no. 12 of the last quarter of the 6th — first quarter of the 5th century BC near the village of Tankovoye and partly in complexes of the second half of the 6th — first third of the 5th century BC in Tyrityake of the Classical period.

The ethno-cultural belonging of the Myrmekion arrowheads is difficult to identify. It can be only supposed that their considerable number copied Scythian examples and, probably, made part of the shooting arms of the mixed Greek-barbarian population of Myrmekion of the last quarter of the 6th — first third of the 5th century BC. At the same time, one arrowhead with a bent tip (Fig. 1, 21) possibly belonged to the nomadic Scythians who attacked Myrmekion, presumably, about 480 BC. Another point (Fig. 1, 1) was apparently manufactured by Greek artisans in Myrmekion itself.

Восточногреческая керамика из раскопок Херсонеса Таврического

Е. С. Лесная¹

Аннотация. Статья посвящена изучению восточногреческой керамики, найденной при раскопках на городище Херсонеса Таврического в Юго-Западном Крыму. Среди находок выделяются отдельные формы столовых и тарных сосудов, делается попытка их атрибуции и датировки в соответствии с современными разработками этой группы керамического импорта. Выявляются особенности хронологии и состава херсонесской коллекции восточногреческой керамики, отличающие ее от коллекций других памятников Северо-Западного и Северного Причерноморья. Предполагается ее особое значение в решении вопроса о времени основания постоянного греческого поселения на берегу Карантинной бухты.

Annotation. This paper is devoted to studies of East Greek pottery found during excavations in the townsite of Tauric Chersonesos in South-Western Crimea. These finds are marked by separate forms of tableware and transporting containers; an attempt is proposed at their attribution and dating corresponding to the modern concepts about this group of ceramic imports. Peculiarities of the chronology and composition of the Chersonesean collection of East Greek pottery are noted distinguishing it from collections from other sites in North-Western and Northern Black Sea regions. A special importance of the former is supposed for the solution of the problem of the date of the foundation of the permanent Greek settlement on the shore of Karantinnaya Bay.

Ключевые слова: Херсонес Таврический, восточногреческая керамика, греческая колонизация, период архаики, хронология.

Keywords: Tauric Chersonesos, East Greek pottery, Greek colonization, Archaic period, chronology.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-99-112¹

Несмотря на достаточно длительный период археологического изучения Херсонеса, многие вопросы истории города еще ожидают своего окончательного решения. В их числе — время и обстоятельства его основания. Эта тема имеет богатую историографию, что связано прежде всего с чрезвычайной скудностью данных письменной традиции (см., например: *Виноградов, Золотарёв, 1999; Буйских, 2008. С 27–43; Стоянов, 2007; Суриков, 2009*).

¹ Кафедра истории древнего мира, Саратовский национальный исследовательский гос. университет им. Н. Г. Чернышевского; ул. Астраханская, 83, г. Саратов, 410012, Россия; E-mail: lesnaya.kat@gmail.com.

В связи с этим решающее значение приобретает ранний керамический материал, бóльшая часть которого не опубликована и остается неизвестной широкому кругу специалистов. Поскольку культурный слой и строительные комплексы, синхронные начальному этапу существования Херсонеса, практически не сохранились, основная масса коллекции происходит из более поздних напластований (в частности, из нивелировочной засыпи, предшествующей оформлению регулярной городской планировки в середине IV в.² (*Буйских, 2008*).

² Здесь и далее все даты указаны до н. э.

С. 67)), и из погребений раннего некрополя. Отдельные находки уже становились предметом специальных исследований (Белов, 1972; Золотарёв, 1993; Стоянов, 2005. С. 41; Стоянов, 2013. С. 82; Ушаков и др., 2013; Рыжов, Лесная, 2018), однако в настоящее время мы имеем возможность уточнить атрибуцию и датировку некоторых из них³.

Херсонесская коллекция восточногреческой керамики представлена несколькими группами сосудов, которые, за редким исключением, сохранились во фрагментах. Важное место среди них занимают находки открытых сосудов для питья — киликов и чаш. Всего удалось выделить фрагменты от пяти сосудов, которые можно отнести к категории ионийских киликов: это четыре закраины (рис. 1, 1–4) и дно на высоком кольцевом поддоне (рис. 1, 5). Края сосудов вертикальные, невысокие, у одного из них край слегка отогнут (рис. 1, 1). Все килики имеют одинаковую схему декора, лаковое покрытие нанесено достаточно небрежно. На внутренней поверхности венца вдоль края проходит широкая резервная полоса. Также полоса в резерве оставлена на внешней поверхности сосуда, в зоне ручек. В случаях, когда сами ручки сохранились, они подняты выше края килика (рис. 1, 2–4), что является отличительной особенностью поздних сосудов (Секерська, Буйських, 2018. С. 39). Судя по визуальным наблюдениям, глина фрагментов неоднородная, тесто некоторых экземпляров содержит известковые включения. Близкие аналогии херсонесским киликам можно найти среди материалов раскопок Никония, датирующихся последней четвертью VI — началом V в. (Там же. С. 40, рис. 2, 3). Сосуды из Никония отнесены исследователями к типу 11, варианту формы 11,1.В по типологии У. Шлотцхауэра (Schlotzhauer, 2001. Taf. 53; Секерська, Буйських, 2018. С. 38). Херсонесские килики имеют схожие профилировку венца и декор (Там же. Рис. 2, 7, 8; 3, 1, 2).

³ Автор признателен главному хранителю ГИАМЗ «Херсонес Таврический» Н. Л. Демиденко и сотрудникам научно-фондового отдела О. П. Дорошко, Е. В. Колесник, Е. М. Краснодубец за неоценимую помощь в работе с фондовыми коллекциями.

Кроме описанных закраин от небольших киликов в коллекции имеется и обломок придонной части крупного сосуда с достаточно массивными стенками (рис. 1, 5). Медальон в центре дна покрыт плотным слоем коричневого лака, его окружает тонкая полоса, vyplненная таким же лаком. Внешняя поверхность оставлена без покрытия. Глина насыщена известковыми включениями и золотистыми частицами, что может свидетельствовать о южноионийском происхождении сосуда.

Особо стоит отметить два экземпляра ионийских чаш. Первый сосуд, лучшей сохранности, имеет лаковое покрытие на внутренней поверхности, под венцом нанесены две полосы пурпура. Придонная часть оставлена в резерве, в центре дна — круг и полоса лака. На внешней поверхности под краем проведены лаком две тонкие полосы, под ними — корзина лучей (рис. 1, 6). От второй чаши сохранился лишь небольшой фрагмент придонной части. Внутренняя поверхность оставлена в цвете глины, на внешней восстанавливается орнамент в виде корзины лучей (рис. 1, 7). Первый фрагмент был найден при раскопках М. И. Золотарёвым и отнесен им, как и многие другие херсонесские чаши с полосами, к группе ионийских киликов (Золотарёв, 1993. С. 11, кат. № 179, табл. XIII). Позже А. В. Буйских поддержала такую атрибуцию этого сосуда, в отличие от всех остальных полосатых чаш Херсонеса, представленных в каталоге М. И. Золотарёва (Золотарёв, 1993. С. 44–67; Буйских, 2006. С. 270–271).

Орнамент в виде корзины лучей характерен для ионийских чаш с точечными розетками и их вариантов. Время бытования основного массива этой группы керамики охватывает весь VI в. (Kershner, 2006. S. 243). В последней четверти этого столетия на смену чашам с розетками приходят полусферические чаши, уже не имеющие декора из розетт и лучей, две полосы пурпура в их интерьере сливаются в одну, а полосы лака в придонной части становятся более тонкими (Буйских, 2013. С. 107–108; Секерская, Буйских, 2019. С. 205). Степень сохранности херсонесских экземпляров не позволяет нам уверенно

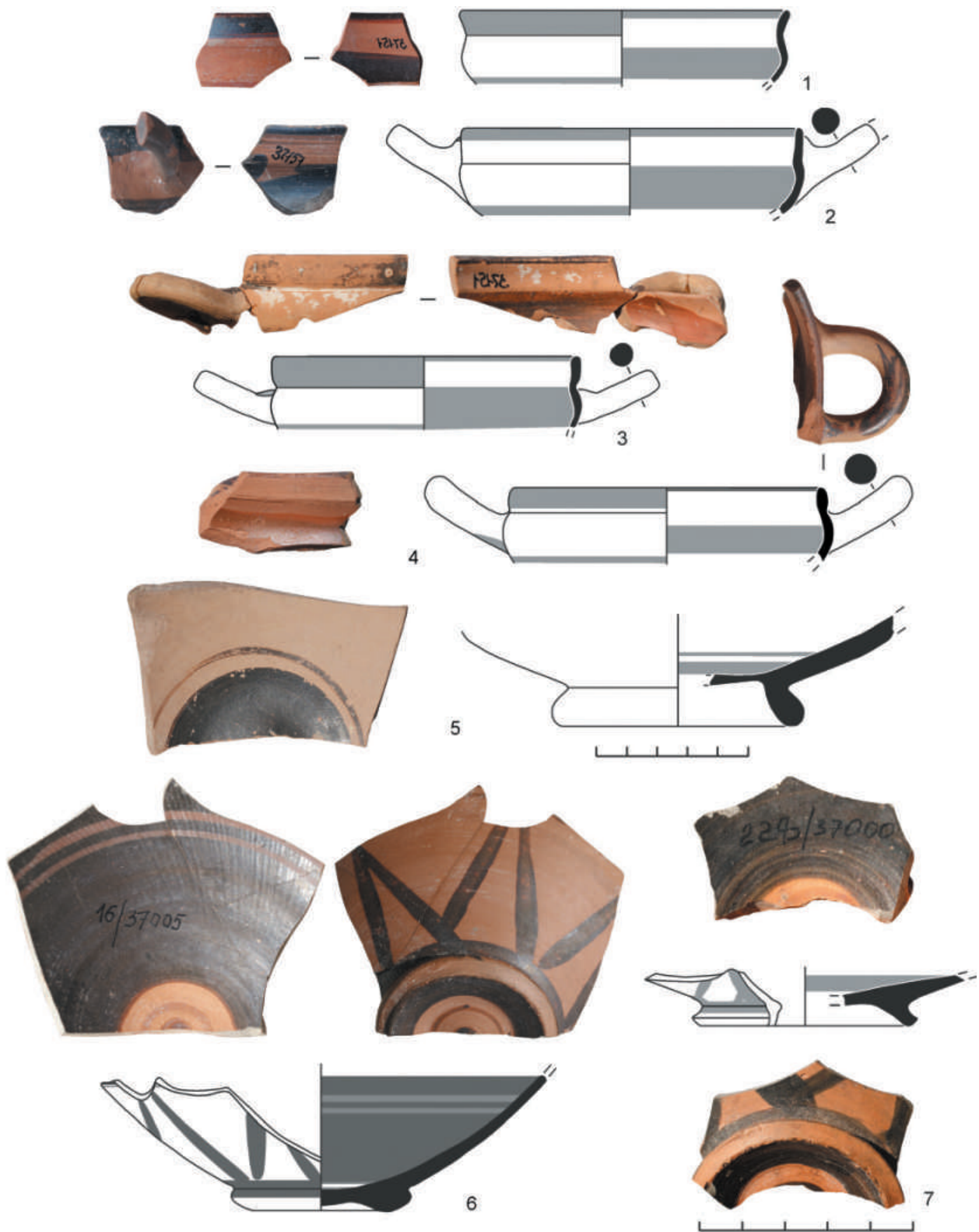

Рис. 1. Ионийские килики и чаши: 1-3 — кол. 37151; 4 — кол. 35272; 5 — ИКАМ 37029/59; 6 — ИКАМ 37005/16; 7 — ИКАМ 37000/228

Fig. 1. Ionian kylikes and cups: 1-3 — collection 37151; 4 — collection 35272; 5 — ИКАМ 37029/59; 6 — ИКАМ 37005/16; 7 — ИКАМ 37000/228

судить об их принадлежности именно к традиционному варианту ионийских чаш с розеттами. Орнамент в виде корзинки лучей, как было отмечено А. В. Буйских, более характерен для первой половины VI в., тем не менее этот элемент встречается и на более поздних сосудах вплоть до конца V в. (Буйских, 2013. С. 108; *Секерская, Буйских*, 2019. С. 205, рис. 4, 2–10, с аналогиями; *Завойкин*, 2004. С. 25–26). Так, чаша с корзиной лучей была найдена на полу жилого дома «К» в Клазоменах, в слое с материалами последней четверти VI в. (Ersoy, 2004. P. 57, fig. 17, d). В Ольвии известен фрагмент из строительного комплекса из предместья начала V в. (Буйских, 2013. С. 108, кат. № 8.79). Наиболее позднюю дату бытования сосудов с таким декором дает чаша из слоя периода жизни дома 424 в Фанагории (вторая половина V в.), время гибели которого определяется последней четвертью этого столетия (Завойкин, 2004. С. 25–26). В случае с херсонесской чашей можно предположить, что наличие двух полос пурпура в верхней части интерьера и уже достаточно тонкие полосы лака в придонной части позволяют отнести ее к последней четверти VI — началу V в.⁴

К североионийскому импорту (так называемый круг Клазомен) можно отнести фрагменты двух столовых амфор с орнаментом по перегибу плечей в виде чередующихся полос пурпура, лака и белой накладной краски (рис. 2, 1–3). В Северном Причерноморье находки таких сосудов зафиксированы в Пантикапее (Сидорова, 1992. С. 161, рис. 15, Б, В) и Ольвии, где они датируются второй половиной VI в. (Буйских, 2013. Кат. № 4.225, 4.240).

Следующая большая группа восточно-греческого импорта объединяет в себе образцы так называемой ионийской полосатой керамики. Тримя закраинами представлены закрытые тарные сосуды, именуемые в литературе корчагами, диносами или стамносами (рис. 2, 4–6). На плечах одного сосуда частично сохранился орнамент, напоминающий геометрические росписи более раннего времени —

⁴ Искренне благодарю Аллу Валерьевну Буйских за консультации при атрибуции этих фрагментов.

от узкой полосы лака на небольшом расстоянии друг от друга расходятся по шесть (?) тонких наклонных полос (рис. 2, 4) (например, *Kunich*, 1971. N 2992, Taf. 54, 1, 2). Близкая схема декора встречается на столовых амфорах из раскопок Истрии (*Alexandrescu*, 1978. N 254) и Афинской агоры, где амфора была найдена в контексте 510–480 гг. (*Sparkes, Talcott*, 1970. N 1527). Вместе с тем нельзя исключать, что наш фрагмент может иметь и более раннюю дату. Плечи другого херсонесского диноса украшены тонкой волнистой линией темно-коричневого лака (рис. 2, 5). В Северном Причерноморье подобные закрытые сосуды встречаются в керамической коллекции Тиритаки (Буйских, 2014. С. 113, кат. № IV.2.47, рис. 47, 2) и Ольвии, где они датируются в рамках второй половины VI — начала V в. (Буйских, 2013. С. 117, кат. № 9.93–9.96). В качестве близкой аналогии херсонесскому фрагменту с волнистым орнаментом можно привлечь динос из раскопок Аргилоса в Северной Эгеиде. Эта находка датирована последней четвертью VI в. и отнесена исследователями к местному производству (*Perron*, 2013. Cat. N Arg.212). В Клазоменах диносы/стамносы с волнистой линией по плечам являются типичной находкой в слоях разрушений рубежа VI–V вв. и также соотносятся с местной керамической продукцией (Ersoy, 2004. P. 57–58, fig. 19, d, e; *Güngör*, 2004. P. 127, fig. 13, 14). В Нимфее фрагмент диноса с S-видным орнаментом на плечах был найден в комплексе с материалами второй половины V — первой трети IV в. (*Čistov, Domžalski*, 2001. P. 103–104, fig. 11, 1. Pl. XXII, 9). Нимфейская находка позволяет расширить хронологические рамки бытования этих закрытых сосудов по меньшей мере до середины V в., тем более, что такое предположение уже высказывалось в литературе (*Секерская, Буйских*, 2019. С. 205, рис. 7, 3).

Также в Херсонесе известны находки столовых амфор с острым ребром в верхней части горла (рис. 3). А. В. Буйских, опираясь на материалы Ольвии и Никония, выделяет два варианта этих сосудов в зависимости от особенностей формы и декора. Первый вариант отличается невысоким горлом, округлым

Рис. 2. Столовые амфоры и тарные сосуды типа диносов: 1 — ИКАМ 37000/477; 2 — кол. 37068; 3 — НВФ 309; 4 — инв. № 395/9; 5 — кол. 37050; 6 — ИКАМ 36986/41

Fig. 2. Table amphorae and containers of the dinos type: 1 — ИКАМ 37000/477; 2 — collection 37068; 3 — НВФ 309; 4 — inv. no. 395/9; 5 — collection 37050; 6 — ИКАМ 36986/41

туловом, сплошным лаковым покрытием верхней части горла до ребра и несколькими полосами лака по перегибу плеч. Ко второму варианту относятся сосуды с высоким горлом, вогнутыми стенками в нижней части тулова, чередованием сдвоенных точек лака и белой краски в основании горла и таким же чередованием полос на тулове. Амфоры первого варианта датируются концом VI — третьей четвертью V в., а сосуды второго получают широкое распространение во второй—третьей четвертях V столетия (Секерская, Буйских, 2019. С. 206). В нашей коллекции

нет целых экземпляров, поэтому соотнести образцы с обозначенными вариантами возможно только на основании росписи. Это обломки венцов, ручек, а также стенки с рядами сдвоенных точек на плечах и чередующимися полосами красной и белой краски по тулову, которые характерны для амфор второго варианта (рис. 3, 14–16). Глина рассматриваемых фрагментов отличается по составу (в тесте содержатся визуально различимые включения слюды и/или известковых частиц), что может указывать на изготовление таких столовых амфор в нескольких производственных

Рис. 3. Столовые амфоры с рельефным ребром на горле: 1-2 — ИКАМ 37022/31; 3 — ИКАМ 37151/185; 4 — инв. № 821/12в; 5 — ИКАМ 37029/57; 6-7 — ИКАМ 37000/488; 8 — инв. № 2470/13; 9 — кол. 37068; 10 — ИКАМ 37000/817; 11 — инв. № 197/14; 12 — кол. 37022; 13 — ИКАМ 37022/33; 14 — ИКАМ 37000/447; 15 — ХМ КП-319; 16 — кол. 35272; 17 — инв. № 2892/09

Fig. 3. Table amphorae with a relief rib on the throat: 1-2 — ИКАМ 37022/31; 3 — ИКАМ 37151/185; 4 — inv. no. 821/12в; 5 — ИКАМ 37029/57; 6-7 — ИКАМ 37000/488; 8 — inv. no. 2470/13; 9 — collection 37068; 10 — ИКАМ 37000/817; 11 — inv. no. 197/14; 12 — collection 37022; 13 — ИКАМ 37022/33; 14 — ИКАМ 37000/447; 15 — ХМ КП-319; 16 — collection 35272; 17 — inv. no. 2892/09

центрах (Буйских, 2013. С. 119; Секерская, Буйских, 2019. С. 207).

Среди закрытых форм полосатых сосудов наиболее многочисленны в Херсонесе находки так называемых грибовидных кувшинов с биконическим туловом и двумя ручками (рис. 4). Они появились в конце VI в. и бытовали все следующее столетие. Наблюдения за динамикой их морфологии позволили предположить, что основным хроноиндикатором является форма нижней части тулова — ранние сосуды отличаются вогнутой стенкой ниже перегиба плеч (рис. 4, 1, 4), у сосудов второй половины V в. она округлая (рис. 4, 3), прямая стенка характерна для промежуточного варианта (рис. 4, 2) (Буйских, 2013. С. 129; Секерская, Буйских, 2019. С. 207). В настоящее время из Херсонеса происходит серия из трех целых кувшинов (у одного утрачен поддон) и около двух десятков фрагментов профильных частей. И грибовидные кувшины, и столовые амфоры с ребром на горле хорошо известны по материалам раскопок античных центров Западного и Северного Причерноморья: в Истрии (Alexandrescu, 1978. N 677), Никонии (Секерская, Буйских, 2019. Рис. 8–12), Ольвии (Буйских, 2013. Рис. 109–114), Керкинитиде (Кутайсов, 2013. Рис. 49, 2; 50), на Боспоре (Гайдукевич, 1959. С. 164, рис. 11; Коровина, 2002. Табл. 16, 2), а также в комплексах афинской агоры (Sparkes, Talcott, 1970. N 161–166).

Группу закрытых сосудов продолжают аски двух типов — кольцеобразные сосуды с центральной трубкой и сосуды без трубки. Первый тип представлен одним целым экземпляром (ХМ КП-9115), уже отмеченным в публикациях (Золотарёв, 1993. Табл. I, 2; Золотарёв, 2005. Рис. 2). М. И. Золотарёв датировал аск концом VI — началом V в. (Золотарёв, 1993. Кат. 190), А. В. Буйских отнесла его ко времени не ранее начала V столетия (Буйских, 2006. С. 273). Информация, имеющаяся в архиве Херсонесского музея, не позволяет уверенно говорить о том, что этот сосуд происходит из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича (Золотарёв, 1993. С. 68). Знакомство с аском *de visu* показало, что его венчик и частично тулово собраны из нескольких

оригинальных фрагментов, а утраты (часть горла, тулова, дно) восполнены с использованием обломков от других сосудов, тщательно подогнанных под необходимую форму. При этом в зоне горла хорошо виден небольшой фрагмент от чернолакового сосуда, а в качестве дна аска, видимо, использована нижняя часть открытого светильника со втулкой. Очевидно, этот экземпляр был передан в Херсонесский музей в 1920-е гг. в числе предметов из собрания крымского коллекционера антиков А. Я. Гидалевича и не имеет отношения к собственно херсонесским древностям.

Второй тип асков — без центральной трубки, с широким вертикальным горлом и перекидной ручкой — типичен для керамической продукции североионийских центров. В херсонесской коллекции надежно выделяются фрагменты от одного сосуда с S-образным орнаментом по плечам и полосами красного лака по тулову (рис. 5, 1), что позволяет отнести его к группе ионийской полосатой керамики. В глиняном тесте визуально различимы мелкие блестки и редкие включения известковых частиц. Аски без центральной трубки встречаются значительно реже кольцеобразных, в большей степени распространены сосуды с росписью в верхней части сосуда, датирующиеся третьей четвертью VI в. (Копейкина, 1979. С. 16, рис. 13, 14; Скуднова, 1988. Кат. № 51, 92, 167; Борисфен-Березань..., 2005. Кат. № 74). Два целых полосатых экземпляра, один с волнистым орнаментом (Скуднова, 1988. Кат. № 74), другой с S-видными знаками на плечах, происходят из раскопок ольвийского некрополя, где последний датируется 525–500 гг. (Скуднова, 1988. Кат. № 97; Буйских, 2013. Кат. № 9.194). Надо полагать, что наш сосуд также можно отнести к этому времени.

В херсонесской коллекции представлены также туалетные леканы двух вариантов — с закраиной для фиксации крышки (рис. 6, 1–3) и с плоским отогнутым краем (рис. 6, 4, 5). Сосуды с широкой отогнутой закраиной пока не зафиксированы, хотя все варианты бытовали в одно время. Леканы имеют орнаментацию в виде горизонтальных или волнистых

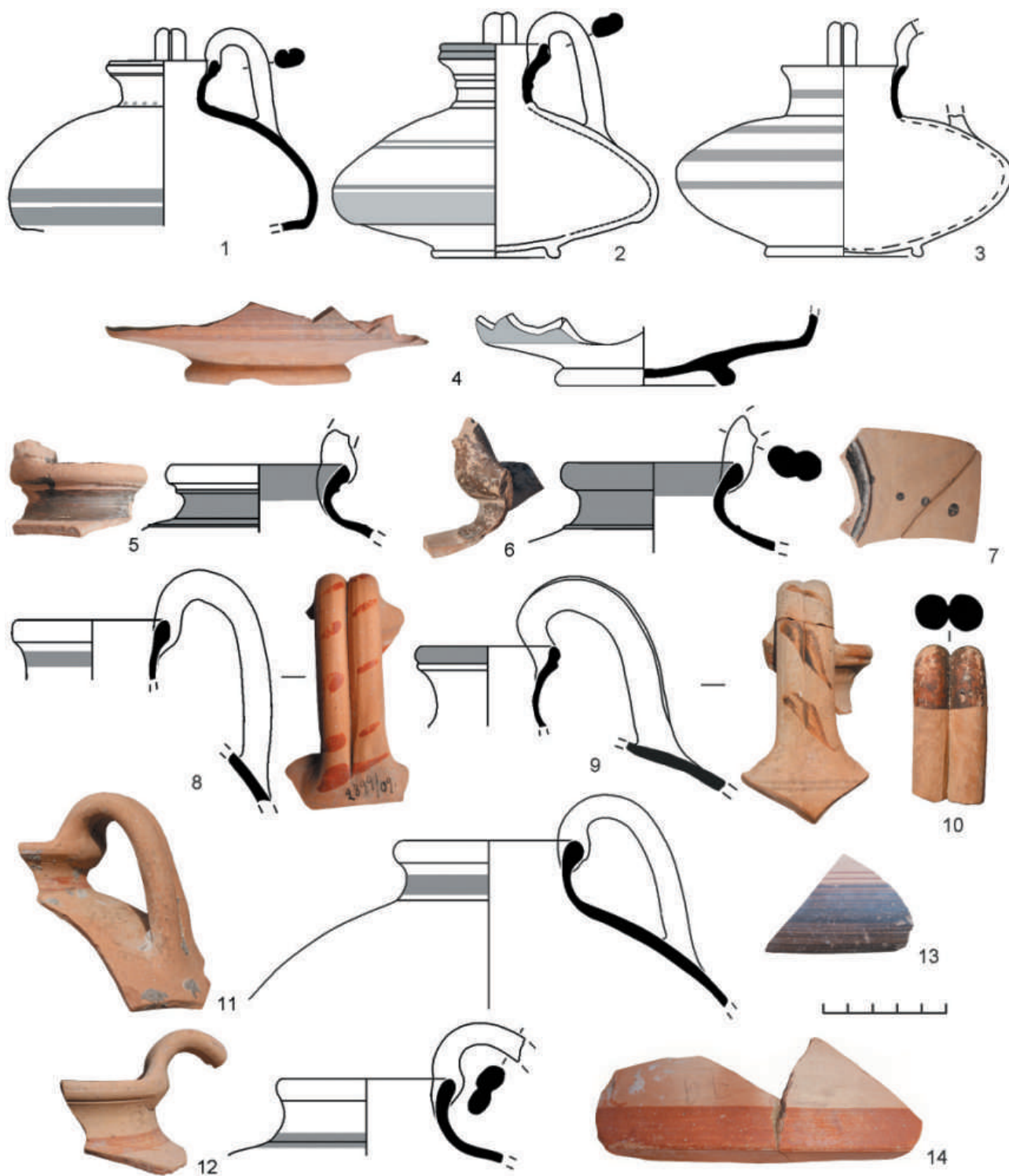

Рис. 4. Грибовидные сосуды: 1 — инв. № 191/14; 2 — ИКАМ 37240/33; 3 — ИКАМ 37586/60; 4 — кол. 37102; 5 — ИКАМ 37022/31; 6 — ИКАМ 37029/57; 7 — ИКАМ 37022/30; 8 — инв. № 2899/09; 9 — ИКАМ 37000/478; 10–12 — ИКАМ 37000/816; 13 — кол. 37022; 14 — ИКАМ 37000/825

Fig. 4. Mushroom-shaped vessels: 1 — inv. no. 191/14; 2 — ИКАМ 37240/33; 3 — ИКАМ 37586/60; 4 — collection 37102; 5 — ИКАМ 37022/31; 6 — ИКАМ 37029/57; 7 — ИКАМ 37022/30; 8 — inv. no. 2899/09; 9 — ИКАМ 37000/478; 10–12 — ИКАМ 37000/816; 13 — collection 37022; 14 — ИКАМ 37000/825

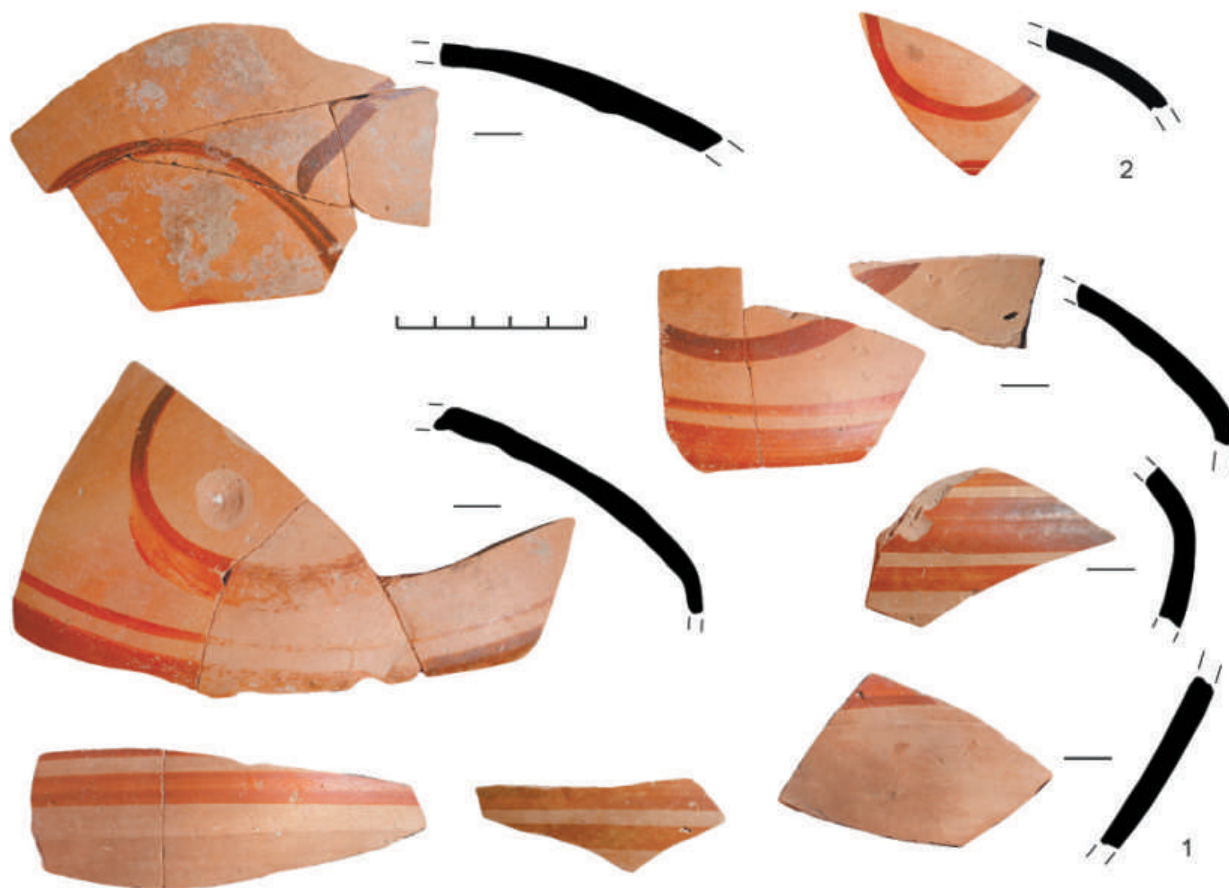

Рис. 5. Аски: 1 — НВФ 1205/51; 2 — инв. № 216/14
 Fig. 5. Askoi: 1 — НВФ 1205/51; 2 — inv. no. 216/14

полос лака, которые помещены под краем на внешней поверхности сосуда. По наблюдениям А. В. Буйских, основанным на работе с находками из ольвийских комплексов, полосатые леканы выпускались с последней трети VI в. до середины V в., причем сосуды с волнистым декором предшествовали по времени изделиям с простым линейным орнаментом (Буйских, 2013. С. 150). Среди центров Северо-Западного и Северного Причерноморья, помимо Ольвии, такие сосуды известны в материалах Никония (Секерская, Буйских, 2019. С. 208–209, рис. 18, 19), Березани (Posamentir, Solovyov, 2007. Abb. 4. 1), Пантикапея (Сидорова, 1992. Рис. 16, Д), Гермонассы (Коровина, 2002. Табл. 15, 3).

Также в рассматриваемой коллекции присутствуют крышки от лекан (рис. 6, 6–11) и пиксиды (рис. 6, 12) с различным оформлением края: с отогнутым бортиком и невысокой

внутренней закраиной (рис. 6, 6); невысоким прямым краем без закраины (рис. 6, 9); с высоким профилированным бортиком (рис. 6, 10, 11). Все они украшены полосами лака по внешней поверхности. Отдельно отметим два фрагмента крышек с орнаментом из чередующихся полос лака и белой краски (рис. 6, 6, 8), которые, вероятно, могут иметь североионийское происхождение — использование таких декоративных элементов характерно для керамических мастерских так называемого круга Клазомен (Секерская, Буйских, 2019. С. 209).

Представленный обзор восточногреческой керамики демонстрирует, что херсонесские находки выглядят более чем скромно в сравнении с составом коллекций синхронных памятников Северо-Западного и Северного Причерноморья. Однако не вызывает сомнений их принципиально важное значение в решении вопроса о времени появления

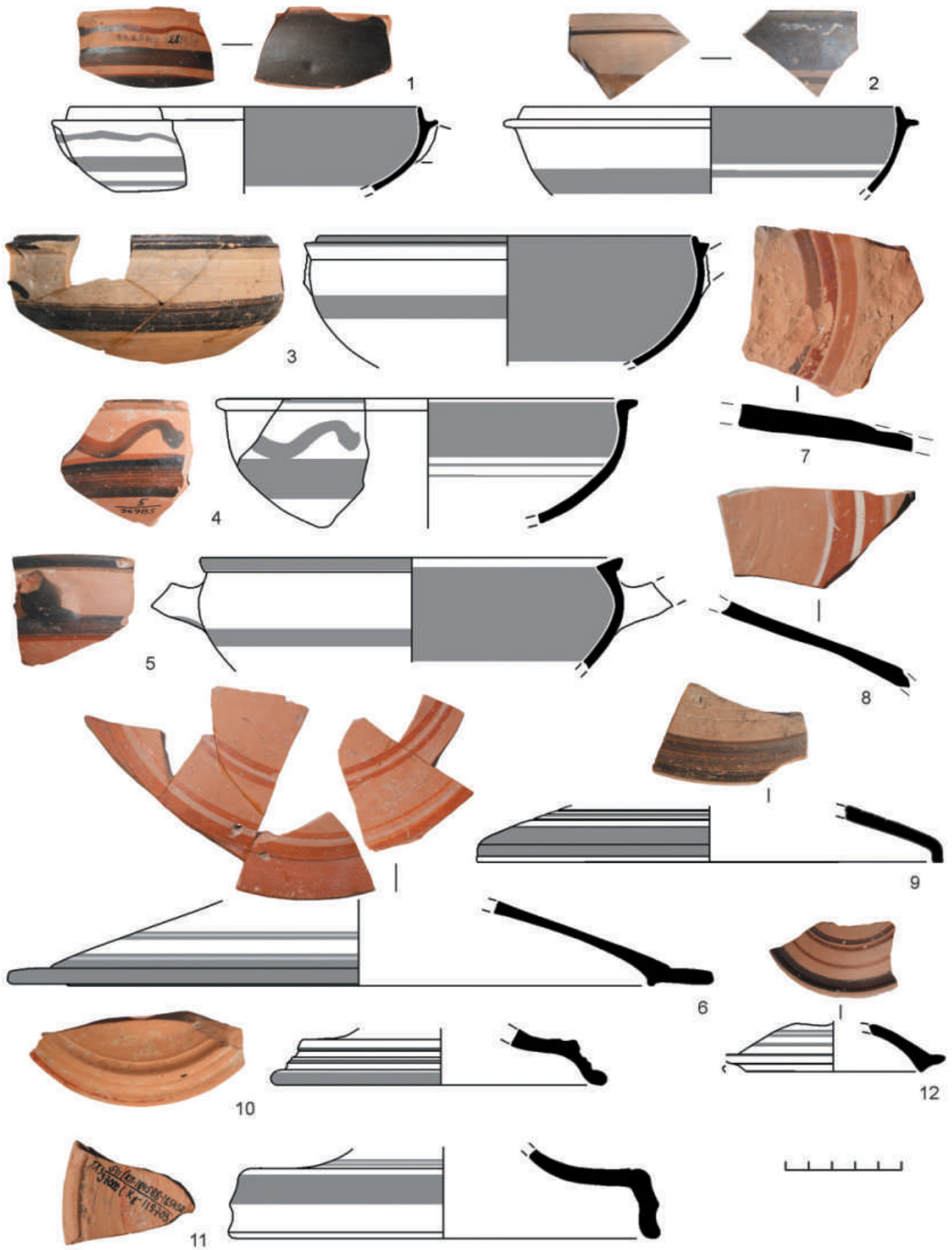

Рис. 6. Леканы, крышки лекан и крышка пиксиды: 1 — инв. № 2896/09; 2 — НВФ 1205; 3 — кол. 36999; 4 — ИКАМ 36985/5; 5 — инв. № 2028/09; 6 — 37084/34; 7 — НВФ 385; 8 — ИКАМ 37119/17; 9 — ИКАМ 37151/186; 10 — ИКАМ 37151/179; 11 — ИКАМ 37000/541; 12 — инв. № 730/12

Fig. 6. Lekanoi, lids of lekanoi and lid of a pyxis : 1 — inv. no. 2896/09; 2 — НВФ 1205; 3 — collection 36999; 4 — ИКАМ 36985/5; 5 — inv. no. 2028/09; 6 — 37084/34; 7 — НВФ 385; 8 — ИКАМ 37119/17; 9 — ИКАМ 37151/186; 10 — ИКАМ 37151/179; 11 — ИКАМ 37000/541; 12 — inv. no. 730/12

греческого поселения на берегу Карантинной бухты.

Обращает на себя внимание отсутствие в Херсонесе целого ряда форм, характерных для комплексов второй половины — последней трети VI в. и известных в материалах соседней Керкинитиды или Ольвии. Прежде всего, показательны килики лаконского (Кутайсов, 2013. Рис. 21, 4; 22, 1; Буйских, 2013. С. 178–179) и паросского типов (Кутайсов, 2013. Рис. 20, 21, 1, 2; Буйских, 2013. С. 184), североионийские сосуды с чешуйчатым орнаментом (Кутайсов, 2013. Рис. 20; Буйских, 2013. С. 83). Также в Херсонесе нам неизвестны (пока?) ионийские килики и полусферические чаши, которые можно было бы уверенно датировать в рамках только третьей или последней четвертей VI столетия, поскольку именно массовый импорт этих сосудов является надежным хронологическим маркером существования памятника в указанное время, как, например, в случае с Никоном (Секерська, Буйских, 2018. С. 40–41) и с поселением Приморский Бульвар на побережье Одесского залива (Буйских, Редина, 2015. С. 115)⁵. Кроме того, в херсонесской коллекции не зафиксировано ни одного фрагмента милетской расписной керамики, которая стабильно поступала в Северное Причерноморье до разгрома Милета персами в 494 г.

Наиболее ранние образцы амфорной тары, найденные в Херсонесе, исследователи относят к первой трети — первой половине V в. (Монахов и др., 2017. Кат. № Sm.1., M.1, NA.1, An.1). Сейчас эта выборка дополнилась двумя ручками (ИКАМ 37698/4) и фрагментом венца клазоменской амфоры (НВФ 1285)⁶.

⁵ Также здесь стоит обратить внимание на сравнительный анализ состава керамических комплексов второй половины VI в. Ольвии и Тиритаки (Buiskikh, 2014).

⁶ Раскопки С. В. Ушакова в ХСVII квартале 2012 и 2017 гг.

К сожалению, из-за плохой сохранности их сложно уверенно соотнести с каким-либо вариантом (Монахов, 2003. С. 51–54). Прекращение массового выпуска керамической тары в Клазоменах обычно связывают с разгромом персами ионийского восстания в 494 г. (Там же. С. 51, 55), что дает определенный *terminus ante quem* для наших фрагментов⁷. Вместе с тем нам неизвестны находки амфор Хиоса с воронковидным горлом позднего варианта (Там же. 2003. С. 16) и синхронных им раннепухлогорлых сосудов, стабильно присутствующих в комплексах последней трети VI в. (Там же. 2003. С. 16–17).

Таким образом, в настоящее время, опираясь на известные археологические материалы, все же не представляется возможным принять тезис об основании Херсонеса Таврического (или же анонимного эллинского поселения, предшествующего ему⁸) в середине — третьей четверти VI в. (Суриков, 2009. С. 188, 196; Сенаторов, 2017. С. 200; Суриков, 2019). Более вероятным кажется время, близкое скорее к концу VI или рубежу VI–V вв. — именно с этого момента фиксируется поступление массового керамического импорта, что, в свою очередь, является отражением начала постоянной жизни на территории херсонесского городища. Эта дата подтверждается и последними результатами изучения аттической расписной керамики из раскопок Херсонеса (Вдовиченко и др., 2019. С. 36–47, 62). Очевидно, нельзя исключать и появление новых находок, которые позволят скорректировать и уточнить предложенные выводы.

⁷ Искренне благодарю Елену Владимировну Кузнецову за помощь в атрибуции фрагментов.

⁸ Вопрос о метрополии и политическом статусе этой апойки активно дискутируется и в новейшей литературе (см., например: Суриков, 2019).

- Белов, 1972 — Белов Г. Д. Ионийская керамика из Херсонеса // ТГЭ. Л.: Аврора, 1972. Вып. 13. С. 17–26.
- Борисфен–Березань..., 2005 — Борисфен–Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки в Гос. Эрмитаже (23 июня — 11 сентября 2005 г.). СПб.: Гос. Эрмитаж, 2005. 152 с.
- Буйских, 2006 — Буйских А. В. Херсонес Таврический в VI в. до н. э.: реальность историческая или археологическая? // Античный мир и археология. Саратов: Научная книга, 2006. Вып. 12. С. 263–277.
- Буйских, 2008 — Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь: Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины, 2008. 424 с. (МАИЭТ. Supplementum. Вып. 5.)
- Буйских, 2013 — Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев: Стародавній Світ, 2013. 456 с.
- Буйских, 2014 — Буйских А. В. Приложение 1. Амфоры и столовая посуда // В. Н. Зинько. Тиритака Раскоп XXVI. Т. II: Археологические комплексы VI–V вв. до н. э. Боспорские исследования. Suppl. 11. Симферополь; Керчь: Б. и., 2014. С. 318–445.
- Буйских, Редина, 2015 — Буйских А. В., Редина Е. Ф. Античное поселение «Приморский бульвар». Итоги исследований и проблема хронологии // МАСП. Одесса: СМЛ, 2015. Вып. 13. С. 100–130.
- Вдовиченко и др., 2019 — Вдовиченко И. И., Рыжов С. Г., Жесткова Г. И. Античная расписная керамика Херсонеса Таврического из раскопок С. Г. Рыжова в 1976–2011 годах. Севастополь: Альбатрос, 2019. 204 с.
- Виноградов, Золотарёв, 1999 — Виноградов Ю. Г., Золотарёв М. И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996–1997. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М.: Восточная литература, 1999. С. 91–129.
- Гайдукевич, 1959 — Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов. М.; Л.: Наука, 1959. С. 154–238 (МИА; Вып. 69).
- Завойкин, 2004 — Завойкин А. А. Фанагория во второй половине V — начале IV вв. до н. э. (по материалам раскопок «Южного города»). М.: ИА РАН, 2004. 244 с. (Древности Боспора. Suppl. I.)
- Золотарёв, 1993 — Золотарёв М. И. Херсонесская архаика. Севастополь: Б. и., 1993. 98 с.
- Золотарёв, 2005 — Золотарёв М. И. Херсонес Таврический: основание и становление полиса // Херсонесский сборник. Вып. 14. Севастополь: Альбатрос, 2005. С. 13–44.
- Копейкина, 1979 — Копейкина Л. В. Развитие чернофигурного стиля в клазоменской керамике (по материалам из раскопок на о. Березань) // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.: Аврора, 1979. С. 7–25.
- Коровина, 2002 — Коровина А. К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М.: ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2002. 146 с.
- Кутайсов, 2013 — Кутайсов В. А. Античный полис Керкинитида. Симферополь: Изд-во ЧП «Предприятие Феникс», 2013. 399 с. (Материалы к археологической карте Крыма; Вып. XII).
- Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.: Киммериды; Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 352 с.
- Монахов и др., 2017 — Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б. Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»: каталог. Саратов: Новый проект, 2017. 209 с.
- Рыжов, Лесная, 2018 — Рыжов С. Г., Лесная Е. С. О некоторых находках из раскопок 6-й поперечной улицы в Херсонесе // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации: Материалы междунар. науч. конф. / Ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь; Керчь: Деметра, 2018. С. 409–414 (Боспорские чтения; Вып. XIX).

- Секерська, Буйських*, 2018 — *Секерська Н. М., Буйських А. В.* Про час заснування Ніконія (за матеріалами східногрецької кераміки) // Археологія. Київ, 2018. № 1. С. 37–44.
- Секерская, Буйских*, 2019 — *Секерская Н. М., Буйских А. В.* Ранняя расписная керамика из Никония // МАСП. Одесса: Ирбис, 2019. Вып. 14. С. 203–212.
- Сенаторов*, 2017 — *Сенаторов С. Н.* Бронзовые наконечники стрел из античного Херсонеса. Ч. 2 (по материалам ГИАМЗ «Херсонес Таврический») // История и археология Крыма. Симферополь, 2017. Вып. V. С. 197–221.
- Сидорова*, 1992 — *Сидорова Н. А.* Керамика архаического периода из раскопок Пантикапея 1965–1985 гг. (кроме аттической краснофигурной) // СГМИИ. М., 1992. Вып. 10. С. 131–172.
- Скуднова*, 1988 — *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л.: Искусство, 1988. 184 с.
- Стоянов*, 2005 — *Стоянов Р. В.* Расписная и чернолаковая столовая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V–I вв. до н. э. // БИ. Симферополь: Деметра, 2005. Вып. VIII. С. 39–53.
- Стоянов*, 2007 — *Стоянов Р. В.* Несколько замечаний о времени и обстоятельствах основания Херсонеса Таврического // ВДИ. 2007. № 2. С. 125–144.
- Стоянов*, 2013 — *Стоянов Р. В.* Керамические погребальные урны в форме гидрий из некрополя Херсонеса Таврического IV–III вв. до н. э. // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа: Материалы междунар. конф. (г. Краснодар, 30–31 мая 2012 г.). Краснодар: Краснодарский гос. историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, 2013. С. 82–89.
- Суриков*, 2009 — *Суриков И. Е.* «Херсонес изначальный» или «Предхерсонесское поселение»? (Заметки на полях книги: Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008) // Studia Historica. М., 2009. Т. IX. С. 185–201.
- Суриков*, 2019 — *Суриков И. Е.* К полемике о времени основания Херсонеса Таврического (с акцентом на нумизматическую аргументацию) // Херсонесский сборник. Севастополь: Альбатрос, 2019. Вып. 20. С. 215–221.
- Ушаков и др.*, 2013 — *Ушаков С. В., Лесная Е. С., Тюрин М. И.* Новый керамический комплекс V в. до н. э. из Северо-Восточного района Херсонеса // Причерноморье в античное и раннесредневековое время: Сб. науч. трудов, посв. 65-летию профессора В. П. Копылова. Ростов н/Д: Б. и., 2013. С. 308–315.
- Alexandrescu*, 1978 — *Alexandrescu P.* La céramique d'époque archaïque et classique (VIIe — IVe s.). București; Paris: Editura Academiei RSR, 1978. 143 p.
- Buiskikh*, 2014 — *Buiskikh A.* On a typical ceramic deposit of the 6th century BC in the northern Black Sea territory: Olbia Pontike and Tyritake // Tyritake — Antique Site at the Cimmerian Bosphorus: Proceedings of the international conference / Ed. A. Twardecki. Warsaw, 27–28 November 2013. Warsaw, 2014. P. 63–77.
- Čistov, Domžalski*, 2001 — *Čistov D. E., Domžalski K.* Nymphaion — results of excavations in sector N, 1994–1998 // Archeologia. Warszawa, 2001. Vol. LII. P. 97–142.
- Ersoy*, 2004 — *Ersoy Ya. E.* Klazomenai: 900–500 BC. History and Settlement Evidence // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony: Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, 20–21 October 2001 / Eds. A. Moustaka et al. Thessaloniki, 2004. P. 43–76.
- Güngör*, 2004 — *Güngör Ü.* The history of Klazomenai in the Fifth Century and the Settlement on the Island // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony: Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera, 20–21 October 2001 / Eds. A. Moustaka et al. Thessaloniki, 2004. P. 121–131.
- Kershner*, 2006 — *Kershner M.* Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgriechischen Keramik // Eurasia Antiqua. 2006. Bd. 17. S. 227–250.
- Kunich*, 1971 — *Kunich N.* Berlin, Antiquarium // Corpus Vasorum Antiquorum. Deutschland. München, 1971. Bd. 33, 4. 86 s.
- Perron*, 2013 — *Perron M.* La production et la diffusion des céramiques utilitaires de style à bandes à Argilos et dans le Nord de l'Égée aux périodes archaïque et classique. Thèse de Doctorat,

Montréal — Paris. Panthéon-Sorbonne — Paris I, 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://tel.archives-ouvertes.fr/file/index/docid/1011569/filename/2013-04_-_PERRON_-_Pro.pdf (дата обращения: 05.02.2020).

Posamentir, Solovyov, 2007 — *Posamentir R., Solovyov S.* Zur Herkunftsbestimmung archaisch-ostgriechischer Keramik: die Funde aus Berezan in der Ermitage von St.-Petersburg II // *Istanbuler Mitteilungen*. 2007. Bd. 57. S. 179–207.

Schlottzhauer, 2001 — *Schlottzhauer U.* Die südionischen Knickrandschalen. Eine chronologische Untersuchung zu den sog. Ionischen Schalen in Milet (Diss. Ruhr-Universität Bochum 2001). [Электронный ресурс]. URL: <http://www-brs.uni-bochum.de/netahtml/HSS/Diss/SchlottzhauerUdo/diss.pdf> (дата обращения: 05.02.2020).

Sparkes, Talcott, 1970 — *Sparkes B., Talcott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries BC. The Athenian Agora. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1970. Vol. 12. 500 p.

East Greek pottery from excavations in Tauric Chersonesos

E. S. Lesnaya

The problem of the foundation of Tauric Chersonesos is among the most arguable subjects in the studies of the ancient history and archaeology of this Greek city. Owing to the scarcity of the information in communications of ancient authors and poor state of preservation of the early cultural layer at the town site, in present-day literature there is no common opinion on the time and circumstances of the emergence of a permanent Greek settlement in the territory under consideration.

Excavations in Chersonesos have yielded a small collection of East Greek pottery including transporting and table vessels: Ionian kylikes (Fig. 1, 1–5), bowls (Fig. 1, 6–7), table amphorae (Fig. 2, 1–3; 3), dinoi (Fig. 2, 4–6), mushroom-shaped jugs (Fig. 4), askoi (Fig. 5), lekanai (Fig. 6, 1–5) and their lids (Fig. 6, 6–11). Some of the pottery has been published earlier but now, due to new evidence on the chronology of this group of ceramics, we are able to present more correctly their attribution and dates.

The collection under study contains pottery dated to the last quarter of the 6th century BC including some fragments of dinoi (Fig. 2, 4–5), askoi (Fig. 5), lekanai (Fig. 6, 1, 4), and band bowls (Fig. 1, 6–7). However the most of the finds are dating from the 5th century BC. The earliest examples of the amphorae found at the townsite are dated by the researchers to the first third or first half of the 5th century BC. During the recent excavations, several fragments of amphorae from Klazomenai have been recovered. It is difficult to attribute these to any particular type because of their poor state of preservation, but manufacture of ceramic containers in Klazomenai ceased in 494 BC. It is of note also that in Chersonesos, no finds of Chian amphorae of variants II-B и III-A (according to S. Yu. Monakhov's typology) are known. These types are characteristic of assemblages of the last third of the 6th century.

Thus, on examination of the dates of East Greek tableware and amphora containers, it seems that the beginning of the mass importation of ceramics and of the permanent occupation of the town's territory is datable to the late 6th or the turn between the 6th and 5th century BC.

Остеологические материалы поселения Фонтан-6 в Восточном Крыму¹

Ю. А. Виноградов, А. К. Каспаров²

Аннотация. Изучение античных сельских поселений в Восточном Крыму имеет большое научное значение. В 2017 г. на трассе строящегося шоссе Керчь — Феодосия было изучено поселение Фонтан-6. Здесь было исследовано шесть крупных зданий, относящихся ко второй половине IV — началу III в. до н. э. Остеологические материалы, полученные при раскопках, весьма любопытны. Они представлены костями лошадей, коров, овец; количество костей свиньи относительно невелико. На поселении было развито птицеводство. Сторожевой крепостью, подобной укрепленным форпостам римского времени с варварскими гарнизонами (Илурат и др.), Фонтан-6 не являлся, но его значение как пункта, контролировавшего центральную часть Керченского полуострова, очень вероятно.

Annotation. Investigation of ancient rural settlements in Eastern Crimea is of great scientific importance. In 2017, the settlement of Fontan-6 was excavated at the track of the Kerch–Feodosiya highway under construction. Here six large buildings were investigated dated to the second half of the 4th — early 3rd century BC. Of particular curiosity are the osteological materials yielded by the excavations. These are represented by skeletal remains of horses, cows and sheep; the number of pig bones is relatively small. Poultry farming was fairly widespread at the settlement. Fontan-6 was not a watch fortress similar to the fortified outposts with barbarian garrisons of the Roman period (Iluraton etc.). However it is highly likely that this site was of importance for control of the central part of the Kerch Peninsula.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, сельская округа, античные поселения, остеологические материалы, скотоводство.

Keywords: Cimmerian Bosphoros, rural surroundings, ancient settlements, osteological materials, animal husbandry.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-113-124

¹ Работа выполнена в рамках ПФНИ ГАН по темам государственных работ № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения» и № 0184-2019-0009 «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи каменного века, бронзы, железа и средневековья естественнонаучными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология».

² Виноградов Ю. А. — Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. Каспаров А. К. — Лаборатория археологической технологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Изучение сельских поселений Восточного Крыма имеет очень важное значение для понимания экономического и политического развития Боспорского государства (см. *Кругликова*, 1976; *Масленников*, 1998; 2010). Среди исследователей сложилось устойчивое представление, что греками были освоены берега Керченского полуострова, а его внутренние просторы принадлежали скифам и были застроены их убогими деревеньками (*Яковенко*, 1974. С. 20–33). Однако в отличие от прибрежной части полуострова, в центральной его части лишь на немногих поселениях раскопки были предприняты на относительно больших площадях.

В 2017 г. Античная новостроечная экспедиция ИИМК РАН провела раскопки поселения Фонтан-6, расположенного на трассе строящегося тогда шоссе Керчь—Феодосия, приблизительно на середине пути между этими городами, в 2,9 км к западу от с. Фонтан Ленинского района Республики Крым (*Виноградов и др.*, 2019). Здесь за один раскопочный сезон была вскрыта площадь около 13 тыс. кв. м. Основным итогом работ стало изучение античного поселения, состоящего из шести больших зданий, от которых сохранились только каменные основания стен. На памятнике было открыто также 176 ям, большинство из которых относятся к античному времени.

Археологический материал, полученный во время раскопок античного поселения, небогат. В основном это обломки керамики — тарной, хозяйственной, столовой. Находки фрагментов расписной и чернолаковой посуды очень редки; более многочисленны обломки лепных горшков. Керамические клейма (120 экз.) позволяют считать, что поселение существовало в пределах середины IV — начала III в. до н. э. (определения Н. Ф. Федосеева); находки боспорских медных монет (8 экз.) укладываются в эту датировку, хотя некоторые могут относиться к первой четверти III в. до н. э. (определения А. Е. Терещенко).

Уже сейчас, то есть до полного изучения полученных материалов, можно признать, что Фонтан-6 является одним из самых крупных

сельских поселений, открытых на Боспоре. Следует обратить особое внимание на то, что все исследованные здесь здания построены по греческим стандартам, в них нет и намека на какую-либо варварскую традицию. Несмотря на невыразительность архитектуры и бедность сделанных находок, это поселение подходит под категорию, которую А. А. Масленников определил как «царская хора» (*Масленников*, 2010. С. 226). Вполне очевидно, что результаты раскопок Фонтана-6 дали очень важную информацию о развитии боспорской хоры на Керченском полуострове в IV в. до н. э.

Во время раскопок обнаружен многочисленный костный материал, который был подвергнут специальному изучению. Всего было просмотрено 15 116 костных остатков животных, из которых оказались определимыми 6037 фрагментов. Результаты этих определений представлены в табл. 1.

Помимо стандартного набора домашних животных, обычного для любого античного памятника Северного Причерноморья, в сборах присутствует заметное количество диких видов, среди которых доминирует заяц-русак, который, безусловно, являлся объектом охоты. Остатки зайца встречаются на античных памятниках Восточного Крыма не часто, но регулярно. Однако, как правило, обломки его костей единичны.

Прочие дикие виды присутствуют в материале в небольшом количестве. Это кости лисы, косули, благородного оленя, дикого кабана. Косуля в настоящее время, как и на протяжении последних нескольких столетий, в Крыму не обитает. Современный климат Крыма слишком засушлив и остепнен для этого животного. Однако остатки косули встречаются здесь даже в средневековых слоях. Например, фрагмент рога косули определен на Мирмекии в материалах 2001 г. (участок Т, яма 6, относящаяся к XIV–XV вв. н. э.); в гнузэской крепости Чембало в 2017 г. в слоях примерно этого же времени найден диафиз ее задней метаподии (*Каспаров*, 2018а). На поселении Фонтан найдена вторая передняя фаланга косули. Такая находка в отложениях

Таблица 1. Видовой состав костной коллекции из поселения Фонтан-6
 Table 1. Species composition of the osteological collection from the settlement of Fontan-6

Вид	Количество фрагментов	%	Количество особей
Заяц-русак <i>Lepus europaeus</i> Pallas.	16	0,26	3
Кошка домашняя? <i>Felis conf. domestica</i> L.	12	0,19	2
Лиса <i>Vulpes vulpes</i> L.	7	0,11	2
Верблюд <i>Camellus bactrianus</i> L.	1	0,02	1
Кабан <i>Sus scrofa ferrus</i> L.	4	0,06	1
Благородный олень <i>Cervus elaphus</i> L.	5	0,08	1
Косуля <i>Capreolus cf. capreolus</i> L.	1	0,02	1
Кулан <i>Equus cf. hydruntinus</i> Reg.	1	0,02	1
Лошадь <i>Equus caballus</i> L.	1287	20,90	15
Корова <i>Bos taurus</i> L.	1918	31,15	24
Овца <i>Ovis aries</i> L.	376	6,11	12
Коза <i>Capra hircus</i> L.	127	2,06	6
Овца или Коза <i>Ovis at Capra</i>	1995	32,40	25
Свинья <i>Sus scrofa domestica</i> L.	75	1,22	5
Собака <i>Canis familiaris</i> L.	159	2,58	4
Птицы <i>Aves sp.</i>	173	2,81	–
Итого	6157	100	103

позднеклассического времени весьма интересна и, несомненно, дополняет наши знания о палеозоогеографии Крыма.

Обращает на себя внимание и то, что благородный олень представлен в остеологической коллекции Фонтана также не обломками рогов, а костями посткраниального скелета. Олень определяется из античных памятников в Крыму нередко, но это в подавляющем большинстве случаев именно обломки рогов. Почти все они несут на себе следы распиловки, шлифовки или сверления, то есть являются отходами косторезного дела.

Причем в тех случаях, когда сохраняется область розетки рога, видно, что рога были сброшены животным и, вероятно, найдены жителями поселения в степи, а затем доставлены в город и проданы мастерам-косторезам. На поселении Фонтан найден лишь один обломок оленьего рога без каких-либо следов обработки, а остальное — остатки дистальных частей метаподий и фаланги. Это говорит не только о том, что оленей в данном случае добывали на охоте, но и о том, что добытых животных доставляли для разделки на поселение, вместе с такими несъедобными

частями туши, как дистальные отделы конечностей.

Среди костей из Фонтана найдена очень мелкая таранная кость непарнокопытного, которую можно предположительно отнести к кулану. Ее длина составляет лишь 53,2 мм. Остатки очень мелких лошадеобразных — два обломка передней и задней метаподий — до этого были отмечены в материалах Мирмекии 2016 г. в довольно широко датируемых контекстах античного времени. Вообще, отнесение такого рода фрагментов к кулану несколько условно. В конце плейстоцена — начале голоцена в Крыму обитал европейский плейстоценовый осел *Equus hydruntinus* Reg. 1907, а вместе с ним — плейстоценовая антилопа-сайга *Saiga borealis* Tsch. 1876. (Барышников и др., 1981). Последние данные показывают, что сайга дожила в Крыму до античного времени. Ее остатки не раз обнаруживались в античных памятниках Западного Крыма. Кроме того, и в Восточном Крыму, в слоях римского времени городищ Китей (Молев, 2010) и Пантикапей (Каспаров, 2004), на некоторых других памятниках. Систематическое положение сайги античного Крыма не ясно, однако можно предполагать, что именно плейстоценовая сайга дожила в Крыму до исторического времени. Вместе с ней мог сохраниться и другой вид перигляциальной фауны Крыма — плейстоценовый осел, хотя он был уже весьма малочислен.

Дикий кабан обычен для античных памятников Крыма, хотя всегда бывает представлен лишь одной или несколькими костями. Добыча дикого кабана и в нынешнее время представляет некоторую трудность и опасность для охотника. Дело в том, что кабан весьма агрессивен и в ряде случаев бывает довольно трудноуязвим даже при использовании нарезного огнестрельного оружия. В античное время охота на дикого кабана практиковалась, по-видимому, редко и была далеко не всегда результативна.

Примечательна находка проксимальной части задней метаподии двугорбого верблюда. Верблюд — это животное, которое древним грекам мало знакомо, но было весьма

обычно в хозяйстве кочевых народов Азии, в том числе и у скифов. Находки костей верблюдов в крымской античности имели место, но в очень небольшом количестве. В Восточном Крыму они встречены на Пантикапее в слоях I в. до н. э. (Гуленков и др., 2002), в Мирмекии, в контекстах, не имеющих точной датировки, и в поселении Золотое Восточное на Азовском побережье в 2017 г. в слоях III–II вв. до н. э. Находка остатков верблюда свидетельствует, что в культуре обитателей Фонтана присутствовали кочевнические, варварские элементы.

Вызывает некоторое удивление сравнительно большое количество остатков кошки, судя по небольшим размерам, домашней. Кошки встречаются в греческих поселениях Восточного Крыма постоянно, но их остатки всегда единичны, хотя к настоящему времени суммарно их набирается уже около 200 штук. Исключение составляет поселение Порфмий, где в 2008 г. в слоях III–II вв. до н. э. был одновременно обнаружен 121 фрагмент костей кошек минимально от семи взрослых и одной молодой особи. Однако эти животные были, по всей видимости, дикими, добытыми на охоте (Каспаров, 2018б). Так что поселение Фонтан и с этой точки зрения несколько необычно.

Отметим полное отсутствие остатков рыб среди костных материалов памятника. Конечно, он расположен достаточно далеко от морского берега, но рыба (например, вяленая) могла доставляться сюда, к примеру, в торговых целях. Однако этого мы не наблюдаем. Как следствие отсутствия морского рыболовства в материалах не встречено ни одной кости дельфина.

Костей птиц на поселении обнаружено довольно много. Основная часть из них, почти 60 %, где попадаются очень крупные экземпляры, принадлежит домашнему гусю (табл. 2). Второй по численности вид — домашняя курица. Можно заметить, что на приморских поселениях среди остатков птиц во все периоды доминирует большой баклан, которого античное население активно употребляло в пищу. Здесь он отсутствует. Несколько процентов составляют остатки дрофы.

Таблица 2. Видовой состав птиц поселения Фонтан-6*
Table 2. Bird species composition at the settlement of Fontan-6

Вид	Количество костей, экз.	%
Серый гусь (домашний) <i>Anser anser</i>	70	58,3
Пеганка <i>Tadorna tadorna</i>	1	0,8
Огарь <i>Casarca ferruginea</i>	3	2,5
Утка неопределимая <i>Anatinae indet.</i>	1	0,8
Пустельга степная <i>Cerchneis naumanni</i>	1	0,8
Курица домашняя <i>Gallus gallus var. domesticus</i>	24	20,0
Курообразные <i>Galliformes indet.</i>	1	0,8
Дрофа <i>Otis tarda</i>	4	3,4
Хохлатый жаворонок <i>Galerida cristata</i>	1	0,8
Птицы неопределимые <i>Aves indet.</i>	14	11,8
Итого	120	100

* Определение А. В. Пантелеева, Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург.

Это крупная птица, размером примерно с индюка, вес которой может иногда достигать 16 кг. Во все времена вплоть до настоящего времени дрофа была популярным объектом охоты. Примечательно, что на некоторых костях дрофы встречены следы разделки — порезы ножом. Таким образом, охота на дикую птицу также практиковалась обитателями Фонтана.

Среди костей домашних животных нашлось не очень много таких, с которых удалось получить промеры. Более или менее многочисленные данные получены только по некоторым костям коровы, лошади и овцы (табл. 3). Пропорции передних метаподий лошадей говорят о том, что средняя высота в холке коней Фонтана составляла примерно 136 см. По В. О. Витту эти животные являются «ниже средних» (Vitt, 1952), а степень тонконогости, то есть отношение ширины диафиза к общей длине метаподии, в среднем 15,0 %, то есть в целом лошади Фонтана являются по А. А. Браунеру так называемыми

«полутонконогими» (Brauner, 1916). Л. Л. Гайдученко лошадей с таким набором признаков относит к «захудалым верховым» (Гайдученко, 2002).

В Нимфее средняя длина передней метаподии лошадей эллинистического времени составляет 219,3 мм, а ширина диафиза 33,6 мм ($n = 25$). То есть степень тонконогости у них практически такая же — 15,3 %. Эллинистические лошади Мирмекия в среднем оказываются чуть крупнее: эти значения у них равны соответственно 222,0 мм и 34,0 мм ($n = 7$), то есть их можно с некоторой натяжкой отнести к лошадям среднего размера. Но степень тонконогости у них абсолютно такая же — 15,3 %. У лошадей архаического времени поселения Тиритака эти параметры — 220,5 мм и 34,0 мм ($n = 6$). Степень тонконогости и здесь 15,4 %.

Разрозненные передние метаподии лошадей с некоторых других поселений античного классического и эллинистического времени

Таблица 3. Некоторые промеры костей домашних животных из поселения Фонтан-6
Table 3. Results of some measurements of bones of domestic animals from the settlement of Fontan-6

Промеры	N, экз.	M, мм	lim	σ
ЛОШАДЬ				
Передняя метаподия				
Общая длина	3	219,8	217,5–221,0	2,02
Ширина проксимального эпифиза	3	49,9	48,8–51,2	1,21
Передне-задняя ширина прокс. эпифиза	3	31,0	30,0–32,0	1,00
Ширина диафиза в средней части	3	32,9	31,4–35,2	2,02
Ширина дистального эпифиза	3	48,47	47,5–49,0	0,84
Передне-задняя ширина дист. эпифиза	3	36,3	35,0–37,5	1,25
Первая фаланга передняя				
Общая длина	8	85,9	82,0–93,5	3,71
Ширина проксимального эпифиза	8	53,5	50,0–57,2	3,06
Ширина диафиза в средней части	8	34,0	31,4–37,8	2,09
Ширина дистального эпифиза	8	44,0	41,5–46,9	2,04
Таранная				
Общая длина	7	58,4	55,1–59,9	1,62
Ширина дистального блока	7	51,8	48,6–55,2	2,14
Задняя метаподия				
Общая длина	4	262,7	259,7–265,0	2,51
Ширина проксимального эпифиза	4	48,3	46,3–49,6	1,44
Передне-задняя ширина прокс. эпифиза	4	40,8	39,8–42,0	1,17
Ширина диафиза в средней части	4	29,5	28,5–30,5	1,05
Ширина дистального эпифиза	4	47,8	46,9–49,1	1,03
Передне-задняя ширина дист. эпифиза	3	36,9	35,0–39,7	2,48
Первая фаланга задняя				
Общая длина	19	79,2	69,0–89,0	4,44
Ширина проксимального эпифиза	19	53,0	47,0–59,0	2,65
Ширина диафиза в средней части	19	33,5	30,5–39,5	2,35
Ширина дистального эпифиза	19	41,6	31,0–47,3	3,48
КОРОВА				
Таранная				
Общая длина	17	61,1	55,2–70,0	4,78
Ширина дистального блока	17	38,5	34,0–45,0	3,36
Пяточная				
Общая длина	6	119,8	108,4–137,0	12,15
Минимальная ширина тела	6	15,2	13,9–17,0	1,22
Максимальная ширина в передней части	5	40,4	36,0–43,5	2,76
Высота ростра	6	47,3	43,6–51,0	2,74

Промеры	Н, экз.	М, мм	lim	σ
Задняя метаподия				
Общая длина	3	205,8	196,5–218,0	11,03
Ширина проксимального эпифиза	3	41,6	39,9–42,9	1,53
Передне-задняя ширина прокс. эпифиза	3	39,0	35,6–41,9	3,18
Ширина диафиза в средней части	3	23,5	21,8–24,4	1,47
Ширина дистального эпифиза	3	48,2	47,4–49,1	0,85
Передне-задняя ширина дист. эпифиза	3	27,2	25,5–28,5	1,53
ОВЦА				
Лучевая				
Общая длина	3	154,2	142,5–170,0	14,22
Ширина проксимального эпифиза	3	32,5	30,7–36,0	3,03
Передне-задняя ширина прокс. эпифиза	3	16,6	15,6–18,3	1,48
Ширина диафиза в средней части	3	16,9	15,7–18,4	1,37
Ширина дистального эпифиза	3	28,9	27,7–31,0	1,85
Передне-задняя ширина дист. эпифиза	3	19,8	18,6–21,8	1,77
Передняя метаподия				
Общая длина	3	122,3	121,0–124,1	1,61
Ширина проксимального эпифиза	2	22,3	22,0–22,5	0,35
Передне-задняя ширина прокс. эпифиза	3	15,8	15,5–16,0	0,29
Ширина диафиза в средней части	3	13,7	13,0–15,0	1,16
Ширина дистального эпифиза	3	23,6	22,4–24,4	1,06
Передне-задняя ширина дист. эпифиза	3	16,2	15,8–17,0	0,67
Таранная				
Общая длина	15	29,68	27,8–33,0	1,29
Ширина дистального блока	15	18,87	17,5–21,3	1,00
Пяточная				
Общая длина	7	58,0	50,5–64,0	4,91
Минимальная ширина тела	7	8,9	7,8–10,5	1,10
Максимальная ширина в передней части	7	19,6	17,0–22,9	2,50
Высота ростра	6	24,0	21,8–26,8	2,11

дают примерно такую же картину. То есть можно видеть, что конституционный тип лошади был достаточно стандартным в античное время, и лошади Фонтана не являются здесь исключением. По своим параметрам они почти идентичны именно нимфейским лошадям, что вполне закономерно, поскольку население Нимфея в эллинистическое время было, в отличие от других полисов, заметно варваризовано (Зинько, 2000; Чистов, 2002; Федосеев, 2018).

Коровы обитателей Фонтана были в среднем небольшого размера. По усредненной длине задней метаподии, используя данные В. И. Цалкина (Цалкин, 1960), их высоту можно определить от 110 до 115 см в холке. В Мирмекии, например, средняя высота крупного рогатого скота больше — 125 см, а в Нимфее — 110–115 см. Такого же размера коровы были и на эллинистическом поселении Золотое Восточное, которое, возможно, испытывало на себе некое варварское влияние (Каспаров, 2014). Дело в том, что это поселение, имея небольшие размеры, было хорошо укреплено. А. А. Масленников особо подчеркивает капитальность и монументальность его оборонительных сооружений, построенных порой из очень крупных известняковых глыб (Масленников, 2012). Вопрос этнической принадлежности обитателей Золотого Восточного остается открытым. Однако при исследовании крупного рогатого скота из этого поселения было выяснено, что он, в отличие от скота из других памятников подобного рода, расположенных неподалеку, почти идентичен скифскому комолу скоту (Каспаров, 2017а). Таким образом, можно предположить, что в этом отдельно взятом населенном пункте обитатели тоже каким-то образом были связаны с варварской культурой и типом хозяйствования. На поселении Белинское в римское время корова оказывается несколько меньше — от 100 до 107 см в холке (Каспаров, 2001).

Овца на поселении Фонтан тоже была мелкого размера. Средняя длина трех передних метаподий здесь 122,3 мм, что соответствует высоте в холке около 60 см (Цалкин, 1961). Для сравнения: овцы римской крепости

Белинское примерно такого же размера — 61 см, овцы эллинистического Мирмекия — 60 см, в Нимфее в период эллинизма чуть крупнее — примерно 62 см. Однако это различие не принципиальное.

О породности или хотя бы морфологическом типе собак Фонтана судить трудно, так как целых черепов или даже сколько-нибудь их крупных фрагментов найдено не было. Можно только примерно оценить размер животных по одной целой лучевой кости, встреченной в сборах. Ее длина составляет 138 мм, что, следуя А. А. Браунеру, соответствует высоте в холке примерно 49 см (Браунер, 1928). Римские собаки Белинского, судя по большой берцовой кости, крупнее — 56,3 см. Нимфейские эллинистические, по длине лучевой кости — 57,3 см. Мирмекийские по тому же параметру — 54 см. Единственная целая лучевая кость собаки из Порфмия принадлежала гораздо более крупной особи — 61 см в холке. Собак на этом памятнике вообще было сравнительно много, и они, вероятно, исполняли сторожевую функцию (Каспаров, 2006). Таким образом, единственный оцененный экземпляр собаки из Фонтана сравнительно мелкий, однако наверняка там могли быть и более крупные особи.

Можно предположить, что население Фонтана-6 было скифским или, во всяком случае, скифский элемент в его составе был весьма сильным. Но вряд ли можно сомневаться в том, что это поселение было построено по решению центральной власти в Пантикапее со специальной целью. Логичнее всего видеть здесь стремление правителей Боспора установить твердый контроль в ключевой точке, расположенной посередине сухопутного пути между столицей государства и Феодосией. Конечно, Фонтан-6 не был окружен оборонительной стеной, и поэтому его никак нельзя считать крепостью, но поселение занимало большую площадь и было застроено очень крупными зданиями с толстыми стенами, и по этой причине исключать его военную значимость вряд ли допустимо. Варварские контингенты, размещенные в поселениях такого рода, наделялись правом безвозмездного владения землей,

Таблица 4. Процентное соотношение между основными видами животных на некоторых поселениях Керченского полуострова

Table 4. Percentage relation between the main species of animals at some sites in the Kerch Peninsula

Вид животного	Фонтан-6 Вторая половина IV в. до н. э.	Белинское IV — начало V в. н. э. (Каспаров, 2001)	Артезиан I–III вв. н. э. (Каспаров, 2001)	Илурад I–III вв. н. э. (Гайдукевич, 1958. Определение В. И. Громова)	Золотое Восточное III–II вв. до н. э. (Каспаров, 2014)	Нимфей V–IV вв. до н. э. (Каспаров, 2017б)	Мирмекий IV–III вв. до н. э. (Каспаров, 2010)
Лошадь	20,8	13,9	14,1	9,4	12,4	6,9	4,2
Корова	31,4	52,7	38,8	34,9	37,4	26,3	22,3
МРС	40,5	11,2	32,1	45,2	36,7	45,8	41,1
Свинья	1,2	3,7	8,7	2,9	9,5	5,8	4,1
Собака	2,5	17,7	4,0	6,8	1,0	3,7	7,9
Птицы	2,8	0,4	0,8	–	0,2	2,8	3,1
Рыбы	–	–	0,6	0,3	0,5	7,1	13,6
Прочие	0,8	0,4	0,9	0,5	2,1	1,6	3,7

и по этой причине их обычно именуют военно-земледельческими. По всей видимости, к этой категории следует отнести и Фонтан-6. Земли центральной части Керченского полуострова вполне плодородны (см. *Шелов-Коведяев*, 1985. С. 37–38), во всяком случае они успешно используются вплоть до наших дней.

Крепости, в которых были размещены варварские гарнизоны, на Боспоре известны в более поздние времена — это ставший уже классическим памятником такого рода Илурад (*Гайдукевич*, 1958), Артезиан, Белинское и др. Сравнение видовой структуры по основным видам животных на памятнике Фонтан и перечисленных выше поселениях выглядит довольно показательным. В табл. 4 представлен процентный состав фаунистических коллекций из Фонтана, поселений римского времени Белинское и Артезиан (*Каспаров*, 2001), Илурад (*Гайдукевич*, 1958) и синхронных Фонтану слоев Нимфея и Мирмекия (*Каспаров*, 2010; 2017б). Кроме этого, для сравнения привлечены данные по эллинистическому поселению Золотое Восточное на Азовском побережье (*Каспаров*, 2014), которое, как уже говорилось выше, могло испытывать влияние варварской культуры.

Табл. 4 демонстрирует, что общая структура фаун во всех представленных памятниках была более или менее сходной. Однако крупные городские поселения отличаются, прежде всего, заметно меньшим количеством лошадиных костей и большей долей остатков птиц и рыб. Последнее неудивительно, поскольку эти города находились на морском берегу, и рыба наверняка была ходовым товаром на городских рынках. Фонтан сходен с этими городскими центрами по количеству птичьих костей. Однако такое положение имело место не из-за активной охоты на пернатых, а из-за птицеводства, которое, в отличие от остальных античных поселений, было здесь важной отраслью хозяйства.

Гораздо нагляднее выглядит степень сходства и различия фаунистических структур на всех этих памятниках, представленная в виде кладограммы (рис. 1). Из нее видно, что поселение Золотое Восточное более всего похоже по составу своей фаунистической коллекции на поселение Артезиан. К этой же группе принадлежат Илурад и Фонтан. Города же весьма сходны между собой и объединяются в отдельную группу. А вот поселение

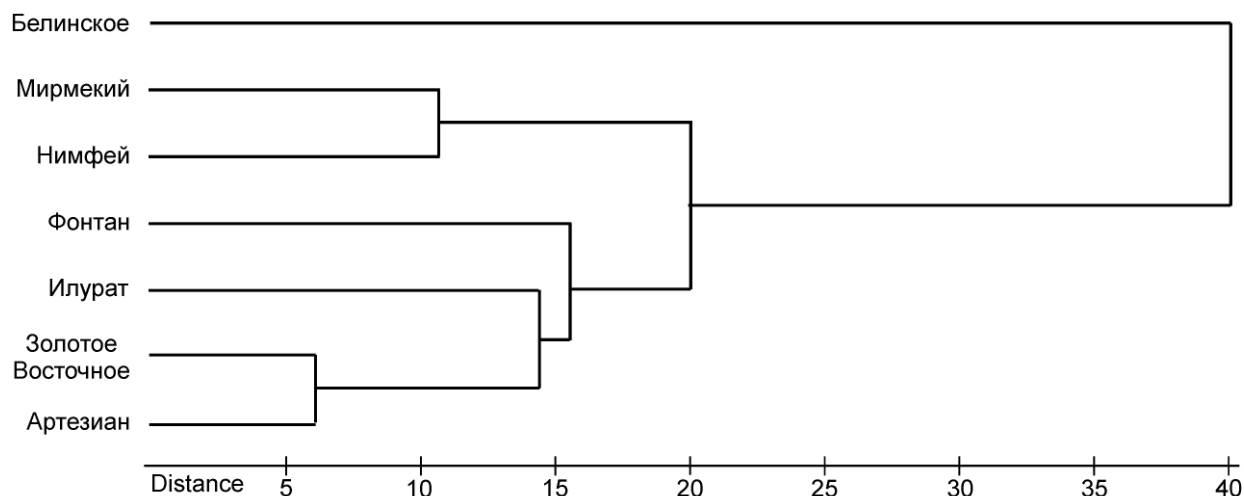

Рис. 1. Степень сходства фаунистической структуры на некоторых сельских поселениях разных эпох Восточного Крыма (distans — шкала условных статистических единиц, показывающая степень сходства по набору признаков между исследуемыми объектами и группами объектов)

Fig. 1. Similarity of the faunistic composition at some rural settlements of different epochs in Eastern Crimea (distans — scale of conditional statistic units indicating, basing on a set of signs, the extent of similarity between the objects under investigation and groups of objects)

Белинское вообще стоит несколько особняком. Такое своеобразие его фаунистического состава обусловлено гораздо бóльшим количеством костей собаки и коровы и очень малой долей мелкого рогатого скота.

В Фонтане отмечена невысокая доля остатков свиней. В некоторых литературных источниках упоминается (King, 1999), что о военной природе поселения может косвенно свидетельствовать высокий процент костей коровы и свиньи среди остатков животных. На характеризуемом памятнике среди всех рассматриваемых поселений

процент крупного рогатого скота невысок, а свиньи — вообще минимален (см. табл. 3).

Как уже говорилось, поселение Фонтан-6 не было окружено оборонительной стеной и по этой причине никак не может считаться крепостью, подобной упомянутым выше форпостам римского времени с варварскими гарнизонами (Илурат и др.). Состав фаунистического комплекса этого поселения тоже не вполне соответствует аналогичным материалам из крепостей Боспора римского времени. Это обстоятельство, однако, не дает оснований полностью отрицать сторожевую функцию памятника.

Барышников и др., 1981 — Барышников Г. Ф., Гарутт В. Е., Громов И. М., Гуреев А. А., Кузьмина И. Е., Соколов А. С., Стрелков П. П., Година А. В., Жегалло В. И. Каталог млекопитающих СССР (плиоцен—современность). Л.: Наука, 1981. 456 с.

Браунер, 1916 — Браунер А. А. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии // Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. Одесса: Б. и., 1916. Т. 86. С. 49–184.

Браунер, 1928 — Браунер А. А. Домашние собаки Палеарктики // Записки Одесского общества естествоиспытателей. Одесса: Б. и., 1928. Т. 44. С. 34–42.

Виноградов и др., 2019 — Виноградов Ю. А., Соловьев С. Л., Журбин Е. В., Филиппенко Р. В. Раскопки античного поселения Фонтан 6 в Восточном Крыму // Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму 2017–2018 гг. / Отв. ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: ИА РАН, 2019. Т. 1. С. 289–324.

- Витт*, 1952 — *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. Т. 16. С. 163–205.
- Гайдукевич*, 1958 — *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города / Ред. В. Ф. Гайдукевич, Т. Н. Книпович. М.; Л.: Наука, 1958. Т. 2. С. 9–148 (МИА; № 85).
- Гайдученко*, 2002 — *Гайдученко Л. Л.* Некоторые биологические характеристики животных из жертвенных комплексов кургана 25 Большекарганского могильника // Аркаим: Некрополь (по материалам кургана 25 Большекарганского могильника) / Ред. В. Н. Зданович. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 2002. Т. 1. С. 173–195.
- Гуленков и др.*, 2002 — *Гуленков К. Л., Каспаров А. К., Саблин М. В.* Верблюды Митридата в Пантикапее // Проблемы истории Древнего мира. М., 2002. № 2. С. 4–12.
- Зинько*, 2000 — *Зинько В. Н.* Нимфей и варвары // Боспор Киммерийский. На перекрестье греческого и варварского миров (античность — средневековье) / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Деметра, 2000. С. 61–65 (БЧ; № 1).
- Каспаров*, 2001 — *Каспаров А. К.* Фаунистические остатки поселения Белинское в Восточном Крыму // БФ: колонизация региона, формирование полисов, образование государства / Отв. ред. М. Ю. Вахтина. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2001. Т. 2. С. 266–273.
- Каспаров*, 2004 — *Каспаров А. К.* Два хронологических периода в формировании зольника Пантикапея. Специфика костных материалов // БФ: проблемы хронологии и датировки памятников / Ред. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2004. Т. 1. С. 116–119.
- Каспаров*, 2006 — *Каспаров А. К.* Остеологические материалы поселения Заветное 5 из раскопок 2003–2004 гг. // Соловьев С. Л., Шепко Л. Г. Отчет античной комплексной археологической экспедиции. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2006. С. 87–93 (Археологические памятники сельской округи Акры; Т. 2).
- Каспаров*, 2010 — *Каспаров А. К.* Костные остатки млекопитающих из поселения Генеральское (западное), юго-западный склон и некоторые хозяйственные реконструкции хоры Боспора раннеэллинистического времени // ДБ. М.: ИА РАН, 2010. Т. 14. С. 244–258.
- Каспаров*, 2014 — *Каспаров А. К.* Фаунистические остатки с некоторых античных сельских поселений Азовского побережья Восточного Крыма // ДБ. М.: ИА РАН, 2014. Т. 18. С. 226–239.
- Каспаров*, 2017а — *Каспаров А. К.* Некоторые замечания о крупном рогатом скоте в сельских поселениях эллинистического времени в Крымском Приазовье // ДБ. М.: ИА РАН, 2017. Т. 21. С. 215–227.
- Каспаров*, 2017б — *Каспаров А. К.* Остатки животных из слоев Нимфея и хозяйство его обитателей в разное время // Перипл: от Борисфена до Боспора: материалы юбилейных конференций / Ред. А. М. Бутягин, О. Ю. Соколова, Д. Е. Чистов. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 220–226 (Тр. ГЭ; Т. 88).
- Каспаров*, 2018а — *Каспаров А. К.* Некоторые комментарии к результатам остеологических определений материалов из крепости Чембало сезона работ 2018 г. // Адаксина С. Б. и др. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2017 г. / Отв. ред. М. Б. Пиотровский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2018. С. 89–116 (Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции; № 5).
- Каспаров*, 2018б — *Каспаров А. К.* Лесной кот на поселении Порфмий. Мигрант с востока или коренной житель Тавриды? // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира / Отв. ред. В. Ю. Зуев и В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. Т. 1. С. 227–234.
- Кругликова*, 1976 — *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1976. 298 с.
- Масленников*, 1998 — *Масленников А. А.* Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 304 с.
- Масленников*, 2010 — *Масленников А. А.* Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1: Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников. М.: Триумф-принт, 2010. 243 с. (ДБ. Supplementum III.)

- Масленников*, 2012 — *Масленников А. А.* Исследования Восточно-Крымской археологической экспедиции Института археологии РАН на Керченском полуострове в последние годы // Вестник РГНФ. 2012. № 3 (68). С. 155–172.
- Молев*, 2010 — *Молев Е. А.* Рыболовство и охота на Китее // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: Деметра, 2010. С. 312–315 (БЧ; № 11).
- Федосеев*, 2018 — *Федосеев Н. Ф.* Скифы на Боспоре // БФ: общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира / Отв. ред. В. Ю. Зуев и В. А. Хршановский. СПб.: ИПЦ СПбГУПТД, 2018. Т. 2. С. 176–188.
- Цалкин*, 1960 — *Цалкин В. И.* Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень МОИП. Отдел биологии. М.: Изд-во Московского университета, 1960. Т. 65, № 1. С. 109–126.
- Цалкин*, 1961 — *Цалкин В. И.* Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень МОИП. Отдел биологии. 1961. Т. 66, № 5. С. 115–132.
- Чистов*, 2002 — *Чистов Д. Е.* Скифы и Нимфей // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья / Ред. В. Н. Зинько. Керчь: Деметра, 2002. С. 259–265 (БЧ; № 3)..
- Шелов-Коведяев*, 1985 — *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 г. / Отв. ред. А. П. Новосельцев. М.: Наука, 2015. С. 5–187.
- Яковенко*, 1974 — *Яковенко Е. В.* Скифи Східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ: Наукова думка, 1974. 148 с.
- King*, 1999 — *King A.* Diet in the Roman world: a regional inter-site comparison of the mammal bones // *Journal of Roman Archaeology*. 1999. Vol. 12, No 1. P. 168–202.

Osteological materials from the site of Fontan-6 in Eastern Crimea

Yu. A. Vinogradov, A. K. Kasparov

In 2017, the rescue archaeological expedition of IIMK RAS conducted excavations of the site of Fontan-6 situated in the centre of the Kerch Peninsula halfway between Kerch and Feodosiya. The investigations were carried out throughout an area of thirteen thousand sq. m. Within this area, remains of six large buildings were uncovered. These all are dated to the mid-4th — early 3rd century BC. The material culture of this ancient settlement is not rich but highly revealing.

During the excavations, 15,116 animal bones have been retrieved of which 6,037 were identified (*Table 1*). Their assemblage is quite common for ancient sites of the Northern Black Sea littoral. The main domestic animals are cows, sheep/goats, and horses. A relatively large quantity of bones is represented by those of domestic cat. Bones of pig are very scarce. Sixty percent of the bird bones comprise domestic geese; the second place is held by hen (*Table 2*). In the composition of the bones of wild animals, grey hare predominates. Remains of fishes are completely absent.

Table 4 demonstrates that the general faunistic structure was more or less similar at all the represented sites. However the larger urban settlements are distinguished primarily in a markedly lower percentage of horse bones and a greater portion of the remains of birds and fishes. The latter fact is not surprising since these cities were situated on the sea shore and fish undoubtedly was a highly marketable commodity there. Fontan is similar to these urban centres in the quantity of bird bones. However, this situation was not due to an active hunting of birds but owing to the poultry farming which, by contrast to other ancient settlements, was here a very important economic sector.

Форма *Dragendorf 30* из раскопок римского форта в Картале

И. В. Бруяко¹

Аннотация. Публикуется фрагмент сосуда группы *terra sigillata*, который был обнаружен при раскопках римского укрепления на левом берегу Нижнего Дуная у с. Орловка (Одесская область, район Рени). Фрагмент относится к довольно редкому типу *Dragendorf 30* и может быть датирован концом (последней четвертью) I в. н. э.

Annotation. Here, a fragment is published of a vessel of the *terra sigillata* type which was unearthed during excavations of a Roman fort on the left bank of the Lower Danube near the village of Orlovka (Odessa Oblast, Reni District). This sherd belongs to a fairly rare group of *Dragendorf 30* and is datable to the end (last quarter) of the 1st century AD.

Ключевые слова: городище Картал, *terra sigillata*, Нижний Дунай, лimes, римская крепость.

Keywords: settlement of Kartal, *terra sigillata*, Lower Danube, Limes, Roman fortress.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-125-130

Из раскопок римского укрепления близ с. Орловка на Нижнем Дунае (городище Картал) происходит, по меньшей мере, один фрагмент *terra sigillata*, который заслуживает отдельной публикации. Склеенный из двух обломков, он надежно диагностируется как форма *Dragendorf 30* (рис. 1, 1а, 1б). История находки довольно любопытна. Нижний фрагмент был найден в 1966 г. в северной части городища. Спустя 11 лет, в 1977 г., примерно в 40 м к юго-востоку, уже в северо-восточной части бывшего римского форта обнаружили второй (верхний) фрагмент этого же сосуда. Оба фрагмента найдены внутри пространства, ограниченного крепостными стенами, приблизительно на одной глубине. Склеенный обломок представляет собой большую часть профиля без днища. По нему вполне точно можно установить диаметр устья

сосуда — 20,5 см, а также его приблизительную высоту — около 16–17 см².

Совершенно очевидно, что сосуд импортный. Со времени выхода фундаментальной работы Ф. Освальда и Т. Д. Прайса принято считать, что форма *Drag.30* выпускалась в мастерских Галлии (Южной и Центральной) начиная с эпохи Юлиев-Клавдиев (40-е гг. I в.) и до Антонинов включительно (Oswald, Pryce, 1920. P. 87). И хотя сегодня датировка наиболее ранних экземпляров понижена до эпохи Тиберия (Brulet et al., 2010. P. 67), нас это не особенно занимает, ибо форма из Картала относится к более поздней серии.

Датировку сосудов этого типа определяет целый перечень морфологических и стилистических (орнаментальных) признаков. Вариативность *Drag.30* невелика, а поскольку существовала форма довольно долго, следовательно, как пишут Ф. Освальд и Т. Д. Прайс,

¹ Одесский археологический музей; ул. Ланжероновская, 4, г. Одесса, 65026, Украина; E-mail: ibruyako@yandex.ru.

² Раскопки Р. Д. Бондарь. Фрагмент хранится в Одесском археологическом музее (ОАМ Инв. № 81634).

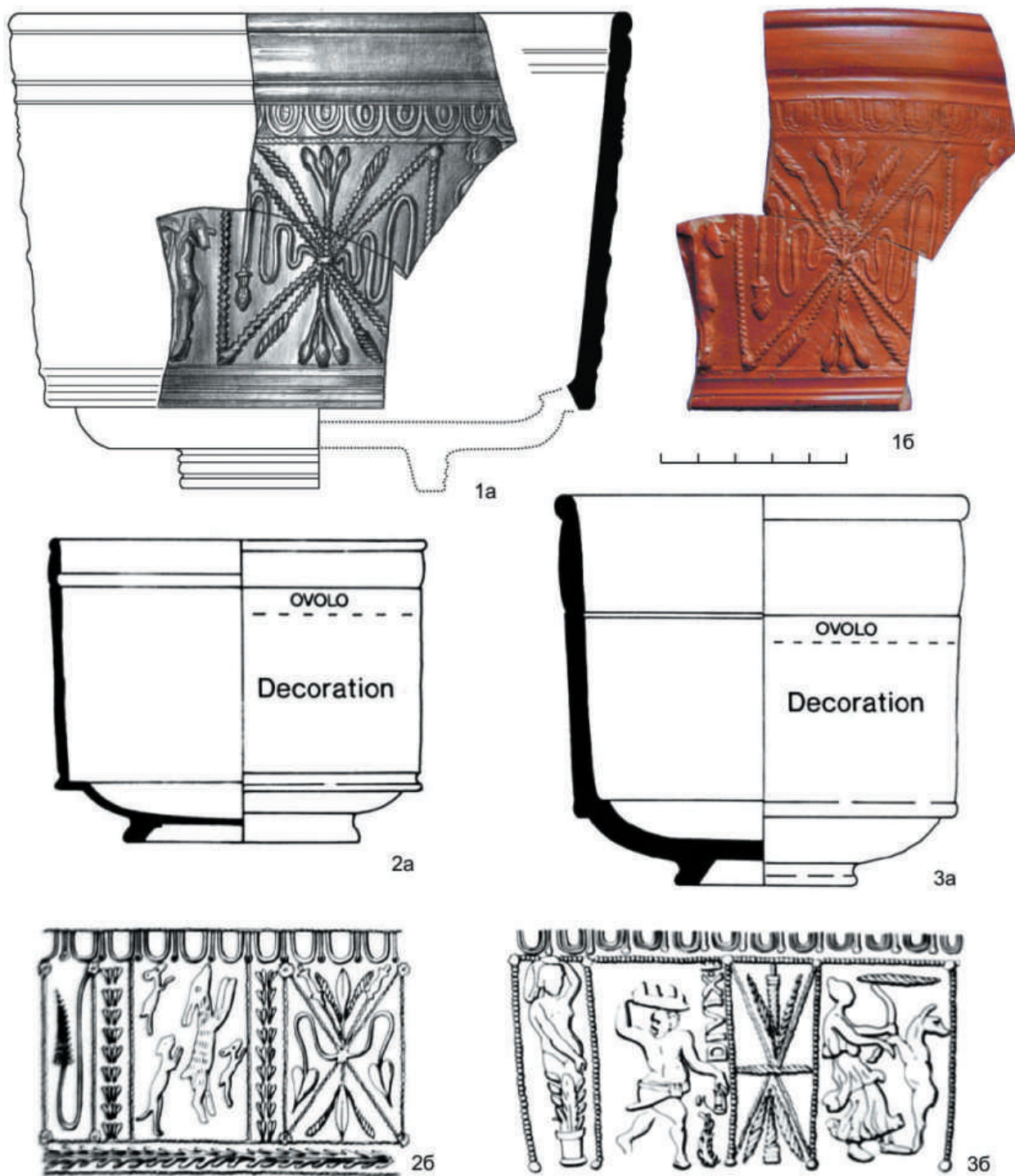

Рис. 1. Форма Dragendorf 30: 1 — фрагмент формы Dragendorf 30 из Картала (рисунок — Л. В. Субботин; фото — И. В. Бруяко); 2-3 — морфология и орнамент: 2 — эпоха Клавдиев-Флавиев, 3 — эпоха Антонинов (Webster, 1996. P. 42-43, fig. 27; p. 77, fig. 56)

Fig. 1. Terra sigillata of form Dragendorf 30: 1 — fragment of form Dragendorf 30 from Kartal (drawing by L. V. Subbotin; photo by I. V. Bruyako); 2-3 — morphology and ornamentation: 2 — time of Claudii/Flavii, 3 — time of Antonini (Webster, 1996. P. 42-43, fig. 27; p. 77, fig. 56)

проследить эволюцию во времени непросто³. И тем не менее отличительные признаки имеются. Так, у ранних форм высота всегда меньше диаметра устья (рис. 1, 2а). Со временем это соотношение меняется, и высота начинает преобладать над диаметром (*Oswald, Pryce*, 1920. Р. 86). Колба может быть строго цилиндрической, а может иметь стенки с наклоном наружу или внутрь, хотя, кажется, угол наклона стенок не имеет хронологического значения (*Ibid.* Р. 87). Профиль венчика, его самый верхний сегмент, полукруглый; у поздних экземпляров он более массивный и довольно сильно выступает наружу (рис. 1, 3а). Сдвоенные желобчатые врезки, отделяющие край от орнаментального фриза, также характерны для ранних форм, тогда как у поздних они отсутствуют, а профилировку верхней части определяет только подрезка собственно венчика. Множественные и тонкие врезные линии, ограничивающие фриз снизу, на переходе к днищу, также характерны для ранних форм, тогда как у поздних эта декорировка выглядит грубее и не столь насыщена линиями. Со временем заметно увеличивается расстояние между краем сосуда и орнаментальным фризом (рис. 1, 2б). Наконец, характерной чертой сосудов I в. является расположение подрезок на внутренней поверхности чаши. Они всегда находятся чуть выше внешнего пояса, предшествующего орнаментальному фризу (рис. 1, 3б). Для сосудов II в. эта деталь экстерьера вообще редкая, и стенки внутри сосуда могут быть совершенно гладкими (*Oswald, Pryce*, 1920. Р. 86–89). Есть и еще некоторые морфологические признаки⁴, часть которых мы использовать не можем из-за фрагментарности нашей формы.

³ Обычно ссылаются на второе издание этой же монографии, исправленное и дополненное Г. Симпсон (*Oswald, Pryce*, 1966). Однако в нашем случае выбор издания значения не имеет, поскольку относительно формы *Drag.30* текст второго издания абсолютно идентичен первому.

⁴ Например, внутренний угол вместилища, особенности оформления донной части подрезками, соотношение его ширины (диаметра) с размерами самой колбы.

Перейдем теперь к орнаментальной композиции. Учитывая, что перед нами фрагмент сосуда, из всего многообразия признаков, скрупулезно разобранных английскими исследователями, в нашем случае мы можем задействовать лишь некоторые. Так, орнаментальный мотив *St. Andrew's Cross* (полностью сохранившийся на нашем экземпляре) гораздо более привычен на чашах раннего этапа. Во II в. он встречается значительно реже и, что важно, в упрощенном, схематичном виде (*Oswald, Pryce*, 1920. Р. 92). Весьма существенным признаком для датировки *Drag.30* является линия «ов», ограничивающая орнаментальный фриз сверху. На сосудах времени Клавдиев эта линия находится в поле фриза и никак не отделена от него (рис. 1, 2б). Эта же черта иногда встречается и на чашах эпохи Флавиев. Однако именно с этого времени (поздней половины этой эпохи, то есть ближе к концу I в.) ряд «ов» начинают отделять от орнаментального фриза (рис. 1, 3б). И для сосудов II в. использование этого мотива становится обычным (*Oswald, Pryce*, 1920. Р. 89–90). Линии бывают при этом двух видов (*Oswald*, 1948. Pl. II, XV, XXV, XLIV). Вначале это так называемая *bead-row line*, которая и представлена на экземпляре из Картала. Позднее, вместо *bead-row line* в основном используются волнистые линии, которые характерны уже для II в. (*Oswald, Pryce*, 1920. Р. 92).

Форма *Drag.30* выпускалась в двух вариантах: *sigillées moulée* (оттиснутая в форме) и *sigillées marbrées*. На самом деле оба варианта изготавливались в форме, а отличие было лишь в том, что вторая разновидность покрывалась лаком смешанных цветов — желтого и красного. В результате поверхность приобретала оттенок, имитирующий цвет мрамора (*Brulet et al.*, 2010. Р. 86).

Предпринятый анализ признаков показывает, что морфология *Drag.30* из Картала соответствует ранним образцам, в том числе и эпохи Клавдиев. Что же касается орнаментальной композиции, то ее элементы вполне допускают и более позднюю датировку сосуда, вплоть до II в., видимо, всё же его начала.

Итак, можно думать, что наш сосуд принадлежит к разновидности *sigillées moulée*, произведенной в Южной Галлии, в одной из мастерских *La Graufesenque* (*TS-LG1-3 — Brulet et al.*, 2010. P. 60 ff) в эпоху Флавиев, вероятно, ближе к ее концу (последняя четверть — конец I в. н. э.). В пользу южногалльского происхождения помимо признаков самого фрагмента, которые были рассмотрены выше, может свидетельствовать и место его находки. Дело в том, что импорт *terra sigillata* из Южной Галлии уже во второй половине I в. н. э. на востоке распространяется вплоть до запрутской Молдовы и Мунтении. Отдельные находки известны в это время даже в низовьях Южного Буга (*Zhuravlev*, 2008. P. 113–114; *Brulet et al.*, 2010. P. 72). В то же время продукция мастерских Центральной Галлии (*Lezoux*) на востоке доходила лишь до Олтении и Трансильвании, да и то это случилось уже в середине II в. В конце I — начале II в. этот ареал на востоке ограничивался Паннонией (*Brulet et al.*, 2010. P. 94–95).

В процессе работы над этим сообщением открылось одно обстоятельство, о котором стоит упомянуть. Как известно, Картал (римский форт на «Каменной горе») являлся предметным укреплением в составе узла обороны нижнедунайского лимеса, главным звеном которого был Новиодунум — крепость и база Мезийского флота, расположенная напротив, на правом берегу Дуная. Учитывая это, можно предположить, что импортная продукция вряд ли попадала в Картал непосредственно, минуя локальную метрополию в Новиодунуме. Тем любопытнее кажется следующий факт. Согласно данным В. Бауманна, форма *Drag.30* отсутствует в Новиодунуме, причем как в раннем, так и в позднем вариантах (*Baumann*, 2008). Это действительно любопытно, ибо в крепости известны находки *TS* не только эпохи Флавиев, но и первой половины I в. (арретинская продукция). Конечно, возможно, что это случайность, связанная, в частности, и с тем, что форма *Drag.30*, была не такой распространенной, как скажем, близкие по морфологии и орнаментальной стилистике сосуда типа *Drag.29* и особенно

*Drag.37*⁵. Последняя форма, кстати говоря, в Новиодунуме доминирует среди западной *TS*. Малая популярность *Drag.30* в дунайских провинциях подтверждается соответствующей статистикой. Так, в Верхней Мезии по состоянию источников на конец 80-х гг. прошлого века было известно всего три фрагмента (*Bjelajac*, 1990. P. 15). В собрании *terra sigillata* из Олтении (на 1976 г.) насчитывалось два фрагмента, один из которых южногалльского производства (мастерская *La Graufesenque*), а второй принадлежал сосуду мастерской *Lezoux* в Центральной Галлии (*Popilian*, 1976. P. 66, cat. nr. 2)⁶. В Нижней Паннонии (югославская часть) известны единичные находки *Drag.30*, по-видимому, из Мурсы. Все они были произведены в мастерской *Lezoux* в правление Антонинов (*Bulat*, 1958. P. 78–79, tab. III, 2; *Brukner*, 1981. P. 145, 148). На этом весьма скромном количественном фоне находка в Картале, небольшом римском укреплении, выдвинутом фактически уже за пределы лимеса, кажется отнюдь не рядовой и заслуживающей внимания.

Публикуемый фрагмент вполне соответствует численно небольшой, но довольно разнообразной группе материала, который относится к I в. н. э. и на основании которого датируется начало функционирования римского укрепления на «Каменной горе» близ с. Орловка. Монеты I в. известны здесь начиная с правления Тиберия⁷. Большинство из них имеют следы длительного обращения и по-видимому попадали на городище уже в конце столетия (*Бондарь, Булатович*, 2001–2002.

⁵ Единичные фрагменты *Drag.29* и *Drag.37* были найдены и в Северном Причерноморье — Херсонесе и Ольвии соответственно (*Zhuravlev*, 2008. P. 113–114).

⁶ Опять-таки по сравнению с большим числом форм *Drag.37* (*Popilian*, 1976. Cat. c–f).

⁷ Несколько монет эпохи поздней Республики (середина — третья четверть I в. до н. э.) связаны с существованием здесь крепости гето-даков (*Бондарь, Булатович*, 2001–2002. С. 174), либо, если речь идет о серебряных монетах, использовались с гораздо более поздними эмиссиями как средство расчета с варварами из числа союзных племен.

С. 174). Коллекция стекла была в свое время изучена Н. П. Сорокиной, которая установила, что наиболее раннюю часть собрания составляют сосуды второй половины I — начала II в. (Сорокина, 1994. С. 182). Расписная дакийская керамика (которая также есть в Картале), если опираться на хронологию И. Кришана, производилась в период до завоевания Дакии Траяном: I в. до н. э. — I в. н. э. (Crişan, 1969. P. 197). В собрании фибул имеются раннеримские шарнирные дуговидные фибулы, которые также датируются I в. н. э. Коллекции амфорной тары и

краснолаковой керамики городища еще ожидают своих исследователей.

Итак, время основания римской крепости в Картале подтверждается «новыми» старыми материалами — вторая половина I в. н. э. Назвать более точную дату на основании только археологического материала сегодня вряд ли возможно. А общеисторическая фабула по-прежнему оставляет для выбора довольно широкий диапазон — между наместничеством Т. Плавтия Сильвана (Бондарь, 1984. С. 32; 1989. С. 50) и началом дакийских войн.

Бондарь, 1984 — Бондарь Р. Д. Городище у с. Орловка // Античные государства Северного Причерноморья. М.: Наука, 1984. С. 31–32 (Археология СССР).

Бондарь, 1989 — Бондарь Р. Д. К истории исследования римской крепости у с. Орловка (Картал) // 150 лет Одесскому обществу истории и древностей 1839–1989. Тез. докл. юбилейной конф. (27–28 октября 1989 г., г. Одесса) / Отв. за выпуск В. Н. Станко. Одесса: Б. и., 1989. С. 48–50.

Бондарь, Булатович, 2001–2002 — Бондарь Р. Д., Булатович С. А. Орловское городище в памятниках нумизматики // Stratum plus. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2001–2002. № 6: Знамена цивилизаций. С. 171–182.

Сорокина, 1994 — Сорокина Н. П. Стекло из римской крепости середины I–III вв. н. э. в низовье Дуная (городище у села Орловка) // Древнее Причерноморье / Отв. ред. С. Б. Охотников. Одесса: Гермес, 1994. С. 177–185 (КС ОАО).

Baumann, 2008 — Baumann V. H. Ceramica Terra Sigillata de la Noviodunum // Peuce. Tulcea, 2008. Vol. VI. P. 207–250.

Bjelajac, 1990 — Bjelajac L. Terra Sigillata u Gornjoj Meziji. Beograd: Arheološki institut 1990. 203 p.

Brukner, 1981 — Brukner O. Rimska keramika u jugoslovenskom delu provincije Donje Pannonije (Disertationes et Monographiae. T. XXIV). Beograd: Savez arheoloških društava Jugoslavije, 1981. 194 p.

Brulet et al., 2010 — Brulet R., Vilvorder F., Delage R. La céramique romaine en Gaule du Nord. Dictionnaire des céramiques. La vaisselle à large diffusion. Brepols: Turnhout, 2010. 462 p.

Bulat, 1958 — Bulat M. Terra Sigillata s pečatima u muzeju Slavonije // Osiečki zbornik. Zagreb, 1958. Vol. VII. S. 73–94.

Crişan, 1969 — Crişan I. H. Ceramica daco-geţică cu specială privire la Transylvania. Bucureşti: Editura ştiinţifică, 1969. 366 p. + 96 ill.

Oswald, 1948 — Oswald F. The Terra Sigillata (Samian Ware) of Margidunum. Nottingham: University College, 1948. 123 p. + 56 pl.

Oswald, Pryce, 1920 — Oswald F., Pryce T. D. An introduction to the study of Terra Sigillata. London; New York: Longmans, Green and Co., 1920. 286 p. + LXXXV tab.

Oswald, Pryce, 1966 — Oswald F., Pryce T.-D. An Introduction to the Study of Terra Sigillata, (New Edn. with Corrigenda & Addenda by Gray Simpson). London: Gregg Press LTD, 1966. 341 p.

Popilian, 1976 — Popilian Ch. Ceramica romană din Oltenia. Craiova: Scrisul Românesc, 1976. 246 p. + 82 pl.

Webster, 1996 — Webster P. Roman Samian Pottery in Britain (Practical Handbooks in Archaeology no.13). York: Council for British Archaeology, 1996. 138 p.

Zhuravlev, 2008 — Zhuravlev D. Western Sigillata in the Northern Pontic Region // ACSS. Brill, 2008. Vol. 14/1–2. P. 85–122.

Terra sigillata of *Dragendorf 30* type from excavations of the Roman fort in Kartal

I. V. Bruyako

During excavations of the Roman fort near v. Orlovka (the hillfort of Kartal) on the Lower Danube in 1966 and 1977, two fragments of a single vessel of the *terra sigillata* group (Fig. 1, 1a, 1б) were recovered. The reconstructed fragment belongs to the form of *Dragendorf 30* which is extremely rarely encountered at sites of the Low-Danube Limes and seems to be totally unknown in the Northern Black Sea region of the Roman period. The morphological features of this group, as well as stylistic analysis of the ornamental composition preserved, allow us to make the following conclusions. The vessel under consideration was manufactured in Southern Gaul in one of the workshops of *La Graufesenque* during the time of Flavii, perhaps, closer to its end. Thus this fragment supplements the small but diverse part of the archaeological collection from Kartal/Orlovka dating the earlier period of the functioning of the Roman fort, i.e. the second half of the 1st century AD.

Эстии и Аттила: о контактах населения самбийско-натангийской культуры со Средним Дунаем в гуннское и постгуннское время

М. М. Казанский¹

Аннотация. В статье рассматриваются археологические свидетельства контактов между населением самбийско-натангийской культуры (Aestii письменных источников), занимавшей территорию современной Калининградской области со среднедунайским регионом в гуннское и постгуннское время (V — середина VI в.). Дунайские вещи эпохи переселения народов на территории самбийско-натангийской культуры единичны. В то же время дунайские вещи в V–VI вв. лучше представлены у южных, западных и восточных соседей населения самбийско-натангийской культуры. Создается впечатление, что эстии были «изолированы» своими соседями, и контакты Балтийского региона со Средним Подунавьем проходили восточнее и западнее, по Неману и Висле, существенно не захватывая зону самбийско-натангийской культуры.

Annotation. This paper considers the archaeological evidence of the contacts between the population of the Sambia-Natangia culture (Aestii of the written sources) which occupied the area of the modern Kaliningrad Oblast, with the Middle-Danubian region in the Hun and post-Hun time (5th — mid-6th century). Danubian objects of the Great Migration period found in the territory of Sambia-Natangia culture are rare. Moreover, Danubian objects of the 5th–6th century are better represented among the southern, western and eastern neighbours of the people of the Sambia-Natangia culture. It seems that Aestii were ‘isolated’ by their neighbours while the contacts of the Baltic region with the Middle Danube area took place rather to the east and west via the Neman and Vistula and were not touching essentially the zone of the Sambia-Natangia culture.

Ключевые слова: Aestii, самбийско-натангийская культура, Великое переселение народов, Дунай, контакты.

Keywords: Aestii, Sambia-Natangia culture, Great Migration, Danube, contacts.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-131-152

Немногочисленные, но яркие находки, такие, например, как клад Хаммерсдорф—Млотечно (Hammersdorf—Młoteczno) (Ciésliński, 2010. S. 162–167; Mączyńska, 2013) или погребения

Юшково (Juszkowo) (Dyrda et al., 2014; Kontny, Mączyńska, 2015) и Таурапилас (Tauropilas) (Tautavičius, 1981), являются археологическим подтверждением контактов населения Юго-Восточной Прибалтики с регионом Среднего Подунавья в гуннское и постгуннское время². Из сообщений древних авторов

¹ (Michel Kazanski), Dr. hab., Directeur de recherche de 2e classe; Centre National de la Recherche Scientifique, UMR 8167 “Orient et Méditerranée”, 52, rue du cardinal Lemoine, 75005-Paris, France; E-mail: michel.kazanski53@gmail.com.

² Здесь под гуннским временем имеется в виду период D хронологии европейского Барбарикума, где

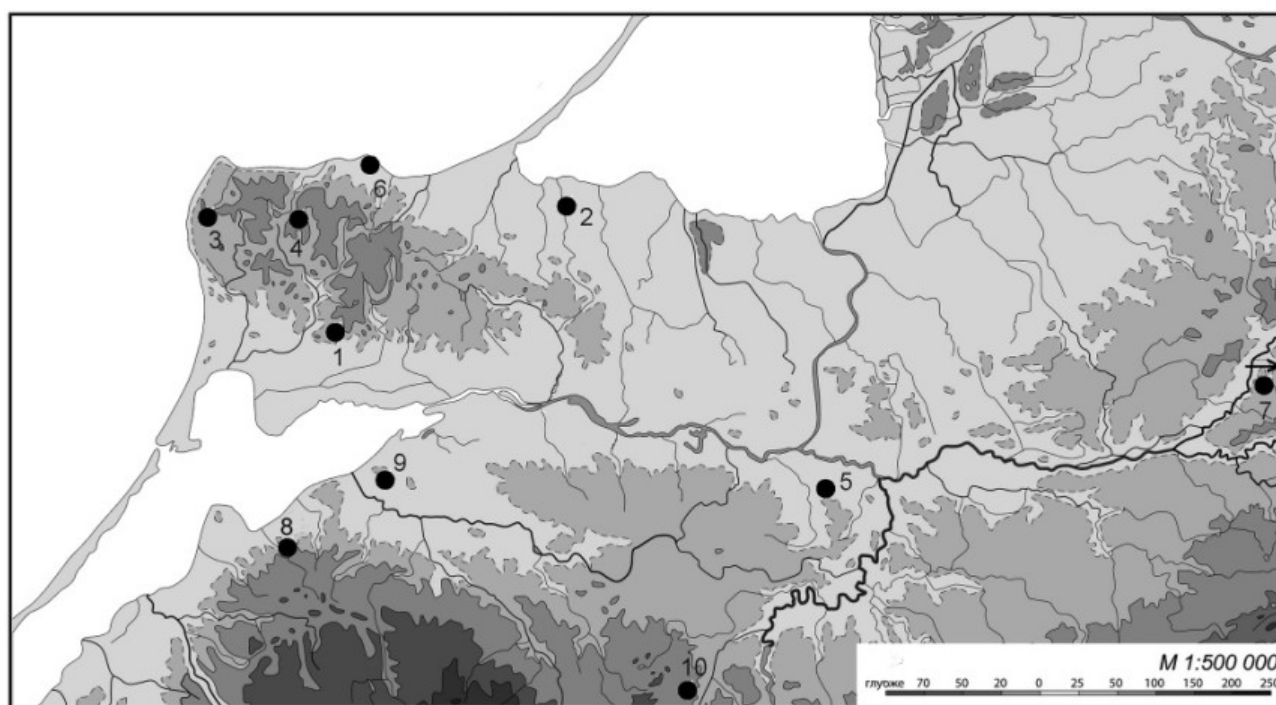

Рис. 1. Находки вещей дунайской традиции гуннского и постгуннского времени: 1 — Варенген (Warengen) / Котельниково; 2 — Новоселово; 3 — Окунёво; 4 — Краам (Craam) / Грачевка; 5 — Зохпен (Zohpen) / Суворово; 6 — Доброе — Гора Великанов; 7 — Кюссен (Kussen) / Весново; 8 — Варникам (Warnikam) / Первомайское; 9 — Ушаково; 10 — Ликейм (Liekeim) / Наликаймы (Nalikaljmy)

Fig. 1. Finds in the Danubian tradition of the Hun and post-Hun period: 1 — Warengen / Kotelnikovo; 2 — Novoselovo; 3 — Okunevo; 4 — Craam / Grachevka; 5 — Zohpen / Suvorovo; 6 — Dobroye — Gora Velikanov; 7 — Kussen / Vesnovo; 8 — Warnikam / Pervomayskoye; 9 — Ushakovo; 10 — Liekeim / Nalikaljmy

необходимо упомянуть свидетельство Приска Панийского о том, что Аттиле, с которым Приск познакомился лично, принадлежат некие острова в Океане, последний в античной традиции включал в себя и Балтийское море (Приск Панийский, Готская история, 8, цит. по: Латышев, 1890. С. 830). Если это не литературное преувеличение, то перед нами свидетельство каких-то политических контактов между гуннской «империей» и балтийским регионом. Наша задача здесь — выявить реальные археологические свидетельства

выделяются фазы D1 (360/370–400/410 гг.), D2 (380/400–440/450 гг.) и D2/3 (430–460 гг.). Постгуннское время соответствует периодам D3 (450–470/480 гг.) и E/MD3 (470/480–510 гг.) (Tejral, 2005. Tab. 3; 2011. Abb. 1). В хронологии западнобалтских древностей гуннское время приблизительно соответствует периодам D1, D2 и D3, а постгуннское время — периодам E1 и E2a (подробнее Hilberg, 2009. S. 83–86).

контактов между населением самбийско-нотангской культуры (культура Доллякайм-Коврово по терминологии польских и немецких археологов) со среднедунайским регионом в интересующую нас эпоху. Эта культура занимала территорию современной Калининградской области РФ и некоторые пограничные территории нынешней Польши. В письменных источниках I–IX вв. (Тацит, Кассиодор, Иордан, «Орозий короля Альфреда», Эйнхард) на этих землях к востоку от Вислы локализуются эстии (Aestii), практически всеми историками соотносимые с балтами (подробнее см. Казанский и др., 2018. С. 38, 39).

Сразу же отметим, что импортов из Юго-Восточной Прибалтики на Среднем Дунае в гуннское и постгуннское время нет вообще, а дунайские вещи на территории самбийско-нотангской культуры единичны (рис. 1). Рассмотрим эти вещи.

Фибулы типа Слижаны. Речь идет о единичной находке из могильника Варенген (Warengen) / Котельниково (Зеленоградский район Калининградской области), погребения № 39 (рис. 2, 5). Помимо фибулы данное захоронение содержало два копья, два ножа (Heydeck, 1909. S. 236, abb. 162). Это арбалетные фибулы с расширенной ножкой, заостренной на конце, вертикальной пластиной — держателем иглы — и коротким литым приемником. Кроме находки в Самбии одна такая фибула известна в Чехии, в районе Моравских ворот, ведущих со Среднего Дуная в бассейны Одера и Вислы. Это ингумация в Слижанах (Slížany) (рис. 2, 4). Еще одна фибула найдена на Средней Эльбе, в могильнике Гюбс (Gübs), погребение № 3 (рис. 2, 3), с керамикой нимбергской группы, то есть V в., одна, видимо «вторичного» использования, — на Верхнем Дунае, в погребении № 312 могильника Киршхайм (Kirchheim) (рис. 2, 2), со штампованной фибулой меровингского времени, и одна — в Бургони, в Восточной Франции, на могильнике Брошон (Brochon) (рис. 2, 1), конкретный контекст последней находки неизвестен, но в целом могильник содержит вещи, в том числе дунайского происхождения, датированные второй половиной V — первой половиной VI в. (Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 624, 625, 714; о могильнике Брошон см. Vallet et al., 1995. P. 112–121).

Фибулы-цикады. На территории самбийско-натангийской культуры представлены два типа фибул-цикад. К первому типу относится находка из Новоселово (Зеленоградский район Калининградской области), отличающаяся гранеными крыльями (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 1) (рис. 3, 1).

На соседних территориях такие фибулы известны в Мазурском Проозерье, занятом тогда балтским населением богачевской культуры и сменяющей ее ольштынской группы (Rotebude / Cerwony Dwór, Widrinnen / Kętrzyn, Łężany: Hilberg, 2009. Abb. 10, 39б; Maćzyńska, 2009. Рис. 1, a–c; Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 3, 2, 5; 4, 2, 3, 7, 8), а также в Литве (Sauginiai: Maćzyńska, 2009. Рис. 1, d; Rudnicki, Skvortsov, 2018. S. 387). В целом

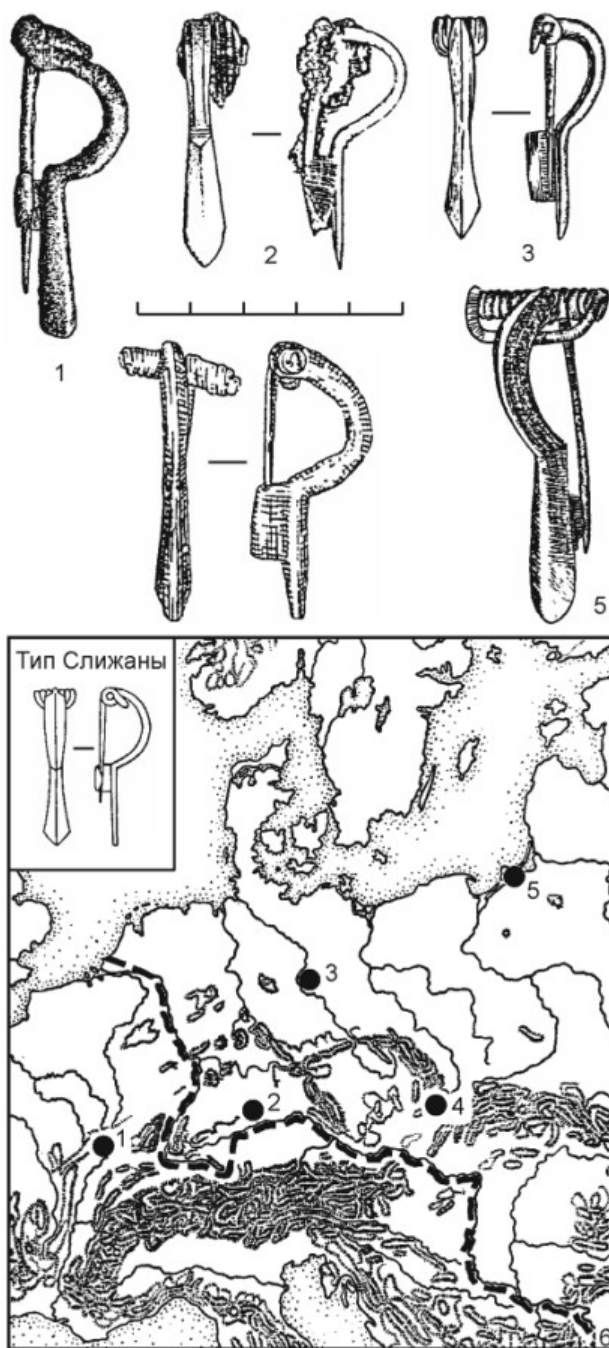

Рис. 2. Фибулы типа Слижаны (Slížany) (Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 24, 35): 1 — Брошон (Brochon); 2 — Киршхайм (Kirchheim); 3 — Гюбс (Gübs), погребение № 3; 4 — Слижаны (Slížany); 5 — Варенген (Warengen) / Котельниково, погребение № 39. 1 — железо; 2–5 — бронза. Номера на карте соответствуют номерам рисунка

Fig. 2. Brooches of the Slížany type (Schulze-Dörrlamm, 1986. Abb. 24, 35): 1 — Brochon; 2 — Kirchheim; 3 — Gübs, burial no. 3; 4 — Slížany; 5 — Warengen / Kotel'nikovo, burial no. 39. 1 — iron; 2–5 — bronze. Numbers in the map correspond to those in the drawing

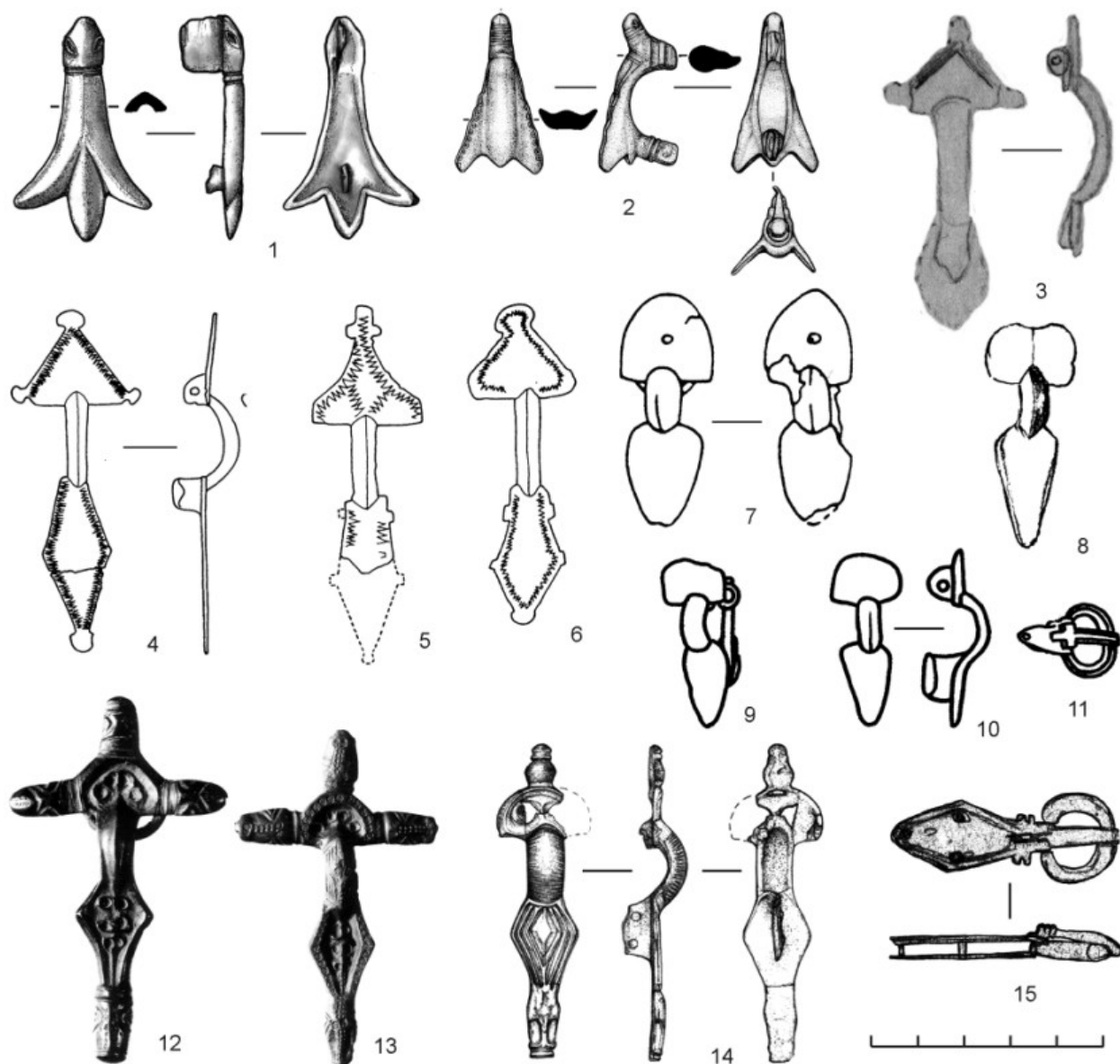

Рис. 3. Фибулы и пряжка дунайской традиции, их некоторые параллели (4–6 — Bierbrauer, 1989. Abb. 1, 1, 2, 3, 4) и сопровождающие вещи (10): 1 — Новосёлово (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 1); 2 — Окунёво (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 3, 7); 3 — Краам (Craam) / Грачёвка (Nowakiewicz, 2011. Кат. № 30, fig. Craam 001); 4 — Братей (Bratei); 5 — Роман (Roman); 6 — Argamum; 7 — Доброе — Гора Великанов (Hilberg, 2009. Taf. 32, 286); 8 — Зохпен (Zohpen) / Суворово, погребение № 10 (Hilberg, 2009. Taf. 37, 330); 9 — Зохпен (Zohpen) / Суворово, погребение № 179; 10 — Зохпен (Zohpen) / Суворово, погребение № 192 (9–10 — Кулаков, 1990. Табл. XII, 3, 15); 11, 14 — Ушаково (Rudnicki, Skvortsov, 2017. Рис. 2, 3); 12 — Кюссен (Kussen) / Весново (Hilberg, 2009. Taf. 20, 175); 13 — Варенген (Warengen) / Котельниково, погребение № 18 (Hilberg, 2009. Taf. 35, 317); 15 — Ликейм (Liekeim) / Наликаймы (Nalikaјmy) (Новаковский, 2013. Рис. 2, 2). 1–15 — бронза

Fig. 3. Brooches and a buckle in the Danubian tradition, some of their parallels (4–6 — Bierbrauer, 1989. Abb. 1, 1, 2, 3, 4) and accompanying objects (10): 1 — Novoselovo (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 1); 2 — Okunevo (Rudnicki, Skvortsov, 2018. Рис. 3, 7); 3 — Craam / Grachevka (Nowakiewicz, 2011. Кат. № 30, fig. Craam 001); 4 — Bratei; 5 — Roman; 6 — Argamum; 7 — Dobroye — Gora Velikanov (Hilberg, 2009. Taf. 32, 286); 8 — Zohpen / Suvorovo, burial no. 10 (Hilberg, 2009. Taf. 37, 330); 9 — Zohpen / Suvorovo, burial no. 179; 10 — Zohpen / Suvorovo, burial no. 192 (9–10 — Кулаков, 1990. Табл. XII, 3, 15); 11, 14 — Ushakovo (Rudnicki, Skvortsov, 2017. Рис. 2, 3); 12 — Kussen / Vesново (Hilberg, 2009. Taf. 20, 175); 13 — Warengen) / Kotelnikovo, burial no. 18 (Hilberg, 2009. Taf. 35, 317); 15 — Liekeim / Nalikaјmy (Новаковский, 2013. Рис. 2, 2). 1–15 — bronze

фибулы-цикады с гранеными крыльями широко распространены на территории от Верхнего Дона до Дуная. Их особая концентрация отмечена на Среднем Дунае и в Крыму (*Beljavec*, 2018. Рис. 1). В Юго-Восточную Прибалтику такие фибулы могли попасть, скорее всего, со Среднего Дуная (*Mączyńska*, 2009. S. 398). Датировка данного вида фибул-цикад определяется по следующим опорным находкам: Керчь, погребение № 181, 1902 г., с инвентарем гуннского времени, точнее периодов D1 и D2 (*Beljavec*, 2018. Рис. 2B); клад Бушберг-Штайнмандл (*Bushberg-Steinmandl*), в Верхней Австрии, с типичным набором вещей периода D2/D3, в частности с элементами декора больших двупластинчатых фибул так называемого горизонта Смолин-Косино (*Szameit*, 1997. S. 240, taf. 5, 4) (рис. 4, 4, 8), Херсонес, погребение № 14, 1914 г., с пряжкой остроготского типа Любляна-Дравле (*Ljubljana-Dravljje*) (о них см. *Bierbrauer*, 1975. S. 130–133) и пальчатой фибулой типа Гурзуф (о них см. далее) со средиземноморской пряжкой с рифленным декором (*Айбабин*, 1979. Рис. 3, 2; 5, 6, 9; *Kazanski*, 1994a. Fig. 19, 1–4); Карши-Баир, погребение № 1 склепа № 3, со средиземноморской пряжкой с рифленным декором (*Ушаков*, 2010. Рис. 80, 1–3). Все названные пряжки и фибулы из Херсонеса и Карши-Баира надежно датируются постгуннским временем, в пределах второй половины V — первой половины VI в.

Второй тип фибул-цикад представлен находкой в Окунёво (Зеленоградский район Калининградской области) (*Rudnicki, Skvortsov*, 2018. Рис. 3, 7) (рис. 3, 2). Она по общей морфологии напоминает фибулу из Синкущина, в бассейне Верхнего Немана (*Beljavec*, 2018. Рис. 1, 2), а также фибулы из Мальборка-Вельбарка (*Malbork-Wielbark*), на правом берегу Нижней Вислы (*Beljavec*, 2018. Рис. 3, 11), из Южной России (*Kühn*, 1935. № 49), из Гросс-Мутшина (*Gross-Mutschin*) на территории Австрии (*Mitscha-Märheim*, 1971. Abb. 18). К сожалению, ни одна из них не может быть надежно датирована, но по общей морфологии данные фибулы похожи на застёжки с гранеными крыльями, о которых

уже шла речь, и, скорее всего, имеют те же происхождение и датировку.

Фибулы группы Братей-Вышков. Треугольная головка фибулы, найденная в Краам (Craam) / Грачёвке (Зеленоградский район Калининградской области) (рис. 3, 3), скорее всего, принадлежит дунайской фибуле типа Братей (*Bratei*) (*Bierbrauer*, 1989. S. 141–149). Насколько можно судить по схематическому рисунку из архива Ф. Якобсона, сохранилась также дужка с остатками пластинчатой ножки, а головка украшена гравированным (?) линейным декором (*Nowakiewicz*, 2011. Kat. № 30, Fig. Craam 001). Среди пальчатых двупластинчатых фибул, найденных на территории бывшей Восточной Пруссии, треугольную головку имеют также застёжки типа Брейтенфурт, но у тех пальцы длиннее, а дужка короче. Кроме того, они не имеют декора на головке, в отличие от фибул типа Братей (см., например, *Гавритухин, Казанский*, 2018. Рис. 3, 1, 2, 7, 11; 5, 1; 6, 3, 4; 7, 1, 2). На территории Восточной Пруссии, но южнее, вне зоны самбийско-натангийской культуры, дериваты фибулы типа Братей известны в Мазурском Поозерье (*Mingfen / Miętkie: Hilberg*, 2009. Taf. 23, 198).

Фибулы типа Братей, принадлежащие восточногерманской традиции, недавно стали объектом специального исследования (*Гавритухин, Казанский*, 2018. С. 333–345), где их «классическая» форма фигурирует как тип Братей-Бригецио (например, рис. 3, 4). Зона распространения этих фибул очень широка — от бассейна Роны на западе до Верхнего Дона на востоке, одако более всего их найдено на Среднем и Нижнем Дунае (*Bierbrauer*, 2008. Abb. 16; *Гавритухин, Казанский*, 2018. Рис. 9 и приложение). Согласно Я. Тейралу эти фибулы типичны для периода D2/D3 (*Tejral*, 2005. S. 117, 120, Abb. 2, 6–9; *Tejral*, 2015. S. 304–307), причем они появляются уже на начальной стадии данного периода (*Tejral*, 2007. S. 78). Опорной находкой для датировки является уже упоминавшийся клад из Бушберга-Штайнмандла (*Szameit*, 1997. S. 240, taf. 5, 1–3) (рис. 4, 1–3).

Близки к фибулам типа Братей и застёжки типа Вышков (*Vyškov*) (*Bierbrauer*, 1989.

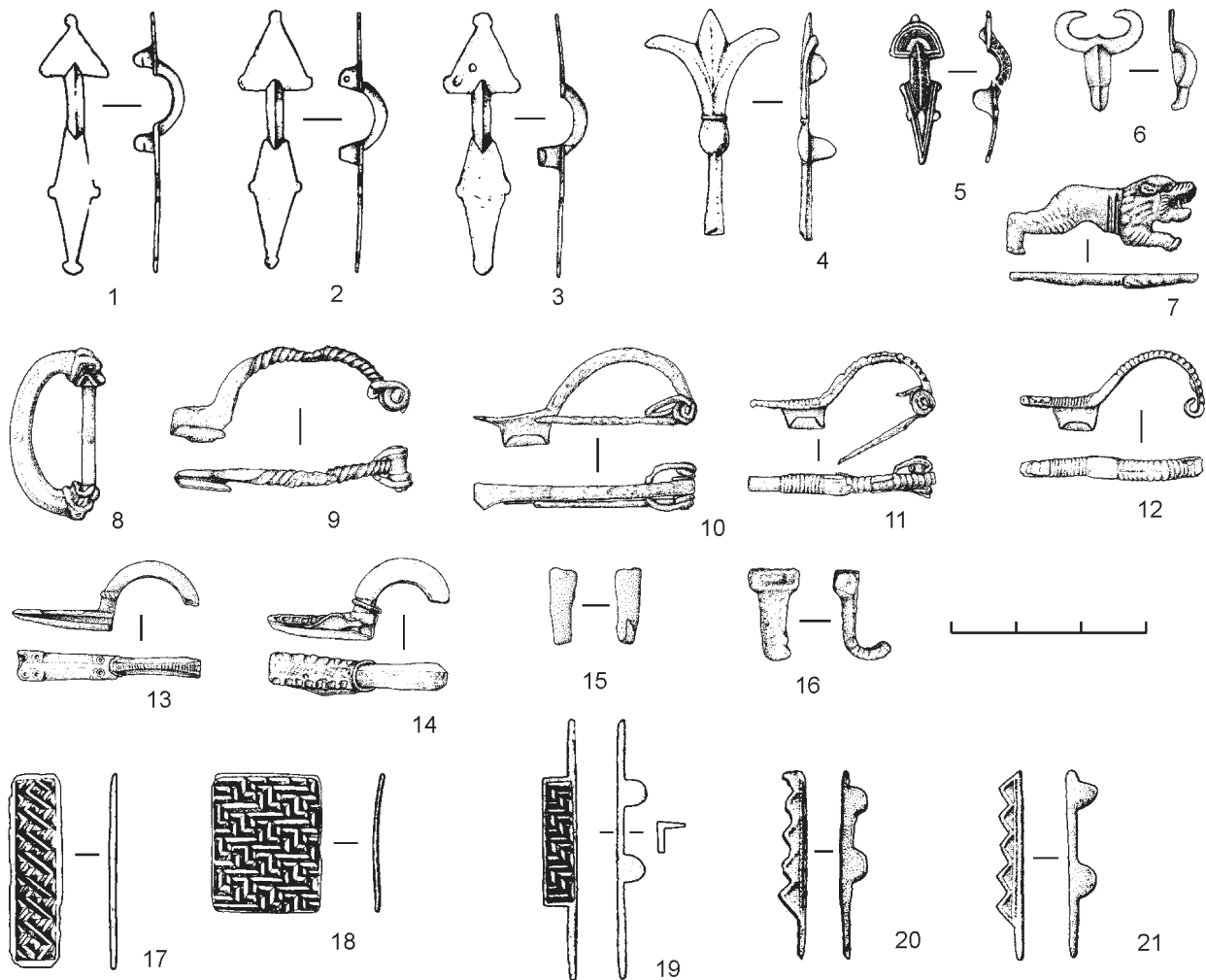

Рис. 4. Часть предметов изклада ремесленника в Бушберг-Штайнмандл (Bushberg-Steinmandl) (Szameit, 1997. Taf. 5). Бронза, низкопробное серебро

Fig. 4. Some objects from the hoard of a craftsman in Bushberg-Steinmandl (Szameit, 1997. Taf. 5). Bronze, low-grade silver

S. 149–152) (например, рис. 3, 5, 6), отличающиеся по форме ножки (пять выступов на углах, а не три, как у типа Братей) и головки, по очертанию напоминающей «жандармскую треуголку» (рис. 3, 5), если использовать терминологию французских палеолитчиков. Впрочем, у некоторых фибул типа Вышков головка ближе к треугольной (рис. 3, 6), как и у застежек типа Братей (см., например, Bierbrauer, 1989. Abb. 2, 4), поэтому нельзя исключать родство фибулы из Краам (Краам) / Грачёвки и с фибулами типа Вышков. Последние распространены на Среднем Дунае и в Северном Причерноморье (Bierbrauer, 2008. Abb. 16; Dobos, Lăzărescu, 2008. Pl. III). Они известны

на Дунае в контексте первой половины V в. (Bierbrauer, 1989. S. 149, 150) (например, рис. 3, 5) и продолжают существовать и позднее. Об этом свидетельствует находка в погребении в римской крепости Argamum, на Нижнем Дунае (Mănușci Adameșteanu, 1980. Fig. 3, 4), где фибула типа Вышков (рис. 3, 6) сопровождалась пальчатой фибулой, скорее всего дериватом типа Гурзуф, то есть времени не ранее середины — второй половины V в. (о них см. далее).

Малые двупластинчатые фибулы группы Амброз II. К дунайской традиции относятся и небольшие, длиной 4–5 см, двупластинчатые фибулы с полукруглой головкой,

сравнительно короткой дужкой и подтреугольно-ромбической ножкой, расширенной близ дужки. Они найдены в могильнике Зохпен (Zohpen) / Суворово (Гвардейский район Калининградской области), в погребениях № 10, 179, 192 (Кулаков, 1990. С. 64, 66, табл. XII, 15; Hilberg, 2009. S. 509, 510, taf. 37, 330, 336, 338) и в могильнике Доброе-Хюненберг (Hünneberg) / Гора Великанов (бывш. Rantau) (Зеленоградский район Калининградской области), погребение № 28 (Hilberg, 2009. S. 478, taf. 32, 286; Кулаков, 2014. С. 206, рис. 20, 2) (рис. 3, 7–10).

Эти застежки представляют собой дериваты малых двухпластинчатых фибул группы Амброз II, а иногда к ним присоединяют и малые фибулы группы Амброз I, особенно те, которые имеют вытянутую ножку с расширением в средней части (Амброз, 1966. С. 86–91). В западноевропейской археологии фибулы с расширением ножки близ дужки часто называют типом Виллафонтана (Villafontana) (*Bierbrauer*, 1968; 1991. S. 569–572), А. Коковский их выделил в группу F своей типологии двухпластинчатых фибул (*Kokowski*, 1996. S. 156). Впрочем, фибулы типа Виллафонтана имеют скорее неправильно-ромбическую форму ножки, с наибольшим расширением в верхней части.

Малые фибулы группы Амброз II распространены очень широко, от Кавказа (*Мастыкова*, 2009. С. 49; поздние дериваты: Амброз, 1989. Рис. 27, 1, 2) и Южного Урала (*Мажитов*, 1968. Табл. 8, 13; поздние дериваты: Амброз, 1989. Рис. 28, 1, 7, 12, 20, 21) до Пиренеев (*Koenig*, 1980. S. 231, 232, taf. 60, c). Эти фибулы очень хорошо представлены на среднем Дунае (например, Ártánd, Novi-Banovce, Čana, Košice, Csongrád-Kenderföldek, Csongrád-Werbözigasse, Kövágószöllös, Csongrád-Kaserne) и в Северном Причерноморье (Херсонес, Керчь, Инкерман, Гурзуф и пр.) (*Bierbrauer*, 1968. Fig. 7; *Kazanski*, 1984. Annexe II, № 10–12, 19, 20; *Tejral*, 2011. Abb. 229, 6, 7; 230, 5; 231; 232, 1, 10)³.

³ Показательно, что на Среднем Дунае концентрируются большие фибулы гуннского времени, группы Амброз II (Амброз, 1966. С. 88, рис. 7, 1). Возможно, малые фибулы являются их дешевой копией.

Фибулы группы Амброз II — Виллафонтана имеют очень широкую хронологию. Показательна находка в эльзасском погребении Хохфельден (Hochfelden) (последняя публикация: *Kazanski, Mastykova*, 2018), где малые фибулы входили в состав «княжеского» костюма горизонта Унтерзибенбрунн (Untersiebenbrunn) периода D2. Стоит отметить и находку в погребении Чонград-Вербоцигасе (Csongrád-Werbözigasse), где фибула типа Виллафонтана соседствовала с большой двухпластинчатой фибулой гуннского времени (*Tejral*, 2011. Abb. 234). Вполне возможно, что фибулы группы Амброз II — Виллафонтана появляются и раньше, уже в период D1, но пока надежных доказательств этому нет⁴.

В могильнике Суворово, в погребении № 192 малая двухпластинчатая фибула сопровождалась пряжкой с крестообразным язычком (Кулаков, 1990. Табл. XII, 15), типа Митино II.3 по типологии К. Н. Скворцова (рис. 3, 10). Пряжки с крестообразным язычком хорошо известны для самбийско-нотангийской культуры, а также для эльблонгской и ольштынской групп и для культуры восточнолитовских курганов. Время наибольшего распространения пряжек с крестообразным язычком соответствует периоду E2 западнобалтской хронологии (от 450 по 610/625 гг.) (*Скворцов*, 2010. С. 75–76). Фибулы из погребения № 28 могильника Доброе — Гора Великанов по составу сопутствующих находок надежно не датируются. Территория самбийско-нотангийской культуры — не единственное место, где эти «реликтовые» фибулы встречаются сравнительно поздно, после V в. Дериваты малых двухпластинчатых фибул группы Амброз II имеются и в Юго-Западном Крыму (*Фурасьев*, 2009. С. 193, рис. 1: вариант IIА; 2: 2, 3), где они существуют, по крайней мере,

⁴ Можно отметить, что в Керчи в склепе № 165, 1904 г., погребения № 6 и 10 с малыми фибулами располагались на боковых лежанках, а на полу, закрывая доступ к лежанкам, находилось явно более позднее погребение № 3 с большими фибулами типа Смолин, характерными для периода D2 (D2 см. погребальный инвентарь склепа: *Засецкая*, 1993. № 295, 296, 303, план склепа — *Шкорпил*, 1907. Рис. 19).

до конца VI — начала VII в. (подробнее: Фурашев, 2009. С. 194, 223, 224), а также на Южном Урале (Амброз, 1989. Рис. 28, 1, 7, 12, 20, 21) и на Северном Кавказе (например, Амброз, 1989. Рис. 27, 1, 2).

Фибулы с растительным декором — дериваты типа Сокольнице. В постгуннское время, в период D3, на Среднем Дунае появляется новая группа застёжек — это пальчатые фибулы с полукруглой головкой и ромбической ножкой, несущие рельефный декор. К числу наиболее ранних относятся фибулы типа Сокольнице (Sokolnice) с растительным рельефным декором (Tejral, 1976. S. 18, 19, taf. 1, 4, 5; Tejral, 2005. S. 121, abb. 3, B.4). Отдаленные дериваты фибул типа Сокольнице найдены в Кюссен (Kussen) / Весново (Краснознаменский район Калининградской области) (Hilberg, 2009. S. 420, taf. 20, 175) и в уже упоминавшемся некрополе Варенген / Котельниково, погребение № 18 (Heydeck, 1909. S. 231, abb. 157; Hilberg, 2009. S. 501, taf. 35, 317) (рис. 3, 12, 13).

Фибулы типа Гурзуф. Еще одна пальчатая фибула, с рельефным декором в виде ромбов на ножке и с волютами на головке, происходит из с. Ушаково (Гурьевский район Калининградской области) (Rudnicki, Skvorcov, 2017. S. 302, 303, гус. 2, 3) (рис. 3, 14). Авторами публикации она справедливо определена как относящаяся к дунайско-причерноморскому типу Гурзуф (см. Гавритухин, Казанский, 2006. С. 311–313, там же библиография), а среди возможных прототипов обоснованно названы среднедунайские застёжки, вроде найденных в Велки-Песек-Секеница (Velký Pesek-Sikenica). Возможная дата фибулы определена в рамках середины — второй половины V — начала VI в. (Rudnicki, Skvorcov, 2017. S. 305, 306)⁵.

⁵ В то же время нельзя согласиться с предложенным в этой же работе определением фибулы из Окунёва как принадлежащей дунайско-италийскому типу Чонград (Rudnicki, Skvorcov, 2017. S. 304, гус. 2, 2). В лучшем случае речь может идти об очень отдаленном деривате, где полностью утеряны основные отличительные признаки фибул типа Чонград.

Пряжка с ромбическим щитком. В Ликейме (Liekeim) / Наликаймах (Nalikaïmy) (Варминско-Мазурское воеводство, Польша) была обнаружена пряжка с овальной рамкой, длинным хоботковидным язычком и гладким ромбовидным щитком, с двумя выступами у шарнира, соединяющего щиток с рамкой, известная по схематической зарисовке из архива Ф. Якобсона (Nowakiewicz, 2011. № 104, fig. 001; Новаковский, 2013. С. 115, рис. 2, 2) (рис. 3, 15). Наиболее близкой аналогией является, пожалуй, пряжка из Крыма (Koenig, 1980. Abb. 8, a). Пряжка из Ликейма, скорее всего, восходит к позднееримским формам IV в. (см. Sommer, 1984. Taf. 1, 9; Vinski, 1974. Tabl. 37, 4, 5, 7), некоторые из них имеют и выступы на щитке (Vinski, 1974. Tabl. 37, 5, 7). В начале эпохи Великого переселения народов пряжки с гладким ромбическим щитком появляются в дунайском Барбарикуме (например, Tejral, 1986. Abb. 9, 17). По мнению В. Новаковского, пряжка принадлежит периоду E по западнобалтской хронологии, то есть времени не ранее 450 г. (Новаковский, 2013. С. 115). Впрочем, все известные мне дунайские пряжки постгуннского времени с ромбическим щитком имеют богатый рельефный декор, и, кроме того, у них нет выступов у шарнира, как на пряжке из Восточной Пруссии (см. о постгуннских пряжках этого типа: Kiss, 1984; Гавритухин, Казанский, 2006. С. 319–322). Поэтому датировка данной пряжки гуннским временем мне представляется не менее вероятной.

Серогончарная столовая посуда. Три серогончарных кувшина гуннского времени, вне всякого сомнения происходящие из карпато-дунайского региона, были обнаружены на могильнике Варникам (Warnikam) / Первомайское (Багратионовский район Калининградской области) (Tischler, Kemke, 1902. Taf. XXII)⁶ (рис. 5). Вряд ли они относятся к дунайскому типу Мурга (Murga), датируемому периодами

⁶ Предположение В. Новаковского (2007. С. 150), что в этих кувшинах перевозили вино, мне кажется слишком экстравагантным. Речь идет всё же скорее о столовой посуде, а не о транспортной таре.

Рис. 5. Серогончарная керамика из некрополя Варникам (Warnikam) / Первомайское (Tischler, Kemke, 1902. Taf. XXII): 1 — из погребения № 61; 2 — из погребения № 31; 3 — из погребения № 30

Fig. 5. Greyware pottery from the necropolis of Warnikam / Pervomayskoye (Tischler, Kemke, 1902. Taf. XXII): 1 — burial no. 61; 2 — burial no. 31; 3 — burial no. 30

D2/D3 (Bitner-Wróblewska, 2001. P. 118), который характеризуется более широким горлом, плавно переходящим в тулово, ребром с наибольшим расширением в нижней части и часто вертикальным декором на горле. На мой взгляд, эти кувшины скорее напоминают несколько более раннюю дунайскую серогончарную керамику периода D2 (Tejral, 2011. S. 240–247, abb. 112, 18; 116, 4; 185, 5; 292, 7).

Итак, на территории самбийско-натангийской культуры немногочисленные дунайские импорты представлены отдельными фибулами и элементами поясной гарнитуры, не образующими устойчивых серий. Это скорее всего свидетельствует о эпизодичности контактов древних эстиев со Среднедунайским регионом. В то же время дунайские вещи в V–VI вв. лучше представлены у южных,

западных и восточных соседей населения самбийско-натангийской культуры.

Так, на юге, в Мазурском Поозерье, на территории богачевской культуры, а затем ольштынской группы, известны дериваты дунайских фибул типа Артан-Захонь (Artánd- Záhony), характерные для поздней части периода D2 и периода D2/D3, то есть для 420–450-х гг. (Hilberg, 2009. Taf. 16, 123; ср. Tejral, 2007. Abb. 20, 10; Bierbrauer, 2008. S. 126, 127, abb. 17) (рис. 6, 9). Для более позднего времени здесь известны различные пальчатые фибулы и отдельные пряжки дунайского происхождения (Hilberg, 2009. S. 87–177) (рис. 6, 4, 7, 10, 17). Предполагается даже, что в позднем V — середине VI в. в Мазурию переселяются носители дунайских культурных элементов, которые фиксируются в женском уборе памятников ольштынской группы (см. Nowakowski, 2000).

Достаточно ярко дунайские вещи гуннского и постгуннского времени представлены и к западу от зоны самбийско-натангийской культуры, на Эльблонгской возвышенности и в устье Вислы. В первую очередь это уже

упоминавшиеся находки гуннского времени: клад в Хаммерсдорф-Млотечно с дунайскими «княжескими» фибулами полихромного стиля (Ciésliński, 2010. S. 162–167; Mączyńska, 2013; ср. Tejral, 2011. S. 185–189) (рис. 6, 3) и погребение воинского предводителя с мечом и тисненой дунайской пряжкой в Юшково (Juszkowo) (Dyrda et al., 2014; Konny, Mączyńska, 2015; ср. Tejral, 2011. S. 175–181, abb. 142). Можно утверждать, что «вожде-ская» культура населения вокруг устья Вислы в гуннское время формировалась под прямым дунайским воздействием. В конце гуннского периода и в постгуннское время здесь распространяются дунайские пальчатые фибулы с рельефным декором (рис. 6, б). Находки золотых солидов конца IV — начала VI в. подчеркивают важное значение устья Вислы в международных контактах (Godłowski, 1980. Karten 4–6; Mączyńska, 2007. Karten 1, 2).

Говоря о межрегиональных контактах и связях Балтики с Дунаем не стоит забывать и о роли Неманского водного пути, о которой свидетельствует находка двупластинчатых фибул гуннского времени типа Ваюга

Рис. 6. Вещи дунайской традиции в Юго-Восточной Прибалтике и прилегающих районах Беларуси: 1 — Калоте (Collaten / Kalotè) (Hilberg, 2009. Taf. 5, 34); 2 — Алекшицы (Беявец, Сідаровіч, 2018. Мал. 18, 1); 3 — Млотечно (Hammersdorf—Młoteczno) (Hilberg, 2009. Abb. 5.58); 4 — Здоррен—Здоры (Sdorren/Zdory) (Hilberg, 2009. Taf. 34, 305); 5, 11 — Плинкайгалис (Plinkaigalis) (5 — Казакавичюс, 1987. Рис. 1, 1; 11 — Madyda—Legutko, 2011. Tabl. XLV, 2); 6 — Келпин (Kelpin) (Hilberg, 2009. Abb. 5.56); 7 — Ласовец—Стервальде (Lasowiec / Sternwalde) (Hilberg, 2009. Taf. 34, 308); 8 — Судота I (Sudota I) (Bliujienė et al., 2017. Fig. 5, 5); 9 — Грюнден — Грады Крукланецке (Grunden / Grądy Krukłaneckie) (Hilberg, 2009. Taf. 16, 123); 10 — Грунейкен—Грунайки (Gruneiken / Grunajki) (Hilberg, 2009. Taf. 16, 119); 12, 16 — Таурапилис (Taurapilas) (12 — Bliujienė et al., 2017. Fig. 3, 8; 16 — Hilberg, 2009. Abb. 5.5); 13 — Вилкитен (Wilkieten) (Hilberg, 2009. Abb. 5.49); 14 — Зиболишке (Ziboliškė) (Bliujienė et al., 2017. Fig. 6); 15 — Падубе—Шалталюне (Paduobė—Šaltaliūnė) (Bliujienė et al., 2017. Fig. 2); 17 — Альт-Коссевен / Косево (Alt-Kosseven / Kosewo) (Hilberg, 2009. Abb. 5.70). 1, 2, 4–17 — серебро, бронзовый сплав; 3 — золото, гранаты

Fig. 6. Objects in the Danubian tradition from the South-Eastern Baltic area and adjoining regions in Belarus: 1 — Collaten / Kalotè (Hilberg, 2009. Taf. 5, 34); 2 — Alekshtisy (Беявец, Сідаровіч, 2018. Мал. 18, 1); 3 — Hammersdorf—Młoteczno (Hilberg, 2009. Abb. 5.58); 4 — Sdorren/Zdory (Hilberg, 2009. Taf. 34, 305); 5, 11 — Plinkaigalis (5 — Казакавичюс, 1987. Рис. 1, 1; 11 — Madyda—Legutko, 2011. Tabl. XLV, 2); 6 — Kelpin (Hilberg, 2009. Abb. 5.56); 7 — Lasowiec / Sternwalde (Hilberg, 2009. Taf. 34, 308); 8 — Sudota I (Bliujienė et al., 2017. Fig. 5, 5); 9 — Grunden / Grądy Krukłaneckie (Hilberg, 2009. Taf. 16, 123); 10 — Gruneiken / Grunajki (Hilberg, 2009. Taf. 16, 119); 12, 16 — Taurapilas (12 — Bliujienė et al., 2017. Fig. 3, 8; 16 — Hilberg, 2009. Abb. 5.5); 13 — Wilkieten (Hilberg, 2009. Abb. 5.49); 14 — Ziboliškė (Bliujienė et al., 2017. Fig. 6); 15 — Paduobė — Šaltaliūnė (Bliujienė et al., 2017. Fig. 2); 17 — Alt-Kosseven / Kosewo (Hilberg, 2009. Abb. 5.70). 1, 2, 4–17 — silver, bronze alloy; 3 — gold, garnets

в денежно-вещевом кладе Алекшицы на Немане (подробнее: *Белявец, Сідаровіч*, 2018) (рис. 6, 2), а также наличие в бассейне Немана гравированных наконечников типа Мадыда-Легутко 13-1 несомненно карпато-дунайского происхождения (*Madyda-Legutko*, 2011. Р. 97–100, мара 24) (рис. 6, 11). Видимо с Немана (или из устья Вислы?) дунайские вещи попадают и на Куршское побережье Балтики, такие как двупластинчатая фибула с гравированным декором (рис. 6, 1) или пряжка с ромбическим щитком (рис. 6, 13). Наконец, видимо также по Неманскому пути среднедунайские вещи постгуннского времени попадают и в Среднюю и Восточную Литву. Это, например, пряжки с прямоугольным или ромбическим щитком с рельефным декором или с язычком с рельефным декором (рис. 6, 12, 14, 15), пальчатые фибулы дунайской традиции (рис. 6, 8), большие двупластинчатые фибулы типа Смолин (рис. 6, 5), мечи в ножнах дунайской традиции (рис. 6, 16). Уже упоминавшееся погребение в Таурапиласе (*Tautavičius*, 1981) (рис. 6, 12, 16) убедительно свидетельствует о влиянии «княжеской» культуры Дуная на восточных балтов.

Создается впечатление, что эстии самбийско-натангийской культуры были «изолированы» своими соседями, и контакты Балтийского региона со Средним Подунавьем проходили в основном восточнее и западнее, по Неману и Висле, не захватывая зону самбийско-натангийской культуры, куда дунайские импорты поступали чаще всего лишь опосредованно. Разумеется, не следует представлять себе эту «изоляция», как жесткую военную блокаду. Вне всякого сомнения, древние эстии могли поддерживать контакты с другими регионами континентальной Европы, о чем свидетельствует, видимо, известное посольство эстиев около 526 г. к итало-острэготскому королю Теодориху⁷. Скорее всего

⁷ Модная ныне идея о том, что письмо Теодориха к эстиям, написанное Кассиодором, в котором идет речь об этом посольстве, является лишь стилистическим упражнением, нуждается в серьезном обосновании и воспринята далеко не всеми исследователями (см. подробнее: *Bliujienė*, 2011. Р. 210–212).

речь идет о том, что в контактах Среднего Дуная с Юго-Восточной Прибалтикой в гуннское и постгуннское время основную роль играло население Мазурского Поозерья, бассейнов Вислы и Немана.

Экскурс. Воинская экипировка гуннского и постгуннского времени на памятниках самбийско-натангийской культуры. Говоря о дунайских влияниях на Юго-Восточную Прибалтику в гуннское и постгуннское время, нельзя не затронуть вопрос о предполагаемом влиянии гуннов и дунайских германцев на военное дело эстиев. Неоднократно выдвигалось предположение, что некоторые виды оружия и поясной гарнитуры заимствованы западными балтами с Дуная и что население самбийско-натангийской культуры оказалось в зоне экспансии гуннов и/или «ветеранов гуннских войн», разбежавшихся кто куда после разгрома гуннов при Недао.

В качестве археологического свидетельства таких влияний подчас называют скрамасаксы, хорошо представленные на интересующих нас памятниках⁸ (рис. 7, 1). Этому виду оружия посвящена фундаментальная работа Я. Прасолова, где учтено более 200 находок, в основном V в. Автор убедительно показал, что вопреки распространенному среди исследователей мнению эти скрамасаксы представляют собой местную форму и не являются инокультурным компонентом, привнесенным извне, и что их использование не связано с конным боем (подробнее *Prassolow*, 2018, там же обширная библиография). Скорее всего их прототипами являются боевые ножи римского времени, известные как в Скандинавии, так и в самбийско-натангийской культуре (*Kazanski, Mastykova*, 2005. Р. 123; *Казанский,*

⁸ Исследователи, занимающиеся древностями самбийско-натангийской культуры, используют неудачный термин «ножи-кинжалы», по сути объединяющий два различных вида клинкового оружия, требующих совершенно различных приемов использования в бою. Мне представляется более правомерным употреблять для однолезвийного оружия с довольно коротким прямым клинком термин «скрамасаксы» для циркумбалтийского региона, уже устоявшийся в русской археологии (см. например, *Лебедев*, 2005. С. 146).

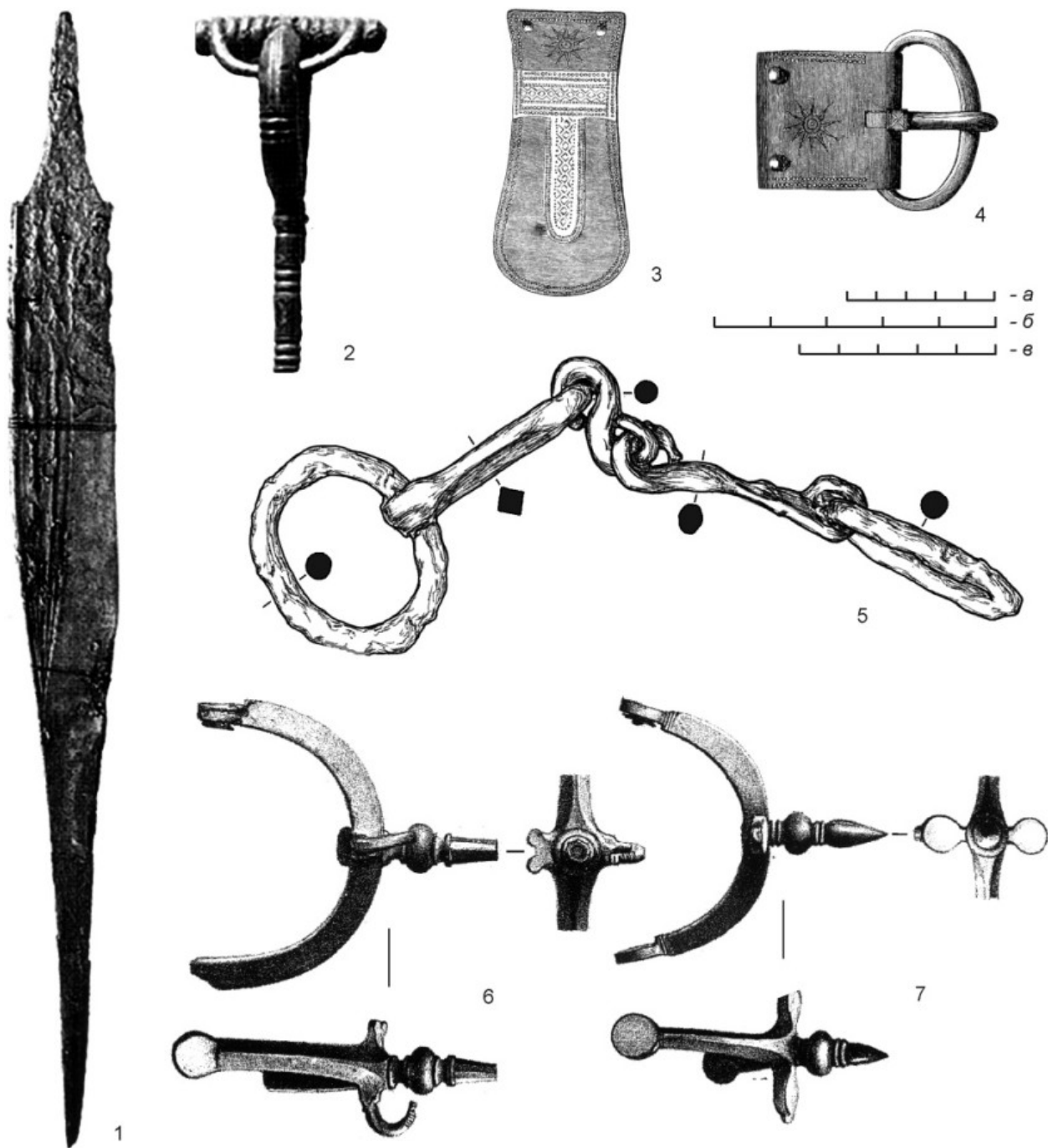

Рис. 7. Предметы вооружения, всаднического и конного снаряжения из некрополей самбийско-натангийской культуры: 1–4 — Доллькайм (Dollkeim) / Коврово, погребение № 108 (Prassolow, 2018. Taf. 13, A); 5 — Заостровье-1, погребение № 18.3 (Казанский и др., 2018. Рис. 20, 7); 6 — Грейбай (Greibau), погребение № 211; 7 — Варникам (Warnikam) / Первомайское, погребение № 31 (6, 7 — Tischler, Kemke, 1902. Taf. XVII, 2, 3). 1, 5 — железо; 2, 6, 7 — бронза; 3, 4 — бронза или низкопробное серебро. Масштаб: а — для 1, б — для 2–4, в — для 5–7

Fig. 7. Weaponry, rider's and horse equipment from necropoleis of the Sambia-Natangia culture: 1–4 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 108 (Prassolow, 2018. Taf. 13, A); 5 — Zastroye-1, burial no. 18.3 (Казанский и др., 2018. Рис. 20, 7); 6 — Greibau, burial no. 211; 7 — Warnikam / Pervomayskoye, burial no. 31 (6, 7 — Tischler, Kemke, 1902. Taf. XVII, 2, 3). 1, 5 — iron; 2, 6, 7 — bronze; 3, 4 — bronze or low-grade silver. Scale: a — for 1, б — for 2–4, в — for 5–7

Мастыкова, 2013. С. 99). Добавим, что на сегодняшний день в достоверно гуннском контексте в Центральной и Восточной Европе не найдено ни одного скрамасакса, что снимает саму возможность гуннского происхождения данного оружия.

Надо добавить, что никаких других видов оружия, которые можно было бы соотнести с гуннским/дунайским югом, в самбийско-натынгийской культуре пока не найдено. Так, например, «степные» трехлопастные стрелы, несомненно связанные по происхождению с кочевническим комплексом боевых средств, известны в Мазурии и Литве (*Кулаков*, 2002. Рис. 1, 3; *Казакявичюс*, 1988. Рис. 25, 20–29), но полностью отсутствуют в Самбии и Натангии.

В целом создается впечатление, что воинская (не обязательно «дружинная», то есть соотносящаяся только с воинской элитой) культура эстиев в гуннское и постгуннское время связана скорее с циркумбалтийским регионом и Северной и Средней Германией. Об этом, помимо скрамасаксов, свидетельствуют найденные в интересующем нас регионе декор парадного оружия, некоторые типы копий, шпоры типа Лейна, удила с трехчастными грызлами, «воинские» ременные гарнитур.

В «воинской» культуре эстиев имеются и скандинавские по происхождению черты, например тисненый декор в германском первом зверином стиле на ножнах меча из погребения № 1 в уже упоминавшемся некрополе Варникам (рис. 8, 5), а также на обкладках седел из погребения № 4 в том же могильнике Варникам, в погребении № 36 могильника Шоссейное и в погребении № 335 могильника Митино. Этот декор имеет многочисленные параллели в Скандинавии (подробнее *Скворцов*, 2018. С. 166, 168; *Скворцов, Пеш*, 2018).

К числу показательных относятся копия типа Казакявичюс II (рис. 8, 1), распространенные в самбийско-натынгийской культуре. Эти копия для Прибалтики изучены В. Казакявичюсом. Он показал их широкое распространение по всей Восточной Прибалтике до Финляндии включительно, а также

в Скандинавии — на Готланде, в Швеции, Дании и Норвегии (*Казакявичюс*, 1988. С. 37–40). На территории самбийско-натынгийской культуры такие копия представлены в ряде погребений начиная с ранней фазы эпохи переселения народов, таких как Доллькайм-Коврово, погребение № 253 начальной фазы переселения народов, с характерной пряжкой этого времени (*Кулаков*, 2007. С. 10), и существуют позднее. Подобные копия есть на других балтских территориях, а также у прибалтийских финнов, народов лесной зоны России, скандинавов, франков, аламаннов и англосаксов (подробнее *Казанский*, 2008. С. 306; *Скворцов*, 2018. С. 171, 172), но их нет на юге.

Шпоры типа Лейна (*Giesler*, 1978), встречающиеся в Самбии в гуннское время (например, Варникам, Гребитен: *Кулаков*, 2010. Рис. 3, 4, 4, k, m) (рис. 7, 6, 7), также являются показательными с точки зрения влияний на воинскую культуру эстиев. Здесь хорошо представлен западный провинциально-римский вариант D, с крючком для крепления (*Giesler*, 1978. S. 2, 13, 48–52, № 86, 87. Taf. 9) (рис. 7, 6). Эти шпоры распространены в Британии, Галлии, на Рейне, в бассейне Эльбы, единичные находки в Паннии и Италии, Мазовии и Литве. Шпоры Лейна редко попадают в Восточную Европу (*Kazanski*, 1994b. P. 435). На могильнике Варникам / Первомайское в погребении № 31 (*Tischler, Kemke*, 1902. Taf. XVII, 3) найдены шпоры типа Лейна, которые можно отнести к восточноримскому варианту C (ср. *Giesler*, 1978. S. 11, 12, abb. 2) (рис. 7, 7), который, впрочем, хорошо известен в западноримских провинциях Паннонии и Норике, а также на Нижней Эльбе, на Рейне и в Британии (*Giesler*, 1978. S. 46–48, taf. 9).

Из предметов конного снаряжения надо назвать многочисленные для самбийско-натынгийской культуры трехчастные удила (рис. 7, 5), встречающиеся как у балтов и прибалтийских финнов, а так и у населения лесной зоны России, Беларуси и в Скандинавии, которые также не попадают на юг (подробнее *Казанский и др.*, 2018. С. 18–20).

Земланские/самбийские поясные гарнитур (рис. 7, 3, 4; 9, 1–8), то есть пряжки и

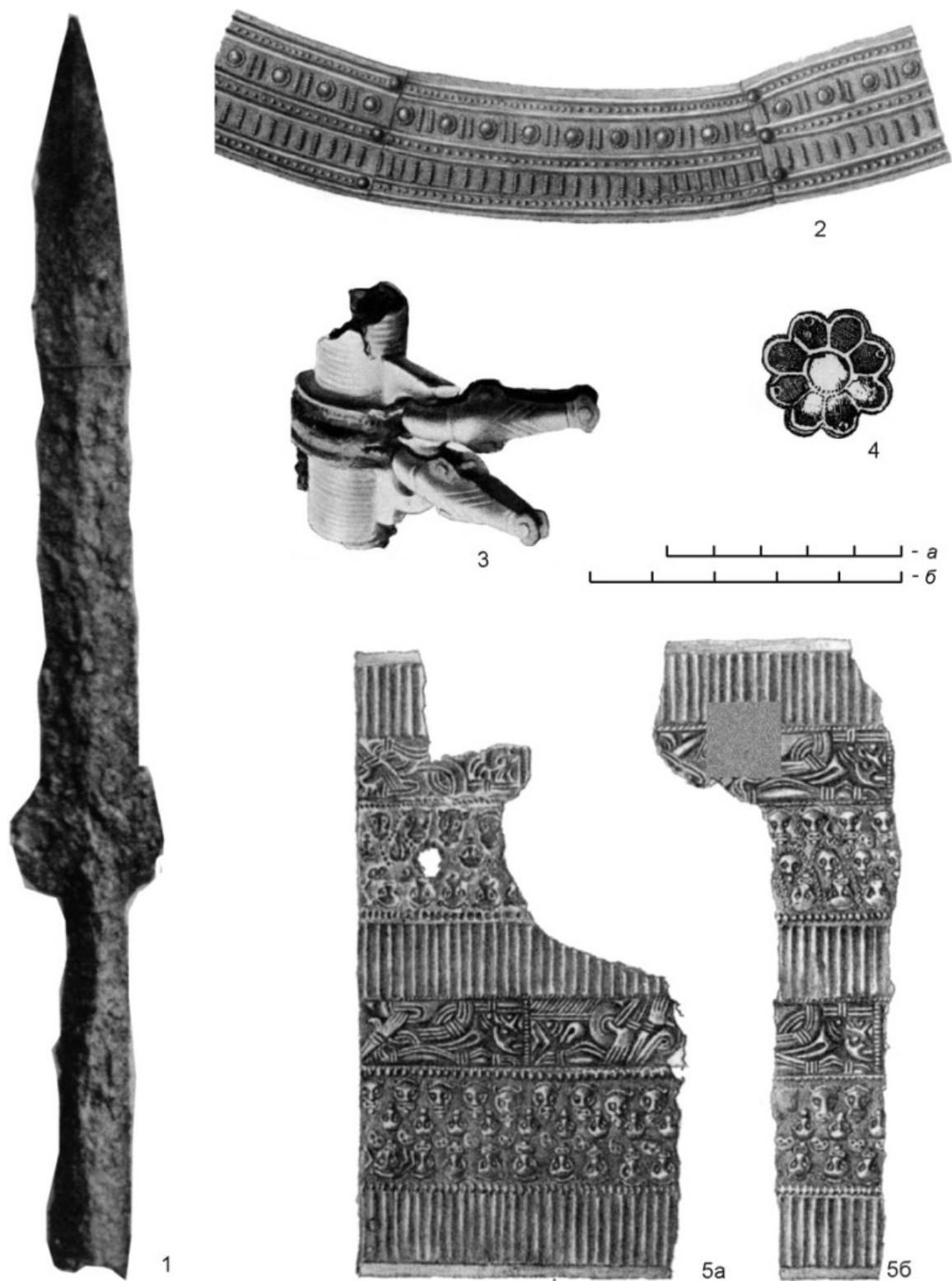

Рис. 8. Предметы из Варникам (Warnikam) / Первомайское, погребение № 1 (Hilberg, 2009. Abb. 9.6, 9.7, d, 9.10). 1 — железо; 2, 5 — серебро; 3 — позолоченная бронза; 4 — золото, гранаты. Масштаб: а — для 1; б — для 2-5

Fig. 8. Finds from Warnikam / Pervomayskoye, burial no. 1 (Hilberg, 2009. Abb. 9.6, 9.7, d, 9.10). 1 — iron; 2, 5 — silver; 3 — gilded bronze; 4 — gold, garnets. Scale:

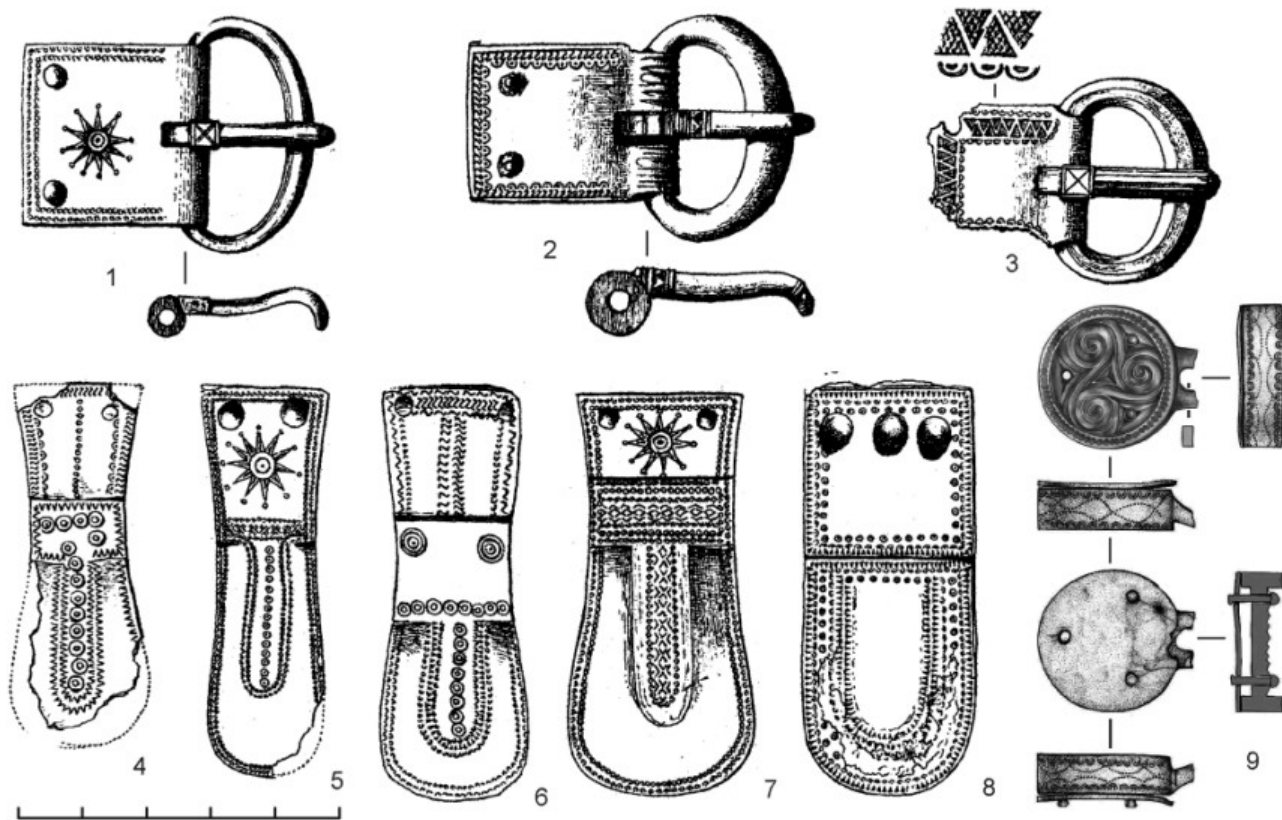

Рис. 9. Элементы поясной/ременной гарнитуры (1–8 — Tischler, Kemke, 1902. Taf. VI, 1–3, 5, 7, 16, 19, 20; 9 — Rudnicki, Skvorcov, 2015. Рис. 3): 1, 7 — Доллькайм (Dollkeim) /Коврово, погребение № 163; 2 — Грейбай (Greibau) 211; 3 — Варникам (Warnikam) /Первомайское, погребение № 30; 4 — Варникам (Warnikam) /Первомайское, погребение № 60; 5 — Доллькайм (Dollkeim) /Коврово, погребение № 161; 6 — Доллькайм (Dollkeim) /Коврово, погребение № 164; 8 — Доллькайм (Dollkeim) / Коврово, погребение № 140; 9 — Тимофеевка. 1–8 — бронза; 9 — позолоченное серебро

Fig. 9. Elements of belt sets (1–8 — Tischler, Kemke, 1902. Taf. VI, 1–3, 5, 7, 16, 19, 20; 9 — Rudnicki, Skvorcov, 2015. Рис. 3): 1, 7 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 163; 2 — Greibau 211; 3 — Warnikam / Pervomayskoye, burial no. 30; 4 — Warnikam / Pervomayskoye, burial no. 60; 5 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 161; 6 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 164; 8 — Dollkeim / Kovrovo, burial no. 140; 9 — Timofeyevka. 1–8 — bronze; 9 — gilded silver

наконечники с характерным гравированным декором, являются особенно показательными для «воинской» культуры Самбии и Натангии в гуннское время (Madyda-Legutko, 1986. S. 69, karte 35, AN38; Madyda-Legutko, 2011. S. 91–96, маpa 23; Bitner-Wróblewska, 2001. P. 109–117; Кулаков, 2010. С. 117, 118). Уже давно гравированные вещи в балтийском регионе рассматриваются как доказательство влияния римских ателье, «римского военного стиля» и даже римских ветеранов (Strogaard, 2003. S. 123, 124; Кулаков, 2010. С. 118; историография вопроса: Bitner-Wróblewska, 2017.

P. 262; Quast, 2017. P. 280). Действительно, на западноримских поясах представлен декор, напоминающий узоры, известные на самбийских гарнитурах, например в виде звездочек (Böhme, 1974. Taf. 94, 13; 108, 3; 120, 11; 129, 5; Sommer, 1984. Taf. 40, 10; подробнее: Quast, 2017. P. 285–287). В то же время подобные пояса с гравированным декором отсутствуют на Дунае и на территории Восточной Римской империи, где, видимо, у солдат была иная мода. К эстиям западные пояса могли попасть через Северную Германию, где распространяются различные виды позднеримских пряжек

и наконечников с гравированным декором и их подражания (*Böhme*, 1974. Karte 15, 18; *Rau*, 2010. S. 279–303), и оттуда же в Юго-Восточную Прибалтику попадают и некоторые типы фибул (подробнее о них: *Казанский*, 2017).

Упомянем и элементы гарнитуры типа Шеруп (*Snartemo-Sjögurp*) несколько более позднего времени, второй половины V — начала VI в. Одна пластина этого типа найдена на городище Тимофеевка (бывш. *Kamsvikus*) в Надровии (рис. 9, 9), основная же масса предметов происходит из Южной Скандинавии, если не считать одну находку в Северной Эстонии (*Rudnicki, Skvorcov*, 2015).

Впрочем, как и в других регионах варварской Европы, культура воинских элит у эстиев в V — раннем VI в. содержала элементы самого разного происхождения. В этом смысле показательны удила в погребении № 1

могильника Варникам (рис. 8, 3), которые имеют выраженные дунайские параллели, в частности в знаменитом гепидском «княжеском» погребении Апахиды (*Apahida*) 2 в Трансильвании (*Hilberg*, 2009. S. 319–321; *Скворцов*, 2018. С. 172). В то же время держатели поводьев на этих удилах (*Скворцов*, 2018. Рис. 2, 7) очень напоминают аналогичные держатели на удилах из лангобардской «княжеской» могилы в Векене (*Veskény*) в Западной Венгрии (*Bóna*, 1976. Pl. 77). Но при этом всё же не дунайские, а скорее скандинавские и, шире, «западные» влияния, на мой взгляд, сыграли решающую роль в формировании воинской культуры эстиев в V–VI вв. Видимо, столь излюбленные некоторыми исследователями «отягощенные золотом ветераны гуннских войн» в заметном количестве на территории эстиев так и не оказались.

Айбабин, 1979 — *Айбабин А. И.* Погребения второй половины V — первой половины VI в. в Крыму // КСИА. 1979. Вып. 158: Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. С. 22–34.

Амброз, 1966 — *Амброз А. К.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. М.: Наука, 1966. 113 с. + 27 табл. (САИ; Д1–30).

Амброз, 1989 — *Амброз А. К.* Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука, 1989. 134 с.

Белявец, Сідаровіч, 2018 — *Белявец В., Сідаровіч В.* Алекшыцкі манетна-рэчавы скарб эпохі Вялікага перасялення народаў // Банкаўскі веснік. 2018. № 2. С. 2–16.

Гавритухин, Казанский, 2006 — *Гавритухин И. О., Казанский М. М.* Боспор, тетрактиты и Северный Кавказ во второй половине V — VI в. // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. № 13. С. 297–344.

Гавритухин, Казанский, 2018 — *Гавритухин И. О., Казанский М. М.* О времени появления славян на территории Молдовы // Древности. Исследования. Проблемы: Сб. в честь 70-летия Н. П. Тельнова / Ред. В. А. Синика, Р. А. Рабинович. Кишенёв; Тирасполь: Приднестровский гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко,

Высшая антропологическая школа, 2018. С. 333–354.

Засецкая, 1993 — *Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н. э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь: КФУ, 1993. Вып. III. С. 23–105.

Казакявичюс, 1987 — *Казакявичюс В.* Находка двупластинчатой фибулы в Литве // СА. 1987. № 4. С. 264–266.

Казакявичюс, 1988 — *Казакявичюс В.* Оружие балтских племен II–VIII вв. на территории Литвы. Вильнюс: Мокслас, 1988. 158 с.

Казанский, 2008 — *Казанский М. М.* Оружие «западного» и «южного» происхождения в лесной зоне России и Белоруссии в начале средневековья // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний Великого переселения народов / Отв. ред. А. Н. Наумов. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово Поле», 2008. С. 304–324.

Казанский, 2017 — *Казанский М. М.* Этии и Океан: о распространении некоторых типов фибул эпохи переселения народов и меровингского времени // АВ. СПб.: ИИМК РАН, 2017. № 23. С. 265–273.

- Казанский, Мастыкова, 2013* — *Казанский М. М., Мастыкова А. В.* О морских контактах эстиев в эпоху Великого переселения народов // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 97–112.
- Казанский и др., 2018* — *Казанский М. М., Зальцман Э. Б., Скворцов К. Н.* Раннесредневековый могильник Заостровье-1 в Северной Самбии. М.: ИА РАН. 2018. 312 с.
- Кулаков, 1990* — *Кулаков В. И.* Древности пруссов VI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 168 с. (САИ; Г1-9.)
- Кулаков, 2002* — *Кулаков В. И.* Эхо гуннских войн в Балтии // Гістарычна-Археалагічны Зборник. 2002. № 17. С. 101–116.
- Кулаков, 2007* — *Кулаков В. И.* Доллькайм-Коврово. Исследования 1992–2002 гг. Минск: Ин-т Истории НАН Беларуси, 2007. 335 с.
- Кулаков, 2010* — *Кулаков В. И.* Оружие горизонта Сесдала—Унтерзибенбрунн в Янтарном крае // Археология Восточной Европы в I тысячелетии н. э. / Отв. ред. И. В. Исланова, В. Е. Родинкова. М.: ИА РАН, 2010. С. 112–143 (Раннеславянский мир; 13).
- Кулаков, 2014* — *Кулаков В. И.* Hünenberg — «Гора Великанов». Могильник III–IV вв. на севере Самбии // *Barbaricum*. 2014. Vol. 10. С. 199–363.
- Лебедев, 2005* — *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Мажитов, 1968* — *Мажитов Н. А.* Бахмутинская культура. М.: Наука, 1968. 162 с.
- Мастыкова, 2009* — *Мастыкова А. В.* Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. М.: ИА РАН, 2009. 502 с.
- Новаковский, 2007* — *Новаковский В.* Восточные пруссы как связующее звено между Восточной и Западной Европой: археологические свидетельства V–VIII вв. // *Merowingerzeit — Europe ohne Grenzen* / Hrsg. W. Menghin.. Berlin: Staatlicher Museen zu Berlin, Minerva, 2007. S. 145–155.
- Новаковски, 2013* — *Новаковски В.* Между Мазурским Поозерьем и Надровией: могильники эпохи Великого переселения народов на Средней Лаве // Археология Балтийского региона / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Мастыкова, А. Н. Хохлов.. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 113–121.
- Приск Панийский, Готская история* — *Приск Панийский, Готская история* // Латышев В. В. *Scythica et Caucasica*. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I: Греческие писатели. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1890. С. 810–846.
- Скворцов, 2010* — *Скворцов К. Н.* Могильник Митино V–XIV вв. (Калининградская область). М.: ИА РАН, 2010. Т. 1. 302 с. (Материалы охранных археологических исследований; Т. 15.)
- Скворцов, 2018* — *Скворцов К. Н.* «Вождеские» погребения могильника Варникам — 141 год спустя // КСИА. 2018. Вып. 252. С. 161–177.
- Скворцов, Пеш, 2018* — *Скворцов К. Н., Пеш А.* Серебряная оковка седла рубежа V–VI вв. из могильника Митино Калининградской обл. // КСИА. 2018. Вып. 253. С. 199–219.
- Ушаков, 2010* — *Ушаков С. В.* Варвары горной Таврики на рубеже эпох. Этническая ситуация в Юго-Западном Крыму (III — середина VI в. н. э.). Опыт реконструкции. Донецк: Донбасс, 2010. 180 с. (Археологический альманах; № 23.)
- Фурасьев, 2009* — *Фурасьев А. Г.* Этнокультурные особенности населения Южного Крыма в VI — начале VII в. н. э. (по материалам женского костюма) // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем / Ред. А. Г. Фурасьев. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 190–235.
- Шкорпил, 1907* — *Шкорпил В. В.* Отчет о работе в Керчи в 1904 г. // Известия ИАК. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1907. Вып. 25. С. 1–66.
- Beljavec, 2018* — *Beljavec V.* O dwóch zapinkach cykadawatych z Białorusi // *Materiały do Archeologii Warmii i Mazur* / Red. S. Wadył, M. Karczewski, M. Hoffmann. T. 2. Warszawa: Instytut Archeologii Uniwersytetu Warszawskiego, 2018. S. 237–251.
- Bierbrauer, 1968* — *Bierbrauer V.* Das westgotische Fibelpaar von Villafontana // *I ritrovamenti*

- barbarici nelle collezioni civiche veronesi del Museo di Castelvecchio / Ed. O. von Hessen. Verona: Museo di Castelvecchio, 1968. S. 75–82.
- Bierbrauer*, 1975 — *Bierbrauer V.* Die ostgotischen Grab- und Schatzfunde in Italien. Spoleto: Centro Italiano de Studi sull'Alto Medioevo, 1975. 368 p.
- Bierbrauer*, 1989 — *Bierbrauer V.* Bronzene Bügelfibeln des 5. Jahrhunderts aus Südosteuropa // *Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte*. 1989. Bd. 72. S. 141–160.
- Bierbrauer*, 1991 — *Bierbrauer V.* Das Frauengrab von Castalbolognese in der Romagna (Italien) — Zur chronologischen, ethnischen und historischen Auswertbarkeit des ostgermanischen Fundstoffs des 5. Jahrhunderts in Südosteuropa und Italien // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 1991. Jg. 38. S. 541–592.
- Bierbrauer*, 2008 — *Bierbrauer V.* Ethnos und Mobilität im 5. Jahrhundert aus archäologischer Sicht: Vom Kaukasus bis nach Niederösterreich. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 2008. 129 S. 17 Abb., 32 Taf.
- Bitner-Wróblerwska*, 2001 — *Bitner-Wróblerwska A.* From Samland to Rogaland. East-West connections in the Baltic basin during the Early Migration Period. Warszawa: Państwowe Muzeum Archeologiczne, 2001. 256 S.
- Bitner-Wróblerwska*, 2017 — *Bitner-Wróblerwska A.* Sösdala style -Sösdala horizon // *The Sösdala horsemen — and the equestrian elite of 5th century Europe* / Eds. C. Fabech, U. Näsman. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 257–271.
- Bliujienė*, 2011 — *Bliujienė A.* Northern Gold: Amber in Lithuania (c. 100 to c. 1200). Leiden; Boston: Brill, 2011. 480 p.
- Bliujienė et al.*, 2017 — *Bliujienė A., Steponaitis V., Šatavičius E., Grižas G.* Concentration of Authority and Power in East Lithuania, between Tauragnas Lake and Middle Reaches of the Žeimena River during the Migration Period // *Estonian Journal of Archaeology*. 2017. 2½. P. 117–147.
- Böhme*, 1974 — *Böhme H.-W.* Germanische Grabfunde des 4. bis 5. Jahrhunderts zwischen Unterer Elbe und Loire. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1974. 384 S.
- Bóna*, 1976 — *Bóna I.* A l'aube du Moyen Age. Gépidés et Lombards dans le bassin des Carpates. Budapest: Crovina, 1976. 120 S.
- Ciéśliński*, 2010 — *Ciéśliński A.* Kulturelle Veränderungen und Besiedlungsabläufe im Gebiet der Wielbark-Kultur an Łyna, Pasłęka und oberer Drwęca. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 2010. 322 S.
- Dobos, Lăzărescu*, 2008 — *Dobos A., Lăzărescu V. A.* O fibulă inedită descoperită în raza localității Sic, jud. Cluj // *Angvstia, Arheologie*. 2008. 12. P. 177–186.
- Dyrda et al.*, 2014 — *Dyrda K., Kontny B., Mączyńska M.* Niezwykłe odkrycie grobu wojownika z wczesnego okresu wędrówek ludów w Juszkowie, gm. Pruszcz Gdański // *Honoratissimum assensus genus est armis laudare* / Eds. R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, Instytut Archeologii, 2014. S. 111–134.
- Giesler*, 1978 — *Giesler U.* Jüngkaiserzeitliche Nietknopfsporen mit Dreipunkthalterung vom Typ Leuna // *Sallburg-Jahrbuch*. 1978. Jg. 35. S. 5–56.
- Godłowski*, 1980 — *Godłowski K.* Zur Frange der völkerwanderungszeitlichen Besiedlung in Pommern // *Studien zur Sachsenforschung*. 1980. Bd. 2. S. 63–106.
- Heydeck*, 1909 — *Heydeck J.* Das Gräberfeld Waringen bei Medenau, Kr. Fischhausen // *Prussia*. 1904. Bd. 22. S. 224–238.
- Hilberg*, 2009 — *Hilberg V.* Masurische Bügelfibeln. Studien zu den Fernbeziehungen dervölkerwanderungszeitlichen Brandgräberfelder von Daumen und Kellaren. Daumen und Kellaren-Tumiany i Kielary. Bd 2. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2009. 615 S. (Schriften des Archäologischen Landesmuseums; Bd. 9).
- Kazanski*, 1984 — *Kazanski M.* A propos de quelques types de fibules ansées de l'époque des Grandes Invasions trouvées en Gaule // *Archéologie Médiévale*. 1984. Vol. XIV. P. 7–27.
- Kazanski*, 1994a — *Kazanski M.* Les plaques-boucles méditerranéennes des Ve–VIe siècles // *Archéologie Médiévale*. 1994. Vol. XXIV. P. 137–198.
- Kazanski*, 1994b — *Kazanski M.* Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zur römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Hrsg. C. von Carnap-

- Bornheim. Lubin; Marburg: Vorgeschichtliches Seminar des Phillips-Universität Marburg, 1994. P. 429–485.
- Kazanski, Mastykova*, 2005 — *Kazanski M., Mastykova A.* Les contacts entre la Gaule du Nord et la côte sud-est de la mer Baltique durant l'époque des grandes migrations et au début de l'époque mérovingienne // *Voies d'eau, commerce et artisanat en Gaule mérovingienne / Coord. J. Plumier, M. Regnard. Namur: Ministère de la Région wallonne, 2005. P. 115–132.*
- Kazanski, Mastykova*, 2018 — *Kazanski M., Mastykova A.* La tombe de Hochfelden // *In Tempore Sueborum. El tiempo de los Suevos en la Gallacia (411–585). Volumen de Estudios / Dir. J. López Quiroga. Ourense: Deputación Provincial de Ourense, 2018. P. 109–114.*
- Kiss*, 1984 — *Kiss A.* Über eine silbervergolete gepidische Schnalle aus dem 5. Jahrhundert von Ungarn // *Folia Archaeologica. 1984. T. 35. S. 57–76.*
- Koenig*, 1980 — *Koenig G. G.* Archäologische Zeugnisse westgotischer Präsenz im 5. Jahrhundert // *Madrider Mitteilungen. 1980. Bd. 21. S. 220–247.*
- Kokowski*, 1996 — *Kokowski A.* O tak zwanych blaszanych fibulach a półokrągłą płytą i rombowałą nóżką // *Studia Gothica I / Red. A. Kokowski. Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1996. S. 153–184.*
- Kontny, Mączyńska*, 2015 — *Kontny B., Mączyńska M.* Ein Kriegergrab aus der frühen Völkerwanderungszeit von Juszkowo in Nordpolen // *Dying Gods — Religious beliefs in northern and eastern Europe in the time of Christianisation / Hrsg. C. Ruhmann, V. Brieske. Hannover; Stuttgart: Konrad Theiss, 2015. S. 241–262.*
- Kühn*, 1935 — *Kühn H.* Die Zikadenfibeln der Völkerwanderungszeit // *Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst. 1935. S. 85–106.*
- Mączyńska*, 2007 — *Mączyńska M.* Pommern in der Völkerwanderungszeit — 20 Jahre nach dem Aufsatz von Kazimierz Godłowski // *Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav, 2007. S. 147–171.*
- Mączyńska*, 2009 — *Mączyńska M.* Trzy fibule cykadowate z kręgu bałtyjskiego // *Bałtowie i ich sąsiedzi. Marian Kaczyński im memoriam / Red. A. Bitner-Wróblewska, G. Iwanowska. Warszawa, 2009. S. 393–404 (Seminarium bałtyjskie; T. II).*
- Mączyńska*, 2013 — *Mączyńska M.* Die Goldfibel von Młoteczno (Hammersdorf), Kr. Braniewo in Nordostpolen // *Archaeologia Lituana. 2013. T. 14. S. 181–198.*
- Madyda-Legutko*, 1986 — *Madyda-Legutko R.* Die Gürtelschnallen der Römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Oxford: B.A.R., 1986. 233 S. (BAR, International Series; 360).
- Madyda-Legutko*, 2011 — *Madyda-Legutko R.* Studia nad zróżnicowaniem metalowych części pasów w kulturze przeworskiej. Okucia końców pasa. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2011. 312 S.
- Mănuclu Adameșteanu*, 1980 — *Mănuclu Adameșteanu M.* Un mormânt germani din necropola cetății Argamum // *Studii și cercetări de istorie veche și arheologie. 1980. Vol. 31–2. P. 311–320.*
- Mitscha-Märheim*, 1971 — *Mitscha-Märheim H.* Frühgeschichtliche Kleinfunde aus Österreich in Verschiedenen Sammlungen // *Archaeologia Austriaca. 1971. Bd. 50. S. 185–196.*
- Nowakiewicz*, 2011 — *Nowakiewicz T.* (red.). Archeologiczne dziedzictwo Prus Wschodnich w archiwum Feliksa Jakobsona. Warszawa: Ministerstwo Kultury i Dziedzictwa Narodowego, 2011. 639 S.
- Nowakowski*, 2000 — *Nowakowski W.* Die Olsztyn-Gruppe (Masurermanische Kultur) in der Völkerwanderungszeit. Das Problem ihrer chronologischen und territorialen Grenzen // *Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa / Hrsg. M. Mączyńska, T. Grabarczyk. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 2000. S. 168–180.*
- Prassolow*, 2018 — *Prassolow J. A.* Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreussens. Mainz: Akademie der Wissenschaften und Literatur, 2018. XXVI, 328 S., 206 Tf.
- Quast*, 2017 — *Quast D.* Sösdala in a western perspective // *The Sösdala horsemen — and the equestrian elite of 5th century Europe /*

- Eds. C. Fabech, U. Näsman. Aarhus: Jutland Archaeological Society, 2017. P. 279–295.
- Rau, 2010 — Rau A. Nydam Mose 1. Die personengebundenen Gegenstände. Grabungen 1989–1999. Moesgård: Jysk Arkæologisk Selskab, 2010.
- Rudnicki, Skvorcov, 2015 — Rudnicki M., Skvorcov K. Znalezisko sprzączki typu Snartemo-Sjörup z Nadrowii 348 A Belt-Buckle type Snartemo-Sjörup from Nadrovia Region // Wiadomości Archeologiczne. 2015. T. LXVI. S. 348–353.
- Rudnicki, Skvorcov, 2017 — Rudnicki M., Skvorcov K. Nowe odkrycia zapinek płytkowych z Sambii i Natangii // Wiadomości archeologiczne. Warszawa, 2017. Vol. LXVIII. S. 302–310.
- Rudnicki, Skvorcov, 2018 — Rudnicki M., Skvorcov K. Nowe znalezisko zapinki cykadowatej z terenu Półwspu Sambijskiego // Studia barbarica. Profesorowi Andrzejowi Kokowskiemu w 65. rocznicę urodzin / Dir. B. Niezabitowska-Wisniewska et al. Lublin: Instytut Archeologii UMCS, 2018. S. 380–391.
- Schulze-Dörrlamm, 1986 — Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts N. Chr. Aus den Gebieten westliche des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1986. Jg. 33. S. 593–720.
- Sommer, 1984 — Sommer M. Die Gürtel und Gürtelbeschläge des 4. und 5. Jahrhunderts im römischen Reich. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität, 1984. 629 S.
- Strogaard, 2003 — Strogaard B. Kosmopolitische Aristokraten // Sieg und Triumph. Der Norden im Schatten des Römischen Reiches / Hrsg. Jørgensen et al. København: Nationalmuseet, 2003. S. 106–125.
- Szameit, 1997 — Szameit E. Ein völkerwanderungszeitliches Werkzeugdepot mit Kleinfunden aus Niederösterreich. Ein Vorbericht // Neue Beiträge zur Erforschung der Spätantike im mittleren Donaauraum / Hrsg. J. Tejral, H. Friesner, M. Kazanski. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 1997. S. 233–258.
- Tautavičius, 1981 — Tautavičius A. Taurapilio «kunigaikščio» kapas // Lietuvos Archeologija. 1981. T. 2. P. 18–42.
- Tejral, 1976 — Tejral J. Grundzüge der Völkerwanderungszeit in Mähren. Praha: Academia, 1976. 117 S. (Studie Archeologického Ústavu Akademie Věd ČR v Brně 4,2.)
- Tejral, 1986 — Tejral J. Fremde Einflüsse und kulturelle Veränderungen nördlich der mittlerer Donau zu Beginn der Völkerwanderungszeit // Archaeologia Baltica. T. VII. «Peregrinatio Gothica» / Hrsg. J. Kmiecinski. Łódź: Katedra archeologii Uniwersytetu Łódzkiego, 1986. S. 175–238.
- Tejral, 2005 — Tejral J. Zur Unterschicherung des vorlangobardischen und elbgermanisch-langobardischen Nachlasses // Die Langobarden. Herrschaft und Identität / Hrsg. W. Pohl, P. Erhart. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2005. S. 103–200.
- Tejral, 2007 — Tejral J. Das Hunnenreich und die Identitätsfragen der barbarischen «gentes» im mitteldonaauraum aus der sicht der Archäologie // Barbaren im Wandel. Beiträge zur Kultur- und Identitätsumbildung in der Völkerwanderungszeit / Hrsg. J. Tejral. Brno: Archeologický Ústav Akademie Věd České Republiky, 2007. S. 55–120.
- Tejral, 2011 — Tejral J. Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebieten zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie des Wissenschaften der Tschechische Republik Brno, 2011. 466 S.
- Tejral, 2015 — Tejral J. Zum Problem der Feinschmiedeproduktion im Mitteldonaauraum während des 5. Jahrhunderts nach Chr. // Památky archeologické. 2015. T. CVI. S. 291–362.
- Tischler, Kemke, 1902 — Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Cristi Geburt. Königsberg: In Kommission bei Wilh. Koch, 1902. 46 S., XXX Tf.
- Vallet et al., 1995 — Vallet F., Kazanski M., De Pirey D. Eléments étrangers en Bourgogne dans la deuxième moitié du Ve siècle // Les Burgondes, apports de l'archéologie / Dir. H. Gaillard de Semainville. Dijon: Association pour la connaissance du Patrimoine de Bourgogne, 1995. P. 111–127.
- Vinski, 1974 — Vinski Z. Kasnoantički starojednosti u salonitanskoj regiji prema arheološkoj ostavštini predslavenskog supstrata // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. 1974. T. 69. S. 5–86.

Aestii and Attila: on the contacts between the population of the Sambia-Natangia culture and the Middle Danube in the Hun and post-Hun time

M. M. Kazanskiy

This paper considers archaeological evidence for contacts between the population of the Sambia-Natangia culture (*Aestii* of the written sources) which occupied the territory of what is now Kaliningrad Oblast of Russia with the Middle Danubian region in the Hun and post-Hun periods (5th— mid-6th century). It is of note that there are altogether no imports from the South-East Baltic region at the Middle Danube during the Hun and post-Hun Age while Danubian artefacts are very rare in the territory of the Sambia-Natangia culture. These are two-plate finger-shaped brooches of the arbalest type representing cicadas, single buckles belonging to the Danubian tradition and related primarily with the costume of eastern Germans. Single grey-ware vessels originating from the Carpathian-Danubian region are also encountered. The small number of objects of this kind suggests an episodic character of contacts of the early Aestii with the Middle-Danubian region. At the same time, Danubian objects of the 5th–6th century are rather well represented among the southern, western and eastern neighbours of the people of the Sambia-Natangia culture: in the region of the Mazur Lakeland, in the basin of the Neman, on the Courland coast of the Baltics and near the mouth of the Vistula. In these territories, not only isolated elements of the Danubian decoration of the 5th — mid-6th century were found but also ‘ducal’ burials and hoards such as e.g. those from Hammersdorf-Młoteczno, Juszkowo and Taurapilas. This fact convincingly indicates the influence of the ‘princely’ Danubian culture upon the barbarians of the South-Eastern Baltic region. There is an impression that the Aestii of the Sambia-Natangia culture were ‘isolated’ by their neighbours and the contacts of the Baltic region with the Middle Danube area occurred to the east and west via the Neman and Vistula without penetrating the zone of the Sambia-Natangia culture to where Danubian imports were most often brought indirectly. The absence of any essential Danubian influence upon the Aestii is indicated also by their armament and military equipment, as well as the rider’s and horse outfit of the Great Migration period. Generally, the military culture of the Aestii in the Hun and post-Hun periods is tied rather with the circum-Baltic region and Northern and Central Germany than with the Middle Danube.

Расписная керамика средневекового Пенджикента¹

Ф. Ш. Аминов²

Аннотация. В статье рассматривается лепная расписная керамика Пенджикента, появившаяся в начале второй четверти XI в. и существовавшая до монгольского нашествия в Среднюю Азию. Расписная керамика распространилась на территории Средней Азии почти одновременно, однако в каждом районе существовали ее локальные варианты. Расписная керамика, исследованная в Пенджикенте, характерна для Центрального Мавераннахра.

Annotation. This paper considers the handmade painted pottery from Panjakent which emerged in the beginning of the second quarter of the 11th century and was used until the Mongol invasion of Central Asia. Painted pottery almost simultaneously was widespread over Central Asia, however in each region, its own local variants were distributed. The painted ware studied in Panjakent is characteristic of Central Maverannay.

Ключевые слова: Средняя Азия, Пенджикент, средние века, расписная керамика, лепная керамика, орнамент.

Keywords: Central Asia, Panjakent, Middle Ages, painted pottery, handmade pottery, ornamentation.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-153-175

Хронологическим индикатором периода развитого средневековья является глазурованная керамика. В Средней Азии она хорошо изучена и, когда отсутствуют монеты, является первостепенным датирующим материалом³. Вместе с глазурованной посудой встречается и другой вид керамики — расписная, которая изучена недостаточно хорошо.

¹ Работа выполнена в рамках ПФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0003 «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э.— I тыс. н. э.) и их взаимодействие с сельскохозяйственными центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии».

² Отдел охранной археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: fruzaminov@gmail.com.

³ Выражаю благодарность научным сотрудникам Гос. Эрмитажа П. Б. Лурье, А. И. Торгоеву и А. А. Чижовой за советы и замечания, которые улучшили данную работу.

Первое упоминание о расписных сосудах встречается в работе В. Л. Вяткина: описывая расписные сосуды с городища Афрасиаб, он дал им образное определение, основываясь на отдаленном внешнем сходстве, — «тип трипольской культуры» (Вяткин, 1926. С. 37–40). До сих пор некоторые исследователи называют этот тип керамики псевдо трипольским. Однако на Афрасиабе ее найдено очень мало. Л. Ф. Соколовская, исследовавшая неполивную керамику Афрасиаба, насчитала не более 30 расписных сосудов (18 из них — кувшины). Она датировала появление расписной керамики в Афрасиабе серединой XII в., не исключая вероятность ее бытования в окрестностях Самаркананда раньше этого времени (Соколовская, 2015. С. 93). Небольшое количество расписной керамики было найдено на памятнике Кулдор-тепа в пригороде Самарканда (Ставиский, 1960. Рис. 2, 1, 4, 5). Необходимо отметить, что самаркандская и пенджикентская расписная

керамика имеет много аналогий в формах сосудов, видах росписи, качестве теста. Однако пенджикентская расписная керамика имеет более разнообразный набор форм и орнаментов.

Большое количество лепной расписной керамики найдено в Ферганской долине. Ю. А. Заднепровский датировал подобную керамику, найденную на ряде памятников (Узген и др.) XI–XIII вв. Он обратил внимание на то, что области ее распространения совпадают с границами Караханидского государства в XI–XII вв. (*Заднепровский*, 1960. С. 226; 1969. С. 39–45). Хотя в Семиречье она довольно редка. Некоторое количество расписной керамики XI–XII вв. найдено на городище Ахсикет (*Усманова*, 1984. С. 214–220; *Анарбаев*, 2013. С. 39, 42–43).

С. Б. Лунина исследовала расписную керамику из нескольких памятников Кашкадарьи, датировала ее X–XII вв. и дала свою интерпретацию ее назначения (*Лунина*, 1987. С. 98–110).

Расписная керамика встречается и в ряде памятников Уструшаны: на городище Мунчак-тепа (*Гайдукевич*, 1947. С. 108), Тирмизактепа (*Негматов и др.*, 1973. С. 126, рис. 53, 8), городище Куль-тепа, Заамин, в крепости Мык (*Грицина, Абдулгазиева*, 2014. С. 58–69), Мык II и Мык III (*Сверчков*, 1991. Рис. 39, 40, 41, 46). А. А. Грицина и Б. Абдулгазиева, сопоставив уструшанские находки с ферганскими расписными сосудами, связывают их появление в Уструшане с ферганским влиянием. По мнению авторов, только в XII — начале XIII в. высвечивается собственный «уструшанский» стиль керамики подобного рода (*Грицина, Абдулгазиева*, 2014. С. 59).

Находки расписной керамики распространены на юге Таджикистана: на городище Хульбук (*Simeon*, 2009. Pl. 61; *Ходжаев*, 2010. Рис. 76, 77), на поселении Мардат-Сай (*Гулямова, Зеймаль*, 1956 С. 95–98), Тепеи-Шутурхона (*Юркевич*, 1962. С. 144–146), Туткаул-тепа (*Юркевич*, 1964. С. 116, рис. 3), Гофилабад (*Атаханов*, 1990. С. 333–336, рис. 7), Ишкабад (*Атаханов*, 1991. С. 273–283, рис. 5), Бурмакала (*Абдуллаев, Атаханов*, 2005. С. 497–498, рис. 7), городище Вашгирд (*Довуди*, 2005. С. 205–223, рис. 2; *Довуди и др.*, 2009. С. 137–

198, рис. 5; 7; 11; 15), Молишо, Пармкамчи, Каромати нав, (*Филимонова, Ахметзянов*, 2012. С. 77–79, рис. 20; 22, 5, 6), с. Маликова и ряде других памятников (*Филимонова, Ахметзянов*, 2013. С. 48, 52–55, рис. 4, 3–9, 11–13; 5, 5, 6, 9, 10, 13). Техника изготовления и декорирования расписных сосудов описана в работе Э. В. Сайко (*Сайко*, 1966. С. 126–129).

При проведении параллелей между синхронной глазурованной и расписной керамикой наблюдаются значительные технологические различия между ними. Глазурованная керамика сделана на круге и относится к профессиональному ремесленному гончарному производству, бывает высочайшего художественного уровня. Орнаментация глазурованных сосудов мастерская, симметричная, орнаментальные мотивы значительно разнообразнее, чем на расписной керамике. Последняя всегда лепная, некачественная, с большими включениями в тесте примесей.

Данная статья посвящена расписной керамике, найденной на памятниках Пенджикента и его округи, в ней будет рассмотрено ее назначение, классификация форм, орнаментация, хронология. Актуальность изучения расписной керамики Пенджикента обуславливается, в первую очередь, ее большой распространенностью. Однако за весь период археологического изучения Пенджикентского района данный тип керамики практически не был введен в научный оборот.

В Пенджикентском районе единичные фрагменты расписной керамики были найдены на памятниках Калаи Нофин, Калаи Муг на Магиане и расположенном в 100 м от него безымянном Тепе А в бассейне Магиандарьи во время разведок Магианской группы при Пенджикентском отряде Таджикской археологической экспедиции, работавшей в 1957–1961 гг. (*Ставиский*, 1961а. С. 101–112, рис. 8; 1961б. С. 102–106; 1961в. С. 57–60).

В 1977 г. А. И. Исаковым были обнаружены фрагментированные и целые расписные сосуды в слоях конца XI — XII в. на поселении Буронбой в селении Кош-тепа, расположенном к югу от древнего Пенджикента (*Исаков*, 1983. С. 212–214).

Несколько фрагментов расписной керамики были собраны в бассейне Кштутдарьи в селении Нигнот, а также в низовье Магиандарьи на поселении Санги Сурах (сел. Суджина) У. Эшонкуловым во время его разведок в 1980-е гг. (Эшонкулов, 2009. С. 165, 168, рис. 72; 75, 1).

Наибольшее количество материалов, рассмотренных в данной статье, происходит из раскопок автора в составе Пенджикентской археологической экспедиции. В IX — начале XIII в. Пенджикент локализовался в восточной части современного города (Аминов, 2018а). В 2015–2019 гг. было проведено исследование четырех объектов (Стадион, Куктош, Куктош 2, Куктош 3), на которых было заложено 15 шурфов общей площадью 250 кв. м. На объекте Стадион, датированном X — началом XI в., не было найдено расписной керамики (Аминов, 2016). Остальные исследованные объекты дали большое количество находок предметов материальной культуры домонгольского периода, в том числе целых и фрагментированных расписных сосудов (Аминов, 2017; 2018б; 2019). В целом найденный за пять лет исследований домонгольского Пенджикента керамический материал представлен глазурованной (60 %), неглазурованной (30 %) и расписной керамикой (10 %) (статистику считаем условной, т. к. считались фрагменты, а не только целые сосуды).

Кроме того, в статье рассматриваются неопубликованные материалы: расписная керамика из поселения Буронбой из раскопок А. И. Исакова в 1977 г. и случайные находки целых сосудов вблизи античного памятника Кургони Каландар в селении Мазори Шариф (24 км к юго-востоку от Пенджикента), найденные в 1987 г.

Рассматриваемая расписная керамика Пенджикента лепная, некачественная. В тесте в большом количестве имеются включения мелкодробленого сланца, шамота, галечки и песка. Включения сланца определяются как в разрезе черепка, так и на его поверхности. Внутренняя поверхность сосудов неровная, грубая, внешняя гладкая. Очень часто внешняя поверхность посуды покрывалась светло-кремовым ангобом, затем сверху наносилась роспись

коричневой, темно-коричневой и черной красками. Котлы и кувшины (очень редко) расписывались красной краской. Один фрагмент крышки расписан белой краской по красному ангобу. В нескольких случаях расписной орнамент сопровождался резным декором.

Мы условно разделяем комплекс лепной расписной керамики Пенджикента по функциональному назначению, исходя из формы, на кухонную, хозяйственную и столовую посуду. Количественно преобладает кухонная посуда. Среди форм рассматриваемого материала мы выделяем кувшины, котлы, «чайники», черпаки, кружки, чаши, крышки, хумчи, широкогорлые сосуды, маслбойки и горшки (рис. 1).

Кувшины. Представлены наибольшим количеством экземпляров. По функциональному назначению кувшины могли использоваться как кухонная, столовая и хозяйственная посуда. Технологические особенности изготовления сосудов этой группы заключаются в том, что тулово и горло некоторых из них изготавливались по отдельности и затем соединялись в сыром виде. По форме мы выделяем четыре типа кувшинов.

I тип — форма тулова шарообразная, без поддона, горло невысокое, ручка овальная или круглая в сечении. Высота 19–31 см, диаметр устья 5–10 см, диаметр дна 7,5–10,5 см. Кувшины этого типа разделены нами на два варианта: *вариант 1* — шарообразное тулово, вертикальное (иногда слегка сужающееся кверху) горло; *вариант 2* — шарообразное тулово, горло сужается посередине и расширяется у плечика и венчика, венчик слегка поднимается симметрично ручке и, таким образом, исполняет функцию слива.

Роспись на кувшинах охватывает горло и верхнюю половину тулова. Кувшины I типа расписаны коричневой, темно-коричневой и почти черной красками. Они украшены геометрическим орнаментом, но иногда в сочетании с ним встречается и растительный. Так, на тулове одного из кувшинов изображена горизонтальная лента из двойной зигзагообразной линии с заполнением из треугольников и кружков. Между зигзагообразными фигурами на тулове и по горлу расположены

КУВШИНЫ (А)						
Тип I		Тип II			Тип III	Тип IV
Вариант 1	Вариант 2	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3		
КОТЛЫ (Б)		ЧАЙНИКИ (В)		ЧЕРПАКИ (Г)	ЧАША (Д)	
Тип I	Тип II					
КРЫШКИ (Е)						
Тип I				Тип II		
Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3	Вариант 4	Вариант 1	Вариант 2	
КРУЖКИ (Ж)		ХУМЧИ (З)		ГОРШКИ (И)		
Тип I	Тип II	Вариант 1	Вариант 2			

Рис. 1. Пенджикент. Типология расписных сосудов

Fig. 1. Panjakent. Types of painted pottery

горизонтальные и вертикальные кривые линии с отходящими с двух сторон короткими полосками, напоминающими ветки деревьев (рис. 2, 1).

На другом кувшине по тулову расположена лента из четырех повторяющихся соединяющихся полукруглых линий, со свисающими вниз «кисточками». Над лентой изображен

горизонтальный ряд вписанных двойных кружков. Горло расписано соединенными полуовальными линиями (рис. 2, 2).

Кроме вышеупомянутых мотивов, встречаются следующие расписные орнаменты:

— широкий горизонтальный пояс, образованный двумя параллельными

Рис. 2. Пенджикент. Расписная керамика. Кувшины (категория А), тип I, вариант 1.

Условные обозначения: а-г — цвета орнамента: а — темно-коричневый, б — светло-коричневый, в — красный, г — черный, д — слом, утраченная поверхность

Fig. 2. Panjakent. Painted pottery. Jugs (category A), type I, variant 1. Legend: a-g — colors of the ornament: a — dark brown, б — light brown, в — red, г — black, д — scrapped, lost surface

заштрихованными лентами. Между лентами располагаются двойные зигзагообразные линии с гребенкой внутри (рис. 2, 3);

— горизонтальный пояс из соединенных вершинами конусов (в виде песочных часов), между которыми почти овальная фигура с полукруглыми полосками внутри и тремя вертикальными полосками над ней (рис. 2, 4);

— несколько рядов диагонально расположенных кружков и овалов с сеточным заполнением (рис. 2, 5);

— вертикально расположенные параллельные ленты из переплетенных полосок, соединенных треугольников с полуовальными пустотами внутри и заштрихованной ленты (рис. 2, 8);

— ромб из двойных линий, внутри в углах нарисованы кисточки, посередине спираль (рис. 2, 7);

— соединенные ромбические фигуры (от них сохранилась лишь половина), заполненные спиралями, кисточками, звездочками и треугольниками (рис. 2, 11);

— полукруглая лента с волнистой линией внутри (рис. 2, 9);

— ромбическая фигура из лент с соединенными треугольниками, внутри нее крест. На расписной керамике Пенджикента кресты (сильно отличающиеся друг от друга) встречаются на четырех фрагментах (об этом далее). Подобная орнаментация не встречается на керамике Средней Азии этого времени (рис. 2, 6);

— лента из парных соединенных полукруглых линий, со спиралевидной фигурой на одной из вершин. Над лентой остатки спиралевидных фигур (рис. 2, 12);

— широкая лента с заполнением в виде рядов произвольно расположенных шестиугольников, вероятно, имитирующих фасетки. Фасетчатый декор характерен для стеклянных сосудов, подобные изображения на керамике прежде не встречались (рис. 2, 17);

— вертикально расположенные заштрихованные ленты (рис. 2, 13);

— две горизонтальные ленты, состоящие из поочередно расположенных закрашенных треугольников и треугольников с сеточным

заполнением. Закрашенные треугольники расположены вершинами вверх, а треугольники с сеточным заполнением, вершинами вниз (рис. 2, 16);

— вертикально расположенные заштрихованные ленты, между которыми расположены треугольники вершинами вверх и вниз (рис. 2, 15);

— остатки треугольников с сеточным заполнением, почти полукруглых заштрихованных лент (рис. 2, 18);

— лента из повторяющихся соединенных полукруглых линий. Над лентой произвольно расположенные соединенные полукруглые фигуры с сеточным заполнением (рис. 3, 2);

— заштрихованные ленты и круглая фигура с острой вершиной и сеточным заполнением (рис. 3, 3);

— единичные спирали (рис. 3, 1);

— почти круглая фигура с острым концом и сеточным заполнением (рис. 3, 4);

— соединенные диагональные линии, заштрихованные ленты, переплетенные полоски и треугольники с пустотами внутри (рис. 2, 10);

— спираль, обрамленная кольцом из точек (этот элемент встречен в единичном случае). Вместе с решетчатым орнаментом изображена на ручке кувшина (рис. 2, 14).

При проведении стилистического анализа орнаментации кувшинов I типа обращает на себя внимание характерная особенность. При повторяющихся элементах, к которым относятся треугольники, ленты из соединенных треугольников, заштрихованные ленты, их расположение и сочетание с другими элементами формируют уникальный, не имеющих повторений декор.

Ко II типу относятся несколько целых и фрагментированных кувшинов. По форме и технологическим особенностям мы разделили их на три варианта. Связующим среди них является вариант 1. Технологически и по росписям он аналогичен варианту 2, а по форме варианту 3. Орнаментация первых двух вариантов сильно отличается от той, что встречается на кувшинах и в целом на других типах расписной керамики.

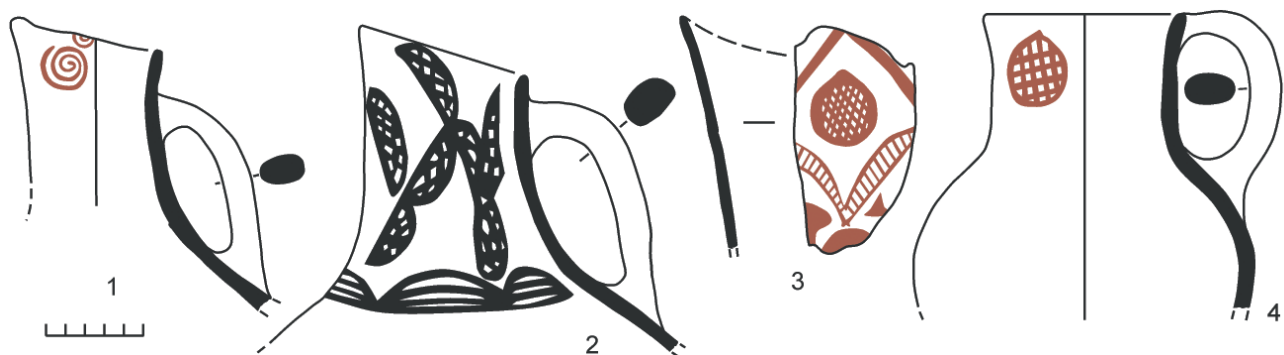

Рис. 3. Пенджикент. Расписная керамика. Кувшины (категория А), тип I, вариант 2

Fig. 3. Panjakent. Painted pottery. Jugs (category A), type I, variant 2

Вариант 1 — с высоким горлом и приплюснутым туловом. Диаметр венчика 5 см, диаметр дна 11 см, высота горла 14,5–17,0 см (рис. 4, 1, 2, 3).

Вариант 2 — фрагменты горла. Тулова не сохранились. Очевидно, по форме аналогичен варианту 1 типа I кувшинов. Высота горла — 10–12 см, диаметр венчиков 7–10 см (рис. 4, 4, 5, 6, 7, 8).

Оба варианта имеют одинаковую роспись, совпадают по цвету и качеству черепка. Кроме того, на трех фрагментах горла имеются миниатюрные ручки (рис. 4, 3, 5, 7).

Роспись на этих кувшинах охватывает всю внешнюю поверхность сосуда, от венчика до дна. Орнамент из изогнутых и косых линий и запятых изображен красной краской. Только в одном случае использовалась коричневая краска (рис. 4, 5). На одном фрагменте тулова роспись из расходящихся диагональных линий (рис. 4, 1).

Два фрагмента горла имеют резной геометрический орнамент в виде горизонтальных и вертикальных линий, образующих пояски, и одного-двух рядов насечек внутри них (рис. 4, 7, 8). Вместо миниатюрной ручки один из них украшен двумя налепными колечками в виде цепи (рис. 4, 8). Кувшин, аналогичный кувшинам II типа, имеется среди материалов Афрасиаба и датируется XII — началом XIII в. (Соколовская, 2015. Рис. 107, 1).

Миниатюрные ручки на кувшинах II типа, возможно, служили украшением, а также функционально могли использоваться для подвешивания.

Вариант 3 — кувшины с приплюснутой формой тулова без поддона и высоким горлом. Ручка начинается чуть ниже венчика и доходит до плечика. Она овальная в сечении. Горло усеченно-конической формы. Высота кувшинов 23,0–25,5 см, диаметр устья 4 см, диаметр дна 7,0–8,5 см. Высота тулова 8,5 см, высота горла 14,5–17,0 см. Снаружи розовый и светло-кремовый ангоб. Орнамент охватывает горло и верхнюю половину тулова.

На одном из кувшинов коричневой краской изображены спирали, диагональные линии и вытянутый треугольник с круглой пустотой внутри (рис. 4, 10). На втором темно-коричневой краской нарисованы вертикальные ленты из соединенных треугольников и переплетенных полосок (рис. 4, 11). На третьем роспись стерта, местами видны только ее следы, коричневой краской (рис. 4, 9).

III тип — целый кувшин с биконической формой тулова, почти вертикальным горлом, без поддона и без ручки. Высота кувшина 23 см, диаметр устья 8,5 см, диаметр дна 10 см. Орнамент, нанесенный темно-коричневой краской, охватывает плечики и всю часть горла. Роспись состоит из четырех широких горизонтальных лент, заполненных спиралью и кружками (рис. 5, 1).

IV тип — это кувшинчики-поильники. В нашем распоряжении имеются два целых и несколько фрагментов поильников. Горло и носик сосуда направлены вверх, располагаются симметрично, посередине между ними расположена ручка. Высота сосудов 14,5 см,

Рис. 4. Пенджикент. Расписная керамика. Кувшины (категория А), тип II: 1-3 — вариант 1; 4-8 — вариант 2; 9-11 — вариант 3 (а — форма, б — фрагмент с росписью)

Fig. 4. Panjakent. Painted pottery. Jugs (category A), type II: 1-3 — variant 1; 4-8 — variant 2; 9-11 — variant 3 (a — shape, b — fragment with painting)

диаметр устья 2,5-3,0 см, диаметр дна 5,5 см. Все они расписаны темно-коричневой краской. На первом нарисованы спирали (рис. 5, 3). На втором — параллельно расположенные вертикальные заштрихованные ленты, разде-

ленные вертикальными линиями (рис. 5, 2). На обоих кувшинах орнамент охватывает всю часть горла и носика и верхнюю половину тулова. Кроме целых экземпляров найдены два носика поильников. Один из них расписан

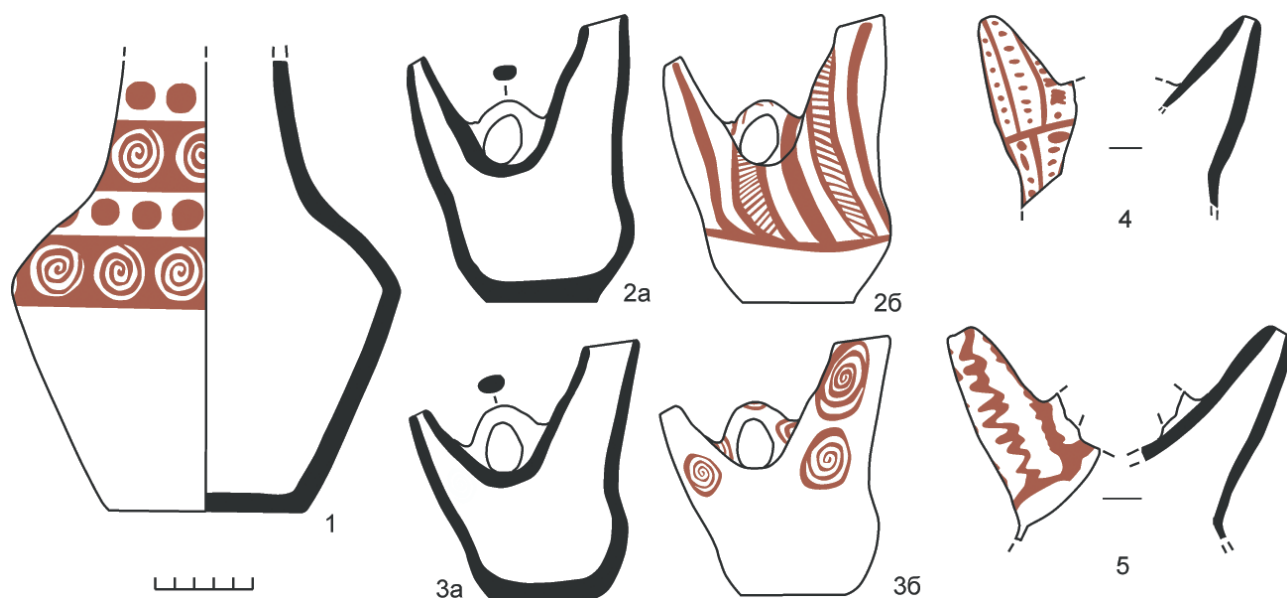

Рис. 5. Пенджикент. Расписная керамика. Кувшины (категория А): 1 — тип III; 2–5 — тип IV (а — форма, б — фрагмент с росписью)

Fig. 5. Panjakent. Painted pottery. Jugs (category A): 1 — type III; 2–5 — type IV (a — shape, б — fragment with painting)

лентами с точечным заполнением (рис. 5, 4), второй волнистыми линиями (рис. 5, 5).

Помимо рассмотренных выше кувшинов, объединенных нами в группы, имеется также много фрагментов горловин и ручек от кувшинов с разнообразной орнаментацией. Горловины украшены геометрическим и растительным декором в виде лент из соединенных треугольников, заштрихованных лент, лент из диагональных пересекающихся полосок, треугольников с кружком посередине, кружков и завитков. Ручки расписаны диагональными, в некоторых случаях пересекающимися линиями, иногда расписной орнамент нанесен поверх резного декора, состоящего в основном из параллельных диагональных линий.

Среди кухонной посуды встречаются котлы, «чайники», черпаки и крышки. Имеются фрагменты горшков и одна целая чаша, покрытые нагаром, их также можно отнести к кухонной посуде.

Котлы разделяются на два типа.

I тип — тонкостенные (толщина стенки 3–6 мм) котлы сфероидной формы, с изгибом в центральной части. У устья расположена подковообразная ручка, с отверстием в середине. Венчик и нижняя часть тулова покрыты

красным ангобом, в верхней части тулова красным цветом изображены кружки, спирали, кружки в обрамлении из точек, диагональные ленты из двух параллельных тонких линий с волнистой линией посередине (рис. 6, 1, 2). Подобные котлы в Пенджикенте встречаются часто. Еще одна особенность их в том, что в тесте имеется большое количество извести. Аналогичный котел был найден на городище Кулдор-тепа, он датируется концом XI — XII в. (Ставиский, 1960. С. 118, рис. 2, 1). Аналогичные по форме расписные котлы известны по материалам Термеза и датируются XII — началом XIII в. (Пидаев, 1997. Рис. 2, 1, 2, 3). Кроме того, подобный по форме и росписи котел встречен среди материалов Ялпак-тепа (Кашкадарьинский оазис), где датирован XI–XII вв. (Лунина, 1987. С. 101, рис. 4, 1).

II тип — представлен в единственном экземпляре. Это котел шарообразной формы, с налепной дуговидной ручкой. Поверхность котла расписана коричневой краской толстыми кривыми линиями (рис. 6, 3).

Все котлы закопчены.

«Чайники» — условное название из-за сходства формы сосудов этого типа с современными чайниками. В нашем распоряжении

Рис. 6. Пенджикент. Расписная керамика: 1-3 — котлы (категория Б): 1, 2 — тип I; 3 — тип II; 4-6 — чайники (категория В); 7, 8 — черпаки (категория Г); 9, 10 — кружки (категория Ж): 9 — тип I; 10 — тип II

Fig. 6. Panjakent. Painted pottery: 1-3 — cauldrons (category Б): 1, 2 — type I; 3 — type II; 4-6 — teapots (category В); 7, 8 — scoops (category Г); 9, 10 — mugs (category Ж): 9 — type I; 10 — type II

имеются три археологически целых сосуда. Они представляют собой сосуды с почти полусферическим туловом, плоским дном, петлевидной ручкой и направленным вверх по диагонали носиком, расположенным симметрично ручке. Высота чайников 7,5–17,3 см, диаметр устья 9,5–15,0 см, диаметр дна 8,8–13,4 см.

На первом, самом маленьком, сосуде роспись стерта, едва заметны лишь диагональные полосы у венчика (рис. 6, 4). На втором роспись охватывает верхнюю половину тулова, носик и ручку. На тулове два параллельных ряда из полукруглых и круглых фигур с сеточным заполнением. На носике также изображена полукруглая фигура с сеточным заполнением (рис. 6, 5). На третьем чайнике орнамент охватывает почти всю часть тулова. Роспись в виде круглой розетки из ленты со спиралью в заполнении. В середине розетки изображен крест, по композиции близкий к мальтийскому, — он образован из четырех треугольников, расходящихся вершинами от разных углов от ромба посередине (рис. 6, 6).

Черпаки. В коллекции имеются два экземпляра, у которых сохранились только основания ручек. По форме они цилиндрические. Один из них — с большим количеством сланца в тесте (рис. 6, 8). Высота стенок 4,5–5,0 см, диаметр венчика 7,6–11,0 см, диаметр дна 7 см. На поверхности первого черпака еле заметны следы росписи коричневой краской (рис. 6, 7). На втором роспись не сохранилась.

Кружки представлены двумя целыми экземплярами.

Первая с шарообразным туловом, невысоким бортиком, слегка расширяющимся наружу. Имеет петлевидную ручку, овальную в сечении. Симметрично ручке располагается слив, образованный путем поднятия венчика. Высота кружки 11,5 см, диаметр венчика 11 см, диаметр дна 8,5 см. Снаружи покрыта красным ангобом, по нему выполнена роспись черной краской. В верхней части тулова нарисованы соединенные полукруги, по бортику проходит закрученная лента (рис. 6, 9).

Вторая имеет коническую форму, с петлевидной круглой в сечении ручкой в средней части тулова. Высота кружки 12 см, диаметр

венчика 28 см, диаметр дна 13 см. Снаружи темно-коричневой краской изображены две крестообразно пересекающиеся пары из трех параллельных линий. Внутри по бортику нарисованы фестоны из нескольких линий. Посередине дно украшено спиралью (рис. 6, 10).

Чаша. Среди находок имеется одна целая чаша. Копоть на внешней и внутренней поверхностях свидетельствует об ее кухонном использовании. Чаша имеет коническую форму, без поддона. Ее высота 9 см, диаметр венчика 20,5 см, диаметр дна 10 см. Роспись темно-коричневой краской охватывает внутреннюю и внешнюю поверхности. Снаружи нарисован зигзагообразный орнамент из трех параллельных линий. Внутри по бортику заштрихованные фестоны с ритмично свисающими овалами, образующими шестиугольник, в середине дна изображена спираль (рис. 7, 1).

Крышки по форме были условно разделены на два типа. Диаметры крышек от 15 до 23 см.

I тип — дисковидной формы. Большая фрагментированность не позволяет во многих случаях определить наличие ручек. Крышки этого типа имеют четыре варианта.

Вариант 1 — в единственном экземпляре имеется целая толстостенная (толщина стенки 2,8 см) крышка с цилиндрической слегка отогнутой ручкой. Сверху на ручке наклеен спиралевидный жгутик. Роспись выполнена темно-коричневой краской, которая плохо прослеживается. По краю крышки изображены трехполосные фестоны (рис. 7, 2).

Вариант 2 — с прямым краем. Крышки орнаментированы фестонами, спиралью, пересекающимися линиями, заполненными пятнами и кольцами (рис. 7, 3, 5, 7, 8). Два фрагмента крышек имеют орнаментацию с крестообразными фигурами. На первом соединенные вершинами треугольники образуют крест наподобие мальтийского (рис. 7, 4). На втором в круглой закрашенной розетке расположены четыре незакрашенные крестообразно расположенные непересекающиеся полосы, по сторонам которых имеются незакрашенные кружки («пустоты») (рис. 7, 6). Орнаментация выполнена темно-коричневой краской.

Вариант 3 — со слегка закругленным и приподнятым краем. На поверхности темно-коричневой краской нанесены заштрихованные ленты, спирали и полосы (рис. 7, 9–11).

Вариант 4 — в единственном фрагменте. В стенке имеется выемка. Поверхность окрашена красным ангобом. Роспись состоит из нескольких рядов толстых линий с точками посередине, нанесена белой краской (рис. 7, 12).

II тип — крышки почти полусферической формы. Имеются две целые крышки.

Одна из них с цилиндрической ручкой и краем, слегка загнутым наружу. Эта крышка орнаментирована коричневой краской прямыми и зубчатыми параллельными лентами (рис. 7, 13).

Вторая крышка толстостенная (толщина стенки 2 см) и без ручки. Роспись состоит из крестообразно пересекающихся тонких линий, разделяющих поверхность крышки на четыре сектора. В двух из них симметрично изображены закрашенные треугольники с незакрашенными кружками у каждого из углов и большой розеткой посередине, внутри нее круг с сеточным заполнением. В двух других секторах изображены ленты из соединенных треугольников (рис. 7, 14).

Небольшой комплекс расписных крышек XII — начала XIII в. найден в Навоийской области Узбекистана, у мечети, известной как Кургантепа. В данном случае они имеют диаметр до 32 см и сделаны на гончарном круге. Роспись этих крышек сильно отличается от пенджикентских (*Мирзаахмедов и др.*, 2004. С. 151, рис. 3, 1–4; 4, 1–2).

Хозяйственная посуда представлена хумчами, фрагментами широкогорлых сосудов, маслобойки и горшков⁴.

⁴ Автор благодарит Д. А. Жулину, К. А. Трофимову, П. С. Любимову, Н. У. Касымову за цветные рисунки

Хумча представлена *I* типом, двумя целыми сосудами. Мы разделяем их на два варианта.

Вариант 1 — высота 58 см, диаметр устья 22 см, диаметр дна 22 см. Тулово расширяется кверху, венчик слегка отогнут. Горло невысокое. Орнамент, выполненный коричневой краской, охватывает верхнюю часть тулова и горло. Роспись состоит из нескольких горизонтальных рядов спиралей, под ними сильно стилизованный побег (рис. 8, 1).

Вариант 2 — высота 50 см, диаметр устья 22 см, диаметр дна 20 см. Тулово расширяется кверху, венчик слегка отогнут. Горловина почти вертикальная, высотой 12 см. Расписной орнамент, выполненный темно-коричневой краской, охватывает верхнюю часть тулова и горло. По горлу изображена лента из парной зигзагообразной линии, под ней фестоны из нескольких тонких линий. По тулову широкая зигзагообразная лента из параллельных волнистых линий с прямой линией посередине. Между зигзагами нарисованы спирали (рис. 8, 2).

Широкогорлые сосуды. Несколько фрагментов горла сосудов диаметром 15–17 см. Венчик слегка отогнут наружу. Снаружи сохранился геометрический орнамент, нанесенный черной краской (рис. 9, 7, 8).

Маслобойка. Среди материалов имеется фрагмент маслобойки с характерным отверстием и полукруглой в сечении ручкой. Сосуд толстостенный. Над ручкой имеются наклепанные таблетки. Роспись красной краской состоит из завитков и кружков. Ручка расписана диагональными линиями (рис. 9, 5).

Горшки. Среди наших материалов встречаются один целый горшок и два фрагмента.

сосудов в рамках работ Пенджикентской археологической экспедиции.

Рис. 7. Пенджикент. Расписная керамика: 1 — чаша (категория Д); 2–14 — крышки (категория Е): 2 — тип I, вариант 1; 3–8 — тип I, вариант 2; 9–11 — тип I, вариант 3; 12 — тип I, вариант 4; 13–14 — тип II: 13 — вариант 1; 14 — вариант 2

Fig. 7. Panjakent. Painted pottery: 1 — bowl (category Д); 2–14 — lids (category Е): 2 — type I, variant 1; 3–8 — type I, variant 2; 9–11 — type I, variant 3; 12 — type I, variant 4; 13–14 — type II: 13 — variant 1; 14 — variant 2

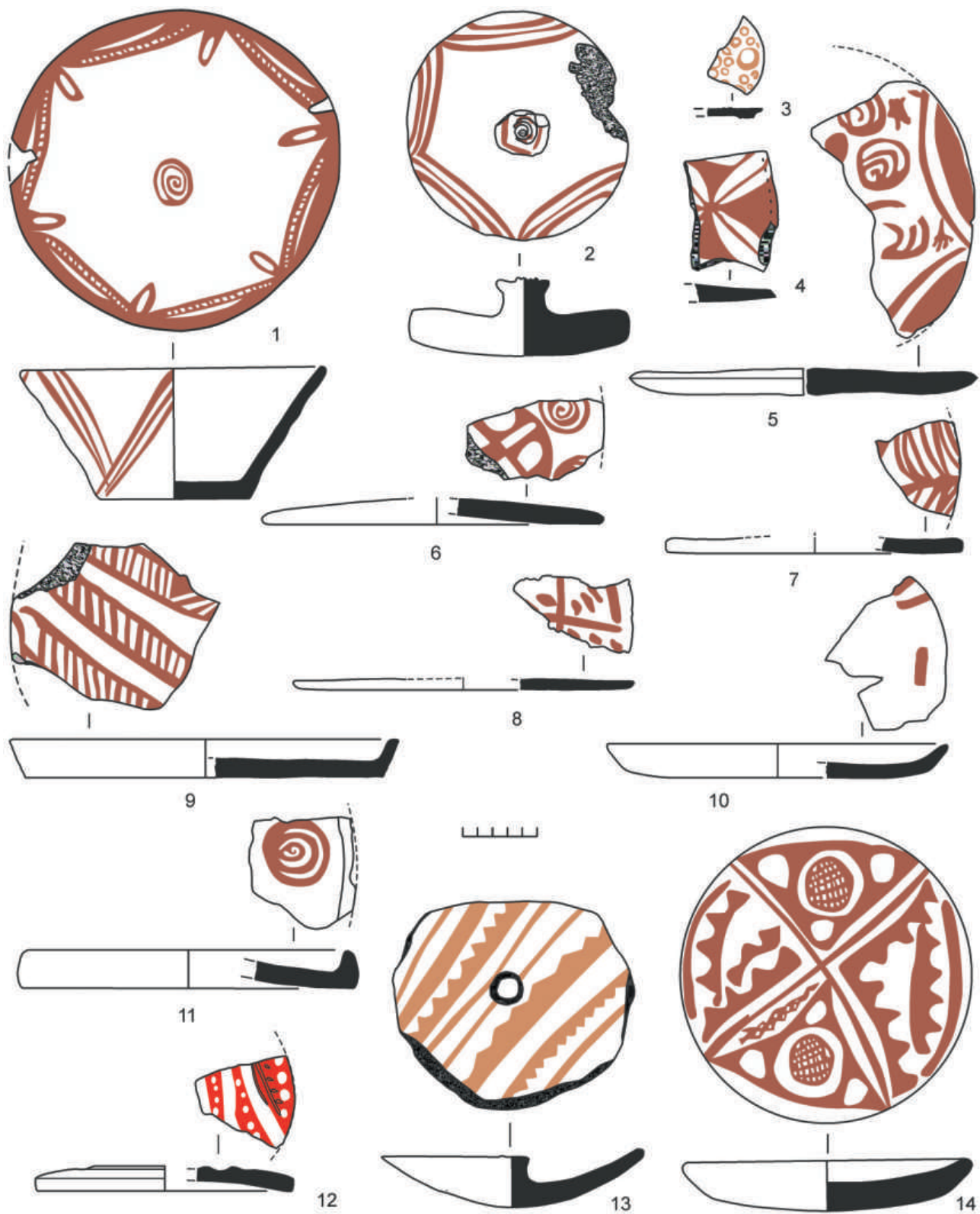

Рис. 8. Пенджикент. Расписная керамика: хумчи (категория 3): 1 — вариант 1; 2 — вариант 2
 Fig. 8. Panjakent. Painted pottery: storage vessels (category 3): 1 — variant 1; 2 — variant 2

Они орнаментированы темно-коричневой краской.

Первый из них археологически целый, ручка отсутствует. Его высота 8 см, диаметр венчика 6 см, диаметр дна 6 см. Орнамент охватывает верхнюю часть сосуда. Он состоит из секторов, разделенных диагональными пересекающимися полосками. Внутри секторов нарисованы несколько concentрических кружков, посередине тулова — вихревая розетка (рис. 9, 1).

У второго сосуда ручка не сохранилась. По бортику горизонтальная лента из соединенных ромбиков. Посередине ромбиков незакрашенные кружки с полоской, разделяющей их пополам. Под ними заштрихованная лента (рис. 9, 4). Аналогичный орнамент имеется на кувшине из Афрасиаба (хранится в фондах Отдела Востока Гос. Эрмитажа).

Третий обломок горшка с петлевидной ручкой. Роспись на ручке состоит из пересекающихся диагональных линий и кружка в кольце (рис. 9, 6).

Кроме вышеперечисленных в коллекции фиксируется большое количество фрагментов расписных сосудов, форму которых определить невозможно. Среди них имеются два фрагмента сосудов с уникальной орнаментацией. На одном из них изображена розетка из заштрихованной ленты овальной формы, внутри которой расположена круглая закрашенная фигура с прорисованным тонкими линиями крестом посередине (рис. 9, 3). На втором изображена часть розетки, разделенная двумя крестообразно пересекающимися линиями с кружком в месте пересечения на четыре сектора, внутри которых закрашенные кружки, обрамленные кольцом из точек (рис. 9, 2).

Таким образом, среди элементов орнамента рассматриваемых сосудов всех типов преобладают геометрические. Изредка встречается растительный орнамент. Декор некоторых сосудов из Пенджикента имеет аналогии среди материалов Самарканда. Росписи на керамике, найденной в Пенджикенте, значительно отличаются от синхронной расписной

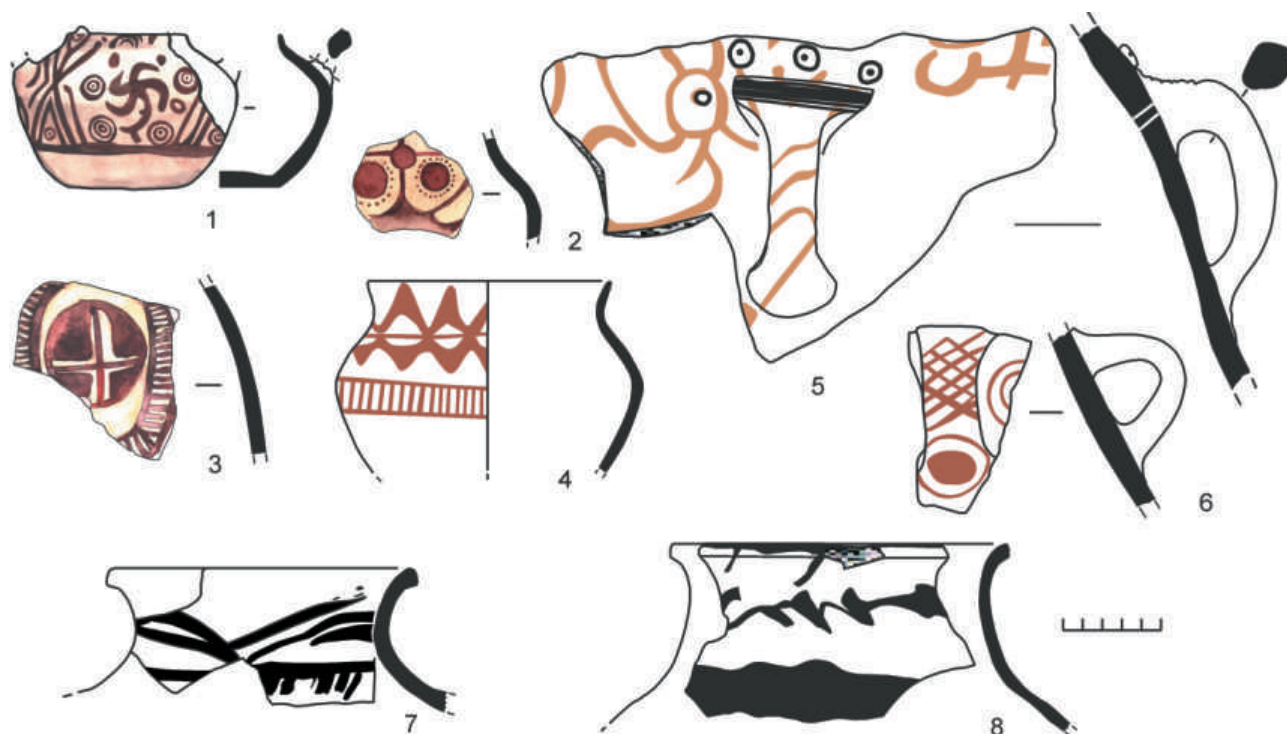

Рис. 9. Пенджикент. Расписная керамика: 1, 4, 6–8 — горшки (категория И); 2, 3 — фрагменты кувшинов; 5 — фрагмент маслобойки

Fig. 9. Panjakent. Painted pottery: 1, 4, 6–8 — pots (category И); 2, 3 — fragments of jugs; 5 — fragment of a churn

керамики Ферганской долины, Уструшаны, памятников Южного Таджикистана, Кашкадарьинского оазиса, где преобладает растительный орнамент. Формы сосудов иногда совпадают, но некоторые характерны только для центрального Согда (Самарканд и Пенджикент). К ним относятся кувшины с высоким горлом (II и III типы).

Нами выделено 64 элемента расписного орнамента (рис. 10). Среди них чаще встречаются спирали, заштрихованные ленты и ленты с соединенными треугольниками. Но сочетание разных элементов на всех сосудах разное и не повторяется. Например, спирали не сочетаются с лентами из соединенных треугольников и заштрихованными лентами (рис. 11). Различается орнаментация на глазурованной и расписной керамике. Среди расписной керамики Пенджикента не выявлено элементов, тождественных с орнаментами глазурованной посуды, кроме двух чаш с глазурью, орнаментированных спиралями.

Эти чаши найдены в ходе раскопок домонгольского Пенджикента в 2018 г. и датируются XII в. (Аминов, 2019. Ил. 191, 6; 193, 2).

С. Б. Лунина выдвинула предположение, что расписная керамика являлась ритуальной посудой и использовалась в проведении культовых обрядов (Лунина, 1987. С. 104–109).

Расписная керамика представлена количественно значительно меньше, чем глазурованная, но она выполняла важную роль в быту, так как, по всей видимости, вместе с неглазурованной она заменяла глазурованную на кухне и в хозяйстве. Глазурованная керамическая посуда в основном использовалась для сервировки стола и украшения дома. За пять лет раскопок домонгольского Пенджикента было найдено лишь несколько фрагментов глазурованных сосудов закрытой формы, что свидетельствует об их замещаемости неполивной и расписной керамикой.

Относительно времени формирования средневековой расписной керамики мнения

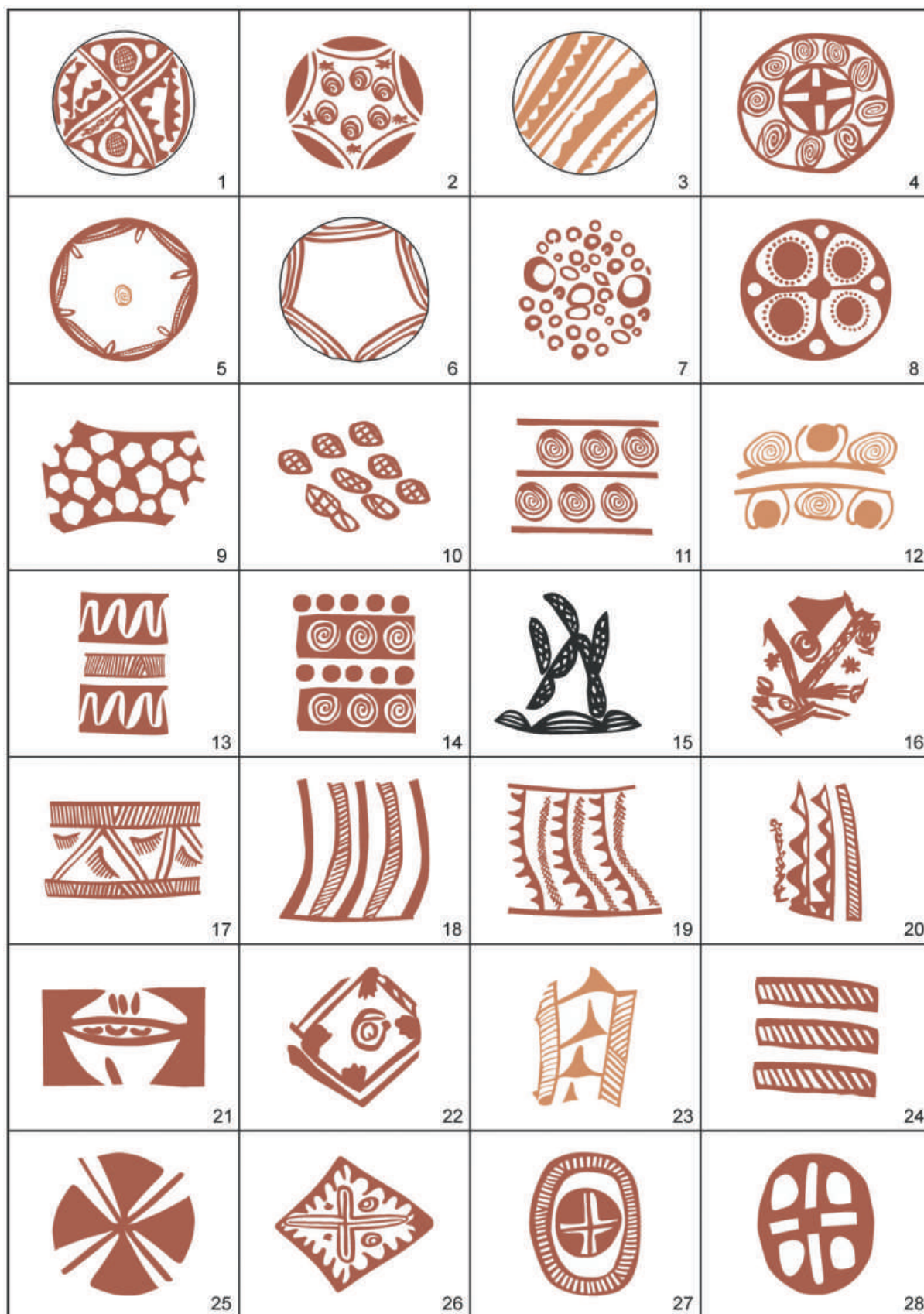

Рис. 10. Пенджикент. Расписная керамика. Элементы орнаментации

Fig. 10. Panjakent. Painted pottery. Elements of ornamentation

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
А									●	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●	●			●	●		●	●	●	●
Б																															
В				●																											
Г																															
Д					●																										
Е	●	●	●			●	●																	●	●			●			
Ж						●																									
З						●																									
И								●													●			●							

Рис. 11. Пенджикент. Расписная керамика. Совстречаемость признаков «форма / орнамент»

Fig. 11. Panjakent. Painted pottery. Mutual occurrence of the indicators 'form / ornamentation'

исследователей расходятся. Б. А. Литвинский считал возникновение и распространение расписной керамики следствием переселения в города в X и XI–XII вв. большого количества сельского населения, принесшего с собой излюбленные формы и приемы гончарного дела (Литвинский, 1954. С. 62). Б. Я. Ставиский относил расписную керамику к одной из характерных особенностей древнетаджикской культуры (Ставиский, 1961. С. 48). Ю. А. Заднепровский, напротив, связал появление расписной керамики с влиянием тюркского кочевого населения и отметил необходимость дополнительного изучения данного вопроса (Заднепровский, 1969. С. 44). А. А. Грицина и Б. Абдулгазиева сопоставляют распространение расписной керамики в городах и селах с очередной волной кочевников,двигающейся по коридору, проложенному племенами караханидского круга (Грицина, Абдулгазиева, 2014. С. 68).

В. И. Распопова обратила внимание на то, что «в XI–XII вв. появляется мода на расписную керамику, которая, однако, не находит корней в материалах раннего средневековья, а также в материалах из восточных первоначальных территорий караханидов. Быстрое распространение моды на лепную расписную керамику на большой территории возможно лишь при развитых связях между районами». Она также отметила, что в это время в сферу влияния городских рынков, скорее всего, были включены домашние промыслы сельских жителей (Распопова, 1972. С. 156).

Однако все вышеприведенные версии не дают однозначного ответа на вопрос о причинах внезапного появления расписной керамики.

Новую идею на этот счет высказал Д. К. Мирзаахмедов. По его мнению, основными причинами ухудшения качества керамики были глобализационные процессы аграризации во второй половине XII — начале XIII в. в небольших и средних городах Средней Азии. Начало этого процесса он увязывает, на основании состояния поливной керамики, с последствиями серебряного кризиса в 20-х гг. XI в. и значительным снижением уровня жизни населения (Мирзаахмедов, 2013. С. 372).

Эта гипотеза представляется нам логичной, так как помимо рассмотренной расписной керамики в пределах второй четверти XI в. в Пенджикенте появляется локальная глазурованная керамика, по художественным качествам уступающая керамике X — начала XI в. Таким образом, по нашим материалам также можно предположить связь появления расписной керамики с процессами аграризации и ухудшением жизни населения.

В 2010 г. были проведены небольшие раскопки на городище Муборакшах, расположенном в 14 км восточнее Пенджикента, между селениями Суджина и Чорбог. Среди материалов найдены клад монет и поливная керамика, датированная X — первой половиной XI в., но отсутствовала расписная керамика (Довуди, Курбонов, 2012; Аминов, 2013).

32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63	64
●	●	●		●	●	●	●	●	●	●				●			●	●			●	●	●		●			●	●	●	●	
											●		●																		●	●
				●																												●
					●										●							●										●
																																●
																										●	●	●				●
											●		●			●						●										●
			●									●																				●

С. 64–66). Как было отмечено ранее, ни единого фрагмента расписной керамики также не было найдено во время шурфовки на объекте Стадион на территории колхозного стадиона г. Пенджикент в 2015 г. Материалы с этого объекта были датированы X — первой половиной XI в. (Аминов, 2016). На объекте Куктош 2 были раскопаны три одновременных слоя. Верхние слои были датированы XI — началом XIII в., второй слой (шурф 2) датирован по находкам X — началом XI в. Под шурфом 2 был раскопан бадраб (мусорная яма), материалы которого датированы IX в. В слоях IX — начала XI в. на объекте Куктош 2 расписная керамика отсутствовала.

На объекте Куктош 3 в шурфе 1 были четко зафиксированы два одновременных культурных слоя. В нижнем слое, датированном по поливной керамике X — началом XI в., расписная керамика не найдена.

Исходя из вышеприведенных наблюдений время появления расписной керамики в Пенджикенте можно отнести к началу второй четверти XI в. Таким образом, период существования расписной керамики в Пенджикенте

датируется второй четвертью XI — началом XIII в. Дальнейшее бытование расписной керамики не установлено, поскольку более поздние слои в Пенджикенте и его округе не выявлены.

Анализ орнаментальных мотивов показывает, что пенджикентская расписная керамика не была серийной и роспись в каждом случае наносилась индивидуально.

Женскому гончарному делу XX в. посвящено отдельное этнографическое исследование Е. М. Пещеревой. По ее материалам нам известно о небольшом производстве расписной керамики в XX в. Изготовление расписных глиняных сосудов являлось домашним ремеслом женщин Таджикистана. Это занятие в основном было характерно для женщин горных сел и передавалось по наследству по женской линии. Не все женщины занимались гончарством, производство керамики не было повсеместным. Готовая продукция развозилась по окрестным селам и обменивалась на разные продукты (зерно, тутовые ягоды, орехи и т. д.) (Пещерева, 1959). Возможно, эта традиция являлась продолжением средневековой.

Абдуллаев, Атаханов, 2005 — Абдуллаев А. Л., Атаханов Т. М. О работе Султанабадского отряда в 1986 г. // Археологические работы в Таджикистане (1986 г.). Душанбе; Худжанд, 2005. Вып. XXVI. С. 495–508.

Аминов, 2013 — Аминов Ф. Ш. Начало исследований городища Муборакшах в Верхнем Зеравшане // Актуальная археология: археологические открытия и современные методы

исследования. Тез. науч. конф. молодых ученых Санкт-Петербурга. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 64–67.

Аминов, 2016 — Аминов Ф. Ш. Отчет о раскопках на объекте Стадион в 2015 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции / Под. ред. П. Б. Лурье. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2016. Вып. XIX. С. 22–26.

- Аминов, 2017 — Аминов Ф. Ш. Отчет об исследованиях домонгольских слоев в Куктоше в 2016 году // *Материалы Пенджикентской археологической экспедиции* / Под ред. П. Б. Лурье. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2017. Вып. XXI. С. 31–38.
- Аминов, 2018а — Аминов Ф. Ш. Локализация Пенджикента IX — начала XIII в. // *Актуальная археология 4: Комплексные исследования в археологии: Материалы Междунар. науч. конф. молодых ученых (Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.)*. СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 243–247.
- Аминов, 2018б — Аминов Ф. Ш. Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2017 году // *Материалы Пенджикентской археологической экспедиции* / Под ред. П. Б. Лурье. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2018. Вып. XXII. С. 32–36.
- Аминов, 2019 — Аминов Ф. Ш. Археологические исследования домонгольского Пенджикента в 2018 году // *Материалы Пенджикентской археологической экспедиции* / Под ред. П. Б. Лурье, Н. В. Семёнова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2019. Вып. XXIII. С. 46–55.
- Анарбаев, 2013 — Анарбаев А. Ахсикет — столица древней Ферганы. Ташкент: Изд-во Тафаккур, 2013. 535 с.
- Атаханов, 1990 — Атаханов Т. М. О работе Байпазинского отряда (1981–1982 гг.) // *Археологические работы в Таджикистане (1982 г.)*. Душанбе: Дониш, 1990. Вып. XXII. С. 325–337.
- Атаханов, 1991 — Атаханов Т. М. Работа Нижнекафирниганского отряда в 1983 г. // *Археологические работы в Таджикистане (1983 г.)*. Душанбе: Дониш, 1991. Вып. XXIII. С. 273–283.
- Вяткин, 1926 — Вяткин В. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда: археологический очерк. Ташкент: Главнауки Наркомпроса Уз. ССР, 1926. 65 с.
- Гайдукевич, 1947 — Гайдукевич В. Ф. Работы Фархардской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. // *КСИИМК*. 1947. Вып. XIV. С. 92–109.
- Грицина, Абдулгазиева, 2014 — Грицина А. А., Абдулгазиева Б. Лепная расписная керамика из караван-сарая Турткультапа // *Археология Узбекистана*. 2014. № 1 (8). С. 58–69.
- Гулямова, Зеймаль, 1956 — Гулямова Э., Зеймаль Т. И. Находки в районе Перепадной ГЭС // *Археологические работы в Таджикистане (1955 г.)*. Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1956. Вып. III. С. 95–98.
- Довуди, 2005 — Довуди Д. Археологические раскопки на городище Вашгирд в 2004 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. Душанбе, 2005. Вып. XXX. С. 205–223.
- Довуди и др., 2009 — Довуди Д., Худжагелдиев Т., Абдуллаев А. Археологические раскопки на городище Вашгирд в 2007 г. // *Археологические работы в Таджикистане*. Душанбе, 2009. Вып. XXXIII. С. 137–198.
- Довуди, Курбонов, 2012 — Довуди Д., Курбонов Ш. Монетные находки на городищах Санджаршах и Муборакшах. Душанбе: Шохпар, 2012. 86 с.
- Заднепровский, 1960 — Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году // *Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции* / Под ред. Г. Ф. Дебеца. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. IV. С. 164–268.
- Заднепровский, 1969 — Заднепровский Ю. А. Средневековая расписная керамика Ферганы // *КСИА*. 1969. Вып. 120: Средневековая археология. С. 39–45.
- Исаков, 1983 — Исаков А. И. Разведки и раскопки Костарошского отряда в 1977 г. // *Археологические работы в Таджикистане (1977 г.)*. Душанбе: Изд-во Дониш, 1983. Вып. XVII. С. 210–224.
- Литвинский, 1954 — Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана Советской наукой (Краткий очерк) // *Тр. АН Тадж. ССР*. Сталинабад, 1954. Т. XXVI. 81 с.
- Лунина, 1987 — Лунина С. Б. Расписная керамика X–XII вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) // *СА*. 1987. № 3. С. 98–110.
- Мирзаахмедов и др., 2009 — Мирзаахмедов Д. К., Абдуллаев Б. М., Грицина А. А. Археологические исследования и материалы к передатировке мечети Дехгарон в селении Хазара // *Археологические исследования в Узбекистане 2006–2007 гг.* Ташкент: Фан, 2009. Вып. 6. С. 148–161.

- Мирзаахмедов*, 2013 — *Мирзаахмедов Д. К.* К социально-экономическим факторам развития глазурованной керамики Мавераннахра IX — начала XIII в. // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники: на основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посв. памяти Б. И. Маршака (1933–2006). СПб.: ГЭ, 2013. С. 353–375 (Тр. ГЭ; Т. 62).
- Негматов и др.*, 1973 — *Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г.* Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе: Дониш, 1973. 145 с.
- Пидаев*, 1997 — *Пидаев Ш. Р.* Кухонная посуда Термеза XII — начала XIII в. // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд, 1997. Вып. 28. С. 149–161.
- Пещерева*, 1959 — *Пещерева Е. М.* Гончарное производство Средней Азии // Тр. Института этнографии. М.; Л., 1959. Т. XLII. 397 с.
- Распопова*, 1972 — *Распопова В. И.* Ремесло и домашние промыслы раннесредневекового Согда // СА. 1972. № 4. С. 145–157.
- Сайко*, 1966 — *Сайко Э. В.* История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII–XII вв. Душанбе: Дониш, 1966. 212 с.
- Сверчков*, 1991 — *Сверчков Л. М.* Поселение Мык — источник по истории средневековой Уструшаны: Дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1991.
- Соколовская*, 2015 — *Соколовская Л. Ф.* Неглазурованная керамика средневекового Самарканда как фактор экономики городского ремесла (по материалам городища Афрасиаб конца VII — начала XIII в.) // Археология Центральной Азии: архивные материалы. Самарканд: МИЦАИ, 2015. Т. I. 289 с.
- Ставиский*, 1960 — *Ставиский Б. Я.* Раскопки городища Кулдор-Тепе в 1956–1957 гг. // СА. 1960. № 4. С. 113–121.
- Ставиский*, 1961a — *Ставиский Б. Я.* Работы Магианской группы в 1958 г. // Археологические работы в Таджикистане (1958 г.). Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1961. Вып. VI. С. 101–112.
- Ставиский*, 1961б — *Ставиский Б. Я.* Работы Магианской группы в 1959 г. // Археологические работы в Таджикистане (1958 г.). Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1961. Вып. VII. С. 101–107.
- Ставиский*, 1961в — *Ставиский Б. Я.* Археологические работы в районе Магиан-Дарьи в 1957–1959 гг. // Сообщения Гос. Эрмитажа. Л.: Искусство, 1961. Т. XXI. С. 57–60.
- Ставиский*, 1961г — *Ставиский Б. Я.* Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов верхнего Зеравшана (Кухистана) // Материалы по этнографии. Географическое общество СССР. Л.: Б. и., 1961. Т. 1. С. 38–49.
- Усманова*, 1984 — *Усманова З. И.* Расписная керамика из Ахсикета // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд: Фан, 1984. Вып. 19. С. 214–220.
- Филимонова, Ахметзянов*, 2012 — *Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р.* Поисковые работы по составлению археологической карты Дангаринского района в 2009 году // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2012. Вып. XXXV. С. 55–112.
- Филимонова, Ахметзянов*, 2013 — *Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р.* Результаты работ Дангаринской экспедиции в 2010 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 2013. Вып. XXXVI. С. 43–81.
- Ходжаев*, 2010 — *Ходжаев Ш.* Дворец Хутальяншахов — Хульбук. Душанбе, 2010. 176 с.
- Эшонкулов*, 2009 — *Эшонкулов У.* История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). Душанбе: Давештич, 2007. 848 с.
- Юркевич*, 1962 — *Юркевич Э. А.* Материалы к археологической карте Таджикистана // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1962. Вып. VIII. С. 144–152.
- Юркевич*, 1964 — *Юркевич Э. А.* Археологические работы в зоне затопления Нурекской ГЭС в 1961 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе: Изд-во АН Тадж. ССР, 1964. Вып. IX. С. 112–124.
- Simeon*, 2009 — *Simeon P.* Etude du material de Hulbuk (Ma wara` al-nahr-Khuttal), de la coquete islamique jusqu`au milieu du XIe siecle (90/712–441/1050) contribution a l`etude de la ceramique islamique d`Asie cemtrale. Oxford: Archaeopress, 2009. 427 p.

Painted pottery from mediaeval Panjakent

F. Sh. Aminov

In 2015–2019, during archaeological investigations of pre-Mongol Panjakent, the author first collected a great quantity of painted ceramics which is not a sufficiently well studied material. It appeared in Central Asia in the early 11th century and was fast widespread over the Fergana Valley, Ustrushan, Kashka-Darya oasis, Northern Tokharistan and Central Sogd. It is of note that the forms and ornamentation of the painted ware differ considerably in each region. This paper analyses the decoration of painted vessels found in Panjakent and its surroundings. The author has arrived at the conclusion that of Panjakent in particular, and Central Sogd in general, geometric ornamentation is characteristic while the plant decoration is rarely found here (Fig. 10). Each vessel has its own unrepeated design. In this paper, a classification of the forms of the vessels is proposed (Fig. 1). There have been distinguished five types of pitchers (Figs. 2–5), cauldrons (Fig. 6, 1–3), ‘tea pots’ (Fig. 6, 4–6), scoops (Fig. 6, 7, 8), mugs (Fig. 6, 9, 10), bowls (Fig. 7, 1), lids (Fig. 7, 2–14), *khumchas* (storage vessels, Fig. 8), broad-throat vessels (Fig. 9, 7, 8), churns (Fig. 9, 5) and pots (Fig. 9, 1, 4, 6).

Comparing technological peculiarities and types of ornamentation of synchronous glazed and painted ware, the author has established the principal differences between them (high or low quality, wheel-made or handmade, the wide diversity and the absence of repetitions of the motifs of the painted pottery on glazed vessels). This paper proposes the conclusion on a specific function of painted pottery in the domestic and household spheres along with the glazed and unglazed ware. Analysis of the entire set of data has allowed the author to date the appearance of this type of pottery in Panjakent to the beginning of the second quarter of the 11th century.

Древнейшие древнерусские нагрудные кресты-реликварии в свете новых исследований¹

А. А. Пескова²

Аннотация. Со времени публикации в 2003 г. свода древнерусских энколпионов — нагрудных крестов-реликвариев — появилось много новых находок и специальных исследований, направленных на прояснение спорных вопросов, касающихся становления и развития этой яркой традиции на Руси. Особое и вполне объяснимое внимание сегодня уделяется группе миниатюрных черневых энколпионов — ключевой группе при решении этих вопросов, поскольку в нее входят находки древнейших датированных древнерусских крестов-энколпионов. Изучение новых находок энколпионов данной группы помогает приблизиться к более глубокому пониманию истории зарождения этой традиции на Руси и дальнейшего ее развития. При этом наблюдается заметная противоречивость суждений исследователей в оценке новых находок энколпионов и разница в подходе к их группировке, что побуждает еще раз вернуться к их детальному рассмотрению.

Annotation. Since the publication in 2003 of a code of ancient Russian encolpions — chest crosses-relics, many new finds and new special studies have appeared to clarify controversial issues regarding the establishment and development of this vibrant tradition in Russia. Particular and understandable attention today is paid to the group of miniature encolpions with niello, a key group in addressing these issues, since it includes finds from the oldest dated ancient Russian crosses-encolpions. The study of new finds of the encolpions of this group helps to approach a deeper understanding of the history of the origin of this tradition in Russia and its further development. At the same time, there is a noticeable inconsistency in the opinions of researchers in assessing new finds of encolpions and a difference in the approach to their grouping, which prompts us to return to their consideration once again.

Ключевые слова: древнерусские нагрудные кресты-реликварии (энколпионы) с чернью, типология, стилистические и иконографические особенности.

Keywords: ancient Russian chest crosses-reliquaries (encolpions) with niello, typology, stylistic and iconographic features.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-175-193

Благодаря последним комплексным исследованиям крестов-реликвариев, собранных на поселениях Суздальского Ополя

(Макаров и др., 2017. С. 291–310), сегодня становится все более очевидно, что древнейшие серийные черневые миниатюрные энколпионы были далеко не столь однородны, как может показаться на первый взгляд, и появились далеко не сразу в окончательном виде. Проведенное ранее визуальное исследование двух очень близких вариантов (IV.5.5 и IV.6.1) одного иконографического типа древнейших энколпионов (Корзухина, Пескова, 2003.

¹ Работа выполнена в рамках ПФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

С. 236–237) теперь подтверждается не только благодаря значительному расширению базы источников (особенно для группы IV.5.5), но и очень важным выводом о том, что техника нанесения черни на них тоже была различной (Макаров и др., 2017. С. 300–304). К тому же новые находки энколпионов хорошей сохранности позволяют сегодня обратиться и к их стилистическому анализу. Но перед этим необходимо вспомнить о гипотетической «Большой мастерской» в древнем Киеве с ее характерным «почерком», в которой предположительно и создавались интересующие нас кресты.

«Большая мастерская» (далее «БМ») была выделена Г. Ф. Корзухиной, как известно, при изучении ею двух больших групп энколпионов — рельефно-черневых и черневых — самых разнообразных и ярких по оформлению среди древнерусских нагрудных крестов-реликвариев. Функционирование гипотетической мастерской, предположительно налаженное в древнем Киеве, было отнесено автором гипотезы ко второй — третьей четверти XII в. Предполагалось, что во второй четверти XII в. в ней изготавливались преимущественно энколпионы рельефно-черневой группы, а в середине XII в., в пору расцвета черневого дела на Руси, произошел переход к изготовлению черневых энколпионов (Корзухина, Пескова, 2003. С. 29–32). Подавляющее большинство крестов этих двух групп объединено единством стиля — своеобразной манерой гравировать лица — и, следовательно, «единством какого-то широко организованного производства», названного исследовательницей «для удобства изложения» «Большой мастерской» (Там же. С. 29). Более того, «стилистическое сходство крестов, вышедших из нее, настолько велико, что может быть связано с работой только одного или коллектива, или поколения» (Там же. С. 30). Известное тогда еще сравнительно небольшое количество мелких разнохарактерных крестов, не связанных единством стиля, отмеченных, по мнению Г. Ф. Корзухиной, резким падением мастерства, а значит, и не относящихся к «БМ», датировалось предположительно последней четвертью XII — первой четвертью

XIII в. Допускалось даже, что «с этого времени производство [черневых] энколпионов, до сих пор связанное преимущественно с Киевом, вышло за его пределы» (Там же. С. 34).

К настоящему времени благодаря появлению новых надежно датированных находок энколпионов рельефно-черневой и черневой групп в Великом Новгороде, Старой Руссе, Пскове и других местах, стало ясно, что изготовление миниатюрных черневых крестов-реликвариев (группы IV.5.5 и IV.6.1) было налажено на Руси уже не позднее середины XI в., а рельефно-черневых (III.1.1) — не позднее рубежа XI–XII вв. (Торопова и др., 2001. С. 18–19, рис. 2, 3; Мусин и др., 2002. С. 182–183, рис. 3, 2, 4; Корзухина, Пескова, 2003. С. 166, 170, табл. 55, 99–101, 236–240; Колпакова, 2011. С. 143–144, рис. 1). Произошел слом в представлениях об абсолютной и относительной хронологии в развитии древнерусских крестов-реликвариев. А предполагаемое время работы «БМ» в результате растянулось, по меньшей мере, на 75 лет. В то же время стала яснее осознаваться разница стилистического оформления отдельных групп энколпионов, относимых к кругу «БМ», особенно ощутимая среди малых и миниатюрных (мелких) черневых крестов-реликвариев, которым современные исследователи уделяют так много внимания.

В последние годы расширились и наши представления об «ассортименте продукции» «БМ». На основе стилистического анализа к кругу связанных с «БМ» изделий была отнесена створка черневой иконки-складня с изображениями на одной стороне князя Бориса в образе мученика с крестом в правой руке, на другой — святого целителя Козьмы, найденная во время полевых исследований в Чермно (Польша) в 2010–2011 гг. (Czerwień..., 2012. S. 254–255, рис. 3, tab. II.6.4; Пескова, 2017. С. 97–98, рис. 8). По технике и стилю исполнения она очень близка черневым энколпионам, хотя отличается от них в целом более свободным, почти небрежным, исполнением гравированного рисунка и некоторым своеобразием в деталях. Створка из Чермно является первой находкой, указывающей на существование на Руси иконки-складня

с черневыми изображениями свв. Бориса и Глеба, выполненной в традициях «БМ»³.

Предположение о том, что деятельность «БМ» не ограничивалась изготовлением крестов-реликвариев, высказывала и Г. Ф. Корзухина, вскользь упоминая древнерусские образки-привески с инкрустированными изображениями Спасителя на одной стороне и процветшего креста на другой (Корзухина, Пескова, 2003. С. 21). Действительно, такие образки выполнены в той же характерной схематичной манере, как и погрудные изображения святых в медальонах рельефно-черневых и черневых энколпионов, насколько можно судить по глубоким контурным линиям с инкрустацией, определяющим композицию в целом. Детализовка ликов тонкими гравированными линиями на полустертых привесках-образках, как правило, не прослеживается. В Северной Руси такие образки обнаружены в основном в погребениях, датированных XII в., — в могильниках Нефедьево IV в Вологодской области (3 экз.) и у д. Кнутиха в Ивановской области России (Макаров, 1991. С. 13, 18, рис. 1, 26–28; Уткин, 1991. С. 97, рис. 2, 3). В южнорусских землях один образок происходит из раскопок на поселении Кошчевка-8 в Киевской области (Украина), где датируется серединой XII — XIII в. (Лысенко и др., 2012. С. 42, 130, 326, рис. 208), на поселении Пастивник около летописной Пересопницы, XII — первая половина XIII в. (Прищепина, 2016. С. 82, рис. 50, 3), еще три экземпляра относятся к случайным находкам на поселении Мушкатовка в Тернопольской области и в с. Стайки в Среднем Поднепровье, Украина (Гаврилюк, Ягодинская 2005. С. 138, рис. 9, 8, 10; Ханенко Б., Ханенко В., 1900. Табл. XXVIII, 323). Конечно, такие привески-образки могли быть изготовлены не только в Киеве, но и в других центрах с развитым ремеслом, однако появление исходной модели скорее всего было связано с работой «БМ».

³ Аналогичная створка (43 × 22 мм) известна и среди случайных находок 2013 г. в Переславском районе Ярославской области России [Электронный ресурс]. URL: http://domongol.org/gallery/image_page.php?image_id=7646 (дата обращения 13.02.2016).

Современное пополнение базы источников, как видим, с одной стороны подтверждает старые гипотезы, с другой — ставит новые вопросы о времени и особенностях функционирования в древнем Киеве «БМ». Для их разрешения требуется детальное исследование новых памятников по мере их появления. Сегодня наиболее изученными и наиболее информативными благодаря комплексному подходу, включая и технологию изготовления, являются миниатюрные черневые кресты-энколпионы, происходящие в основном из раскопок в Великом Новгороде, а также полученные в результате полевых исследований крупных неукрепленных поселений XI–XIII вв. в центральных районах Суздальской земли — Суздальском Ополе (Олейников, 2019. С. 161–176; Асташова, Сарачева, 2015. С. 195–202; Макаров, Зайцева, 2017. С. 193–197; Макаров и др., 2017. С. 291–310). В Великом Новгороде в последнее десятилетие появилось восемь новых находок энколпионов интересующего нас типа (Дубровин, 2010. С. 44, рис. 60; Янин и др., 2013. С. 17, рис. 3, 1; Олейников, 2019. С. 161–176).

В Суздальском Ополе из 24 (25?) миниатюрных и малого размера черневых энколпионов, собранных на 15 памятниках, к интересующей нас группе энколпионов можно причислить 12 экземпляров (Макаров и др., 2017. С. 291–292, рис. 2; Коваленко и др., 2019. № 1). Названные кресты относятся к группе самых ранних на Руси крестов-реликвариев из известных сегодня (со второй половины XI в. и позже) и имеют прямое отношение к пониманию работы «БМ» и шире — к пониманию развития этой отрасли художественного ремесла в целом. Речь идет о миниатюрных прямоконечных энколпионах, на лицевой створке которых изображено Распятие (Христос препоясан, над его головой четырехконечный крест), на оборотной стороне — молящаяся Богоматерь (в позе оранты), над ее головой иногда видны крестообразно расположенные четыре точечных углубления (рис. 1, 1–2). Изображения схематичные, в большинстве случаев нанесены в манере, характерной для крестов, изготовленных в гипотетической

«БМ», что особенно ярко выражено в способе передачи тонко прочерченных резцом единообразных ликов святых: широкий нос передан двумя расходящимися книзу дугообразными линиями и одной короткой поперечной, под ней видна прямая линия рта, глаза обозначены двумя-тремя короткими параллельными черточками, иногда образующими овалы. Основные опорные линии рисунка, передающие овал лица, контуры одеяния фигуры, поперечной перекладины Крестного древа и четырехконечного креста над головой распятого Христа, нанесены углубленными линиями-канавками, предназначенными для заполнения их чернью. Опираясь на эту основу, мастер гравировщик создавал окончательный образ. При этом изображение Богоматери очень напоминает своими несоразмерно крупными, раскрытыми в молении ладонями схематичные изображения святых орантов (в том числе и Богоматери Оранты) на гравированных, так называемых «сирийских», крестах-реликвариях византийского круга, хотя и отличается от них вполне реалистичной передачей драпировок одеяния Богоматери, заранее заданного

основными глубокими линиями-канавками. Христос изображен препоясанным складчатой набедренной повязкой характерных очертаний (куполообразной). Со стилистикой изображения Богоматери на оборотной створке этот образ Христа сближают только утрированно схематичные черты лика.

Еще при подготовке свода древнерусских энколпионов 2003 г. среди миниатюрных черневых энколпионов с изображением Распятия и Богоматери Оранты были выделены три группы крестов данного иконографического типа, с учетом иконографических деталей и морфологических признаков (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 235–237*):

1) IV.6.1 — стандартные по форме (почти строго прямоконечные), размерам (в среднем 3,5 × 2,5 см) и иконографии; створки декорированы по краю косыми и прямыми насечками; петли простые; находки многочисленные (рис. 1, 1–2) (*Там же. С. 165–170. Табл. 99–101*);

2) IV.6.2 — стандартные по форме (почти строго прямоконечные), размерам (в среднем 3,5 × 2,5 см) и иконографии лицевой створки, но на оборотной створке вместо Богоматери

Рис. 1. Миниатюрные энколпионы с чернью с изображениями Распятия и Богоматери Оранты: 1 — Великий Новгород, Десятинный 3, 2008 (Дес-3/1-92) (*Олейников, 2019. С. 163, рис. 1*); 2 — Рюриково городище, 2007 (*Григорьева, 2015. С. 251, 253, рис. 2, 4*); 3 — Великий Новгород (Дес-1/3-139, 2008) (*Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 3*); 4 — Великий Новгород, Троицкий раскоп 2016 (Тр-16/1-347) (*Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 1*); 5 — Весь I, 1987, Суздальское Ополье (*Кокорина 2013. С. 18, кат. № 1*); 6 — Старая Русса, раскоп Борисоглебский, 2000 (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 163, табл. 97, IV.5.5/3*); 7 — Вильгина, о. Сааремаа, Эстония (*Jonuks, Kurisoo, 2013. S. 73, fig. 1, 3*); 8 — Сорогужино, Суздальское Ополье, 2016, № 27 (*Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 11*); 9 — Великий Новгород, 2017 (Ман 9А/7) (*Олейников 2019. С. 170–171, рис. 5, 2*). 1–2 — стандартные кресты-энколпионы с чернью группы IV.6.1; 3 — стандартный крест-энколпион с чернью группы IV.6.2; 4–8 — нестандартные кресты-энколпионы с чернью группы IV.5.5; 9 — двусторонний низкорельефный крест, изготовленный по образцу крестов-энколпионов группы IV.6.1

Fig. 1. Miniature niello encolpia with representations of a crucifix and Mother of God Orans: 1 — Veliky Novgorod, Desyatynny 3, 2008 (Дес-3/1-92) (*Олейников, 2019. С. 163, рис. 1*); 2 — Rurik Gorodishche, 2007 (*Григорьева, 2015. С. 251, 253, рис. 2, 4*); 3 — Veliky Novgorod (Дес-1/3-139, 2008) (*Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 3*); 4 — Veliky Novgorod, Troitsky Excavation 2016 (Тр-16/1-347) (*Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 1*); 5 — Ves' I, 1987, Suzdal'skoye Opolye (*Кокорина 2013. С. 18, кат. № 1*); 6 — Staraya Russa, Borisoglebsky Excavation, 2000 (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 163, табл. 97, IV.5.5/3*); 7 — Viltina, Saaremaa island, Estonia (*Jonuks, Kurisoo, 2013. S. 73, fig. 1, 3*); 8 — Soroguzhino, Suzdal'skoye Opolye, 2016, № 27 (*Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 11*); 9 — Veliky Novgorod, 2017 (Ман 9А/7) (*Олейников 2019. С. 170–171, рис. 5, 2*). 1–2 — standard niello crosses-encolpia of group IV.6.1; 3 — standard niello cross-encolpion of group IV.6.2; 4–8 — non-standard niello crosses-encolpia of group IV.5.5; 9 — two-sided low-relief cross manufactured after the example of encolpia of group IV.6.1

изображен крест (то есть *комбинированные*); створки декорированы по краю косыми и прямыми насечками; петли простые; находки единичные (рис. 1, 3) (*Там же*. С. 171. Табл. 99–101);

3) IV.5.5 — *нестандартные* («*опытные (?) серии*»), с заметно расширяющимися концами, различающиеся размерами (от 3,6 × 2,6 см до 4,6 × 3,2 см), но имеющие общую новую иконографическую деталь — крест над головой Христа изображен в виде трилистника с закругленными лепестками; створки декорированы по краю преимущественно прямыми насечками; петли имеют небольшое ступенчатое основание, иногда в виде трилистника с острыми концами; находки редкие (рис. 1, 4–8) (*Там же*. С. 163, 236–237. Табл. 97).

Тогда же было выдвинуто предположение о существовании в Древней Руси во второй половине XI в. широко налаженного серийного производства по меньшей мере одного типа стандартных энколпионов (IV.6.1) и параллельного изготовления малых опытных (?) серий энколпионов типа IV.5.5 (учтено было всего 3 экз.). В группе стандартных энколпионов (IV.6.1) были выделены единичные экземпляры, отмеченные чертами индивидуального творчества, которые сегодня в свете появившихся находок могут быть оценены по-новому, а именно тоже отнесены к группе IV.5.5. Были отмечены различия между двумя группами в морфологии и иконографических деталях, в меньшей мере — в стилистике (*Там же*. С. 236). Новые находки с сохранившейся гравировкой позволяют сравнить их и стилистически.

Находок стандартных энколпионов (IV.6.1) на 2003 г. было зафиксировано 57 экз., сейчас их известно больше, в том числе восемь новых находок из Суздальского Ополя (*Макаров и др.*, 2017. С. 293, рис. 2, 1–6; *Коваленко и др.*, 2019. № 1). «Общий период бытования энколпионов типа IV.6.1 на суздальских селищах, — по наблюдению их исследователей, — может быть ограничен XI–XII вв., включая вторую половину этого столетия» (*Макаров, Зайцева*, 2017. С. 195). Не менее четырех новых энколпионов этого типа

появилось в Великом Новгороде, в том числе два целых — раскоп Десятинный 3/1-92, 2008 г., в слое середины XI в. (*Олейников*, 2019. С. 163, рис. 1, 1) и Троицкий 13, уч. Г и Г-1/пл. 7, кв. 1850, 2012 г., в пределах конца XI — начала XIII в. (*Янин и др.*, 2013. С. 12–19, рис. 3, 1). Две поврежденные лицевые створки с изображением Распятия происходят из траншеи на Десятинной улице (случайная находка 2010 г.) и из слоя конца XII — начала XIII в. в Андреевском 3 раскопе (Андр-3/3-41) (*Олейников*, 2019. С. 164–165, рис. 2, 4, 5) (табл. 1). Не исключено, что парными для них были створки с изображением креста, то есть они могут быть отнесены и к группе комбинированных энколпионов (IV.6.2).

Достоверно комбинированных энколпионов (IV.6.2) в каталоге было учтено всего 6 экз., среди них тогда не было ни одного с археологической датой. Теперь к ним добавляются крест с поселения Вишенки 3, 2006 г. (XII — первая половина XIII в.), найденный на распаханной поверхности (*Макаров, Федорина*, 2008. С. 140, рис. 1, 4), и крест из Великого Новгорода (Дес-1/3-139, 2008 г.), происходящий из перемешанных слоев середины XII — начала XIII в. (*Олейников*, 2019. С. 164, рис. 2, 3).

Нестандартных энколпионов (IV.5.5) на 2003 г. было зафиксировано только 3 экз., в последние годы московские исследователи добавили к ним еще три креста, происходящих из Суздальского Ополя. Эти три креста (Поганое озеро 1, 2006 г.; Суворотское 8, 2013 г.; Тарбаево), а также известный ранее экземпляр с поселения Весь I исследователи называют практически идентичными (*Макаров и др.*, 2017. С. 295, рис. 2, 8–10). Ни одна из этих находок не имеет узкой даты, но анализ археологического контекста позволяет исследователям предполагать весьма вероятную связь их с культурными отложениями XI — первой половины XII в. (*Там же*. С. 196).

Еще два экземпляра таких же очертаний, но крупнее других, из Сорогужино 2, 2016 г. (спетлями 59 × 31 мм), и Суворотского 8, 2014 г. (фрагмент), исследователи не включили в эту группу (*Макаров и др.*, 2017. С. 293, 296, рис. 2, 11, 12). Однако размер створок в данном

Таблица 1. Новые находки энколпионов группы IV.6.1
Table 1. New finds of pectoral reliquary crosses of group IV.6.1

№	Происхождение находки	Датировка по археологическому контексту	Источник сведений
1	Псков, 1989, раскоп на ул. Ленина*	2-я половина XI в.	Колпакова, 2011. С. 143–144, рис. 1, 1
2	Великий Новгород, Троицкий 13, 2012 (Тр-13/уч. Г и Г-1/пл. 7, кв. 1850)	конец XII — начало XIII в.	Янин и др., 2013. С. 12–19, рис. 3, 1
3	Великий Новгород, ул. Десятинная, 2010 (Дес, траншея), в отвале	—	Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 4
4	Великий Новгород, Андреевский 3 (Андр-3/3-41)	конец XII — начало XIII в.	Олейников, 2019. С. 165, рис. 2, 5
5	Великий Новгород, Десятинный 3, 2008 (Дес-3/1-92)	середина XI в.	Олейников, 2019. С. 163, рис. 1
6	Великий Новгород, Рюриково городище, 2008, случайная находка	конец XI — 1-я пол. XIII в.	Григорьева, 2015. С. 251, 253, рис. 2, 3
7	Великий Новгород, Рюриково городище, 2007, из осыпи стенки раскопа	конец XI — 1-я пол. XIII в.	Григорьева, 2015. С. 251, 253, рис. 2, 4
8	Полоцк, случайная находка	—	Археалагічныя знаходкі..., 2010. С. 44, кат. № 63
9	Суздальское Ополье, Вишенки 3, 2004, № 53	XI–XII вв.	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 1
10	Суздальское Ополье, Мордыш 1, 2012, № 13	середина — 2-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 3
11	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2015, № 10	XI в. (?)	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 6
12	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2014, № 7	XI в. (?)	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 4
13	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2014, № 17	XI в. (?)	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 4 (?)
14	Суздальское Ополье, Карельская Слободка 5, 2011, № 12	XI–XII вв.	Макаров и др., 2017. С. 293, рис. 2, 2
15	Суздальское Ополье, Федосьино 1, 2018	XI–XII вв.	Коваленко и др., 2019. Кат. № 1
16	Клещинский комплекс на Плещеевом озере, 2016	XI–XII вв.	Макаров и др., 2017. С. 295, прим. 7
17	Истье 2, селище в Рязанской области	XII — 1-я пол. XIV в.	Остапенко, 2015. С. 333, № 400, рис. 39, 9
18	Лесковое 2, поселение в Черниговском Полесье, Украина	2-я пол. XII — 1-я пол. XIII в.	Веремейчик, 2010. С. 345, рис. 3, 1

* Несмотря на то что энколпион из Пскова ранее был учтен (Корзухина, Пескова, 2003. С. 169, кат. IV.6.1/ 37), мы включили его в данную таблицу, так как, благодаря новым исследованиям Ю. В. Колпаковой, он получил уточненную датировку.

случае — для группы нестандартных крестов-реликвариев — не имеет, на наш взгляд, решающего значения, здесь важнее форма створок с заметно расширяющимися концами и с петлями на ступенчатом основании, а также характер и способ нанесения изображений. Культурный слой на поселении Суворотское 8 относится к концу X — XII в., Сорогужино 2 — к XII — первой половине XIII в. (*Макаров и др.*, 2017. С. 293). Близкой им по размерам и морфологии является створка с изображением Богоматери Оранты из могильника Вильтина на о. Сааремаа, Эстония (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 169, табл. 100, IV.5.5/40; *Jonuks, Kurisoo*, 2013. P. 73, fig. 1, 3).

В группу нестандартных энколпионов сегодня можно добавить очень близкую к ним по исполнению створку с изображением Богоматери с поселения Крева 1 (Пекуновское селище) в Верхнем Поволжье⁴ (*Даченков, Петров*, 2011. Цв. вклейка) и целый энколпион из с. Витичев Ржищевского уезда Киевской губернии (случайная находка 1908 г.) (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 166⁵; *Асташова и др.*, 2013. Кат. № 192). На последнем заметны следы надписи под левой рукой Богоматери, а расплывчатые концы креста над головой Христа имеют скругленные очертания и укороченный нижний конец, что наводит на мысль о возможном переосмыслении такого или подобного изображения мастерами, изготовившими остальные кресты этой группы с трилистником над головой Христа. Еще более укороченный нижний конец креста, делающий его похожим на трилистник над головой Спасителя, мы видим на кресте этой же группы, происходящем из Каневского уезда Киевской губернии (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 164, табл. 97, IV.5.5/2). Находки из Киевской земли (витичевская и каневская) не

имеют археологической даты, но они (особенно каневская), по-видимому, немного ближе к исходному варианту, чем датированные северорусские. На это указывает и необычный трилистник над головой Христа, и редуцированная форма основания петель на лицевых створках северорусских и витичевского энколпионов, на которых вместо остролистного трилистника, характерного для петель крестов-реликвариев византийского круга, видим нечто вроде ступенчатого основания.

В Великом Новгороде при раскопках в недавнее время тоже были обнаружены нестандартные кресты-реликварии группы IV.5.5 — целые экземпляры на Никитинском раскопе при зачистке материковой ямы с материалами начала XIII в. и на Троицком раскопе 2016 г. (Тр-16/1-347) в слое первой половины XII в., а также в Конюшенном-1 (Кон-1/5-46) фрагмент лицевой створки в слое XII в. (*Дубровин*, 2010. С. 44, рис. 60, 6; *Олейников*, 2016. С. 83–85, рис. 4, 8; *Олейников*, 2019. С. 164, рис. 2, 1, 2). На энколпионе с Троицкого раскопа есть важная деталь, показывающая, каким образом четырехконечный крест над головой распятого Христа на нестандартных энколпионах мог превратиться в трилистник. В данном случае крест, залитый чернью, изображен с четырьмя концами, при этом каждый из них мастер заключил в нанесенное гравировкой полукружие, создавая своеобразный квадрифолий. На тех энколпионах, где черневый крест в возглавии получился у мастера с укороченным нижним концом, квадрифолий превратился в трилистник.

Наконец, в эту же группу нестандартных крестов-реликвариев можно перенести при внимательном рассмотрении еще два энколпиона, причисленных ранее к группе стандартных. Один из них — целый энколпион из курганного могильника конца XI — первой трети XII в. у д. Курганье Жлобинского района Гомельской области (Беларусь), который соответствует группе IV.5.5 формой расширяющихся к концам створок и характером редуцированных петель, форма креста над головой Спасителя не читается (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 168, IV.6.1/32). Другой — это

⁴ Древнерусский археологический комплекс памятников Крева 1 датируется XI–XII вв. Створка энколпиона находится в частной коллекции жителя г. Дубна Московской области. Благодарю Ф. Н. Петрова за предоставленную фотографию.

⁵ В каталоге 2003 г. этот энколпион был ошибочно включен в группу IV.6.1 (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 166).

выше упомянутая створка из могильника с кремациями в каменных могилах уд. Вильгина на о. Сааремаа, Эстония (музейный номер — АМ 1036: 156)⁶ (*Jonuks, Kurisoo, 2013. P. 73, fig. 1, 3*) (рис. 1, 8). Могильник датирован XI–XII вв., хотя в нем отмечаются и захоронения XIII в. (*Mägi, 2002. Lk. 62*). Створка происходит не из закрытого комплекса, тем не менее это, по-видимому, не случайная находка, так как авторы публикации сообщают, что здесь же (очевидно, на территории этого могильника (?)) были найдены еще три креста, какие именно, не сказано, но на рис. 1 рядом со створкой из могильника Вильгина помещены изображения восьми крестов, в том числе один так называемого «скандинавского» типа, все без указания места обнаружения⁷. Гравированные изображения на створке стерлись, но сохранившиеся глубокие линии, предназначенные для чернения, немного отличаются от глубоких контуров фигуры Богоматери, сохранившихся на стандартных крестах. Над головой Богоматери ясно виден равноконечный крест, прочерченный тонкими линиями, оканчивающимися точечными углублениями (обычно от такого креста сохраняются только четыре углубления). Парные петли имеют слабо выраженное основание в виде узкой пластины, представляющей с ними одно целое. Говоря о створке энколпиона, найденной на о. Сааремаа, нельзя не вспомнить о находках древнерусских энколпионов типа IV.6.1 на Готланде и на территории Финляндии в Хаттула Кевола (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 166, 170, табл. 100*), которые попали в эти районы, ско-

рее всего, в результате контактов местного населения с Новгородом, где, как видим, такие энколпионы представлены значительными сериями находок. Всего, таким образом, в группе нестандартных крестов-реликвариев (типа IV.5.5) сегодня можно включить 16 энколпионов, три из них происходят из Поднепровья, остальные — с северных территорий (табл. 2).

В качестве аналогий суздальским энколпионам группы IV.5.5 исследователи неожиданно приводят экземпляры из Введенского под Ярославлем, Пскова, Рюрикова городища (*Макаров, Зайцева, 2017. С. 196; Макаров и др., 2017. С. 296*), относящиеся, на наш взгляд, безусловно к стандартным энколпионам типа IV.6.1 — та же стандартная форма, те же простые петли, та же иконография.

Приведенные выше новые публикации крестов-реликвариев рассматриваемого иконографического типа (группы IV.5.5, IV.6.1) в ряде случаев позволяют детальнее проанализировать их иконографические и стилистические особенности. Внимательное рассмотрение изображений на створках с сохранившейся гравировкой показывает, что большая часть стандартных энколпионов (IV.6.1) по стилистическим признакам относится к изделиям «БМ», хотя не все, есть и подражательные (например, один из крестов с Рюрикова городища — рис. 1, 2). На нестандартных энколпионах (IV.5.5) эти признаки почти не прослеживаются из-за плохой сохранности гравировки, за исключением крестов из Старой Руссы, с поселения Весь I, Поганое озеро I, 2006 г., и поселения Крева 1, на которых лики Христа и Богоматери выполнены в манере, лишь приближающейся к стилю работы «БМ», но между собой кресты из Суздальского Ополя настолько близки, что они вполне могли быть выполнены рукой одного мастера. В то же время те и другие существенно отличаются стилистически от собственно византийских крестов с чернью, будь то нагрудные кресты-реликварии или большие процессионные кресты, выполненные из золота, серебра или медных сплавов. Чтобы увидеть эту разницу, достаточно сравнить наши кресты с миниатюрным золотым нагрудным

⁶ Створка с о. Сааремаа ранее была мною включена в группу IV.6.1/40 и отмечена как выполненная в индивидуальной манере (*Корзухина, Пескова, 2003. С. 169, 236, табл. 100*). Высказанное там же предположение об отождествлении этой створки с энколпионом из коллекции ГИМ не подтвердилось.

⁷ В контексте настоящей статьи нельзя не сказать также о находке круглого образка-привески с инкрустированным изображением Спасителя на лицевой стороне (оборотная сторона не показана), выполненной в стиле «БМ», приводящейся в статье эстонских коллег с указанием на обнаружение ее в каменном могильнике Кобрат (*Jonuks, Kurisoo, 2013. P. 77, fig. 4, 3*).

Таблица 2. Находки энколпионов группы IV.5.5
Table 2. Finds of encolpions of group IV.5.5

№	Происхождение находки	Размеры, см	Датировка по археологическому контексту	Источник сведений
1	Великий Новгород, Троицкий раскоп, 2016 (Тр-16/1-347)	3,6 × 2,65 × 0,3	1-я пол. XII в.	Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 1
2	Великий Новгород, Конюшенный 1 раскоп 2011 (Кон1/5-46)	~3,5 × 2,6 (фр.)	XII в.	Олейников, 2019. С. 164, рис. 2, 2
3	Великий Новгород, Никитинский раскоп, из засыпки ямы	3,0 × 2,2 (по фото)	начало XIII в.	Дубровин, 2010. С. 44, рис. 60, 6
4	Старая Русса, раскоп Борисоглебский, 2000	3,4 × 2,7	2-я пол. XI в.	Торопова и др., 2001. С. 18–19, рис. 2, 3; Корзухина, Пескова, 2003. С. 163, табл. 97, IV.5.5/3*
5	Суздальское Ополье, Весь I, 1987	(3,3–3,4) × (2,6–2,7) 4,6 × 2,6 × 0,6	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др. 2017. С. 295, рис. 2, 8; Кокорина, 2013. С. 18, кат. № 1
6	Суздальское Ополье, Поганое озеро 1, 2006, № 269	(3,3–3,4) × (2,6–2,7)	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 9
7	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2013, № 15	(3,3–3,4) × (2,6–2,7)	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 10
8	Суздальское Ополье, Суворотское 8, 2014, № 145	3,1 (высота фр.)	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 296, рис. 2, 12
9	Суздальское Ополье, Тарбаево, 2009	2,4 × 2,0 × 0,3 (фр.)	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2; Родина, 2012. С. 89; Кокорина, 2013. С. 20, кат. № 4
10	Суздальское Ополье, Сорогужино, 2016, № 27	5,9 (с петлями) × 3,1	XI — 1-я пол. XII в.	Макаров и др., 2017. С. 295, рис. 2, 11
11	Крева I (Пекуновское селище), случайная находка в обрыве берега	—	—	Даченков, Петров, 2011. Цв. вклейка без пагинации
12	Курганье, Жлобинский район Гомельской области, Беларусь, курган	3,7 × 2,8 (по фото)	конец XI — 1-я треть XII в.	Богомольников, 1974. С. 369–370, фото на с. 369; Археологія і нумізматыка..., 1993. С. 358
13	Витичев, быв. Ржищевский уезд Киевской губернии, 1908	3,3 × 2,5 × 0,2	—	Асташова и др., 2011. Кат № 192
14	Каневский уезд Киевской губернии, 1917	4,2 × 3,1 × 0,4	—	Корзухина, Пескова, 2003. С. 164, табл. 97, IV.5.5/2
15	Вильятина, о. Сааремаа, Эстония (на территории могильника)	4,3 × 3,0 4,5 × 3,2 (по фото)	—	Корзухина, Пескова, 2003. С. 169, табл. 100, IV.5.5/40; Jõnüks, Kurisoo, 2013. Lk. 73. P. 1: 3
16	Экимань, Полоцкий район, Беларусь (один из посадов древнего Полоцка, случайная находка)	4,1 × 3,2 (по фото)	Материал из шурфов на посаде датируется XI–XIII вв.	Полоцк, 2012. С. 131–132, рис. 19, 3

* В каталоге 2003 г. размеры этого энколпиона были указаны неправильно.

крестом-реликварием, происходящим из раскопок первой болгарской столицы Плиски, обнаруженном в комплексе с керамикой второй половины IX — X в., но изготовленным, по мнению его исследователей, в одной из высококлассных мастерских Константинополя (Дончева-Петкова, 2011. С. 108–117, кат. № 214, таб. L–LIII) (рис. 2). Л. Дончева-Петкова предполагает, что крест был специально изготовлен и подарен какому-то высокопоставленному светскому или духовному лицу по случаю принятия Болгарией христианства в 864 г. (Там же. С. 117). Схематичные лики святых на четырех створках этого сложного креста переданы столь же условно, как и на древнерусских, но другим способом: глаза — круглыми углублениями, заполненными чернью, нос — одной прямой линией, вверху от линии носа отходят надбровные дуги; фигуры в целом пропорциональные, даже слегка вытянутые. В наложении черни используются два приема — узкие полосы по контуру фигур в сочетании с более широкими полосами одеяний святых, покрытыми чернью. На древнерусских крестах просматриваются оба способа, но, как правило, не в сочетании, а по отдельности, а лики, как правило, полностью гравированные, исполнены без применения черни, за исключением общего контура головы, прядей волос и бороды Христа.

Древнерусские нестандартные кресты заметно отличаются от стандартных способом нанесения черни. Если на стандартных крестах мы видим чернь только в предназначенных для нее канавках (по типу инкрустации), то на нестандартных чернью заполнены не только канавки, но ею покрыты и небольшие плоские участки створки. Так, на стандартных крестах борода Христа лишь оконтурена снизу черневой полосой, а на нестандартных она бывает полностью залита чернью. На стандартных крестах пересекающиеся складки мафория на груди Богоматери лишь намечены черневыми линиями, на нестандартных эти линии вообще не читаются, так как полностью залиты чернью. Специальное изучение техники чернения энколпионов из Суздальского Ополья, предпринятое московскими

исследователями, показало, что на крестах-реликвариях группы IV.6.1 (стандартных) предназначенные для чернения углубления заполнялись разогретыми полосами металла, а при чернении крестов-реликвариев группы IV.5.5 (нестандартных) «использовалась расплавленная вязкая масса, которой покрывали участки, предназначенные для чернения, а потом зашлифовывали их», поэтому чернь не выступает над плоскостью створки; в отдельных случаях было прослежено использование обеих техник нанесения черни (Макаров и др., 2017. С. 302–303).

На всех стандартных энколпионах, насколько можно судить невооруженным глазом, рисунок углубленных линий-канавок, предназначенных для чернения, одинаков, чего нельзя сказать с уверенностью о нестандартных энколпионах, так как на их створках границы этих линий оказываются частично скрытыми под слоем черни. Тем не менее и здесь можно предполагать если не буквальное повторение основного рисунка, то, по меньшей мере, стремление мастера повторить его. Очевидно, створки отливались вместе с углублениями под чернь, служившими мастеру опорой при дальнейшем создании гравированного изображения. Подтверждением тому служит специально проведенное исследование энколпиона с поселения Вишенки 3, чернь на котором не сохранилась, и оно показало, что «канавки под чернь были получены при литье (рисунки были сделаны на модели)» (Макаров и др., 2017. С. 302, рис. 2, 1; 4, 2). Иначе описывают технологию изготовления таких крестов исследователи энколпионов из собрания ГИМ: «Их створки отливали с гладкой поверхностью и сравнительно глубокой емкостью. На металлических створках выбирали металл по контурам довольно схематичных изображений, которые потом заполняли чернью. Кроме того, гравировкой исполняли надписи и линии декора» (Асташова, Сарачева, 2015. С. 200, рис. 3, 1–4). На наш взгляд, высокая степень стандартизации не только формы и размеров створок, но и самих изображений на створках этой группы энколпионов свидетельствует

Рис. 2. Золотой миниатюрный крест-реликварий из Плиски: 1 — внешний крест; 2 — внутренний крест (Pitarakis, 2006. P. 61, fig. 38)

Fig. 2. Gold miniature reliquary cross from Pliska: 1 — external cross; 2 — inner cross (Pitarakis, 2006. P. 61, fig. 38)

о том, что основу рисунков — углубленные канавки — все-таки получали в основном при литье створок.

Надписи на рассматриваемых крестах встречаются чрезвычайно редко и только на створках с изображением Богоматери — МР ΘΥ. На трех стандартных энколпионах (Новгород: Дес-3/1-92 и Троицкий X, пл. XI, кв. 1205; Лесковое 2) надпись располагается над головой Богоматери, на створке нестандартного энколпиона из Витичева следы надписи заметны под левой рукой Богоматери (Олейников, 2019. Рис. 1; Корзухина, Пескова, 2003. С. 166, табл. 100; Веремейчик, 2010. С. 345, рис. 3, 2; Асташова и др., 2013. С. 241, № 192). Обе манеры надписывания традиционны для гравированных крестов византийского круга. Новгородские кресты относятся к древнейшим памятникам, обнаруженным в слоях второй половины XI в., створка из Лескового в Черниговском Полесье происходит из заполнения постройки второй половины XII — первой половины XIII в. Судить о степени распространенности в течение этого времени традиции надписывания створок рассматриваемой группы энколпионов было бы неосторожно из-за стертости гравированных изображений, а значит, и возможных надписей на большинстве известных экземпляров. Тем не менее не приходится сомневаться, что налаживание изготовления крестов-реликвариев на Руси в XI в. происходило под руководством и при непосредственном участии византийских мастеров, создававших первые древнерусские модели крестов. В первую очередь они, скорее всего, ориентировались на столичные константинопольские образцы крестов с чернью, выполненные из серебра, золота (типа креста из Плиски), реже из медных сплавов. С другой стороны, отдельные признаки на древнерусских крестах, такие как схематизм и диспропорции в изображении фигуры Богоматери (особенно крупные ладони), свойственные так называемым «сирийским» крестам-реликвариям, выдают в их создателях людей, хорошо владевших мастерством изготовления массовой продукции — крестов, отлитых из медных сплавов со

схематичными врезанными изображениями святых, широко распространенных на территории Византийской империи. Понятно, что при таком «синтетическом» подходе к созданию новых моделей прямых прототипов произведениям (древнерусским энколпионам), полученным в результате их творчества, мы не найдем ни среди редких драгоценных крестов, украшенных чернью, ни среди многочисленных гравированных крестов, отлитых из медных сплавов. Самобытность этих моделей сегодня почти ни у кого не вызывает сомнений. Тем более удивительным выглядит вывод Н. И. Асташовой и Т. Г. Сарачевой о том, что «кресты с чернью относятся скорее к переходному типу от византийских к древнерусским», при том что авторы признают миниатюрные энколпионы «одним из типов местной школы мелкой пластики» (Асташова, Сарачева, 2015. С. 200–201). Возможно, исследователи подразумевали под собственно древнерусскими группу рельефно-черневых крестов, самые ранние из которых сегодня датируются рубежом XI–XII вв. Однако черневые кресты-энколпионы на Руси имеют свою непрерывную линию развития, начинающуюся с создания собственных моделей миниатюрных черневых крестов-энколпионов и идущую параллельно с развитием других групп древнерусских крестов (рельефно-черневых, рельефных и пр.).

Завершая размышления о двух группах миниатюрных черневых энколпионов (IV.5.5 и IV.6.1), нельзя не упомянуть о нательных двусторонних крестах, изготовленных по образцу стандартных крестов-реликвариев, имеющих те же размеры (или чуть меньше) и форму с почти прямоугольными концами и очень близкую иконографию. При этом изображения Распятия и Богоматери Оранты на них выполнены не гравировкой, а в очень низком рельефе, над головами Христа и Богоматери видны неясные буквы, отлитые, по видимому, вместе со створками (рис. 1, 9). Находки их единичны и связаны с городскими и сельскими поселениями, такими как Новогрудок, Беларусь (двусторонний: Распятие — буквы ХС; в заполнении постройки

первой (?) половины XII в.), Владимир-Волынский, Украина (двусторонний: Распятие — Богоматерь Оранта; в земле, близ церкви св. Василия), Новгород-Северский, Украина (серебряный (?), опубликована только одна сторона с изображением Богоматери; в заполнении жилища XI–XII вв. на посаде древнего города), поселение Магерки I в округе г. Нежин, Украина (двусторонний: Распятие⁸ — Богоматерь Оранта; поселение датируется XI в.)⁹, а также случайная находка двустороннего креста (Распятие — Богоматерь Оранта) у с. Лепляво Каневского района Черкасской области, Украина¹⁰ (Гуревич, 1981. С. 47, рис. 35, 2; Леопардов, Чернев, 1891. С. 6, табл. I–1, IV–1; Ханенко Б., Ханенко В., 1899. Табл. I, 25; Кедун, 2010. С. 104, рис. 1; Кедун, Пархоменко, 2017. С. 159–160, рис. 2, 4). В Великом Новгороде (Ман 9А/7, вторая половина XII в.) впервые был обнаружен аналогичный крест, но состоящий из двух тонких пластин (створок?), которые были наглухо соединены штифтами и снабжены неподвижным ушком; на лицевой стороне сохранилось четкое низкорельефное изображение Распятия, на другой стороне — стертое от долгого ношения изображение Богоматери в типе оранта (Олейников, 2019. С. 170–171, рис. 5, 2) (рис. 1, 9) (табл. 3). О. М. Олейников полагает, что такой крест мог быть изготовлен по индивидуальному заказу, с чем нельзя не согласиться, но оставляет открытым вопрос о месте его изготовления (Там же. С. 171). Новгородский экземпляр позволяет предположить, что, в подражание

миниатюрным черневым крестам-реликвариям, мастером не столь высокого уровня могла быть создана модель креста-реликвария с низкорельефными изображениями Распятия и Богоматери Оранты, послужившая, в свою очередь, образцом для отливки нательных крестов этого типа. Археологический контекст находки с поселения Магерки I показывает, что такие единичные кресты начали изготавливать уже в XI в., то есть параллельно с освоением массового изготовления черневых энколпионов, и, судя по географии находок, скорее в Киевской земле, но, конечно, не в «Большой мастерской». Несмотря на простоту воспроизведения таких крестов (путем оттискивания образца в глине), широкого распространения они не получили, возможно, именно потому, что вышли не из крупной мастерской.

В Новгороде этого времени известны и другие примеры изготовления нательных крестов с Распятием, созданных наподобие миниатюрных крестов-реликвариев, но иного типа — по образцу древнеболгарских рельефных миниатюрных крестов-реликвариев, и не прямым их копированием, а на основе самостоятельно разработанных моделей. Это так называемые «кресты с грубым изображением Распятия» (Пескова, 2006. С. 124–131, рис. 5; 2009. С. 47–48; Peskova, 2014. P. 113–131). Они были широко известны с конца X по XII в. на обширной территории, но преимущественно в севернорусских землях (Peskova, 2014. Fig. 2). В средневековой Болгарии в X — начале XI в. отливалось очень много разнообразных нательных крестов, в том числе выполненных путем копирования миниатюрных рельефных крестов-реликвариев. Как правило, они были односторонними либо с изображением распятого Христа (чаще в колобии, нежели препоясанного), либо с изображением Богоматери в типе оранты, но известны и двусторонние кресты (Дончева-Петкова, 2011. С. 215–224, кат. № 978–1129). Древнерусские нательные низкорельефные кресты, выполненные в подражание древнерусским черневым стандартным крестам-реликвариям, можно было бы рассматривать как явление одного порядка

⁸ Из-за нечеткого изображения распятого Христа авторы трактуют его одеяние как колобий, с чем трудно согласиться.

⁹ С этим поселением исследователи связывают находку клада древнерусских серебряников, 1852 г. (Сотникова, Спасский, 1983. С. 67–80; Морозов, 2011. С. 99–104).

¹⁰ Быв. с. Липлява Полтавской обл., возможно, находка связана с расположенными здесь городищем и могильником с материалами XI–XII вв. (Древнерусские поселения..., 1984. С. 13–15, 134, кат. № 321, рис. 2, 62). Крест хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири (ОАВЕиС) Гос. Эрмитажа, кол. 741, инв. № 741/341 (373).

Таблица 3. Находки нательных крестов, изготовленных в подражание крестам-энколпионам группы IV.6.1
Table 3. Finds of cross-pendants imitating crosses-encolpions of group IV.6.1

№	Происхождение находки	Размеры, см	Датировка по археологическому контексту	Источник сведений
1	Великий Новгород, 2017 (Ман 9А/7)	3,3 (4,0) × 2,3 × 0,35	2-я пол. XII в.	Олейников, 2019. С. 170–171, рис. 5, 2
2	Новогрудок, Беларусь, 1962, постр. 18	3,3 × 2,3	1-я(?) пол. XII в.	Гуревич, 1981. С. 18, 47, рис. 35, 2
3	Новгород-Северский, Украина, 2008	3,3 × 2,5	XI–XII вв.	Кедун, 2010. С. 104, рис. 1; Кедун, Пархоменко, 2017. С. 160
4	Магерки I (в округе г. Нежин), Украина, 2015	3,9 × 2,2	XI в.	Кедун, Пархоменко, 2017. С. 159–160, рис. 2, 4
5	Владимир-Волынский, Украина, у ц. св. Василия, до 1891	3,1 × 2,2	—	Леопардов, Чернев, 1891. С. 6, табл. I-1, IV-1; Ханенко, 1899. Табл. I, 25
6	Лепляво (быв. Липлява) Каневского района Черкасской области, Украина	3,3 × 2,3	—	ГЭ, ОАВЕиС, кол. 741, инв. № 741/341 (373)

с болгарскими двусторонними крестами. Однако в нашем случае речь идет не о прямом копировании, а о создании новой, хотя и упрощенной в техническом отношении модели креста-реликвария, послужившего в свою очередь образцом для отливки нательных двусторонних крестов с изображениями Распятия и Богоматери Оранты, тем не менее так и не получивших на Руси широкого распространения. Об этом как раз и свидетельствует рассматриваемый крест-реликварий, превращенный в нательный крест этого типа (Ман 9А/7) (Олейников, 2019. С. 70–171, рис. 5, 2). Изготовлен он был, скорее всего, в Новгороде — городе, в котором известен подобный пример изготовления двустороннего креста с Распятием, созданного по образцу миниатюрного креста-реликвария, но иного типа. Имеется в виду крест, обнаруженный в 2011 г. в южной части Людина конца в слое первой половины XII в. (Влас-2/5-108), состоящий из двух пластин (створок?), соединенных между собой «приемом проковки практически наглухо», с одинаковыми низкорельефными изображениями Распятия на обеих сторонах (Там же. С. 169–170, рис. 5, 1). В качестве

ближайших аналогий О. М. Олейников обоснованно приводит широко известные кресты с так называемым «грубым» изображением Распятия (один из вариантов) и деформированную створку креста-реликвария из раскопок 2007 г. на Троицком XIII раскопе на усадьбе «Е», датированную первой половиной XI в. (1030–1040-е гг.) (Peskova, 2014 P. 114, fig. 1, 8; Покровская и др., 2017. С. 472, рис. 2, 1).

Картина распространения стандартных энколпионов (IV.6.1) с появлением новых находок принципиально не изменилась — находки компактно концентрируются на юге, преимущественно в среднем течении Днепра и Десны и немного в бассейне среднего течения Днестра и верхнего течения Западного Буга, на северо-западе они тяготеют к таким крупным центрам, как Псков и Изборск, Старая Ладога, Новгород и Рюриково городище, на северо-востоке в основном сосредоточены на крупных неукрепленных поселениях Волго-Клязьминского междуречья с выходом на Шексну и Мологу, при этом в самом Суздале и Ростове такие находки единичны (Корзухина, Пескова, 2003. С. 236–237, карта на с. 237). Заметно увеличилась лишь плотность мест

находок в Новгороде и Суздальском Ополье (Олейников, 2019. Рис. 1; 2, 4, 5; Макаров и др., 2017. С. 292, рис. 1). Отдельные новые места находок в основном вписываются в прежние границы, за исключением, пожалуй, Полоцка и селища Истье в Рязанской области, ранее не отмеченных на этой карте (Археалагічныя знаходкі..., 2010. С. 44, кат. № 63; Полоцк..., 2012. С. 131–132, рис. 19, 3; Остапенко, 2015. С. 289, № 400).

Параллельное бытование на Руси энколпионов, отлитых по двум, по меньшей мере, моделям крестов-реликвариев одного иконографического типа уже на начальном этапе их создания в XI в. и представленных теперь уже значительным количеством археологических находок, свидетельствует о том, что широкое налаживание изготовления стандартных миниатюрных энколпионов произошло не сразу, не вдруг, а в результате взаимодействия в работе двух или более мастерских или нескольких мастеров внутри одной мастерской («Большой Мастерской»?). С течением времени, в пределах второй половины XI — XII в., но в основном в XII в. в стиле, присущем изделиям этой мастерской, было создано

очень много черневых и рельефно-черневых крестов-энколпионов разных размера, формы и композиционно-иконографического решения. Особенно ярко и во всей полноте эти стилевые особенности проявились на энколпионах большего размера с четырех- и пятичастной иконографической композицией, некоторые из них бытовали вплоть до монголо-татарского нашествия. Исходя из этого под «БМ» сегодня следует понимать не столько работу одного коллектива или поколения, сколько мастерскую в крупном городском центре, скорее всего в Киеве, при монастыре, где на протяжении полутора столетий поддерживались определенные традиции, передаваемые из поколения в поколение.

Вместе с тем наряду с крестами, созданными в гипотетической «БМ», другие мастера в XII в. изготавливали «разностилевые», по выражению Г. Ф. Корзухиной, черневые энколпионы. Они дошли до нас в сравнительно небольшом количестве и получили различивую оценку у современных исследователей, вплоть до признания их византийскими. Но эти спорные вопросы требуют отдельного специального рассмотрения.

Археалагічныя знаходкі..., 2010 — Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С.Л. Міхайкі. Каталог. Нац. Полацкі гісторыка-культурны музей-заповеднік. Віцебск: Віцебская абласная друкарня, 2010. 174 с., ил.

Археалогія і нумізматыка..., 1993 — Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. 704 с., ил.

Асташова и др., 2013 — Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачёва Т. Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.: РИП-холдинг, 2013. 320 с., 483 ил.

Асташова, Сарачева, 2015 — Асташова Н. И., Сарачева Т. Г. Древнерусские миниатюрные энколпионы // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2015. Вып. 29. С. 195–202.

Богомольников, 1974 — Богомольников В. В. Обследование курганов в Жлобинском районе // АО 1973 г. М., 1974. С. 369–370.

Веремейчик, 2010 — Веремейчик Е. М. Предметы христианского культа XI–XIII вв. на сельских поселениях Черниговского Полесья // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Гали Федоровны Корзухиной (СПб., 10–16 апреля 2006 г.). СПб.: Нестор-История, 2010. С. 344–354.

Гаврилюк, Ягодинская, 2005 — Гаврилюк О. Н., Ягодинская М. А. Древнерусские предметы христианского культа западной Подолии и юго-западной Волыни // АВ. СПб., 2005. Вып. 12. С. 123–141.

Григорьева, 2015 — Григорьева О. В. Кресты-реликварии из княжеской резиденции на Рюриковом городище // АВ. СПб., 2015. Вып. 21. С. 246–260.

Гуревич, 1981 — Гуревич Ф. Д. Древний Новгородок: Посад — окольный город. Л.: Наука, 1981. 160 с., ил.

- Даченков, Петров, 2011 — Даченков И. Б., Петров Ф. Н. История подмосковного Верхневолжья. Тверь: Тверская областная типография, 2011. 208 с., ил.
- Дончева-Петкова, 2011 — Дончева-Петкова Л. Средновековни кръстове-энколпионы от България (IX–XIV в.). София: Академично издателство «Проф. МАРИН ДРИНОВ», 2011. 736 с., ил.
- Древнерусские поселения..., 1984 — Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев: Наукова думка, 1984. 193 с., ил.
- Дубровин, 2010 — Дубровин Г. Е. Никитинский раскоп в Новгороде. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 335 с., ил.
- Кедун, 2010 — Кедун И. С. Розкопки в м. Новгород-Сіверський у 2008 р. // Археологічні дослідження в Україні 2008. Київ, 2010. С. 104.
- Кедун, Пархоменко, 2017 — Кедун И. С., Пархоменко О. Г. Археологічні дослідження поселення Магерки I в м. Ніжин // АДІУ. Київ, 2017. Вип. 1 (22). С. 159–162.
- Коваленко и др., 2019 — Коваленко Е. С., Мурашев М. М., Подурец К. М., Грешников Э. А., Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Беляев Л. А., Олейников О. М. Нейтронная и синхротронная визуализация объектов культурного наследия: средневековые кресты-энколпионы. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.archaeolog.ru/ru/press/articles/neytronnaya-i-sinkhrotronnaya-vizualizatsiya-obektov-kulturnogo-naslediya-srednevekovye-kresty-enkolpionu> (дата обращения: 27.10.2019).
- Кокорина, 2013 — Кокорина Н. А. Нагрудные кресты древнерусского времени из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Каталог. Владимир: Б. и., 2013. 76 с., ил.
- Колпакова, 2011 — Колпакова Ю. В. Энколпионы из Пскова и Изборска // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура: К юбилею И. К. Лабутиной. Псков, 2011. Вип. 2. С. 141–156.
- Корзухина, Пескова, 2003 — Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские кресты-энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 432 с., ил. (Тр. ИИМК РАН; Т. 7).
- Леопардов, Чернев, 1891 — Леопардов Н. А., Чернев Н. Сборник снимков с предметов древности, находящихся в г. Киеве в частных руках (новая серия). Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1891. Вип. I. 30 с., ил.
- Лысенко и др., 2012 — Лысенко С. Д., Шкляревский Е. И., Квитницкий М. В., Черновол Д. К. Многослойное поселение Кошечевка-8: Материалы Фастовской археологической экспедиции. Киев; Фастов: ИА НАНУ, 2012. Вип. 1. 332 с., ил.
- Макаров, 1991 — Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // КСИА. М., 1991. Вип. 205. С. 11–20.
- Макаров, Зайцева, 2017 — Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Кресты-энколпионы с чернью из Суздальского Ополя // Тр. V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле-Белокурихе. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. Т. 2. С. 193–197.
- Макаров и др., 2017 — Макаров Н. А., Зайцева И. Е., Грешников Э. А. Черневые кресты-энколпионы в Суздальском Ополе // АВ. Вип. 23. СПб., 2017. С. 291–310.
- Макаров, Федорина, 2008 — Макаров Н. А., Федорина А. Н. О находках энколпионов на суздальских селищах // Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М., 2008. Вип. 2. С. 137–146.
- Морозов, 2011 — Морозов О. С. Ніжин археологічний та літописний (за матеріалами Ніжинського краєзнавчого музею) // Ніжинська старовина. Ніжин, 2008. Вип. 6 (9). С. 5–23.
- Мусин и др., 2002 — Мусин А. Е., Торопова Е. В., Торопов С. Е. Христианские древности Старой Руссы (вопросы топографии и археологического контекста) // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 2002. Вип. 16. С. 175–187.
- Олейников, 2016 — Олейников О. М. Исследования в северо-западной части Неревского конца средневекового Новгорода в 2011 г. (раскоп Конюшенный-1) // КСИА. М., 2016. Вип. 243. С. 77–91.
- Олейников, 2019 — Олейников О. М. Новые находки энколпионов XI — первой четверти

- XIII в. в Великом Новгороде // РА. М., 2019. № 1. С. 161–176.
- Остапенко, 2015 — Остапенко А. А. Христианские древности Рязанской земли XI–XIV вв. (мелкая пластика): Дис. ... канд. ист. наук. Т. II: Приложение. М., 2015. 507 с.
- Пескова, 2006 — Пескова А. А. Истоки иконографии древнерусских энколпионов // Христианская иконография Востока и Запада в памятниках материальной культуры Древней Руси и Византии. СПб., 2006. С. 121–162.
- Пескова, 2009 — Пескова А. А. Византийско-скандинавские компоненты в христианской металлопластике Древней Руси X–XI вв. // На Запад и на Восток: межэтнические контакты в эпоху становления Новгородской Руси: Культура. Память. Идентичность. Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, Великий Новгород, Россия, 21–24 июля 2009) / Eastward and Westward: inter-ethnic contacts at the time of the formation of Rus' of Novgorod. Culture, Memory and Identity (St. Petersburg and Novgorod, Russia, 21–24 July 2009) / Vers l'Orient et vers l'Occident: les contacts interethniques à l'époque de la formation de la Rus' de Novgorod. Culture. Mémoire. Identité. Colloque scientifique international. Saint-Petersbourg et Novgorod, 21–24 juillet 2009 / P. Bauduin, A. Musin (dir.). СПб.: ИИМК РАН, 2009. С. 47–48 (на рус., англ.).
- Пескова, 2017 — Пескова А. А. К вопросу о местных особенностях в изготовлении борисоглебских крестов-реликвариев XIII в. в Галицко-Волынской земле // АДІУ. Київ, 2017. Вип. 1 (22). С. 91–99.
- Покровская и др., 2017 — Покровская Л. В., Степанов А. М., Сингх В. К. Нательные кресты, крестовидные и крестовключенные привески XI — начала XII в. (по материалам Троицких XIII и XIV раскопов) // В камне и в бронзе. Сб. статей в честь Анны Песковой. СПб.: ИИМК РАН, Невская Книжная Типография, 2017. С. 467–474 (Тр. ИИМК РАН; Т. XLVIII).
- Полоцк..., 2012 — Полоцк / Ред. О. Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2012. 741 с. (Сер. «Древнейшие города Беларуси».)
- Прищепна, 2016 — Прищепна Б. А. Погоринські міста в X–XIII ст. Рівне: ПП Дятлик М., 2016. 297 с.
- Сотникова, Спасский, 1983 — Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.: Искусство, 1983. 240 с.
- Торопова и др., 2001 — Торопова Е. В., Антропова Я. В., Журинов И. Г., Торопов С. Е. Археологические исследования на Борисоглебском раскопе в 2000 г. (результаты и перспективы) // НИИЗ ИА. Великий Новгород, 2001. С. 16–19.
- Уткин, 1991 — Уткин А. В. Курганный могильник близ д. Крутихи на р. Уводь // КСИА. М., 1991. Вып. 205. С. 93–100.
- Ханенко Б., Ханенко В., 1899 — Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности русские: кресты и образки. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1899. Вып. 1. 34 с., ил.
- Ханенко Б., Ханенко В., 1900 — Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Древности русские: кресты и образки. Киев: Фототипия и тип. С. В. Кульженко, 1900. Вып. 2. 25 с.
- Янин и др., 2013 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Степанов А. М., Покровская Л. В., Сингх В. К., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Новгорода в 2012 году (Троицкий раскоп XIII, участки Г и Г-1) // НИИЗ ИА. Великий Новгород, 2013. Вып. 27. С. 12–19.
- Czerwień..., 2012 — Czerwień — gród między Wschodem a Zachodem. Katalog wystawy / Red. J. Bagińska, M. Piotrowski, M. Wołoszyn. Tomaszów Lubelski, Leipzig, Lublin, Rzeszów: Muzeum Regionalne w Tomaszowie Lubelskim, 2012. 448 s.
- Jonuks, Kurisoo, 2013 — Jonuks T., Kurisoo T. To be or not to be ... a Christian: Some new perspectives on understanding the Christianisation of Estonia // Electronic Journal of Folklore. (FEJF) 2013. 55. [Электронный ресурс]. URL: <http://haldjas.folklore.ee/folklore> (дата обращения: 25.02.2020).
- Mägi, 2002 — Mägi M. At the Crossroads of Space and Time. Graves, Changing Society and Ideology on Saaremaa (Ösel), 9th–13th centuries AD. CCC papers: 6. Gotland University College, Centre for Baltic Studies; Institute of History, Department of Archaeology. Tallinn, 2002. 278 p.
- Peskova, 2014 — Peskova A. A. Byzantine and Scandinavian Elements in Christian Devotional Metalwork Objects of Early Rus' of the 10th–

11th Centuries // Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rus ancienne. Caen: PUC, CRAHAM, 2014. P. 113–131.

Pitarakis, 2006 — *Pitarakis B.* Les croix-reliquaires pectorales Byzantines en bronze / Cahiers Archéologiques. Paris: Picard, 2006. T. XVI. 447 s.

The earliest Old-Russian pectoral reliquary crosses in the light of new investigations

A. A. Peskova

In connection with new finds published in recent years and new special studies devoted to the group of niello crosses-encolpions which represent a key group in the solution of problems tied with the origin and development of Old-Russian encolpions in general, the necessity has arisen to return once again to a detailed examination of these artefacts. New findings with a well preserved engraving have allowed the researchers to compare them also in terms of their stylistics and hence to distribute them more distinctly and soundly over the three groups distinguished earlier (IV.6.1, IV.6.2, IV.5.5) (*Корзухина, Пескова*, 2003. P. 235–237) (cf. Tables 1 and 2). First a group of two-side crosses was identified manufactured after the pattern of reliquary crosses of group IV.6.1 (cf. Table 3). Encolpions cast after, at least, two models of reliquary crosses of a single iconographic type as early as the initial stage of their design in the 11th century were used in Rus' simultaneously. Now they are represented by an already considerable number of archaeological finds. Iconographic, stylistic and morphological analysis has demonstrated that the wide development of the manufacture of these standardized miniature crosses (group IV.6.1) occurred not at once, not suddenly, but as a *result of an interaction between two or more workshops* (group IV.5.5 and single examples marked by features of individual creativity) or between several artists within a single workshop (the 'Great Workshop' in Kiev?).

Западноевропейские бытовые предметы из раскопок в Новгороде

Д. С. Сержникова¹

Аннотация. Статья посвящена западноевропейским предметам второй половины XII — первой половины XV в., которые использовались в быту жителями древнего Новгорода и были найдены в ходе археологических изысканий. В работе ставится цель выявить импортные бытовые предметы, ввезенные ганзейскими купцами, ранее неатрибутированные исследователями, найти им аналогии на территории Западной Европы и ввести их в научный оборот.

Annotation. The article is devoted to the Western European artifacts of the second half of the XII — the first half of the XV century, which were found during archaeological research. The purpose of the work is to identify imported household items that were previously attributed to researchers and find them in scientific circulation.

Ключевые слова: Великий Новгород, Западная Европа, импорт, бытовые предметы.

Keywords: Veliky Novgorod, Western Europe, import, household items

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-194-202

Бытовые предметы являются одной из основных категорий в вещевой коллекции, собранной при раскопках Великого Новгорода. Это и деревянная посуда, и ножи, и замки с ключами, различные инструменты, применяемые в домашнем хозяйстве, косметические аксессуары. Кроме того встречаются и предметы, скрашивающие досуг, — элементы настольных игр.

Среди огромного количества находок этой категории представлены и вещи западноевропейского происхождения. Их наибольшее количество было найдено на Готском раскопе, где они являются свидетельствами повседневной жизни ганзейских купцов.

Большинство западноевропейских вещей, использовавшихся древними новгородцами,

уже атрибутированы, описаны и опубликованы. М. В. Седова выделила фрагменты западноевропейских водолеев (Седова, 1981. С. 170, рис. 63, 12 и 70, 5). Е. А. Рыбина атрибутировала западноевропейские оправы для зеркал (Крюгер, Рыбина, 2013. С. 193–195), рукояти ножей (Рыбина, 1990. Р. 303–308), деревянные подсвечники, игральные кубики, шахматы, керамику и многое другое (Рыбина, 2009. С. 204). Т. С. Варфоломеева подробно описала импортные кожаные коробочки для цер и ножны (Варфоломеева, 1995. С. 192–202). А. А. Кудрявцев обратил внимание на несколько новгородских ключей от нутряных замков, предназначенных для ларцов и сундуков, аналоги таким ключам встречаются в западноевропейских городах (Кудрявцев, 2012. С. 121–122). В. П. Даркевич опубликовал некоторые уникальные предметы, такие как утраченная итальянская лжица XIII в. и коస్తяная накладка с Неревского раскопа, сюжет

¹ Кафедра археологии, Исторический факультет МГУ им. Ломоносова; Ломоносовский пр., 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия; E-mail: Serezhnikova@yandex.ru.

которой известен по готическим романам средневековья (*Даркевич*, 1965. С. 245–249; 1966).

В статье речь пойдет о ранее неатрибутированных или же неопубликованных западноевропейских находках, которые были обнаружены за пределами Готского раскопа на усадьбах новгородцев.

Хронологические рамки исследования ограничиваются 1191–1192 гг., временем заключения торгового договора общиной немецких купцов с новгородцами, и первой половиной XV в., когда новгородско-ганзейские отношения пришли в упадок.

Детали осветительных приборов. Фонари (3 экз.). На территории Европы в течение XIII–XV вв. для освещения использовались металлические фонари, в которые вставлялась свеча. Они представляли собой цилиндр из листа металла высотой 10–30 см с окошком для свечи и отверстиями, сверху закрывавшийся крышкой, для переноски к цилиндру была приделана ручка либо для подвеса к крышке крепилась петля.

Значительный интерес представляют ранее неатрибутированные фрагменты подобных свечных фонарей, найденные в Великом Новгороде. Эти предметы уникальны не только для Новгорода, но и для Древней Руси в целом. На сегодняшний день аналогов новгородским фонарям на территории Восточной Европы не выявлено.

В новгородской археологической коллекции присутствуют три круглые крышки от фонарей, все они сделаны из металлических сплавов на основе меди. Одна из них диаметром 4,5 см найдена на Неревском раскопе в слое 1382–1409 гг. В центре этой крышки расположена железная петля, к которой крепилась цепь для подвешивания. Еще одна крышка диаметром 8 см является случайной находкой (рис. 1, 1). Абсолютно такая же крышка найдена в Лондоне в слое 1270–1350 гг. (*Egan*, 2010. P. 172) (рис. 1, 3, 4). Третья крышка диаметром 9 см с петлей для подвеса найдена в слое XIV в. также на Неревском раскопе (рис. 1, 2).

В европейской средневековой живописи подобные фонари часто изображались

в евангельских сюжетах, прежде всего в сцене ареста Христа в Гефсиманском саду. Средневековые художники отображали в своих произведениях знакомые им повседневные реалии, и неудивительно, что фонарь — обязательный атрибут ночного сторожа, следившего за порядком в спящем городе, нашел свое место в искусстве. Должность ночного сторожа существовала и в Новгороде, его обязанности были сходными с обязанностями его западных коллег, не исключено, что в богатых усадьбах стражу несли слуги бояр и купцов, особенно в беспокойное время внутригородских усобиц и конфликтов. По-видимому, актуальность фонаря в новгородском контексте обуславливалась еще и его относительной пожарной безопасностью по сравнению с факелами. Также есть вероятность, что крышки от фонарей были завезены из Западной Европы в виде металлического сырья.

Подсвечник из медного сплава. Фрагмент бронзового литого подсвечника, представляющего собой руку, держащую факел, найден на Неревском раскопе в слое начала XIII в. (рис. 1, 7). Подсвечники в виде фигуры человека, держащего в руках свечу, в Европе встречаются повсеместно. Например, в кафедральном соборе в Эрфурте находится известный светильник Вольфрама (100 см в высоту) в виде фигуры человека, руки которого широко разведены в стороны, в каждой он держит по свече. Датируется он 1160 г. (*Нессельштраус*, 1964. С. 205). Три аналогичных подсвечника, сделанных в Нидерландах, хранятся в музее Метрополитен (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 64.101.1535; 64.101.1534; 41.100.130) (рис. 1, 5). Два из них, 30 см в высоту, созданы голландским мастером Аертом ван Трихтом в конце XIV в., третий высотой 16 см датируется XIII в., автор неизвестен. Еще один подобный подсвечник XIV в., также произведенный в Нидерландах, есть в коллекции Музея декоративного искусства г. Кельна (Kunstgewerbemuseum, Acc. No RBA081 84) (рис. 1, 6).

Ручки сосудов для воды (2 экз.). Характерной чертой многих средневековых европейских водоев, а также кувшинов является

ручка, один конец которой оформлен в виде головы дракона. Водолеи с такой ручкой известны в коллекции музея Метрополитен, например, акваманил XIII в. из Леона (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 47.101.52), водолеи из Нижней Саксонии (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 64.101.1490; 10.37.2.), которые датируются первой половиной XIII в. (рис. 1, 10) и рубежом XIII–XIV вв., водолеи первой половины XV в. из Нюрнберга (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 52.24.2; 64.101.1493). Также в коллекции этого же

музея присутствует кувшин XV в. с ручкой в виде дракона нюрнбергского производства (Metropolitan Museum of Art. Acc. No 53.20.1). В Художественном музее Цвингер в Дрездене хранится кувшин рубежа XIV–XV вв. с ручкой в виде дракона (Zwinger kunstmuseum, Acc. No 132.686).

В Новгороде на Троицком раскопе в слое второй половины XII в. были найдены две подобные ручки от бронзовых кувшинов или водолеев с зооморфными украшениями (рис. 1, 8, 9). Они увенчаны фигурками сидящих

Рис. 1. Западноевропейские бытовые предметы из раскопок в Новгороде: 1–4 — крышки фонарей: 1, 2 — Новгород, XIV в., 3, 4 — Лондон, XIII–XIV вв. (фото и реконструкция: Egan, 1998. Р. 162); 5–7 — подсвечники: 5–6 — Нидерланды, XIV в. (фото: музей Метрополитен, Музей декоративного искусства г. Кёльна); 7 — Новгород, XIII в.; 8–10 — фрагменты сосудов для воды: 8, 9 — ручки сосудов для воды, Новгород, вторая половина XII в., 10 — акваманил Нижняя Саксония, XIII в. (фото: музей Метрополитен); 11–13 — фрагменты ложек: 11 — Новгород, XIV в., 12, 13 — Лондон, XIV в. (фото: Egan, 1998. Р. 248); 14–16 — копоушки: 14 — Новгород, XV в., 15, 16 — Лондон, XIV–XV вв. (фото: Egan, 1998. Р. 248); 17–19 — накладки: 17 — Новгород, XIV в., 18 — Великобритания, XIII в. (фото: Somerset County Council), 19 — Новгород, XIII в.; 20–24 — предметы и детали кожаных предметов: 20 — Новгород, XIV в., 21 — чехол, Нидерланды, XIV в. (рисунки: Goubitz, 2007. Р. 97), 22–23 — Новгород, XIV в., 24 — Вильно, XIV в. 8–10 — без масштаба. 1–18 — металл; 19 — кость; 20–24 — кожа

Fig. 1. West-European everyday domestic objects from excavations in Novgorod: 1–4 — lids of lanterns: 1, 2 — Novgorod, 14th cen., 3, 4 — London, 13th–14th cen. (photo and reconstruction: Egan, 1998. P. 162); 5–7 — candlesticks: 5–6 — Netherlands, 14th cen. (photo: The Metropolitan Museum of Art, Museum für Angewandte Kunst Köln, 7 — Novgorod, 13th cen.; 8–10 — fragments of water jars: 8, 9 — handles of water jars, Novgorod, second half of the 12th cen., 10 — aquamanile, Lower Saxony, 13th cen. (photo: The Metropolitan Museum of Art); 11–13 — fragments of spoons: 11 — Novgorod, 14th cen., 12, 13 — London, 14th cen. (photo: Egan, 1998. P. 248); 14–16 — earspoons: 14 — Novgorod, 15th cen., 15, 16 — London, 14th–15th cen. (photo: Egan, 1998. P. 248); 17–19 — mounts: 17 — Novgorod, 14th cen., 18 — Great Britain, 13th cen. (photo: Somerset County Council), 19 — Novgorod, 13th cen.; 20–24 — leather objects and parts: 20 — Novgorod, 14th cen.; 21 — cover, Netherlands, 14th cen. (drawing: Goubitz, 2007. P. 97), 22–23 — Novgorod, 14th cen., 24 — Vilno, 14th cen. 8–10 — without scale. 1–18 — metal; 19 — bone; 20–24 — leather

собак, несломанный конец обеих ручек украшен стилизованной головкой дракона. Оба фрагмента имеют также небольшой выступ в центральной части, для большого пальца. Одна из ручек проработана достаточно тонко и отличается хорошей детализировкой. Фигурка собаки весьма реалистична: перед нами плотно сбитое мускулистое тело, голова с короткой мордой и закругленными ушами, на шее собаки широкий ошейник. Подобные ошейники известны не только благодаря изобразительным источникам, но и по вещевому материалу с территории Нидерландов (Willemsen, Ernst, 2012. Р. 69–77). Декор второй ручки более простой, фигура собаки довольно схематична, впрочем, видимо, имеет место и сильный износ, многие детали довольно потертые. Изображенная в лежачем положении собака очень похожа на современных подружейных собак вроде спаниеля. Голова животного изящно повернута назад, по бокам едва читаются вислые уши, а сзади небольшой хвост. Миниатюра собаки часто присутствует на западноевропейских акваманилах, например, у двух водолеев из Германии, датированных XV в., кран украшен

подобными фигурками (Metropolitan Museum of Art, Acc. No 47.101.56, a, b; 47.10.53). Образ собаки часто встречается в европейском средневековом искусстве, и не только в сценах на охотничьи сюжеты. В средние века закрепляется образ собаки как символ верности, преданности и отваги — качеств, столь ценимых в феодальном обществе.

Фрагмент трехногого котла. Среди случайных находок в коллекции НГОМЗ имеется ножка от трехногого сосуда, выполненная в форме довольно массивной звериной лапы. Аналогичные ножки в виде лап известны в материалах средневекового Лондона (Egan, 2010. Р. 460). Бронзовые, а позднее и железные литые котелки на трех ножках были широко распространены в Европе с XIII в., их форма была настолько популярна и универсальна, что они продолжали бытовать и в новое время, а некоторые компании продолжают выпускать их до сих пор.

Ложка. В коллекции НГОМЗ хранится фрагмент ложки, отлитой из свинцово-оловянистого сплава (рис. 1, 11). Это квадратный в сечении стержень длиной 7,5 см. По всей длине стержень украшен частыми насечками.

Один из его концов выполнен в виде фигуры человека, М. В. Седова описала его так: «Человек стоит в полный рост, подбоченившись, на нем одежда (рубаха) до колен. Лицо человека овальное, усатое, с большими выпуклыми глазами. Вероятнее всего, изображен древнерусский языческий бог Перун. Предмет датируется 30–60 гг. XII в.» (Седова, 1981. С. 175). Функциональное назначение самого предмета до настоящего времени оставалось неясным.

На территории Великобритании встречается множество подобных стержней, украшенных антропоморфной фигурой (North Lincolnshire Museum, Acc. No SOM-7C42D7; SOM-A45D85). Подобные находки идентифицируются как черенки ложек. Также в коллекциях мировых музеев можно увидеть сохранившиеся ложки с антропоморфными навершиями (Metropolitan Museum of Art, Acc. No 55.42.6. Victoria and Albert Museum, Acc. No M70-1921).

Ложки с декорированным черенком появляются в Европе не раньше второй половины XIII в. В это время начинают пользоваться популярностью ложки с украшением в виде жемчуга и ограненного бриллианта. Чуть позже на территории Западной Европы, особенно Англии, распространяются ложки с антропоморфным изображением на конце черенка. Предполагается, что сложнодекорированные ложки использовались для соли (Gilchrist, 2012. P. 125).

Некоторые западноевропейские исследователи считают, что ложки с антропоморфными изображениями могли зачастую служить свадебным подарком. Подобные ложки в европейской научной литературе принято называть «maidenhead», имея в виду Деву Марию, и хотя обычно на них представлены женская фигура, бюст или голова, но часто встречаются и мужские образы (Gilchrist, 2012. P. 125). Две ложки XV в. с изображением женских фигур в рогатых головных уборах находятся в коллекции Лондонского музея (Gilchrist, 2012. P. 126). В музее Метрополитен

хранится английская ложка второй половины XV в., ручка которой выполнена в виде поясного изображения женщины (Metropolitan Museum of Art, Acc. No 55.42.9).

Самыми близкими аналогиями находке с Неревского раскопа являются два предмета, найденные при раскопках в Лондоне (Egan, 2010. P. 248) (рис. 1, 12, 13). Оба фрагмента ложек полностью аналогичны новгородской находке, один представляет собой квадратный в сечении стержень, украшенный насечками, конец его венчает фигура мужчины, одетого по европейской моде XIV в.: приталенная куртка-котта с плиссированными полами и капюшон-шаперон. У второго фрагмента черенок обломан (Egan, 2010. P. 382). Там же была найдена еще одна ложка, черенок которой плохо сохранился, но ясно видно, что на нем изображена женская фигура. Все они датируются XIV в.

В связи с вышесказанным принятая ранее датировка ложки с Неревского раскопа кажется сомнительной. Металлические ложки с антропоморфным завершением черенка были широко распространены на средневековом Западе в XIII–XV вв., но большинство из них и морфологически, и стилистически отличаются от данного экземпляра. Черенок ложки с Неревского раскопа ближе всего соотносится с фигурным черенком из Лондона, что позволяет нам выделить пример узкокального импорта, попавшего на Русь, вероятно, через третьи руки.

Копоушки (2 экз.). Среди косметических аксессуаров, найденных в Новгороде, два можно с уверенностью отнести к западноевропейским: это две копоушки. Первая, длиной около 10 см, найдена на Нутном раскопе в слое первой четверти XV в. и представляет собой металлический витой стержень, увенчанный миниатюрной лопаточкой-копоушкой (рис. 1, 14). Другой конец, плоский и заостренный, видимо, исполнял функцию зубочистки или инструмента для ухода за ногтями. Три точно таких же инструмента были найдены при раскопках

в Лондоне, где датируются XIV–XV вв. (*Egan, Pritchard, 2002. P. 378–379*) (рис. 1, 15, 16).

Вторая копоушка является случайной находкой и представляет собой литую пластину длиной 5 см с изображением двух рук, скрепленных рукопожатием. Символика сомкнутых рук восходит к римскому периоду и повсеместно встречается на территории средневекового Запада в оформлении, прежде всего, колец и фибул.

Подобные копоушки уникальны не только для Новгорода, но и для территории Древней Руси в целом. На сегодняшний день аналогов копоушкам такой формы на территории Восточной Европы не выявлено.

Фрагменты кожаных предметов. Из кожаных предметов западноевропейского происхождения, используемых в быту, в Новгороде известны «кожаные футляры в виде коробочек», атрибуция которых принадлежит Т. С. Варфоломеевой (*Варфоломеева, 1995*). Она выделила всего шесть таких коробочек, включая одну с Готского раскопа.

Еще один интересный фрагмент кожаного вместелища, возможно, футляра, найден на Троицком раскопе в слое XIV в. (рис. 1, 20). Он представляет собой квадрат размером 5 × 6 см. Все четыре края имеют следы шва. Поверхность детали представляет поле, разделенное на четыре сегмента крестом Святого Андрея. В верхнем большом сегменте изображена фигура бегущего зайца, в нижнем — предположительно фигура собаки, в двух других — растительные побеги. Возможно, этот фрагмент является частью коробочки, состоящей из двух деталей, сшитых между собой по трем сторонам, шов на верхней стороне мог остаться от декоративного ранта. Образ зайца в европейской традиции очень популярен и символичен. Корни этого образа уходят в античность, где заяц являлся спутником Афродиты, а значит, и был символом чувственной любви. В средние века связь с культом Афродиты была переосмыслена христианской религией в другом ключе. Заяц стал символом плодородия

и возрождения, а значит, и вечной жизни. Так в народной культуре заяц стал возвещать Пасху. Подобная коробочка с изображением бегущих зайцев и собак известна в Голландии (*Goubitz, 2007. P. 106*) (рис. 1, 21). Бегущие зайцы также изображены на костяной пластинке с Никитинского раскопа, о которой речь пойдет далее.

Еще один кожаный предмет, найденный в слое XIV в., сшит из двух кожаных элементов подтреугольной формы, длиной 8 см, шириной 5 см, на обеих деталях нанесен одинаковый орнамент методом тиснения с помощью матрицы, 90 % поверхности занимает надпись готическим шрифтом на латыни MAN, что, скорее всего, означает manus — рука (рис. 1, 22, 23). Надпись находится в двойной рамке. Два похожих по форме и конструкции предмета были найдены при археологических работах в замке Вильно, они также датируются XIV в. (рис. 1, 24). Западноевропейское происхождение новгородской находки не подлежит сомнению, но функциональное назначение пока остается неясным.

Накладка реликвария. Из слоя XIV в. Никитинского раскопа происходит прямоугольная литая из медного сплава выгнутая в профиль пластина с тремя латинскими заглавными буквами IHS, что означает Иисус Христос Спаситель (рис. 1, 17). Пространство между буквами заполнено эмалью. Аналогичная пластина известна в Англии, где определяется как часть домашнего реликвария лиможской работы и датируется XIII в. (*Mills, 2003. No 287*). Еще одна похожая накладка найдена в округе Сомерсет в Великобритании, она отлита в форме параллелограмма, буквы IHS заполнены красной эмалью, видны следы позолоты, датируется она также XIII в. (Rights Holder: Somerset County Council No ID SOM-60B8BE) (рис. 1, 18). В музее Метрополитен хранится реликварий из Лиможа 1235–1245 гг., где такая пластина является частью накладки в виде распятия Иисуса Христа (Metropolitan Museum, Acc. No 1 974.228.1).

Жители усадеб Никитинского раскопа, на котором была найдена пластина, были людьми зажиточными, об этом свидетельствует большое количество импортных предметов, берестяные грамоты, упоминающие имена посадников и бояр, однако предмет, связанный с латинской религиозной практикой, вызывает вопросы. Возможно, реликварий, частью которого могла быть данная пластина, являлся дипломатическим даром немецких купцов или послов кому-то из жителей усадьбы, приближенному к представителям городской власти. Тема проникновения предметов культа из католической среды в православную и обратно является чрезвычайно дискуссионной.

Фрагмент костяной накладки. Фрагмент накладки из кости с изображением зайца и фантастической птицы найден на Никитинском раскопе в слое XIII в. (рис. 1, 19). Существа располагаются в квадрифолийных медальонах, пространство между ними прорезано сетчатым орнаментом. Этот прием призван сделать изображение более объемным. Определить, для чего служила эта накладка, сейчас довольно затруднительно. В крупнейших музейных собраниях мира есть костяные изделия с подобным сюжетом. Так, изображения зайцев и птиц встречаются на предметах из Италии. В музее Метрополитен хранится шкатулка XII в., крышка которой украшена чередующимися круглыми медальонами с изображением птиц и зайцев (Metropolitan Museum, Acc. No 42.150.37). В коллекции Музея Виктории и Альберта есть рог-реликварий, украшенный костяными пластинами с чередующимися изображениями зайцев, птиц, антилоп и различных зверей (Victoria and Albert Museum, Acc No 7953-1862). В описи собора Св. Павла в Лондоне, составленной в 1245 г., упоминается подобный рог, «украшенный изображениями диких зверей и птиц».

Все найденные в Новгороде западноевропейские бытовые предметы датируются XII–XIV вв., что соответствует датировкам аналогичных предметов, найденных

на территории Западной Европы. Почти все находки собраны на богатых боярских или купеческих усадьбах, что позволяет предположить, что подобные вещи были доступны далеко не каждому новгородцу. Также на Славенском и Дубошином раскопах наличие западноевропейских предметов может объясняться тем, что там могли временно проживать ганзейские купцы.

Весь цветной металл в качестве сырья импортировался в Новгород из Западной Европы; возможно, часть описанных выше предметов представляет собой лом, предназначенный для дальнейшей переплавки.

Вопрос о роли, которую играли импортные предметы в повседневной жизни новгородцев, требует дальнейшего исследования. Если присутствие на боярских усадьбах предметов элитарного характера, заморских редкостей, таких как резная костяная пластина с куртуазным сюжетом, не вызывает вопросов, то целесообразность использования, например, бондарных чаш неочевидна. То же можно сказать и о копоушках, ведь аналогичные и зачастую более красивые вещи производились и новгородскими мастерами, это же утверждение будет справедливым относительно деревянных цер и кожаных изделий. Предположительно, присутствие на новгородских усадьбах рядовых европейских предметов может быть связано с проживанием там иностранцев, например, молодых купцов, изучавших русский язык или просто снимавших жилье (*Сквайрс, Фердинанд, 2002. С. 59–63*). Некоторое удивление вызывает и присутствие элементов католической культуры, что ставит важный вопрос об осознанности конфессиональных различий средневековыми новгородцами. Так или иначе, широкий ассортимент европейских предметов быта, часть из которых, несомненно, принадлежала самим новгородцам, свидетельствует о требовательности и взыскательности жителей древнего Новгорода, чей жизненный уклад требовал самых разнообразных вещей, привозимых издалека.

- Варфоломеева*, 1995 — *Варфоломеева Т. С.* Кожаные футляры в виде коробочек // НиНЗ ИА. Великий Новгород, 1995. Вып. 9. С. 192–202.
- Даркевич*, 1965 — *Даркевич В. П.* О серебряной ложке из Новгорода // СА. М., 1965. Вып. 3. С. 245–249.
- Даркевич*, 1966 — *Даркевич В. П.* Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (XI–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 147 с.
- Крюгер, Рыбина*, 2013 — *Крюгер И., Рыбина Е. А.* Средневековые стеклянные зеркала. М.: Аргмак-Медиа, 2013. 248 с.
- Кудрявцев*, 2012 — *Кудрявцев А. А.* Хронология замков и ключей средневекового Новгорода (по материалам Неревского раскопа) // РА. 2012. № 4. С. 119–124.
- Нессельштраус*, 1964 — *Нессельштраус Ц. Г.* Искусство в Средние века. Очерки истории и теории изобразительных искусств. М.; Л.: Изобразительное искусство, 1964. 388 с.
- Рыбина*, 2009 — *Рыбина Е. А.* Новгород и Ганза. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.
- Седова*, 1981 — *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М.: Наука, 1981. 195 с.
- Сквайрс, Фердинанд*, 2002 — *Сквайрс Е. Р., Фердинанд С. Н.* Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М.: Индик, 2002. 368 с.
- Egan*, 2010 — *Egan G.* The Medieval household: Daily living c. 1150 — c. 1450. London: The Stationery office, 2010. 342 p.
- Egan, Pritchard*, 2002 — *Egan G., Pritchard F.* Medieval finds from excavation in London. Dress accessories, 1150–1450. London: Boydell press in association with Museum of London, 2002. 410 p.
- Gilchrist*, 2012 — *Gilchrist R.* Medieval Life: Archaeology and the Life Course. Woodbridge: Boydell press, 2012. 336 p.
- Goubitz*, 2007 — *Goubitz O.* Purses in Pieces. Archaeological finds of late medieval and 16th-century leatherpurses, pouches, bags and cases in the Netherlands. Zwolle: SPA-Uitgevers, 2007. 118 p.
- Mills*, 2003 — *Mills N.* Medieval artifacts. Catalogue and price guide. № 287. Essex: Greenlight Publishing, 2003. 116 p.
- Rybina*, 1990 — *Rybina E. A.* Западноевропейские рукояти ножей из раскопок в Новгороде // Ex Oriente lux. Melanges offerts en hommage an professeur Jean Blankoff a l'occasion de ses soixant ans. Vol. 1: Histoire, archeologie, histoire de l'art, numismatique. Bruxelles, 1990. P. 303–308.
- Willemsen, Ernst*, 2012 — *Willemsen A., Ernst M.* Hunders of... Medieval Chic in metal. Decorative mounts on belts and purses from the low Countries, 1300–1600. Zwolle: SPA-Uitgevers, 2012. 152 p.

West European domestic objects from excavations in Novgorod

D. S. Serezhnikova

Domestic items from Medieval Novgorod have been a subject of research for a long time. Archaeologists have recognized in 1950–2000 some imported West European goods among the various artefacts excavated during that period. The objective of the current paper is to attribute previously unidentified domestic items of western origin, as well as to correct some attributions proposed in the past.

All the items of everyday use are divided here into several groups. Firstly, the article is dedicated to the group of lighting equipment. A number of previously unidentified pieces of sheet brass are acknowledged as parts of lanterns of which close analogues are found in medieval London deposits. This group also contains parts of 13th–14th century candle holders possibly manufactured in Germany or Netherlands. The second group includes parts of aquamarine figurines and table vessels. There are two peculiar handles adorned with figures of hunting dogs and handles in the form of dragons. Such details are typical of vessels traditionally attributed as products of West German and Low-Countries'

artisans. Their parallels are represented in the collection of the Metropolitan Museum. This group also contains the stem of a pewter spoon of the 14th century. Previously it was misinterpreted as a pagan idol but an almost identical spoon is known from from museum of London collection.

A group of leather cases contains several etuis with an embossed floral ornament and a triangular piece of leather bearing an embossed Latin inscription. The exact purpose of the latter object is so far unknown. There are also two pieces presumably attributed as parts of reliquary cases; one is an enamelled brass plate with an inscription HIS and another is a bone plate depicting a hare and mythical birds. The latter item is attributable as part of a reliquary case similar to that from the Victoria and Albert Museum, London. It is possible however that this object was of a secular character and may be compared with the ivory box from the Metropolitan Museum.

Most of the imported domestic items are dated to contexts of the 13th–14th century and demonstrate a peculiar correspondence to synchronous assemblages from West European towns; however, it is not always clear what role did they play in the local cultural context. Probably some items arrived to Novgorod within batches of scrap metal intended for recycling, however some of these items, such as ivory and leather goods, undoubtedly belonged to some members of aristocracy or wealthy merchants since they were found in the areas of prosperous households. Meanwhile, the findings of cheap, basic objects, e.g. wooden bowls, are puzzling; they can be explained by the presence of German tenants and this version is supported by written sources.

Кожаные предметы морского судоходства в археологических собраниях¹

А. В. Курбатов²

Аннотация. В 2018 г. на городище в пгт. Берёзово (позднесредневековый посад), который расположен в низовьях р. Обь (ХМАО, Тюменская область), была изучена жилая и хозяйственная застройка XVII–XVIII вв. В хозяйственной постройке (№ 20А) второй половины XVII в. найдено редкое кожаное изделие — обтяжка (покрытие) футляра для компаса с тисненым декором поверхности. Она дала толчок более широкому взгляду на приборы морского судоходства в средневековье.

Annotation. In 2018, at the site in the urban settlement of Berezovo (a late mediaeval posad) situated in the lower reaches of the Ob (Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Tyumen Oblast), there were discovered and investigated dwelling and economic buildings of the 17th–18th century. In a household building (no. 20A) of the second half of the 17th century, a rare leather object was found; it was a cover of a compass etui with an embossed decoration on the surface. This find has stimulated a broader view at seafaring equipment of the Middle Ages.

Ключевые слова: Западная Сибирь, позднесредневековый город Берёзов, археологический комплекс второй половины XVII в., кожаное покрытие коробочки для компаса.

Keywords: Western Siberia, late mediaeval town of Berezov, archaeological ensemble of the second half of the 17th century, leather cover for a compass case.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-203-215

Введение

В 2018 г. были продолжены археологические раскопки на городище в пгт. Берёзово (позднесредневековый посад) на севере Западной Сибири, расположенном в низовьях р. Обь (ХМАО, Тюменская область). Первые раскопки на том же месте в 2009 г., при ограниченности времени и финансов, не были

доведены до материка и законсервированы на всей площади. В 2018 г. раскоп 2 площадью 216 кв. м почти полностью был раскрыт до материка (законсервировано 24 кв. м). В ходе изучения открыто восемь ярусов жилой и хозяйственной застройки, датируемой на основе комплекса материалов XVII–XVIII вв.

В пятом строительном ярусе на усадьбе № 8 раскрыты остатки срубной жилой постройки (№ 20) и примыкавшей к ней срубной же хозяйственной (№ 20А). В площади раскопа отмечены следы пожара, видимо, уничтожившего все постройки этого яруса. В хозяйственной постройке № 20А (сени или хлев) за время ее функционирования отложился слой соломы и навоза толщиной до 15–19 см.

¹ Работа выполнена в рамках личной плановой темы «Кожевенное ремесло Русского Севера и севера Западной Сибири» по ПФНИ ГАН № 0184-2019-006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей», номер гос. учета 01201456472.

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

В этом слое встречен ряд обыденных хозяйственных предметов, в том числе единственная на сегодня находка берестяного лекала для выкройки перчаток. Здесь же найдены и редкие кожаные изделия — чехол для ружья с набивным декором и обтяжка (покрытие) футляра для компаса с тисненым декором на поверхности. Время функционирования комплекса усадьбы определяется в рамках второй половины XVII в. (Отчет..., 2019. Л. 102–133, рис. 105). Последняя из указанных находок и является объектом нашего рассмотрения.

Описание находки

Сохранилась только лицевая часть покрытия коробки (?) для компаса с тремя узкими боковыми отворотами. Судя по местам сгибов кожи, лицевая сторона коробки имела размеры 8,2 × 8,1 см. Боковые части (отвороты) покрытия имеют косые срезы, напоминающие таковые в книжных переплетах. Ширина отворотов 2,6–2,7 см. Общие размеры сохранившейся части покрытия в развернутом виде составляют 13,5 × 10,3 см (рис. 1).

На коже отчетливо видна эксплуатационная деформация — растяжка покрытия, показывая дополнительную особенность конструкции коробки. Со всех четырех сторон лицевой поверхности покрытия сохранились полосы залощенной кожи шириной несколько миллиметров, а грань преломления листа кожи на отворотах отстоит от верхней грани лицевой стороны коробки на 1 см. Это определяет толщину крышки коробки в 0,7–0,8 см. Полную высоту твердой коробки (из дерева или кости) определить невозможно.

Всю лицевую сторону кожаного покрытия занимает тисненый, рельефно выступающий декор (рис. 1). По самому краю «лица» выступают несколько прерывистых линий (до 7). Такие же линии имеются и на отворотах. Центральная часть лицевого декора — это прямоугольная рамка с кантом шириной около 1 см, в поле которого чередуются округлые ромашкообразные изображения, часто трактуемые как символы солнца, между которыми выются стебли растений. Внутри окантованной поверхности всё поле внизу занимает детально

выполненное изображение «города» («дворца»), а сверху — стилизованные фигуры двух птиц, расположенных одна над другой. На голове верхней птицы прорисовано подобие «короны». У птиц хорошо проработаны голова с клювом и крылья с оперением. Свободное пространство по углам внутреннего объема занимают стилизованные растения.

Изображения выполнены оттиском резной выпуклой матрицы, имевшей негативное изображение описанного сюжета и накладываемой на лицевую сторону покрытия после его натягивания и высушивания на поверхности коробки.

Технологический аспект изучения

Для получения тисненых изображений на коже специалисты по изготовлению кожаных переплетов книг использовали набор особых инструментов и соблюдали ряд технических приемов. Подобные инструменты известны в музейных собраниях. В Отделе русской культуры Гос. Эрмитажа хранятся наборы таких инструментов XVIII–XX вв., поступившие из различных коллекций (*Кудрявцев*, 2016. С. 322 и сл.). Средники, дорожки, штампы, ролики (накатки) и филеты, изготовленные из медного сплава, демонстрируют варианты декора и сюжеты иллюстраций и орнаментов своего времени. Зеркальное гравированное изображение на рабочей поверхности инструментов показывает высокое качество проработки декора и возможность получения его качественного оттиска.

Технология блинтового (особенно золотого) тиснения достаточно подробно описана в русских руководствах по переплетному делу XVII–XVIII вв. и оставалась практически неизменной вплоть до начала XX в. В рукописи конца XVII в. «Подлинник о книжном переплете» в разделе «О еже как книга басмить» читаем: «Егда на досках кожа крепко засохнет отведать ногтем прижать, и аще крепко присохла то добро. И тогда басмит сице прежде тряпочкою мокрою кожа размочить чтоб была сыра а не мокра...корень был как ремень мягкой. И взяв первее дорожник и нагрев положить на мокрую тряпицу, и егда

Рис. 1. Кожаное покрытие корабельного компаса из Берёзова

Fig. 1. Leathern cover of a ship's compass from Berezovo

начнет преставать кипеть, тогда по кожи басмить, також колесами и прочими басьмами басмить по чину...» (Симони, 1903. С. 16; также см. Симони, 1906). Дополнение находим в рукописи начала XVIII в.: «Просто без золота прежде омочи платъ и три имъ кожицу а басму в то время нагрои гораздо и кое место басмить потираи платомъ мокрымъ того ради чтобъ от басмы кожа не згорела и отпрыскивай маслом семянным и накладывай басму» (Симони, 1903. С. 27). Следует учесть, что рукопись, которую П. К. Симони относил к концу XVII в., сегодня датируют 1675 г. (Гренберг, 1995. С. 129 и сл.).

По мнению С. А. Кудрявцева, в старых руководствах описано использование в основном ручных инструментов и нигде не упоминается пресс и технология его применения, тогда как размер и форма пластин для средних, уголков и надписей требует именно пресса. Также описание блинтового тиснения сокращено в пользу тиснения золотом, где много внимания уделено грунту и технологии накладывания золотого листа, а сама подготовка и получение оттиска почти не описаны. Здесь можно привести раздел «О злачении книжном» из Толстовского сборника смешанного содержания, относимого ко второй

четверти XVII в.: «Внегда ж совершится и в кожу облочотся, дорожником продорожа, наклеи мездряком ли зелье наложи чесночно. Так режучи злто, клади листовое на сие. И на злато, розгревая басмы, омоча налагает, чтоб были теплы. И прилепает. До сегож и сие» (Гренберг, 1995. С. 101).

Только в 1901 г. П. Симони со слов владельца переплетной мастерской в Москве Е. Евлампиева записал «Руководство к переплетному художеству о переплетании и починке книг по старому способу (в доски)» (Симони, 1903. С. 211–229). В нем подробно описаны процессы слепого и золотого тиснения ручными инструментами, а также с помощью пресса: «...нужно в три роли отделить дорожником для „глаголемых“, которые тискаются в тисках или в машине с легким нагревом, чуть теплой. Такжеде и средник» (Симони, 1903. С. 219). Опыт работы самого С. А. Кудрявцева историческими клише показал, что для последних лучшим вариантом будет использование винтового пресса с плавающей верхней плитой и картонными прокладками между прессом и штампом. При этом штамп придется нагревать отдельно, как и задумывалось при его изготовлении (Кудрявцев, 2016. С. 323).

Историко-культурный аспект

Следует обратить внимание на практические знания о свойствах магнитного железняка — взаимопротяжение его кусков, а также способность притягивать железные предметы, о чем люди узнали еще в глубокой древности, вероятно, в начальные века освоения железа. Из античных авторов об этом писали Платон, Эврипид, Эвбул, Плиний, Лукреций Карр, Страбон, Гален, Александр Афродизийский. Но греческая традиция не является самой древней. Плутарх указывал, ссылаясь на Манефона, что египтяне знали о свойствах магнита притягивать железо и называли его костью легендарного Горуса. Около 1500 г. в Англии для обозначения магнита начинает использоваться слово «loadstone», или «lode-stone». В это время получает распространение компас, до употребления которого моряки

ориентировались по Полярной звезде (lode-star). Поэтому естественный магнит, с помощью которого намагничивались железные стрелки, и был назван «loadstone» — «камень, указывающий направление» (Срочинский, 1978. С. 84–85). Достаточно рано о свойствах магнитного железняка узнали и на Востоке. По имеющимся письменным источникам, в Японии уже в 660 г. была сконструирована «тележка, указывающая юг», то есть род компаса (Воробьев, Соколова, 1976. С. 24).

Первое упоминание о применении магнитного компаса в морском деле у европейцев относится к 1187 г. (Левитин, 2009. С. 686). Однако в средневековых документах есть много лакун, и одна из них касается широкого применения магнитных приспособлений для мореплавания. В России, надо полагать, компас был заимствован из европейского опыта. Среди привозных товаров в русском государстве XVII в. Н. А. Бакланова отметила привозные часы, термометры и иные приспособления, в том числе медный компас голландской работы, который Г. Бранд (G. Brand) сделал в Амстердаме в 1653 г. (Бакланова, 1928. С. 103, 116, 118, рис. 4). Судя по фотографии, футляр имел круглую форму и диаметр не более 10 см.

В хозяйственных документах встречаются единичные упоминания часов и футляров для них. В приходных и расходных книгах Казенного приказа за 1613–1614 гг. находим: «[1614] Къ государю в хоромы отнесъ дякъ Жданъ Шиповъ часики указные медены золочены, все уголчаты, указной кружокъ серебрянь, слова наведены чернью, влагалище кожа черна, крапенки золоты... цена 8 р., купли 122 году» (Приходно-расходные..., 1884. С. 202–203; СлРЯ XI–XVII вв., 1983. С. 14). При этом место изготовления неясно.

На Русском Севере морские компасы называли *матка* или *маточка*. Ранний документ с упоминанием прибора датируется 1631 г. (СПЛ XV–XVII в., 2005. С. 204). Также компас назван и в товарной ценовой росписи 1687 г.: «Зеркалы и маточки и очки всякие и склянки и коробки немецкие дюжина зеркаль немецких в книжках с поталю цена шездесять

алтнъ дюжина зеркаль немецких с нагалищи цена сорокъ алтын...» (*Городилова*, 2008. С. 138; *СОРЯ XVI–XVII в.*, 2019. С. 53). О доставке самого магнитного железа интересна следующая запись: «[1628] Клади всяких товаров что пришло из Индеи на пяти караблях в Голанскую землю с капитаномъ Карпентъ-стиром июня въ 2 днь: ...33750 фунтовъ слоновых зубовъ. 25 коробок магнетова камени» (*СОРЯ XVI–XVII в.*, 2019. С. 120).

Археологические находки

Археологические исследования на берегах Северного Ледовитого океана, в географических рамках Западной Сибири, показали новые источники. В 1941 и 1945 гг. части шести магнитных часов-компасов были найдены на стоянках русских полярных мореходов в заливе Симса и на острове Фаддея, датированных первой половиной XVII в. По мнению В. В. Данилевского, приборы изготовили русские мастера в Поморье (*Данилевский*, 1951. С. 53 и сл.). Однако румбы на картушках указаны латинскими буквами. Север же обозначен знаком наподобие стилизованной лилии, «обычным на старинных компасах». Также сохранился бронзовый корпус компаса-часов. Материалом костяных деталей был мамонтовый бивень.

В культурных слоях в русских городах сами компасы-часы были найдены до последнего времени только в Мангазее, где датируются первой половиной XVII в. (рис. 2, 1, 2). По уточнению авторов, «солнечные часы были обнаружены на окраине городища возле печки, на полу жилого дома, где работал ремесленник. Сама постройка датирована началом XVII в.» (*Белов и др.*, 1980. С. 126). Кожаные покрытия коробок компасов были найдены отдельно — в центральной части городища, в кремле-детинце, в районе съезжей избы — и названы «футлярами от корабельных компасов».

Среди недавних западноевропейских археологических находок можно назвать один сходный предмет — это прямоугольная коробочка солнечных часов размером 4,7 × 7,3 см из замка Добеле, происходящая из слоев XVII–XIX вв. (*Ruša*, 2010. P. 174, 2. att).

В недавней статье об оснащении поморских парусных судов навигационными приборами и инструментами (*Ружников*, 2018. С. 344) первыми и главными из них автор называет компас, солнечные и песочные часы. По документам XVI–XVII вв., поморы широко использовали магнитный компас. Так, 12 августа 1597 г. экспедиция В. Баренца встретила в море русский корабль и попросила уточнить направление на Канин Нос. Показания русского компаса соответствовали голландскому (*Корякин, Хребтов*, 1994. С. 99). Поморы имели не только простые ручные «матки» в деревянных, костяных или бронзовых корпусах, но и компасы, комбинированные с солнечными часами, поскольку основные сроки навигации приходились на полярный день и белые ночи, когда навигация по звездам невозможна. Автор упоминает бронзовый компас-часы, найденный на месте зимовки поморов в 1617–1620 гг. на острове Фаддея. На нем вместо магнитной стрелки была картушка со знаком N (север), а время определяли по тени от бронзового уголка.

Стационарный — «вставной» — компас на «дугах» (кардановых кольцах) и «станке» (нактоузе) упомянут в документах 1696 г.: «Матка на дугах в дубовом станку, добрая, дано 20 алтын» (*Корякин, Хребтов*, 1994. С. 100). Здесь А. В. Ружников справедливо отметил очень высокую цену компаса — 60 копеек, при том, что новый карбас для новоземельских промыслов в эти годы стоил 1 рубль 1 алтын и 4 деньги (*Ружников*, 2018. С. 344).

По мнению А. В. Ружникова, поморы наладили свое производство компасов задолго до появления европейцев в Белом море. Он аргументировал это совпадением названия компаса — «матка» — и наименования расположенного на севере архипелага Новая Земля — Матка, а также изготовлением корпусов компаса из мамонтовых бивней, неизвестных в Западной Европе. Еще одним доказательством автор считает закупку в 1701 г. Соловецким монастырем 10 компасов в Холмогорах, тогда как вся торговля с Европой тогда велась через Архангельск (*Ружников*, 2018. С. 345).

Рис. 2. Покрытия компасов: 1, 2 — костяные футляры компасов-солнечных часов из раскопок Мангазеи в 1968–1973 гг. (Белов и др., 1980. С. 126, рис. 27); 3 — корабельный компас начала XVIII в. (Памятники русской культуры, 1966. Кат. № 1176, табл. 53); 4 — кожаный футляр для компаса из раскопок Мангазеи в 1968–1973 гг.: а — лицевая сторона, б — оборотная сторона (Белов и др., 1980. С. 126, рис. 27)

Fig. 2. Compass covers: 1, 2 — bone cases for compasses-sundials from excavations of 1968–1973 in Mangazeya (Белов и др., 1980. С. 126, рис. 27); 3 — ship's compass of the early 18th cen. (Памятники русской культуры, 1966. Кат. № 1176, табл. 53); 4 — leather compass case from excavations of 1968–1973 in Mangazeya: a — face side, б — reverse side (Белов и др., 1980. С. 126, рис. 27)

В документах XVI–XVII вв. есть сведения о доставке из Восточной Сибири «заморенной» кости — бивней мамонтов (*Ясински, Овсянников*, 1998. С. 65). В то же время большие закупки привозной слоновой кости в Архангельске позволяют видеть в ней материал для местных резчиков, заменяющий ископаемую кость мамонтов. В названной работе приводятся выписки из таможенных книг с упоминанием товарного поступления «из Руси» в Тобольск за 1639–1640 гг. среди прочего наборов изделий холмогорских косторезов, в том числе «28 маток костяных» (*Там же*. С. 76–77).

Особым доказательством А. В. Ружников считает оформление картушек компасов. Сравнение поморских и европейских приборов XVII–XVIII вв. из коллекции Архангельского краеведческого музея показывает, что на всех приборах картушки не имеют буквенных обозначений румбов. Но на западных компасах узоры выделяли румбы север и запад, а на поморских — северный и восточный (*Ружников*, 2018. С. 345).

В коллекции Гос. Эрмитажа хранится компас, вложенный в деревянную коробку квадратной формы (рис. 2, 3), однако размеры коробки значительно больше ранее найденных (Памятники русской культуры, 1966. Кат. № 1176, табл. 53).

Приводимые находки показывают, что собственно футляры компасов встречены без кожаных покрытий, которым посвящена эта работа. Кожа здесь служит не столько предохранительным, сколько декоративным элементом. В документах с конца XV в. многократно отмечались кожаные переплеты книг, покрытия — *обшивки, поволоки* и *кровли* для разных изделий: седел, емкостей для хранения вещей (сундуков, *ендовочников, готовален*, киотов, сосудов), хомутов, лыж, карет, саней, потолков и стен жилищ (СлРЯ XI–XVII вв., 1976. С. 11; 1977. С. 109, 338; 1978. С. 51; 1980. С. 66; 1981. С. 158; 1983. С. 290; 1987а. С. 122–123, 189; 1987б. С. 26; 1988. С. 136, 277–278; 1989. С. 128, 167, 239; 1990. С. 266; СПЛ XV–XVII вв., 2005. С. 271–272, 299–300; СлРЯ XVIII в., 2006. С. 107; СРНДРС, 1991. С. 115; *Зимин, Королёва*, 1953. С. 53).

Поэтому правильнее называть кожаные детали покрытием, а не футляром.

Находки измерительных приборов в археологических комплексах, как и музейные предметы, показывают их разные формы — прямоугольные, круглые и овальные, где последние могли быть овальной формы с гранями. Но если костяные часы-компасы имели овальную форму, то найденные кожаные покрытия для них не подходят. По-видимому, надо говорить о приборах разных форм или же следует предполагать наличие внешнего деревянного или костяного футляра, снабженного кожаным покрытием.

Кожаные покрытия

В раскопках ААНИИ 1968–1973 гг. найдено «несколько футляров для корабельных компасов». Это небольшие (10 × 15 см) прямоугольные кожаные кошельки с тисненым геометрическим и растительным орнаментом на лицевой поверхности (рис. 2, 4а, 4б). Качество оттиска было высоким: даже тонкие линии листьев и побегов имели четкие контуры. Вероятно, эти футляры были изготовлены в городах Западной Европы. В одном из футляров сохранилась четырехугольная деревянная рамка, в которую вставлялся «корпус солнечных часов». Опубликованы рисунки двух кожаных покрытий (*Белов и др.*, 1980. С. 60, 126, рис. 11, 28).

В раскопках 2001–2007 гг. были найдены три кожаных покрытия футляров (рис. 3, 1–3), очень подробно описанные в коллективной работе (*Визгалов и др.*, 2011. С. 71–73). Художественное тисненное оформление составляют рамки по всему полю каждой стороны покрытий и срединные медальоны.

От третьего покрытия, выкроенного из кожи крупного рогатого скота толщиной 1,0–1,2 мм, сохранились лицевая сторона и клапан, в развернутом виде оно имело размеры 9,2 × 5,3 см. На основной части покрытия и клапана имелись срединные медальоны с идентичными оттисками мужского бюста, повернутого вправо и окруженного двойной контурной окружностью. Внутри двойного ободка медальона имеется несколько

Рис. 3. Покрытия компасов: 1, 3 — кожаное покрытие футляра для компаса из раскопок Мангазеи в 2001–2007 гг. (Визгалов и др., 2011. Рис. 88); 2 — футляр коробочки для корабельного компаса из крепости Тара: а — прорисовка, б — фото (Осипов и др., 2017. Рис. 6); 4 — изображение на аверсе нюрнбергского счетного жетон, аналогия оттиску на кожаном покрытии (3) (Белов и др., 1980. С. 43). Масштаб: а — для № 1, 3; б — для № 2

Fig. 3. Compass covers: 1, 3 — leather cover of a compass case from excavations of 2001–2007 in Mangazeya (Визгалов и др., 2011. Рис. 88); 2 — cover of a ship compass case from the fortress of Tara: а — drawing, б — photo (Осипов и др., 2017. Рис. 6); 4 — representation on the obverse of a Nuremberg counting chip, analogue of the embossment on the leather cover (3) (Белов и др., 1980. С. 43). Scale: а — for nos. 1, 3; б — for no. 2

затертая тисненная надпись, выполненная кириллицей по часовой стрелке и представляющая собой нечитаемый набор букв.

В центр медальона помещено изображение мужчины с короткой «шкиперской» бородой и небольшими, чуть загнутыми вверх усиками, одетого в шляпу с полусферической тульей и короткими полями, круто загнутыми вверх. Сзади к шляпе прикреплено загнутое пышное перо. На шее мужчины изображено ожерелье, на груди — поперечные складки верхней одежды. Головной узорчатый убор и черты лица выполнены мелкими точками или поперечными рубчиками, а остальные детали — прерывистыми линиями. Подобной формы шляпы со страусовыми перьями, коротко стриженные бороды и небольшие, загнутые вверх усы были распространены в это время среди знатных особ Германии и Англии (*Мерцалова*, 1972. Ил. 83, 87, 89). Наиболее близкий по иконографии мангазейскому изображению — профильный портрет мужчины в каске (шляпе?) на аверсе нюрнбергских счетных жетонов, чеканенных Гансом Шультесом в 1550–1574 гг. и Гансом Краувинкелем в 1580–1610 гг. Возможно, именно такое изображение мастер взял за основу при изготовлении данного покрытия. Западноевропейские аналоги находятся и у стилизованных растительных узоров, и у изображений на остальных мангазейских покрытиях, а также на кожаном переплете книги, найденной экспедицией ААНИИ (*Белов и др.*, 1980. С. 43, рис. 5).

Недавно один кожаный футляр для компаса был найден в западносибирской крепости г. Тара, в слоях XVII в. (*Осипов и др.*, 2017. С. 118, рис. 6). Он выкроен из цельного куска кожи и имеет клапан с загнутыми внутрь краями (рис. 3, 2а, 2б). На внешней стороне штампом нанесен орнамент в виде рамки из трех линий, разделенной косым крестом на четыре части, внутри которых оттиснута геральдическая лилия. Д. О. Осипов сопоставил этот символ с западноевропейскими гербами, изначально считавшимися гербами французских королей, хотя позднее лилия стала эмблемой многих западноевропейских городов (*Бидерман*, 1996. С. 283–284).

Из описаний художественного оформления найденных кожаных покрытий можно видеть, что находка из Берёзова имеет существенные сюжетные и стилистические отличия. Поиск аналогий позволяет видеть в ней, как наиболее вероятное, отражение сюжетов русских книжных переплетов того времени (*Клепиков*, 1959). Своеобразным вариантом исполнения можно назвать переплеты, сделанные в городах и монастырях на Русском Севере. Прежде всего, обращает на себя внимание техника нанесения центральных изображений (средников) тиснением по вырезанному клише, а также тиснение обрамления с помощью *дорожника* и *прокаток* (накаток). В обрамлении встречаются сплошные и прерывистые (пунктирные) линии. Также здесь часто используются повторяющийся растительный декор и солярные знаки. Всё это мы видим на берёзовской находке. В качестве примера приведем тиснение на переплете книги из собрания Гос. Эрмитажа (рис. 4, 1). Это служебная Минея, ранее хранившаяся в северном Кожезерском монастыре, с сохранившимся оригинальным переплетом XVII в. (*Платонов и др.*, 2016. С. 199, кат. 68.2).

Если полный аналог художественного оформления лицевой стороны берёзовской находки сегодня указать нельзя, отдельные элементы его мы находим в изделиях русского народного творчества XVII–XIX вв., многие из которых хорошо сохранились на Русском Севере. В работе одного из основателей изучения декоративно-прикладного искусства в России Н. Н. Соболева можно увидеть интересные образцы растительного декора, в частности, деревянные Царские врата XVII в. из церкви Флора и Лавра в Ростовском приходе Шенкурского уезда Архангельской губернии, сохранявшиеся в начале XX в. (*Соболев*, 1934. Рис. 111), и солярные изображения в форме розетки или «ромашки», часто встречаемые на деревянных прялках Северного края. На деревянной пряничной форме (конца XIX — начала XX в.) из собрания Исторического музея в Москве (рис. 4, 2) можно увидеть вырезанное изображение «города» или «замка», подобное которому мы наблюдаем

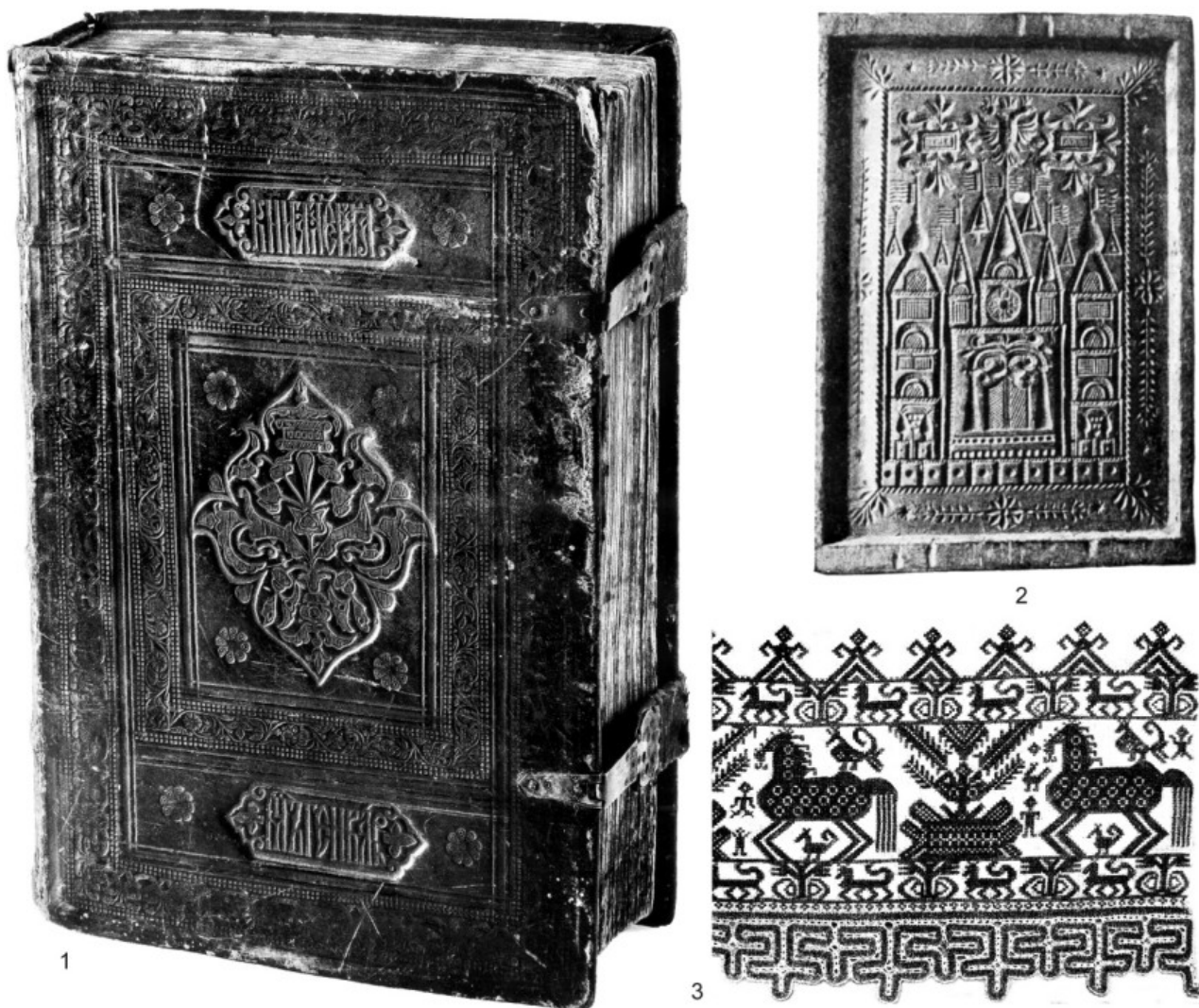

Рис. 4. Аналогии элементам декора на покрытиях компасов: 1 — служебная Минея с оригинальным переплетом XVII в. из Кожезерского монастыря (Платонов и др., 2016. С. 199, кат. 68.2); 2 — пряничная форма (Москва, ГИМ) (Соболев 1934. Рис. 314); 3 — подзор простыни (деталь вышивки, Северный район) (Воронов, 1924. Рис. 82)

Fig. 4. Parallels of the elements of decoration on compass covers: 1 — service menology with a peculiar binder of the 17th cen. from the Kozhezersky Monastery (Платонов и др., 2016. С. 199, кат. 68.2); 2 — spice-cake mould (Moscow, State Historical Museum) (Соболев, 1934. Рис. 314); 3 — edging of a bedsheet (detail of the embroidery, Northern District) (Воронов, 1924. Рис. 82)

на берёзовском покрытии. Подобный «город» встречается и на металлических средниках поморских книжных переплетов XVIII в.

В оценке таких изображений на пряничных досках XIX в., как и на других деревянных резных досках-матрицах, например для кафелей, для печатания икон, лубочных картин, покрытий книг, датируемых XVII–XIX вв., Н. Н. Соболев склонен видеть устойчивый стереотип,

сохраняющийся до XX в. по меньшей мере с XVII столетия (Соболев, 1934. С. 428–440).

Особый сюжет берёзовского покрытия — две птицы, расположенные одна на другой. Животные и птицы, стоящие один на другом, являются постоянным элементом русской народной вышивки, в том числе и собранной в северных областях европейской России. Птица на лошади отражена, например,

на вышитом подзоре простыни (рис. 4, 3), происходящей из «Северного района» (Воронов, 1924. Рис. 82). Сюжет с двумя птицами, верхняя из которых стоит на спине нижней, имеется в собрании сюжетов русского народного орнамента В. В. Старова, где описан на кайме полотенца из Воронежской губернии: «Влево от средней фигуры птица с огромным распущенным хвостом, и над нею другая маленькая птица» (Стасов, 1872. Л. LXXIII, № 213).

Заключение

В археологических материалах последних лет открываются новые виды средневековых кожаных изделий, подтверждая раннее предположение о необычайно широком использовании кожи в средневековой жизни (Курбатов, 2012. С. 336–339). Одной из редких находок такого рода являются кожаные покрытия коробок для компаса.

В XVII в. на Русском Севере складывались центры художественного ремесла. К концу столетия наиболее значимым из них были Холмогоры. Этому способствовало учреждение Холмогорской и Важской епархий с резиденцией архиепископа в Холмогорах. Первым архиепископом стал Афанасий — личность яркая и деятельная. Сын военнотружущего из Тюмени, он один из немногих представителей духовенства поддерживал преобразования

Петра I, в том числе способствовал развитию разных ремесел и искусств на Севере. При нем заметно преобразился город Холмогоры, где развивалось художественное ремесло, в том числе иконописцев, столяров и резчиков. При архиерейском дворе была создана одна из крупнейших на Севере библиотек и здесь же находилась мастерская по переписке и переплету книг (Уханова, 1973. С. 8–11).

Таким образом, можно считать, что мастер, изготовивший берёзовское покрытие, вероятнее всего работал в Холмогорах и специализировался в области переплетного дела. Он же выполнял и заказы по «оболочению в кожу» иных изделий, таких как коробки для компасов. С технической точки зрения покрытие кожей последних практически не отличается от выполнения книжных переплетов.

Чисто теоретически можно предполагать, что резчики по дереву были и в самих сибирских городах. На эту тему писал А. Н. Копылов, отметивший высокий уровень художественной резьбы. Но прикладные художественные ремесла имели ограниченное применение — для жизненно важных изделий, к которым относится домостроительство: иконостасы, окна и др. (Копылов, 1978. С. 171 и сл.). Документы XVII в. сегодня не дают оснований предполагать переселение таких мастеров с Русского Севера в Сибирь.

Бакланова, 1928 — Бакланова Н. А. Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII в. // Очерки по истории торговой промышленности в России в 17 и 18 столетии. М., 1928. С. 5–118 (Тр. ГИМ; Вып. 4).

Белов и др., 1980 — Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеоздат, 1980. Ч. 1.

Бидерман, 1996 — Бидерман Г. Энциклопедия символов / Пер. с нем.; общ. ред. и предисл. И. С. Свенцицкой. М.: Республика, 1996. 335 с.

Визгалов и др., 2011 — Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001–2007 гг.). Екатеринбург: Изд-во АМТ, 2011. 216 с.

Воробьев, Соколова, 1976 — Воробьев М. В., Соколова Г. А. Очерки по истории науки, техники и ремесла в Японии. М.: Наука, 1976.

Воронов, 1924 — Воронов В. Крестьянское искусство. М.: ГИЗ, 1924.

Городилова, 2008 — Городилова Л. М. Список с заручной товарной ценовой росписи 1687 г. // *Palaeoslavica*. Cambridge (Massachusetts): *Palaeoslavica*. 2008. Vol. XVI, N. 2. P. 129–154.

Гренберг, 1995 — Гренберг Ю. И. Свод письменных источников по технике древнерусской живописи, книжного дела и художественного ремесла в списках XV–XIX вв. / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. И. Гренберга. СПб.: Пушкинский фонд, 1995. Т. 1, кн. первая.

- Данилевский*, 1951 — *Данилевский В. В.* Русские навигационные приборы первой четверти XVII в. // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 53–62.
- Зимин, Королёва*, 1953 — *Зимин А. А., Королёва Р. Г.* Документ Разрядного приказа // Исторический архив. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. VIII. С. 23–60.
- Клепиков*, 1959 — *Клепиков С. А.* Из истории русского художественного переплета // Книга. Исследования и материалы. М.: Книга, 1959. С. 98–166.
- Копылов*, 1978 — *Копылов А. Н.* Развитие в Сибири XVII — начала XIX в. ремесла по художественной обработке дерева // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978. С. 171–189.
- Корякин, Хребтов*, 1994 — *Корякин В. И., Хребтов А. А.* От астролэбии к навигационным комплексам. СПб.: Судостроение, 1994. 234 с.
- Кудрявцев*, 2016 — *Кудрявцев С. А.* Тиснение историческими клише: технологический аспект // Е. В. Платонов, О. Н. Мальцева, С. А. Кудрявцев. Старопечатная кириллическая книга XVI–XVII веков. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2016. Приложение 1. С. 322–324.
- Курбатов*, 2012 — *Курбатов А. В.* Кожевенное ремесло в городах средневековой Руси: современное состояние изучения // *Stratum plus*. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2012. № 5: Другая Русь. Чудь, мера и инии языци. С. 319–350.
- Левитин*, 2009 — *Левитин А. Е.* Компас магнитный // БРЭ. Т. 14. М.: НИ «Большая Российская Энциклопедия», 2009. С. 686.
- Мерцалова*, 1972 — *Мерцалова М. Н.* История костюма. Очерки истории костюма. М.: Искусство, 1972. 200 с.
- Осипов и др.*, 2017 — *Осипов Д. О., Татауров С. Ф., Тихонов С. С., Чёрная М. П.* Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // АЭАЕ. Новосибирск: Б. и., 2017. Т. 45, № 1. С. 112–120.
- Отчет..., 2019 — Отчет о научно-исследовательской работе «Многовековая Югра: история расселения и адаптации человека на Севере Западной Сибири (экологический и социокультурный аспекты)». Археологические раскопки, проведенные в 2018 г. на территории посада пгт. Берёзово Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (рук. О. В. Кардаш, исп. Г. П. Визгалов). Нефтеюганск, 2019.
- Памятники русской культуры, 1966 — Памятники русской культуры первой четверти XVIII в. в собрании Государственного ордена Ленина Эрмитажа. Каталог. Л.; М.: Сов. Художник, 1966. 352 с.
- Платонов и др.*, 2016 — *Платонов Е. В., Мальцева О. Н., Кудрявцев С. А.* Старопечатная кириллическая книга XVI–XVII веков. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2016. 344 с.
- Приходно-расходные..., 1884 — Приходно-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека. СПб., 1884. Т. IX. С. 1–381.
- Ружников*, 2018 — *Ружников А. В.* Об оснащённости поморских парусных судов навигационными приборами и инструментами // Тр. Архангельского центра Русского Географического общества. Архангельск: Изд-во Архангельского центра РГО, 2018. Вып. 6. С. 344–348.
- Симони*, 1903 — *Симони П. К.* Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного искусства на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI-го по XVIII-е столетие включительно. Тексты — материалы — снимки. СПб.: Б. и., 1903. 307 с.
- Симони*, 1906 — *Симони П. К.* К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV–XVIII столетий. СПб.: Б. и., 1906. 280 с.
- СлРЯ XI–XVII вв., 1976–1990 — Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука. 1976. Вып. 3. 288 с.; 1977. Вып. 4. 403 с.; 1978. Вып. 5. 392 с.; 1980. Вып. 7. 403 с.; 1981. Вып. 8. 351 с.; 1983. Вып. 10. 327 с.; 1987а. Вып. 12. 381 с.; 1987б. Вып. 13. 318 с.; 1988. Вып. 14. 311 с.; 1989. Вып. 15. 285 с.; 1990. Вып. 16. 294 с.
- СлРЯ XVIII в., 2006 — Словарь русского языка XVIII в. СПб.: Наука, 2006. Вып. 16. 278 с.
- СОРЯ XVI–XVII в., 2019 — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–

- XVII веков / Под ред. О. С. Мжельской. СПб.: Наука, 2019. Вып. 8.
- СПЛ XV–XVII вв., 2005 — Словарь промышленной лексики Северной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. Вып. 2: К–О. 330 с.
- СРНДРС, 1991 — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / сост. Л. Г. Панин. Новосибирск: Наука, 1991.
- Соболев, 1934 — Соболев Н. Н. Русская народная резьба по дереву. М.; Л.: Academia, 1934. 240 с.
- Срочинский, 1978 — Срочинский Р. Представление о магнетизме в древности // Вопросы истории естествознания и техники. М.: Наука, 1978. Вып. 3 (60). С. 84–86.
- Стасов, 1872 — Стасов В. В. Русский народный орнамент. СПб.: Тип. Т-ва общественная польза, 1872. Вып. 1: Шитье, ткани, кружева. 129 с.
- Уханова, 1973 — Уханова И. Н. Народные художественные центры Русского Севера XVIII–XIX вв. (Опыт картографирования художественных центров в свете исторического развития русского Севера) // Славяно-русская этнография. Л.: РГО, 1973. С. 3–27.
- Ясински, Овсянников, 1998 — Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. Т. II. 426 с.
- Ruša, 2010 — Ruša M. Arheoloģiskie izrakumi Dobeles viduslaiku pili // Arheologu pētījumi Latvijā 2008–2009. Nordik. Lp. 172–177.

Leather objects of seafaring equipment in archaeological collections

A. V. Kurbatov

In 2018, archaeological investigations were continued at the townsite suburb (late mediaeval *posad*) within the modern urban settlement of Berezovo situated at the low reaches of the Ob River in the north of Western Siberia (Khanty-Mansi Autonomous Okrug, Tyumen Oblast). The first excavations of 2009 at the same site, on account of limited time and finances, were not completed down to the virgin soil being suspended throughout their entire area. In 2018, excavation no. 2-18 with the area of 216 sq m was almost completely dug down to the virgin soil (excavation of an area of 24 sq m was suspended). In the course of the investigation, eight horizons of dwelling and economic buildings dated through the complex of the materials to the 17th–18th century have been revealed.

In the fifth building horizon at estate no. 8 which was functioning within the second half of the 17th century, the remains of a dwelling log-house (no. 20) and an adjoining household log cabin (no. 20A) were uncovered. In a layer of straw and manure which had been deposited during the functioning of the cabin, a set of ordinary artefacts and also a rare leather object were found. The latter find represented a cover for a case of a compass with an

This find has stimulated a broader view at the problem of seafaring equipment in the Middle Ages.

This paper discusses all the known archaeological finds from the Siberian towns of Mangazeya and Tara, as well as objects from different museum collections and graphic analogues in pictures and engravings of West-European artists.

As parallels of the decoration design, objects from Northern Russia are considered: book binds; carved wooden details of interior; wooden, bone and textile objects of everyday life of the 17th — early 20th centuries.

Examination of the object found in household building no. 20A suggests that the artisan who made the leather cover probably worked in Kholmogory and was specialized in book binding. Besides, he fulfilled orders for 'leather apparelling' of other objects, including compass cases. Technically, covering of the latter with leather practically does not differ from book binding.

Нумизматические и сфрагистические находки с Ржевского городища «Соборная гора» (по материалам работ ИИМК РАН в 2019 г.)

К. В. Горлов¹, К. А. Михайлов²

Аннотация. Осенью 2019 г. археологической экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН на Соборной горе города Ржева проводилось наблюдение за земляными работами, связанными с реставрацией мемориального комплекса.

Результаты работ впервые позволили археологам исследовать исторический центр города Ржева, который до сих пор был закрыт для научного изучения. Археологические наблюдения предоставили нам уникальную возможность подробно проследить стратиграфию и планиграфию памятника и собрать представительную коллекцию находок, среди которых важное место занял нумизматический и сфрагистический материал, способствовавший уточнению датировки городища.

Annotation. In the autumn of 2019, the archaeological expedition of the Department of Rescue Archaeology of the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS supervised the earthworks concerned with the restoration of the memorial complex on Mt Sobornaya Gora in the town of Rzhev.

The results of the works first have enabled the archaeologists to study the historical centre of the town of Rzhev which until now has been closed to scientific investigation. The archaeological examination has allowed us a unique possibility to study in details the stratigraphy and plan of the site, as well as to collect a representative assemblage of finds including very important numismatic and sphragistic materials helping to provide a more exact dating of the settlement.

Ключевые слова: Ржев, Соборная гора, городище, монеты, пулы, акты печати, стратиграфия, планиграфия

Keywords: Rzhev, Mt Sobornaya Gora, hillfort, coins, Jochi puls, official seals, stratigraphy, plan studies.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-216-231

Историческое ядро города Ржева, впервые упомянутого в летописи под 1216 г.,

¹ Горлов К. В. — работа выполнена в рамках ПФНИ ГАН по теме государственной работы № 0160-2019-0044 «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций».

² Горлов К. В. — Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; Михайлов К. А. — Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН, Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

представлено детинцем окольного города с примыкающей к нему территорией средневекового посада. Данный комплекс, расположенный в урочище Соборная гора, занимает мыс коренного левого берега р. Волга при впадении в нее р. Холынка (Нефедов, 2007. С. 233).

Городище в виде двух разноуровневых площадок³ в плане имеет восьмеркообразный

³ Перепад высот между верхней и нижней площадками достигает 10 м.

вид (рис. 1). Верхняя площадка подпрямоугольной формы расположена в западной части мыса. Ее размеры по осям север-юг и запад-восток составляют 94,00 × 104,64 м. Некоторые исследователи связывают это пространство со средневековым княжеским Детинцем Ржевы Володимировой. Нижняя площадка в плане имеет трапециевидную форму. Ее размеры по осям север-юг и запад-восток составляют 147,31 × 114,70 м. В археологической литературе это место отождествляется с окольным городом (Нефедов, 2007. С. 234).

В настоящее время центральная часть Соборной горы занята мемориалом с обелиском, Вечным огнем, парком и могилами воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны. Монумент частично перекрывает развалины и фундамент центрального городского собора Успения Пресвятой Богородицы, возведенного в середине XVIII в. и разрушенного в 1957 г. (Салимов, 2015. С. 234).

История Ржева известна в основном по письменным источникам. Начало археологического изучения Ржевского городища относится к 40-м гг. XX в. Однако до недавнего времени на памятнике производились только сбор подъемного материала и съемка его топографических планов (Исланова, Оруджев, 2017. С. 91, 92).

В 2010 г. И. В. Ислановой на восточном краю нижней площадки Соборной горы был заложен шурф (1,0 × 1,8 м), доведенный до материка на глубине 1,4 м (Исланова, 2018; Исланова, Оруджев, 2017. С. 92). В 2016 г. охранные раскопки на верхней площадке городища проводились О. А. Козловой. В ходе этих работ вокруг обелиска были заложены два шурфа, зафиксировавшие остатки стен и фундаментов собора. До материка шурфы доведены не были (Козлова, 2017). Стационарными археологическими раскопками памятник до сих пор не изучался.

Осенью 2019 г. археологической экспедицией Отдела охранной археологии ИИМК РАН⁴ на городище проводилось наблюдение

⁴ Исследования производились К. А. Михайловым под руководством начальника экспедиции О. И. Богуславского.

за земляными работами, связанными с реставрацией мемориального комплекса, устройством пешеходных дорожек и трасс освещения. Общая протяженность обследованных траншей составила около 1000 кв. м при ширине полосы от 0,5 до 1,0 м.

В ходе работ экспедиции помимо прочих артефактов были обнаружены нумизматическая и сфрагистическая коллекции, имеющие важное значение для уточнения датировки памятника и характеристики социально-экономических процессов, происходивших здесь в средневековье и новое время. Непосредственно во время наблюдения за земляными работами были зафиксированы 29 монет и половина сломанной вдоль канала вислой печати. Также у местных жителей удалось зарегистрировать еще 37 монет и две вислые печати, обнаруженные в пределах памятника в ходе нелегального металлопоиска (табл. 1)⁵.

Найденные монеты концентрировались в восточной зоне городища несколькими группами на северном и восточном краях склона, а также в центральной части нижней площадки (рис. 1). Их большая серия зафиксирована сразу под дерном в местах, где строительная техника срезала верхние 10–20 см культурного слоя, представлявшего собой темно-серую гумусированную супесь. Другие монеты были обнаружены на дне траншей в остатках древесного тлена, возможно, связанного с постройками XVI–XVII вв. В траншее № 17 большинство денежных знаков выявлено или на ее дне под прослойками красно-коричневого суглинка, или в слое темно-серой гумусированной супеси, перемешанной с кусками суглинка, то есть в слое, перекрытом остатками вала или перемешанном с этими остатками. Монеты, обнаруженные в ходе грабительских раскопок, концентрировались в восточной части нижней площадки городища (рис. 1).

Атрибуция нумизматических коллекций, полученных в ходе надзора и зарегистрированных у местных жителей, позволяет заключить, что в целом они имеют идентичный

⁵ Находчиками были указаны точные места находок монет и печатей, часть из которых была передана авторам данной публикации для дальнейшего изучения.

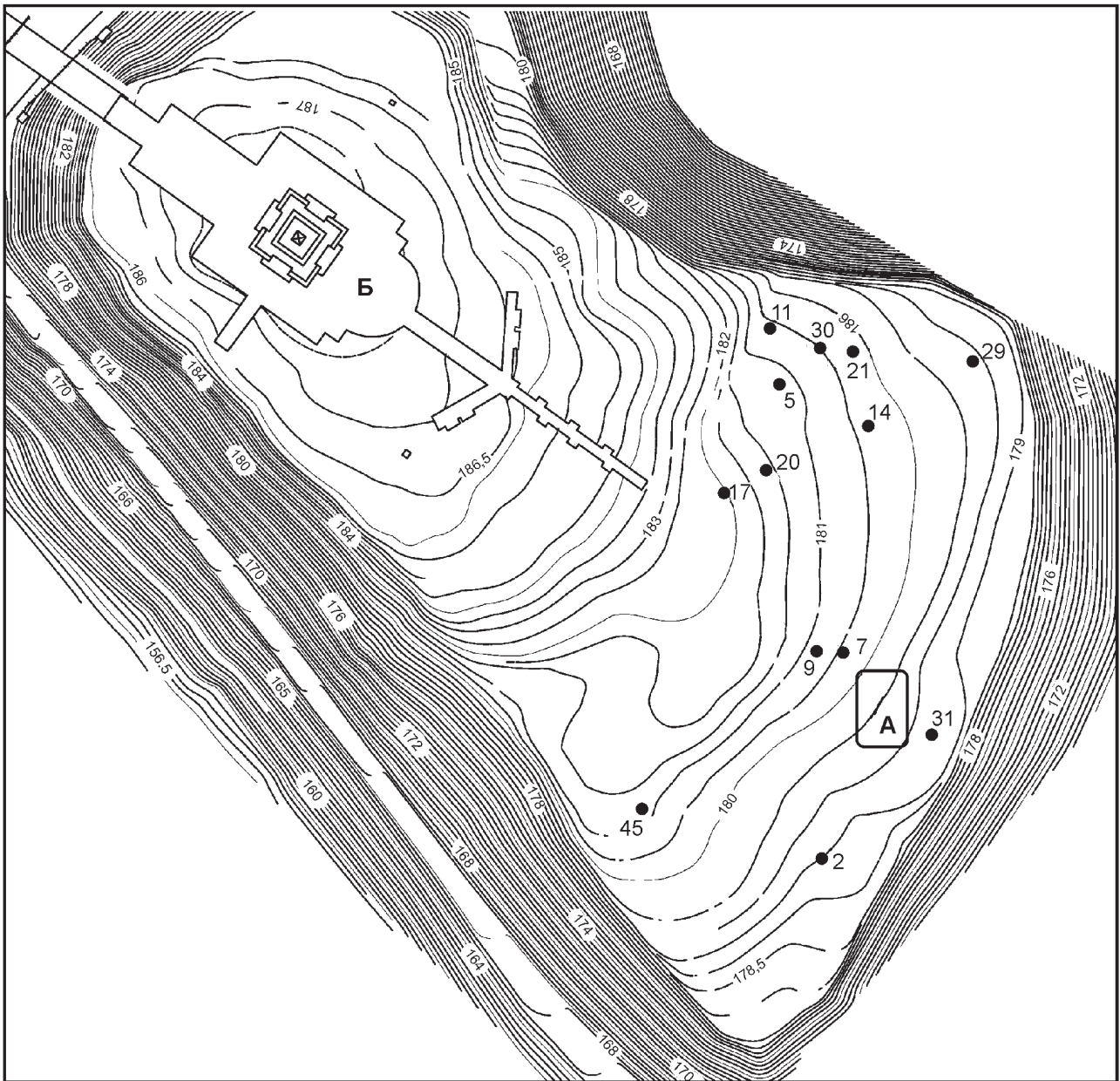

Рис. 1. План ржевского городища «Соборная гора» с указанием мест находок монет (номера монет соответствуют их порядковым номерам в табл. 1): А — место грабительских сборов монет; Б — мемориальный комплекс памяти погибших в годы Великой Отечественной войны

Fig. 1. Plan of the hillfort of 'Sobornaya Gora' in Rzhev with indication of coin findspots (the coin numbers correspond to their ordinal numbers in Table 1): А — spot of illicit collection of coins; Б — memorial complex dedicated to the memory of the killed during the Great Patriotic War

Таблица 1. Монеты, найденные в 2019 г. на Ржевском городище «Соборная гора»
 Table 1. Coins found in 2019 at the Rzhev hillfort of 'Sobornaya Gora'

№	Эмитент	Правитель	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип
1	Улус Джучи		Пуло	743 г. х. (1342 р. х.)	Сарай ал-Джедид	Медь	?	
2	Великое княжество Московское?	?	Пуло	Конец XIV – 1-я пол. XV в.	Москва?	Медь	1,185	
3	Городенское удельное княжество	Борис Александрович	Пуло	1425–1461	Городен	Медь	1,940	Г-368 ¹
4	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1461–1466	Тверь	Медь	1,240	Г-6
5	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1461–1466	Тверь	Медь	1,180	Г-7
6	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1461–1466	Тверь	Медь	1,220	Г-138
7	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1461–1473	Тверь	Медь	0,695	Г-28
8	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1467–1473	Тверь	Медь	1,155	Г-151
9	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1467–1473	Тверь	Медь	1,300	Г-275
10	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1467–1473	Тверь	Медь	?	Г-283
11	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1467–1473	Тверь	Медь	2,290	Г-294
12	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1474–1479	Тверь	Медь	1,190	Г-83
13	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1474–1479	Тверь	Медь	0,630	Г-159
14	Тверское великое княжество	Михаил Борисович	Пуло	1480–1485	Тверь	Медь	0,570	Г-268
15	Тверское великое княжество	Иван Иванович	Пуло	1485–1490	Тверь	Медь	1,320	Г-308
16	Тверское великое княжество	Иван Иванович	Пуло	1485–1490	Тверь	Медь	0,710	Г-343
17	Тверское великое княжество	Иван Иванович	Пуло	1485–1490	Тверь	Медь	0,720	Г-306–327
18	Тверское великое княжество	Василий Иванович	Пуло	1490–1491	Тверь	Медь	0,650	Г-349
19	Русские земли?	?	Пуло ²	?	?	Медь	0,210	?
20	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Ок. 1490–1570	Тверь	Медь	0,320	Г-358?
21	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Ок. 1490–1570	Тверь	Медь	0,500	Г-358
22	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Ок. 1490–1570	Тверь	Медь	?	Г-358
23	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Ок. 1490–1570	Тверь	Медь	?	Г-358
24	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Ок. 1490–1570	Тверь	Медь	0,380	Г-358
25	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Ок. 1490–1570	Тверь	Медь	?	Г-360

Продолжение таблицы 1

№	Эмитент	Правитель	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип
26	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Ок. 1490–1570	Тверь	Медь	?	Г-361 или 362
27	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Иван IV	Пуло	Ок. 1530–1560-е	Москва	Медь	0,335	Г-405
28	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Иван IV	Пуло	Ок. 1530–1560-е	Москва	Медь	0,350	Г-407
29	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Иван IV	Пуло	Ок. 1530–1560-е	Москва	Медь	0,275	?
30	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Кон. XV в. — 1560-е	Новгород	Медь	0,245	Г-438
31	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	XV в.	Псков	Медь	0,290	Г-444?
32	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Кон. XV — XVI в.	?	Медь	0,240	?
33	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Кон. XV–XVI в.	?	Медь	0,320	?
34	Великое княжество Всея Руси	Василий III или Иван IV	Пуло	Кон. XV–XVI в.	?	Медь	?	?
35	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Иван IV	Денга	1535–1547	Москва	Серебро	?	ГКХ-48 ³
36	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Иван IV	Денга	1535–1547	Москва	Серебро	?	ГКХ-62
37	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Иван IV	Денга	1570-е	Москва	Серебро	?	ГКХ-78
38	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Иван IV	Копейка	1550-е–1560-е	Новгород	Серебро	?	ГКХ-7
39	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Иван IV	Копейка	1580-е	Псков	Серебро	?	ГКХ-29
40	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Борис Годунов	Копейка	1599	Новгород	Серебро	?	ГКХ-202?
41	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Борис Годунов	Копейка	1601	Новгород	Серебро	?	ГКХ-213
42	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Борис Годунов	Копейка	1602	Новгород	Серебро	?	ГКХ-224
43	Великое княжество Всея Руси. Русское Царство	Борис Годунов?	Копейка	1598–1605	Новгород?	Серебро	?	?
44	Русское Царство	Михаил Федорович	Копейка	1613–1617	Москва	Серебро	?	ГКХ-355
45	Русское Царство	Михаил Федорович	Копейка	1613–1617	Москва	Серебро	0,320	ГКХ-361
46	Русское Царство	Михаил Федорович	Копейка	1620-е	Москва	Серебро	?	?

Окончание таблицы 1

№	Эмитент	Правитель	Номинал	Дата чеканки, гг.	Место чеканки	Металл	Вес, г	Тип
47	Русское Царство	Михаил Федорович	Копейка	1621–1625	Москва	Серебро	?	ГКХ-432
48	Русское Царство	Михаил Федорович	Копейка	1630-е	Москва	Серебро	?	ГКХ-508
49	Русское Царство	Михаил Федорович	Копейка	1640-е	Москва	Серебро	?	ГКХ-626
50	Русское Царство	Михаил Федорович	Копейка	1613–1645	Москва	Серебро	?	?
51	Русское Царство?	?	Копейка	XVI–XVII вв.	?	Серебро	?	?
52	Российская империя	Петр I	Полушка	1721		Медь		
53	Российская империя	Анна Иоанновна	Денга	1731	Москва (Красный двор)	Медь		
54	Российская империя	Анна Иоанновна	Полушка	1734	Москва (Плащильная мельница на Яузе)	Медь		
55	Российская империя	Анна Иоанновна	Полушка	1735	Москва (Плащильная мельница на Яузе)	Медь		
56	Российская империя	Елизавета Петровна	Денга	1757–1760	?	Медь		
57	Российская империя	Елизавета Петровна	Копейка	1757–1760	?	Медь		
58	Российская империя	Екатерина II	5 копеек	1776	Екатеринбург	Медь		
59	Российская империя	Александр I	2 копейки	1812	Колпино	Медь		
60	Российская империя	Александр I	2 копейки	1813	Колпино	Медь		
61	Российская империя	Александр I	2 копейки	1814	Екатеринбург	Медь		
62	Российская империя	Николай I	1 копейка серебром	1840	Екатеринбург	Медь		
63	Российская империя	Николай I	½ копейки серебром	1842	Колпино	Медь		
64	Российская империя	Александр II	2 копейки	1856	Екатеринбург	Медь		
65	Германия. Третий рейх		5 рейхс- пфеннигов	1940–1944	Берлин	Цинк		
66	СССР		1 копейка	1940	Ленинград	Алюминие- вая бронза		

¹ Типология пул приведена на основании классификации П. Г. Гайдукова (Гайдуков, 1993).

² Неопределимый обломок большого пула.

³ Типология денег и копеек XVI–XVII вв. приведена на основании каталога И. В. Гришина, В. Н. Клецинова, А. В. Храменкова (Гришин и др., 2015).

состав, что позволяет в дальнейшем рассматривать их как единый комплекс.

Старшим в составе коллекции является джучидский пул, отчеканенный в 743 г. х. (1342 р. х.) в Сарай ал-Джедиде⁶ (рис. 2, 1). Среди исследователей преобладает мнение, что денежные знаки, изготовленные не из благородных металлов в эпоху средневековья, как правило, обслуживали только внутренние денежные рынки государств-эмитсионеров, не являясь конвертируемой валютой. Для их обращения за рубежом в качестве средства расчета требовалась законодательная «принудительная» регламентация или устойчивые торговые связи со странами, в которых такие монеты имели хождение (Петров, 1997. С. 16, 17).

В пределах русских княжеств находки джучидских пулов достаточно редки. Наибольшее их количество зарегистрировано в Рязанской земле. На территории Москвы и Подмосковья, куда подобные денежные знаки начинают попадать во второй половине XIV в., известно всего несколько экземпляров⁷ (Волков, 2003. С. 40; Зайцев, 2006а. С. 56; Гомзин, 2015. С. 156, 157).

На сегодняшний день роль пулов Золотой Орды в пределах Руси остается неясной. Вероятнее всего, их находки стоит расценивать в качестве свидетельства интенсивных контактов княжеств с Золотой Ордой, но не как местное средство расчета (Гомзин, 2011. С. 212; 2015. С. 156, 157). В пользу такой

⁶ Определение К. Хромова, за что авторы выражают благодарность.

⁷ Область распространения джучидских дирхемов, обращавшихся на Руси в качестве расчетного средства, не включает в себя территорию к северу от Москвы (Волков, 2003, С. 40; 2004. С. 353, 355).

интерпретации положения пулов важным является замечание А. А. Гомзина, отметившего отсутствие на них надчеканок в виде букв или рязанской тамги⁸, которые часто встречаются на серебряных монетах Золотой Орды, участвовавших в русском денежном обращении (Гомзин, 2011. С. 212). Находка пула на Ржевском городище может маркировать наличие в месте его фиксации культурного слоя середины XIV в., а также указывать на активные контакты местного населения с улусом Джучи.

Следующая рассматриваемая монета имеет плохую сохранность, что затрудняет проведение точной атрибуции. Одна из ее сторон несет фрагмент арабографической легенды, а другая — орнамент в виде завитков. Особенности техники изготовления монетной заготовки, выполненной из расплющенной проволоки, указывают на русское происхождение данного экземпляра⁹.

На Руси медные монеты в конце XIV в. стали чеканить под влиянием денежной системы Золотой Орды. Их массовые находки на археологических памятниках указывают на потребность местного населения в знаках мелких номиналов для ведения розничной торговли, что в свою очередь характеризует особенности экономического развития (Зайцев, 1999. С. 116; 2004. С. 78, 79; Беляев, Гайдуков, 2006. С. 41; Гайдуков, Кренке, 2009. С. 103, 104; Беляев, 2019. С. 24).

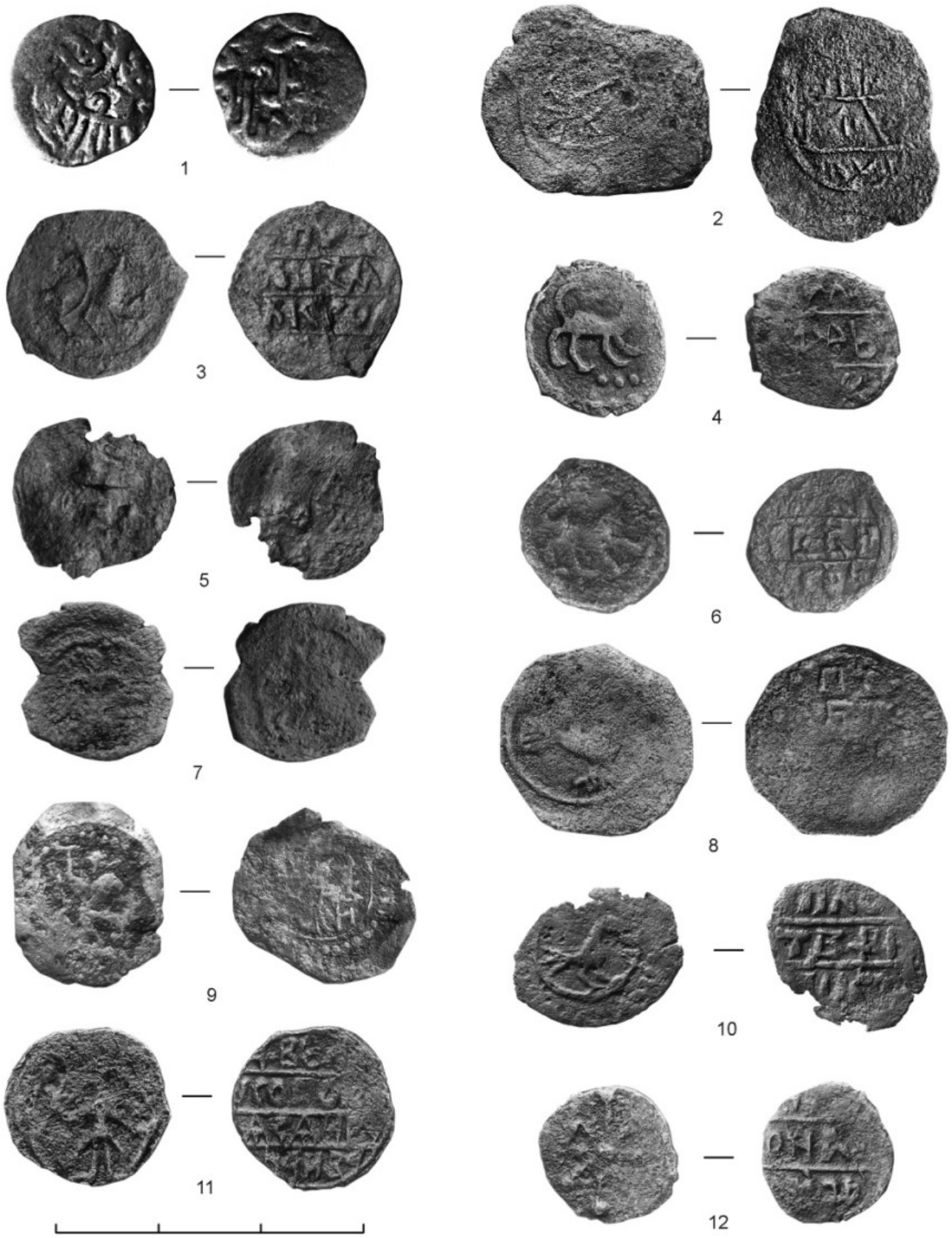
Важнейшим сегментом коллекции выступают 16 больших пул, чеканенных в Твери и

⁸ Данные знаки являлись своего рода удостоверением, позволявшим использовать таких монет (Гулецкий, Петрунин, 2017. С. 82, 83).

⁹ Известные пулы Золотой Орды изготовлялись на специально вырезанных монетных кружках.

Рис. 2. Нумизматический материал, зарегистрированный в 2019 г. на Ржевском городище «Соборная гора»: 1 — анонимный пул 743 г. х. (1342 р. х.), Сарай ал-Джедид; 2 — пуло 1425–1461 гг. кн. Бориса Александровича, Городен; 3–10 — пулы 1461–1485 гг. кн. Михаила Борисовича, Тверь; 11 — пуло 1485–1490 гг. кн. Ивана Ивановича, Тверь; 12 — пуло 1490–1491 гг. кн. Василия Ивановича, Тверь

Fig. 2. Numismatic finds recorded in 2019 at the hillfort of 'Sobornaya Gora' in Rzhev: 1 — anonymous pul of 743 Hidjra (1342 AD), Saray al-Jedid; 2 — puls of 1425–1461 of Prince Boris Aleksandrovich, Goroden; 3–10 — puls of 1461–1485 of Prince Mikhail Borisovich, Tver; 11 — pul of 1485–1490 of Prince Ivan Ivanovich, Tver; 12 — pul of 1490–1491 of Prince Vasiliy Ivanovich, Tver

удельном княжестве Городенском. Старшая из этих монет выпущена во время правления князя Бориса Александровича 1425–1461 гг. в Городене (рис. 2, 2).

Эмиссия князя Михаила Борисовича представлена 11 тверскими пулами, разделяющимися на выделенные П. Г. Гайдуковым пять хронологических групп, охватывающих временной отрезок с 1461 по 1485 г. (Гайдуков, 1993. С. 49–52, 56). К наиболее раннему выпуску 1461–1466 гг. принадлежат две монеты с указанием имени князя в строчной легенде оборотной стороны (Г-6, 7) и одна с обозначением названия города (Г-138)¹⁰ (рис. 2, 3, 4). Периодом с 1467 по 1473 г. датируются четыре пула, одно из которых несет название города (Г-151) и три — без указания города и имени князя (Г-275, 283, 294) (рис. 2, 6, 7). Более широко — 1461–1473 гг. — определяется экземпляр типа V варианта 1 с именем князя (Г-28). Такие денежные знаки являлись переходными от среднего веса 1,4 к 1,3 г, что и обусловило особенности их хронологии (Гайдуков, 1993. С. 50) (рис. 2, 5). К 1474–1479 гг. относятся два пула с названием города (Г-83, 159) (рис. 2, 8, 9). К заключительному этапу чеканки Михаила Борисовича 1480–1485 гг. из состава коллекции принадлежит только одна медная монета с названием города (Г-268) (рис. 2, 10).

Время княжения в Твери Ивана Ивановича, продолжавшееся с 1485 по 1490 г., отразилось среди находок тремя пулами (Г-308, 343, 306–327¹¹). Правление Василия Ивановича, длившееся только год, представлено одной медной монетой¹² (Г-349) (рис. 2, 11, 12).

При анализе серии больших пул обращает на себя внимание преобладание экземпляров, выпущенных во второй половине XV в. При этом чеканка подобных монет, например в Москве, происходила в XV в. В Твери

«денежный двор» начал работать в период княжения Ивана Михайловича около 1413 г., а при Борисе Александровиче¹³ осуществляется уже регулярная и чрезвычайно массовая эмиссия как медных, так и серебряных денежных знаков (Гайдуков, 1993. С. 45, 46; Сотникова, 1997. С. 65, 66; 1998. С. 130).

Почти полное отсутствие в коллекции монет первой половины XV в. может указывать на особенности формирования культурного слоя в пределах исследуемого участка в это время, то есть на его неинтенсивное использование.

Причина количественного преобладания пул Михаила Борисовича может являться следствием его долгого правления и высокой интенсивности денежных выпусков в Твери в 1461–1485 гг., но более вероятно, что во второй половине XV в. на Ржевском городище активизируются жизненные процессы по сравнению с предыдущим временем. На это указывает и наличие среди относительно небольшого числа рассматриваемых экземпляров больших пул, чеканенных Иваном Ивановичем в период его *пятилетнего* тверского княжения, и даже монеты Василия Ивановича, занимавшего тверской стол около года.

Следует отметить, что большие пула относительно ровно покрывают все хронологические этапы, выделенные для них П. Г. Гайдуковым, что может указывать на их планомерное выпадение в культурный слой на протяжении второй половины XV в. Из обращения медные монеты по причине своей низкой покупательной стоимости могли выходить относительно быстро, например в виде обычных потерь. К средствам расчета из благородных металлов у населения было более бережливое отношение¹⁴.

Показателен в этом вопросе материал единичных монетных находок или их скоплений,

¹⁰ Здесь и далее приводятся инвентарные номера монет.

¹¹ Точное определение монеты невозможно ввиду ее плохой сохранности.

¹² Также в коллекции присутствует обломок большого пула, атрибуцию которого установить не удалось.

¹³ Великий князь тверской с 1426 по 1462 г.

¹⁴ Показательно соотношение количества находок серебряных копеек и пул, полученных при археологических раскопках Романова двора, когда в горизонте 2 на две копейки Ивана IV пришлось 86 пул, то есть 1 : 43 (Гайдуков, Кренке, 2009. С. 103, 104).

происходящих из культурного слоя городищ и селищ, которые по сравнению с кладами дают более точный состав и динамику развития денежного обращения в прошлом (Волков, 2003. С. 35).

Так, при раскопках на территории Романаова двора в Москве было зафиксировано 127 пул, из которых к большим (конец XIV — первая половина XV в.) относились только пять экземпляров, а к малым (90-е годы XV — середина XVI в.) — 122. Лишь одно из найденных больших пул с четвероногим животным относилось к древнему слою XIV — первой половины XVI в. Остальные монеты в древности были перемещены в более поздние слои (Гайдуков, Кренке, 2009. С. 103, 104).

Еще один монетный комплекс, найденный в Москве в ходе раскопок нижних ярусов мостовой, шедшей поверх плотины от Неглименского моста к Воскресенским воротам Китай-города, показывает, что уже к концу 1530-х — началу 1540-х гг. русское денежное обращение полностью очистилось от многообразных монет, чеканенных в XV — первой трети XVI в., и их кустарных подражаний (Зайцев, 2019. С. 180).

Материалы немногочисленных кладов, содержащих пулы, также указывают на быстрый выход из обращения экземпляров, чеканенных в XV в., и их быструю замену поздними малоформатными аналогами (Гайдуков, 1993. С. 70; Хухарев, 2004. С. 149, 150).

Таким образом, группа больших пул, зафиксированных на Ржевском городище, может рассматриваться в качестве надежного хронологического индикатора, маркирующего культурный слой второй половины XV в.

В середине 30-х гг. XVI в. в Москве происходит уменьшение весовой нормы серебряной деньги, сопровождающееся снижением веса и пул, причем не в той же пропорции, а сразу в три раза, что позволило увеличить рентабельность медного чекана для казны (Зайцев, 2019. С. 179).

В составе рассматриваемой коллекции присутствуют 15 маленьких пул, выпущенных в Твери, Москве, Пскове и Новгороде (табл. 1). Среди них преобладают тверские

экземпляры, несущие изображение птицы влево с цветком в клюве (Г-358), чеканка которых происходила с 1490-х гг.¹⁵ (Зайцев, 2006б. С. 25). Прекращение эмиссии медных монет в Твери В. В. Хухарев связывает с разгромом княжества опричным походом Ивана IV в 1569–1570 гг. (Хухарев, 2000. С. 146).

К продукции московского денежного двора принадлежат пула с изображением крылатой сирены на лицевой стороне, выпуск которых начался в период проведения денежной реформы Елены Глинской 1535–1538 гг. и продолжался как минимум до начала 60-х гг. XVI в. (Зайцев, 2018. С. 181; 2019. С. 179, 180). Не позднее конца 1480-х гг. монеты этого типа начинают чеканить в Новгороде, а после 1510 г. — в Пскове (Зайцев, 2006б. С. 25, 67).

Пула, имевшие низкую реальную стоимость, были в значительной степени востребованы в «мелочной» торговле, в связи с чем на протяжении XVI в. выпускались значительными тиражами, освобождая большое количество серебра для крупных финансовых операций (Гайдуков, 1993. С. 74–76; Зайцев, 2004. С. 78, 79; 2018. С. 181). По подсчетам П. Г. Гайдукова, после денежной реформы 1530-х гг. число пул в копейке составляло 60 или 70. К концу XVI в. это соотношение изменяется до 1 : 120 (Гайдуков, 1993. С. 76).

О месте медной монеты в русской денежной системе есть сведения в записках путешественников и дипломатов. Так, Д. Гесси под 1554 г. указывал: «Однако есть там медные монеты, служащие для облегчения московских бедняков и только для покупки кваса, воды и фруктов, например орехов, яблок и т. п.» (Гайдуков, 1993. С. 74).

Присутствие пул на многочисленных селищах и мелких городищах позволяет изменить господствующее до недавнего времени мнение о них как о чисто городской монете. Их массовая чеканка в конце XIV — первой половине XV в. и активное участие в денежном обращении на обширной территории

¹⁵ При раскопках в Москве на Манежной площади такие монеты зафиксированы в культурном слое, сформированном до пожара 1493 г. (Зайцев, 1995. С. 47, 48).

русского государства могут свидетельствовать о высокой степени развития товарно-денежных отношений (Зайцев, 2004. С. 78, 79).

Результаты археологических раскопок в Москве, Твери и других городах показывают, что в обращении маленькие пула сохранялись вплоть до конца XVI в. В культурном слое XVII в. они полностью отсутствуют по причине полного обесценивания в результате продовольственного кризиса и голода 1602–1603 гг.¹⁶ (Гайдуков, 1993. С. 73; Зайцев, 2018. С. 181, 182).

Таким образом, полученная на Ржевском городище коллекция малых пул является хронологическим индикатором культурного слоя конца XV — XVI в. Преобладание в ней продукции тверского денежного двора объясняется тем, что медные монеты в отличие от серебряных гораздо реже уходили от своих эмиссионных центров (Зайцев, 2009. С. 33). При этом на русской территории вплоть до начала XVI в. существовали устойчивые локальные зоны денежного обращения, границы которых в целом соответствовали политическим рубежам новгородских и псковских земель, с одной стороны, и «низовских» княжеств, с другой. Во второй половине правления Ивана III экономические зоны между регионами практически стираются и постепенно складывается общерусская денежная система (Волков, 2001. С. 133; 2012. С. 173).

В составе коллекции времени обращения маленьким пулам синхронны три серебряные денги и две копейки Ивана IV, отчеканенные в «княжеский» и «царский» периоды его правления в Москве, Новгороде и Пскове (табл. 1). Такие монеты выпускались огромными тиражами, что обеспечило их доминирование на русском денежном рынке вплоть до начала второго десятилетия XVII в. Это убедительно иллюстрируют материалы кладов Смутного времени, в которых монеты Ивана Васильевича количественно преобладают над эмиссиями других правителей (Мельникова, 2003).

¹⁶ Цены на хлеб в центральных районах страны к 1603 г. выросли более чем в 20 раз (Зайцев, 2018. С. 181, 182).

К денежным знакам, выпущенным на основании стопы в три рубля из гривенки серебра, принадлежат и четыре новгородские копейки Бориса Годунова (табл. 1). В период его царствования проводилась интенсивная монетная чеканка, при этом наиболее массовая продукция выпускалась на Московском денежном дворе (Мельникова, 2005. С. 38). Ввиду этого кажется необычным отсутствие среди ржевских находок столичных копеек. Вероятно, причина этого связана с событиями периода Смутного времени, когда русской денежной системе вновь стал присущ региональный характер (Векслер, Мельникова, 1999. С. 85). Также обращает на себя внимание отсутствие в коллекции монет Лжедмитрия I и Василия Шуйского, которые в значительном количестве встречаются в культурном слое начала XVII в.

В 1613 г. правительство Михаила Федоровича проводит денежную реформу, итогом которой стало повышение монетной стопы до четырех рублей из гривенки серебра. На начальном этапе реорганизации основной сырьевой базой для новых денег служили старые «тяжелые» монеты, выкупаемые правительством у населения с «наддачей». В 1620 г. из Пскова сообщали, что все «деньги старые переделаны до 128-го году» (Зверев, 2005. С. 232, 240).

Таким образом, рубежом массового обращения денежных знаков трехрублевой стопы можно считать второе десятилетие XVII в. Но следует учитывать, что единичные «тяжелые» монеты оставались в обращении на протяжении всего XVII в. и известны в кладах петровского времени (Быков, 2002. С. 208).

Эмиссия Михаила Фёдоровича в составе коллекции представлена семью копейками, чеканенными на Московском денежном дворе. Долгое правление первого царя династии Романовых, а также необходимость в больших денежных суммах для налаживания восстановленной экономики и военные расходы привели к тому, что даже в кладах второй половины XVII в. монеты 1613–1645 гг. занимают значительное место.

Копейки Михаила Фёдоровича являются младшими проволочными монетами,

обнаруженными в ходе работ на Ржевском городище. Отсутствие денежных знаков Алексея Михайловича, битых как из серебра, так и меди¹⁷, а также выпусков его преемников на престоле, скорее всего, указывает на замирение жизни на Соборной горе во второй половине XVII в.

Следующая серия монет связана уже с имперской историей России и отражена серией мелких номиналов, чеканенных из меди в XVIII–XIX вв. Младшими в составе коллекции являются пять рейхспфеннигов 1940–1944 гг. и советская копейка 1940 г.

Помимо монет в ходе надзора была найдена половина актовой печати Плотницкого конца Великого Новгорода. Одна из аналогичных булл сохранилась при грамоте 1450 г. Еще две актовые печати первой половины XIV в., принадлежащие новоторжским наместникам, были зарегистрированы у местных жителей (рис. 3) (Янин, 1970. С. 61–66, 135, 230).

Наблюдения за строительными работами вокруг обелиска в 2019 г. впервые позволили археологам исследовать исторический центр города Ржева, который до сих пор был закрыт для научного изучения. Археологические наблюдения предоставили нам уникальную возможность подробно проследить стратиграфию памятника и собрать представительную коллекцию находок, что может помочь уточнить датировку и планиграфию городища.

Немногочисленный нумизматический материал середины XIV в. и рубежа XIV–XV вв., а также две вислые печати новоторжских наместников маркируют историю города, когда он, занимая стратегическое положение на границе Литовского, Московского и Тверского княжеств, стал объектом борьбы между ними и неоднократно переходил из рук в руки. Только в 1381 г. (или 1382 г.) Ржев более-менее прочно вошел в состав Великого княжества Московского, однако уже в 1399 г. Москва уступила его Твери, а в 1404 г. город вновь

¹⁷ С 1655 по 1662 г. чеканка медных монет в России носила чрезвычайно массовый характер, а процессы инфляции, приведшие к практическому обесцениванию таких денежных знаков, явились причиной их частой потери.

Рис. 3. Актовые печати, зарегистрированный в 2019 г. на Ржевском городище «Соборная гора»: 1 — Плотницкий конец Великого Новгорода; 2, 3 — новоторжские наместники

Fig. 3. Official seals recorded in 2019 at the Rzhev hillfort of 'Sobornaya Gora': 1 — Plotnitsky Konets district in Veliky Novgorod; 2, 3 — Novotorsk governors

был возвращен Московскому княжеству. В 1448–1449 г. Ржев захватывается польско-литовскими войсками и, наконец, в 1449 г. окончательно закрепляется за Москвой. Вероятно, эти множественные переходы, не способствующие развитию товарно-денежных отношений, и явились причиной немногочисленности найденного нумизматического материала второй половины XIV — первой половины XV в.

Изменившаяся ситуация во второй половине XV в. отразилась в коллекции серий

тверских пул, скорее всего равномерно выпадавших в культурный слой на протяжении княжений в Твери Михаила Борисовича, Ивана Ивановича и Василия Ивановича. Отсутствие в коллекции серебряных монет, активно выпускающихся в русских княжествах в это время, указывает на особенности экономического развития города, в котором, скорее всего, преобладала мелкая розничная торговля.

Следующее, XVI, столетие в составе коллекции представлено маленькими медными пулами и серебряными монетами Ивана IV «княжеского» и «царского» периодов правления. Появление монет с высокой покупательной способностью может указывать на экономическое развитие города в это время. В пользу этого говорит также и присутствие в коллекции серебряных копеек Бориса Годунова.

В период Смутного времени Ржев становится участником бурных событий. Город захватывается отрядом Ивана Болотникова, присягает на верность Лжедмитрию II и Василию Шуйскому, завоевывается войсками Сигизмунда III, однако эти исторические эпизоды в составе нумизматической коллекции отражения не нашли.

Период после Смутного времени маркируется серией московских копеек Михаила Фёдоровича, чеканенных как в начале, так и в конце его правления. До 1650-х гг. Ржев сохраняет важное военно-стратегическое значение на московско-литовском пограничье, имеет крупный гарнизон войск. Однако после прекращения войны с Польшей город утратил свое военное значение, что, вероятно, является причиной отсутствия среди находок монет Алексея Михайловича, в том числе и медных копеек, чеканенных огромными тиражами.

Следующая серия монет относится уже к имперскому периоду России, когда на ржевском городище 1754 г. возводится каменный собор.

Таким образом, полученный в ходе исследования Ржевского городища нумизматический и сфрагистический материал имеет статус высокоинформативного археологического источника, позволяющего выделить хронологические этапы, отражающие различную интенсивность жизни, особенности экономического развития и направления деловых связей города.

Беляев, 2019 — Беляев Л. А. Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV–XVI веков // Исторические записки. М.: РАН, 2019. 18 (136). С. 5–45.

Беляев, Гайдуков, 2006 — Беляев Л. А., Гайдуков П. Г. Средневековые монеты из раскопок в Зачатьевском монастыре в 2005 г. // Проблемы спасательной археологии: Науч.-практич. конф. к 75-летию со дня рождения А. Г. Векслера (Москва, 28–29 сентября 2006 г.). М.: Вече, 2006. С. 40–41.

Быков, 2002 — Быков А. В. Архангельский клад начала XVIII в. // Десятая ВНК: Тез. докл. (Псков, 15–20 апреля 2002 г.) / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: ТИССО-полиграф, 2001. С. 208–209.

Векслер, Мельникова, 1999 — Векслер А. Г., Мельникова А. С. Российская история в московскихкладах. М.: Жираф, 1999. 272 с.

Волков, 2001 — Волков И. В. Некоторые итоги составления сводки кладов русских серебряных монет конца XIV — первой трети XVI в. // Девятая ВНК. Тез. докл. (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.) / Отв. ред. В. А. Калинин. СПб.: ГЭ, 2001. С. 131–133.

Волков, 2003 — Волков И. В. Средневековые монеты с селища Могутово-2 // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2003. № 2 (12). С. 35–43.

Волков, 2004 — Волков И. В. Особенности денежного обращения на рязанско-московском пограничье в последней четверти XIV — начале XV века // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара / Отв. ред. А. В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2004. С. 353–356.

Волков, 2012 — Волков И. В. Новый клад монет конца XV в. из Рязанской области // СНВЕ. М.: Репроцентр-М, 2012. Вып. 4. С. 171–178.

- Гайдуков* 1993 — *Гайдуков П. Г.* Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993. 293 с.
- Гайдуков, Кренке*, 2009 — *Гайдуков П. Г., Кренке Н. А.* Средневековые монеты из раскопок на Романовом дворе // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. 524 с.
- Гомзин*, 2011 — *Гомзин А. А.* Заметки по хронологии и топографии монетных находок XIV–XVIII вв. из Переяславля Рязанского // Материалы по археологии Переяславля Рязанского / Отв. ред. В. И. Завьялов. Рязань: РИАМЗ, 2011. Вып. 1. С. 207–230.
- Гомзин*, 2015 — *Гомзин А. А.* Монетные находки XIV–XVI вв. в кремле Переяславля Рязанского (сезоны 2009–2013 гг.) // Нумизматические чтения ГИМ 2015 года: Материалы докладов и сообщений (Москва, 30 ноября — 1 декабря 2015 г.) / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: ГИМ, 2016. С. 156–160.
- Гулецкий, Петрунин* 2017 — *Гулецкий Д. В., Петрунин К. М.* Русские средневековые монеты. М.: Б. и., 2017. 660 с.
- Зайцев*, 1995 — *Зайцев В. В.* Новые находки медных пул XV–XVI вв. при археологических раскопках в Москве // Третья ВНК. Тез. докл. (Владимир, 17–21 апреля 1995 г.) / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: Институт этнологии РАН, 1995. С. 46–48.
- Зайцев*, 1999 — *Зайцев В. В.* Три монетных комплекса XV–XVI вв. из раскопок на Гостином дворе в Москве // Седьмая ВНК: Тез. докл. и сообщ. (Ярославль, 19–23 апреля 1999 г.) / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: ГИМ, 2015. С. 114–118.
- Зайцев*, 2004 — *Зайцев В. В.* Русские монеты. Средневековое поселение Настино. Тр. Подмосковной археологической экспедиции ИА РАН. М.: ИА РАН, 2004. Т. 2. 110 с.
- Зайцев*, 2006а — *Зайцев В. В.* Находки «иногородних» медных монет XIV–XV вв. в Москве // Проблемы спасательной археологии: Науч.-практич. конф. к 75-летию со дня рождения А. Г. Векслера (Москва, 28–29 сентября 2006 г.). М.: Вече, 2006. С. 56–57.
- Зайцев*, 2006б — *Зайцев В. В.* Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: ЮНО-НА-монета, 2006. 206 с.
- Зайцев*, 2009 — *Зайцев В. В.* Редкие и неизданные медные русские монеты XIV–XV вв. // СНВЕ. М.: Древлехранилище, 2009. Вып. 3. С. 33–60.
- Зайцев*, 2018 — *Зайцев В. В.* Денга Бориса Годунова и некоторые вопросы участия мелких номиналов в обращении в начале XVII в. // Нумизматические чтения ГИМ 2018 года: Материалы докладов и сообщений (Москва, 27, 28 ноября 2018 г.) / Ред. Е. В. Захаров. М.: Возрождение, 2018. С. 179–184.
- Зайцев*, 2019 — *Зайцев В. В.* О датировке некоторых типов поздних московских пул // Нумизматические чтения ГИМ 2019 года: Материалы докладов и сообщений (Москва, 26, 27 ноября 2019 г.) / Отв. ред. Е. В. Захаров. М.: Возрождение, 2019. С. 174–181.
- Зверев*, 2005 — *Зверев С. В.* К истории монетного производства в русском государстве в XVI–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М.: Прогресс-Традиция, 2005. Вып. XVII. С. 219–252.
- Исланова*, 2018 — *Исланова И. В.* Объекты археологического наследия на территории современного Ржева (по материалам инвентаризации 2010 г.) // ТАС. Тверь: Триада, 2018. Вып. 11. С. 244–262.
- Исланова, Оруджев*, 2017 — *Исланова И. В., Оруджев Р. А.* Укрепленные поселения на территории современного города Ржева (археологические материалы) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2017. № 1 (67). С. 91–101.
- Козлова*, 2017 — *Козлова О. А.* Мероприятия по сохранению объекта археологического наследия «Городище Ржев» на участке реставрации Обелиска в г. Ржев. Тверь: ООО ТНИИР-ЦЕНТР, 2017. 44 с.
- Мельникова*, 2003 — *Мельникова А. С.* Русские монетные клады рубежа XVI–XVII веков. Киев: ЮНОНА-монета, 2003. 200 с.
- Мельникова*, 2005 — *Мельникова А. С.* Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М.: Стрелец, 2005. 320 с.

- Нефёдов*, 2007 — *Нефёдов В. С.* Археологическая карта России. Тверская область. М.: ИА РАН, 2007. Ч. 2. 439 с.
- Петров*, 1997 — *Петров П. Н.* Находки джучидских монет на территории Нижегородской области // Древности нижнего Поволжья: Сб. статей. Вып. 2: Нумизматический сборник. Т. I / Отв. ред. П. Н. Петров. Нижний Новгород: Конвек, 1997. С. 9–24.
- Салимов*, 2015 — *Салимов А. М.* Средневековое зодчество Твери и прилежащих земель. XII–XVI века. Тверь: ГАСК, 2015. Т. II. 678 с.
- Сотникова*, 1997 — *Сотникова М. П.* О денежном чекане великого князя Тверского Ивана Михайловича (первая четверть XV в.) // Пятая ВНК: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 21–25 апреля 1997 г.) / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: ГИМ, 1997. С. 65–66.
- Сотникова*, 1998 — *Сотникова М. П.* О денежном чекане великого князя Тверского Бориса Александровича (1425–1461) // Шестая ВНК: Тез. докл. и сообщ. (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.) / Отв. ред. В. М. Потин. СПб.: ГЭ, 1998. С. 130–132.
- Хухарев*, 2000 — *Хухарев В. В.* Тверской денежный двор в XVI в. при Иване Грозном // Восьмая ВНК: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 17–21 апреля 2000 г.) / Отв. ред. А. С. Беляков. М.: Полтекс, 2000. С. 145–146.
- Хухарев*, 2004 — *Хухарев В. В.* О новой находке клада малых пул и подражаний на Старицком городище // Двенадцатая ВНК: Тез. докл. и сообщ. (Москва, 19–24 апреля 2004 г.) / Отв. ред. А. С. Мельникова. М.: ТИССО-полиграф, 2004. С. 149–151.
- Янин*, 1970 — *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X–XV вв. М.: Наука, 1970. Т. II. 255 с.

Numismatic and sfragistic finds from the Rzhev hillfort of ‘Sobornaya Gora’ (after the works of IIMK RAS in 2019)

K. V. Gorlov, K. A. Mikhaylov

The hillfort of ‘Sobornaya Gora’ is the historical core of the town of Rzhev first mentioned in chronicles under the year of 1216. It is situated at the confluence of the rivers Volga and Kholyinka. The archaeological investigation of this site started in the 1940s. However until recently, only collection of surface finds, topographic surveys and digging of several exploratory trenches, which not always have been continued down to the virgin soil, were conducted here. The Rzhev hillfort until now has not been explored by any regular excavations.

At present, the central area of the Sobornaya Gora mountain is occupied by an obelisk and the ‘eternal fire’ near graves of soldiers killed during the Great Patriotic War.

In the autumn of 2019, the archaeological expedition of the Department of Rescue Archaeology of the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS supervised the earthworks for restoration of the memorial complex. The total area of the examined trenches amounted to 1000 m² with width of their zone from 0.5 to 1 m.

In the course of the expedition’s works, along with other artefacts, a numismatic and a sfragistic collection have been obtained. These assemblages are of a considerable importance for more exact dating of the site and characterization of the social and economic processes occurring here in the Middle Ages and Modern Period (Table 1).

The oldest numismatic find in the collection is that of the Ulus of Jochi pul coin minted in Saray al-Jedid in 743 Hidjra (1342 AD). This coin possibly marks a cultural layer of the mid-14th century at its findspot and also suggests active contacts of the local population with the Ulus of Jochi.

A very important segment of the collection is represented by 16 large puls struck in Tver and the appanage principality of Goroden. The earliest of these coins was issued during the rule of Prince Boris Aleksandrovich in 1425–1461. The emission of Prince Mikhail Borisovich is represented by 11 Tver puls divided into five chronological groups within the chronological span from 1461 to 1485. The time of reigning of Prince Ivan Ivanovich in Tver during the period from 1485 to 1490 is reflected among our finds by three puls, while that of Vasilij Ivanovich is represented by a single copper coin. This part of the numismatic collection can be considered as a reliable chronological indicator marking the cultural layer of the second half of the 15th century.

During the works of the expedition, 15 small puls issued in Tver, Moscow, Pskov and Novgorod have been found. These coins are chronological markers of the cultural layer of the late 15th — 16th centuries. In the composition of the collection, the circulation of the small puls is synchronous to three silver dengas and two kopecks of Ivan IV minted in the 'princely' and 'Tsar's' periods of his reign in Moscow, Novgorod and Pskov, and four Novgorod kopecks of Boris Godunov.

Seven kopecks of Mikhail Feodorovich are the youngest of the wire coins found in the course of investigations at the Rzhev hillfort. The absence of monetary pieces of Aleksey Mikhaylovich struck either from silver or copper, as well as coins of his successors on the throne, most probably suggests a slackening of the life at Sobornaya Gora in the second half of the 17th century. The next series of coins is concerned already with the imperial history of Russia and is reflected in a number of small denominations minted from copper in the 18th–19th centuries.

In the course of work supervision there were discovered a half of an official seal of the Plotnitsky Konets of Veliky Novgorod dated to the 1350s–1360s, and, in addition, two bullae of the first half of the 14th century belonging to Novotorsk governors.

The supervision over the construction works of 2019 around the obelisk first allowed the archaeologists to investigate the historical centre of the town of Rzhev which until now has been closed for scientific studies. The archaeological examination allowed us a unique possibility to study in details the stratigraphy and plan of the site, as well as to collect a representative assemblage of finds including very important numismatic evidence helping to provide a more exact dating of the settlement.

Костяные и роговые элементы декора ручного огнестрельного оружия конца XVI — начала XVII в. из Старой Ладogi. Новые данные о комплексе вооружения европейских воинских контингентов на Северо-Западе Московского государства в Смутное время¹

П. А. Миляев²

Аннотация. В статье рассматриваются детали из кости и рога украшений ружейных лож и рукоятей пистолетов, найденные при раскопках в Старой Ладoge. На основе анализа материала была разработана первичная классификация и хронология данных изделий, произведено их подробное описание, выделены особенности изготовления и нанесения орнаментации. Для датировки и определения мест расположения декоративных элементов на ложах огнестрельного оружия были привлечены многочисленные аналогии из коллекций российских и зарубежных музеев. Костяные и роговые детали для украшения огнестрельного оружия из Старой Ладogi датируются началом XVII в., некоторые могли быть изготовлены в конце XVI столетия. Место их производства точно определить затруднительно, скорее всего, это германские земли, Прибалтика, возможно территория Речи Посполитой. Утрату и выпадение их в культурный слой следует связать с событиями Смутного времени, когда в период с 1610 по 1617 г. в городе находились крупные отряды европейских наемников и шведских солдат.

Annotayion. This article considers bone and horn parts decorating gunstocks and pistol handles found during excavations in Staraya Ladoga. On the basis of analysis of the material under consideration, a primary classification and chronology of these objects were developed, their detailed description was presented and peculiarities of their manufacture and ornamentation were identified. Numerous analogies from collections of Russian and foreign museums were attracted for dating and localization of the decorative elements on the stocks of firearms. Bone and horn details ornamenting firearms from Staraya Ladoga are dated mostly to the beginning of the 17th century; some may have been manufactured in the late 16th century. It is difficult to determine exactly the place of their making but, most probably, it was in German lands, Baltic region and, possibly, the territory of Polish–Lithuanian Commonwealth. Their loss and deposition in the cultural layer is to be related with the events of the Time of Troubles when, during the period from 1610 to 1617, large detachments of European mercenaries and Swedish soldiers were staying in the city.

Ключевые слова: Московское государство, Ладoga, каменная крепость, Земляное городище, Смутное время, оружие XVI–XVII вв., огнестрельное оружие.

Keywords: Muscovite state, Ladoga, Ladoga stone fortress, Zemlyanoye Gorodishche, Time of Troubles, armament of the 16th–17th century, firearms.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-232-252

¹ Работа выполнена в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Костяные и роговые детали украшения огнестрельного оружия XVI–XVII вв. не были объектом специальных исследований в отечественной археологии, какие-либо подробные публикации на данную тему отсутствуют. Пристального внимания этим находкам не уделялось, обычно они не получали верной атрибуции, а иногда датировались более ранним временем — XII–XV вв. (Рабинович, 1951. С. 59, рис. 60; Давидан, 1966. С. 113, рис. 5, 1–2; Штыхов, 2004. С. 237, рис. 6, 5, 9; Мядзведзева, 2006. С. 195–196, мал. 4, 4–10; Штыхаў, 2012. С. 94, мал. 3, 14, 17; Горбунов, 2011. С. 59, рис. 4, 9). В последнее время при работах с коллекциями из раскопок на территории России и сопредельных государств были выявлены серии подобных изделий. Большинство костяных и роговых декоративных элементов обычно удается точно определить и соотнести с различными видами ручного огнестрельного оружия, использовавшегося в конкретном регионе, городе или крепости. При этом можно уточнить особенности комплекса вооружения подразделений, располагавшихся и воевавших на определенной территории. В его составе могут быть выделены элементы, связанные с иностранным присутствием, применением импортного или трофейного оружия. Особенно важными являются проблемы классификации и хронологии костяных/роговых декоративных элементов, которые могут являться надежными хронологическими маркерами в культурном слое. Отдельная задача состоит в том, чтобы соотнести обнаруженные находки со сведениями письменных источников, прояснить возможные обстоятельства их утраты и уточнить датировку.

Традиция отделки ручного огнестрельного оружия костью и рогом возникла в Западной Европе в 30–40-е гг. XVI в. (Блэр, 2007. С. 129). Наибольшего расцвета эта мода достигла во второй половине XVI — первой трети XVII столетия. Преимущественно декорировалось боевое и охотничье оружие с колесцовыми замками: пистолеты, карабины и аркебузы. Крупнокалиберные мушкеты украшались гораздо реже, в большинстве случаев

это было парадное или гвардейское оружие (Ефимов, Рымиша, 2009. С. 178–179). Во второй половине XVI — первой трети XVII в. изготовлением элементов для инкрустаций ружейных лож костью и рогом больше всего занимались в Германии, причем особенно славились саксонские мастера (Бехайм, 1995. С. 337). Ими создавались великолепные образцы боевого и охотничьего огнестрельного оружия, которые зачастую были подлинными произведениями искусства. Инкрустации костью и рогом на ружейных ложах и рукоятках пистолетов делали также в Нидерландах, Италии, Франции, Испании, однако в меньших масштабах, чем в германских землях. Начиная с 30-х гг. XVII в. данная традиция стала постепенно терять популярность (Блэр, 2007. С. 129). Это было связано с сильным влиянием во второй половине XVII в. французской оружейной школы, для которой декор из кости и рога не был характерен (Schöbel, 1983. S. 153, 157; Reverseau, 2004. S. 30–114). Однако в некоторых регионах Европы подобная отделка продолжала использоваться и в первой четверти XVIII в. (Блэр, 2007. С. 129; Родионов, 2017. С. 72–77, 96–97, 148–149).

Украшение ружейных лож и рукоятей пистолетов выполнялось в технике инкрустации. Для этого в деревянной основе вырезался паз, идентичный по форме и толщине костяной/роговой пластине, которая вставлялась в него заподлицо и закреплялась при помощи клея. Некоторые элементы декора наклеивались непосредственно на поверхность ложи, однако они были немногочисленны. Чаще всего использовалось небольшое количество деталей из кости и рога, составлявшее характерный набор для короткоствольного или длинноствольного огнестрельного оружия. Примером могут служить саксонские пистолеты конца XVI в., изготавливавшиеся большими партиями и имевшие несколько стандартных декоративных вставок (Ефимов, Рымиша, 2009. С. 239–240; Reverseau, 1982. S. 37, tab. 54). Исходя из характера использования элементы для инкрустации из кости и рога в большинстве случаев следует называть «вставками», «пластинами», «детальями» и «элементами» декора. Термин «накладка»

корректен только для немногочисленных пластин, которые закреплялись непосредственно на поверхности ружейной ложи.

Небольшие детали для инкрустаций изготавливались из пластин рога оленя или лося толщиной обычно не более 2,0–2,5 мм, для длинных элементов также использовали расколотые вдоль ребра животных, обычно крупного и мелкого рогатого скота. Данные пластины почти всегда имели прямоугольное сечение, реже их внешняя поверхность была немного выгнутой. Элементы декора полукруглого сечения изготавливались из трубчатых костей, их толщина могла достигать 4 мм. На внутренней поверхности изделий для усиления адгезии и прочности соединения с деревянной основой специально наносились борозды, царапины, насечки. Обычно они выполнялись при помощи напильника или режущего инструмента, возможно, ножа, следы которых отчетливо видны. На внешней стороне декоративных элементов исключительно методом гравировки наносился орнамент, причем линии всегда тонкие, глубокой резьбы не встречено вовсе. Чтобы выделить рисунок на общем фоне его углубленные контуры заполнялись краской, чаще всего черной, красной или зеленой. Данный прием хорошо виден на многочисленных сохранившихся образцах западноевропейского ручного огнестрельного оружия из собраний различных музеев. Иногда костяные и роговые вставки окрашивались полностью и ярко выделялись на фоне темного дерева ружейной ложи (Reverseau, 1982. S. 56; Родионов, 2017. С. 19). Для богатого украшения охотничьих ружей часто изготавливались сложные детали инкрустаций в форме людей, животных, птиц и различных фантастических существ.

Представительная коллекция из 17 элементов декора ручного огнестрельного оружия происходит из раскопок в Старой Ладоге³. Все они обнаружены только в пределах

городских укреплений: девять на территории Земляного городища и восемь в каменной крепости. На Ладожском посаде подобных изделий пока не найдено, однако его территория менее исследована и, возможно, они еще будут обнаружены. В представленной первичной классификации детали украшения ручного огнестрельного оружия объединены в группы по местам расположения на ружейных ложах и рукоятях пистолетов. Внутри крупного таксона находки разделены на типы по геометрическим формам. Орнамент в данном случае не может являться надежным критерием, поскольку одни и те же его элементы украшают изделия, различные как по пропорциям, так и по расположению на оружии. Выделить можно лишь некоторые наиболее часто встречающиеся мотивы для деталей того или иного типа.

Все элементы инкрустаций, обнаруженные в Старой Ладоге, делятся на четыре группы. *Детали группы I устанавливались под стволом огнестрельного оружия в районе дульного среза и в устье шомпольного канала. Вставки группы II располагались на боковых плоскостях ружейных лож, прикладов и рукоятей пистолетов. Изделия группы III находились на торцах прикладов. Пластины группы IV украшали крышки пеналов для ружейных принадлежностей, которые находились внутри прикладов.* Гравированный декор, нанесенный на их внешнюю плоскость, обычно помещался в рамку из одной или двух параллельных линий, расположенных по краю изделия. Основным мотивом является растительный орнамент, листья, цветы, крупные округлые завитки — волюты, а также полукруглые фигуры с отходящими от них вертикальными линиями — «лучами». Характерным элементом является плетенка двух вариантов: геометрических очертаний из Z-образных фигур и более плавная из волнообразных элементов. На вставках, находившихся у устья шомпольного канала, был нанесен орнамент в виде остроконечной чешуи, на одной находке имеются оригинальные элементы декора в виде пышных бантов с узлами. Особенно стоит отметить две вставки, на одной из которых

³ Находки хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Гос. Эрмитажа и музее-заповеднике «Старая Ладога». Автор благодарит хранителей фондов за помощь в работе с коллекциями.

помещено лицо фантастического персонажа, а на другой фигура человека. Для придания изображениям объема широко применялись различные виды штриховки: горизонтальная, вертикальная, диагональная и «сеточка». *Примечательно, что ни на одной находке из Старой Ладogi не был встречен классический циркульный орнамент, характерный для более ранних древнерусских изделий.* Сложная работа требовала от мастеров высоких профессиональных навыков, однако среди находок из Старой Ладogi имеются такие, которые могли быть выполнены менее квалифицированными ремесленниками или подмастерьями, однако количество таких предметов невелико, всего три.

Группа I. К этой группе относится шесть находок, из них одно целое изделие и пять фрагментов. Данные вставки имеют только полукруглое сечение, изготовлены из расколотых трубчатых костей⁴.

Группа I, тип 1 — детали прямоугольных очертаний, у которых один край незначительно скошен. Они монтировались непосредственно под дульным срезом ствола огнестрельного оружия. Фрагмент изделия данного типа был обнаружен в ходе раскопок 2014 г. на территории Ладожской каменной крепости у Раскатной башни в верхних мешаных напластованиях. Он имеет небольшие размеры, 25 × 12 мм, и, очевидно, принадлежал к декору пистолета. На внешней стороне по периметру детали имеется рамка из двух параллельных линий, внутри которой нанесен орнамент в виде вертикальных растительных побегов, стоящих на полукруглом основании. Внутренняя часть двух листьев выделена диагональной штриховкой (рис. 1, 4).

Еще два фрагмента, относящихся к вставкам типа 1 были найдены в 2006 г. на территории Земляного городища. С большой долей вероятности они относятся к одному изделию (рис. 1, 5–6). Обе находки обнаружены

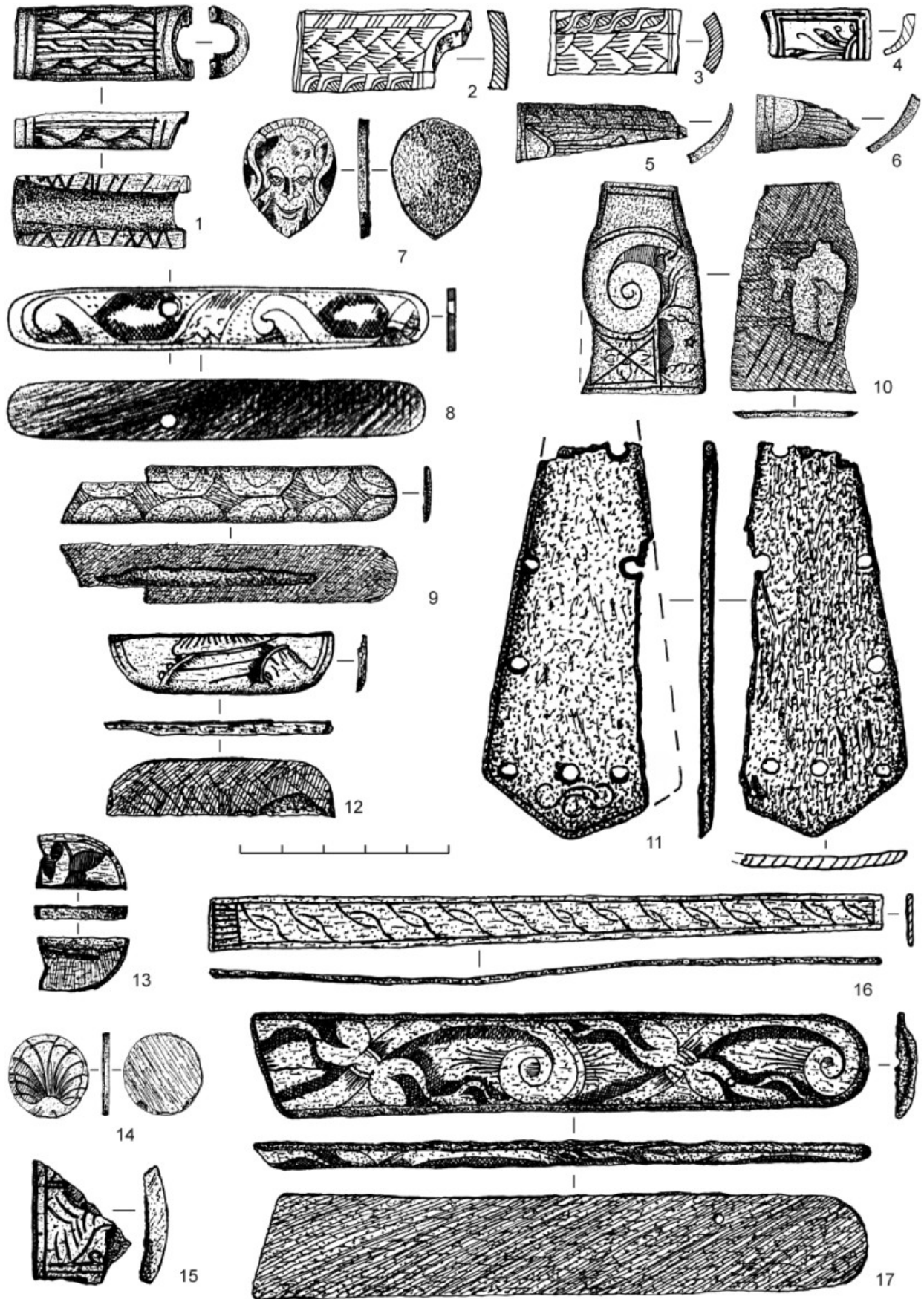
в квадрате 3-ХIII на глубине +65 выше R, их размеры составляли 41 × 14 мм и 23 × 13 мм. Центральные части обоих фрагментов занимали полукруглые фигуры из двойных линий с отходящими от них вертикальными отрезками — «лучами», по краю одного из изделий была гравирована плетенка из Z-образных звеньев геометрических очертаний. Качество нанесения орнамента было очень низким, линии неровные, заметны ошибки, допущенные в процессе гравировки. Находки были обнаружены недалеко от скопления параллельно лежащих горелых досок, на одной нивелировочной отметке с ними. Вероятно, это были остатки пола погибшей в пожаре постройки. Данный объект относится к условному горизонту А, датированному широко, концом XVI — началом XVIII в. (*Кирпичников, 2007. С. 199, вкладка IA*)⁵. Примечательно, что в непосредственной близости, в квадратах 3-ХIII—И-ХIII, находилась яма, возможно подпольная, где под остатками обугленного дерева была найдена роговая гравированная пластина, украшавшая приклад ручного огнестрельного оружия (рис. 1, 10).

Аналогичные детали группы I типа 1, широко датированные XVI–XVII вв., обнаружены при раскопках в Минске, а также в Лудзе (Люцин) на территории Латвии (*Штыхов, 2004. С. 237, рис. 6, 5; Tomsons, 2016. L. 153, att. 1, 2*) (рис. 2, 1, 3). Схожая вставка найдена в замке Цесис и, вероятно, связана со штурмом крепости войсками Ивана IV в 1577 г. (*Apala, 1984. Att. 1, 9*) (рис. 2, 2).

Группа I, тип 2 — довольно крупные детали прямоугольных очертаний с полукруглым вырезом на одной из сторон. Такие изделия устанавливались в устье шомпольного канала. Целый экземпляр данного типа происходит с территории Ладожской каменной крепости и найден в раскопе 2014 г. у Раскатной башни (рис. 1, 1). Изделие, обнаруженное в мешаном слое, имеет размеры 25 × 12 мм, вдоль его

⁴ Автор благодарит младшего научного сотрудника экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН А. А. Малютину за определение сырья для изготовления изделий.

⁵ Находки фрагментов костяной вставки для украшения огнестрельного оружия найдены после фиксации остатков сторевших досок и в описи отнесены к следующему условному горизонту Б.

края нанесена рамка из двух параллельных линий, внутри которой по центру размещена плетенка из Z-образных элементов. На боках вставки имеется орнамент в виде остроконечной чешуи, схожей с фактурой поверхности плодов хмеля, причем основание каждого элемента выделено горизонтальной штриховкой.

Два фрагмента, предположительно относящиеся к одному аналогичному изделию, были найдены в 2000 г. в ходе раскопок на Земляном городище. Один из них был обнаружен в квадрате Ж-XV на глубине + 75 выше R (рис. 1, 2). В четырех метрах от него в квадрате Ф-XVII на глубине + 32 от R был обнаружен второй обломок (рис. 1, 3). Размеры находок составляют 32 × 14 мм и 42 × 17 мм. Компоновка и элементы орнамента на них в целом аналогичны описанной выше целой вставке из Ладожской каменной крепости. Отличия прослеживаются в том, что плетенка по центру состоит из плавных волнообразных элементов, а по бокам над орнаментом в виде чешуи нанесены короткие диагональные линии, объединенные в группы по три элемента. Обе находки были связаны с остатками сгоревшей постройки (кв. Ж, 3, И — XV, XVI), в ходе раскопок которой были найдены многочисленные бытовые предметы, украшения, а также свинцовые пули и ядро. Исследованные в 2000 г. культурные напластования в публикации были датированы концом XV — третьей четвертью XVI в. (Кирпичников, Соколин, 2002. С. 151, 153, 156). Однако указанная постройка, обнаруженная в северной части раскопа, скорее всего, относится к более позднему времени. Ее остатки перекрывались неоплывшей полый насыпи южной куртины Земляного города, возведенного в середине 80-х гг. XVI в., а горизонтально залегающими слоями серого гумуса мощностью 0,8 м с содержанием щебня, угля, камней и обломков известняковых плит (Там же. Рис. 4, 6).

Ранее, в ходе послевоенных раскопок Староладожской археологической экспедиции, к северо-западу от участка исследований 2000 г. был выявлен ярус одновременно сгоревших в пожаре полностью аналогичных сооружений (горизонт В), в двух из которых найдены золотые голландские дукаты чеканки 1607 г. (Гроздилов, 1950. С. 139–140; Равдоникас, Лаушкин, 1959. С. 26; Миляев, Горлов, 2020. С. 170, 172, 192–194). Внутри и вокруг них были обнаружены разнообразные предметы, в частности ядра и пули. Таким образом, сгоревшая постройка, выявленная в северной части раскопа 2000 г., и элементы декора ручного огнестрельного оружия, обнаруженные рядом с ней, можно также датировать началом XVII в. Гибель этих сооружений в пожаре происходит в Смутное время (Миляев, Горлов, 2020. С. 192–193).

Аналогичные костяные детали группы I типа 2 были найдены при раскопках городища Копысь на территории Великого княжества Литовского (совр. Республика Беларусь) (Штыхаў, 2012. С. 94, мал. 3, 17) (рис. 2, 4) и в замке Цесис (Латвия). Вторая находка предположительно связана с событиями Ливонской войны (1577 г.) и украшена превосходным орнаментом, состоящим из округлых волют, элементов в виде плодов хмеля с остроконечной чешуей и плетенки из плавных S-образных звеньев (Apala, 1986. L. 7, 9, att. 1, 4) (рис. 2, 5).

Вероятно, в Старой Ладоге всего было найдено четыре экземпляра изделий группы I⁶, относящихся к двум типам. Судя по размерам и аналогиям на сохранившихся экземплярах ручного огнестрельного оружия, все они являются деталями пистолетов с колесцовыми замками. Скорее всего это были «пуфферы» (нем. puffer), которые в основном производились

⁶ Принимая во внимание, что четыре обломка из раскопок 2000 и 2006 гг. относятся к двум изделиям.

Рис. 1. Костяные и роговые элементы декора ручного огнестрельного оружия из Старой Ладоги: 1, 4, 11, 13–17 — каменная крепость; 2, 3, 5–10, 12 — Земляное городище

Fig. 1. Bone and horn elements of decoration of the hand firearms from Staraya Ladoga: 1, 4, 11, 13–17 — stone fortress; 2, 3, 5–10, 12 — Earthen Hillfort

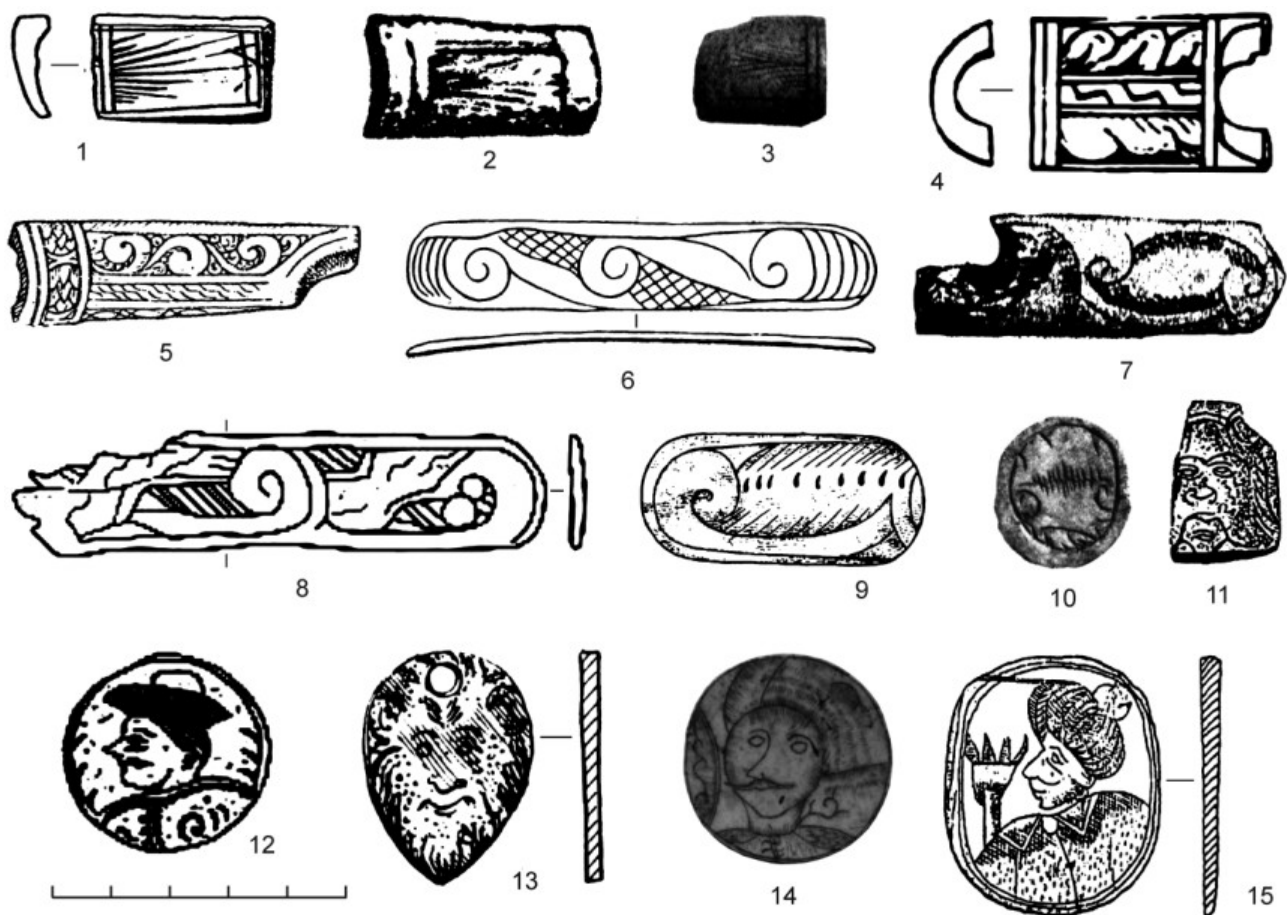

Рис. 2. Костяные и роговые элементы декора ручного огнестрельного оружия: 1 — Минск (Штыхов, 2004); 2 — Цесис (Арала, 1984); 3 — Лудза (Tomsons, 2016); 4 — Копысь (Штыхаў, 2012); 5 — Цесис (Арала, 1986); 6 — Орешек (Кирпичников, 1980); 7 — Мирожский монастырь (Булкин, Овсянников, 1983); 8 — Курск (Горбунов, 2011); 9 — Мангазея (Белов и др., 1981); 10 — Рига (Celmiņš, 1998); 11 — Полоцк (Мядзведзева, 2006); 12 — Берестечко (Свешников, 1992); 13 — Селпилс (Šnore, Zariņa, 1980); 14 — Смоленск (Миляев и др, 2020); 15 — Старица (Хворостова, 2015)

Fig. 2. Bone and horn elements of decoration of hand firearms: 1 — Minsk (Штыхов, 2004); 2 — Cesis (Арала, 1984); 3 — Ludza (Tomsons, 2016); 4 — Копыс (Штыхаў, 2012); 5 — Cesis (Арала, 1986); 6 — Oreshek (Кирпичников, 1980); 7 — Mirozh Monastery (Булкин, Овсянников, 1983); 8 — Kursk (Горбунов, 2011); 9 — Mangazeya (Белов и др., 1981); 10 — Riga (Celmiņš, 1998); 11 — Polotsk (Мядзведзева, 2006); 12 — Berestechko (Свешников, 1992); 13 — Selpils (Šnore, Zariņa, 1980); 14 — Smolensk (Миляев и др, 2020); 15 — Staritsa (Хворостова, 2015)

в германских землях и Нидерландах. Наибольшая их популярность приходится на вторую половину XVI — первую четверть XVII в., хотя они могли использоваться и позже (Schöbel, 1983. S. 12; Бехайм, 1995. С. 350; Блэр, 2007. С. 18; Ефимов, Рымша, 2009. С. 227). Такие пистолеты всегда украшались инкрустациями из костяных и роговых пластин, количество которых целиком зависело от вкуса и состоятельности владельца. Вставки

группы I типов 1 и 2 можно видеть на многочисленных сохранившихся экземплярах в коллекциях русских и зарубежных музеев. В качестве примера следует указать пистолеты конца XVI — начала XVII в. из фондов ВИМА-ИВ и ВС (Ефимов, Рымша, 2009. С. 230, 239–240), Гос. Эрмитажа (Тарасюк, 1971. Табл. I, 64), Государственной Оружейной палаты (Соболев, Ермолов, 1954. Рис. 11), музея-заповедника «Гатчина» (Родионов, 2013. С. 72; 2017.

С. 376–377) (рис. 3, 4, а–б). Аналогичные предметы вооружения хранятся в Королевской Оружейной палате (Livrustkammaren) в Стокгольме (Cederström, Malmborg, 1930. Taf. 78), Музее армии в Париже (Musée de l'Armée Paris) (Reverseau, 1982. S. 37, tab. 54), Военно-историческом музее в Вене (Heeresgeschichtliches Museum, Wien) (Gabriel, 1990. S. 430–431) (рис. 3, 3, а–б), Национальном музее огнестрельного оружия США (NRA National Firearms Museum) (History Pistols) (рис. 3, 2, а) и других собраниях. Есть они также и в частных коллекциях (FELDGRAU info) (рис. 3, 1, а). Аналогичные изделия более крупных размеров устанавливались под дульными срезами стволов аркебуз и карабинов, иногда мушкетов (рис. 3, 5, б, а). Именно для деталей группы I типа 2 был наиболее характерен орнамент в виде остроконечной чешуи, на других элементах для инкрустаций он встречается реже.

Вставки группы II. Данные изделия, изготовленные из тонких роговых и костяных пластин, найденные при раскопках в Старой Ладогге, представлены тремя типами.

Группа II, тип 1 — детали удлиненных пропорций с прямыми боковыми краями и закругленными концами, обычно прямоугольного сечения, в единичном случае внешняя поверхность была слегка выгнутая. Всего найдено три подобные находки, одна из них целая и два фрагмента, принадлежавшие разным изделиям.

Целый экземпляр происходит с территории Земляного городища и был случайно найден в южной стенке раскопа Е. А. Рябина, прорезавшего внутренний склон западной куртины деревоземляной крепости конца XVI в. (рис. 1, 8). Размеры предмета 100 × 14 мм, на его внутренней стороне специально нанесены насечки и царапины, усиливающие адгезию (Иванова И., Иванова Н., 2012. Рис. 16, 2). В пластине имеется сквозное круглое отверстие диаметром 4 мм, смещенное к верхнему краю изделия. Вся внешняя поверхность вставки покрыта гравировкой, орнамент размещен в рамке. Основными элементами композиции являются два крупных плавных завитка, расположенные ближе

к краям пластины. В центре нанесены фигуры, более всего напоминающие растительный орнамент — побеги и листья. Пространство между ними заполнено штриховкой «сеточкой», есть она и под концами завитков. Кроме того, свободные участки вокруг элементов рисунка выделены короткими косо поставленными насечками.

Крупный фрагмент вставки группы II типа 1 был найден экспедицией Е. А. Рябина на Земляном городище в 1981 г. По мнению автора раскопок, она может датироваться концом XVI в. (Рябинин, 1997. С. 216–217, рис. 2, 8). Размеры предмета 79,0 × 13,5 мм, один из его концов обломан (рис. 1, 9). Стоит отметить, что данная вставка была изготовлена из расколотой трубчатой кости, что не характерно для изделий группы II, при этом ее внешняя поверхность выгнута, а изнутри имеется западина. Орнамент на вставке состоит из вписанных друг в друга малых и больших полукруглых элементов, расположенных по длинным сторонам пластины и на ее конце. Пространство между ними представляет собой цепочку ромбов, заполненных штриховкой в виде наклонных линий. Особо стоит отметить низкое качество нанесения орнамента, что может указывать на невысокую квалификацию мастера, или на то, что он не часто выполнял подобную работу. На внутренней стороне изделия нанесены царапины и насечки для лучшего приклеивания к деревянной основе. На данный момент это наиболее ранняя вставка для инкрустации на ружейной ложе, найденная в Старой Ладогге, кроме того, она была обнаружена вместе с представительным набором снаряжения коня и всадника у остатков деревянной постройки. Данные находки могут быть связаны с возвращением в Ладоггу и ее округу служилых людей после Ливонской войны в конце XVI в. (Селин, 2008. С. 27–28). Возможно, у одного из них могло быть трофейное огнестрельное оружие, украшенное инкрустацией из кости и рога. Это изделие, отличное по качеству и орнаменту от большинства вставок, могло быть изготовлено на территории немецкой Прибалтики.

Небольшой фрагмент вставки — обломок закругленного края пластины группы II типа 1 — был выявлен в ходе раскопок на территории Ладожской каменной крепости у Тайничной башни в 2017 г. Предмет был найден в верхнем мешаном слое, его размеры составляют 14 × 22 мм, сечение прямоугольное (рис. 1, 13). Вставка побывала в пожаре, из-за чего ее фрагмент приобрел белый цвет. На внешней стороне изделия нанесен орнамент из вертикальных растительных побегов с листьями, расположенных в рамке. Некоторые элементы рисунка выделены при помощи диагональной штриховки, на внутренней части вставки сделаны насечки и царапины.

Аналогичные пластины, украшенные гравированным орнаментом с крупными округлыми завитками, были найдены в ходе раскопок в крепости Орешек (Кирпичников, 1980. С. 93, рис. 29, 5–6) (рис. 2, 6), на территории Мирожского монастыря в Пскове (Булкин, Овсянников, 1983. Рис. 2, 3) (рис. 2, 7), в Мангазее (Белов и др., 1981. Табл. 44, 3, 6) (рис. 2, 9) и Курске (Горбунов, 2011. Рис. 4, 9) (рис. 2, 8). Данные находки в целом датируются XVII в., за исключением вставок из Орешка, которые были отнесены к первой половине XVI в. (Кирпичников, 1980. С. 97). Однако такие изделия начали изготавливаться в Европе только с 1530–1540-х гг., а огнестрельное оружие с колесцовыми замками, которое чаще всего украшалось инкрустацией, стало распространяться на территории Московского государства еще позже (Тарасюк, 1965. С. 8; Чубинский, 2014. С. 409). По всей видимости, находки из Орешка следует отнести к концу XVI, а может быть и к началу XVII в.

Вставки группы II типа 1 украшали боковые плоскости ружейных и пистолетных лож. Они часто встречаются на многочисленных сохранившихся экземплярах оружия в фондах различных музеев. Изделия удлинённых пропорций являлись декором аркебуз или мушкетов, короткие экземпляры могли украшать их приклады или быть элементами инкрустаций на пистолетах (рис. 3, 2, а–б, 3, а–в; 8, а–б, 10). Отверстия, имеющиеся в некоторых изделиях, предназначались для горизонтальных железных штифтов, которыми ствол оружия закреплялся в ложе. Подобные украшения встречены на аркебузах, карабинах и пистолетах из фондов музея-заповедника «Гатчина» (Родионов, 2013. С. 72) (рис. 3, 4, а–б, б, а–б), коллекциях ВИМАИВ и ВС (Ефимов, Рымша, 2009. С. 214, 228, 239–240; Ефимов, 2012. С. 50, 54) и Гос. Эрмитажа (Тарасюк, 1971. Табл. I, 59) (рис. 3, 8, а–в, 10). Из экземпляров оружия, находящихся в зарубежных музеях, можно отметить аркебузы и карабины из арсенала г. Грац (Австрия) (Landeszeughauses Graz) (Kalaus, 1989. Abb. 9–12), собрания Королевской Оружейной палаты (Livrustkammaren) в Стокгольме (Cederström, Malmberg, 1930. Taf. 64, 1) (рис. 3, 5) и Музея армии в Париже (Musée de l'Armée Paris) (Reverseau, 1982. S. 37, tab. 10). Указанные образцы вооружения изготовлены преимущественно в Германии и датируются в основном концом XVI — началом XVII в.

Группа II, тип 2. Данные изделия представляют собой вставки небольшого размера, изготовленные из роговых пластин. Они могут иметь круглую, овальную, каплевидную или многогранную форму. Особенностью некоторых вставок являются нанесенные

Рис. 3. Пистолеты (1–4), аркебузы (5–7, 9) и мушкеты (8, 10) с колесцовыми замками: 1 — Дрезден, Саксония, начало XVII в.; 2 — вторая половина XVI в.; 3 — Саксония, вторая половина XVI в. (Gabriel, 1990); 4 — 1580 г. (Родионов, 2017); 5 — конец XVI в.; 6 — 1600–1610 гг. (Родионов, 2017); 7 — Дрезден, начало XVII в. (Cederström, Malmberg, 1930); 8 — ок. 1600 г.; 9 — 1653 г.; 10 — 1627 г. (Тарасюк, 1971). 1–10 — Германия

Fig. 3. Pistols (1–4), arquebuses (5–7, 9) and muskets (8, 10) with wheel locks: 1 — Dresden, Saxony, early 17th cen.; 2 — second half of 16th cen.; 3 — Saxony, second half of 16th cen. (Gabriel, 1990); 4 — 1580 (Родионов, 2017); 5 — late 16th cen.; 6 — 1600–1610 (Родионов, 2017); 7 — Dresden, early 17th cen. (Cederström, Malmberg, 1930); 8 — c. 1600; 9 — 1653; 10 — 1627 (Тарасюк, 1971). 1–10 — Germany

на них изображения людей или мифических персонажей. В Старой Ладогe было обнаружено три подобных изделия, два целых и один фрагмент, все они индивидуальны, поэтому каждому дано дополнительное буквенное обозначение.

Группа II, тип 2a. Круглая вставка диаметром 18 мм, найденная в верхнем мешаном слое при раскопках на участке юго-восточного прясла Ладожской каменной крепости в 2017 г. На внешней стороне изделия в центре имеется изображение цветка, центральная часть которого дополнительно выделена тонкими вертикальными линиями, с одной из сторон изображения нанесена штриховка в виде диагональных линий (рис. 1, 14). На внутренней стороне предмета имеются насечки и царапины. Похожая находка, датированная XVI–XVII вв. была обнаружена при раскопках в Риге (*Celmiņš*, 1998. L. 51, kat. nr. 54c) (рис. 2, 10).

Группа II, тип 2б. Вставка каплевидной формы, размерами 30 × 23 мм, изготовленная предположительно из рога оленя. На внешней поверхности изделия гравировкой нанесено лицо мифического персонажа, вероятно сатира или пана (*Давидан*, 1966. С. 113, рис. 5, 1; *Миляев и др.* 2020. С. 163) (рис. 1, 7). Особенности изображения являются густая борода, миндалевидные глаза и высокие заостренные уши, выше лба показана нижняя часть головного убора. Для придания изображению объема обильно применена штриховка в основном «сеточкой», хотя некоторые участки выделены диагональными линиями. Пластина обнаружена в 1939 г. во время археологических исследований на Земляном городище в развале стен храма св. Климента (*Равдоникас*, 1945. С. 32).

Аналогичная находка была сделана в Латвии при раскопках в замке Селпилс (*Šnore, Zariņa*, 1980. Att. 82, 20). На вставке каплевидной формы размерами 42 × 31 мм изображено бородатое лицо мифического существа, однако его черты менее подробно проработаны, чем на ладожской находке (рис. 2, 14). В верхней части изделия имеется круглое сквозное отверстие диаметром около 5 мм.

Изображение, схожее с описанными выше, но выполненное более схематично, имеется на небольшом фрагменте костяной (роговой?) пластины XVI в., найденном в Полоцке (*Мядзведзева*, 2006. Мал. 4, 5) (рис. 2, 11).

Группа II, тип 2в. Третья вставка, относящаяся к данному типу, была расколота вдоль и сохранилась в виде фрагмента. Ее размеры составляют 53 × 14 мм, толщина 1,5–3,0 мм. На обратной стороне заметны линии и насечки, на внешней стороне в рамке из двух параллельных линий нанесено погрудное изображение мужчины в западноевропейском костюме (*Давидан*, 1966. С. 113, рис. 5, 2; *Миляев и др.*, 2020. С. 157–158) (рис. 1, 15). Фигура повернута вполоборота, линиями показан камзол, застегнутый на круглые пуговицы, на месте плечевых швов имеется валик. На шее персонажа изображен широкий полукруглый воротник с множеством складок, на рукаве у плеч также линиями показаны складки. Верхняя часть мужской фигуры не сохранилась, однако, судя по аналогиям, на голове обязательно должен быть головной убор, в данном случае, скорее всего, шляпа. Предмет обнаружен внутри одной из построек горизонта В, в двух соседних с ней сооружениях были найдены золотые голландские дукаты чеканки 1607 г. Таким образом, находку роговой пластины с изображением человека следует датировать началом XVII в., а гибель застройки связать с боевыми действиями Смутного времени (*Гроздилов*, 1950. С. 139–140; *Равдоникас, Лаушкин*, 1959. С. 26; *Миляев, Горлов*, 2020. С. 192–193).

Элементы инкрустаций на ложах ручного огнестрельного оружия с изображениями людей, чаще всего круглой или овальной формы, были обнаружены при раскопках в Старице (*Хворостова*, 2015. С. 351, рис. 9) (рис. 2, 15) и Смоленске (рис. 2, 14), во Владимире найдена пока единственная вставка восьмиугольной формы. Аналогичные находки были выявлены на территории Украины (*Свешников*, 1992. С. 186–188) (рис. 2, 12) и земель Великого княжества Литовского (совр. Республика Беларусь) (*Миляев и др.*, 2020. С. 156–160). Чаще всего небольшие круглые и каплевидные

вставки с личинами фантастических персонажей украшали ложи пистолетов с колесцовыми замками — пуфферов (рис. 3, 2, а, в, 4, а, в). Более крупные пластины с фигурами людей обычно находились на прикладах аркебузов или мушкетов, что особенно касается находки из Ладоги. Подобные овальные горизонтально ориентированные вставки среди декора на пистолетах не встречаются, однако вертикальные пластины с аналогичными изображениями могли декорировать их рукояти (Там же. С. 161–162) (рис. 3, 1, а–в). Круглые вставки с различными узорами могли украшать почти любое огнестрельное оружие, при этом в некоторых пластинах имелись отверстия для горизонтальных крепежных шрифтов (рис. 3, 1, б–в, 2, б, 3, а, в, 4, а, 7, 8, а–б, 9, 10). Часто они выполняли функции шайб для ружейных винтов, которыми закреплялся ружейный замок, и находились на противоположной от него стороне ложи (рис. 3, 2б, 4а).

Необходимо отметить, что подобными вставками украшалось не только огнестрельное оружие. Интересным элементом снаряжения кавалериста являлись патронташи, имевшие вид вертикальных пеналов, изготовленных из дерева и обтянутых кожей. В Западной Европе такие изделия использовались начиная со второй половины XVI в. и в XVII в. (Бехайм, 1995. С. 357, рис. 560). Во многих случаях они украшались костяными накладками и инкрустацией. В частности, использовались небольшие круглые и овальные вставки с различными изображениями, аналогичные находкам с территории России и сопредельных территорий (Reverseau, 1982. Tab. 54).

Группа II, тип 3. Единственная находка данного типа представляет собой длинную узкую костяную пластину толщиной 2 мм, вероятнее всего изготовленную из ребра животного (рис. 1, 16)⁷. Находка обнаружена в раскопе 2015 г. у Тайничной башни Ладожской

каменной крепости, ее размеры составляют 155 × 12 мм. По краю изделия нанесена рамка из одинарной линии, на одном из его концов выделен прямоугольный участок, внутреннее пространство которого заполнено несколькими горизонтальными штрихами. Центральная часть пластины декорирована орнаментом в виде плетенки, составленной из S-образных элементов, расположенных под наклоном. Такие костяные полоски обычно украшали боковые плоскости пистолетных лож и располагались горизонтально параллельно нижней кромке ствола. Схожие детали можно видеть на немецких пистолетах из собраний Государственной Оружейной палаты (Соболев, Ермолов, 1954. Рис. 11) и музея-заповедника «Гатчина» (Родионов, 2017. С. 376–377) (рис. 3, 4, а).

К группе III относятся пластины, украсившие торцы ружейных прикладов. Именно к этим деталям можно применить термин «накладки», поскольку они закреплялись на поверхности деревянной основы, а не заглублялись в нее. В Старой Ладоге было выявлено две находки разной формы.

Группа III, тип 1. Данное изделие было обнаружено в Ладожской каменной крепости в 1974 г. Предмет изготовлен из роговой пластины размерами 95 × 41 мм толщиной 3–4 мм, имеющей вытянуто-трапециевидные очертания с приостренной нижней частью (рис. 1, 11). По краю накладки на ее внешней поверхности нанесена рамка из одинарной линии, в нижней части изделия есть небольшая композиция из нескольких округлых завитков, более всего напоминающих растительный орнамент. Внутренняя часть детали не имеет царапин и насечек, способ ее монтажа на деревянную основу отличен от описанных выше элементов инкрустаций. По краю накладки были просверлены круглые сквозные отверстия, через которые она после приклеивания дополнительно закреплялась короткими роговыми или деревянными штифтами. Скорее всего данная деталь относится к прикладу французского типа, которые имели сечение в виде узкой удлиненной трапеции и могли быть прямыми или

⁷ Автор выражает глубокую признательность младшему научному сотруднику отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН Н. В. Григорьевой за предоставленную информацию.

слегка изогнутыми вниз. Ряд образцов конца XVI — XVII в. представлен в коллекции Музея армии в Париже (Musée de l'Armée Paris) (Reverseau, 1982. Tab. 14, 15, 32, 32 bis).

Группа III, тип 2. Второе изделие, найденное на территории Земляного городища в 2006 г., изготовлено из роговой пластины размерами 50 × 31 × 3 мм и имеет форму трапеции с немного выгнутыми боками (рис. 1, 10). На внешней стороне нанесен сложный гравированный орнамент. В центре расположен крупный округлый завиток с пышным листом на конце, под которым в квадратной рамке с косым крестом изображен цветок с четырьмя лепестками. Справа от него находится орнаментальная композиция, состоящая из двух симметрично горизонтально расположенных листьев, между ними в центре находится пятиконечная звезда. По краю накладки имеется рамка из одинарных или двойных линий. На внутренней стороне изделия прослеживаются диагональные царапины, линии и насечки, деталь приклеивалась к деревянной основе. Находка была обнаружена в квадрате И-ХIII на глубине +18 выше R на дне ямы округлых очертаний под горелыми досками⁸. Верхний край этой западины был зафиксирован на уровне +75 — +70 при зачистке поверхности условного горизонта А, непосредственно рядом с ней было выявлено скопление фрагментов параллельно лежащих досок со следами пожара, которые могли быть остатками постройки (Кирпичников, 2007. Вкладка IA, вкладка IIБ). Вероятнее всего, сооружение имело подпольную яму, внутрь которой в момент гибели постройки провалились ее остатки. Условный горизонт А был широко датирован концом XVI — началом XVIII в. (Там же. С. 199). В соседнем квадрате вблизи этого уничтоженного в пожаре сооружения было найдено два фрагмента вставки группы I типа 1, описанные выше (рис. 1, 5–6). Вероятно, постройка погибла в Смутное время. Судя

по форме, данная пластина могла служить украшением приклада немецкого типа, прямого, многогранного, поперечное сечение которого близко к трапециевидному. Отличие ладожской пластины состоит в том, что на ней нет прямоугольного выреза для крышки пенала ружейных принадлежностей. Однако в коллекции Гос. Эрмитажа имеются германские аркебузы конца XVI столетия с подобными прикладами (Тарасюк, 1971. Табл. I, 22, 28, 41). Не исключена возможная принадлежность этой детали и к прикладам некоторых экземпляров огнестрельного оружия французского производства — довольно узким, трапециевидным в сечении, слегка изогнутым вниз (Reverseau, 1982. Tab. 10–11).

Группа IV. Данные изделия представляют собой крупные накладные детали на крышках пеналов для ружейных принадлежностей, находившихся внутри прикладов. Они также приклеивались на поверхность деревянной основы и могут именоваться «накладками». В Ладоге обнаружена одна целая находка группы IV и один фрагмент предположительно от подобного изделия.

Накладка для крышки пенала, судя по надписи на ее внутренней стороне, была найдена в 1906 г. в Воротной башне «Рюрикской крепости» (рис. 1, 17). Изделие имеет форму вытянутой роговой пластины, у которой один конец плавно закруглен, а противоположный несколько скошен. Ее размеры составляют 25 × 146 мм, толщина — до 5 мм, внутренняя плоскость ровная, обработанная, вероятно, напильником, следы которого, расположенные под углом, явно прослеживаются. Внешняя поверхность изделия украшена богатым декором, основу которого составляют два элемента в виде лент с пышными бантами и крупными округлыми завитками на концах. Для придания рисунку объема почти все его контуры выделены тонкой плотной штриховкой — «сеточкой». По бокам завитков нанесены горизонтальные прямые и слегка изогнутые линии, вся композиция помещена в рамку из одинарной линии, расположенной по краю пластины. У округлого конца детали, ближе к ее нижнему краю, имеется сквозное

⁸ Так как раскопки велись условными горизонтами, данная пластина из ямы в описи числится как находка из горизонта В, однако края западины зафиксированы значительно выше.

отверстие диаметром 2,5 мм, вероятнее всего, предназначенное для деревянного, рогового или металлического штифта, усиливавшего крепление декоративного элемента к крышке пенала. Схожее по форме изделие, украшенное орнаментом в виде широких листьев растений с косой штриховкой между ними, найдено на территории Мирожского монастыря в Пскове (Булкин, Овсянников, 1983. Рис. 2, 4). Крупный фрагмент аналогичной роговой накладки с обильным декором был обнаружен в ходе раскопок на территории Кузнецкого острога (г. Новокузнецк, Кемеровская область) в 1994 г. (Музей-заповедник «Кузнецкая крепость»). Обе указанные находки относятся к XVII в.

Фрагмент, который предположительно может быть отнесен к аналогичному изделию группы IV, был случайно найден на территории Ладужской каменной крепости недалеко от Тайничной башни (рис. 1, 12). Предмет изготовлен из расколотой вдоль трубчатой кости толщиной до 4,5 мм. Размеры находки 22 × 28 мм, на внешней стороне в рамке из одинарных и парных линий имеется гравированный орнамент в виде растительного побега с завитком на конце и листьями, показанными короткими штрихами. Изделие обломано с трех сторон, поэтому реконструировать композицию полностью невозможно.

Крупные роговые пластины, украшавшие крышки пеналов в прикладах карабинов, аркебуз и мушкетов второй половины XVI — XVII в., были широко распространены на территории Европы. В некоторых регионах, например германских землях, они использовались и позже, в XVIII в. Часто эта деталь являлась наиболее богатым и аккуратно проработанным украшением оружия, поскольку большая площадь внешней поверхности изделия позволяла создавать на нем сложные орнаментальные и сюжетные изображения. Чаще всего указанные накладки имелись на многогранных прикладах немецкого типа (рис. 3, 9, 10). В качестве примеров можно отметить аркебузы из ВИМАИВ и ВС (Ефимов, Рымша, 2009. С. 178–179, 215; Ефимов, 2012. С. 49, 53–54, 59), музея-заповедника «Гатчина»

(Родионов, 2017. С. 14–15, 26–27, 48–49), Гос. Эрмитажа (Тарасюк, 1971. Табл. I, 7, 33, 42, 60, 73, 102–103), Государственной Оружейной палаты (Соболев, Ермолов, 1954. Рис. 22). Аналогичные образцы имеются в музеях Германии, Франции, Швеции и других европейских стран (Hoff, 1969. Abb. 69, 106; Reverseau, 1982. Tab. 18; Cederström, Malmborg, 1930. Taf. 65, 2, taf. 54, 3. Реже подобные накладки украшали крышки пеналов прикладов иной формы (Hoff, 1969. Abb. 144; Тарасюк, 1971. Табл. I, 103; Ефимов, Рымша, 2009. С. 178–179).

Хронология бытования описанных выше изделий на территории Московского государства значительно отличается от европейской. Ручное огнестрельное оружие с колесцовыми замками, которое чаще всего украшалось костью и рогом, предположительно было известно на Руси с третьей четверти XVI в., однако первые упоминания о нем в письменных источниках относятся лишь к концу столетия (Тарасюк, 1965. С. 8; Чубинский, 2014. С. 409). Изначально широкого распространения оно не получило. Цена данных механизмов была очень высока, вследствие сложности конструкции так и не удалось организовать их производство в Московском государстве, тяжело было осуществлять ремонт. В русской армии конца XVI — начала XVII в. широко использовались более надежные, простые и хорошо освоенные русскими оружейниками ударно-кремневые замки различных типов (Маковская, 1992. С. 14–15). Соответственно, археологических находок деталей оружия с колесцовыми замками и элементов его декора, относящихся к концу XVI в., должно быть очень мало. Вероятно, процесс появления его первых образцов у служилых людей Северо-Запада Московского государства после Ливонской войны отражает находка костяной вставки в раскопе Е. А. Рябина в 1981 г. (рис. 1, 9). Только данное изделие стратиграфически может быть отнесено к концу XVI в., поскольку найдено в слое, находящемся под насыпью куртины деревоземляной крепости, построенной в середине 80-х гг. этого столетия (Кирпичников, 1979. С. 471–472). Впрочем, поздние материалы раскопок Е. А. Рябина

на Земляном городище и их контекст нуждаются в дополнительных исследованиях, и приведенная датировка может быть скорректирована.

В течение Смутного времени огнестрельное оружие с колесцовыми замками постепенно завоевывало популярность, в первую очередь у всадников. С 20–30-х гг. XVII в. пистолеты и карабины становятся основным оружием конницы на Северо-Западе Московского государства (*Богоявленский*, 1938. С. 260–261; *Маковская*, 1992. С. 14, 43; *Курбатов*, 2006. С. 2–4; 2011. С. 76, 80), при этом осуществлялась их массовая закупка за границей (*Тарасюк*, 1965. С. 9; *Курбатов*, 2002. С. 102).

На вооружении ладожских стрельцов конца XVI — XVII в. огнестрельного оружия с колесцовыми замками не было, однако оно могло применяться казаками, подразделения которых были размещены в городе после Смутного времени, хотя говорить об этом можно лишь предположительно (*Миляев*, 2019. С. 455–456). Что касается конных воинов — детей боярских, то их количество в гарнизоне Ладого на протяжении почти всего указанного времени было очень невелико, менее 20 человек (*Бранденбург*, 1896. С. 64–65, 73, 253–254). Лишь в середине 80-х гг. XVII в. все ладожские казаки стали конными, и в качестве их основного вооружения в письменных источниках определенно указываются пистолеты, карабины и сабли — типичное снаряжение рейтара второй половины столетия (*Там же*. С. 270, 275). Однако в это время украшение огнестрельного оружия костью и рогом уже выходит из моды. Поэтому связь роговых и костяных элементов украшения огнестрельного оружия с русским гарнизоном Ладого представляется маловероятной. Кроме того, утрата большого количества этих деталей, надежно вклеенных в пазы на ружейных ложах и рукоятях пистолетов, в мирное время вряд ли возможна, скорее всего, это произошло в ходе боевых действий.

Вероятнее всего, что комплекс элементов для декора ручного огнестрельного оружия связан с присутствием в Ладого иностранных

военных контингентов в Смутное время, когда в городе происходили особо активные боевые столкновения. Ранее, весь XVI в., на город и крепость не совершалось непосредственных нападений (*Бранденбург*, 1896. С. 103), а самые поздние из них после Смуты относятся к 1619 г. (*Селин*, 2008. С. 42–49, 59–61; *Рабинович*, 2012. С. 233–236; *Селин*, 2016. С. 465–467), позже никаких боевых действий в Ладого не велось вообще (*Бранденбург*, 1896. С. 112). Таким образом, начало XVII в. является наиболее вероятным временем выпадения в культурный слой каменной крепости и Земляного городища вставок для инкрустаций на ружейных ложах и рукоятях пистолетов.

Активные боевые действия непосредственно в Ладого начались в 1610 г., когда ее захватил отряд наемников под предводительством Пьера Делавиля. В 1611 г. войска под предводительством воеводы боярина И. М. Салтыкова, захватив посад, осадили крепость (*Бранденбург*, 1896. С. 104–111; *Селин*, 2008. С. 42–49). Они активно использовали артиллерию и затинные пищали, обстреливали укрепления калеными ядрами (*Селин*, 2008. С. 48; *Селин, Ганкарсон*, 2012. С. 230). В крепости возникли сильные пожары, которые, по воспоминаниям Пьера Делавиля, удалось потушить (*Рабинович*, 2014. С. 17). После обстрела в январе 1611 г. Ладога капитулировала.

Археологическое отражение эти события нашли в виде яруса единовременно сгоревшей застройки, обнаруженного при исследовании горизонта В на Земляном городище. Примечательно, что именно в каменной крепости и в пределах Земляного города в археологическом материале наблюдается концентрация вещей западноевропейского происхождения, в частности костяных и роговых элементов для инкрустации на ружейных ложах (*Миляев, Горлов*, 2020. С. 194). Отчасти этот факт может объясняться тем, что во время осады отряд капитана Делавиля располагался в каменной крепости и Земляном городе, а постройки за их пределами были в руках осаждавших (*Селин, Ганкарсон*, 2012. С. 230). Это привело к явной нехватке мест

размещения, условия жизни наемников были очень тяжелыми (*Бранденбург*, 1896. С. 110). Чрезвычайные военные обстоятельства — осада, обстрел, пожары, паника и последующий уход немногочисленных оставшихся в живых побежденных — способствовали утрате множества предметов, в частности относящихся к оружию и военному снаряжению. Скорее всего комплекс роговых и костяных деталей декора ручного огнестрельного оружия выпал в культурный слой именно при таких обстоятельствах.

После ухода Делавиля Ладогу ненадолго заняли русские войска, затем до 1617 г. в городе находился постоянный шведский гарнизон (*Селин*, 2008. С. 51–52, 56–57). Не исключено, что некоторые образцы костяных и роговых вставок, найденные на территории каменной крепости и Земляного городища, относятся ко времени их пребывания. В 1613–1615 гг. под Ладогой периодически вспыхивали боевые действия, однако ни обстрелов крепости, ни каких-либо иных серьезных последствий для города в письменных источниках не упоминается (*Селин*, 2008. С. 59–61; *Рабинович*, 2010. С. 26). Обстоятельства мало способствовали утрате предметов вооружения, военного снаряжения и их деталей.

На основании многочисленных аналогий можно предположить, что из 17 рассмотренных в статье элементов инкрустаций восемь принадлежали к декору пистолетов, семь украшали карабины, аркебузы и, что менее вероятно, мушкетеры, для двух находок сделать подобное определение невозможно, поскольку одна из них сохранилась в виде незначительного по величине фрагмента, а другая вставка встречается часто и на нескольких типах огнестрельного оружия, и на предметах военного снаряжения. Пистолеты и карабины с колесцовыми замками составляли характерное вооружение европейских кавалеристов, которых в отряде Пьера Делавиля насчитывалось до 100 человек (*Рабинович*, 2014. С. 12, 14, 16). Украшенные костью и рогом аркебузы могли использовать шведские солдаты постоянного гарнизона Ладоги.

Кроме декоративных элементов из кости и рога при раскопках были найдены детали ружейных колесцовых замков. Это курок со следами гравированного декора, крышка пороховой полки и полусферический кожух колеса, кроме них был обнаружен специальный ключ для взведения данных механизмов воспламенения заряда (*Миляев*, 2019. С. 460–461, 464–465) (рис. 4, 1–4). Все указанные находки выявлены только на территории Ладожской каменной крепости, что может свидетельствовать о нахождении на ее территории привилегированной и состоятельной части представителей европейских военных отрядов, находившихся в городе в период Смуты. В коллекции археологических находок из Старой Ладоги имеется также два фрагмента стволов, которые предположительно могли принадлежать пистолетам (*Там же*. С. 448, 450).

Таким образом, большинство костяных и роговых деталей для украшения ручного огнестрельного оружия из Старой Ладоги следует датировать началом XVII в., не исключено, что некоторые могли быть изготовлены в конце XVI столетия. Точное место их производства установить крайне проблематично, вероятнее всего, это были германские земли, города Прибалтики, возможно, территория Речи Посполитой (*Миляев и др.*, 2020. С. 164–165).

В заключение следует отметить, что исследование ладожских находок позволило ввести в научный оборот большую серию костяных и роговых деталей декора огнестрельного оружия. Это способствует планомерному исследованию аналогичных находок с территории России и сопредельных государств. Была создана первичная классификация, которую необходимо дополнять по мере выявления находок других разновидностей. В Ладоге обнаружены далеко не все типы гравированных пластин, отличавшихся большим разнообразием. В результате анализа данного материала были выяснены новые, ранее неизвестные подробности об огнестрельном оружии, которое использовали наемники и шведские солдаты на территории Московского государства в Смутное время. Стоит отметить, что для изучения их комплекса вооружения и

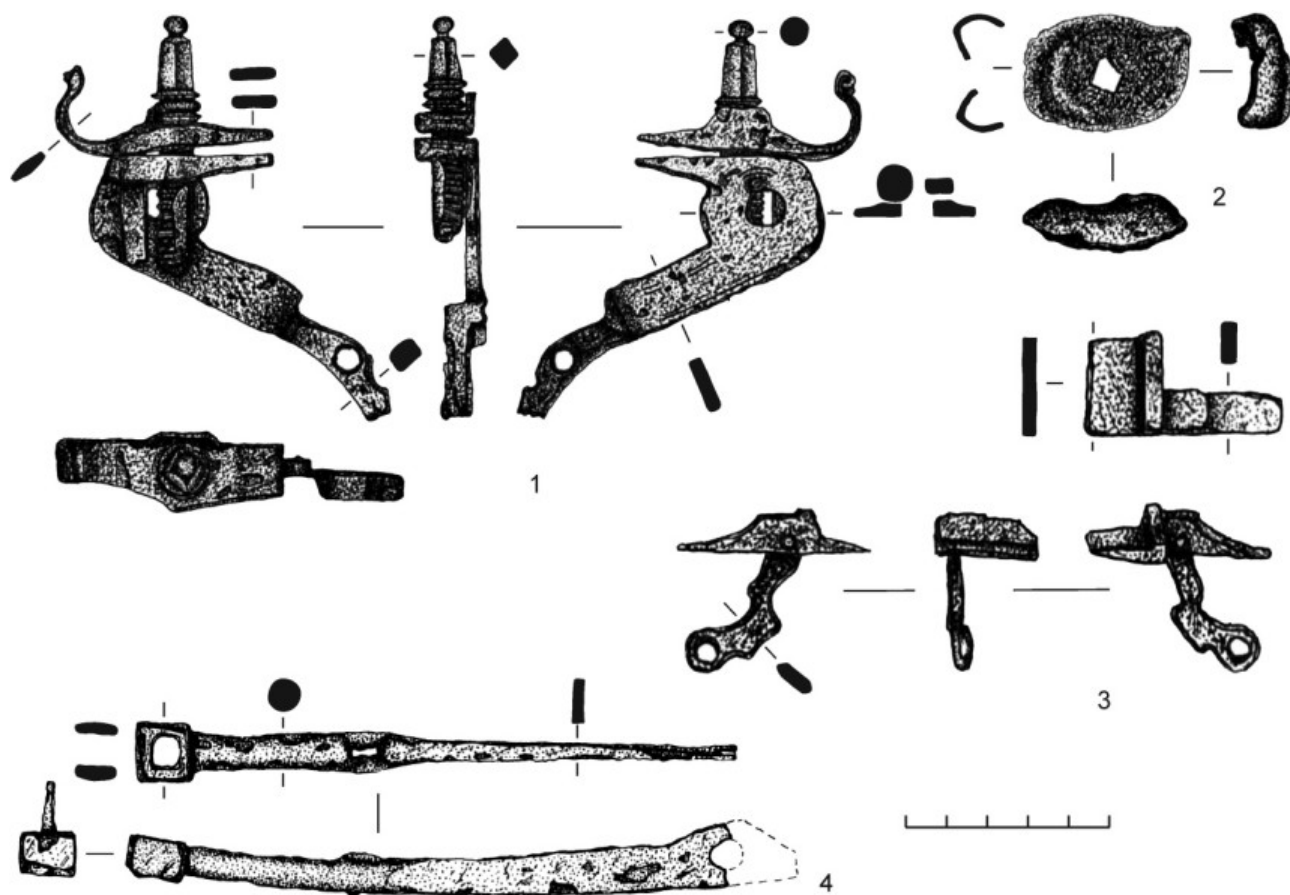

Рис. 4. Железные детали колесцовых ружейных замков из раскопок в Старой Ладоге: 1 — курок; 2 — кожух колеса; 3 — крышка пороховой полки; 4 — ключ для взведения механизма

Fig. 4. Iron parts of gun wheel locks from excavations in Staraya Ladoga: 1 — cock; 2 — cover of the lock wheel; 3 — cover of the flash pan; 4 — key for cocking the gear

его отличительных особенностей археологические находки почти не привлекались, хотя они представляют важную источниковедческую базу. В настоящее время эта работа проводится на основе материалов Старой Ладоги,

и перспективным видится ее продолжение с широким привлечением археологических коллекций из раскопок других городов и крепостей русского Северо-Запада — Орешка, Копорья, Яма, Ивангорода.

Белов и др., 1981 — Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. Ч. II. 152 с.

Бехайм, 1995 — Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 1995. 576 с.

Блэр, 2007 — Блэр К. Пистолеты мира / Пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. 442 с.

Богоявленский, 1938 — Богоявленский С. К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 4. С. 258–283.

Бранденбург, 1896 — Бранденбург Н. Е. Старая Ладога. СПб.: Типография Главного Управления уделов, 1896. 323 с.

Булкин, Овсянников, 1983 — Булкин В. А., Овсянников О. В. Архитектурно-археологические раскопки в Мирожском монастыре в 1974–1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М.: Наука, 1983. С. 192–209.

- Горбунов, 2011 — Горбунов Д. Н. Косторезное дело населения древнего Курска // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Вып. 3 (19), 2011. С. 51–57. <https://docplayer.ru/30333915-Kostoreznoe-delo-naseleniya-drevnego-kurska-d-n-gorbunov-aspirant-kaf-istorii-rossii.html> (дата обращения 27.03.2020).
- Гроздилов, 1950 — Гроздилов Г. П. Раскопки в Старой Ладогe в 1948 г. // СА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. XIV. С. 139–169.
- Давидан, 1966 — Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // АСГЭ. Вып. 8. Л.; М.: Советский художник, 1966. С. 103–115.
- Ефимов, 2012 — Ефимов С. В. Европейская охота и охотничье оружие в XVI–XVIII веках. СПб.: ИПЦ СПбГУТД, 2012. 115 с.
- Ефимов, Рымша, 2009 — Ефимов С. В., Рымша С. С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. Кн. II. СПб.: Атлант, 2009. 381 с.
- Иванова И., Иванова Н., 2012 — Иванова И. В., Иванова Н. Ю. Коллекция костяных изделий Ладоги (по материалам из раскопа близ Варяжской улицы в пос. Старая Ладога) // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. Вып. 18. С. 124–144.
- Кирпичников, 1979 — Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л.: Наука, 1979. С. 471–499.
- Кирпичников, 1980 — Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л.: Наука, 1980. 127 с.
- Кирпичников, 2007 — Кирпичников А. Н. Новые данные о позднесредневековой Ладогe (по материалам раскопок в 2006 г.) // Санкт-Петербургский международный летний культурно-исторический университет 2007. Территориальное расширение России и земельный вопрос. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 190–212.
- Кирпичников, Сорокин, 2002 — Кирпичников А. Н., Сорокин П. Е. Исследования староладожского «Земляного городища» в 2000 г. // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 151–158.
- Курбатов, 2002 — Курбатов О. А. Из истории военных реформ в России во 2-й половине XVII в. Реорганизация конницы на материалах Новгородского разряда 1650-х — 1660-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002.
- Курбатов, 2006 — Курбатов О. А. «Оружность» русской конницы. 1630-е — начало 1650-х гг. // Цейхгауз: Российский военно-исторический журнал. М.: Цейхгауз, 2006. № 23. С. 2–4.
- Курбатов, 2011 — Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. // Военная археология: Сб. материалов проблемного совета при Государственном историческом музее. М.: Русская панорама, 2011. Вып. 2. С. 58–91.
- Маковская, 1992 — Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV — XVIII в. Определитель. М.: Военное издательство, 1992. 200 с.
- Миляев, 2019 — Миляев П. А. Детали ручного огнестрельного вооружения конца XVI–XVII вв. из Старой Ладоги // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь: ТНИИР-Центр, 2019. С. 447–471.
- Миляев, Горлов, 2020 — Миляев П. А., Горлов К. В. Постройки с золотыми голландскими дуками начала XVII в. на Земляном городище в Старой Ладогe (по материалам раскопок Староладожской археологической экспедиции 1948–1949 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 13. Тверь: ТНИИР-Центр, 2020. С. 170–198.
- Миляев и др., 2020 — Миляев П. А., Кренке Н. А., Ершов И. Н., Раева В. А. «Медальоны» с изображениями людей из Смоленска // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 13. Тверь: ТНИИР-Центр, 2020. С. 156–196.
- Музей-заповедник «Кузнецкая крепость» — Музей-заповедник «Кузнецкая крепость». Электронный ресурс. URL: <http://kuzn-krepost.ru/collections/kollektsii/arkheologicheskaya-kollektsiya.html?view=article&id=246&catid=9> (дата обращения 12.03.2020).
- Мядзведзева, 2006 — Мядзведзева В. Сярэд-невяковыя шашкі Беларусі (па матэрыялах

- археалагічных даследаванняў) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Вып. 22. Мінск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2006. С. 187–200.
- Рабинович*, 1951 — *Рабинович М. Г.* Археологические раскопки в Москве в Китай-городе // КСИИМК. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Вып. XXXVIII. С. 48–61.
- Рабинович*, 2010 — *Рабинович Я. Н.* Малые города Северо-Запада России в Смутное время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. 31 с.
- Рабинович*, 2012 — *Рабинович Я. Н.* Тихвин и Ладога в 1611 — начале 1612 г. // Староладожский сборник. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 9. С. 233–254.
- Рабинович*, 2014 — *Рабинович Я. Н.* Пьер Делавиль в России: 1610–1614 // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Военного ин-та ВВ МВД РФ, 2014. Вып. 10. С. 9–22.
- Равдоникас*, 1945 — *Равдоникас В. И.* Старая Ладога // КСИИМК. М.: Изд-во АН СССР, 1945. Вып. XI. С. 30–41.
- Равдоникас*, *Лаушкин*, 1959 — *Равдоникас В. И., Лаушкин К. Д.* Об открытии в Старой Ладоге рунической надписи на дереве в 1950 г. // Скандинавский сборник. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1959. Вып. IV. С. 23–44.
- Родионов*, 2013 — *Родионов Е. А.* Коллекция оружия Гатчинского дворца. Т. II: Научный каталог. СПб.: АВ-Студия, 2013. 522 с.
- Родионов*, 2017 — *Родионов Е. А.* Коллекция оружия Гатчинского дворца. Т. IV: Научный каталог. СПб.: НП Принт, 2017. 445 с.
- Рябинин*, 1997 — *Рябинин Е. А.* Снаряжение верхового коня из Старой Ладоги (к истории русско-западноевропейских связей в московскую эпоху) // Памятники старины. Концепции, открытия, версии. СПб.; Псков: ИИМК РАН и др., 1997. Т. II. С. 214–221.
- Свешніков*, 1992 — *Свешніков І. К.* Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992. 304 с.
- Селин*, 2008 — *Селин А. А.* Ладога при Московских царях. СПб.; Старая Ладога: Нестор-История, 2008. 193 с.
- Селин*, 2016 — *Селин А. А.* Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие. Исторические очерки. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2016. 864 с.
- Селин*, *Ганкарсон*, 2012 — *Селин А. А., Ганкарсон Я.* Новый документ о взятии Ладоги Иваном Салтыковым // Староладожский сборник. СПб.: Нестор-История, 2012. Вып. 9. С. 223–232.
- Соболев*, *Ермолов*, 1954 — *Соболев Н. И., Ермолов В. А.* Огнестрельное привозное оружие XVI–XVII веков // Государственная Оружейная палата Московского кремля: Сб. науч. тр. по материалам Государственной Оружейной палаты. М.: Искусство, 1954. С. 389–434.
- Тарасюк*, 1965 — *Тарасюк Л. И.* Русское ручное огнестрельное оружие XVI–XVII веков (Воспламенительные механизмы, их эволюция и применение): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965. 19 с.
- Тарасюк*, 1971 — *Тарасюк Л. И.* Старинное огнестрельное оружие в собрании Эрмитажа. Европа и Северная Америка. Л.: Искусство, 1971. 223 с.
- Хворостова*, 2015 — *Хворостова Е. Л.* Специализированные печи XVI в. и конца XVI — начала XVII в. из раскопок Старицкого городища // ТАС. Тверь, 2015. Вып. 10. Т. II: Материалы V Тверской археологической конф. 16-го и 17-го заседаний научно-метод. семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». С. 348–359.
- Чубинский*, 2014 — *Чубинский А. Н.* Конструкции замков огнестрельного оружия и их наименования в русских источниках XVI — начала XVIII века // Война и оружие. Новые исследования и материалы: Тр. Пятой Междунар. науч.-практич. конф. (Санкт-Петербург, 14–16 мая 2014 года). СПб.: ВИМАИВ и ВС, 2014. С. 405–428.
- Штыхов*, 2004 — *Штыхов Г. В.* Археологические раскопки в Минске в 80-е годы XX века // Гістарычна-археалагічны зборнік. № 19. Мінск: Беларуская навука, 2004. С. 232–240.
- Штыхаў*, 2012 — *Штыхаў Г. В.* Раскопки гарадзішча ў Копысі (1968–1969). Новы разгляд матэрыялаў // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Зборнік навуковых артыкулаў. Вып. 23. Археалагічныя даследаванні на

- тэрыторыі Беларусі ў 2009–2010 гадах. Мінск: Беларуская навука, 2012. С. 93–99.
- Apala*, 1984 — *Apala Z.* Cēsu arheologiskās ekspedīcijas darbs // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1984. un 1985. gada pētījumu rezultātiem. Arheologija. Rīga: Zinātne, 1986. L. 5–11.
- Apala*, 1986 — *Apala Z.* Arheologiskie izrakumi Cēsu mūra pili // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu 1982. un 1983. gada pētījumu rezultātiem. Rīga: Zinātne, 1986. L. 5–10.
- Cederström, Malmborg*, 1930 — *Cederström R., Malmborg G.* Den äldre Livrustkammaren 1654. Stockholm: A.-B. Nordiska Bokhandeln, 1930. 41 s.
- Celmiņš*, 1998 — *Celmiņš A.* Zemē apslēptā pilsēta. Izstāde par 1991. 1997 gada arheoloģiskajiem atradumiem Rīgā. Rīga: Dizaina un drukas apgāds, 1998. 72 lpp.
- FELDGRAU info — FELDGRAU info. Военно-исторический сайт. Электронный ресурс. URL: <http://feldgrau.info/waffen/13133-pistolet-ofitserov-saksonskoj-lejb-gvardii> (дата обращения 12.03.2020).
- Gabriel*, 1990 — *Gabriel E.* Die Hand-und Faustfeuerwaffen der habsburgischen Heere. Wien: Österreichischer Bundesverlag, Gesellschaft m.b.H., 1990. 184 s.
- History Pistols — History Pistols. История пистолетов и револьверов. Электронный ресурс. URL: <http://historypistols.ru/blog/fitilnye-i-kolescovye-pistolety/pistolet-s-iskrovym-kolescovym-zamkom> (дата обращения 12.03.2020).
- Hoff*, 1969 — *Hoff A.* Feuerwaffen. T. I. Braunschweig: Klinkhardt & Biermann, 1969. 421 s.
- Kalaus*, 1989 — *Kalaus P. R.* Schiessversuche mit historischen Feuerwaffen des Landeszeughauses Graz an der Prüf — und Versuchsstelle für Waffen und Munition des Amtes für Wehrtechnik // Von alten Handfeuerwaffen. Entwicklung, Technik, Leistung. № 12. Graz: Sonderausstellung im Landeszeughaus, 1989. S. 41–113.
- Reverseau*, 1982 — *Reverseau J.-P.* Musee de l'Armee Paris. Les armes et la vie. Paris, Barcelone, Lausanne, Londres, Milan, Montreal, New York, Stuttgart: Dargaud Éditeur, 1982. 72 s.
- Reverseau*, 2004 — *Reverseau J.-P.* Armes et armures de la Couronne au Musee de l'Armee. Dijon: Editions Faton, 2004. 341 s.
- Schöbel*, 1983 — *Schöbel J.* Prunkwaffen. Waffen und Rüstungen aus dem Historischen Museum Dresden. Berlin: Militärverlag der DDR, 1983. 257 s.
- Šnore, Zariņa*, 1980 — *Šnore E., Zariņa A.* Senā Sēlpils. Rīga: Zinātne, 1980. 236 lpp.
- Tomsons*, 2016 — *Tomsons A.* Izpētes darbi Ludzas viduslaiku pili un Baznīcālnā 2014. gadā // Arheologu pētījumi Latvijā 2014.–2015. gadā. Rīga: Nordik, 2016. L. 152–155.

Bone and horn elements of decoration of the hand firearms of the late 16th — early 17th century from Staraya Ladoga. New evidence on the set of armament of European military contingents at the North-West of the Muscovite state in the Time of Troubles

P. A. Milyaev

The bone and horn elements of decoration of gunstocks of the 16th–17th century for a long time have not been specially studied in the national archaeology. Despite the fact that their findings periodically were noted among the materials from excavations of Russian towns and fortresses, any detailed publications devoted to this subject are absent. Recently, the quantity of these finds from Russia and adjoining territories has considerably increased enabling to introduce them as large series into

scientific circulation. Of special note is the collection of 17 elements of decoration of hand firearms originating from excavations at Staraya Ladoga. All these artefacts were retrieved exclusively from the area of the city's defences: nine within the territory of Zemlyanoye Gorodishche (*Earthen Hillfort*) and eight items in the stone fortress. No similar objects have been found in the Ladoga *posad* (unfortified suburb). The elements of decoration of hand firearms from Staraya Ladoga are divided into four groups. The details of group I were positioned exclusively under the barrel of a firearm near the face of the muzzle and at the mouth of the drawbar channel; inserts of group II were located at the lateral planes of the gunstocks and pistol handles; objects of group III were placed on the buttstocks; plates of group IV adorned lids of cases the gun accessories inside the buttstocks. A distinctive peculiarity of these objects is in the spectacular engraved ornamentation covering their external plane. A floral design is their main motif: leaves, flowers, large round volutes, as well as semi-circular figures with vertical 'rays' radiating from them. A characteristic element is represented by guilloches of two variants: that of geometric outlines consisting of Z-shaped figures and a smoother one of wavy constituents. On the inserts placed near the mouth of the drawbar channel, a decoration in the form of pointed scales was rendered; on one of the finds there are peculiar elements of decoration in the form of luxuriant ties with knots. Of special note are two inserts, where the face of a mythic figure is depicted on one of them and a human figure on the other. Often various kinds of hatching were used to render volume to the decoration on the objects and emphasizing their motifs. *Notably, on no finds from Staraya Ladoga there is found the classic circular decoration typical of the earlier Old-Russian objects.* Some inserts uncovered during the excavations at Zemlyanoye Gorodishche possess an associated context and definite dates; the objects found in mixed layers, mostly in the stone fortress, are reliably dated through numerous parallels. It is hardly possible to relate the horn and bone elements of decoration of firearms with the Russian garrison. Moreover, the loss of a large quantity of these details securely pasted into gunstocks or pistol handles would have been impossible in peace time, so that this must have occurred in the course of fighting.

Most probably, the assemblage of elements of decoration of hand firearms is connected with the presence of foreign military contingents in Ladoga during the Time of Troubles when the most active armed skirmishes were taking place in the city. The most intense military activities immediately in Ladoga began in 1610 when the latter was captured by a detachment of French mercenaries under the command of Pierre Delaville. Since the end of 1611, a regular Swedish garrison stayed in the town. The most of the bone and horn plates with an engraved decoration for inlaying on gunstocks and pistol handles found in Staraya Ladoga must be dated to the early 17th century; it is not ruled out that some may have been manufactured in the late 16th century. It is problematical to define exactly the place of their manufacture, most probably it was in German lands, towns of the Baltic region, or the territory of the Polish-Lithuanian Commonwealth, in particular the Grand Duchy of Lithuania. The analysis of the objects under consideration has yielded new, earlier unknown information on the firearms used by mercenaries and Swedish soldiers staying in the territory of the Muscovite state during the Time of Troubles. It is noteworthy that archaeological finds practically have not been considered before in order to investigate their set of armament and distinctive features of these arms. Meanwhile they present very important and sometime basic information. A continuation of this study with a wide inclusion of materials from excavations in other towns and fortresses of Northwestern Russia — Oreshek, Kopye, Yam, and Ivangorod seems very promising.

Погребения среднего бронзового века археологического комплекса Шушук¹

В. Р. Эрлих, Е. И. Гак, А. А. Клещенко²

Аннотация. В статье рассматриваются материалы ранних погребальных объектов «постдольменного» вида археологического комплекса Шушук (Адыгея, Майкопский район), относящихся к среднему бронзовому веку (период Шушук-I). По найденным предметам из металла и данным ¹⁴C авторы выделяют две хронологические группы: XXVIII–XXVII вв. до н. э. и XXVI–XXIV вв. до н. э.

Annotation. The paper considers materials from early funerary sites of the ‘post-dolmen’ type at the archaeological complex of Shushuk (Adygeya, Maykop district) dated to the Middle Bronze Age (Shushuk-I period). Basing on the found metal artefacts and results of ¹⁴C analysis, the authors distinguish two chronological groups: 28th–27th century BC and 26th–24th century BC.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, средний бронзовый век, мегалиты, постдольменные погребения, абсолютная хронология, металл, керамика.

Keywords: North-Western Caucasus, Middle Bronze Age, megaliths, post-dolmen burials, absolute chronology, metal, ceramics.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-253-278

Открытие и первые годы исследований археологического комплекса Шушук в предгорьях Северо-Западного Кавказа позволили выделить новый вид мегалитических погребальных сооружений. Он был назван ящиками-рамами, при их сооружении использовались плиты разобранных дольменов (Эрлих, 2018). Памятник находится на территории гипсового карьера, в 1 км к юго-востоку от Свято-Михайловского монастыря, расположенного

на окраине пос. Победа (Майкопский район, Республика Адыгея) и в 1,3 км к востоку от дольменного могильника Шушук, исследованного А. Д. Резепкиным (Резепкин, 2013). Археологические объекты расположены на водоразделе: к востоку протекают реки Толмач и Фарс, на западе — р. Шушук. Для этого участка характерны небольшие всхолмления с выходами гипса и карстовые воронки. Здесь на площади около 73 га открыто 154 объекта с признаками археологических памятников: 90 объектов уже состояли на учете в уполномоченных региональных органах охраны, а 64 выявлены в результате разведок 2015 г. Кавказской археологической экспедиции Музея Востока и получили название «Шушук новый».

Четыре сезона раскопок памятника показали его хронологическую неоднородность. Выяснилось, что «постдольменная» традиция

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-09-00100А).

² Эрлих В. Р. — Гос. музей Востока; Никитский бульвар, д. 12, г. Москва, 119019, Россия; E-mail: verlikh@bk.ru. Гак Е. И. — Гос. исторический музей; Красная площадь, д. 1, г. Москва, 109012, Россия; E-mail: e.i.gak@mail.ru. Клещенко А. А. — Институт археологии РАН; ул. Дм. Ульянова, д. 19, г. Москва, 117292, Россия; E-mail: sansanych@bk.ru.

начинается еще в среднем бронзовом веке. К настоящему времени здесь исследовано 27 погребальных и ритуальных объектов, некоторые объекты содержат более одного погребения. По материалам раскопок к концу 2019 г. получена серия радиоуглеродных дат, которые вкпе с особенностями погребально-инвентаря позволили предложить предварительную периодизацию памятника: период Шушук-I — средний бронзовый век (III тыс. до н. э.); период Шушук-II — поздний бронзовый век (ПБВ-1, первая половина II тыс. до н. э.); период Шушук-III (ПБВ-2, финал бронзового века — вторая половина II тыс. до н. э.) (Эрлих, Годизов, 2020. В печати). Следует отметить, что объекты различных хронологических периодов не выделяются планиграфически: погребение финала бронзового века может находиться рядом с объектами III тыс. до н. э., а самые древние объекты расположены вблизи поселения финального периода эпохи бронзы.

Данная работа посвящена раннему периоду существования могильника (период Шушук-I), который относится к среднему бронзовому веку. С ним связаны следующие объекты: Шушук-75 (погребение № 2), Шушук-51, Шушук-49, Шушук-42 (погребение № 1), Шушук новый-6 (погребения № 1 и 2), — для них получены радиоуглеродные даты, находящиеся в пределах III тыс. до н. э.³ Ряд других погребений (Шушук-76, Шушук-75 (погребение № 1), Шушук-57, Шушук новый-7 и др.) датируется этим временем на основании аналогичного погребального инвентаря.

Большинство объектов среднего бронзового века могильника Шушук представляют собой коллективные погребения, совершенные в ящиках-рамах, составленных из плит разобранных дольменов и крупных камней, которые находятся под небольшой каменной наброской. Лишь одну погребальную конструкцию (Шушук-75, погребение № 2) следует с осторожностью признать дольменной. Встречаются также погребения в неглубоких

ямках (Шушук-75, погребение № 1) и одиночные погребения в гипсовых промоинах (Шушук-57). Для погребальных сооружений выбирались возвышенные места — выходы материкового гипса. Коллективные погребения содержали до 16 вторичных погребений. Сохранность костей плохая. Керамика представлена двуручными и одноручными сосудами, сосудом с ушками. Некоторые формы посуды находят параллели в материалах Дегуако-Даховского поселения и поселения Старчики дольменной культуры. Остальной инвентарь представлен украшениями из металла (бронзы, золота, серебра), зубов животных, фаянса и кальцита. Типы этих находок по большей части не имеют культурной принадлежности и широко распространены в погребальных памятниках среднего бронзового века Юга Восточной Европы и на Северном Кавказе.

Внутри массива объектов среднего бронзового века археологического комплекса Шушук выделяются две хронологические группы на основе изменений, фиксируемых в наборах декоративных изделий из металла. Они прослежены также по материалам стратифицированных курганных памятников Предкавказья, датированных по перекрестным параллелям и данным ¹⁴C (Гак, 2016; 2019; Гак, Калмыков, 2013).

**Период Шушук-I:
первая хронологическая группа
(XXVIII–XXVII вв. до н. э.)**

Объект Шушук новый-6 представлял собой задернованное скопление камней, выходящих на поверхность, и был значительно поврежден тяжелой техникой. Объект исследовался вручную и на первом уровне расчистки представлял собой неправильный круг наброски из известняка (иногда желтого песчаника) размерами около 12 (запад–восток) × 10 (север–юг) м. Здесь выявлены два погребения и приношение-тризна.

Погребение № 1. В северо-западном и частично в юго-западном секторах на глубине –0,36/–0,85 м от репера выявлены крупные камни и обломки плит с обработкой. Они

³ Даты получены в Центре коллективного пользования ИГАН.

образовывали неправильный прямоугольник размерами 5,0 × 3,3 м, ориентированный длинной осью по линии северо-запад—юго-восток и представлявший собой ящик-раму.

Ящик-рама погребения № 1 сложен из семи крупных плит известняка и одной плиты желтого песчаника, находящейся в северном углу (рис. 1, 1). Северо-восточная плита имела подработку, следы обработки также имелись у одной плиты в восточном углу ящика и у одной из юго-восточных плит. Погребение расчищалось по двум уровням. В нем обнаружены фрагменты костей трех или четырех погребенных, лежавших не в анатомическом порядке, а также кости животных, из которых определены моляры крупного и мелкого рогатого скота.

Среди погребального инвентаря отметим: литые бронзовые каплевидные и клиновидные подвески (размерами до 0,9 × 0,5 см) на жгутике из нитей растительного происхождения (рис. 2, 1); литую бронзовую бусину бочковидной формы размерами 0,5 × 0,4 см (рис. 2, 2) и фрагменты еще одной бронзовой бусины (рис. 2, 3); цилиндрическое колечко, свернутое из серебряной пластинки размерами 0,4 × 0,3 см (рис. 2, 4); серебряное диаметром 1 см (рис. 2, 5) и золотое диаметром 1,2 см (рис. 2, 6) височные кольца; бусы из кальцита дисковидной и усеченно-сферической формы диаметром до 1 см и высотой до 0,6 см (рис. 2, 7); мелкие дисковидные бусины из раковины диаметром до 0,7 см (рис. 2, 8); два каменных предмета (условно — подвески) в виде сегмента сферы диаметром 4,9 и 5,2 см и высотой 0,6–0,8 см (рис. 2, 13, 14).

С этим погребением, скорее всего, связан комплекс приношения-тризны (скопление 1), обнаруженный при зачистке материка за пределами ящика-рамы у южной угловой плиты. Скопление состоит из расколотого на две части каменного топора ладьевидной формы длиной 16,4 см (рис. 2, 11) и лезвийной части еще одного топора (рис. 2, 12), а также фрагментов лепных сосудов.

Погребение № 2 выявлено в северо-восточном секторе объекта и представляет собой неполный ящик-раму, вытянутый длинной

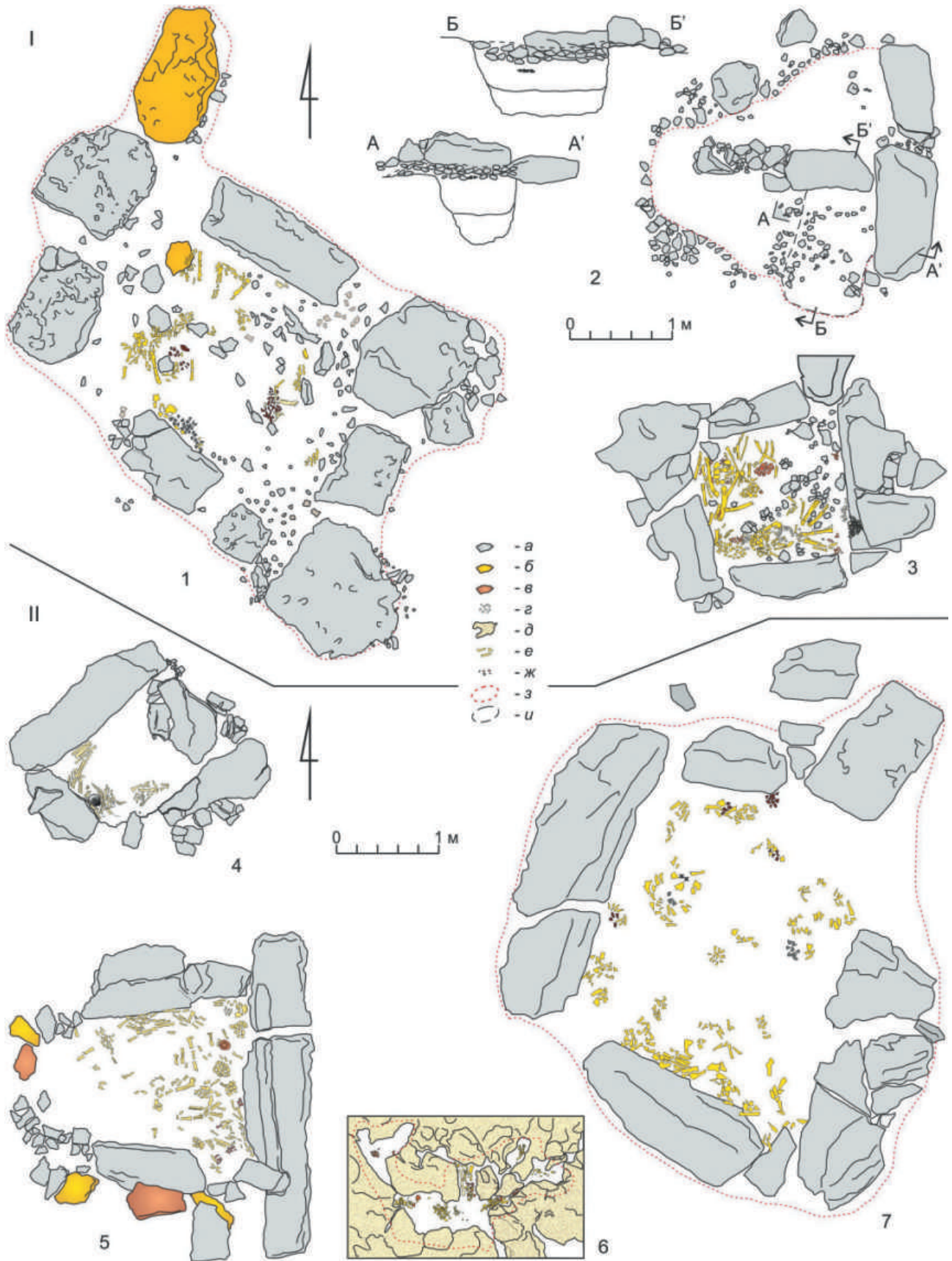
осью по линии северо-запад—юго-восток. Внешняя западная стенка погребальной конструкции состояла из ряда плит желтого песчаника, северо-западная и юго-восточная, а также сохранившаяся частично северо-восточная — из плит известняка. Размеры ящика-рамы по верхнему уровню расчистки 4,0 × 3,2 м. В ящике обнаружены фрагменты костей не менее пяти погребенных, сдвинутых к северному углу.

Среди находок обнаружены фрагменты лепной керамики, в том числе несколько профилей, а также бусы из кальцита дисковидной и усеченно-сферической формы диаметром до 1,2 см и высотой до 0,9 см (рис. 2, 9) и две крупные подвески из моляров животных, предположительно оленя (рис. 2, 10).

Для погребений объекта Шушук новый-6 получены две радиоуглеродные AMS-даты по материалу зубов животных. Первая дата из погребения № 1 ($IGAN_{AMS}-7126: 3615 \pm 20 \text{ BP}$, или 2030–1917 лет до н. э. с вероятностью 2σ — 95,4 %), безусловно, выглядит слишком поздней как для рассматриваемого хронологического горизонта, так и в целом для находок среднего бронзового века, обнаруженных на территории археологического комплекса Шушук. Вторая дата из погребения № 2 ($IGAN_{AMS}-7127: 4100 \pm 20 \text{ BP}$, или 2854–2577 лет до н. э. с вероятностью 2σ — 95,4 %) полностью совпадает с датами первого хронологического горизонта.

Объект Шушук-75 вместе с объектом Шушук-76 находился на двух соседних естественных останцах. До начала раскопок объект имел вид задернованной курганообразной насыпи высотой до 2 м и диаметром 15–20 м. Полевые исследования показали, что это естественный останец, покрытый каменной наброской. Объект исследовался вручную по курганной методике с оставлением двух перпендикулярных друг другу бровок, ориентированных по сторонам света. Обнаружены два погребения и другие комплексы (развалы керамики и скопления-тризны), которые можно отнести к первой хронологической группе.

Погребение № 1 представляло собой неглубокую яму, обрамленную разрушенной

мегалитической конструкцией в виде неполного ящика-рамы, расположенного на высокой части естественного холма (под южной половиной меридиональной бровки и частично в юго-западном секторе). Кости погребенного не сохранились. Находки вещей обнаружены в прямоугольной ямке размерами 1,4 × 0,6 м и глубиной 0,4–0,5 м, ориентированной длинной осью по линии северо-северо-восток—юго-юго-запад. Яма с севера и востока ограничена двумя плитами известняка, вероятно, часть ящика-рамы (рис. 1, 2). Расчистка комплекса проводилась по трем уровням.

В погребении найдены: крупная литая бронзовая бочонковидная бусина размерами 0,9 × 0,7 см (рис. 2, 15); литая бронзовая каплевидная подвеска длиной 0,8 см (рис. 2, 16); серебряное височное украшение (серьга) из тонкой проволоки диаметром 0,8 см (рис. 2, 17); литая подвеска с двумя расходящимися ниже обломанного ушка лопастями размерами 0,7 × 0,1 см (рис. 2, 18), а также мелкие бусины из раковины диаметром 0,6 см (рис. 2, 19), бусины дисковидной формы из кальцита диаметром до 0,8 см и высотой до 0,4 см (рис. 2, 21). Весьма интересны подражания подвескам из зубов оленя, выполненные из кальцита (рис. 2, 20). Эти подвески имели двустороннюю орнаментацию: с одной стороны выступ в виде бугорка, с другой — луновидная прорезь (размеры наиболее крупной подвески — 2,2 × 1,4 см).

Очевидно, с этим погребением связаны многочисленные развалы керамики и находки предметов в центральной части всхолмления,

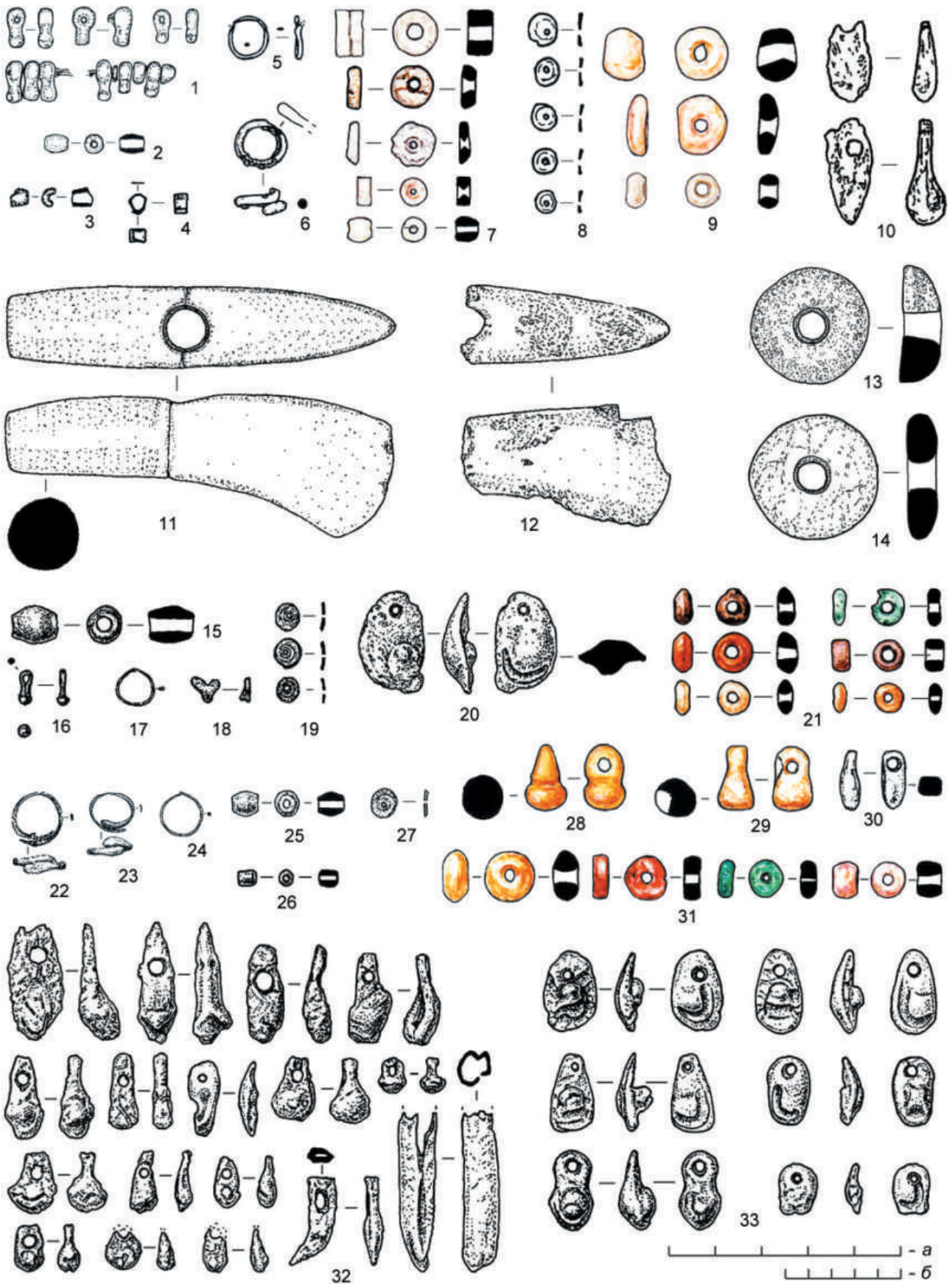
зафиксированные под каменной наброской (рис. 3, 12, 14–17, 19–24).

В скоплении 1 среди развалов лепной керамики отметим: 1) фрагменты черноглиняного горшка с отогнутым наружу венчиком, низкой шейкой и, предположительно, округлым туловом. В тесте примесь гипса. Диаметр устья 15 см (рис. 3, 16); 2) фрагменты стенок и венчика черноглиняного сосуда с отогнутым наружу венчиком, низкой шейкой и выпуклым туловом. От края сосуда отходит горизонтальный треугольный в плане выступ, возможно, прилеп плоской петельчатой ручки. На ручке и плечиках сосуда имеется орнамент в виде пальцевых вдавлений. В тесте примесь гипса. Размеры: диаметр устья 10 см, высота 10 см (рис. 3, 19); 3) фрагменты крупной коричневоглиняной округлодонной миски или блюда. В тесте примесь гипса. Размеры: диаметр устья 27 см; высота 6,5 см (рис. 3, 23). В северо-западном секторе скопления 1 обнаружен треугольный выемчатый наконечник стрелы из кремня дымчатого цвета, подработанный тонкой ретушью, размерами 2,6 × 1,2 см (рис. 3, 24).

В скоплении 2, с востока примыкавшего к погребению № 1, найдено большое количество мелких фрагментов лепной керамики. Они представлены фрагментами венчиков с прямым цилиндрическим горлом и каннелюрами на внешней поверхности (рис. 3, 12), с отогнутым краем и валиком на внешней поверхности горла (рис. 3, 22); фрагментом вертикального скошенного венчика сероглиняного сосуда (рис. 3, 17); фрагментами стенок черноглиняного сосуда с желобками-

Рис. 1. Типы погребальных конструкций среднего бронзового века могильника археологического комплекса Шушук: 1 — Шушук новый-6, погребение № 1; 2 — Шушук-75, погребение № 1; 3 — Шушук-75, погребение № 2; 4 — Шушук-51, погребение № 2; 5 — Шушук-49, погребение № 1; 6 — Шушук-57, погребение № 1; 7 — Шушук-42, погребение № 1. *Условные обозначения:* а — известняк, б — желтый песчаник, в — красный песчаник, г — материковый аргиллит, д — материковый гипс, е — кости человека, ж — керамика, з — граница погребения, и — верхняя граница погребения. I — хронологическая группа 1; II — хронологическая группа 2

Fig. 1. Types of burial structures of the Middle Bronze Age at the burial complex of Shushuk: 1 — Shushuk New-6, burial no. 1; 2 — Shushuk-75, burial no. 1; 3 — Shushuk-75, burial no. 2; 4 — Shushuk-51, burial no. 2; 5 — Shushuk-49, burial no. 1; 6 — Shushuk-57, burial no. 1; 7 — Shushuk-42, burial no. 1. *Keys:* а — limestone, б — yellow sandstone, в — red sandstone, г — virgin argillite, д — virgin gypsum, е — human bones, ж — pottery, з — border of the burial, и — upper limit of the burial. I — chronological group 1; II — chronological group 2

каннелюрами (рис. 3, 14) и черноглиняного сосуда с каплевидными вдавлениями (рис. 3, 15); фрагментом ручки лепного коричнево-глиняного сосуда, орнаментированной бороздкой и небольшими вдавлениями, а также фрагментом стенки с аналогичным узором (рис. 3, 20, 21).

Погребение № 2 находилось на краю северо-восточного сектора объекта на глубине –0,55/–0,69 м от репера. Оно представляло собой дольменообразную конструкцию подквадратной формы (рис. 1, 3), частично разрушенную: отсутствовала верхняя покровная плита, разрушена северная стенка, остальные боковые плиты частично смещены и наклонены. При раскопках выяснилось, что дольмен был вкопан в слой гумуссированного натека, образовавшегося между естественными всхолмлениями, на которых располагались объекты Шушук-75 и Шушук-76. Размер конструкции по внешнему периметру 3,2 × 3,2 м, по внутреннему — 1,7 × 1,7 м, она ориентирована по сторонам света с отклонением в 15° к западу. Вход в виде разрушенной арки находился в восточной стенке, наклоненной к востоку. Недалеко от входа находилась дольменная втулка. Сверху во внутреннем пространстве лежали небольшие фрагменты плит. Расчистка содержимого гробницы велась по нескольким уровням.

Сохранность костного материала была крайне неудовлетворительная. По данным антропологического исследования⁴ в гробнице

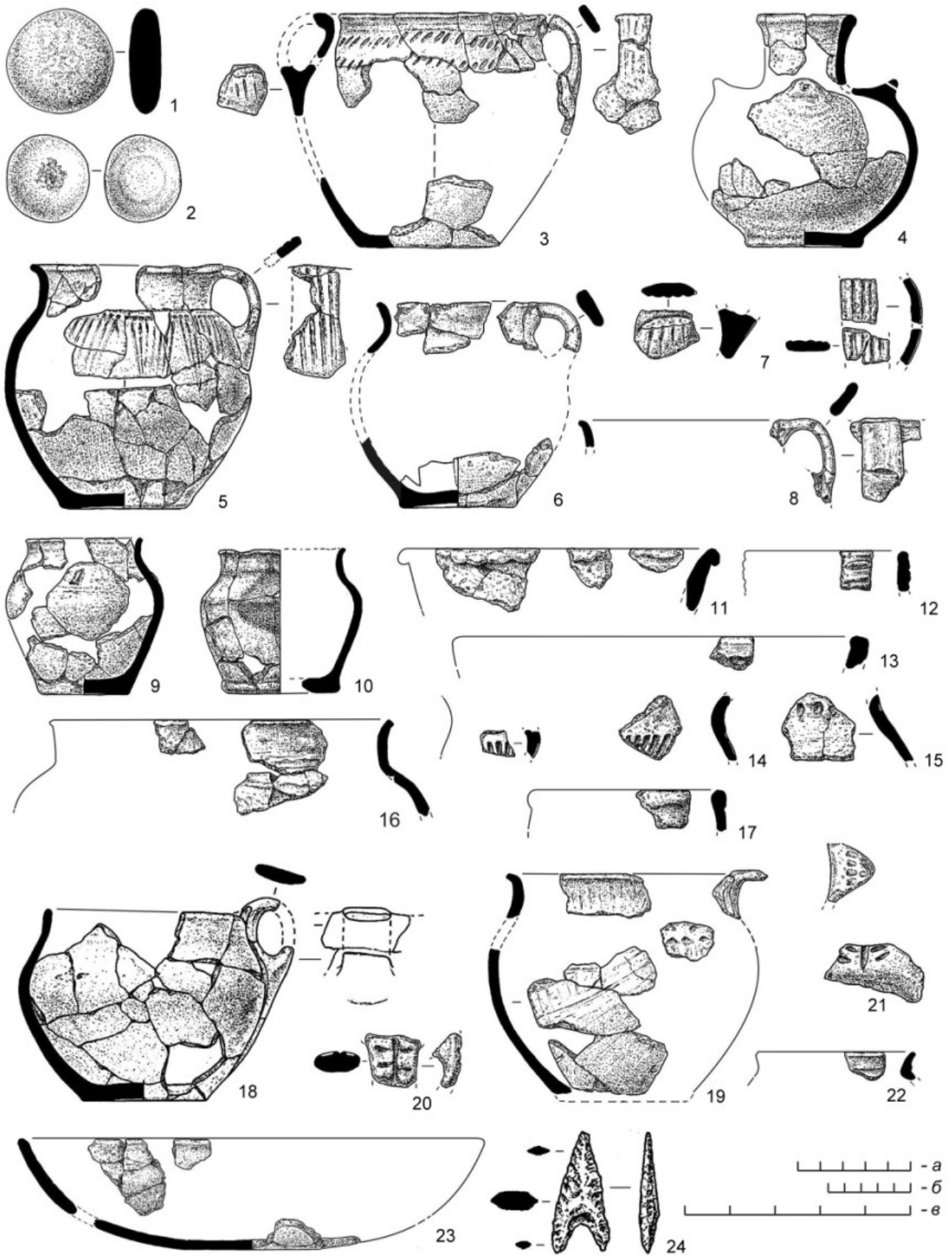
⁴ Определение антропологического материала выполнено сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ Н. Я. Березиной.

находились останки от семи до десяти погребенных. Удалось выделить трех взрослых и четверых детей от 1,5–2,0 до 4–8 лет. Возможно присутствие фрагментов костей еще двух взрослых и одного ребенка до года.

Погребение содержало более сотни находок, в основном мелких украшений. Наиболее примечательны два золотых пластинчатых височных кольца округлой в плане формы с заходящими друг за друга раскованными концами, размерами 1,1 × (0,30–0,15) см (рис. 2, 22, 23), а также округлая серебряная серьга из тонкой проволоки с приостренными концами, размерами 0,9 × 0,1 см (рис. 2, 24), аналогичная экземпляру из погребения № 1 этого же объекта. Из других предметов отметим: литую бронзовую бочонковидную бусину размерами 0,6 × 0,6 см (рис. 2, 25); фаянсовую пронизку цилиндрической формы светло-серого цвета с размерами 0,4 × 0,3 см (рис. 2, 26); бусы из белого и цветного кальцита дисковидной и усеченно-сферической форм диаметром 0,6–1,0 см (рис. 2, 31); подвеску грибовидной формы из красноватого кальцита размерами 1,3 × 0,8 см (рис. 2, 28); подвеску из белого кальцита в форме гирьки размерами 1,4 × 0,8 см (рис. 2, 29). Как и в погребении № 1, здесь встречены бусины из раковины диаметром 0,6 см (рис. 2, 27). Наиболее многочисленную группу украшений представляют подвески из зубов и клыков животных с отверстием в корневой части (рис. 2, 32). В то же время здесь, как и в погребении № 1, встречены каменные (мягкий кальцит, известняк) подражания подвескам из зубов оленя, с одной стороны имеющие выступ в виде бугорка, а с другой — месяцевидную

Рис. 2. Инвентарь погребальных объектов среднего бронзового века археологического комплекса Шушук. Хронологическая группа 1: 1–8 — Шушук новый-6, погребение № 1; 9, 10 — Шушук новый-6, погребение № 2; 12–14 — Шушук новый-6, скопление 1; 15–21 — Шушук-75, погребение № 1; 22–33 — Шушук-75, погребение № 2. Масштаб: а — для № 1–10, 15–33; б — для № 11–14. 1–4, 15, 16, 18, 25, 26 — бронза; 5, 17, 24 — серебро; 6, 22, 23 — золото; 7, 9, 20, 21, 28–31, 33 — кальцит; 8, 19, 27 — раковина; 10, 32 — зубы животных; 11–14 — камень

Fig. 2. Grave inventory of burials of the Middle Bronze Age at the archaeological complex of Shushuk. Chronological group 1: 1–8 — Shushuk New-6, burial no. 1; 9, 10 — Shushuk New-6, burial no. 2; 12–14 — Shushuk New-6, accumulation no. 1; 15–21 — Shushuk-75, burial no. 1; 22–33 — Shushuk-75, burial no. 2. Scale: a — for nos. 1–10, 15–33; b — for nos. 11–14. 1–4, 15, 16, 18, 25, 26 — bronze; 5, 17, 24 — silver; 6, 22, 23 — gold; 7, 9, 20, 21, 28–31, 33 — calcite; 8, 19, 27 — shells; 10, 32 — animal teeth; 11–14 — stone

прорезь (рис. 2, 33). Лишь один экземпляр подражания подвескам из зуба был лишен такой орнаментации (рис. 2, 30). В погребении также встречены два каменных отбойника: один — уплощенный, размерами 4,5 × 1,5 см (рис. 3, 1), второй — сферической формы, размерами 3,9 × 3,3 см (рис. 3, 2).

Среди фрагментов лепной керамики удалось реконструировать следующие формы.

1. Сероглиняный плоскодонный сосуд с двумя уплощенными парными ручками. Венчик сосуда отогнут наружу, горло низкое, тулово слегка округлое. По плечикам и горлу имеется орнамент из двух рядов ногтевых вдавлений, ручки украшены продольными желобками. Высота 10 см (рис. 3, 3).

2. Коричневоглиняная амфорка на низком кольцевом поддоне с округлым туловом, высоким узким горлом и отогнутым венчиком. На плечиках, предположительно, имелись четыре выступа-ушка трапецевидной формы с вертикально проколотыми отверстиями для подвешивания. Высота 10 см (рис. 3, 4).

3. Лепной коричневоглиняный кувшинчик с ленточной петельчатой ручкой. Дно плоское, тулово яйцевидное, горло низкое, венчик отогнут наружу. На плечиках и верхней части тулова имеется орнамент из линии точечных вдавлений, от которых отходят прочерченные равнобедренные треугольники, направленные вершинами вниз. На ручке — орнамент из прочерченных вертикальных линий. Высота 10 см (рис. 3, 5).

4. Близкий по форме предыдущему неорнаментированный коричневоглиняный кувшинчик на низком кольцевом поддоне. Высота 9 см (рис. 3, 6).

5. Фрагменты петельчатых ручек кувшинов, одна из которых имела орнамент в виде вертикальных бороздок (рис. 3, 7), вторая — гладкую поверхность (рис. 3, 8).

6. Два сероглиняных сосуда баночной формы, один из них с прямоугольным налетом на плечиках. Высота сосудов 6 и 7 см (рис. 3, 9, 10).

7. Фрагмент венчика с закраиной коричневоглиняного сосуда. В тесте примесь гипса. Диаметр устья 14 см (рис. 3, 11).

Для этого погребения были получены три радиоуглеродные даты. Первая из них, сделанная по материалу зуба животного ($IGAN_{AMS}^{-6996}$: 4400 ± 30 BP, или 3098–2917 лет до н. э. с вероятностью 2σ — 95,4 %), выглядит чрезвычайно удивительной. Две другие, полученные по кости человека ($IGAN_{AMS}^{-6997}$: 4195 ± 30 BP, или 2814–2676 лет до н. э. с вероятностью 2σ — 95,4 %) и по углю со дна дольмена ($IGAN_{AMS}^{-7000}$: 4065 ± 25 BP или 2673–2558 лет до н. э. с вероятностью 2σ — 95,4 %), вполне соотносятся с предложенным для данной хронологической группы временным интервалом.

Объект Шушук-60 находился в западной части археологического комплекса. После удаления растительности оказалось, что всхолмление диаметром 4 м и высотой 0,4 м представляет естественный выход гипса. В ямке-промоине, обнаруженной при расчистке поверхности гипса, найден лепной сосудик с ровным краем, низкой шейкой, округлобким туловом и плоским дном. Сосуд имел плоскую петельчатую ручку, прикрепленную к верхней части тулова и краю венчика. Размеры: высота 9 см, диаметр венчика 9 см, диаметр дна 6 см (рис. 3, 18).

Рис. 3. Инвентарь погребальных объектов среднего бронзового века археологического комплекса Шушук. Хронологическая группа 1: 1–11, 13 — Шушук-75, погребение № 2; 12, 19 — Шушук-75, развал керамики 5; 14, 15, 17, 21, 22 — Шушук-75, скопление 2; 16 — Шушук-75, развал керамики 4; 18 — Шушук-60, развал керамики 1; 23, 24 — Шушук-75, скопление 1. 1, 2 — камень; 3–23 — керамика; 24 — кремень. Масштаб: а — для № 1–22; б — для № 23; в — для № 24

Fig. 3. Grave inventory of burials of the Middle Bronze Age at the archaeological complex of Shushuk. Chronological group 1: 1–11, 13 — Shushuk-75, burial no. 2; 12, 19 — Shushuk-75, heap of sherds no. 5; 14, 15, 17, 21, 22 — Shushuk-75, accumulation no. 2; 16 — Shushuk-75, heap of sherds no. 4; 18 — Shushuk-60, heap of sherds no. 1; 23, 24 — Shushuk-75, accumulation no. 1. 1, 2 — stone; 3–23 — ceramics; 24 — flint. Scale: a — for nos. 1–22; б — for no. 23; в — for no. 24

Период Шушук-I:

**вторая хронологическая группа
(XXVI–XXIV вв. до н. э.)**

Объект Шушук-42 находился в западной части археологического комплекса. На поверхности объекта прослежены задернованные плиты и камни. Размеры: 23 (запад–восток) × 18 (север–юг) м. Под каменной наброской обнаружены два ящика-рамы, из которых от второго, ограбленного и находящегося в северо-восточном секторе (*погребение № 2*), сохранились лишь остатки.

При расчистке каменной конструкции найдены профильные фрагменты сосудов: 1) отогнутые венчики тонкостенных сосудов диаметрами 15 и 13 см (рис. 5, 1, 2); 2) венчики более толстостенных сосудов с валикообразным расширением по краю (рис. 5, 6, 8); 3) венчик небольшого тонкостенного сосудика со скошенным внутрь краем, диаметром 10 см (рис. 5, 7). Отсюда же происходят: 1) плоские донца сосудов (рис. 5, 3, 4); 2) нижняя часть коричневоглиняного сосуда, имевшего дно с закраиной диаметром 10 см (рис. 5, 5); 3) стенка красноглиняного сосуда с валиком, украшенным ногтевым орнаментом (рис. 5, 10); 4) развал большого красноглиняного открытого сосуда — глубокое блюдо с вертикальным венчиком с заостренным краем, диаметром 33 см (рис. 5, 11).

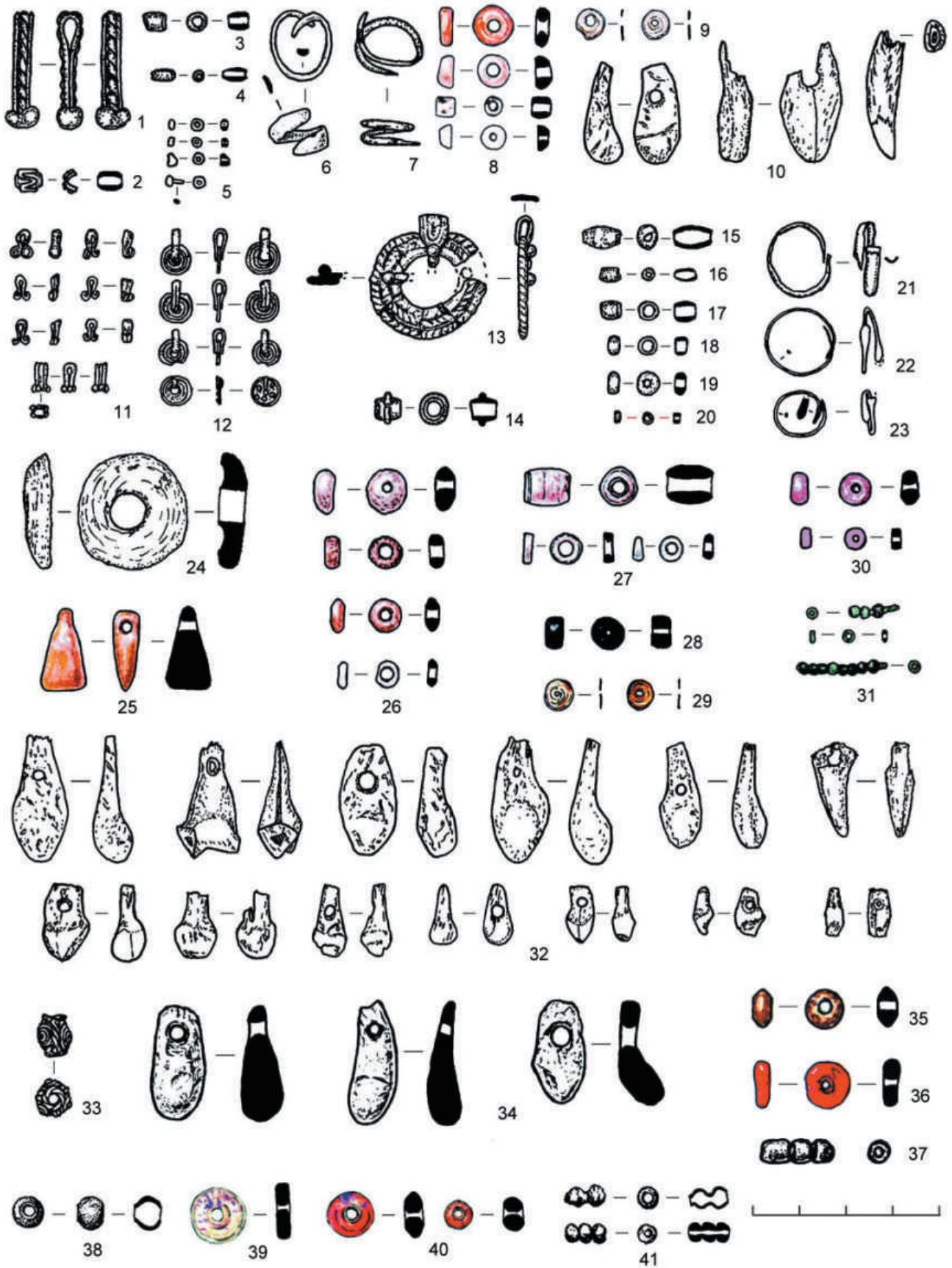
Ящик-рама *погребения № 1* обнаружен в юго-западном секторе. Он имел почти прямоугольную форму с ориентировкой длинной оси по линии север-восток—юго-запад и

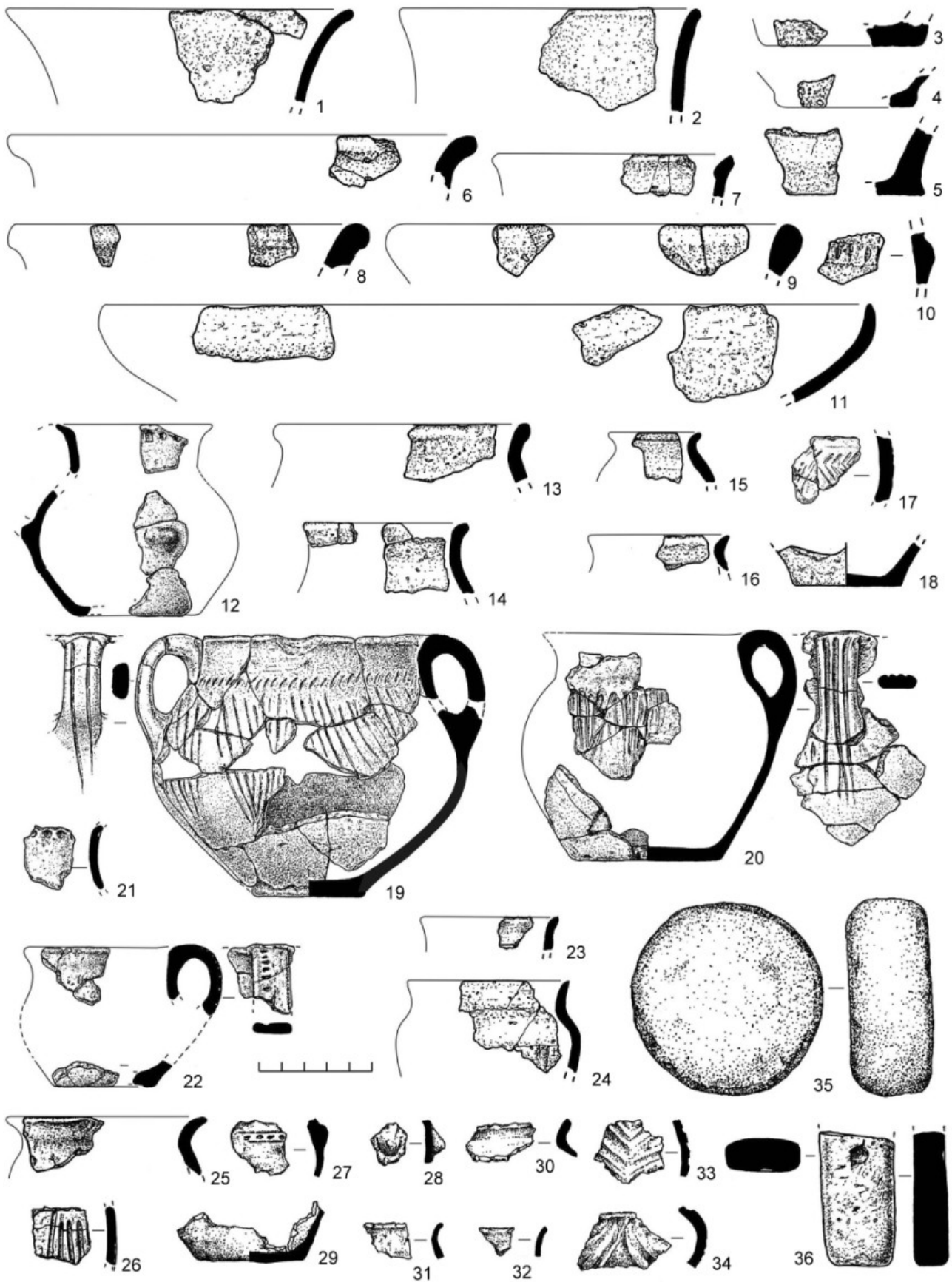
был сложен из плит известняка. Одна плита у северного угла имела следы обработки. Размеры по внешнему контуру 5,0 × 4,6 м. Внутри ящика-рамы обнаружены остатки коллективного погребения (16 черепов) и многочисленные находки (рис. 1, 7). Расположение костей погребенных лишено какой-либо системы. Расчистка погребения велась по нескольким уровням.

На первом уровне расчищены останки шести погребенных. Среди сопровождавших их находок обнаружены: плоская литая подвеска с ложным шнуровым орнаментом и двумя шариками на конце (рис. 4, 1); половина литой бронзовой бусины цилиндрической формы, орнаментированная зигзагом-змейкой (рис. 4, 2); бронзовая литая бусина цилиндрической формы размером 0,5 × 0,4 см (рис. 4, 3); бронзовый бисер диаметром 0,3 см (рис. 4, 5); бронзовые височные колечки с заходящими концами: одно пластинчатое диаметром 1,5 см (рис. 4, 6), второе — проволочное диаметром 1,6 см (рис. 4, 7); дисковидные и цилиндрическая бусины из кальцита красноватого и бледно-розового цвета (рис. 4, 8); бусы из раковины (рис. 4, 9), а также крупные подвески из зубов животных с отверстиями для подвешивания, сделанными в корневой части (рис. 4, 10). Среди керамики этого уровня отметим: фрагменты лепного сероглиняного кувшина с основанием петлевидной ручки и полосой вдавлений под венчиком (рис. 5, 12); фрагмент отогнутого венчика черноглиняного сосуда диаметром 7 см

Рис. 4. Инвентарь погребальных объектов среднего бронзового века археологического комплекса Шушук. Хронологическая группа 2: 1–3, 5–10 — Шушук-42, погребение № 1, уровень расчистки 1; 4 — Шушук-42, из зачистки каменной наброски; 11–32 — Шушук-42, погребение № 1, уровень расчистки 2; 33 — Шушук-74, погребение № 1; 34–37 — Шушук-74, погребение № 2; 38–41 — Шушук-49, погребение № 1. 1–7, 11–21, 33, 38 — бронза; 8, 25–27, 35 — кальцит и гипс; 9, 29 — раковина; 10, 32, 34 — зубы животного; 22, 23 — серебро; 24 — камень; 28 — гагат; 30, 36, 40 — сердолик; 31, 37, 41 — фаянс; 39 — агат

Fig. 4. Grave inventory of burials of the Middle Bronze Age at the archaeological complex of Shushuk. Chronological group 2: 1–3, 5–10 — Shushuk-42, burial no. 1, excavation level no. 1; 4 — Shushuk-42, from a heap of rubble; 11–32 — Shushuk-42, burial no. 1, excavation level no. 2; 33 — Shushuk-74, burial no. 1; 34–37 — Shushuk-74, burial no. 2; 38–41 — Shushuk-49, burial no. 1. 1–7, 11–21, 33, 38 — bronze; 8, 25–27, 35 — calcite and gypsum; 9, 29 — shells; 10, 32, 34 — animal teeth; 22, 23 — silver; 24 — stone; 28 — jet; 30, 36, 40 — cornelian; 31, 37, 41 — faience; 39 — agate

(рис. 5, 14) и фрагмент отогнутого венчика коричневоглиняного сосуда диаметром 11 см (рис. 5, 13); верхнюю часть миниатюрного сосуда с низкой шейкой и отогнутым венчиком диаметром 4 см (рис. 5, 15); отогнутый приостренный скошенный внутрь венчик сосуда диаметром 6 см (рис. 5, 16); фрагмент придонной части сосуда с диаметром дна 5 см (рис. 5, 18); фрагмент стенки с елочным орнаментом (рис. 5, 17).

На втором уровне расчистки этого погребения зафиксированы фрагменты не менее десяти человеческих черепов и мелкие кости, в том числе кальцинированные. Погребальный инвентарь представлен: шестью гладкими подвесками омегаобразного профиля и одной, типологически близкой им, рифленной подвеской с шариками на конце (рис. 4, 11); четырьмя литыми бронзовыми дисковидными подвесками-медальончиками диаметром до 1 см с двусторонним концентрическим орнаментом (в одном случае — с псевдозернью на одной стороне) (рис. 4, 12); большим литым бронзовым медальоном кольцевидной формы диаметром 2,5 см, на петле и корпусе украшенным шнуровым орнаментом, с перекрестием (утрачено) и шишечками в местах крепления к внутренней части кольца (рис. 4, 13); литыми бронзовыми бусинами диаметром 0,3–0,5 см: одной бочонковидной с поперечным валиком высотой 0,5 см (рис. 4, 14), трех бочонковидных высотой до 0,8 см (рис. 4, 15–17) и двух дисковидных высотой 0,3 см (рис. 4, 18); бронзовой бисериной (рис. 4, 20); височными кольцами — бронзовым пластинчатым с желобчатыми концами диаметром 1,6 см (рис. 4, 21) и двумя серебряными

из проволоки, раскованной на концах, диаметрами 1,5 см (рис. 4, 22) и 1,1 см (рис. 4, 23); каменной круглой в плане и сегментовидной в сечении подвеской с отверстием диаметром 2,5 см и высотой 0,6 см (рис. 4, 24) (сходной с обнаруженными в скоплении 1 объекта Шушук новый-6, но меньшего размера); подвесками треугольной формы из кальцита размерами 1,4 × 0,8 см (рис. 4, 25); дисковидными и бочонковидной бусинами из кальцита, гагата, гипса и ракушки различных размеров (рис. 4, 26–29). Отдельно отметим находки двух дисковидных сердоликовых бусин диаметром 0,4–0,7 см (рис. 4, 30) и фаянсового бисера диаметром 0,3 см, нанизанного на жгутики из растительных волокон (рис. 4, 31). Большое количество находок представляли подвески из зубов животных самых различных размеров (рис. 4, 32).

Среди керамики следует упомянуть двуручный сосуд, внешняя часть ручек которого украшена двумя врезными полосами, под горлом сделан ряд ногтевых вдавлений, на тулове — прочерченный орнамент из треугольников, направленных вершинами вниз (рис. 5, 19). Близкий орнамент тулова имел найденный на этом уровне кувшинчик высотой около 10 см, ручки которого украшены тремя врезными желобками (рис. 5, 20). Ручка еще одного, хуже сохранившегося, кувшинчика была украшена рядом прямоугольных вдавлений (рис. 5, 22); здесь же обнаружены фрагменты верхних частей еще двух сосудов (рис. 5, 23, 24).

Из этого погребения имеются две радиоуглеродные AMS-даты. Одна была получена по зубу животного (IGAN_{AMS}-7128: 3825 ± 20 BP,

Рис. 5. Инвентарь погребальных объектов среднего бронзового века археологического комплекса Шушук. Хронологическая группа 2: 1–10 — Шушук-42, из зачистки каменной наброски; 11 — Шушук-42, развал керамики 1; 12–18 — Шушук-42, погребение № 1, уровень расчистки 1; 19–24 — Шушук-42, погребение № 1, уровень расчистки 2; 25, 36 — Шушук-74, погребение № 2; 26 — Шушук-74, погребение № 1; 27–35 — Шушук-49, погребение № 1. 1–34 — керамика; 35, 36 — камень

Fig. 5. Grave inventory from burials of the Middle Bronze Age at the archaeological complex of Shushuk. Chronological group 2: 1–10 — Shushuk-42, from excavation of a heap of rubble; 11 — Shushuk-42, heap of sherds no. 1; 12–18 — Shushuk-42, burial no. 1, excavation level no. 1; 19–24 — Shushuk-42, burial no. 1, excavation level no. 2; 25, 36 — Shushuk-74, burial no. 2; 26 — Shushuk-74, burial no. 1; 27–35 — Shushuk-49, burial no. 1. 1–34 — ceramics; 35, 36 — stone

или 2345–2200 лет до н. э. с вероятностью 2σ — 95,4 %). Нижней частью своего интервала она частично захватывает датировку, предложенную для второй хронологической группы. Второе определение, сделанное по кости человека ($IGAN_{AMS} -6999: 4300 \pm 30 BP$, или 2943–2880 лет до н. э. с вероятностью 2σ — 95,4 %), существенно древнее, что при условии отсутствия уверенности в закрытости комплекса может быть объяснено действительно более древним характером образца.

Объект Шушук-74 находился в северной части археологического комплекса, на вершине естественного холма, имеющего в основе выход гипса, покрытый материковым суглинком. Расчистка вручную каменных конструкций показала, что они имеются только на верхней центральной части холма, а в центральной части объекта материк обнаружен уже на глубине 0,5 м. Скопление камней на поверхности холма имело форму овала размерами 27×20 м, вытянутого с севера на юг. Здесь зафиксированы два погребения, совершенных в ящиках-рамах с использованием плит дольменов.

Погребение № 1 обнаружено в южной половине объекта и представляло собой прямоугольный ящик-раму размерами $5,6 \times 3,8$ м, ориентированный длинной осью по линии северо-восток—юго-запад. Его северо-западная, северо-восточная и юго-восточные стороны были сложены из крупных плит известняка, среди которых находились и две дольменные плиты с обработкой. Юго-западная сторона ящика сложена из известняка. О переиспользовании дольмена также говорит и находка части дольменной втулки (пробки) от входа, она арочной формы из серого известняка с аккуратной подтеской, имеет фрагмент затвора. Костей внутри не обнаружено. Из находок отметим литую бронзовую бочонковидную бусину размерами $0,9 \times 0,9$ см, орнаментированную с трех сторон спиральками, а между ними и вокруг отверстий — имитацией шнура (рис. 4, 33). Среди обнаруженной лепной керамики упомянем фрагмент приостренного отогнутого венчика черноглиняного сосуда и фрагмент

стенки сосуда с прочерченным орнаментом в виде сходящихся кверху полос (рис. 5, 26).

Погребение № 2 находилось в западной половине каменной вымостки — в северо-западном и частично в юго-западном секторах. Ящик-рама погребения размерами $5,4 \times 4,4$ м ориентирован по линии север–юг с небольшим отклонением к востоку, он состоял из трех дольменных плит с обработкой. Погребение расчищалось по нескольким уровням.

Здесь обнаружены мелкие кости, по меньшей мере, пяти погребенных и сопровождающий инвентарь, представленный: подвесками из зубов животных (рис. 4, 34); бусинами дисковидной формы диаметром 0,8–0,9 см из кальцита (рис. 4, 35) и сердолика (рис. 4, 36); трехчастной фаянсовой пронизью размерами $1,6 \times 0,5$ см (рис. 4, 37); фрагментом отогнутого венчика лепного тонкостенного сосуда (рис. 5, 25); обломком оселка из песчаника размерами $2,9 \times 1,6 \times 0,7$ см, подпрямоугольного в плане и сечении со следами повторного сверления с одной стороны (рис. 5, 36).

Объект Шушук-49 находился в западной части археологического комплекса. Грунт поверх каменной наброски был поврежден до раскопок, в результате чего была обнажена каменная конструкция, состоящая из плиты бурого песчаника и фрагментов каменного панциря. Объект исследовался квадратами 4×4 м. Каменная наброска имела прямоугольную форму, сильно вытянутую по линии север–юг, размерами 21×11 м. Здесь обнаружено два ограбленных ящика-рамы (скопления 1 и 2) и нетронутое погребение (№ 1).

Погребение № 1 представляло собой ящик-раму (рис. 1, 5), заваленный камнями и фрагментами керамики; он расчищался по нескольким уровням. На верхнем уровне зафиксирована каменная наковаленка (рис. 5, 35). На четвертом уровне были выбраны камни заполнения ящика-рамы. За исключением западной стенки он был сложен из фрагментов плит дольменов во вторичном использовании. Конструкцию дополняли плиты известняка и желтого песчаника. Длинная сторона ящика, имеющего размеры $2,0 \times 1,5$ м, была ориентирована по линии запад–восток.

Внутри ящика расчищены остатки не менее шести погребенных, находившихся не в анатомическом порядке, кости черепов лежали вдоль восточной стенки. Среди находок имеются: литая бронзовая бусина усеченно-сферической формы размерами 0,7 × 0,6 см (рис. 4, 38); дисковидные бусы из сердолика и агата диаметром 1,0–1,1 см (рис. 4, 39, 40); двухчастная и трехчастная фаянсовые пронизки размерами 0,9 × 0,5 см (рис. 4, 41); фрагменты стенок глиняных сосудов с валиком и круглыми вдавлениями по нему (рис. 5, 27), и сосцевидным налепом (рис. 5, 28).

Из этого погребения получена радиоуглеродная AMS-дата по кости человека (IGAN_{AMS}-6998: 4205 ± 30 BP или 2896–2679 лет до н. э. с вероятностью 2σ — 95,4 %). Как и в случае для даты IGAN_{AMS}-6999 из погребения № 1 объекта Шушук-42, такой диапазон, не соответствующий времени второй хронологической группы, может быть объяснен действительно более древним характером образца (при условии отсутствия уверенности в закрытости данного комплекса).

Объект Шушук-57 находился в западной части археологического комплекса и представлял собой задернованный выход на поверхность материкового гипса. Мелкие кости ребенка находились в естественной промоине (рис. 1, 6). Здесь же обнаружено скопление находок: две литые бронзовые плоские подвески длиной 2 см с рифленным корпусом и окончанием в виде спаренных шариков (рис. 6, 1, 2); дисковидная бусина из створки раковины диаметром 0,6 см (рис. 6, 3); дисковидная бусина из кальцита дисковидной формы диаметром 1 см (рис. 6, 4); подвески из зубов животных различных размеров (рис. 6, 5). Здесь же и в соседних промоинах находились фрагменты лепных сосудов: горшочков с отогнутыми наружу венчиками (рис. 6, 11–14), стенка сосуда с основанием петельчатой ручки (рис. 6, 15), а также стенка сосуда с прорезанным орнаментом (рис. 6, 16).

Объект Шушук-51 находился в западной части археологического комплекса, недалеко от объекта Шушук-49. Дерн здесь был снят при проведении карьерных работ.

На поверхности обнаружены человеческие кости (погребение № 1), как выяснилось впоследствии, из ограбленного каменного ящика. Среди окружавших ящик камней обнаружено керамическое изделие с отверстием (рис. 6, 18). Здесь также найдены два нетронутых погребения (№ 2 и 3).

Погребение № 2 представляло собой ящик-раму из переиспользованных дольменных плит и крупных камней известняка и песчаника (рис. 1, 4), установленный на выходах материкового гипса и частично на подсыпке. Длинная ось ящика была ориентирована по направлению северо-восток—юго-запад. Внутри ящика обнаружены кости трех взрослых и, возможно, ребенка. У юго-западной стенки находились кости черепов погребенных, по которым можно предположить, что первоначальная ориентировка погребенных была юго-западной. Среди костей внутри ящика обнаружены: многочастные пронизки длиной до 1,3 см и округлая бусина из фаянса диаметром 0,3–0,4 см (рис. 6, 6); дисковидные бусины из сердолика диаметром 0,7 см (рис. 6, 7); подвески из зубов оленя (рис. 6, 8); у юго-западной стенки (возле костей черепов) лежал глиняный горшок с ложной ручкой-выступом (рис. 6, 17).

К северу от ящика обнаружены следы тризны: развал большого глиняного блюда, орнаментированного с внутренней стороны углубленными полосами.

По подвеске из зуба животного получена радиоуглеродная дата (IGAN_{AMS}-7125: 4045 ± 20 BP, или 2624–2488 лет до н. э. с вероятностью 2σ — 95,4 %), полностью совпадающая с предложенным для второй хронологической группы интервалом.

Погребение № 3 зафиксировано в северо-восточном секторе под каменной выкладкой. Оно представляло собой ящик-раму, вытянутый длинной осью по линии северо-восток—юго-запад и образованный тремя деревянными плахами (юго-восточная плаха не сохранилась). Размеры ящика по внешнему контуру составили 1,0 × 0,9 м. Внутри в юго-восточной части обнаружены фрагменты длинных костей взрослого человека.

Из-за плохой сохранности ориентировка погребенного неопределима. К западу от костей обнаружен фрагмент донца лепного сосуда, к востоку — кремневый отщеп.

Объект Шушук-76 представлял собой задернованное естественное всхолмление, примыкающее с северо-востока к объекту Шушук-75. Под дерном обнаружена каменная наброска, в центральной и северной частях которой находки отсутствовали. Обнаружено одно погребение.

Погребение № 1 находилось на склоне в юго-западном секторе и представляло собой ящик-раму (размерами 3,2 × 1,6 м), сложенный из дольменных плит с обработкой и ориентированный длинной осью по линии северо-запад—юго-восток. Северо-западная стенка отсутствует. В южной части эта конструкция примыкает к плитам дольменнообразной конструкции объекта Шушук-75 (погребение № 2), образуя единый мегалитический ансамбль (Эрлих, Годизов, 2018). Погребение ограблено — кости внутри ящика не обнаружены. В ящике зафиксированы: две литые бронзовые подвески с плоской петелькой и грибовидным завершением, длиной 0,8 см (рис. 6, 9); два кремневых отщепа; сердоликовая бусина дисковидной формы (рис. 6, 10); обломок красноватого песчаника с прочерченным знаком-петроглифом в виде четырех продольных линий, перпендикулярно примыкающих к одной поперечной (рис. 6, 32); отдельные фрагменты керамики. С внешней стороны ящика-рамы, у его северо-восточного и юго-восточного углов, обнаружены

развалы керамики, возможно, остатки тризн; с внешней стороны юго-восточного угла обнаружен каменный отбойник (рис. 6, 31).

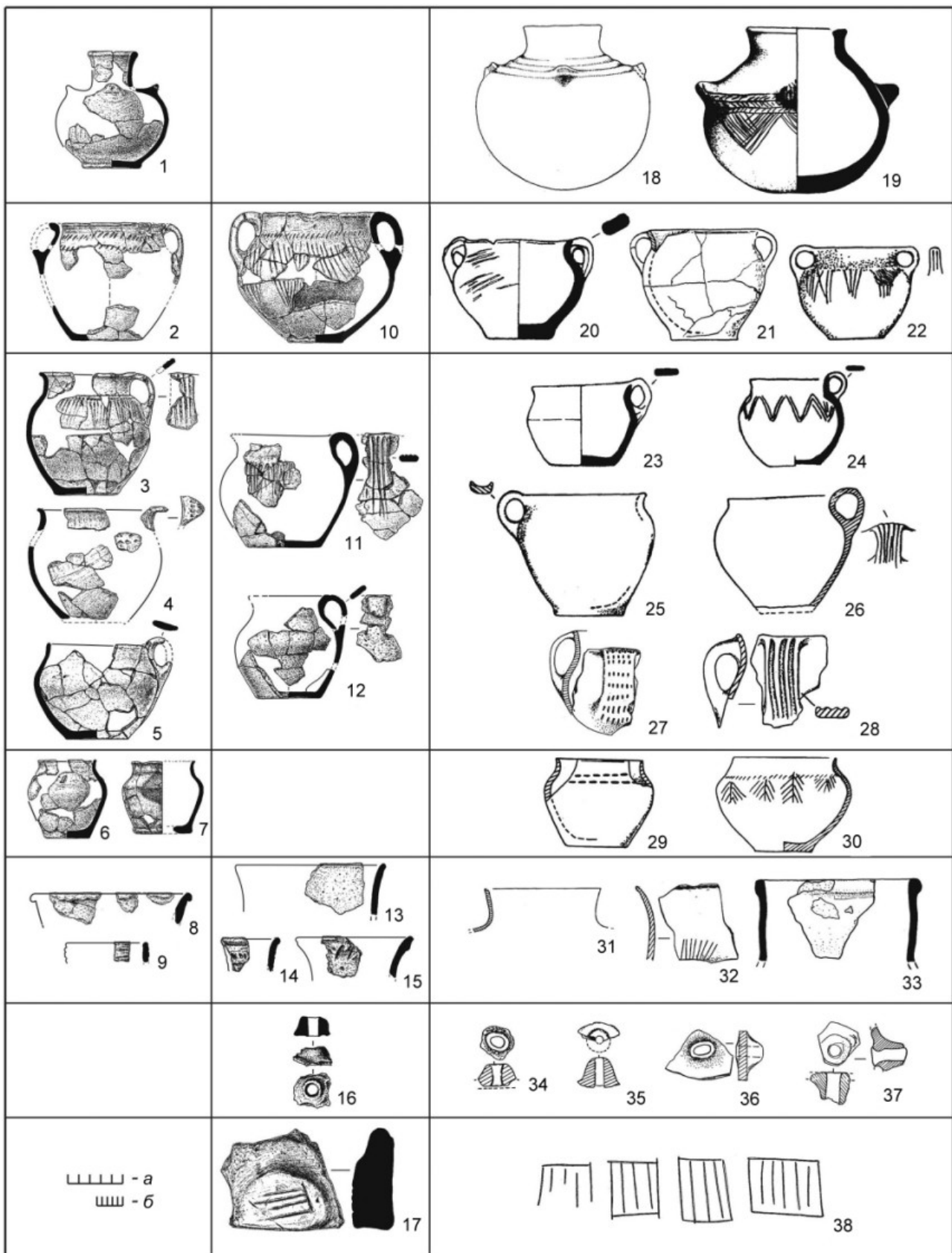
Среди развалов посуды и отдельных фрагментов керамики встречены: отогнутый венчик горшка, на горле которого имеются отпечатки наколов палочкой и прочерченная горизонтальная линия (рис. 6, 20); отогнутый венчик сосуда с валиком, рассеченным косыми ногтевыми вдавлениями по горлу (рис. 6, 21); фрагменты стенки с сосцевидным налепом (рис. 6, 22); обломок ленточной ручки с вертикальными желобками (рис. 6, 23); фрагменты венчика, предположительно, с прилепом петельчатой ручки (рис. 6, 24); отогнутые венчики двух небольших коричневоглиняных горшков (рис. 6, 25, 26); кувшинчик высотой 9 см с вертикальной петельчатой ручкой (рис. 6, 28); фрагмент дна с низким кольцевым поддоном (рис. 6, 29); фрагмент плоского дна (рис. 6, 30). Следует отметить фрагмент горла сосуда, сформованного кольцевыми жгутами-валиками (рис. 6, 27). Такая керамика характерна для керамического комплекса расположенного вблизи этого объекта поселения финала бронзового века. Возможно, она маркирует время ограбления этого захоронения.

Период Шушук-I: выделение хронологических групп

Как было отмечено, основным хронологическим маркером служит металлический инвентарь из объектов. Для первой группы это подвески простых форм (каплевидной,

Рис. 6. Инвентарь погребальных объектов среднего бронзового века археологического комплекса Шушук. Хронологическая группа 2: 1–5, 11–16 — Шушук-57, погребение № 1; 6–8, 17, 19 — Шушук-51, погребение № 2; 9, 10, 32 — Шушук-76, погребение № 1; 18 — Шушук-51, вне комплекса; 20, 27, 31 — Шушук-76, вне комплекса; 21, 25, 29, 30 — Шушук-76, развал керамики 2; 26, 28 — Шушук-76, развал керамики 3. Масштаб: а — для № 1–10; б — для № 11–31; в — для № 32. 1, 2, 9 — бронза; 3 — раковина; 4 — кальцит; 5, 8 — зубы животных; 6 — фаянс; 7, 10 — сердолик; 11–30 — керамика; 31, 32 — камень

Fig. 6. Grave inventory of burials of the Middle Bronze Age at the archaeological complex of Shushuk. Chronological group 2: 1–5, 11–16 — Shushuk-57, burial no. 1; 6–8, 17, 19 — Shushuk-51, burial no. 2; 9, 10, 32 — Shushuk-76, burial no. 1; 18 — Shushuk-51, outside the complex; 20, 27, 31 — Shushuk-76, outside the complex; 21, 25, 29, 30 — Shushuk-76, heap of sherds no. 2; 26, 28 — Shushuk-76, heap of sherds no. 3. Scale: a — for nos. 1–10; b — for nos. 11–31; v — for no. 32. 1, 2, 9 — bronze; 3 — shells; 4 — calcite; 5, 8 — animal teeth; 6 — faience; 7, 10 — cornelian; 11–30 — ceramics; 31, 32 — stone

клиновидной) (рис. 2, 1, 16), являющиеся древнейшими экземплярами мелкой декоративной пластики Северного Кавказа, которая отливалась по восковым выплавляемым моделям. Очевидно, к таковым следует отнести и двухлопастную подвеску редкого типа (рис. 2, 18). Аналогии ей имеются в составе ожерелья с каплевидными подвесками в кургане «Баба» у ст. Константиновская на Нижнем Дону (Братченко, 1976. С. 196, табл. I, 3). Круглая форма и небольшие размеры височных колец (рис. 2, 5, 6, 17, 22–24) также характерны для ранних памятников среднего бронзового века (Ростунов, Хашегульгов, 1985; Гей, 2000).

Металлические изделия второй хронологической группы в целом несут признаки среднего бронзового века, преимущественно конца раннего — первой половины позднего его этапа. Показательно, например, сочетание древних типов с дериватами в объекте Шушук-42, погребение № 1, — самом емком по количеству и вариативности металла. Среди уплощенных подвесок отметим крупный экземпляр, покрытый имитацией шнура (рис. 4, 1), и мелкие изделия с гладким и рифленным корпусом — ее модификации (рис. 4, 11). То же касается подвесок-медальонов, крупная кольцевая разновидность которых

с перекладиной и шнуровым орнаментом (рис. 4, 13) имеет хронологический приоритет перед мелким дисковидным с концентрическим рифлением изделием (рис. 4, 12). Смешение традиций и новаций наблюдается в морфологии височных колец (рис. 4, 6, 7, 21–23), согнутых из уплощенных и круглых проволок с заведением концов (ранний признак) на оправках округлого и овального (поздний признак) профилей. В общие хронологические пределы второй группы укладываются подвески с окончанием в виде грибовидной шляпки (модификация каплевидных) (рис. 6, 9), рифленные подвески с двухшариковым окончанием (рис. 6, 1, 2) и орнаментированные бусы (рис. 4, 2, 14, 33) (Братченко, 1976; 2001; Смирнов, 1996; Клещенко, 2011; Труды, 2002. Рис. 56, 6, 10; и др.).

Керамика первой хронологической группы представлена несколькими диагностируемыми формами. Первая — высокогорлые плоскодонные амфорки с четырьмя симметрично расположенными на плечике вертикально проколотыми ручками-выступами (рис. 3, 4; 7, 1). Вторая и третья формы: двуручный сосуд (рис. 3, 3; 7, 2) и несколько одноручных сосудов-кувшинов (рис. 3, 5, 6, 8, 18, 19; 7, 3–5). Ручки ленточные, уплощенные

Рис. 7. Сравнительная таблица отдельных керамических форм (1–16, 18–38) и каменного предмета (17) из погребальных объектов археологического комплекса Шушук и синхронных им памятников эпохи бронзы Предкавказья: 1–9 — первая хронологическая группа археологического комплекса Шушук; 10–17 — вторая хронологическая группа археологического комплекса Шушук; 18, 19 — северокавказская культура Закубанья (Клещенко, 2013. Рис. 1, 3, 14); 20, 23, 24 — новотиторовская культура Прикубанья (Гей, 2000. Рис. 42, 7, 9, 12); 21, 22, 25, 31 — дольменные могильники Кизинка и Дегуакская поляна (Марковин, 1997. Рис. 23, 7; 103, 1, 2, 7); 26, 30, 33, 37 — поселение Старчики (Рысин, 1984. Табл. VIII, 4; 1985. Табл. 12, 2; 1986. Табл. III, 2; IX, 4); 27–29, 32, 34–36 — Дегуакско-Даховское поселение (Марковин, 1997. Рис. 109, 2; 111, 17; 113, 6; 114, 29; 118, 9; 115, 33); 38 — батуринская культура Прикубанья (Гей, 2016. Ил. 201). Масштаб: а — для № 1–16, 18–38; б — для № 17

Fig. 7. Comparative table of particular pottery forms (1–16, 18–38) and a stone object (17) from burials of the archaeological complex of Shushuk and synchronous sites of the Bronze Age of the Transcaucasia: 1–9 — the first chronological group of the archaeological complex of Shushuk; 10–17 — the second chronological group of the archaeological complex of Shushuk; 18, 19 — North Caucasian culture of the Trans-Kuban region (Клещенко, 2013. Fig. 1, 3, 14); 20, 23, 24 — Novotitorovskaya culture of the Kuban region (Гей, 2000. Fig. 42, 7, 9, 12); 21, 22, 25, 31 — dolmen cemeteries of Kizinka and Deguakskaya Polyana (Марковин, 1997. Fig. 23, 7; 103, 1, 2, 7); 26, 30, 33, 37 — settlement of Starchiki (Рысин, 1984. Table VIII, 4; 1985. Table 12, 2; 1986. Table III, 2; IX, 4); 27–29, 32, 34–36 — Deguakskoye / Dakhovskoye settlement (Марковин, 1997. Fig. 109, 2; 111, 17; 113, 6; 114, 29; 118, 9; 115, 33); 38 — Baturin culture of the Kuban region (Гей, 2016. Il. 201). Scale: а — for nos. 1–16, 18–38; б — for no. 17

в сечении, некоторые экземпляры с внешней стороны украшены параллельными линиями. Вероятно, отдельные находки ручек с аналогичным орнаментом (рис. 3, 7, 20) могли принадлежать таким же сосудам. Тулово одного из кувшинов украшено свисающими вниз удлинёнными треугольниками из прочерченных линий (рис. 3, 5). Близкий орнамент присутствует и на отдельных фрагментах стенок (рис. 3, 14). Другой вариант орнамента — в виде коротких овальных или круглых вдавлений — присутствует как на диагностируемых формах (рис. 3, 3, 5, 19), так и на отдельных фрагментах (рис. 3, 15). Иногда прочерченные линии и вдавления сочетаются (рис. 3, 20, 21). Четвертая диагностируемая форма — небольшие неорнаментированные горшки средних и немного вытянутых пропорций (рис. 3, 9, 10; 7, 6, 7). Отдельную форму представляют собой миски различных размеров (рис. 3, 13, 23). Из неполных форм следует отметить растробовидный и цилиндрический венчики сосудов, в том числе с наплывами по внешнему краю (рис. 3, 9, 10, 17; 7, 8, 9).

Полные аналогии четырехручной амфорке (первой формы) в материалах раннего этапа среднего бронзового века Предкавказья отсутствуют. Наиболее близкие параллели обнаруживают сосуды из погребений позднего этапа северокавказской культуры Закубанья, объединенные в тип I, а также их аналогии из синхронных подкурганых погребений Предкавказья (Клещенко, 2013. С. 38, рис. 1). Однако на большинстве из них ручки находятся в месте наибольшего расширения тулова, в то время как на амфорке из Шушука они расположены на плечике — по этому критерию к ней наиболее близки сосуды из позднесеверокавказских погребений Ипподромный 5/8⁵ (Закубанье, ст. Мостовская) и Нежинский II 5/16 (Кавминводы) (рис. 7, 18, 19). Однако обе амфорки имеют округлое дно, невысокое горло и более крупные размеры. Здесь важно

⁵ Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем номер погребения: Ипподромный 5/8 соответствует Ипподромный могильник, курган 5, погребение 8.

отметить, что обе эти находки, как в целом этот тип сосудов, могут быть датированы позднее, чем рассматриваемая здесь первая хронологическая группа, то есть XXVI–XXV вв. до н. э.

Сосуды с двумя ленточными ручками имеют широкий спектр аналогий в предкавказских памятниках первой половины III тыс. до н. э. К наиболее ранним из них следует отнести находки в погребениях новотиторской культуры в Прикубанье (Гей, 2000. С. 141, рис. 42, 11–14). Схожесть их с сосудом из Шушука-75 подчеркивается креплением прилепа ручек к краю венчика (рис. 7, 20). Интересно, что в синхронных новотиторской культуре раннесеверокавказских памятниках Закубанья такая форма практически неизвестна. Исключение составляет двуручный сосуд из погребения Уляп 17/2 (Клещенко, 2013. С. 39, рис. 2, 16), отличающийся формой и размерами ручек. Наиболее близкие аналогии двуручному сосуду из Шушука-75 в Закубанье известны из дольменных памятников: поселение Старчики (Рысин, 1985. Табл. 9, 7), Кизинка, дольмен № 74 и Дегуакская поляна, дольмен № 84 (Марковин, 1997. Рис. 23, 7; 103, 2, 3) (рис. 7, 21, 22). Причем сосуды из Дегуакской поляны имеют орнаментацию в виде удлинённых прочерченных свисающих вниз треугольников, характерную для сосудов с ручками из различных объектов археологического комплекса Шушук.

Сосуды с одной ленточной ручкой (кувшины) наиболее часто встречаются среди диагностируемых керамических форм раннего периода функционирования археологического комплекса Шушук. Они имеют аналогии в тех же новотиторских памятниках Прикубанья первой четверти III тыс. до н. э. (рис. 7, 23, 24) и отсутствуют среди северокавказской керамики Закубанья (Клещенко, 2013. С. 39, рис. 2). Особенно распространены сосуды таких форм в дольменных памятниках Закубанья, как в дольменах, так и на поселениях (Марковин, 1997. Рис. 103, 1; 118, 9; Рысин, 1985. Табл. 12, 3; 1986. Табл. IX, 4) (рис. 7, 25, 26).

Помимо восстанавливаемых форм сосудов с одной / двумя ручками в дольменных

материалах Закубанья встречается значительное число находок ручек в основном с прочерченным орнаментом, а также украшенных группами коротких вдавлений (*Марковин*, 1997. Рис. 111, 7, 17; 115, 21; 116, 10, 28, 29; 118, 23; 119, 21; 120, 12, 22; 122, 15, 39) (рис. 7, 27, 28). Здесь также отметим, что традиции профилировки ручек прочерченными линиями в Предкавказье, имеющие место в материалах недольменных памятников, особенно распространяются уже в третьей четверти III тыс. до н. э. на памятниках батуринской позднекатакомбной культуры Прикубанья (*Гей*, 1995. С. 4–9, рис. 1, 2, 5; 2, 2; 3, 7).

Еще одной формой, представленной в керамической серии первого периода археологического комплекса Шушук, являются небольшие горшки средних и немного вытянутых пропорций. При общей примитивности формы горшки из Шушука имеют такие характерные детали помимо пропорций, как довольно резкий перегиб профиля тулова в верхней трети и плавный изгиб венчика. Эти признаки суживают круг аналогий этой форме сосудов на территории Предкавказья. Можно отметить некоторое сходство шушукских горшков с находками из Дегуакско-Даховского поселения (*Марковин*, 1997. Рис. 114, 13) и поселения Старчики (*Рысин*, 1986. Табл. III, 2) (рис. 7, 29, 30). В новотиторовских и в ранне-северокавказских памятниках горшки с такой профилировкой неизвестны.

Равным образом в указанных двух культурных традициях отсутствует последняя диагностируемая форма керамики — миски. Несмотря на чрезвычайную распространенность мисок в предкавказских памятниках раннего бронзового века, где они составляли около четверти от всей керамики из погребений (*Клещенко*, 2019. С. 139), в «курганных» культурах среднего бронзового века эта форма известна только в виде небольших серий высоких открытых сосудов или миниатюрных чашечек. В то же время в дольменных памятниках Закубанья миски составляют значительную долю керамики (*Марковин*, 1997. Рис. 58, 1; 108, 1, 2; 111, 2, 3, 23, 24; 113, 15; 114, 14, 15; 115, 4; 116, 1, 8, 24, 25; 118, 14, 15, 27, 28;

119, 13–15; 120, 1–3; 123, 5, 6, 9; *Рысин*, 1985. Табл. 8, 8; 1986. Табл. V, 6).

Полные формы сосудов с высоким рас­т­рубовидным или цилиндрическим горлом в объектах могильника Шушук не сохранились. Неизвестны полные формы и в других дольменных памятниках Закубанья, в то время как их фрагменты представлены в относительно большом количестве (*Марковин*, 1997. Рис. 176, 6; 103, 7; 111, 11; 113, 6; 116, 22; 120, 20; *Рысин*, 1984. Табл. V, 2; VI, 1, 2; VIII, 4) (рис. 7, 31–33). Надо отметить, что наряду с мисками сосуды с высоким горлом в подкурганных погребениях первой половины III тыс. до н. э. также практически неизвестны.

В целом керамика первой хронологической группы имеет определенные связи с синхронными традициями новотиторовской культуры Прикубанья, наряду с практически невыраженными контактами с соседними ранними северокавказскими традициями Закубанья. Это неудивительно, учитывая в целом «несамостоятельный характер» керамического комплекса ранних северокавказских памятников, который, по всей видимости, сложился под влиянием тех же новотиторовских традиций. В этой связи наличие в Шушук амфорки в горизонте находок первой четверти III тыс. до н. э. особенно интересно и позволяет поставить вопрос о происхождении этого типа посуды на памятниках развитого этапа северокавказской культуры Закубанья. Немаловажно отметить также полное отсутствие на керамике могильника Шушук шнурового орнамента, достаточно характерного для орнаментации сосудов первой половины III тыс. до н. э. в степной зоне Предкавказья, а также наличие высокогорлых сосудов и мисок, имеющих аналогии исключительно в дольменных памятниках Закубанья.

Керамика второй хронологической группы отчасти продолжает традиции первого периода: здесь встречены как двуручный сосуд (рис. 5, 19; 7, 10), так и целая серия одно­ручных сосудов (кувшины) (рис. 5, 12, 20, 22; 6, 28; 7, 11, 12), а также фрагменты сосудов с высоким горлом (рис. 5, 1, 2; 6, 20, 21; 7, 13–15) и миски (рис. 5, 9, 11).

Среди нехарактерных для первой хронологической группы находок имеется носик-слив (рис. 6, 18; 7, 16). Фрагменты таких носиков хорошо известны в дольменных памятниках Закубанья: на Дегуакско-Даховском поселении (Марковин, 1997. Рис. 109, 2; 115, 33) и на поселении Старчики (Рысин, 1985. Табл. 12, 2) (рис. 7, 34–37). В. И. Марковин называл их «носиками чайников» (Марковин, 1978. С. 239–240, рис. 120, 7–9), однако такое заключение остается под вопросом, так как пока неизвестны их целые формы.

Отметим значительную вариативность форм венчиков. Здесь присутствуют открытые формы различных размеров (рис. 5, 6–8, 23), с резким перегибом (рис. 5, 15, 16, 25, 30) и слабопрофилированные (рис. 5, 13, 14, 24, 31, 32; 6, 11–14, 24–26). К последним следует отнести реконструируемую форму высокого горшковидного сосуда с обломанной ручкой-выступом (рис. 6, 17). Горшки с такими ручками-выступами обнаружены среди материалов дольмена № 9 могильника Шушук, исследованного А. Д. Резепкиным в 2013 г. (Резепкин, 2013. Табл. 11, 2, 3). В керамике этого периода присутствуют фрагменты донцев сосудов с выраженной закраиной (рис. 5, 4, 5) и даже поддоном (рис. 6, 29).

Орнаментация сосудов в целом близка традициям первой хронологической группы: прочерченные линии и треугольники, округлые и другие вдавления. Однако имеются несколько фрагментов стенок с рассеченными горизонтальными валиками (рис. 5, 10, 27), а также небольшими сосцевидными налестками (рис. 5, 28; 6, 22), которые указывают на более поздние традиции, относящиеся к третьей четверти III тыс. до н. э. В этом отношении интересна аналогия орнаменту на каменном изделии из погребения № 1 объекта Шушук-76, обнаруженная на реповидном сосуде батуринской культуры в Прикубанье (Гей, 2016. Т. 2, ил. 201) (рис. 7, 17, 38).

Находка каменного сверленого топора среди объектов первой хронологической группы (рис. 2, 11) в целом является достаточно редкой для памятников среднего бронзового века Закубанья. В погребальных памятниках

первой половины III тыс. до н. э. всего были известны три находки таких изделий. Согласно новейшей классификации каменных сверленых топоров, целый экземпляр из Шушука относится к редкому подтипу I.1.3: топоры с втулкой между лезвийной и обушковой частью, слабоизогнутые, длинные (Клещенко, 2018а. С. 170–172, 214, рис. 11). Наиболее близкой аналогией этому топору является орудие из ямного погребения 2/10 могильника Молодежный в Прикубанье (ст. Брюховецкая, раскопки В. А. Тарабанова 1992 г.) (Там же. С. 214, рис. 11, 2.21), относящегося к началу III тыс. до н. э. Это косвенно подтверждает отнесение шушукского топора именно к этому хронологическому горизонту. Фрагмент второго топора из этого же комплекса (рис. 2, 12) неинформативен для классификации, но по сохранившейся части достоверно относится к типу I — со втулкой между лезвийной и обушковой частью.

Находка кремневого выемчатого наконечника стрелы (рис. 3, 24) — также редкое явление для погребальных памятников среднего бронзового века Закубанья. Его морфология позволяет с большой долей уверенности относить данный предмет к одному из самых ранних в пределах III тыс. до н. э. в Предкавказье. Аналогии ему в основном происходят из курганных погребений ямной, новотиторовской и северокавказской культур (Клещенко, 2018б. С. 91, рис. 1).

К необычным для погребальных памятников среднего бронзового века Северо-Западного Кавказа следует отнести находки дисковидных каменных предметов с отверстиями, условно называемых здесь подвесками, которые обнаружены в комплексах обеих хронологических групп (рис. 2, 14; 4, 24). Среди морфологически и территориально сравнительно далеких аналогий можно привести лишь один предмет, найденный в позднесеверокавказском погребении Марьинская-5 1/26 в Центральном Предкавказье (Канторович, Маслов, 2009. Рис. 306, 2).

Из предметов, маркирующих вторую хронологическую группу, помимо литых металлических предметов следует выделить

сердоликовые (рис. 4, 30, 36, 40; 6, 7, 10) и фаянсовые (рис. 4, 31, 37, 41; 6, 6) бусы и бисер. Если единичная находка фаянса присутствует и в первой группе (рис. 2, 26), то наличие сердолика следует считать особенностью именно поздних комплексов в пределах среднего бронзового века. Для территории Северного Кавказа этот вывод подтверждается материалами других культурных традиций, в частности погребениями северокавказской культуры (Клещенко, 2011. С. 255, рис. 43).

Другой относительно массовой категорией украшений из материалов⁶ археологического комплекса Шушук являются тонкие дисковидные бусины из стенок раковин, обнаруженные как в объектах первой (рис. 2, 8, 19), так и второй (рис. 4, 9, 29; 6, 3) хронологических групп. Находки таких изделий в погребальных памятниках первой половины III тыс. до н. э. по имеющимся источникам неизвестны. Однако они встречены в комплексах батуринской культуры третьей четверти III тыс. до н. э. — на территории соседнего Прикубанья, в частности в захоронениях кургана 1 могильника у ст. Батуринской (Бочкарёв, 1979. Рис. 17, 32). Наряду с отмеченными аналогиями в керамическом производстве это может указывать на продолжение в позднекатакомбное время традиций некоторых форм украшений первой половины III тыс. до н. э.

Наиболее массовой находкой среди украшений в объектах археологического комплекса Шушук являются подвески из зубов животных (рис. 2, 10, 32; 4, 10, 32, 34; 6, 5, 8), как и подвески сходных форм из кальцита с оригинальным орнаментом (с одной стороны — выступ в виде бугорка, с другой — луновидная прорезь) (рис. 2, 20, 33). Интересно, что подвески из зубов одинаково представлены как в первой, так и во второй хронологической группе, в то время как кальцитовые их аналоги маркируют именно ранний горизонт. Здесь следует также отметить, что подвески

из зубов (предположительно оленя), являясь довольно ярким маркером предшествующих раннебронзовых погребальных комплексов Северного Кавказа (в том числе Закубанья), на памятниках среднего бронзового века (кроме археологического комплекса Шушук) практически неизвестны. Это может указывать на местное (узколокальное) продолжение здесь традиций изготовления этой категории украшений. Мы также можем указать на находку подвески из «зуба мудрости оленя» в погребении, раскопанном П. У. Аутлевым на Богатырской поляне: это неглубокая яма внутри ящика-рамы из плит песчаника, вполне сопоставимая с погребальными конструкциями археологического комплекса Шушук (Аутлев, 1972. С. 50–51, 53, рис. 2, 20; 4).

В заключение отметим, что исследование и анализ материалов погребальных объектов среднего бронзового века (период Шушук-I) показывают, что переход к «постдольменной» традиции, заключавшейся в сооружении погребальных конструкций в виде ящиков-рам, в которых часто использовались плиты дольменов или их фрагменты, начинается уже в первую половину III тыс. до н. э. Возможно, появление этого обряда в предгорьях Западного Кавказа следует связывать с притоком нового населения, а также с влиянием традиции деревянных рам погребальных конструкций северокавказской культуры. Отметим, что палеогенетическое исследование митохондриальной ДНК десяти погребенных из трех погребальных объектов среднего бронзового века показало определенное родство. Все они относились к мит-гаплогруппе Н, которая отсутствовала в соседнем дольменном могильнике Шушук позднего бронзового века (Эрлих и др., 2020. В печати). Дальнейшее изучение материалов погребальных объектов археологического комплекса Шушук периодов Шушук-II и Шушук-III (II тыс. до н. э.), сохраняющих черты «постдольменного» обряда раннего периода, а также продолжающееся полевое исследование этого памятника позволят прояснить вопрос непрерывности в использовании некрополя одним и тем же населением.

⁶ Классификация мелких неметаллических украшений из погребальных комплексов среднего бронзового века Северного Кавказа в настоящее время не разработана и ждет своего исследователя.

- Аутлев, 1972* — *Аутлев П. У.* Новые памятники бронзового века в Прикубанье // Сборник материалов по археологии Адыгеи / Отв. ред. Н. В. Анфимов, П. У. Аутлев. Майкоп: Изд-во Адыгполиграфобъединения, 1972. Т. III. С. 47–59.
- Бочкарёв, 1979* — *Бочкарёв В. С.* Отчет о работе Батуринского отряда Кубанской экспедиции за 1979 г. в Брюховецком районе Краснодарского края // НОА ИА РАН. Р-1. № 7581.
- Братченко, 1976* — *Братченко С. Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). Киев: Наукова думка, 1976. 251 с.
- Братченко, 2001* — *Братченко С. Н.* Донецка катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. Час. I. 76 с. Час. II. 124 с.
- Гак, 2016* — *Гак Е. И.* Этапы трансформаций в металлопроизводстве среднего бронзового века на территории степного Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите — бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.): Материалы круглого стола, посвящ. 80-летию со дня рождения С. Н. Братченко / Отв. ред. В. А. Алёшин. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 74–79.
- Гак, 2019* — *Гак Е. И.* Две фазы развития в металлопроизводстве раннего этапа средней бронзы Предкавказья и юго-востока Русской равнины // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рожд. выдающ. археолога В. С. Бочкарёва / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 146–148.
- Гак, Калмыков, 2013* — *Гак Е. И., Калмыков А. А.* Металлический инвентарь курганных погребений позднемного—раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа / Отв. ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2013. Вып. XI. С. 117–158.
- Гей, 1995* — *Гей А. Н.* Батуринская катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М.: Б. и., 1995. Вып. 1. С. 4–14.
- Гей, 2000* — *Гей А. Н.* Новотиторовская культура. М.: Старый сад, 2000. 224 с.
- Гей, 2016* — *Гей А. Н.* Отчет о раскопках кургана № 4 курганного могильника Межжирпильский I в Усть-Лабинском районе Краснодарского края в 2016 году // НОА ИА РАН. Р-1. б/н.
- Канторович, Маслов, 2009* — *Канторович А. Р., Маслов В. Е.* Отчет о раскопках кургана № 1 курганного могильника «Марьинская-5» в 2009 г. // НОА ИА РАН. Р-1. № 30306–30307.
- Клещенко, 2011* — *Клещенко А. А.* Северокавказская культура Закубанья: Дис. ... канд. ист. наук (рукопись). М., 2011. 262 с. // НОА ИА РАН. Р-2. № 2801.
- Клещенко, 2013* — *Клещенко А. А.* Керамический комплекс закубанского варианта северокавказской культуры // РА. 2013. № 2. С. 37–43.
- Клещенко, 2018а* — *Клещенко А. А.* Каменные втульчатые топоры эпохи средней бронзы Предкавказья: классификация и хронология // Археологические памятники и межкультурные феномены энеолита и бронзового века / Отв. ред. М. В. Андреева. М.: ИА РАН, 2018. С. 154–252.
- Клещенко, 2018б* — *Клещенко А. А.* Кремневые выемчатые наконечники стрел эпохи средней бронзы Предкавказья // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Материалы междунар. науч. конф. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: Карач.-Черкес. гос. ун-т им. У. Д. Алиева, ИА РАН, 2018. С. 89–92. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-8307-0528-8.
- Клещенко, 2019* — *Клещенко А. А.* Новейшие исследования погребений майкопской культуры в Баксанском ущелье и их интерпретация // Горы Кавказа и Месопотамская степь на заре бронзового века: Сб. к 90-летию Р. М. Мунчаева / Отв. ред. Х. А. Амирханов. М.: ИА РАН, 2019. С. 130–154.

- Марковин, 1978 — Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.: ИА РАН, 1978. 328 с.
- Марковин, 1997 — Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.: ИА РАН, 1997. 403 с.
- Резепкин, 2013 — Резепкин А. Л. Отчет о раскопках Майкопской экспедиции дольменного могильника «Шушук» в Майкопском районе Республики Адыгея в 2013 году // НОА ИА РАН. Р-1. № 41246.
- Ростунов, Хашегульгов, 1985 — Ростунов В. Л., Хашегульгов Б. М. К хронологии височных подвесок в 1,5–2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа / Отв. ред. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова, 1985. С. 41–55.
- Рысин, 1984 — Рысин М. Б. Отчет о разведках на поселении Старчики под станицей Новосвободной в Майкопском районе Краснодарского края в 1984 году // НОА ИА РАН. Р-1. № 10562.
- Рысин, 1985 — Рысин М. Б. Отчет Майкопского отряда Кубанской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР о раскопках поселения Старчики в 1985 году // НОА ИА РАН. Р-1. № 10920.
- Рысин, 1986 — Рысин М. Б. Отчет о работах на поселении Старчики Майкопского района Адыгейской АО в 1986 году // НОА ИА РАН. Р-1. № 12439.
- Смирнов, 1996 — Смирнов А. М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.: ИА РАН, 1996. 182 с.
- Труды, 2002 — Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Ростов н/Д., 2002. Вып. 6. 102 с.
- Эрлих, 2018 — Эрлих В. Р. Постдольменный горизонт на Северо-Западном Кавказе // КСИА. 2018. Вып. 250. С. 7–24.
- Эрлих, Годизов, 2018 — Эрлих В. Р., Годизов Г. Л. Мегалитический ансамбль Шушук-75-76: к проблеме культурной атрибуции // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Материалы междунар. науч. конф. Карачаевск, 22–29 апреля 2018 г. / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: Карач.-Черкес. гос. ун-т им. У. Д. Алиева, ИА РАН, 2018. С. 155–158. DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-8307-0528-8.
- Эрлих, Годизов, 2020 (в печати) — Эрлих В. Р., Годизов Г. Л. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции / Отв. ред. М. С. Гаджиев. Махачкала: Издательский дом «Мавраевъ», 2020.
- Эрлих и др., 2020 (в печати) — Эрлих В. Р., Гак Е. И., Клещенко А. А., Шарко Ф. С., Булыгина Е. С., Слободова Н. В., Недолужко А. В. Ранняя группа коллективных погребений археологического комплекса Шушук (Северо-Западный Кавказ): материальная культура, абсолютная хронология, палеогенетическое исследование // Материалы VI ВАС. Самара, 2020.

Burials of the Middle Bronze Age at the archaeological complex of Shushuk

V. R. Erlikh, E. I. Gak, A. A. Kleshchenko

The discovery and first seasons of investigation of the archaeological complex of Shushuk in the foothills of the North-Western Caucasus near the village of Pobeda in the Maykop district of Adygeya have allowed the archaeologists to distinguish a new type of megalithic burial structures named 'boxes-frames' where slabs from destroyed dolmens were reused. By now, 27 from the 150 funerary and ritual objects have been here investigated.

Examination of the evidence from the site allows us to distinguish three periods of its occupation. One is dated to the Middle Bronze Age, while the two others belong to the Late Bronze Age or its final period. In the paper here published, the earlier period of the use of the cemetery is considered. Two chronological groups are distinguishable among the series of objects of the Middle Bronze Age in the archaeological complex of Shushuk. The division is based on the changes discriminated among the sets of metal decorative objects. These changes are traceable through materials from stratified kurgan sites of the Ciscaucasia dated through cross-parallels and ^{14}C analysis.

The first chronological group (28th–27th century BC) (Fig. 1, 1–3; 2; 3) includes burials nos. 1 and 2 at the site of Shushuk–New-6 and burials nos. 1 and 2 at the site of Shushuk-75. Only burial no. 2 Shushuk-75 has a dolmen construction while the other burials are attributable to the post-dolmen tradition since they were made in boxes-frames. Of this period, bronze pendants of simple forms are typical. Small temple rings of round outlines are also characteristic of sites of the beginning of the Middle Bronze Age. Among other early chronological indicators of this group, there are stone axes of the early sub-type, arrowheads and calcite imitations of pendants from animal teeth.

Second chronological group (26th–24th century BC) (Fig. 1, 4–7; 4; 5; 6) comprises the sites of Shushuk-42, Shushuk-74 (2 burials), Shushuk-49, Shushuk-51, Shushuk-76, and Shushuk-57. Most of the burials are made in 'boxes-frames' covered with a stone heap and only the burial at site Shushuk-57 was placed in a pit eroded in the virgin gypsum. The metal objects of the second chronological group are marked by transition signs of the second half of the early and first half of the late Middle Bronze Age. Of note is a combination of earlier types of ornaments with their later modifications: large and small flattened pendants, large and small medallion-pendants, temple rings of circular and oval forms with overlapped ends. The pottery complex of this chronological group, in general, originates from the precedent period. Notable are also innovations, appearance of cornelian beads and faience spacer-beads.

Классификация и хронология металлических подвесок в виде бараньих голов среднего бронзового — раннего железного века Центрального Кавказа

Е. Е. Васильева¹

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы классификации и хронологии одной из наиболее интересных категорий погребального инвентаря населения Центрального Кавказа среднего бронзового — раннего железного века. Речь идет о бронзовых подвесках в виде бараньих голов. В большинстве случаев они происходят из ограбленных комплексов. Утерянный археологический контекст и специфика материала осложнили введение в научный оборот этих изделий. Согласно морфологическим признакам подвески можно разделить на две группы: с горизонтальной и вертикальной петлей. Оказалось, что выделенные группы отражают временные изменения подвесок, что позволило отнести их к двум хронологическим периодам — докобанскому и кобанскому, которые также отличаются по составу металла.

Annotation. This paper considers the questions of classification and chronology of one of the most interesting categories of grave goods of the population of the Central Caucasus of the Middle Bronze Age and Early Iron Age. The artefacts concerned are bronze pendants in the shape of ram's heads. Mostly they come from looted contexts. Lost archaeological context and the specifics of the material are complicating factors in the introduction of these objects into scientific consideration. An examination of the morphological features of the pendants has enabled us to divide them into two groups: those with a horizontal and a vertical loop. It turned out that the groups distinguished correspond to the changes in time of the pendants enabling us to date them to two chronological ranges — pre-Koban and Koban periods. These groups also differ in the composition of the metal.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, средний бронзовый век, поздний бронзовый век, ранний железный век, кобанская культура, бронзовые изделия, подвески в виде бараньих голов, классификация, хронология.

Keywords: Central Caucasus, Middle Bronze Age, Late Bronze Age, Early Iron Age, Koban culture, bronze artefacts, pendants in the shape of ram's heads, classification, chronology.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-279-305

Введение

Данная статья посвящена металлическим подвескам в виде бараньих голов, происходящим из памятников Центрального Кавказа конца среднего бронзового — раннего железного века. Эти эффектные предметы,

с большим искусством выполненные древними мастерами, неизменно привлекали к себе внимание специалистов и просто любителей старины. Большинство исследователей связывают их с памятниками кобанской культуры (Уварова, 1900. С. 280, 312, табл. ХСІІІ, 3, 4; СХVІІІ, 1; Чишев, 2007а. С. 243–244, рис. 3, 22, 23; 7, 37, 38; Вольная, Найфонова, 2016. С. 5–23; Козенкова, 2017. С. 40–42).

¹ Отдел археологии Восточной Европы и Сибири, Гос. Эрмитаж; Дворцовая наб., д. 34, г. Санкт-Петербург, 191181, Россия; E-mail: xugaida@mail.ru.

Великолепные бронзовые предметы, ставшие достоянием общественности после открытия могильника в селении Верхний Кобан во второй половине XIX в., вызвали небывалый интерес к кавказским древностям. Помимо раскопок Кобанского могильника, начались раскопки и других памятников. К сожалению, в те годы преобладали грабительские «изъятия вещей», что привело к полной утрате ряда археологических памятников Центрального Кавказа (Скаков, 1999. С. 121; Мошинский, 2006. С. 6; ИАК, 2009. С. 716–718). Владикавказ был центром по продаже в частные коллекции и музеи предметов разных хронологических периодов из древних могильников (Вольная, 2010. С. 334–335). В результате крупнейшие музеи мира сегодня обладают прекрасными, но в основном «депозитизованными» находками с территории современной Осетии.

Большие коллекции из кавказских могильников, насчитывающие несколько сотен номеров и включающие в себя, как уникальные, так и серийные предметы, долгое время оставались лежать «мертвым грузом» в музеях, и казалось, были потеряны для науки. Раскопки кобанских памятников в советское время и в начале XXI в. не только пополнили исследовательскую базу новыми находками, но также дали необходимую информацию о памятниках: древности Центрального Кавказа постепенно стали занимать свое место в типологиях и хронологических периодах (например, Журавлёв, Мошинский, 1994; Козенкова, 1996. Табл. I; Мошинский, 1998; Скаков, 1997; Мошинский, 1999; 2000; 2006; Reinhold, 2007; Чшиев, 2017). Долгое время большой пробел наблюдался в исследовании бронзовой зооморфной пластики, которой чрезвычайно богата кобанская культура.

Металлические фигурки животных — специфический археологический источник. Все они лепились из воска и отливались в технике утрачиваемой модели. Каждая из них индивидуальна и является результатом художественного творчества конкретного мастера. Все это характеризует зооморфные фигурки из памятников Центрального Кавказа эпохи

бронзы — раннего железного века, в том числе подвески в виде бараньих рогов. Главной проблемой в их изучении является нехватка полноценных закрытых комплексов: они оказались лишены культурного контекста — отсутствуют данные о составе сопутствующего инвентаря, местоположении подвесок относительно погребенного, особенностях погребального обряда. Иногда неизвестно, из какого памятника происходят находки. В фондах музеев, как правило, хранятся подвески, поступившие путем сборов или в результате покупки у частных лиц.

Вследствие разбросанности находок по отечественным и зарубежным музеям, они оказались труднодоступны для комплексного изучения. Существует вероятность их депозитизации или утраты. В связи с этим возникает проблема датирования подвесок. Для западного и восточного ареалов кобанской культуры разработаны хронологические схемы, а материал систематизирован. Такая работа была начата Е. И. Крупновым (Крупнов, 1960. С. 104–108; 1969), затем получила развитие в трудах В. И. Козенковой (Козенкова, 1977; 1982; 1989; 1990; 1995; 1996; 1998). Материалы из памятников центрального ареала кобанской культуры В. И. Козенкова разделила на четыре хронологических периода — Кобан I–IV (Козенкова, 1990. С. 64–92, табл. I; 1996. С. 89–106, табл. I). Все же отсутствие общей систематизации материалов оставляет нерешенными многие вопросы, хотя разработки по отдельным направлениям продолжают (например, Козенкова, Мошинский, 1995; Мошинский, 2000; 2002; Скаков, 2001; 2003; 2004; Чшиев, 2017; Мошинский, 2019).

Большой проблемой является плохая сохранность подвесок. Бараньи головки зачастую сильно корродированы, у некоторых утрачены окончания рогов и морды или рога целиком. Из-за окислов, покрывающих поверхность подвесок, орнамент на рогах и морде зачастую неопределим. Больше всего от коррозии пострадали находки из ограбленных дигорских могильников, что, возможно, связано со спецификой состава сплавов, из которых они отливались.

Следует отметить, что подвески в виде бараньих голов являются важным археологическим источником, так как они занимали особое место в духовной культуре горцев Кавказа того периода. Преобладание объемных изображений барана, главным образом его головы, особенно ясно прослеживается в докобанский период (Васильева, 2008. С. 92; 2016. С. 69–70, табл. I; II). В связи с этим систематизация подвесок в виде бараньих голов представляется необходимым и важным этапом в изучении культуры горцев Центрального Кавказа.

Краткая история изучения

Публикации предметов кобанской культуры, в том числе подвесок в виде бараньих голов, начали появляться уже в конце XIX в. (Virchow, 1883. Taf. III, 3; V, 1; XI, 11–12; Chantre, 1886. Pl. XXIII, 1–11; XXIV, 4; Каталог собрания древностей, 1887. С. 54–55, № 333–359; Zichy, 1897. Pl. XVII, 11, 15, 16; Уварова, 1900. Табл. XXXV, 3, 4; XXXVI, 13; XCIII, 2–5; CXVIII, 1; рис. 202). Наблюдения, сделанные первыми исследователями кобанских бронз, не потеряли своей ценности и сегодня. Выводы, порой и ошибочные, являлись первым шагом на пути изучения кавказских древностей, кроме того, сохранность вещей была лучше, чем в настоящее время.

Преподаватель Владикавказского реального училища В. И. Долбежев принимал активное участие в открытии и изучении древних памятников (ИАК, 2009. С. 722–726; Длужневская, 2014. С. 12–16). По поручению ИАК он в течение 20 лет проводил исследовательские работы на территории Северного Кавказа (Крупнов, 1960. С. 33). В работе об орнаментах и формах кобанских бронз, помимо прочих вещей, он анализирует головки животных и птиц, отмечая, что «подобные подражания природе» встречаются у различных народов (Долбежев, 1888. С. 62). Из всего разнообразия зооморфных изображений В. И. Долбежев выделяет головки тура, барана и оленя, которые носят «оригинальный, фантастический характер», обращает внимание на тонкость этих головок, неестественное

удлинение носовых частей, а также на рога, которые «часто непропорционально велики и выведены слишком вычурными и симметричными завитками» (Там же. С. 62–63).

В. И. Долбежеву принадлежат первые попытки определения относительной хронологии зооморфных изображений. Отмечая, что древние кобанцы отливали фигурки животных и птиц «местной фауны» в большом количестве, исследователь считал более примитивные и грубые изображения более древними, чем фигурки «фантастических форм и размеров» (Там же. С. 66).

Заслугой П. С. Уваровой, впервые обобщившей и систематизировавшей кавказские древности в монографии «Могильники Северного Кавказа», является вдумчивый подход к публикации находок. Например, она критикует французского исследователя Э. Шантра, проводившего раскопки Кобанского могильника, который называет бронзовых баранов турами или *Ovis Pallasie*. По мнению П. С. Уваровой, кавказского тура правильнее называть *Aegoceros Caucasicus* и его рога больше похожи на рога козлов, а не на рога баранов (Уварова, 1900. С. 65). В то же время, изображениями горного барана в собрании Венского музея исследовательница считает подвески в виде голов животных с длинными, поднятыми вверх рогами, которые, по нашему мнению, скорее являются головками тура (Там же. Табл. XXV, 7; XL, 4).

Так же как В. И. Долбежев, П. С. Уварова полагала, что фигурки животных и птиц «могут ознакомить нас <...> с фауной древней Кобани» (Там же. С. 63). Вполне справедливо она отмечала, что головы баранов с «вытянутой мордой, выпуклыми глазами, <...> крутыми, наперед завитыми, <...> разделанными чеканкой рогами и петлей для привески над лобной частью» встречаются в Кобанском могильнике в огромном количестве и «могут считаться одним из любимых типов для древней Кобани» (Там же. С. 65, табл. XXXV, 3, 4).

Отмечая различие подвесок в виде бараньих голов, П. С. Уварова делит их на несколько типов: тип «круторогих баранов», характерный для Кобанского могильника (Там же.

С. 65, 312, табл. XXXV, 3), тип бараньих голов вычурных форм, иногда расположенных одна над другой из Камунты (*Там же*. Табл. CXVIII, 15, 16), тип головок «грубой и бесформенной отливки», находимый в могилах Кумбулты, Камунты и Фаскау (*Там же*. С. 280, 312, табл. XCIII, 3, 4; CXVIII, 1).

Интересно наблюдение П. С. Уваровой об украшении цветной массой углубленных линий орнамента на петле подвески в виде головы барана «одного типа с древне-Кобанскими, но гораздо меньших размеров и в особенности более легкой отливки и тонкой отделки» из могильника Верхняя Рутха (*Там же*. С. 248, рис. 202). Известно, что кобанские пряжки были украшены цветными инкрустациями из разных материалов (например, *Долбежев*, 1888. С. 68; *Уварова*, 1900. С. 42–49, 79; *Born*, 1984. S. 10–25, taf. I–V; *Vasilieva*, 2011. P. 88; *Мошинский*, 2013. С. 225–226). Лучше всего сохранились металлические вставки, хотя вставки из хрупкой стекловидной массы на отдельных экземплярах можно проследить невооруженным глазом (*Vasilieva*, 2011. F. 8. P. 93; *Born*, 1984. Taf. IV). Традиция цветной инкрустации в памятниках Центрального Кавказа была распространена уже в докобанское время (*Sulava, Kalandadze*, 2008). Так, треугольные выемки на металлическом топоре, птицевидной бляхе с головой барана и треугольной подвеске с головой барана из погребения № 12 могильника Брили были заполнены цветной стекловидной массой (*Ibid.* Pl. 1, 3, 5ab). Вполне возможно, что детали углубленного орнамента на подвесках в виде бараньих голов также украшались цветными вставками или затирались массой, контрастирующей с цветом бронзы.

Важным событием в археологии Центрального Кавказа стали раскопки, а затем публикация материалов Тлийского могильника в Южной Осетии (*Техов*, 1977; 1980; 1981; 1985; 2002). Анализируя различные категории инвентаря, Б. В. Техов разделил подвески по хронологическому принципу: подвески в виде бычьих и бараньих голов из комплексов XVI–XIII вв. до н. э., подвески в виде бараньих и козьих голов из комплексов

XII–X вв. до н. э. (*Техов*, 1960. С. 163–178; 1977. С. 58, 165–166, рис. 25, 8–12; 50, 1–38; 111, 1–3, 5–8, 10–16). Основное различие между подвесками в виде бараньих и бычьих голов автор видел в количестве оборотов рогов — у головок барана рога закручены три-четыре раза, а у быка — один раз (*Там же*. С. 58, рис. 50, 1–38). Подметив визуальное отличие бараньих и бычьих голов, исследователь не пошел дальше и разным типам головок из комплексов XVI–XIII вв. до н. э. в качестве аналогий привел бараньи головки из Кобанского могильника другого облика и более позднего времени, также сославшись и на головку козла (*Техов*, 1977. С. 58).

Во второй половине XX — начале XXI в. появились публикации музейных коллекций, включающие интересующие нас материалы. В издании предметов кобанской культуры в собрании Государственного Эрмитажа Я. В. Доманский разделяет подвески в виде бараньих голов на три типа в зависимости от конфигурации рогов: I тип — головки с длинными мордами, «выпученными глазами» и широко раскинутыми завитыми рогами; II тип — головки с подобранными, приближенными к морде рогами; III тип — головки с закрученными, приподнятыми над головой рогами (*Доманский*, 1984. С. 60, ил. 126–133; 137). Выделенными типами подвесок эрмитажная коллекция не исчерпывается. Хотя вопросы происхождения, типологии и хронологии вещей он не рассматривал детально, его публикация знакомит с историей формирования коллекций и представляет основные образцы предметов, входящих в собрание кобанских бронз Эрмитажа.

Большое значение для отечественных специалистов имело издание кавказских коллекций, хранящихся в зарубежных музеях — коллекции Косниерской в Музее преистории и древней истории в Берлине (*Motzenbäcker*, 1996), коллекции Британского музея (*Curtis, Kruszynski*, 2002), небольшой коллекции из музея Савойи в г. Шамбери во Франции (*Cheishvili*, 2008).

Классификация подвесок в виде бараньих голов, предложенная И. Мотценбекером,

основывается на материалах могильников Фаскау и Верхняя Рутха в горной Дигории. Он выделяет три основные группы подвесок, взяв за основу способ подвешивания, а также различие формы морды и рогов (*Motzenbacher*, 1996. S. 114–116, abb. 55, 1–6). Так, вариант 1 составили подвески с горизонтальной перемычкой между рогами, образующей петлю (*Ibid.* Abb. 55, 1–3), вариант 2 представлен единственным экземпляром с горизонтальной кольцевидной петлей (*Ibid.* Abb. 55, 4ab), вариант 3 включает подвески с вертикальной петлей (*Ibid.* Abb. 55, 5, 6). Автор детально не анализирует бараньи головки, как и не обосновывает выделение разных видов подвесок, входящих в варианты (*Ibid.* Abb. 55, 1–6).

Следует отметить публикацию предметов из погребений № 9 и 12 Кобанского могильника, в настоящее время хранящихся в г. Лионе (*Bedianashvili, Bodet*, 2010). Эти два погребения из раскопок Э. Шантра неоднократно становились объектом внимания исследователей (*Avant les scythes*, 1979. P. 162–167; *Лорп*, 2000; *Вальчак*, 2001). К сожалению, работа Г. Бедианашвили и К. Боде не объясняет несоответствия между описанием и иллюстрациями в издании Э. Шантра и каталогом выставки археологических находок с территории СССР в Париже в 1979 г., на которой в том числе экспонировались находки из Кобанского могильника (*Avant les scythes*, 1979. P. 162–167). Более того, возникают новые вопросы, например, относительно подвески в виде головы барана, описанной Э. Шантром в составе инвентаря погребения № 12 и отсутствующей в публикации комплекса Г. Бедианашвили и К. Боде (*Chantre*, 1886. P. 27–28; *Avant les scythes*, 1979. P. 165–166; *Bedianashvili, Bodet*, 2010. P. 284–285).

Типология кавказских материалов позднего бронзового — раннего железного века, предложенная С. Райнхольд, стала базой для построения хронологических схем, сравнительного анализа типов предметов, погребального обряда, костюма, технологических традиций и т. д. (*Reinhold*, 2007. S. 333–336). Автор включила подвески в виде бараньих голов в группу зооморфных подвесок, относя

их к форме, представляющей протомы животных. Отмечая, что подвески в виде бараньих голов составляют основную часть этой формы, С. Райнхольд разделяет подвески на четыре типа в зависимости от конструкции рогов: тип А1 — подвески с рогами, закрученными вверх; тип А2 — подвески с рогами, закрученными в горизонтальном направлении; тип А3 — подвески с рогами, закрученными вниз; тип А4 — подвески в виде бараньей головы с петлей (*Reinhold*, 2007. S. 107, abb. 39, А1–4).

Последние исследования, связанные с подвесками в виде бараньих голов, обращены к семантике бронзовых изображений барана. В работе Г. Н. Вольной и Ф. Т. Найфоновой рассматривается образ барана в традиционной культуре горцев Кавказа (*Вольная, Найфонова*, 2016), а В. И. Козенкова описывает находки фигурок и головок барана из разных памятников как «содержимое духовной сферы» древних кобанцев (*Козенкова*, 2017. С. 40–42).

Систематизация и классификация

Приведенный историографический обзор показывает, что классификацией и хронологией подвесок отечественные и зарубежные исследователи занимались попутно, изучая другие проблемы, при этом систематизация рассматриваемых подвесок никогда не являлась темой отдельного исследования. Главной целью настоящей работы является классификация подвесок в виде бараньих голов докобанского и кобанского периодов. Одной из основных задач исследования стало определение их относительной хронологии. Всего было изучено более 500 экземпляров².

Подвески происходят из памятников горной зоны Центрального Кавказа (рис. 1). Большинство их найдено на территории

² Объем статьи не позволяет опубликовать каталог подвесок, как и указать все источники их происхождения. Отмечу, что были исследованы подвески в собраниях Гос. Эрмитажа, ГИМ, Национального музея Республики Южная Осетия, Музея преистории и древней истории в Берлине, Британского музея, Венского музея естественной истории и других музеев, а также опубликованные находки.

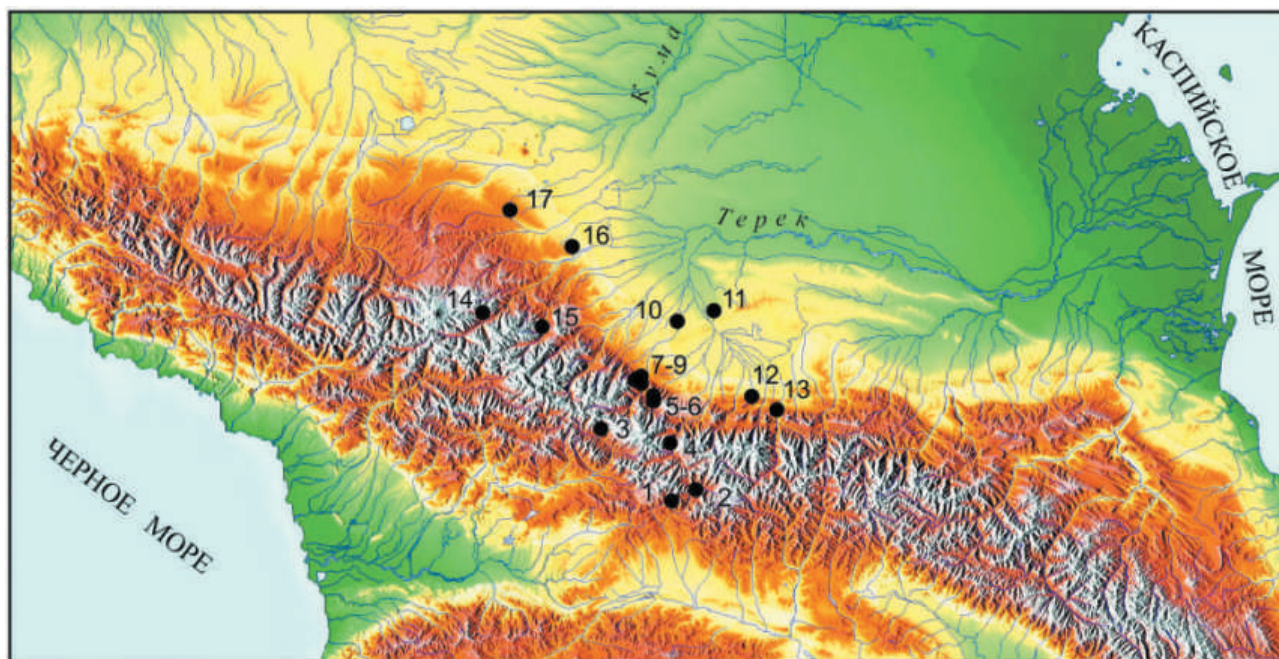

Рис. 1. Находки бронзовых подвесок в виде бараньих голов: 1 — Стырфаз; 2 — Тли; 3 — Брили; 4 — Адайдонский могильник; 5 — Камунта; 6 — Галиат (могильник Фаскау); 7 — Кумбулта / Верхняя Рутха; 8 — могильник Кари Цагат; 9 — Донифарс; 10 — Средний Урух; 11 — Эльхотово; 12 — Кобан; 13 — Чми; 14 — Верхний Баксан; 15 — Чегемский могильник; 16 — Заюково; 17 — Кичмалка

Fig. 1. Findspots of pendants in the form of ram's heads: 1 — Styrfaz; 2 — Tli; 3 — Brili; 4 — Adaydon cemetery; 5 — Kamunta; 6 — Galiat (cemetery of Faskau); 7 — Kumbulta / Verkhnyaya Rutkha; 8 — cemetery of Kari Tsagat; 9 — Donifars; 10 — Middle Uruk; 11 — Elkhotovo; 12 — Koban; 13 — Chmi; 14 — Upper Baksan; 15 — Chegem cemetery; 16 — Zayukovo; 17 — Kichmalka

современной Республики Северная Осетия–Алания, а также на территории республик Кабардино-Балкария, Южная Осетия и в исторической области Рача-Лечхуми в Грузии. Почти все памятники, откуда происходят интересующие нас предметы, входят в ареал центрального варианта кобанской культуры, за исключением могильника Кичмалка II и памятников Баксанского ущелья, относящихся к западному варианту культуры, по определению В. И. Козенковой (Козенкова, 1996. С. 11–13). Подвеска в виде головы барана из погребения № 15 Зандакского могильника не вошла в подборку, так как является единичной находкой в памятниках восточного ареала культуры и значительно отличается от других экземпляров (Козенкова, 1982. Табл. XXV, 6).

Для исследования в первую очередь отбирались находки, похожие на экземпляры из датированных погребений. Нижняя

хронологическая граница была обозначена комплексами докобанского времени, потому что в кавказских памятниках раннего бронзового и начального периода среднего бронзового века подвесок в виде головы барана не встречено. Верхняя хронологическая граница устанавливается сложнее. В выборке не были учтены подвески в виде голов баранов с ушами, которые стилистически связаны с подвесками в виде голов козлов с ушами и горизонтальной петлей, иногда представленными двойными головками. Аналогии этим находкам известны в памятниках Закавказья сарматского времени (Куфтин, 1950. Табл. 18; Сланов, 1989. Табл. XXIII, 17; XXXV, 14). Многообразие форм рогатых головок подобного типа зачастую не позволяет определить вид животного. Большинство таких подвесок (в виде головок «вычурных» форм, по определению П. С. Уваровой) происходят

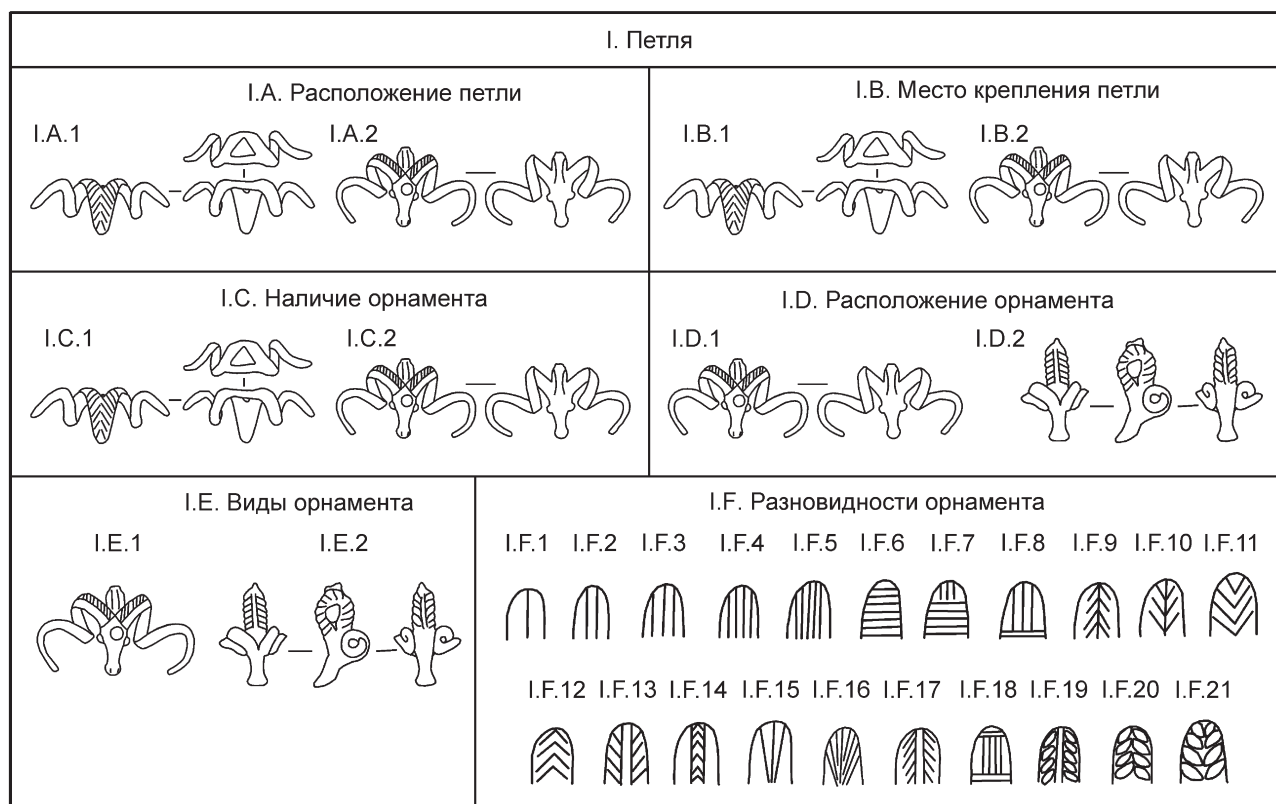

Рис. 2. Подвески в виде бараньих голов. Признаки, описывающие петлю

Fig. 2. Pendants in the form of ram's heads. Nomenclature of signs describing the loop

из памятников северных склонов Центрального Кавказа — Кумбулты, Камунты, Фаскау, Кобанского и других могильников (Уварова, 1900. Табл. СІХ, 2; СХVІІІ, 15, 16; Доманский, 1984. Ил. 137–142; Motzenbäcker, 1996. Taf. 35, 10; 44, 10, 11, 15; 66, 1–4; 93, 3, 4; Мошинский, 2010. № 201, 204).

Как любой археологический материал, подвески могут быть описаны множеством признаков. Всем признакам были даны свои обозначения. Все они были объединены в три группы, описывающие петлю (I), морду (II) и рога (III), Далее все признаки помимо римских цифр обозначаются буквами и арабскими цифрами. Например, признаки, относящиеся к петле, отмечены цифрой «I», при этом положение петли маркируется буквами и арабскими цифрами: I.A.1 — горизонтальная петля, I.A.2 — вертикальная петля и т. д.

Первая группа признаков связана с петлей (рис. 2). По способу расположения петли (I) относительно головы барана выделяется

горизонтальная (I.A.1) и вертикальная (I.A.2) петля. Место крепления петли различается в зависимости от ее положения. Горизонтально расположенная петля может крепиться к рогам (I.B.1) или к голове в основании рогов (I.B.2). Вертикальная петля находится между рогами и прикреплена к голове в области основания рогов (I.B.2).

Важным признаком является наличие (I.C.2) или отсутствие (I.C.1) орнамента на петле. Орнамент может быть углубленным (I.E.1), то есть выполненным углубленной линией, или объемным³ (I.E.2). Он может быть расположен на внешней лицевой (I.D.1) или лицевой и обратной (I.D.2) сторонах петли.

³ Термины чеканка и гравировка мною не используются, так как без специального изучения техники изготовления каждого конкретного экземпляра любые определения бесосновательны. Пользуясь случаем, приношу глубокую благодарность Р. С. Минасяну и Е. А. Шаблавиной за консультации в области техники изготовления древних вещей.

Выделяется несколько разновидностей орнамента (I.F): 1) продольная линия, расположенная в центре; 2) две продольные вертикальные линии; 3) три продольные вертикальные линии; 4) четыре продольные параллельные линии; 5) пять продольных параллельных линий; 6) поперечные линии, расположенные горизонтально; 7) горизонтальные линии, ограниченные сверху тремя короткими вертикальными линиями; 8) три продольные вертикальные линии, ограниченные снизу двумя короткими горизонтальными линиями; 9) елочка, направленная вверх, разделенная посередине продольной вертикальной линией; 10) елочка, направленная вниз, разделенная вертикальной линией; 11) елочка, направленная вниз; 12) елочка, направленная вверх; 13) елочка, направленная вниз, разделенная в центре двумя вертикальными параллельными линиями; 14) елочка, направленная вверх, расположенная в центре петли и ограниченная с двух сторон двумя продольными линиями; 15) три продольные, сходящиеся под углом линии; 16) пять продольных линий, из которых центральная расположена вертикально, остальные — под углом, сближаясь у основания петли; 17) елочка, направленная вверх, разделенная в центре двумя вертикальными параллельными линиями; 18) четыре продольные линии, сверху и снизу ограниченные двумя поперечными линиями; 19) объемный продольный валик в центре, разделяющий объемную елочку, направленную вверх; 20) скульптурная косичка, направленная вверх; 21) скульптурная косичка, направленная вниз.

Под мордой (II) следует понимать часть головы без рогов. Иногда невозможно четко проследить границу морды и рогов, так как морда как бы переходит в рога (рис. 3). У части подвесок морда отделена от рогов двумя косыми углубленными линиями, сходящимися под углом к основанию петли (II.E.17), или орнамент на рогах показывает границу морды. Форма морды обозначена условно. Так, под треугольной формой подразумевается морда барана, суживающаяся книзу и закругленная на конце (II.A.1). Треугольная форма

может быть ярко выраженной или в большой степени условной: вытянутой и узкой или широкой, почти овальной. Выделение прямоугольной формы морды (II.A.4) также условно — это прямая морда, не суживающаяся к окончанию, может быть скруглена на конце. Учитывая, что зооморфные подвески являются художественными произведениями, каждое из которых уникально, подразумевается, что для определенной разновидности подвесок характерна определенная форма морды.

Выделяется семь разновидностей морды (рис. 3, II.A): 1) треугольная (II.A.1); 2) овальная (II.A.2); 3) сигаровидная (II.A.3); 4) прямоугольная (II.A.4); 5) Трапецевидная (II.A.5); 6) с выделенной носовой и лобной частями (II.A.6); 7) с округлым расширением на конце (II.A.7).

На морде могут присутствовать или отсутствовать: орнамент (II.B), глаза (II.G), ноздри (II.L) и рот (II.N). Орнамент может быть углубленным (II.D.1) или объемным (II.D.2). Некоторые подвески украшены только углубленным орнаментом, на других — совмещается углубленный и объемный орнамент (рис. 3, II.B). В том случае, когда орнамент есть, он может занимать всю поверхность морды (II.C.1) или ее часть. Условно выделяется верхняя часть морды (II.C.2) в области глаз, над глазами и нижняя часть морды (II.C.3) — окончание. Большая часть декора морды (II.E) выполнена углубленными линиями. К орнаменту также относится круглый уплощенный налест, расположенный в верхней части морды баранов, «на лбу» (рис. 3, II.E.18). Этот налест, по всей видимости, является соляренным знаком. Не разбирая подробно этот интересный элемент, можно отметить, что он присутствует на фигурках животных и людей из Казбекского клада, имеющего, несомненно, культовый характер (Мошинский, 2010. № 169, 172).

В узоре морды выделяются несколько зон: — орнамент на всей морде (рис. 3, II.E.1–11): 1) елочка, направленная вверх; 2) елочка, направленная вверх, разделенная продольной линией, идущей по центру морды;

II. Морда										
II.A. Форма морды							II.B. Наличие орнамента			
II.A.1	II.A.2	II.A.3	II.A.4	II.A.5	II.A.6	II.A.7	II.B.1	II.B.2		
II.C. Расположение орнамента					II.D. Виды орнамента					
II.C.1		II.C.2			II.C.3			II.D.1		II.D.2
II.E. Разновидности орнамента										
II.E.1	II.E.2	II.E.3	II.E.4	II.E.5	II.E.6	II.E.7	II.E.8	II.E.9		
II.E.10	II.E.11	II.E.12	II.E.13	II.E.14	II.E.15	II.E.16	II.E.17	II.E.18		
							II.F.a. Расположение перекрестия (II.E16)			
							II.F.a.1	II.F.a.2	II.F.a.3	II.F.a.4
							II.F.b. Расположение круглого налепа (E18) относительно перекрестия (E16)			
							II.F.b.1	II.F.b.2	II.F.b.3	
II.G. Наличие глаз			II.H. Расположение глаз			II.I. Форма глаз				
II.G.1		II.G.2	II.H.1		II.H.2	II.I.1		II.I.2		
II.J. Виды глаз			II.K. Разновидности глаз				II.L. Наличие ноздрей			
II.J.1		II.J.2	II.K.1	II.K.2a	II.K.2b	II.K.2c	II.L.1		II.L.2	
II.M. Расположение ноздрей			II.N. Наличие рта			II.O. Виды рта				
II.M.1		II.M.2	II.M.3	II.N.1		II.N.2	II.O.1		II.O.2	

Рис. 3. Подвески в виде барьих голов. Признаки, описывающие морду

Fig. 3. Pendants in the form of ram's heads. Nomenclature of signs describing the muzzle

3) елочка, направленная вверх, разделенная двумя суживающимися к низу (иногда соединяющимися) морды продольными линиями; 4) елочка, направленная вниз; 5) короткие поперечные чередующиеся насечки; 6) по-

перечные линии, разделенные продольной линией по центру морды; 7) продольная линия на краю морды; 8) четыре вертикальных ряда углубленных треугольников, из которых два крайних рядами вершинами обращены

вовнутрь, а два центральных ряда вершинами обращены наружу; 9) елочка, направленная вверх, доходящая до середины морды, выше елочки две насечки, направленные под углом вниз (от елочки, направленной вниз); 10) поперечные линии, расположенные параллельно; 11) поперечные линии, расположенные параллельно и две полуовальные продольные линии, отделяющие глаза друг от друга;

— орнамент в нижней части морды (рис. 3, П.Е.12–14): 12) три насечки, расходящиеся от центра; 13) елочка, направленная вверх, разделенная продольной линией; 14) насечки, расходящиеся от центра в стороны;

— орнамент в верхней части морды (рис. 3, П.Е.15–18): 15) V-образный валик, украшенный косыми насечками; 16) перекрестие в основании рогов; 17) сходящиеся под углом углубленные линии, отделяющие рога от морды; 18) круглый уплощенный налп.

Местоположение перекрестия в верхней части морды может быть различным (рис. 3, П.Е.а.1–4). Расположение круглого налпа (П.Е.18) связано с расположением перекрестия в основании рогов (П.Е.16). Налп может располагаться: под перекрестием или под сходящимися под углом углубленными линиями, отделяющими рога от морды (П.Е.б.1); в центре перекрестия (П.Е.б.2); над перекрестием под петлей (рис. 3, П.Е.б.3).

Глаза могут быть изображены в виде углубления или углубленной линии (рис. 3, П.Е.1) или могут быть объемными (рис. 3, П.Е.2). Форма глаз двух видов — круглая (рис. 3, П.Е.1) или овальная (рис. 3, П.Е.2). Круглые глаза, выполненные углубленной линией в виде окружности, имеют несколько разновидностей (П.Е.3): простая окружность, окружность с круглым углублением в центре, окружность с окружностью меньшего диаметра в центре, внутри которой имеется точечное углубление (рис. 3, П.Е.3а–с). Расположение глаз на морде является важным признаком, но описание их довольно условно: глаза могут находиться на «лицевой» стороне морды (рис. 3, П.Е.1) или «по бокам» (рис. 3, П.Е.2). Расположенные по сторонам морды объемные глаза в некоторых случаях отделены

от нее углубленной линией. Для объемных глаз определение круглой формы — довольно условно, так как они представляют собой округлые выступы, не всегда точно выдерживающие форму.

Ноздри (П.Е.) изображены в виде углублений овальной формы или выполнены углубленной линией. Ноздри различаются положением на морде: они могут быть расположены вертикально, под углом внутрь или под углом наружу (рис. 3, П.Е.1–3).

Рот у бараньих головок обычно изображался поперечной углубленной линией (рис. 3, П.Е.1). Вследствие коррозии подвесок, его можно не всегда зафиксировать. У некоторых подвесок с вертикальной петлей рот более проработанный, иногда показаны зубы (рис. 3, П.Е.2).

Рога (П) являются самым сложным для систематизации признаком, поскольку их конфигурация зависит от многих причин: рука мастера, традиция, время бытования (рис. 4). По направлению закручивания выделяются: рога, закрученные вверх (П.А.1); рога, закрученные в стороны (П.А.2); рога, закрученные вниз (П.А.3) (рис. 4, П.А.1–3). Рога могут быть с узором (П.В.2) или не орнаментированы (П.В.1) (рис. 4, П.В.1–2). Часто из-за коррозии подвесок орнамент не фиксируется. Выделяется углубленный (П.Д.1) и объемный орнамент (П.Д.2). В большинстве случаев узор расположен на лицевой стороне рогов (рис. 4, П.С.1), что характерно для углубленного орнамента. Объемный орнамент фиксируется с лицевой и обратной стороны рогов (П.С.2) и представляет собой косичку. Вероятно, рога с таким орнаментом были сделаны с помощью проволочных веревочек на стадии изготовления восковой модели.

Орнамент может быть расположен на одном витке рогов (П.С.а) или может украшать рога по всей их длине (П.С.б) (рис. 4, П.С.а–б). Выделяется несколько разновидностей орнамента (рис. 4, П.Е.1–24): 1) поперечные насечки (перпендикулярные длине рога); 2) продольная линия, идущая по центру рога, ограничивающая поперечные насечки в верхней части рога; 3) вертикальные

III. Pora											
III.A. Направление закручивания рогов						III.B. Наличие орнамента					
III.A.1		III.A.2		III.A.3		III.B.1		III.B.2			
III.C. Расположение орнамента				III.D. Виды орнамента							
III.C.1a		III.C.1b		III.C.2a		III.C.2b		III.D.1		III.D.2	
III.E. Разновидности орнамента											
III.E.1	III.E.2	III.E.3	III.E.4	III.E.5	III.E.6	III.E.7	III.E.8	III.E.9	III.E.10	III.E.11	III.E.12
III.E.13	III.E.14	III.E.15	III.E.16	III.E.17	III.E.18	III.E.19	III.E.20	III.E.21	III.E.22	III.E.23	III.E.24
III.F. Прилегание витков рогов друг к другу						III.G. Относительная длина первого витка рогов					
III.F.1		III.F.2				III.G.1		III.G.2			
III.H. Количество оборотов рогов						III.I. Сечение рогов					
III.H.1		III.H.2				III.I.1		III.I.2			

Рис. 4. Подвески в виде бараньих голов. Признаки, описывающие рога

Fig. 4. Pendants in the form of ram's heads. Nomenclature of signs describing the horns

насечки или насечки, верхним концом направленные во внешние стороны; 4) продольная линия, идущая по центру рога, ограничивающая вертикальные насечки в верхней части рога; 5) продольная линия, идущая по центру рога, ограничивающая косые насечки (верхний конец направлен во внешние стороны) в верхней части рога; 6) вертикальные насечки, ограниченные снизу продольной линией; 7) вертикальные или перпендикулярные длине рога

короткие насечки в верхней части рога; 8) продольная линия в центре рога и вертикальные насечки, идущие по нижнему краю рога; 9) одна продольная линия (параллельная длине рога); 10) две продольные линии (параллельные длине рога); 11) две продольные параллельные линии, идущие по середине рога; в верхней части рога — вертикальные или косые насечки; 12) продольная линия, идущая по центру рога, разделяющая елочку, направленную вниз;

13) две продольные параллельные линии, от которых во внешние стороны отходят перпендикулярные длине рога насечки; 14) косые насечки, верхним концом направленные во внешние стороны, ограниченные сверху двумя параллельными линиями; 15) косые насечки, верхним концом направленные во внешние стороны, ограниченные сверху двумя параллельными линиями, а снизу одной углубленной линией; 16) елочка, направленная вниз; 17) елочка, направленная вверх; 18) две продольные параллельные линии, от которых во внешние стороны отходят косые насечки; 19) два ряда вписанных друг в друга треугольников; 20) две продольные параллельные линии, делящие поверхность рога на три части — в верхней и нижней части расположены насечки, верхним углом направленные в сторону конца рога, в средней части расположены насечки, верхним углом направленные в сторону основания рога; 21) поперечные насечки, которые пересечены продольной параллельной линией, идущей по центру рога; 22) два ряда точечных углублений; 23) три продольные линии (параллельные длине рога); 24) рога в виде скульптурной косички.

Витки рогов могут прилегать друг к другу (III.F.1) или не прилегать (III.F.2) (рис. 4, III.F.1–2). Большое значение имеет относительная длина первого витка рогов. Он может быть коротким (III.G.1) или длинным (III.G.2) (рис. 4, III.G.1–2). Значение также имеет количество витков рогов. У большинства подвесок рога закручены на 1,5 оборота (III.H.1) (рис. 4, III.H.1). У некоторых подвесок разных типов рога закручены на большее количество оборотов — два и более (III.H.2) (рис. 4, III.H.2). Фиксируется различное сечение рогов — круглое (III.I.1) или уплощенное (III.I.2). Этот признак не всегда различим (сложно определить сечение у подвесок, с прижатыми друг к другу рогами). Кроме того, у одного экземпляра у основания рога могут быть уплощенными, а к его концу округлыми. Тем не менее изучение большого количества подвесок позволяет высказать наблюдение, что у подвесок с горизонтальной

петлей сечение рогов обычно округлое, а у подвесок с вертикальной петлей — уплощенное.

Исследование трех групп признаков — петля, морда, рога — позволило прийти к заключению, что главными типобразующими являются признаки, описывающие положение петли относительно подвески. В результате их анализа все подвески были разделены на две группы: подвески с горизонтальной петлей и подвески с вертикальной петлей. Оказалось, что для каждой из этих двух групп характерны эксклюзивные (уникальные) признаки и их сочетания (рис. 5).

Основными уникальными признаками I группы являются:

- горизонтальное положение петли (I.A.1);
- крепление петли к рогам (I.B.1);
- треугольная форма морды (II.A.1);
- глаза в виде окружности (II.K.2), выполненной углубленной линией (II.J.1);
- орнамент на всей поверхности морды (II.C.1);
- направление закручивания рогов — вверх (III.A.1);
- короткий первый виток рогов (III.G.1);
- орнамент морды: в виде «елочки», направленной вверх (II.E.1) или «елочки», направленной вверх и разделенной в центре продольной линией (II.E.2,3); в виде «елочки», направленной вниз (II.E.4); поперечные, параллельные насечки (II.E.10); четыре ряда вписанных треугольников (II.E.8); в виде объемного валика (II.E.15);
- орнамент рогов: в виде двух рядов вписанных треугольников (III.E.19); в виде двух продольных параллельных линий (III.E.10).

Основными уникальными признаками II группы являются:

- вертикальное положение петли (I.A.2);
- длинный первый виток рогов (III.G.2);
- направление закручивания рогов вниз (III.A.3);
- сечение рогов уплощенное (III.I.2);
- форма морды: с выделенной лобной/носовой частями (II.A.6); трапецевидная (II.A.5); овальная (II.A.2); сигаровидная (II.A.3); с округлым расширением на конце (II.A.7);

- форма глаз овальная (II.I.2); глаза расположены «по сторонам» морды (II.H.2);
- наличие ноздрей (II.L.2);
- круглый налуп в верхней части морды (II.E.18);
- углубленное перекрестие в верхней части морды (II.E.16);
- орнамент петли: объемный (I.E.2); в виде поперечных параллельных насечек (I.F.6);
- орнамент на лицевой стороне петли (I.D.1);
- орнамент рогов: в виде поперечных насечек на части рога, ограниченных снизу продольной линией (III.E.2,4–6); в виде одной или двух продольных линий в центре и перпендикулярных или косых насечек по сторонам (III.E.13, 18, 21); в виде трех продольных линий (III.E.23);
- орнамент в нижней части морды (II.E.12–14).

Кроме того, выделенные группы имеют *ряд общих признаков*, которые их связывают: крепление петли к голове в основании рогов (I.B.2); отсутствие орнамента на петле (I.C.1); наличие орнамента на петле (I.C.2); орнамент на лицевой и обратной стороне петли (I.D.2); прямоугольная форма морды (II.A.4); орнамент морды (II.B.2); наличие глаз (II.G.2); глаза на лицевой стороне морды (II.H.1), форма глаз круглая (II.I.1); объемные глаза (II.J.2); глаза в виде точечных углублений (II.K.1); отсутствие ноздрей (II.L.1); наличие рта (II.N.2); закручивание рогов на 1,5 (III.H.1) — 2 и более оборота (III.H.2); направление закручивания рогов — в стороны (III.A.2); наличие орнамента на рогах (III.B.2); расположение орнамента на первом витке рогов (III.C.1a); круглое сечение рогов (III.I.1); прилегание витков рогов друг к другу (III.F.1); расположение орнамента рогов по всей длине рогов (III.C.16); орнамент рогов в виде поперечных насечек на всей площади рога (III.E.1); отсутствие орнамента на рогах (III.B.1).

Наличие этих общих признаков свидетельствует о преемственности двух выделенных групп подвесок.

С помощью корреляции признаков в каждой из групп было выделено несколько их

устойчивых сочетаний. Эти сочетания можно считать типами. В некоторых из них выделяются варианты. У каждого из типов и вариантов имеются свои эксклюзивные признаки. Коротко охарактеризуем основные типы (рис. 6).

Первая группа подвесок, объединяющая экземпляры с горизонтальной петлей, включает в себя два типа.

Подвески *1-го типа I группы* (рис. 6) характеризуются: петлей (I.A.1), прикрепленной к рогам (I.B.1); отсутствием орнамента на петле (I.C.1); треугольной формой морды (II.A.1), орнаментом на всей поверхности морды (II.C.1); глазами круглой формы (II.I.1), выполненными углубленной линией (II.J.1), в виде концентрических окружностей (II.K.2), расположенными на лицевой стороне морды (II.H.1); отсутствием ноздрей (II.L.1) и рта (II.N.1). Орнамент на морде чаще всего представлен «елочкой», направленной вверх (II.E.1), или «елочкой», направленной вверх, разделенной в центре продольной линией (II.E.2), а также другим декором (II.E.3–8). Рога закручены в сторону (III.A.2), первый виток рогов короткий (III.G.1); углубленный орнамент (III.D.1) расположен на лицевой стороне первого витка рогов (III.C.1a) или по всей длине рогов (III.C.1b); рога закручены на 1,5 оборота (III.H.1), но встречаются рога, закрученные на 2 и более оборота (III.H.2). Сечение рогов круглое/овальное (III.I.1). Самый распространенный орнамент на рогах — это косые насечки (III.E.1) и продольные параллельные линии (III.E.10), также встречаются направленная вниз «елочка» (III.E.16) и два ряда треугольников, обращенных острыми вершинами друг к другу (III.E.19). Размер подвесок 1-го типа — от 3,6 × 1,6 см до 9,3 × 3,3 см. Средний размах рогов 4–6 см.

Подвески *2-го типа I группы* (рис. 6) характеризуются: петлей (I.A.1), прикрепленной к рогам (I.B.1) и к голове (I.B.2); отсутствием орнамента на петле (I.C.1), треугольной (II.A.1) или прямоугольной (II.A.4) формой морды; орнаментом на всей поверхности морды (II.C.1), объемными глазами (II.J.2)

Признаки №/п/п	Таблица взаимовстречаемости признаков подвесок в виде бараньих голов		
	Тип 1	Тип 2	
1	•	•	I.D.2
2	•	•	III.E.23
3	•	•	II.E.12-14
4	•	•	II.A.7
5	•	•	II.A.3
6	•	•	I.E.2
7	•	•	III.E.13,18,21
8	•	•	II.1.2
9	•	•	II.A.5
10	•	•	II.E.16
11	•	•	II.E.18
12	•	•	II.A.6
13	•	•	III.E.2,4,5,11
14	•	•	III.1.2
15	•	•	III.A.3
16	•	•	II.H.2
17	•	•	II.A.2
18	•	•	I.F.6
19	•	•	I.D.1
20	•	•	II.L.2
21	•	•	I.E.1
22	•	•	III.G.2
23	•	•	I.A.2
24	•	•	I.C.2
25	•	•	II.N.2
26	•	•	III.C.1a
27	•	•	III.E.1
28	•	•	III.F.1
29	•	•	III.H.1
30	•	•	III.B.2
31	•	•	I.F.1-5
32	•	•	III.A.2
33	•	•	II.K.1
34	•	•	II.A.4
35	•	•	I.B.2
36	•	•	II.J.2
37	•	•	III.C.16
38	•	•	II.G.2
39	•	•	II.L.1
40	•	•	II.H.1
41	•	•	III.I.1
42	•	•	I.C.1
43	•	•	II.D.1
44	•	•	III.H.2
45	•	•	III.B.1
46	•	•	II.L.1
47	•	•	II.E.15
48	•	•	II.E.4
49	•	•	II.E.10
50	•	•	III.A.1
51	•	•	I.A.1
52	•	•	III.G.1
53	•	•	II.A.1
54	•	•	I.B.1
55	•	•	II.C.1
56	•	•	II.E.1-3
57	•	•	II.K.2
58	•	•	III.E.10
59	•	•	III.E.19
60	•	•	II.E.8
61	•	•	II.E.10
62	•	•	II.E.10
63	•	•	III.E.10
64	•	•	III.E.10
65	•	•	III.E.10
66	•	•	III.E.10
67	•	•	III.E.10
68	•	•	III.E.10
69	•	•	III.E.10
70	•	•	III.E.10
71	•	•	III.E.10
72	•	•	III.E.10
73	•	•	III.E.10
74	•	•	III.E.10
75	•	•	III.E.10
76	•	•	III.E.10
77	•	•	III.E.10
78	•	•	III.E.10
79	•	•	III.E.10
80	•	•	III.E.10
81	•	•	III.E.10
82	•	•	III.E.10
83	•	•	III.E.10
84	•	•	III.E.10
85	•	•	III.E.10
86	•	•	III.E.10
87	•	•	III.E.10
88	•	•	III.E.10
89	•	•	III.E.10
90	•	•	III.E.10
91	•	•	III.E.10
92	•	•	III.E.10
93	•	•	III.E.10
94	•	•	III.E.10
95	•	•	III.E.10
96	•	•	III.E.10
97	•	•	III.E.10
98	•	•	III.E.10
99	•	•	III.E.10
100	•	•	III.E.10
101	•	•	III.E.10

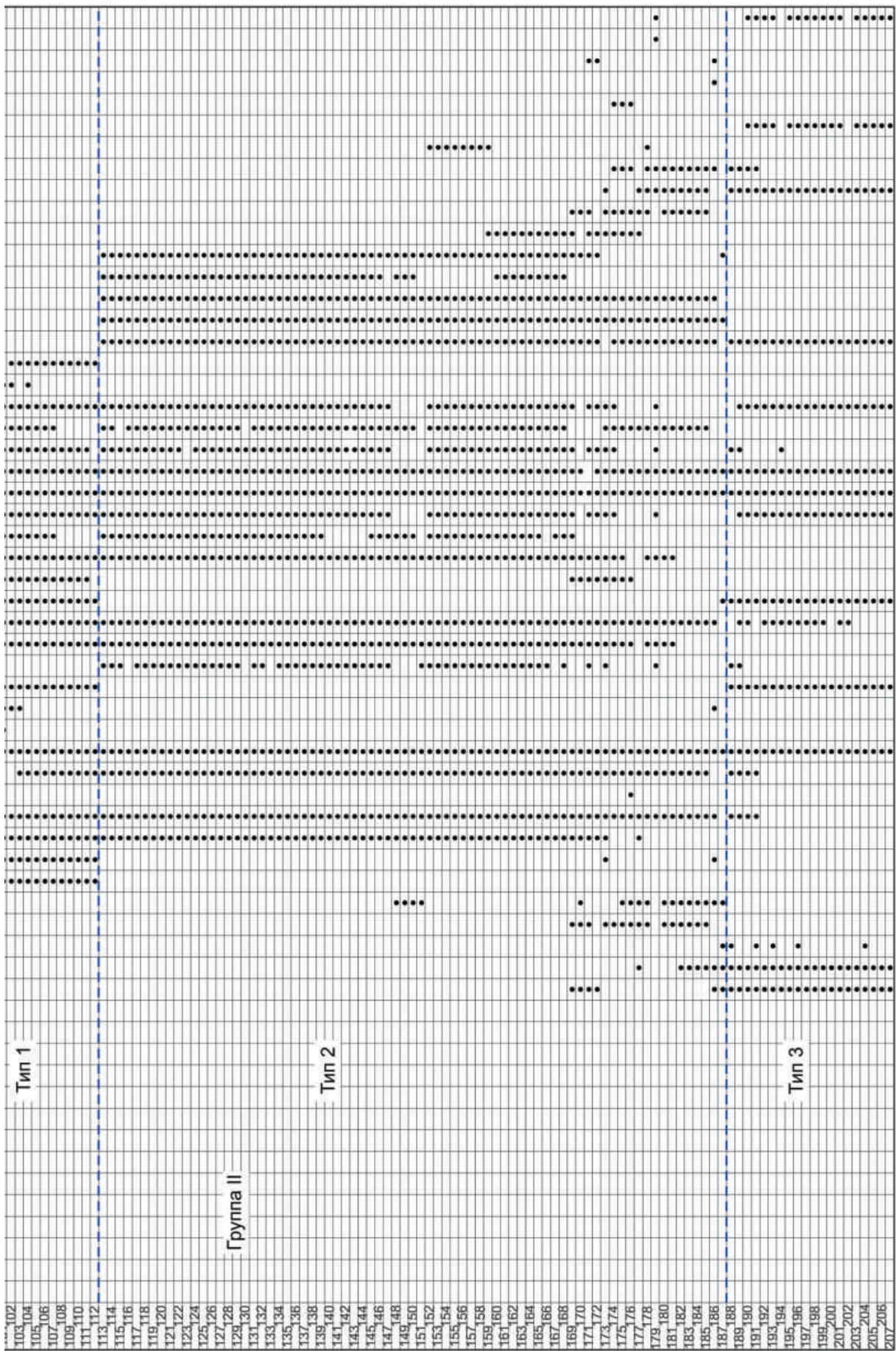

Рис. 5. Таблица взаимовстречаемости признаков подвесок в виде бараньих голов: 1, 4, 7, 10, 105, 107, 112, 156 — Кумбулта; 2, 3, 11–18, 20–22, 25–28, 30–33, 92, 93, 95–98, 100, 102, 104, 109–111 — Фаскау; 5, 8, 23, 81, 99 — Камунта; 6 — Кари Цагат, погребение № 6; 9, 29, 94, 108 — Верхняя Рутха; 19, 90 — Рутха; 24 — Фаскау / Кумбулта; 34–47, 49–59, 63–72, 74–77, 79, 91 — Тли; 48 — Тли, погребение № 283; 60 — Тли, погребение № 56 (?); 61, 62, 73, 78 — Тли, погребение № 56; 206 — Тли, погребение № 345; 80 — Галиат; 82, 84–86, 101, 147 — Чми; 83, 89, 103, 113–137, 140–146, 149–155, 157–176, 178–181, 183, 184, 186–188 — Кобан; 87 — Стырфаз; 88 — Брили; 106, 200 — Чегем; 139 — Эльхотово, погребение № 77; 138, 148, 182 — Кавказ; 177 — Средний Урух; 185 — неизвестно; 189, 191 — Заюково, погребение № 22; 190–196, 199, 202, 204, 205, 207 — Заюково, погребение № 33; 197 — Заюково, погребение № 25; 198 — Заюково, погребение № 24; 201 — Верхний Баксан; 203 — Заюково, погребение № 29

Fig. 5. Table of the mutual occurrence of pendants in the form of ram's heads. Pendants (stray finds): 1, 4, 7, 10, 105, 107, 112, 156 — Kumbulta; 2, 3, 11–18, 20–22, 25–28, 30–33, 92, 93, 95–98, 100, 102, 104, 109–111 — Faskau; 5, 8, 23, 81, 99 — Kamunta; 6 — Kari Tsagat, burial no. 6; 9, 29, 94, 108 — Upper Rutkha; 19, 90 — Rutkha; 24 — Faskau / Kumbulta; 34–47, 49–59, 61–72, 74–77, 79, 91 — Tli; 48 — Tli, burial № 283; 60 — Tli, burial 56 (?); 61, 62, 73, 78 — Tli, burial 56; 206 — Tli, burial 56 № 345; 80 — Galiat; 82, 84–86, 101, 147 — Chmi; 83, 89, 103, 113–137, 140–146, 149–155, 157–176, 178–181, 183, 184, 186–188 — Koban; 87 — Styrfaz; 88 — Brili; 106, 200 — Chegem; 139 — Elkhotoovo, burial 77; 138, 148, 182 — Kavkaz; 177 — Middle Uruk; 185 — unknown; 189, 191 — Zayukovo, burial 22; 190–196, 199, 202, 204, 205, 207 — Zayukovo, burial 33; 197 — Zayukovo, burial 25; 198 — Zayukovo, burial 24; 201 — Upper Baksan; 203 — Zayukovo, burial 29

круглой формы (II.I.1), расположенными на лицевой стороне морды (II.H.1); отсутствием ноздрей (II.L.1) и рта (II.N.1). Орнамент на морде в виде поперечных углубленных линий (II.E.10–11) или «елочки», направленной вниз (II.E.4). Рога закручены вверх (III.A.1), первый виток рогов короткий (III.G.1); первый и второй витки рогов не прилегают друг к другу (III.F.2); рога закручены на 1,5 оборота (III.H.1), а также на 2 и более оборота (III.H.2); сечение рогов круглое/овальное (III.I.1); орнамент рогов отсутствует (III.V.1). Средний размах рогов 5,6–8,5 см.

Вторая группа подвесок, включающая в себя экземпляры с вертикальной петлей, объединяет три типа.

Характерными признаками *1-го типа II группы* (рис. 6) являются: петля (I.A.2), прикрепленная к голове (I.B.2), украшенная на лицевой стороне (I.D.1) углубленным орнаментом (I.E.1); отсутствие орнамента на морде (II.V.1); расположение круглых глаз (II.I.1) на лицевой стороне морды (II.H.1); наличие ноздрей (II.L.2); в некоторых случаях изображение рта углубленной линией (II.O.1). Рога закручены в сторону (III.A.2), первый виток рогов длинный (III.G.2), витки рогов прилегают друг к другу (III.F.1). Углубленный орнамент (III.D.1) в виде

косых насечек (III.E.1) расположен на лицевой стороне первого витка рогов (III.C.1a); рога закручены на 1,5 оборота (III.H.1). Сечение рогов круглое/овальное (III.I.1).

Подвески 1-го типа II группы представлены двумя вариантами (рис. 6). Вариант 1 включает подвески с прямоугольной формой морды (II.A.4), глазами в виде точечных углублений (II.K.1), орнаментом петли в виде поперечных параллельных линий (I.F.6). Также встречается орнамент в виде елочки, направленной вверх, разделенной посередине продольной вертикальной линией (I.F.9). Ноздри изображены в виде двух углубленных линий (II.M.3). Средний размах рогов 2,2–4,7 см. Вариант 2 объединяет подвески с овальной мордой (II.A.2), объемными глазами (II.J.2) и разнообразным орнаментом петли (I.F.6,7,13,15,16). Встречается орнамент рогов в виде «елочки», направленной вверх (III.E.17). Средний размах рогов 2,8–4,9 см.

Большинство подвесок II группы составляют 2-й тип (рис. 6). Характерными признаками *2-го типа II группы* являются: петля (I.A.2), прикрепленная к голове (I.B.2), как правило, украшенная углубленным орнаментом (I.E.1), расположенным на лицевой стороне (I.D.1). Орнамент петли у многих

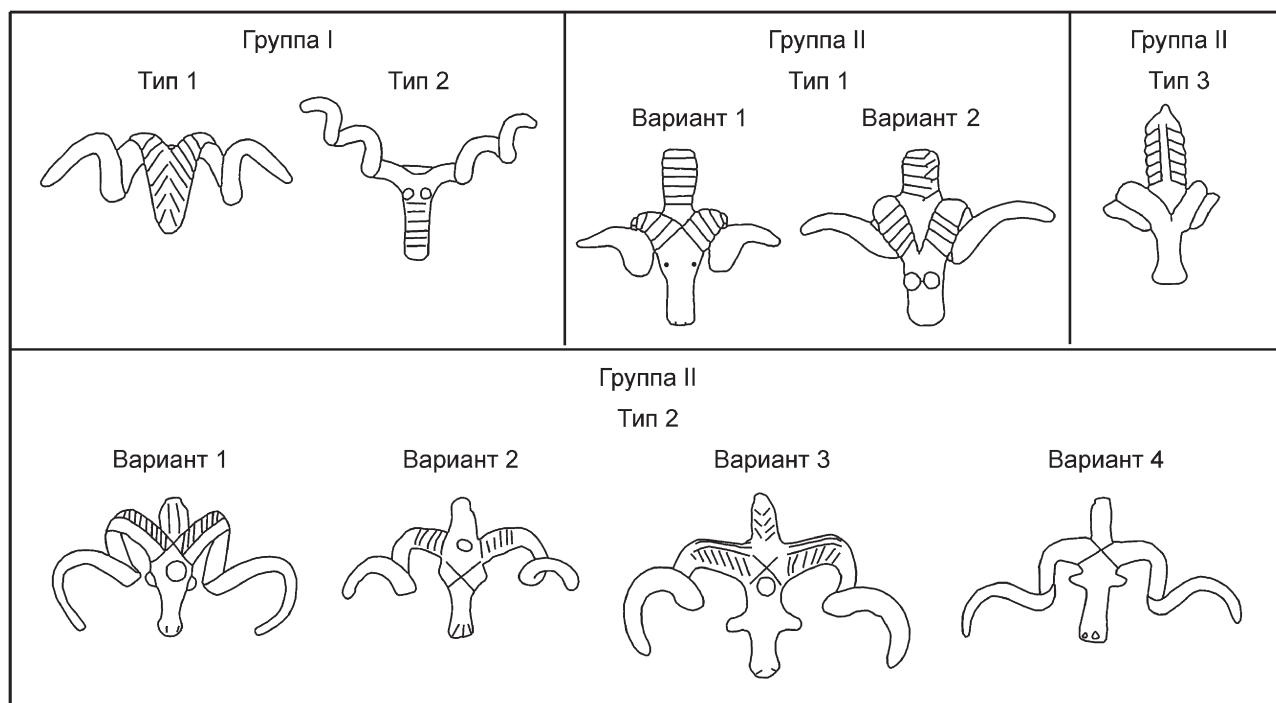

Рис. 6. Основные типы подвесок в виде бараньих голов

Fig. 6. Main types of pendants in the form of ram's heads

подвесок представляет собой продольные линии (I.F.1–5), а также различные варианты «елочек» (I.F.10–12, 14). Морда с выделенной лобной и/или носовой частями (II.A.6), «сигаровидной» (II.A.3), трапецевидной формы (II.A.5), или с округлым расширением на конце (II.A.7). Отсутствие орнамента на всей поверхности морды — узор расположен в верхней части морды (II.E.16–18); у некоторых подвесок в нижней части морды также имеется узор (II.E.12–14). Глаза круглой (II.I.1) или овальной формы (II.I.2), как правило, они объемные (II.J.2), расположены «по сторонам» морды (II.H.2); изображены ноздри (II.M.1–3) и рот (II.O.1–2). Рога закручены вниз (III.A.3), первый виток рогов длинный (III.G.2), витки рогов не прилегают друг к другу (III.F.2). Разнообразный углубленный (III.D.1) орнамент (III.E.2–9, 11–15, 17–19, 21, 22, 24) у большинства подвесок расположен на лицевой стороне первого витка рогов (III.C.1a). Рога, как правило, закручены на 1,5 оборота (III.H.1). Сечение рогов уплощенное (III.I.2).

Подвески 2-го типа II группы разделены на четыре основных варианта (рис. 6).

Подвески, составляющие 1-й вариант, имеют морду с выделенной лобной и/или носовой частями (II.A.6), объемные (II.J.2) глаза круглой формы (II.I.1), декор только в верхней части морды — в виде круглого налета (II.E.18) и углубленных линий, отделяющих морду от рогов (II.E.19). Ноздри изображены под углом внутрь (II.M.2) или вертикальными (II.M.1), рот в виде углубленной линии (II.O.1) или проработан (II.O.2). Рога закручены на 1,5 оборота (III.H.1), орнамент (III.E.2–9, 11–15, 17–19, 21, 22) расположен на лицевой стороне первого витка рогов (III.C.1a). Средний размах рогов 4,6–15,0 см.

Подвески, составляющие 2-й вариант, отличаются более грубая моделировка. Сверху, на первом витке рогов, как правило, фиксируются остатки литников. Окончание морды зачастую уплощенное, иногда украшено орнаментом (II.E.12–13). Особенностью декора верхней части морды являются различные комбинации круглого налета и перекрестия (II.F.1–3). Все подвески имеют сильно уплощенные рога (III.I.2), украшенные вариациями вертикальных насечек (III.E.3, 6, 8). Средний размах рогов 4,9–11,3 см.

Подвески, входящие в 3-й вариант, имеют «сигаровидную» длинную морду (II.A.3), овальные (II.I.2) объемные (II.J.2) глаза, расположенные «по сторонам» морды (II.H.2). Декор в верхней части морды в виде перекрестия (II.E.15) и круглого налета (II.E.18). Рога уплощенные (III.I.2); первый виток рогов украшен поперечными насечками (III.C.1a) или такой же декор идет по всей длине рогов (III.C.16). Средний размах рогов 8,2–12,9 см.

Подвески 4-го варианта имеют трапециевидную длинную морду (II.A.5) с овальными (II.I.2) объемными (II.J.2) глазами, расположенными «по сторонам» морды (II.H.2). В верхней части морды имеется перекрестие (II.E.15). Зачастую петля не орнаментирована (I.C.1). Рога могут быть не орнаментированы (III.B.1); иногда украшены углубленным декором в виде «елочки» и продольных линий (III.E.12, 16, 24). Средний размах рогов 9,9–11,2 см.

Характерными признаками подвесок 3-го типа II группы (рис. 6) являются: петля (I.A.2), прикрепленная к голове (I.B.2), украшенная объемным орнаментом (I.E.2) в виде «косички» (I.F.19–21) или углубленными продольными линиями (I.F.1–2); у некоторых подвесок орнамента на петле нет (I.C.1). Морда трапециевидной формы (II.A.5), встречаются подвески с треугольной формой морды (II.A.1), с выделенной лобной и/или носовой частями (II.A.6). Орнамента на морде (II.B.1) и рогах нет (III.B.1). Глаза объемные (II.J.2), круглой (II.I.1) или овальной формы (II.I.2), расположены «по сторонам» морды (II.H.2), иногда глаза не фиксируются (II.G.1); ноздри (II.L.1) и рот (II.N.1) отсутствуют. Рога обычно закручены в стороны (III.A.2), первый виток рогов длинный (III.G.2), витки рогов прилегают друг к другу (III.F.1). Рога закручены на 1,5 оборота (III.H.1) или 2 и более оборота (III.H.2). Сечение рогов округлое (III.I.1). Средний размах рогов 0,7–2,3 см.

Необходимо отметить, что типы I группы выражены более четко, чем типы II группы. Для изображений головок барана II группы характерно большее многообразие форм. Зачастую сложно отнести определенный

экземпляр к тому или иному типу, так как он может обладать признаками, присущими нескольким типам. Возможно, это служит еще одним подтверждением предложенной хронологической схемы, согласно которой подвески с горизонтальной петлей являются более ранними относительно подвесок с вертикальной петлей.

Хронология

Выделенные группы подвесок отражают временные изменения изделий. Это иллюстрирует таблица взаимовстречаемости типов различных предметов в замкнутых комплексах, в которые входят подвески обеих групп. Всего был проанализирован 51 комплекс (рис. 7).

По вертикальной оси таблицы расположены комплексы в их предполагаемой хронологической последовательности. По горизонтальной оси отложены основные типы металлических изделий, характерные для этих комплексов. Наличие того или иного типа в каком-либо комплексе отмечено в таблице точкой. Типы изделий частично были заимствованы из классификаций отдельных исследователей (Техов, 1977; Корневский, 1981а; Козенкова, 1996, С. 89–103; Мошинский, 1998; Pankshava et al., 2001; Скаков, 2003; Чшиев, 2007б; и др.), а частично разработаны автором статьи. Однако из-за того, что не все категории изделий из памятников Центрального Кавказа детально проанализированы, некоторые их типы являются обобщенными (например, под определением «топор докобанского периода» подразумевается несколько ранних форм топоров, встреченных в рассматриваемых памятниках). Критерием отбора типов предметов также являлось наличие не менее двух изделий одного типа. Последовательность их расположения по диагонали таблицы по направлению с левого верхнего угла сверху вниз к правому нижнему указывает на вероятную хронологическую последовательность выделенных групп комплексов (Бочкарёв, 2017. С. 163)⁴.

⁴ Пользуясь случаем, хочу от всего сердца поблагодарить В. С. Бочкарёва за ценные советы и помощь в работе над классификацией подвесок.

Полученные данные позволяют выделить три хронологические группы, которые отражают переход от среднего к позднему бронзовому веку (рис. 7). На таблице видно, что подвески с горизонтальной петлей имеются в первой и второй группе, между которыми наблюдаются прочные связи и плавный переход. Поэтому эти группы могут быть названы группами Ia и Ib, их можно объединить в один докобанский хронологический период (рис. 7. Ia, Ib). Третья хронологическая группа не имеет ярко выраженных преемственных типов изделий, поэтому относится ко II хронологическому периоду, который соотносится с кобанской культурой (рис. 7. II).

К I периоду относятся погребения № 12 и 31а могильника Брили, погребение № 6 могильника Кари Цагат, погребения № 66, 74, 76, 82, 91 Адайдонского могильника⁵ с подвесками в виде бараньих голов, а также погребения могильников Нули и Квасатали без бараньих головок (*Джапаридзе*, 1955; 2009). Этот период характеризуют следующие основные типы изделий: бронзовые топоры типа Фаскау-6 и Фаскау-7, по классификации С. Н. Корневского (*Корневский*, 1981а. С. 28–31); кинжалы с отверстием в черенке; наконечники копий с раскрытой втулкой; кремневые наконечники стрел с глубокой выемкой в основании; булавы вытянутых пропорций с шишечками; булавки с навершием в виде павлиньего пера, дисковидным, конусовидным, волютообразным навершием; узкие браслеты с суженными концами; широкие браслеты с ребром посередине; подвески в 1,5 оборота; птицевидные и секировидные бляхи с головками барана; навершия треугольной формы с головкой барана; подвески в виде головы барана с горизонтальной петлей между рогами; фибулообразные подвески; спиральные пронизи; пастовый бисер; гагатовые и сердоликовые бусы; сурьмяные украшения (рис. 7, Ia).

⁵ Выражаю искреннюю благодарность А. П. Мошинскому и В. Т. Чшиеву за предоставленную информацию и возможность работы с неопубликованными материалами погребений.

В I хронологическом периоде выделяется период, который, вероятно, является переходным (рис. 7, Ib). Он представлен погребением № 56 Тлийского могильника и погребением № 2 Стырфазского кромлеха № 5, в которых найдены бараньи головки с закрученными вверх рогами⁶. Подвески составляют 2-й тип I группы по классификации подвесок в виде бараньих голов. Основными характерными категориями предметов переходного периода являются: диадемы из бронзового листа; булавки с овальными шляпками; булавки с навершием в виде пяти шишечек; булавки с гвоздевидными, вилообразными навершиями; булавки с навершием в виде бычьих голов; биспиральные крючки; булавы вытянутых пропорций с шишечками.

I хронологический период частично соответствует периоду Кобан I, по периодизации В. И. Козенковой (протокобанский период), или Протокобанскому II периоду, который А. П. Мошинским и А. Ю. Скаковым соотносится с дигорской культурой (*Козенкова*, 1996. С. 90, табл. 1; *Мошинский*, 2000; 2006. С. 261–264; *Скаков*, 2001). В абсолютных датах это соответствует XIV–XII вв. до н. э. (*Козенкова*, 1996. С. 90, табл. 1) или XV–XIII вв. до н. э. (*Скаков*, 2001. С. 234). Р. А. Мимоход предложил датировку Протокобанского II периода в пределах конца III тыс. до н. э. — XVII в. до н. э. (*Мимоход*, 2013. С. 261, ил. 114).

Ко II хронологическому периоду относятся комплексы Кобанского могильника из раскопок Э. Шантра (погребения № 9, 12, 13, 15), Тлийского могильника (погребения № 17, 23, 86, 97, 105, 148, 217, 338, 341, 345), Эльхотовского могильника (погребения № 68, 77, 87), могильников Заюково-3 (погребения № 22, 24, 25, 33)⁷ и Кичмалка II (погребения № 9, 30) (рис. 7, II). Для этого периода в целом характерны: топоры кобанского типа;

⁶ Выражаю искреннюю благодарность М. М. Зассеву за возможность работы с материалами Тлийского могильника.

⁷ Выражаю искреннюю благодарность А. А. Кадиевой за предоставленную информацию и возможность работы с материалами погребений.

Памятники	Типы изделий																			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1 Квасатали, п. 8	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•										
2 Нули, п. 3		•	•	•	•	•	•	•	•											
3 Адайдонский, п. 55					•	•	•			•	•									
4 Нули, п. 6		•	•	•	•	•	•			•										la
5 Квасатали, п. 1	•	•	•	•	•	•	•	•	•											
6 Квасатали, п. 6																				
7 Кари Цагат, п. 6	•	•	•	•																
8 Квасатали, п. 3		•			•	•	•	•	•											
9 Брили, п. 12					•	•	•	•	•											
10 Адайдонский, п. 116	•	•	•		•	•	•	•	•	•										
11 Адайдонский, п. 66					•	•	•	•	•	•	•									
12 Адайдонский, п. 82					•	•	•	•	•	•	•									
13 Адайдонский, п. 112																				
14 Адайдонский, п. 76																				
15 Адайдонский, п. 74																				
16 Адайдонский, п. 91																				
17 Тлийский, п. 56																				
18 Стырфазский, кр. 5, п. 1																				
19 Тлийский, п. 73																				
20 Цамад, п. 1																				
21 Стырфазский, кр. 5, п. 2																				
22 Тлийский, п. 116																				
23 Тлийский, п. 27																				
24 Тлийский, п. 43																				
25 Стырфазский, кр. 4																				
26 Тлийский, п. 33																				
27 Тлийский, п. 283																				
28 Тлийский, п. 105																				
29 Тлийский, п. 217																				
30 Тлийский, п. 23																				
31 Кобанский, п. 15 (Шантр)																				
32 Кобанский, п. 8																				
33 Кобанский, п. 13 (Шантр)																				
34 Кобанский, п. 9 (Шантр)																				
35 Кобанский, п. 12 (Шантр)																				
36 Тлийский, п. 372																				
37 Тлийский, п. 97																				
38 Тлийский, п. 86																				
39 Тлийский, п. 17																				
40 Тлийский, п. 148a																				
41 Тлийский, п. 335																				
42 Тлийский, п. 346																				
43 Тлийский, п. 349																				
44 Тлийский, п. 361																				
45 Тлийский, п. 338																				
46 Тлийский, п. 341																				
47 Тлийский, п. 345																				
48 Заюково, п. 25																				
49 Заюково, п. 33																				
50 Заюково, п. 24																				
51 Заюково, п. 22																				

Рис. 7. Таблица взаимовстречаемости типов предметов в комплексах: Ia, Ib, II — хронологические группы (Ia, Ib — первый хронологический период; II — второй хронологический период)

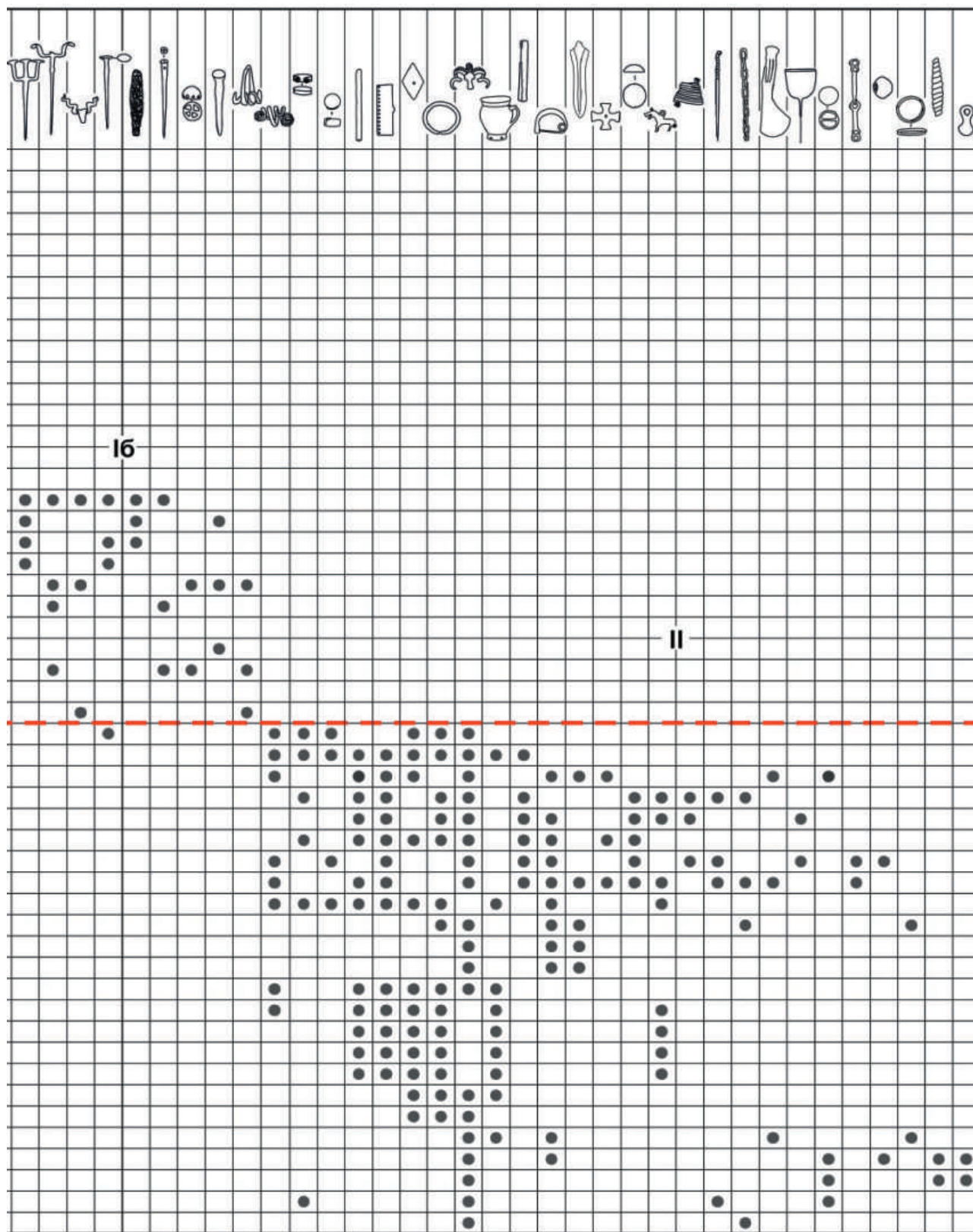

Fig. 7. Table of mutual occurrence of the types of artefacts in the complexes: keys: Ia, I6, II — chronological groups (Ia, 6 — first chronological range; II — second chronological range)

клинки пламевидной формы; прямоугольные пряжки; дуговидные фибулы; ромбовидные и полусферические бляшки; булавки с раскованным и скрученным в трубочку навершием; браслеты с ребром посередине и скрученными в спираль концами; подвески в виде бараньих голов с вертикальной петлей; бронзовые сосуды и другие предметы.

Согласно разработкам В. И. Козенковой и Б. В. Техова, раннекобанским временем могут быть датированы: погребение № 15 Кобанского могильника и погребения № 17, 23, 86, 105, 148, 217 Тлийского могильника (Козенкова, 1996. С. 90, табл. 1; Техов, 1980. С. 14, 16–17, 24–25, 27–28, 31, 36–37, табл. 35; 39; 61; 68; 80; 94). Период классической Кобани (по периодизации В. И. Козенковой) представлен погребением № 9 Кобанского могильника, погребением № 97 Тлийского могильника, датированных X–IX вв. до н. э. (Козенкова, 1996. С. 90, табл. 1; *Bedianashvili, Bodet*, 2010. P. 281–282; Техов, 1981. С. 6, 8, табл. 54). К IX в. до н. э. относится погребение № 338 Тлийского могильника; началом—серединой IX в. до н. э. или IX–VIII вв. до н. э. датируется погребение № 77 Эльхотовского могильника (Техов, 2002. С. 11. Табл. 5; Чшиев, 2017. С. 203–204, рис. 45; Сокровища Алании, 2011. С. 60–61, № 36). Погребения № 68, 87 Эльхотовского могильника и погребение № 345 Тлийского могильника датированы VIII в. до н. э. (Чшиев, 2017. С. 203–204, рис. 36; 54; Техов, 2002. С. 14, табл. 12). К VIII — первой половине VII в. до н. э. относятся погребения с подвесками в виде головок барана из могильника Заюково-3 (Кадиева, Демиденко, 2016. С. 85–88, рис. 1–7). Такие же даты предложены для погребения № 12 Кобанского могильника — конец VIII — начало VII в. до н. э. или VIII–VII вв. до н. э. (Вальчак, 2001. С. 69; *Bedianashvili, Bodet*, 2010. P. 285). К VII в. до н. э. относится погребение № 341 Тлийского могильника, а самым поздним во II хронологическом периоде является погребение № 9 могильника Кичмалка II, датированное концом VI — началом V в. до н. э. (Техов, 2002. С. 12, табл. 7).

II хронологический период очень обширный и включает в себя погребения,

относящиеся к нескольким этапам или периодам кобанской культуры, по схеме В. И. Козенковой — Кобан II, Кобан III и Кобан IV (Козенкова, 1996. Табл. 1). К сожалению, не все этапы представлены подвесками в виде бараньих голов из замкнутых комплексов, поэтому на данной стадии исследования этот период более подробно не подразделяется.

Хронологическая последовательность групп подвесок подтверждается составом металла (Васильева, Хаврин, 2019). К I хронологическому периоду относятся подвески с горизонтальной петлей, в составе металла которых отсутствует олово. Они отлиты из мышьяковой меди и относятся к докобанскому времени. В составе сплавов подвесок этого периода отмечено повышенное содержание сурьмы. У некоторых экземпляров сурьма является основным элементом.

Во II хронологический период входят подвески с вертикальной петлей, изготовленные из оловянной бронзы. Они характерны для кобанской культуры. Наличие олова в составе сплава одной подвески 2-го типа I группы (с закрученными вверх рогами) может являться подтверждением переходного характера памятников, из которых происходят подвески этого типа (Тли, Стырфаз).

Анализ металла биспиральных крюков, булавок с навершиями в виде пяти шишечек и овальных шляпок также показывает наличие олова в составе сплавов (Корневский, 1981б. С. 156–161, рис. 6; Техов, 2006. С. 140). Вместе с тем эти предметы синхронны другим находкам докобанского времени. Есть основания полагать, что на южных склонах Кавказского хребта олово появилось раньше, чем на северных. Подвески с вертикальной петлей и сближенными витками рогов из мышьяковой бронзы (тип 1 группа II), вероятно, относятся к раннекобанскому периоду, и этот тип, скорее всего, также носит переходный характер.

Культурная принадлежность подвесок I хронологического периода (докобанского) остается открытой. Подвески в виде бараньих голов II хронологического периода являются характерной категорией инвентаря погребений кобанской культуры.

- Бочкарёв*, 2017 — *Бочкарёв В. С.* Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. 2017. №. 2. С. 159–204.
- Вальчак*, 2001 — *Вальчак С. Б.* История исследования и особенности воинского погребения из Верхнекобанского могильника // *Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки* / Отв. ред. М. П. Абрамова, В. И. Марковин. М.: ИА РАН, 2001. С. 65–70 (МИАР; № 3).
- Васильева*, 2008 — *Васильева Е. Е.* О динамике кобанского bestiaria // *Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. Междунар. науч. конференции (Владикавказ, 21–25 апреля 2008 г.)* / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: Изд-во СОИГСИ, 2008. С. 92–94.
- Васильева*, 2016 — *Васильева Е. Е.* Бронзовые предметы, украшенные скульптурными изображениями животных, из памятников Дигории // *Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX «Крупновские чтения»: Материалы Междунар. науч. конф. (Грозный, 18–21 апреля 2016 г.)* / Отв. ред. М. Х. Багаев, Х. М. Мамаев. Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та, 2016. С. 69–72.
- Васильева*, *Хаврин*, 2019 — *Васильева Е. Е., Хаврин С. В.* Зооморфные изделия среднего бронзового — раннего железного веков Центрального Кавказа: металл и хронология // *Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф., 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург. Т. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рожд. выдающ. археолога В. С. Бочкарёва* / Отв. ред. А. В. Поляков, Е. С. Ткач. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 165–168.
- Вольная*, 2010 — *Вольная Г. Н.* О начальном этапе истории изучения зооморфного искусства Кавказа раннего железного века // *Изобразительное искусство в археологическом наследии: Сб. ст. / Гл. ред. А. В. Колесник. Донецк: Лебедь, 2010. С. 333–344. (Археологический альманах; № 21).*
- Вольная*, *Найфонова*, 2016 — *Вольная Г. Н., Найфонова Ф. Т.* Образ барана в прикладном искусстве кобанской культуры и традиционной культуре населения Центрального Кавказа // *Известия СОИГСИ. Владикавказ, 2016. Вып. 21 (60). С. 5–23.*
- Джапаридзе*, 1955 — *Джапаридзе О. М.* Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии // *КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 23–30.*
- Джапаридзе*, 2009 — *Джапаридзе О. М.* О древнейшей истории Шида Картли. Тбилиси, 2009. 280 с. (на груз. яз.).
- Длужневская*, 2014 — *Длужневская Г. В.* Археологические исследования в Европейской части России и на Кавказе в 1859–1919 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). СПб.: ЛЕМА, 2014. 218 с.
- Долбежев*, 1888 — *Долбежев В. И.* Об орнаментах и формах бронз, находимых в доисторическом кладбище, близ селения Уолла-Кобан, Терской области // *Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Владикавказ: Тип. канц. главнонач. гражд. частью на Кавказе, 1888. Вып. VI. С. 50–76.*
- Доманский*, 1984 — *Доманский Я. В.* Древняя художественная бронза Кавказа. М.: Искусство, 1984. 240 с.
- Журавлёв*, *Мошинский*, 1994 — *Журавлёв Д. В., Мошинский А. П.* Поясные пряжки из могильника Гастон Уота в Северной Осетии // *РА. 1994. № 1. С. 157–165.*
- ИАК, 2009 — Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 1312 с.
- Кадиева*, *Демиденко*, 2016 — *Кадиева А. А., Демиденко С. В.* Произведения пластики малых

- форм эпохи раннего железного века из могильника Заюково-3 (Гунделен) в Кабардино-Балкарии // Кавказ и Степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. памяти М. Н. Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.) / Отв. ред. А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 85–88.
- Каталог собрания древностей, 1887 — Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. [Отд. 1. Каменный период; Отд. 2. Металлический период]. М.: Синодальная типография, 1887. X, 80 с.
- Козенкова, 1977 — Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. М.: Наука, 1977. 88 с. (САИ; Вып. В2–5).
- Козенкова, 1982 — Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 176 с. (САИ; Вып. В2–5).
- Козенкова, 1989 — Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант. М.: Наука, 1989. 196 с. (САИ; Вып. В2–5).
- Козенкова, 1990 — Козенкова В. И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3. С. 64–92.
- Козенкова, 1995 — Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (Систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИА РАН, 1995. 166 с. (САИ; Вып. В2–5).
- Козенкова, 1996 — Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН, 1996. 164 с.
- Козенкова, 1998 — Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен (орудия труда, украшения, предметы культа, посуда: систематизация и хронология). Западный вариант. М.: ИА РАН, 1998. Т. 5. 200 с. (САИ; Вып. В2–5).
- Козенкова, 2008 — Козенкова В. И. О потенциале «забытых» коллекций: древности кобанской культуры в собрании А. Коссниерской // ПИФК. 2008. Вып. 21. С. 159–181.
- Козенкова, 2017 — Козенкова В. И. Специфика духовного мира кобанских племен. М.: ИА РАН, 2017. 114 с.
- Козенкова, Мошинский, 1995 — Козенкова В. И., Мошинский А. П. Кобанская культура Кавказа: генетические корни и условия формирования // Историко-археологический альманах / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей, 1995. № 1. С. 48–52.
- Корневский, 1981a — Корневский С. Н. Втульчатые топоры — оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / Ред. Б. А. Литвинский. М.: Наука, 1981. С. 20–41.
- Корневский, 1981b — Корневский С. Н. Химический состав бронзовых изделий из Тлийского могильника // СА. 1981. № 3. С. 148–162.
- Крупнов, 1951 — Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. Е. И. Крупнов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 17–74. (МИА; № 23).
- Крупнов, 1960 — Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 520 с.
- Крупнов, 1969 — Крупнов Е. И. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры // СА. 1969. № 1. С. 13–18.
- Куфтин, 1950 — Куфтин Б. А. Археологические изыскания в Рионской низменности и на Черноморском побережье 1935 и 1936 годов. Тбилиси: Изд-во Техника ДА Шрома, 1950. 331 с. (Материалы к археологии Колхиды. Т. II.)
- Лорр, 2000 — Лорр К. О происхождении археологической коллекции Эрнста Шантра (Музей национальных древностей, Сен-Жермен-эн-Лэ, Франция) // РА. 2000. № 2. С. 173–179.

- Мимоход*, 2013 — *Мимоход Р. А.* Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.: ИА РАН, 2013. 568 с. (Материалы охранных археологических исследований; Т. 16).
- Мошинский*, 1998 — *Мошинский А. П.* Оружие кобанской культуры с территории Северной Осетии в собрании ГИМ (коллекция Долбежева В. И.). Каталог // Археологический сборник. М.: ГИМ, 1998. С. 109–127. (Тр. ГИМ; Вып. 96).
- Мошинский*, 1999 — *Мошинский А. П.* Браслеты из могильника Гастон Уота (Северная Осетия) // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: ИА РАН, 1999. С. 136–151.
- Мошинский*, 2000 — *Мошинский А. П.* О правомерности выделения дигорской культуры // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. / Ред. А. Б. Белинский и др. Кисловодск: Наследие, 2000. С. 102–104.
- Мошинский*, 2002 — *Мошинский А. П.* Протокобанская эпоха на Северном Кавказе // XXII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. конф. / Ред. А. Б. Белинский, С. Н. Савенко. Ессентуки; Кисловодск: Наследие, 2002. С. 94–96.
- Мошинский*, 2006 — *Мошинский А. П.* Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э. М.: ГИМ, 2006. 208 с. (Тр. ГИМ; Вып. 154).
- Мошинский*, 2010 — *Мошинский А. П.* Древние бронзы Кавказа. М.: ГИМ, 2010. 200 с.
- Мошинский*, 2013 — *Мошинский А. П.* Воины, металлурги, художники Северного Кавказа эпохи бронзы // Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетие до н. э. Каталог выставки / Науч. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 218–226.
- Мошинский*, 2019 — *Мошинский А. П.* Керамический комплекс кобанского поселения Сауар в контексте кобано-колхидской культурно-исторической общности // КСИА. 2019. Вып. 255. С. 153–168.
- Скаков*, 1997 — *Скаков А. Ю.* К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских орнаментированных топоров // Древности Евразии / Отв. ред. С. В. Демиденко, Д. В. Журавлёв. М.: Б. и., 1997. С. 70–87.
- Скаков*, 1999 — *Скаков А. Ю.* Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа / Отв. ред. В. И. Марковин. М.: ИА РАН, 1999. С. 121–135.
- Скаков*, 2001 — *Скаков А. Ю.* Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: Материалы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Европы» (Самара, 23–28 апреля 2001 г.). Самара: Самарский государственный педагогический университет, 2001. С. 233–238.
- Скаков*, 2003 — *Скаков А. Ю.* Об одной категории протокобанских украшений // РА. 2003. № 1. С. 91–102.
- Скаков*, 2004 — *Скаков А. Ю.* Протокобанская эпоха на Кавказе // Кавказ: история, культура, традиции, языки: По материалам Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа (Сухум, 28–31 мая 2001 г.) / Отв. ред. В. Ш. Авидзба. Сухум: Дом печати, 2004. С. 188–196.
- Сланов*, 1989 — *Сланов А. Х.* Железный век на территории Южной Осетии. Цхинвали: Ирыстон, 1989. 111 с.
- Сокровища Алании, 2011 — Сокровища Алании. М.: Эксмо, 2011. 240 с.
- Техов*, 1960 — *Техов Б. В.* Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли // СА. 1960. № 1. С. 163–178.
- Техов*, 1977 — *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Техов*, 1980 — *Техов Б. В.* Тлийский могильник (комплексы XVI–X вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1980. Т. I. 58 с.
- Техов*, 1981 — *Техов Б. В.* Тлийский могильник (комплексы IX — первой половины VII вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1981. Т. II. 73 с.

- Техов*, 1985 — *Техов Б. В.* Глийский могильник (комплексы второй половины VII — VI вв. до н. э.). Тбилиси: Мецниереба, 1985. Т. III. 69 с.
- Техов*, 2002 — *Техов Б. В.* Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 512 с.
- Техов*, 2006 — *Техов Б. В.* Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 543 с.
- Уварова*, 1900 — *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К, 1900. Вып. VIII. 381 с.
- Чишев*, 2007а — *Чишев Х. Т.* Памятники кобанской культуры на территории Северной Осетии // Археология Северной Осетии / Отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. Ч. 1. С. 178–293.
- Чишев*, 2007б — *Чишев Х. Т.* Два типа топоров эпохи поздней бронзы из Адайдонского могильника кобанской культуры (Северная Осетия) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Армавир, 2007. Вып. 8. С. 40–49.
- Чишев*, 2017 — *Чишев В. Т.* Эльхотовский могильник как эталонный памятник кобанской культуры предгорной зоны Северной Осетии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2017. 39 с.
- Avant les Scythes...*, 1979 — *Avant les Scythes — préhistoire de l'art en U.R.S.S.* Paris: Editions de la Réunion des Musées Nationaux, 1979. 222 p.
- Bedianashvili, Bodet*, 2010 — *Bedianashvili G., Bodet C.* Koban necropolis, Tombs 9 and 12: The Late Bronze to The Early Iron Age of the Northern Caucasus // TUBA-AR. 2010. No. 13. P. 277–292.
- Born*, 1984 — *Born H.* Meisterwerke kaukasischer Bronzeschmiede. Berlin: Mann, 1984. 43 S. (Bilderhefte der Staatl. Museen Preuß. Kulturbesitz; H. 47).
- Chantre*, 1886 — *Chantre E.* Recherches anthropologiques dans le Caucase. Période protohistorique. Text. Atlas. Paris; Lyon: C. Reinwald, H. Georg, 1886. Vol. 1–2. 226 p.
- Cheishvili*, 2008 — *Cheishvili A.* Une collection archeologique du Caucase du Nord au Musee Savoisien // L'Histoire en Savoie. Bulletin de la Societe Savoisienne d'Histoire et d'Archeologie, Decembre. Chambery, 2008. P. 4–8.
- Curtis, Kruszynski*, 2002 — *Curtis J., Kruszynski M.* Ancient Caucasian and Related Material in the British Museum // The British Museum Occasional Paper. London: The British Museum, 2002. No. 121. 128 p.
- Motzenbäcker*, 1996 — *Motzenbäcker I.* Sammlung Kossnierska. Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen Bronzezeit. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 1996. 294 S. (Museum für Vor- und Frühgeschichte Bestandskataloge; Bd. 3).
- Pantskhava et al.*, 2001 — *Pantskhava L., Maisuradze V., Gobejishvili G.* Toward dating burial № 12 excavated at Brili necropolis in 1939 (Summary) // Dziebani. Tbilisi, 2001. No. 8. P. 44–48.
- Reinhold*, 2007 — *Reinhold S.* Die Spätbronze- und frühe Eisenzeit im Kaukasus. Materielle Kultur, Chronologie und überregionale Beziehungen. Bonn: Verlag Dr. Rudolf Habelt, 2007. T-le 1, 2. 383 S. (UPA; Bd. 144).
- Sulava, Kalandadze*, 2008 — *Sulava N., Kalandadze N.* Glass incrusted ancient artifacts from Georgia (Brili and Samtavro burial grounds) // Ancient Mining in Turkey and The Eastern Mediterranean: International conference AMITEM 2008, June 15–22. Ankara: Atılım University, 2008. P. 289–298. (Turkey Historical Research Applications and Research Center Publications; Vol. 2).
- Vasilieva*, 2011 — *Vasilieva E. E.* El Norte del Caucaso durante el Bronce final y los inicios de la Edad del Hierro // “Ermitage. Tesoros de la arqueología rusa en el MARQ”, exposición internacional / Red. A. Ju. Alekseev. Alicante: Fundación MARQ — Museo arqueológico de Alicante, 2011. P. 87–93.
- Virchow*, 1883 — *Virchow R.* Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Eine vergleichend-archäologische Studie. Atlas. Berlin: Verlag von A. Asher & C, 1883. XI Taf.
- Zichy*, 1897 — *Zichy E.* Voyages au Caucase et en Asie Centrale. La migration de la race hongroise. Description de collections par les docteurs J. Janco et B. Posta. Budapest: Gustave Ranschburg Libraire-Editeur, 1897. Vol. II. 613 p.

Classification and chronology of metal pendants in the shape of ram's heads from the Central Caucasus of the Middle Bronze Age and Early Iron Age

E. E. Vasil'yeva

Pendants in the shape of ram's heads of the end of the Middle Bronze Age — Early Iron Age from the Central Caucasus held a special place in the spiritual culture of the ancient population. The main problem in the studies of these pendants is that of the rarity of these objects in closed associations causing that their dating for a long time has remained unsolved. Nevertheless, investigations of the pendants have demonstrated that they are a valuable source of information and useful for development of chronological schemes. For them, a classification has been developed; their numerous features have been united into three groups depending on the depiction of the loop, muzzle and horns. It turned out that the features describing the location of the loop relative the pendant are determining the type. Investigation of this feature has led to dividing the pendants into two groups: those with a horizontal and a vertical loop. The findings of such objects in closed associations where pendants of both two groups were present have allowed the researchers to distinguish two chronological periods. The chronological sequence of the groups of pendants also is supported by the composition of their metal. The pendants with a horizontal loop where tin is absent in the alloy belong to the first (pre-Koban) period. The second chronological group comprises the pendants with a vertical loop made from tin bronze. These are characteristic of the Koban culture.

К интерпретации камерных погребений X — начала XI в. на Старовознесенской возвышенности в Пскове¹

Н. В. Хвощинская²

Аннотация. Во время охранных в 2003–2009 гг. археологических раскопок в Пскове были открыты восемь камерных захоронений X — начала XI в., которые располагались обособленно от синхронного городского кладбища и отличались особым богатством погребального инвентаря. В статье приводятся доказательства, что данные захоронения могли быть оставлены купеческой общиной, занимающейся международной торговлей.

Annotation. During the rescue archaeological excavations of 2003–2009 in Pskov, eight chamber burials of the 10th and early 11th century were uncovered in Pskov. They are located separately from the synchronous city's cemetery and were distinguished in a particular richness of the burial goods. This paper presents evidence that these burials can have been left by the merchant's community concerned with international trade.

Ключевые слова: Древний Псков, Старовознесенский могильник, камерные погребения X — начала XI в., торговля.

Keywords: Early Pskov, Starovoznesensky cemetery, chamber burials of the 10th and early 11th century, trade.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-306-316

В 2003–2009 гг. во время охранных археологических раскопок в Пскове на южной территории Окольного города у древнего Старовознесенского монастыря были открыты восемь камерных погребений. Изданный по материалам этого некрополя фундаментальный труд большого коллектива авторов с подробным анализом погребального обряда и инвентаря, а также с детальной публикацией отчетной документации ввел в научный оборот уникальный археологический памятник, существенно дополняющий наши знания

о камерных погребениях Древней Руси (Древнерусский некрополь, 2016). Поистине сенсационные открытия псковских археологов не до конца еще оценены в отечественной науке.

Следует отметить, что в отличие от других раннегородских центров в Пскове в черте современного города под мощным культурным слоем в разные годы удалось обнаружить и изучить остатки двух курганных некрополей X — начала XI в. Один (основной городской) находился в непосредственной близости раннему посаду и детинцу на Городецкой возвышенности между реками Псковой и Великой и уже с середины — второй половины XI в. стал постепенно застраиваться (Яковлева, 2016а. С. 23). Второй, о котором и пойдет речь, располагался на Старовознесенской возвышенности в отдалении от псковского городища и примерно в километре от первого

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-40111 «Социокультурные трансформации в Восточной Европе и формирование Руси: новые материалы, интерпретации, обобщения».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

могильника. Несмотря на одновременность памятников, они сильно отличаются друг от друга, как по погребальному обряду, так и по комплексу сопровождающих вещей.

В городском некрополе было вскрыто 80 захоронений. Среди них преобладали трупосождения (71) с немногочисленным погребальным инвентарем, в основном представленным бытовыми, хозяйственными изделиями и керамикой, иногда бусами, металлическими украшениями и деталями костюма; в единичных случаях — предметами северо-европейского круга древностей³ (Малышева, 2012. С. 26–90). Три из девяти ингумаций, по мнению исследователей, были камерными, но по характеру сопровождающего инвентаря они практически не отличались от рядовых могил. Лишь в одном на костях были зафиксированы скопления тонких золотных нитей, которыми были вышиты отдельные части костюма (воротник, обшлага и др.). Одним словом, это был обычный раннегородской могильник, в материале которого отразился этнокультурный и социальный срез псковского общества языческой поры.

Совершенно иное явление представляет собой группа погребений, открытых около Старовознесенского монастыря. Она резко отличалась от могильника на Городецкой возвышенности как по единообразному, устойчивому характеру погребального обряда, так и по необычному составу и богатству сопровождающего инвентаря. Дадим ее краткую характеристику.

На площади 5548 кв. м на двух раскопах, Старовознесенском и Подзноевском, было

³ На весь достаточно крупный могильник только девять изделий скандинавского облика: две скорлупообразные фибулы (погребение № 4), рамка серебряной пряжки и бронзовый наконечник ремня, выполненные в стиле Борре (погребение № 57), гривны из тордированной проволоки с подвесками (из разрушенных погребений), щитообразные подвески (погребение № 20), комплект миниатюрных амулетов (погребение № 57). К числу скандинавских находок можно также причислить дугообразную фибулу (погребение № 15) и кольцевидную булавку (погребение № 46), но, скорее всего, они были сделаны местными мастерами по северо-европейским образцам.

вскрыто восемь захоронений, которые, видимо, составляли только часть могильника. Среди исследованных погребений было четыре женских, два мужских (одно из которых сопровождалось погребением подростка) и два детских (девочки и мальчика). Все без исключения захоронения были камерными, совершенными по обряду ингумации. Хотя сохранность камер была различна и у каждого сооружения прослеживаются свои особенности, общим для них признаком являлись обширные по размеру ямы, в которые впускали срубы, имевшие пол и потолок (Яковлева, 2016б. С. 484–505). Интересно пространственное размещение захороненных внутри срубов: женщина в погребении № 1 полусидела на возвышении; в камере № 3 удалось реконструировать ложе-кровать; мальчик, сопровождавший захоронение мужчины в камере № 4, был помещен в лодку (бревна пола были выдвинуты за пределы сруба, и на них поставлена лодка-долбленка), а девочка в камере № 7 лежала в сундуке. Характер разнообразного размещения тела умершего в пространстве полой гробницы имеет прямые параллели в скандинавском обряде⁴.

Обычно «население, соорудившее погребения в камерах, не дистанцировало себя и своих покойников от основной части „дружинных могильников“» (Михайлов, 2016. С. 52), поэтому камерные погребения в первых русских раннегородских центрах Киева, Чернигова, Гнёздова, Тимерёва были рассредоточены среди других типов захоронений и не создавали обособленных групп. В отличие от них, Старовознесенский могильник представлял собой компактное кладбище исключительно из камерных захоронений в отдалении от городского кладбища. Такая топографическая обособленность свидетельствует, что он был оставлен группой населения, занимавшей особое место в социальной структуре города. Суммируя материалы этого

⁴ На территории Скандинавии в качестве гробовищ часто использовались совершенно различные вместилища: лодки, сундуки, кузова небольших повозок, одиночные сани и пр. (Gräslund, 1980. P. 149–153).

уникального погребального комплекса и отмечая «относительную одномоментность захоронений», псковские исследователи сделали заключение, что «помимо достаточно высокого социально-имущественного уровня, единства этнической принадлежности и духовной ориентации, членов этой корпорации связывали и кровно-родственные узы» (Яковлева и др. 2012. С. 151).

Особый статус этих людей материально воплощен в количественном и качественном составе погребального инвентаря. Богатство отдельных захоронений превосходит все ожидания, поражает воображение и сравнимо с богатейшими камерами Киева, Гнёздова и Бирки. Даже в разграбленных еще в древности могилах сохранились предметы и украшения или их фрагменты, свидетельствующие о роскошном убранстве костюма погребенных и богатых дарах, помещенных в камеры. Изучая материалы отдельных захоронений, Н. В. Ениосова тонко подметила, что погребение № 1 в псковском некрополе без преувеличения можно считать самым богатым женским захоронением не только в самом могильнике, но и на всей территории Древней Руси (Ениосова, 2016. С. 558).

Золото крайне редко встречается в памятниках лесной зоны Восточной Европы⁵. Это был металл престижа, его вывоз из Византии был строго регламентирован (Ениосова, 2007. С. 315). Именно поэтому при всем богатстве камерных захоронений золотые вещи в них почти полностью отсутствуют, хотя они представлены вкладах этого времени. К. А. Михайлов объясняет это тем, что «вещевой набор в камерах, по-видимому, представляет собой достаточно символическое отражение богатства и прижизненного положения умершего. Никто из окружающих его близких не собирался демонстрировать все богатство покойника, укладывая в могилу все

⁵ По подсчетам Н. В. Ениосовой «на территории Древней Руси встречено не более 50 украшений и их фрагментов, относящихся к позднему периоду викингов», а также около 60 монет и пять слитков, причем в основном золотые изделия концентрировались в Южной Руси (Ениосова, 2007. С. 307).

его добро и драгоценности» (Михайлов, 2016. С. 166). На этом фоне присутствие шести золотых предметов в восьми погребениях, четыре (а возможно, и пять⁶) из которых были ограблены еще в древности, выглядит весьма внушительно для оценки имущественного положения данной социальной группы. В погребениях женщины (№ 1) и девочки (№ 7) были встречены золотые колечки с напущенными на них стеклянными бусами. У девочки на голове еще находилась золототканая тесьма-очелье. В другом женском захоронении (№ 8) обнаружены плетеный крест из полосок золотой фольги и золотая битва от отделки одежды. В мужском захоронении (№ 6) в кошелек был положен золотой слиток-самородок.

Наряду с золотыми предметами значительную долю в погребениях составляют изысканные высокохудожественные украшения, детали одежды и декоративные элементы бытовых предметов и оружия, выполненные из серебра. Из семи захоронений происходит 55 серебряных предметов и восемь монет⁷. Некоторые украшения и элементы декора орнаментированы зернью, сканью или гравировкой, на четырех сохранились следы золочения и чернения. При исследовании находок из драгоценных металлов Н. В. Ениосова отмечает, что если серебряные предметы, происходящие с территории Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Среднего Поволжья, Венгрии и Южной Руси, в основном изготовлены не из высококачественного металла, то подавляющее большинство находок из камерных погребений Пскова имеет очень высокую пробу и по составу металла сравнимо только складами Гнёздова и Скандинавии (Ениосова, 2016. С. 532). А следовательно, данной

⁶ Камера № 8 на плане показана как предположительно ограбленная (Яковлева, 2016а. Рис. 1). Однако судя по описанию самой камеры, и тому, что *in situ* сохранилась только нижняя часть скелета (Ершова, 2016б. С. 351, 352), если погребение и не было ограблено в древности, то оно однозначно было нарушено поздними перекопами.

⁷ В потревоженном погребении № 8 серебряных предметов не было зафиксировано, но при этом имелись золотые изделия.

группе населения были доступны престижные изделия, производившиеся в мастерских, где драгоценное сырье подвергалось строгой проверке. Скорее всего, эти мастерские находились при правящих дворах Северной Европы и Древней Руси. Если ко всему этому великолепию добавить привозные шелковые ткани, фрагменты которых были найдены во всех погребениях (Зубкова, Орфинская, 2016. С. 374), то можно только представить, насколько высоки были статус похороненных здесь людей и их материальный достаток.

Следует отметить еще один важный момент: все восемь погребений были одинаково богаты, чего практически не бывает в обычных могильниках. Причем детские захоронения в этом отношении не уступали взрослым. Рассматривая в целом детские камерные захоронения, К. А. Михайлов отмечал, что поскольку дети сами по себе еще никакого статуса не достигли, то они «получают набор взрослого погребального инвентаря как бы „авансом“, в силу того положения, которое занимает род погребенного в обществе» (Михайлов, 2016. С. 170). Даже к подростку, который сопровождал мужское захоронение, был положен боевой топор. Данный факт, по мнению исследователей, свидетельствует, что мальчик имел статус свободного человека, но, видимо, находился в подчинении у похороненного в камере мужчины (Ершова, Яковлева, 2016. С. 200–201).

Одной из особенностей срубных гробниц, как в Скандинавии, так и на территории Древней Руси, является эклектичность в наборе погребального инвентаря. В нем обычно представлены изделия, имеющие широкий географический диапазон происхождения — от Северной Европы до стран Востока и Византии. В данном случае псковский некрополь не является исключением. В материальной культуре жителей города, оставивших срубные могилы, выделяется *группа вещей североевропейского облика* (фибулы, подвески-личины, оковка на рог, предметы «пиршественного набора», приспособления для взвешивания и др.); *византийский импорт* (монеты, шелковые и драгоценные

ткани (парча, золотая бить), декоративные разноцветные стеклянные пластинки и др.); *украшения, выполненные в славянской ювелирной технике* (подвески и бусины) и *изделия, характерные для населения Поволжья и Юго-Восточной Европы* (наременная поясная гарнитура, болгарский дирхем, оковка чаши), *Прикамья* (кресало с бронзовой рукоятью), а также *арабские дирхемы*. Причем следует отметить, что, судя по составу металла, наряду с привозными предметами некоторые изделия, например скорлупообразные скандинавские фибулы, могли быть изготовлены непосредственно на территории Древней Руси (Ениосова, 2016. С. 543).

Итак, из анализа археологического материала можно сделать вывод, что во второй половине X в. в Пскове вне основной застройки проживала группа очень богатых горожан, видимо, приближенных к княжескому двору. Мы не знаем, где находился княжеский двор в Пскове, однако могильник расположен на магистральной дороге, которая вела из города на юг к древнейшей переправе через р. Великую в район деревни Выбуты, которую многовековая устная традиция связывает с княгиней Ольгой (Александров, 2001).

Коснемся некоторых общих вопросов относительно оценки камерных погребений на территории Восточной Европы. В отечественной историографии по мере накопления материалов погребения в «деревянных камерах» (срубам) разные исследователи рассматривали как захоронения знатных заезжих скандинавов (этому способствовал красочный рассказ Ибн-Фадлана), предводителей княжеских дружин и самих дружинников, представителей местной родовой знати и их окружения, купцов, разбогатевших на международной торговле и их родственников и т. д. (см. историографию: Михайлов, 2016). Одним словом, социальная составляющая людей, похороненных в своеобразных камерных гробницах, не вызывала особых разногласий среди авторов, менялись только точки зрения на сферу их деятельности.

С систематизацией материала произошло и переосмысление восприятия камерного

обряда не как чужеродного явления в древнерусской культуре, а как одного из ее элементов. Все больше исследователей приходит к мысли, что в период сложения Древнерусского государства выстраивается особая национальная культура, органической частью которой становится скандинавский компонент, а погребения в «деревянных камерах» (срубках) являются ее частью (Макаров, 2012. С. 449, 459; Платонова, 2017. С. 9–29). Одним словом, данный обряд появился на территории Руси в среде элитарной части формирующегося раннефеодального общества в период становления государственности в восточнославянских землях (Мусин, 2002. С. 150). И то, что при сооружении подземных гробниц использовалась древнерусская домостроительная техника, подчеркивает уже его местную основу (Михайлов, 2016. С. 66; Яковлева, 2016. С. 502, 503).

Вопрос, о том, кто именно входил в этот привилегированный слой общества и был похоронен в срубных гробницах, фактически не решаем на материалах археологии. Мы можем лишь предполагать, что это были знатные, а, возможно, просто влиятельные люди, члены их семей и близкие родственники. Они могли быть профессиональными воинами-дружинниками, воеводами, оруженосцами князя, дипломатами, представителями служилой и торговой знати и т. д. В большинстве случаев можно присоединиться к мнению Ю. Э. Жарнова и Т. А. Пушкиной, что не имеет смысла пытаться определить профессиональную принадлежность погребенных (Жарнов, 1992. С. 21, 22; Пушкина, 2016. С. 21).

В этой связи материалы Старовознесенского могильника представляют тот исключительный счастливый случай, когда мы можем попытаться определить место этой группы населения в структуре древнего псковского общества. Я вполне осознаю, что восемь погребений, обнаруженных при случайных обстоятельствах, являются небольшой выборкой для окончательных выводов. Но в условиях современного города мы вряд ли узнаем в ближайшее время общие размеры могильника и особенность других погребений, так

что будем исходить из имеющихся фактов. В составе инвентаря исследованных захоронений имеется серия редких и достаточно необычных находок, которые следует рассмотреть отдельно, поскольку наличие этих предметов позволяет сделать определенные выводы о статусе их владельцев.

Прежде всего следует обратить внимание на встреченные в женском погребении № 1 подвески, для которых были использованы позолоченные серебряные милиарисии Романа I (920–945 гг.), а также Константина VII и Романа II (945–959 гг.). Поскольку чеканка серебряных милиарисиев в Византии была ограничена и они не вводились в широкое денежное обращение, то эти монеты крайне редко встречаются в могильниках на территории Руси, чуть чаще в составе кладов конца X в. (Гайдуков, Калинин, 2012. С. 407). За пределы Византии они чаще всего попадали в качестве даров во время торжественных церемоний при дворе императоров. Вспомним раздачу милиарисиев Константином VII во время посольства княгини Ольги в Константинополь (Литаврин, 1982. С. 74).

К аналогичной группе находок относится еще одна уникальная вещь из женского захоронения № 3 — кусок полихромной шелковой ткани, на которой изображена сцена охоты сасанидского царевича Бахрама Гура. Это известный сюжет, который встречается на более ранних тканях, датирующихся не позднее IX в. По мнению специалистов, «„псковский“ Бахрам Гур — образец позднего подражания сасанидскому сюжету» (Зубкова, Орфинская, 2016. С. 390). В отличие от гладких шелковых тканей, преимущественно окрашенных в красно-коричневые тона, встреченных в большинстве погребений, полихромная узорчатая ткань является продукцией совершенно иного сорта. Если гладкие безузорные ткани были дешевле и составляли основу византийского экспорта, то производство узорчатых полихромных тканей с изображениями растений, птиц, зверей, различных орнаментов «являлось государственной монополией, и в X в. торговля такими тканями была еще запрещена. За пределы империи подобные

шелка, по всей вероятности, могли попасть лишь в качестве даров византийского императорского двора» (*Там же*. С. 389).

Серебряные византийские монеты и полихромная узорчатая ткань свидетельствуют, что люди, похороненные в Старовознесенском могильнике, или их родственники участвовали в поездках в Византию, откуда и были вывезены эти богатые дары.

Вторая группа предметов также не менее любопытна и непосредственно связана с потребностями торговли с Византийской империей. Так, при мужчине (погребение № 6) в кожаном кошельке вместе с дирхемом находился маленький самородок (слиток?) золота (*Ершова*, 2016а. С. 273). Подобные находки исключительно редко встречаются вне кладов. В качестве аналогии можно упомянуть два миниатюрных золотых слитка, обнаруженных при раскопках центрального гнёздовского городища и пойменной части селища (*Ениосова*, 2007. С. 313).

В один ряд со слитком можно поставить гривну и два браслета из высокопробного серебра, сопровождавшие женское захоронение № 1. Они изготовлены весьма примитивно, с помощьюковки, можно сказать просто грубо, и совершенно не похожи на обычные украшения (Древнерусский некрополь, 2016. Номера по каталогу: с. 68, № 14, 15; с. 69, № 18). Подобные вещи характерны прежде всего для вещевых кладов, нежели для погребений. Они являются теми же «слитками» в форме украшений и использовались в качестве платежных средств. В данное захоронение они были положены, скорее, как символ богатства, основная их ценность — высокая проба металла.

Обе эти группы предметов еще раз доказывают, что похороненные в могильнике люди имели прямое отношение к международной торговле.

В этой связи особый интерес приобретает еще одна категория находок. В пяти из восьми погребений были найдены цельные складные весы для взвешивания серебра (возможно, они были и в остальных захоронениях, но комплексы оказались нарушены). В трех

случаях вместе с весами встречены гирьки или монеты (*Яковлева*, 2016в. С. 476–482). Целые весы являются очень редкой находкой, как в североевропейских погребальных древностях, так и в древнерусских курганах (*Михайлов*, 2016. С. 122). В захоронения чаще клали отдельные гирьки, так как весы, видимо, были достаточно дорогим инструментом. По подсчетам Т. А. Пушкиной, почти на тысячу исследованных курганов в Гнёздово приходится только 14 находок весов (*Пушкина*, 1991. С. 234). В Старовознесенском же могильнике весы представляют собой устойчивый элемент погребального инвентаря, причем независимо от пола и возраста погребенного (они обнаружены при двух женщинах, мужчине, девочке и мальчике). Я согласна с существующей точкой зрения, что нельзя примитивно интерпретировать захоронения с весами и гирьками как погребения купцов (*Там же*. С. 233–234; *Жуковский*, 2019. С. 25). Однако в данном случае, учитывая все вышесказанное, весы выступают как своеобразный знак, символ купеческого сословия.

При определении статуса погребенных в камерных гробницах Бирки в свое время А. С. Грэслунд высказала мнение о том, что в камерах хоронили не просто княжеских дружинников, а скандинавов (воинов и купцов), занимающихся международной торговлей, и членов их семей (*Gräslund*, 1980. P. 79–82, 86). Ни в коем случае не перенося данную точку зрения на все камерные гробницы Восточной Европы, для Старовознесенского могильника она выглядит вполне убедительно. Мне кажутся критические замечания в адрес А. С. Грэслунд, высказанные К. А. Михайловым с некоторой долей иронии, не совсем обоснованными. Он пишет, что исследовательница, говоря о неких «преуспевающих скандинавских купцах», видимо, «представляет этих купцов как сплоченную корпорацию, наподобие средневековой Ганзы или английской Вест-Индской компании, оторванную от национальных и родовых погребальных традиций. Для эпохи викингов подобные представления выглядят излишне модернизированными» (*Михайлов*, 2016. С. 160). Конечно, в IX–X вв. масштабы

товарообмена были не столь внушительны, как в развитое средневековье и новое время, но, судя по сохранившимся западноевропейским письменным источникам, в эпоху викингов торговля на Балтике была достаточно хорошо организована. Не следует забывать, что торговые суда постоянно подвергались разбою и нападению (возьмем хотя бы описание нападения пиратов на купеческий корабль франкского епископа Ангария при его путешествии из Дании в Бирку около 845 г.)⁸, поэтому они практически не плавали в одиночку, а старались объединяться. Й. Херрман отмечает, что экипажи торговых кораблей «скапливались в портовых местах и соединялись во флотилии. Это вело к образованию купеческих товариществ или гильдий» (Херрман, 1986. С. 95).

Первые пункты обмена в бассейне Балтийского моря начали появляться в VIII — первой половине IX в., но уже во второй половине IX — X в. многие из них превращаются в полиэтничные раннегородские поселения, такие как Ладога, Рерик, Хедебю, Ральсвик. Появляются и новые торгово-ремесленные центры: Бирка, Павикен, Щецин, Волин и др. (Там же. С. 76–83). В связи с длительностью путешествий торговцам приходилось делать остановки на некоторое время, что способствовало появлению на территории поселений определенных мест, где проживали иноземные купцы. В западноевропейских источниках сохранились описания раннегородских опорных торговых мест. По свидетельству Адама Бременского, Волин в устье Одера был «величайший из всех городов, которыми располагает Европа; в нем живут славяне и

другие племена, эллины и варвары. Также и пришельцы из саксов получили здесь право поселения...» (Там же. С. 76). Из жизнеописания Ангария мы узнаем, что в шведской Бирке «фризы из Дорестада обладали правом поселения, то есть правом на жилище и земельный участок» (Там же. С. 64). По мнению Л. Лециевича, в ранних западнославянских городах возникали «ярмарки, посещаемые купцами и производителями, которые нередко оставались здесь на постоянное местожительство» (Лециевич, 1997. С. 9).

Рассматривая механизм средневековой торговли, Й. Херрман отмечал, что распространение арабских монет ни в коем случае не свидетельствует о прямых путешествиях арабских купцов на Балтику. «Как правило, купцы из арабских халифатов достигали лишь перевалочных пунктов в Рейланде, реже — в Подунавье, сравнительно чаще — в Киевской Руси или Волжской Булгарии. <...> Непосредственной торговлей Балтики с восточноевропейскими центрами, поддерживавшими прямые контакты с исламским миром, занимались, прежде всего, купцы сопредельных племен, народов и государств: годланцы, свеи или упландцы, даны, норвежцы, фризы, саксы, ободриты, руяне, поляки-поморяне, пруссы; на первом месте стояли русы из Старой Ладоги, Новгорода и Пскова» (Херрман, 1986. С. 63, 64).

Чрезвычайно интересным для наших выводов являются наблюдения исследователя Хедебю Г. Янкуна. В период расцвета в Хедебю насчитывалось несколько сот человек, может более тысячи. Среди них он выделяет группу населения высокого социального уровня (*primores* — в «Житии Ангара»), которая проживала ближе к гавани и занималась прибыльной торговлей. Представителей этой зажиточной общины «хоронили обособлено от других в заботливо сооруженных деревянных погребальных камерах» (Гуревич, 2007. С. 109).

Несмотря на то что Псков располагался несколько в стороне от основных транзитных водных магистралей, соединяющих Балтийский регион со странами исламского Востока

⁸ Ангарий был послан франкским императором Людовиком с миссионерской целью в Данию, откуда он отправился в Бирку. Прорезав полпути на хорошо оборудованном корабле, Ангарий с сопровождавшими его купцами столкнулись с пиратами — «разбойными викингами». Несмотря на то, что «купцы на их корабле защищались мужественно и сперва даже успешно; но при повторном натиске нападавшие их одолели; пришлось вместе с кораблем отдать им все свое добро; они сами чудом избежали [гибели] и спаслись на суше» (Цит. по: Херрман, 1986. С. 61)

и Византией, он занимал чрезвычайно выгодное географическое положение, являясь вместе с Изборском форпостом на северо-западном пограничье восточнославянского мира. Древнейшее городище в Пскове появилось в VIII–IX вв. на мысу при слиянии двух рек — Псковы и Великой. В начале X в. к югу от него начал формироваться посад, а на месте старого городища — детинец. В X в. город разрастался вдоль левого берега р. Псковы и правого берега р. Великой. Как показывают археологические материалы, к концу столетия Псков стал крупным торгово-ремесленным и административным центром на северо-западной окраине Древнерусского государства. О включении псковского региона в систему международной торговли свидетельствуют клады арабского серебра, отдельные восточные и византийские монеты, вещи прибалтийско-финского и скандинавского происхождения (Яковлева и др., 2012. С. 146–148, 159). Связь с Балтикой осуществлялась благодаря водному пути по р. Великой, Псковско-Чудскому озеру и р. Нарве. (Сорокин, 1999. С. 185–193). В то же время для развития региона не менее важной являлась сухопутная дорога, идущая из Новгорода через Псков в земли прибалтийских финнов и далее на Балтику. На псковско-изборском участке она функционировала уже в X в. (Александров, 2009). Псков в полной мере сравним с раннегородскими центрами Балтийского региона с полиэтничным составом населения.

Анализ материала Старовознесенского могильника показывает, что археологический контекст этого памятника позволяет интерпретировать его как кладбище купеческой общины, живущей семьями. Закономерно возникает вопрос, почему эта группа зажиточного населения жила отдельно в пригороде, а не в самом городе? Известно, что в древнерусских городах, в данном случае ярким примером является Новгород, местное купечество строило свои усадьбы в черте основной городской застройки. Корпоративность псковской торговой общины невольно наводит на параллели с топографической обособленностью иноземных торговых

диаспор в раннегородских центрах Балтийского региона — первых предшественников торговых дворов в период развитого средневековья. Во второй половине X в. в окрестностях Пскова поселилась пришедшая купеческая община, возможно, владеющая определенным земельным участком. Исходя из общего облика их материальной культуры, включающего такие этноопределяющие признаки, как детали погребального обряда в обустройстве камер и дарах, покроем и металлические элементы одежды, можно предполагать, что данная группа людей имела скандинавское происхождение. При первых публикациях материалов Старовознесенского могильника скандинавская принадлежность погребенных у исследователей не вызывала особых сомнений (Яковлева, 2006. С. 77, 78; Михайлов, 2006. С. 86). В дальнейшем формулировки стали более обтекаемые («значительная роль скандинавского компонента») (Яковлева и др., 2012. С. 151, 153).

В этой связи особый интерес приобретает мнение антропологов. К сожалению, в силу естественных условий сохранность костного материала чрезвычайно плохая, так что для полноценного палеоантропологического анализа удалось использовать только череп из женского погребения № 1. Проведенное сравнительно-краниологическое изучение особенностей строения черепа позволили Д. В. Пежемскому сделать следующее заключение: «сочетание долихо-мезокранной и очень низкой черепной коробки с узким и относительно высоким, резко профилированным лицом свидетельствует о североевропейских связях. Это хорошо узнаваемый краниологический комплекс, присущий целому ряду популяций Северной Европы, относимых к атлантико-балтийской малой расе, в основном говорящих на германских языках», однако, как полагает автор, *не резко выступающий нос* «более естественно вписывается в размах морфологической изменчивости популяций Северо-Запада Русской равнины» (Пежемский, 2016. С. 568). Далее Д. В. Пежемский отмечает, что полученные краниологические данные некоторым из его коллег, в частности С. Л. Санкиной,

позволяют интерпретировать подобные черепа как «скандинавские», но сам он считает, что «выявленные так называемые „скандинавские“ серии свидетельствуют о длительном сохранении (консервации) антропологических особенностей древнего населения Северной Европы» (*Там же*). Сравнив череп из псковской камеры с антропологическим материалом, полученным при исследовании широкого круга памятников Восточной Европы, включая Новгород, Старую Ладугу, Гнёздово, Шестовицы, могильники на территории Северо-Запада и Юго-Восточного Приладожья, а также с краниологической серией из шведского средневекового могильника Вестерхусе, Д. В. Пежемский пришел к выводу, что «в эпоху Средневековья на Русском Севере и Северо-Западе сохранялся древний антропологический тип, широко распространенный в Северной Европе и на Севере Восточной Европы в эпоху бронзы. Можно предположить, что средневековые популяции Скандинавии, некоторые группы Прибалтики и Северо-Запада России будут очень близки по своим физическим характеристикам в силу того, что они сформировались на основе одного и того же древнего расового пласта» (*Там же*. С. 575). По мнению Д. В. Пежемского, по данным антропологии нельзя бесспорно отнести череп из псковского некрополя к сугубо скандинавскому антропологическому типу,

так как он представляет некий общий тип, характерный для средневекового населения не только Северной Европы, но и Северо-Западной Руси. Однако независимо от нюансов в интерпретации антропологических данных можно сказать, что женщина, похороненная со значительным количеством вещей, относящихся к скандинавскому кругу древностей, по антропологическим характеристикам вписывается в популяции Балтийского региона, что никак не противоречит нашим выводам. В данном случае можно лишь пожалеть, что краниологическое исследование возможно было провести только по одному черепу, поскольку морфологические характеристики индивидуума могут отличаться от среднегрупповых.

Старовознесенский могильник — интереснейший археологический памятник на территории Восточной Европы. Его открытие дало исследователям новые материалы о характере и деталях погребального обряда камерных погребений, социальной стратификации раннегородского древнерусского общества, славяно-скандинавских отношениях. Некоторые особенности данного некрополя позволили мне предложить его интерпретацию, которая согласуется с археологическими и письменными источниками, имеющимися у нас по торговым эмпориям периода викингов Южной Балтики и Скандинавии.

Александров, 2001 — Александров А. А. Во времена княгини Ольги. Псков, 2001. 279 с.

Гайдуков, Калинин, 2012 — Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 403–435.

Гуревич, 2007 — Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги / Ред. С. Я. Левит. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 350 с.

Древнерусский некрополь, 2016 — Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века / Ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2016. Т. 2: Камерные погребения Пскова. По материалам археологических раскопок 2003–

2009 гг. у Старовознесенского монастыря. 624 с.

Ениосова, 2007 — Ениосова Н. В. Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического изучения Новгородского Рюрика Городища и Новгородской областной археологической экспедиции / Ред. Е. Н. Носов, А. Е. Мусин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 307–315.

Ениосова, 2016 — Ениосова Н. В. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского

- некрополя // Древнерусский некрополь... 2016, Т. 2. С. 518–558.
- Ершова, 2016а — Ершова Т. Е. Камерное погребение 6 // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 257–308.
- Ершова, 2016б — Ершова Т. Е. Камерное погребение 8 // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 347–371.
- Ершова, Яковлева, 2016 — Ершова Т. Е., Яковлева Е. А. Камерное погребение 4 // Древнерусский некрополь... 2016 Т. 2. С. 200–224.
- Жарнов, 1992 — Жарнов Ю. Э. Погребальный обряд в Древней Руси по материалам Гнёздовского некрополя: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 23 с.
- Жуковский, 2019 — Жуковский М. О. Инструменты для малых взвешиваний Древней Руси (IX–XIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. 34 с.
- Зубкова, Орфинская, 2016 — Зубкова Е. С., Орфинская О. В. Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 373–394.
- Лециевич, 1997 — Лециевич Л. Хозяйственные функции и топография ранних городов западных славян // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого, 1919–1997. СПб., Псков. 1997. Т. II. С. 9–12.
- Литаврин, 1982 — Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источника // Византийский временник. 1982. Т. 42. С. 35–48.
- Макаров, 2012 — Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX — X веках. Археологическая панорама / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459.
- Мальшева, 2012 — Мальшева Н. Н. Раннегородской некрополь Пскова (по материалам раскопов на территории Среднего города) // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века / Ред. И. К. Лабутина. СПб.: Нестор-История, 2012. Т. 1: Раннегородской некрополь Пскова. По материалам раскопов на территории Среднего города. С. 26–90.
- Михайлов, 2006 — Михайлов А. В. Камерное погребение Старовознесенского II раскопа // АИППЗ. Вып. LI. Псков, 2006. С. 79–87.
- Михайлов, 2016 — Михайлов К. А. Элитарный погребальный обряд Древней Руси. Камерные погребения IX — начала XI века в контексте североευропейских аналогий / Ред. Е. Н. Носов, Н. И. Платонова. СПб.: Издательский дом «Бранко», 2016. 272 с.
- Мусин, 2002 — Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV веках. Погребальный обряд и христианские древности / Ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 272 с.
- Пежемский, 2016 — Пежемский Д. В. Опыт антропологического исследования останков из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 560–578.
- Платонова, 2017 — Платонова Н. И. Древнерусская культура и древнерусская элита: проблемы и перспективы исследований // *Élite ou Égalité ... Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом «Бранко», 2017. С. 9–29.
- Пушкина, 1991 — Пушкина Т. А. Торговый инвентарь из курганов Смоленского Поднепровья // Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 226–243.
- Пушкина, 2016 — Пушкина Т. А. Раннегородские могильники Древней Руси IX — XI вв. // Древнерусский некрополь... 2012. Т. 1. С. 5–25.
- Сорокин, 1999 — Сорокин П. Е. Водный путь по Псковско-Чудскому озеру и реке Нарве // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. Псков: Стерх, 1999. С. 185–200.
- Херрман, 1986 — Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы / Общ. ред. Е. А. Мельникова. М.: Прогресс, 1986. С. 8–145.
- Яковлева, 2006 — Яковлева Е. А. Камерное погребение X в. из Старовознесенского раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли: Материалы LI заседания. Псков, 2006. С. 66–78.
- Яковлева, 2016а — Яковлева Е. А. Историко-топографический очерк территории

- Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 5–26.
- Яковлева, 2016б — Яковлева Е. А. Деревянные сооружения камерных погребений // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 484–505.
- Яковлева, 2016в. — Яковлева Е. А. Торговый инвентарь из камерных погребений Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь... 2016. Т. 2. С. 476–483.
- Яковлева и др., 2012 — Яковлева Е. А., Салмина Е. В., Королёва Э. В. Псков // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 139–159.
- Aleksandrov, 2009 — Aleksandrov A. A. Vana tee Pihkvast Irboskasee // Setomaa-2. Tartu: Eesti Rahva Muuseum, 2009. Lk. 175–176.
- Gräslund, 1980 — Gräslund A.-S. The Burial Customs. A study of the graves on Björkö / Ed. G. Arwidsson. Birka IV. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Anticvitets Akademien, 1980. 94 p.

Interpretation of chamber burials of the 10th — early 11th century on the Starovoznesensky height in Pskov

N. V. Khvoshchinskaya

In 2003–2009, during the rescue archaeological excavations in Pskov near the old Starovoznesensky monastery, eight chamber burials were uncovered. They were located separately from the main urban cemetery and differed in their character of their burial rite and an uncommonly rich grave inventory. Even in the graves rifled still in antiquity, there were objects and ornaments indicating a luxurious decor of the costume of the buried and rich offerings put in the chambers.

At present, the chamber rite of burial is considered by the researchers not as a foreign phenomenon borrowed by the early Russian culture but as its intrinsic component. It arose in Rus' in the milieu of the local elite of the new Russian society exactly in the period of the establishment of the state system. However, an archaeological source, as a rule, does not allow us to answer the question about the sphere of activities or kinship of the persons buried in the Srubnaya (Timber-grave) tombs. In this connection, the materials from the Starovoznesensky cemetery present us an extremely fortunate chance through which we are able to interpret the group of population who left these burials. The basis of this is in a series of fairly uncommon objects related with international trade and indicating travels to Byzantine Empire. These objects are silver miliarisia and polychromous silk textiles which may have been received as donations during solemn ceremonies at the courts of the emperors, as well as a gold nugget and bars of sterling silver in the form of neck rings, and two bracelets, which were used as payment means. In addition, a stable element of the grave offerings was represented by folding balances accompanying the interred independently of their sex and age: possibly they served as a symbol of the merchant status in the graves. In the light of all the abovementioned facts, the Starovoznesensky burial ground can be undoubtedly considered as a cemetery of the merchant community families living in Pskov and, possibly, possessing certain land plots outside the urban territory. A similar situation is recorded by materials from excavations in Hedeby where the group of population of a high social status lived close to the haven, occupied with trade and having a separate cemetery isolated from that of other residents of the city.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Долгожданный ответ на давний вопрос. Рецензия на книгу В. Г. Лазаренко «Ахилл — бог Северного Причерноморья» (Ижевск: Шелест, 2018. 416 с.)¹

И. Ю. Шауб²

Ключевые слова: культ Ахилла, змея в религии и культе, Балканы, индоевропейцы, Ольвия, Бейкушское святилище, Херсонес, Боспор.

Keywords: cult of Achilles, snake in religion and rituals, Balkans, Indo-Europeans, Olbia, Beykush Sanctuary, Chersonesos, Bosporos.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-317-332

Монография В. Г. Лазаренко посвящена очень важной, сложной и остродискуссионной проблеме происхождения и глубинного содержания культа Ахилла, причем не только в Северном Причерноморье, как явствует из названия книги, но и в Средиземноморье. Эта проблема, которая обсуждается в научном сообществе уже более двухсот лет, была до последнего времени еще достаточно далека от разрешения. Относительно происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье существуют два диаметрально противоположных мнения. Большинство исследователей убеждено в греческих (милетских) истоках и характере этого культа, и лишь немногие склонны видеть в уникальных его особенностях влияние местной среды. «Чтобы научная

дискуссия о том, принесен ли культ Ахилла в Северное Причерноморье греческими колонистами или же он имеет местную „варварскую“ основу, не стала бесконечной, нужно признать невозможность ее продолжения с использованием только данных античной литературы и античной археологии», — резонно замечает В. Г. Лазаренко, совершенно логично ставя вопрос, послуживший отправной точкой его труда: «Откуда у Ахилла в Северном Причерноморье столь тесная связь со змеями, хтоническими существами, имеющими непосредственное отношение к плодородию и земледелию?» (С. 17). Конечно, и до исследований В. Г. Лазаренко предпринимались попытки найти ответы на этот вопрос (Шауб, 2002а; Яйленко, 2013а), но всеобъемлющей работы о культе северопричерноморского Ахилла не существовало.

Принципиально новый подход, позволяющий проникнуть в истоки культа Ахилла в Северном Причерноморье, стал возможен только со времени открытий на Бейкуше (неподалеку от острова Березань), где было обнаружено большое святилище Ахилла конца архаического времени. Однако авторы этого

¹ Работа выполнена в рамках ПФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

открытия А. С. Русяева и С. Б. Буйских, заслуга которых в *археологическом* исследовании данного уникального памятника бесспорна, к сожалению, на мой взгляд, недостаточно аргументированно интерпретировали собственные находки (см., например: *Русяева*, 1975; 2005. С. 459 и сл.; *Буйских*, 2001; *Bujskikh*, 2006). Они десятилетиями настаивали на чисто греческом происхождении культа Ахилла в Северном Причерноморье, его импорте туда из Милета, несмотря на очевидность многих свидетельств значительного влияния местного населения на отправление данного культа на том же Бейкушском святилище. Самое знаковое открытие здесь — находка десятков граффити с посвящениями Ахиллу, многие из которых имеют изображение змей, — было истолковано как свидетельство культа змей, происхождение которого связано лишь с большим количеством этих рептилий в данной местности. Между тем связь образа Ахилла со змеями, которая прослеживалась давно и неоднократно (*Mannhardt*, 1875. S. 72; *Escher-Bürkli*, 1893. Sp. 221; *Топоров*, 1990; *Шауб*, 2002а. С. 356–367), именно после открытий на Бейкуше получила материальное подтверждение. При этом, кроме Бейкуша, подобная связь не была обнаружена на памятниках Греции, что подчеркивает не только уникальность этого святилища Ахилла, но и одну из важнейших особенностей его культа в Северном Причерноморье. В. П. Яйленко, который в лингвистическом плане весьма глубоко проанализировал связь культа Ахилла со змеями, декларировал, что у туземного индоарийского населения Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья был распространен культ змей, связанный с Ахиллом (*Яйленко*, 2013а. С. 64–101). Однако московский эпиграфист, к сожалению, не привел археологических свидетельств этому, кроме граффити Бейкуша, и, более того, пришел к банальному объяснению связи культа Ахилла со змеями, весьма популярному у ряда его принципиальных оппонентов — сторонников чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье: «Обилие змей породило культ их в Индии, этим же обусловлен культ

их в Нижнем Поднепровье и Нижнем Побужье» (*Яйленко*, 2013б. С. 393).

Напротив, В. Г. Лазаренко предпринял для своего исследования очень глубокий (до времен неолита и энеолита) экскурс в эпоху, предшествующую греческой колонизации Северного Причерноморья. Успеху автора в решении поставленных им задач способствовал тот факт, что он проделал свою работу на основе критического анализа античных литературных источников, данных археологии, лингвистики и палеогенетики, то есть использовал комплексный подход для анализа разнообразного материала. Следует отметить, что при этом В. Г. Лазаренко сделал наиболее полный по сравнению с другими авторами обзор источников по культу Ахилла. Автор также критически рассмотрел самые противоположные мнения по этой теме, нашедшие отражение в обширной русско- и иноязычной библиографии. Первая практически полна, а вторая — почти исчерпывающая (в ней не хватает только нескольких крайне редких изданий).

Несмотря на то что и ранее в некоторых работах об Ахилле затрагивалась индоевропейская проблематика (*Яйленко*, 2013а; 2013б), в рассматриваемой книге впервые его культ в Северном Причерноморье проанализирован в широком индоевропейском контексте, начиная с формирования индоевропейской языковой общности. Поэтому представляется необходимым подробный обзор значительного числа источников, принятый автором в первой главе «Ранние индоевропейские миграции» (С. 18–31) и показывающий события формирования индоевропейской общности в Балкано-Дунайском регионе и Северном Причерноморье, а также начавшиеся затем миграции хеттов, прагеттов и ариев. Здесь же показана важнейшая роль Фракии в данных процессах. В следующей главе — «Змея (змей) в мировоззрении индоевропейцев» (С. 32–44) — подчеркивается, что Змея у индоевропейцев выступала как символ Вселенной и Мирового разума, нередко считаясь творцом Мироздания и отождествляясь с космогоническими Ночью

Вселенной и Днем Вселенной; более того, она считалась первопричиной мироздания, уравниваясь с Бездной, которая также была первопричиной Вселенной, являлась ее символом, как и всего сущего в ней. Змей, занимая в мировоззрении индоевропейцев едва ли не центральное место, уравнивался с Мировым деревом, осуществляя связь между мирами и служа основой всего сущего. Змей ассоциировался у индоевропейцев с Верховным божеством и Первопредком.

Глава «Культ змей в Северном Причерноморье» содержит значительную сводку археологических свидетельств данного культа, истоком которого, как считает В. Г. Лазаренко, являются балканские культуры Лепенски Вир (VII–VI тыс. до н. э.) и Винча (VI–V тыс. до н. э.). Эти культуры, по мнению автора, послужили исходными для миграций протоариев через Карпаты в Северное Причерноморье. В. Г. Лазаренко убедительно показал, что культ змей в Северном Причерноморье был практически непрерывным с IV по I тыс. до н. э., сохранился до II в. н. э. и отражал, по мнению автора, культ Верховного божества и Первопредка. При этом и в античное время данный культ был весьма распространен от Фракии до современных Крыма и Кубани, наиболее четко проявляясь в варварской среде — у тавров, скифов и сарматов.

Чтобы продемонстрировать важность культа змей в античной Греции, В. Г. Лазаренко в последующих трех главах подробно приводит свидетельства древних авторов о связи змей с целым рядом образов древней мифологии. Так, в главе «Змееподобные чудовища» (С. 75–102) рассмотрены предания о Гигантах, Тифоне, Пифоне, Медузе Горгоне (точнее было бы назвать этих монстров «чудовища со змеиными чертами», поскольку, кроме Пифона, доминанта у них все-таки человеческая) в свете того, что, как подчеркивает автор, «все они представляли собой самую раннюю категорию божеств, причем очень могущественных и даже верховных. Они стояли у истоков рождения мира, обеспечивали его существование, были предками многих знаковых персонажей. Но они же стали

враждебными новым, олимпийским богам и, соответственно, людям, благодаря „культурной революции“, начатой Гомером. И тогда же приобрели уродливый, нередко ужасный облик, что естественно в изображении всего чуждого, опасного и, тем более — враждебно» (С. 75).

В главе «Змеи и боги» (С. 103–135) образы ряда важнейших богов, в том числе олимпийских, исследуются автором на гораздо более широком круге источников, чем это обычно принято в антиковедении. Так, констатируя хорошо известный факт индоевропейского происхождения Зевса и многочисленные параллели этому богу у других индоевропейских народов, автор подчеркивает, что его тесная связь со змеями проявляется, в первую очередь, в почитании Зевса как Мейлихия и домашнего бога Ктесия, которые вообще представлялись и, соответственно, изображались в виде змея. Также в книге приводится целый ряд античных свидетельств и о других змеиных воплощениях Зевса. В некоторых из них, судя по всему, отразились древнейшие представления о Змее как Предке индоевропейцев. Но в то же время не следует забывать и о столь же несомненных неиндоевропейских чертах (в том числе и змеиных) в религии Зевса, появившихся в ней уже после прихода прагреков на Балканы. Невнимание к этому аспекту в религии и культе эллинских богов (в том числе и Ахилла) представляется нам единственным существенным недостатком рассматриваемой монографии. К этой теме мы еще вернемся, а пока отметим, что негреческие черты в образе верховного бога греческой мифологии, как, впрочем, и у других олимпийских богов, в изобилии можно найти в фундаментальном труде А. Б. Кука (*Cook*, 1914; 1925; 1940), к сожалению, совершенно не использованном В. Г. Лазаренко.

В то же время он очень подробно рассматривает родственные культы Диониса-Загрея и Сабазия, наиболее тесно связанные как с культом змей, так и с Фракией в контексте ее важности в судьбах индоевропейской общности, а также непосредственной близости к Северному Причерноморью. В итоге автор

приходит к выводу, что глубокие корни культа Диониса, неразрывно связанного со змеями, на фракийской почве уходят в ранние слои индоевропейских верований (это признается большинством исследователей), а Загрей-Дионис являлся «одним из величайших богов греческой религии: либо верховным богом, небесным отцом Зевсом (в противоположность матери Земле), либо другим Зевсом — Зевсом подземного мира» (С. 119). Значение змея в культе Сабазия было очень широким, но прежде всего, по мнению автора, в качестве Верховного бога и Первопредка, что вполне соответствует индоевропейским традициям; отсюда и правомочность сравнения Сабазия греками как с Дионисом, так и с Зевсом (С. 106–121).

В книге приведен ряд древних свидетельств того, что архаическая связь Деметры и Персефоны, а также Матери богов со змеями оказывается еще теснее и шире, чем это обычно представляется (С. 121–124). Показано, что Афина связана со змеями не только через змееподобные образы Эрихтония и Медузы. Ряд древних источников сближает образ змеи-Афины со змеями дионисийского культа. Кроме того, связь Афины со змеями ярко проявляется и в сравнительно малоизвестных сведениях о целительских способностях богини (С. 124–125). Исследуя образ Асклепия, В. Г. Лазаренко подчеркивает его фракийское происхождение и то, что змея вовсе не является специфическим атрибутом этого «Бога медицины» (С. 126), а с другой стороны — постоянно присутствующее сходство (вплоть до идентичности) Диониса, очень тесно связанного со змеями, с Асклепием во фракийских культах. Одна из эпиклез Асклепия — Архагет (Основатель или Вождь), по мнению автора, свидетельствует о том, что этот бог в своих истоках был вождем какого-то раннего индоевропейского племени (С. 129). Если данный тезис автора (который неоднократно демонстрирует свою явную склонность к эвгемеризму³) мы поддержать не можем, равно

как и его стремление доказать, что первоначально Диоскуры почитались в качестве домашних богов как Предки-Змеи (С. 129–135), то змеиные черты в образах этих божественных близнецов и индоевропейские истоки их культа представляются несомненными.

Глава «Змеи и герои» (С. 136–153) посвящена самым различным персонажам: легендарным царям, прорицателям и целителям. Среди первых выделяется Кекроп — аттический автохтон, сын самой Геи, изображавшийся со змеиным туловищем. Он основал Афины и был, согласно сообщениям некоторых авторов, героем древнепеласгического племени, представители которого жили в Аттике, Беотии и др. Эрихтоний — другой автохтон, у которого нижняя часть тела была змеиной, также был сыном Геи, лишь позднее названный сыном Афины. В. Г. Лазаренко подчеркивает, что Ликофрон (Alex. 158) называет Зевса Эрехтеем, что указывает, с одной стороны, на значимость образа Эрихтония-Эрехтея, а с другой стороны — на змеиный облик Верховного бога (С. 140), и заключает: «Образы легендарных царей Аттики, Кекропа Первого и Эрихтония, оказываются тесно связанными не только со змеями, но и через змееподобного Борея — с древнейшим Северным Причерноморьем. Связь же со змеями в данном случае является отголоском индоевропейских представлений о Змее-Предке» (С. 142). Все это говорит о значительной древности образов этих легендарных царей, восходящих к ранней индоевропейской эпохе и временам заселения пеласгами Греции. Автор исходит из того, что пеласги представляли собой первую волну индоевропейского заселения Ионии и Балкан, мигрировав из западной части Северного Причерноморья в начале распада индоевропейской языковой общности не позднее последних веков III тысячелетия (до прихода туда греков) и имея

наделенных властью людей (по имени древнегреческого философа IV в. до н. э. Эвгемера, автора утраченного утопического романа «Священная запись»): [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/3314/Эвгемеризм> (дата обращения: 26.04.2020)/

³ Эвгемеризм — рационалистическая доктрина, объясняющая происхождение религии посмертным или прижизненным обожествлением знаменитых или

раннефракийское происхождение (С. 161). В предании о Кадме В. Г. Лазаренко, подчеркивая те черты, которые связывают его со змеями и с Фракией, напоминает, что Кадм — выдающийся культурный герой, известный своими изобретениями в горном деле и металлургии, а также причастностью к созданию греческого алфавита. Здесь автор особо отмечает, что «поле деятельности Кадма в Греции лежало между Фракией и Иллирией, то есть, по сути, на территории неолитической культуры Винча в Сербии. Поэтому его причастность к „изобретению письмен“ может быть связана отнюдь не с Египтом или Финикией, а с культурой Винча, колыбелью европейской цивилизации, где появилась первая в мире протописьменность, которая старше шумерской» (С. 147–149). Таким образом, В. Г. Лазаренко стремится проследить связь процесса заселения Греции и ряда знаковых культурных достижений в ранний период греческой истории с культом змей в индоевропейском контексте. Однако поскольку мифология Кадма имеет ближневосточные черты (начиная с его семитического имени и генеалогии), она явно не столь однородна и однозначна, как это представляется автору.

В разделе «Прорицатели и целители» особо обращает на себя внимание анализ предания о Мелампode (получившем свой пророческий дар от змей), с которым, в частности, связывается перенесение (кстати, через Кадма) культа Диониса и фаллических шествий в Элладу. При этом имя матери Мелампode — Родопа, что более чем «созвучно» с Фракией (С. 150–152).

Все дальнейшие главы рецензируемой монографии посвящены уже непосредственно Ахиллу. Седьмая глава «Генезис образа Ахилла» построена на последовательном рассмотрении тех феноменов, без комплексного изучения которых невозможно глубокое изучение образа Ахилла. Прежде всего, это его родословная, представленная в разделе «Родословная Ахилла» (С. 154–166), который В. Г. Лазаренко начинает справедливым утверждением: «Совершенно недостаточно представлять Ахилла только героем, пусть

даже величайшим». Далее на основании античных источников показана не только значительная древность образа деда Ахилла — Эака, но и причастность последнего Верховному божеству-творцу, а также древнейшая, доолимпийская генеалогия матери Ахилла — Фетиды, которая в Северном Причерноморье выступает как ипостась Великой богини (Шауб, 2012. С. 7). Подчеркивая связь Фетиды со змеями — она характеризуется как древнее морское божество с ярко выраженными змеиными чертами (Топоров, 1990. С. 70, 87), автор показывает, что это приводит нас в еще более отдаленные времена, если проанализировать предание об Офионе и Евриноме. Орфическая традиция считала их древнейшими владыками мира, которые были змеевидными существами. С ними связан древнейший пеласгический (доэллинический) миф творения. В итоге В. Г. Лазаренко заключает: «Фетида, таким образом, в любом случае принадлежит к старшему поколению богов, имея, вероятно, фракийское происхождение, а иногда представляется даже древнее Зевса, и только „культурная революция“, начатая Гомером, отодвинула ее на „обочину“ олимпийской мифологии» (С. 158). Фракийское происхождение Фетиды, которая, конечно, древнее Зевса, кажется нам весьма сомнительным, в отличие от бесспорного тезиса о том, что ее сын является в своих истоках богом, к тому же потомком старшего поколения богов, что говорит о его чрезвычайной древности. Здесь автор акцентирует внимание на поразительном свидетельстве Ликофрона (Alex. 171–178, 309) об Ахилле как Змее-Первопредке змеиной природы: Ахилл здесь называется не только «свирепым драконом» и «пеласгическим Тифоном», но и творцом людей, сделавшим «войско шестиногое из муравьев людским». Напоминая о том, что данное деяние обычно связывалось с самим Зевсом (С. 161–162), В. Г. Лазаренко находит параллель этому в одном из эпитетов Ахилла — Вечный отец, зафиксированном в ольвийском декрете III в. н. э. (С. 166).

В разделе «Имя Ахилла» (С. 166–175) автор исследует происхождение его имени,

поскольку считает, что «в нем кроется и указание на происхождение самого образа Ахилла» (С. 166). Прежде всего, В. Г. Лазаренко показывает, что, вопреки расхожему мнению, бесспорные свидетельства о наличии имени Ахилла в микенских текстах отсутствуют, а построенные на этом мнении этимологии имени Ахилла неубедительны (С. 167–169). Но автор приводит данные в пользу возможности происхождения имени Ахилла из хеттского языка. Далее В. Г. Лазаренко стремится показать как соответствие образов Ахилла и Мардука, так и Фетиды с Тиамат (рассекая которую, Мардук сотворил мир), однако здесь аргументы исследователя не кажутся нам убедительными (особенно в том, что касается черт сходства между вышеупомянутыми женскими персонажами; к образу Фетиды мы еще вернемся). Важность всех этих сближений для автора заключается еще и в том факте, что в ходе распада индоевропейской общности хетты именно по Причерноморским степям (освобождая путь ариям) через Дербентский проход Прикаспия (около 1900 г. до н. э.) продвинулись в центральные районы Анатолии (С. 171–172). Затем приводятся данные, свидетельствующие о связи имени Ахилла с древнеиндийским *áhi-* — «змея» — и ведическим *Áhi-Budhniá* — «Змея глубин внизу Мирового дерева» (С. 174–175).

В разделе «Стопа Ахилла» (С. 175–196), подробно исследуются античные свидетельства, приводятся параллели с библейскими текстами и демонстрируется неслучайность гипертрофии мотива ног («быстроногости» и уязвимости стопы) в мифологии Ахилла, начиная с образа его «среброногой» матери Фетиды. Кроме того, В. Г. Лазаренко указывает, что исследователями «ранее не акцентировалось внимание на то, почему такая малозначительная, пусть и мучительная, рана оказалась смертельной... Может быть, смерть Ахилла носила символический характер, учитывая „посмертную“ судьбу Ахилла?» (С. 179). И здесь же отвечает: «Ответ возможен в индоевропейском аспекте», детально анализируя «следы стоп» на погребальных памятниках катакомбной культуры (где был распростра-

нен культ змей) Северного Причерноморья. Затем автор исследует параллели этим артефактам в ряде античных и древнеиндийских текстов, в части образов стоп (следов) и змей, и приходит к выводу; «Предание же о стопе Ахилла (не только уязвимой, но удар которой, в частности, может даже такое: „Источники откроет, встарь закрытые“)... говорит о значительно большем и является, видимо, иносказанием древнейших сокровенных представлений о Верховном боге — Змее» (С. 196). В связи с этим сюжетом вспоминается сообщение Геродота (IV, 82) о следе Геракла, «который показывали на скале близ реки Тираса». Этот след явно входит в одно семантическое поле с сюжетами, рассмотренными В. Г. Лазаренко.

Раздел «Русый Ахилл» (С. 196–203) посвящен исследованию кажущихся необычными (в плане привычного греческого облика) сообщений, начиная с «Илиады», о русых или светлых волосах Ахилла. Приведены, в частности, древние данные о светлых волосах и/или голубых глазах ряда богов: Афины, Вишну, Раме, о фракийском обычае изображать богов «Голубоокиими их же и русыми пишут фракийцы» (С. 197), о жене Кадма — светловолосой Гармонии (теснейше связанных со змеями), о светловолосых Гесперидах (согласно некоторым источникам, они имели змеиное обличье)⁴, оплакивающих змея Ладона, а также обращается внимание на тот факт, что «индоевропейские этносы от Греции до Индии с завидным упорством приписывали себе определенный первоначальный (истинный) антропологический облик — белокурый, светлый, (иногда) голубоглазый» (С. 199). На основе всего этого и индоевропейской мифологии змей В. Г. Лазаренко обосновывает вывод: «Светлые волосы Ахилла подтверждают его тесную связь в истоках образа со Змеем-Верховным божеством и Змеем-Первопредком, а также с Северным Причерноморьем» (С. 203). Последнее он мотивирует упомянутым выше обычаем фракийцев, с тем, что события, связанные с Гармонией, дочерью Ареса,

⁴ Хотя автор этого не отмечает, данный факт еще усиливает его аргументацию.

происходили во Фракии, светлые волосы Ахилла подтверждают его тесную связь в истоках образа со Змеем — Верховным божеством и Змеем-Первопредком, а также с тем, что убийство Ладона, символизирующего Мирового змея, произошло в Гиперборее — в данном случае это Северное Причерноморье.

Раздел «Ахилл и медицина» (С. 203–212) является итогом многолетнего изучения В. Г. Лазаренко этого хорошо известного, но при этом малоизученного до работ автора сюжета (см. Лазаренко, 2014. С. 262–309). Здесь автор обобщает древние сведения о навыках Ахилла, бывшего учеником одного из мифических основателей медицины — Хирона (да и Фетида «врачевала и исцеляла»), не только в магической, но и в методах эмпирической рациональной медицины. Более того, демонстрируется вклад образа Ахилла в формирование протонаучной медицины.

Глава «Культ Ахилла в Греции» (С. 213–229) содержит практически полный корпус свидетельств о его культе в Греции. Из них явствует, что, вопреки распространенному мнению об общегреческом характере культа, он был известен лишь на Сигее (Троада), в Лаконике, в Таренте, на острове Астипалея (в Эгейском море), в Элиде и в Эпире; возможно, поклонение Ахиллу существовало и в Эритрах (С. 224). Что касается нумизматических данных, то автором убедительно показано, что, кроме Фессалии, Эпира и Троады, «монеты, посвященные Ахиллу, в Греции нигде более не отмечены. И речь должна идти не о „многих городах“, где чеканили монеты с изображением Ахилла, как порой декларируется, а о редких и единичных их выпусках, причем — только бронзы мелких номиналов» (С. 216–217). Особенно важно, что для Милета фактически отсутствуют литературные и археологические данные о существовании там культа Ахилла. Это делает невозможным импорт данного культа в Северное Причерноморье в ходе его милетской колонизации, что безосновательно утверждают сторонники чисто греческого характера данного культа в Северном Причерноморье, противники местного влияния на формирование культа Ахилла в этом регионе.

С другой стороны, очень важен предпринятый В. Г. Лазаренко анализ культа Ахилла в Эпире. Автор подчеркнул, что, «Словом Эпир у древних греков обозначался вообще материк, в противоположность островам... Постепенно это значение сузилось, и слово Эпир стало обозначать область, смежную на севере с Иллирией, на востоке с Фессалией, на юге с Этолией и Акарнанией. Хотя Эпир и относится к числу областей Собственной Греции, но племена, населявшие его в историческую пору, считались „варварскими“ — это были ветви индоевропейской расы, родственной иллирийцам. Современными учеными поддерживается мнение, что расселение эллинов с севера на юг началось с Эпира, который может быть признан колыбелью греческого народа, впоследствии вытесненного отсюда движением соседних северных племен (курсив В. Г. Лазаренко. — И. Ш.). Так что Эпир имел с древнейших времен важное значение в индоевропейском аспекте и формировании Элады, причем — в тесной связи с Ахиллом» (С. 225). Последнее обусловлено тем, что, по Плутарху (Pyrrh. I), Неоптолем, сын Ахилла, придя сюда во главе своего племени, захватил страну и положил начало царской династии Пирридов. Несмотря на то что при преемниках первых царей их род захирел, впал в варварство и утратил былую власть, с момента завоевания и до времен, по крайней мере, Плутарха, там чтили наравне с богами и Ахилла, называя его на местном наречии Аспетом. Данное сообщение подтверждается глоссой Гесихия «Аспет» — Hesych. s. v. Ἀσπετος, ὁ Ἀχιλλεὺς ἐν Ἠλείῳ, ὡς φησὶν Ἀριστοτέλης ἐν Ὀλυμπίων πολιτείᾳ (FHG II: 145. Fr. 121): «Аспет — Ахилл в Эпире, как говорит Аристотель в Опунтской политике» (С. 224–225). И здесь В. Г. Лазаренко впервые в мировом антиковедении предпринял анализ данного эпитета Ахилла, хотя он был, конечно, известен многим поколениям специалистов, и заключил: «Словарь Лиддела-Скотта дает широкое толкование значению „аспет“... — „несказанный, невыразимый, неизреченный; в основном смысле — несказанно великий, невыразимо большой; реже — бесконечный, бесчисленный“. Это делает

невозможным представлением об Ахилле только как герое, поскольку такие категории могут быть соотнесены только с божествами, причем верховными, богами-творцами» (С. 227). Далее автор подкрепляет свои суждения параллелями из древнеиндийских текстов об Ананте-Шеше, которого обычно изображают как гигантского змея, свернувшегося кольцами в космическом пространстве и плавающим в водах первичного океана. Его кольца выступают как место отдыха для Вишну и его вечной супруги Лакшми. «Ананта» же на санскрите означает «Бесконечный». В итоге В. Г. Лазаренко заключает: «Вероятно, Ахилл как Аспет — это реликтовое отражение первоначальных представлений индоевропейцев о прообразе Ахилла как Змея — основе всего сущего. Кстати, у Ликофрона (Alex. 187, 327) Неоптолем назван „змеем скиросским“ и „ужасным змеем“, а змей, разумеется, в представлениях не только древних может быть сыном только змея — Ахилла ... Божественная сущность Ахилла, имеющая корни еще в индоевропейской общности, была утеряна во время „культурной революции“, начатой Гомером. В ходе ее Ахилл был низведен до героя, пусть и выдающегося. Но следы истинной сущности Ахилла остались в античной литературе, а истоки этой сущности и ее развитие, вплоть до Верховного божества и Первопредка, прослеживаются в культе змей с эпохи бронзы» (С. 227–229).

Материалы главы «Фракийский всадник» (С. 230–248) представляют собой к настоящему времени наиболее полное исследование данного вопроса. Вначале автор напоминает о его сути: «Еще век тому назад, дискутируя со сторонниками чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье, М. И. Ростовцев буквально требовал, очевидно — в плане необходимости научной корректности: „Я хотел бы, чтобы мне представили серьезные возражения против вероятности сочетания мифа об Ахилле со старым, до-греческим культом Белого острова, так близко связанного с Фракией, с культом верховного фракийского божества, одновременно божества небесного и хтонического,

победителя зла, которого... чтили во Фракии и как героя, и как бога, изображая его чаще всего как молодого героя-всадника“ (Ростовцев, 1918. С. 180–182). Но справедливый призыв видного российского ученого, имевшего для этого, очевидно, достаточные основания, остается до сих пор без всестороннего обсуждения» (С. 230). Автор задает вектор своим исследованиям, учитывая, что «Фракия была для Греции источником ряда наиболее сокровенных религиозных идей. И ее вклад в этом отношении исключителен» (Топоров, 1972. С. 36), а также важность Фракии в общеиндоевропейском аспекте (подчеркивая, что даже одним из древнейших названий Фракии является *Ἄρια*): «Речь должна идти не только о схожести каких-то черт Ахилла и Фракийского всадника, но об их общих истоках, возможно — восходящих еще к индоевропейской языковой общности» (С. 231–232). На основании комплексного рассмотрения археологических и лингвистических свидетельств он пришел к следующим главным выводам: «Сходство Фракийского всадника и северо-причерноморского Ахилла отчетливо проявляется в следующем:

— раннее индоевропейское (арийское) происхождение образа — скорее всего, в период распада индоевропейской общности (III тысячелетие до н. э.) в Северном Причерноморье;

— неотъемлемая связь со Змеем как воплощением Верховного божества-громовержца, а также Мирового дерева, основы всего мироустройства, и Первопредка;

— роль паредра Великой богини, имеющей черты умирающего и воскресающего (в тексте явная опечатка: воскрешающего. — И. Ш.) божества;

— охранительные, в частности — целительские функции, что выразилось в одинаковых эпитетах Спаситель и Благоклонно внемлющий;

— характерные черты великого воина, вождя большого племени, владыки значительной территории; — длительное, минимум в течение тысячелетия, непрерывное существование обоих культов в соседних регионах.

Таким образом, речь должна идти не столько о влиянии представлений

о Фракийском всаднике на формирование культа Ахилла в Северном Причерноморье, как полагал М. И. Ростовцев, сколько об общих и ранних индоевропейских (арийских) истоках их образов» (С. 248).

Заключительная и наиболее объемная глава рецензируемой монографии — «Культе Ахилла в Северном Причерноморье» (С. 249–358) состоит из девяти разделов. Материалы первых двух — «Ахилл — царь в земле Киммерийской» (С. 249–252) и «Ахилл — владыка земли Скифской» (С. 252–260) — в разной мере были изложены в предыдущих работах В. Г. Лазаренко. В монографии представлен широкий обзор источников по обсуждаемой тематике, где особое внимание уделено исследованиям О. Н. Трубачёва (*Трубачёв*, 1999. С. 99–102), итоги которых дали возможность понимать под «Скифией» не просто территорию, занятую скифами Северного Причерноморья, а «Старую Скифию» Геродота. Речь идет о местностях, заселенных «старыми ариями», то есть ариями (индоариями), оставшимися здесь после ухода их основной массы на юго-восток и восток в III тыс. до н. э. «Они образовали в Северном Причерноморье достаточно обширный реликтовый анклав (дандарии, тавры, ахейцы, синды, меоты), сохранившийся и в историческое время — от современной Одессы до Краснодарского края, а также в Крыму» (С. 256). При этом автор обращает внимание на ряд античных сведений о связи скифов и фракийцев: так, Малой Скифией называлась значительная часть Фракии, а также территория между ней и Крымом включительно, где жило «скифское племя тавров» (Strabo VII, 4, 52). Примечательно, что Стефан Византийский (s. v. Σκύθαι) называет скифов фракийским племенем, а Страбон (VII, 3, 2) высказал мнение об общем происхождении скифских и фракийских племен со ссылкой на Гомера; Аполлоний Родосский (Arg. IV, 316) пишет: «... скифы — они полукровки фракийцам» (С. 255). Главным же выводом исследования В. Г. Лазаренко здесь является следующее: «Можно трактовать слова Гомера и Алкея (речь идет об эпизодах «Одиссеи», связанных

с Ахиллом и Киммерией, а также о фрагменте Алкея 48В. — *И. III.*) как память о давно прошедших временах, где пра-Ахилл царствовал еще над ранними индоевропейскими предками киммерийцев и скифов, а не как сведения об исторических киммерийцах и скифах. Склонность понимать сведения античных авторов, в данном случае, как безусловный исторический источник, очевидно, и привела к значительным противоречиям в среде археологов и антиковедов» (С. 259–260).

Раздел «Остров Левка» (С. 260–269) содержит свод античных свидетельств о культе Ахилла на Левке и его особенностях, а также обзор археологических источников и мнений современных авторов. Их критическое исследование позволило В. Г. Лазаренко сделать следующий вывод: «Археологические свидетельства подтверждают наличие на Левке культа Ахилла с VI в. до н. э., но следует признать, что таких артефактов немного. И если бы не сообщения древних авторов, возможно, этого было бы недостаточно для констатации здесь общегреческого центра культа Ахилла» (С. 269).

В разделе «Остров Березань — Борисфенида» (С. 269–274) В. Г. Лазаренко обращает внимание на то, что, хотя в первые века н. э. здесь, видимо, существовало святилище Ахилла, что подтверждается находкой ряда мраморных плит-посвящений Ахиллу, Ахиллу Герою и Ахиллу Понтарху; однако его роль в религиозной жизни Ольвийского региона и всего античного мира остается дискуссионной (С. 271–272). Вместе с тем краткие граффити, которые можно расценить как посвящения Ахиллу, обнаружены на Березани в достаточном количестве в слоях конца VII — начала VI в. до н. э. в остатках общественных зданий (С. 273–274).

Большой раздел «Феномен Ахиллова Дрома» (С. 274–300) следует признать одним из наиболее удачных в рецензируемой монографии. Здесь автору удалось сделать ряд важных наблюдений и решить несколько сложных задач. Прежде всего, на основе всестороннего анализа древних сообщений им показана недостаточная обоснованность

толкования самого понятия «Ахиллов Дром» либо как местности, где Ахилл преследовал Ифигению — «Ахиллов Бег», либо как места воинских упражнений (состязаний) Ахилла со товарищи — «Ахиллово ристалище», хотя это действительно давно стало неким «общим местом». Кроме того, показана множественность Ахилловых Дромов (от устья Дуная до Керченского пролива, а не только на Тендровской косе), что ранее даже не обсуждалось (С. 284–286). Наконец, впервые глубоко проанализировано понятие «белый берег», часто встречающееся в связи с образом Ахилла, но получавшее прежде объяснение либо как следствие нахождения там множества «белых птиц», либо просто из-за белого песка. Здесь В. Г. Лазаренко подчеркивает принципиальные ошибки перевода греческих текстов, что значительно меняло их смысл. И приводит для примера фрагмент Дионисия Периегета (188), который постоянно используют исследователи культа Ахилла в Северном Причерноморье: «По левой стороне Эвксина против Борисфена лежит в море знаменитый остров героев; его называют Белым, так как водящиеся здесь птицы — белого цвета». Однако, как верно указывает автор, в оригинале данного текста мы видим κινώπета λευκά («белые змеи», поскольку слово κινώπета у Каллимаха, Артемидора, Никандра значит «змеи»), а ὄρνεα («птицы») просто отсутствует. Это весьма важно в контексте исследования В. Г. Лазаренко, который здесь заключил: «Поэтому в древних текстах, где присутствует κινώπета, а не ὄρνεα, видимо, отражаются еще более древние представления именно о змеях в их сакральном аспекте» (С. 287–288).

Далее автор, детально проанализировав само понятие «белый», показал его глубокую сакральность: «Если же прибегнуть к индоевропейскому языкознанию, то обнаруживается, что белый цвет мыслился в древности как цвет Начала, символ абсолютной тишины, абсолютного Ничто — предвестника рождения нового, борьбы смерти и жизни... что особенно важно, белый цвет соотносился с образом Белого бога...» (С. 288–293). Затем

В. Г. Лазаренко останавливается на оценке степени реальности нахождения святилища Ахилла на Ахилловом Дроме, а также проведения здесь праздников с агонами в честь Ахилла, и не находит в комплексе имеющихся данных весомых подтверждений этому. Возражая А. С. Русяевой (2006), автор подчеркивает, что нельзя бесосновательно переносить сведения об агонах в Ольвии (если они действительно проводились) на Ахиллов Дром, ввиду того что проведение их, тем более — панэллинских, в условиях буквально песчаной пустыни, продуваемой морскими ветрами, весьма проблематично (С. 293–298).

В заключение данного раздела В. Г. Лазаренко делает столь важные выводы, что их следует привести достаточно подробно: «Каков же мог быть истинный смысл словосочетания „Ахиллов Дром“ <...> Даже если понимать „дромос“ только как обозначение движения, то весьма полезно сопоставить этот акт с индоевропейскими представлениями. Движение мыслилось как магическая сущность, оно также могло соотноситься, с одной стороны, с понятием зла, а с другой стороны — с понятиями правды, истины. Это вполне коррелирует с пониманием δρόμος как „верный, правильный путь“. <...> Кстати, движение у индоевропейцев в древности мыслилось как священнодействие, направленное вверх к Небу, к божествам, а также направленное вниз, соединяя Небо и Землю, которые когда-то были двуединым целым. Тем самым движение соотносилось с образом Мирового дерева. Понятие движения связывалось также с понятием Числа — символа мироздания и его божественного устройства. Кроме того, в целом ряде случаев значение „движение“ соотносилось со значением „язык, речь“. Среди синдо-меотских реликтов Северного Причерноморья имеется *ak-, aka- (этноним Акаи ~ ср. др.-инд. ākā-, ākāyua- — „желаемый, любимый“, ak- — „двигаться змеевидно“). Возможно, это отголосок представлений о змее и любви как „божественной связи трех миров“. Но особенно важен для понимания феномена Ахиллова Дрома эпитет Ахилла Аспет (Ἄσπετος). Его значения как „несказанный, невыразимый,

неизреченный; в основном смысле — несказанно великий, невыразимо большой; реже — бесконечный, бесчисленный“, повторы, делают невозможным представление об Ахилле только как о герое, поскольку такие категории могут быть соотнесены только с божествами, причем верховными, богами-творцами. Вероятно, Ахилл как Аспет — это реликтовое отражение первоначальных представлений индоевропейцев о прообразе Ахилла как Змея — основе всего сущего. Это помогает понять и истинный смысл Ахилловых Дромов, которые, как правило, характеризовались у древних своей значительной протяженностью. А утеря греками в историческое время понимания их истинной, божественной сущности и привела к примитивным, „очеловеченным“ толкованиям феномена Ахиллова Дрома. Нельзя понимать δρόμος примитивно — как „бег“ или место ристаний, смысл его значительно шире и глубже... Песчаные, пустынные, длинные пляжи, иногда — на фоне более высоких темных частей берега вполне могли напоминать античным мореплавателям гигантских белых змей. <...> Видимо, сами Ахилловы Дромы, без каких-либо культовых объектов на них, были объектами почитания, напоминая Змея-Ахилла — Верховного бога, обладая главными его характеристиками: величиной, бесконечностью, непознаваемостью. Это проявилось не только в реально огромных размерах, как в случае Тендровской косы, но и в эпитетах „великий“, „пустой“, „белый“ и т. п. И служили они, очевидно, символами „Пути Ахилла“ — реликтовой памятью представлений об Ахилле-Змее как Верховном божестве и Первопредке ранних индоевропейцев Северного Причерноморья» (С. 298–300).

В разделе «Святилище Ахилла на Бейкуше» (С. 300–308) В. Г. Лазаренко, в основном, рассматривает уникальные граффити, найденные здесь и свидетельствующие о связи культа Ахилла со змеями. Автором предложен ряд новых толкований некоторых из этих граффити на основе семантического единства образов змеи и фалла, а также того, что копье и змей у индоевропейцев нередко

отождествлялись, равно как змеи и рыбы (С. 303–304). При этом В. Г. Лазаренко особо выделяет граффити, которые можно расценивать как головы змей с надписью внутри них ΑΧΙ, что идентично др.-инд. áhi- — «змея», полагая, что «такие граффити могут служить свидетельством отправления культа на Бейкуше не греками-колонистами, а местными „варварами“ — реликтовыми ариями» (С. 307).

Раздел «Кульτ Ахилла в Херсонесе и на Боспоре» (С. 308–318) начинается с изложения оригинальной гипотезы автора, согласно которой «после V в. до н. э., когда прекратило существование бейкушское святилище Ахилла, его адепты обосновались в Крыму, что весьма интересно в связи с представлениями о мирмидонцах». Далее, опираясь на гипотезу автора данной рецензии об ассоциации предводительствуемых Ахиллом мирмидонян («муравьиного народа») с боспорским Мирмекием (Шауб, 2002б), В. Г. Лазаренко заключает: «Поклонение муравьям представляется не чем иным, как поклонением далеким предкам — „перволюдям“, а приведенные здесь данные снова говорят об истоках образа Ахилла как Первопредка ранних индоевропейцев» (С. 313). Рассмотрев граффити с посвящениями Ахиллу, в том числе со змееподобными изображениями, найденные в Херсонесе, Мирмекии, Феодосии и на Тамани, автор подчеркивает, что все они «аналогичны, по своей краткости, большинству посвящений Ахиллу на Бейкуше, Березани и Большой Черноморке II и, возможно, также являются подношениями не Ахиллу-герою, но Áhi-Змею реликтовых ариев Таврии и Тамани, где греки находились буквально в окружении индоевропейских племен, соответственно — тавров и синдо-меотов, а многие поселения имели смешанный греко-варварский характер. Изображения змей, перевернутого дерева (связанного с представлениями об ином мире) и пентаграммы на приведенных выше граффити Тамани находят явные аналогии с граффити Бейкуша, хотя их разделяет, как минимум пять веков, а свастика является, как известно, древнейшим индоевропейским символом. Все это, видимо, указывает на

стойкость характера культа Ахилла в аспекте его связи с реликтовыми ариями. В отношении находок посвящений Ахиллу в Мирмекии очень важно, что в индоевропеистике зафиксирован семантический переход понятий „змея (червь) — муравей“» (С. 313–315). Далее, обсуждая причины популярности образа Ахилла в скифской среде, о чем можно судить по ряду изображений на изделиях торевтики из курганов скифской знати близ Боспора, В. Г. Лазаренко заключает, что основная причина почитания Ахилла в варварской среде — «общие ранние индоевропейские корни образа Ахилла и местных „варварских“ верховных божеств» (С. 316–318).

Раздел «Возможные нумизматические памятники» (С. 318–323) В. Г. Лазаренко начинается с констатации того, что «почти тысячелетний культ Ахилла в Северном Причерноморье не оставил очевидных нумизматических памятников, как это случилось, пусть и в виде отдельных редких выпусков, в некоторых регионах Греции (Фессалии, Троаде, Эпире)», а далее, обоснованно критикуя попытки отнести к Ахиллу некоторые ольвийские выпуски, заключает, что есть только «два типа монет античного Северного Причерноморья, принадлежность которых культу Ахилла вполне возможна» (С. 319). Это монеты-стрелки, которые автор относит к культу Ахилла на основе семантической близости образов стрелы/копья — змея — Мирового древа. Кроме того, В. Г. Лазаренко развивает высказанную им ранее идею об изображении муравья на архаических тетартемориях Боспора как свидетельстве скрытого почитания Ахилла на Боспоре (С. 322–323). Эта мысль выглядит достаточно привлекательной, поскольку мы полагаем, что образ муравья был связан с хтоническим культом Ахилла, существовавшим в регионе, тем более, что муравей в качестве монетной эмблемы не встречается более нигде, кроме Пантикапея (*Терещенко, Шауб, 2018а; 2018б*).

В начале раздела «Генезис культа Ахилла в Северном Причерноморье» (С. 323–358) автор детально рассматривает аргументацию как адептов чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье,

так и сторонников местного влияния на формирование данного культа. В первом случае мнение В. Г. Лазаренко однозначно: «Следует признать, что уровень аргументации здесь явно недостаточен», а его главный довод трудно оспорить: «Наличие в Милете источника, в котором очистился Ахилл после убийства родственника, еще не говорит о наличии там культа Ахилла, а приведенные выше попытки обоснования наличия его культа в Милете представляются не более чем произвольным смешением сведений о героине Трамбела, воздвигнутом его убийцей Ахиллом на Делосе, с источником в Милете, в котором очищался Ахилл после данного убийства. Следует констатировать, что сторонники милетского происхождения культа Ахилла... не имеют для этого сколько-нибудь достаточных оснований. Кроме того, нет и археологических подтверждений» (С. 331). При этом автор подчеркивает, что для последователей концепции импорта культа Ахилла в Северное Причерноморье из Греции достаточно типично отсутствие привлечения или самостоятельного анализа древних текстов или произвольные их толкования, а также обширное цитирование только в подобной же степени «обоснованного» мнения своих единомышленников; в результате их умозрительные предположения стали претендовать едва ли не на абсолютную истину. Кроме того, В. Г. Лазаренко напоминает, что культ Ахилла не только практически отсутствовал в Ионии, но и был достаточно редко представлен в остальной Греции, хотя противоположное, как правило, утверждалось сторонниками чисто греческого происхождения культа Ахилла в Северном Причерноморье (С. 323–336). В то же время автор отмечает, что «аргументация сторонников местного происхождения, если не культа Ахилла в Северном Причерноморье, то его истоков, до последнего времени также не имела достаточной основы, поскольку строилась, в основном, на различном понимании, как и у их оппонентов, немногочисленных античных источников и, по сути, так же не выходила за рамки времен колонизации» (С. 342).

Далее автор последовательно и аргументированно опровергает «отголоски мнения В. В. Лапина (Лапин, 1966. С. 52–54, 142) о том, что все построения о возможности каких-либо контактов, взаимодействий или связей греческих колонистов с местным населением не имеют под собой оснований», поскольку в Нижнем Побужье на протяжении почти полутора столетия греческой колонизации якобы отсутствовало оседлое варварское население. В. Г. Лазаренко приводит ряд археологических данных, свидетельствующих о том, что еще в эпоху поздней бронзы здесь сложился очаг металлообработки; жилища земляночного и полуземляночного типа, столь распространенные здесь на ранних греческих поселениях, восходят также к этому времени. О значительном присутствии на данных поселениях варваров ярко свидетельствует лепная керамика, сходная с распространенной с VII в. до н. э. в степях Северо-Западного Причерноморья и Северного Приазовья. Она найдена в большом количестве на греческих поселениях, в том числе там, где засвидетельствован культ Ахилла, в частности на поселении Большая Черноморка II и на Березани. На Бейкуше обнаружено большое количество фракийского керамического материала, датируемого начиная еще со второй половины VII в. до н. э. Анализ лепной керамики Ольвии и Березани также убедительно показывает проникновение сюда фракийцев (С. 343–344). Автор особо останавливается на многочисленных археологических фактах, доказывающих существование варварских черт в отпавлении культа Ахилла на Бейкуше (С. 344–348).

Затем В. Г. Лазаренко анализирует данные о «скифском» происхождении Ахилла и приходит к выводу, что «Ахилл предстает не просто „скифом“ и даже не только „Владыкой Скифии“, но прародителем целого народа „Старой Скифии“. Один из культовых эпитетов Ахилла в Ольвийском полисе — Вечный отец, вполне возможно, подтверждает это» (С. 348). Далее автор интерпретирует найденные на Бейкуше граффиты, допуская, что «местное влияние, видимо, было обусловлено

не только тем, что греки-колонисты оказались в идеологической среде, сформировавшейся еще в катакомбный период, но и сходством их языка с языком реликтовых ариев Северного Причерноморья — именно здесь лингвисты полагают соседство греческого и арийского языков, имеющих значительное сходство грамматического строя и обширную общую лексику, к началу II тысячелетия до н. э. (а это время катакомбной культуры), то есть после распада индоевропейской общности и начала миграций протогреков на юго-запад, а ариев — на восток и юг» (С. 352–355).

Итог исследования В. Г. Лазаренко таков: «Следует говорить не о милетском импорте культа Ахилла в Северное Причерноморье, а о слиянии на раннем этапе почитания первыми греческими колонистами Ахилла не в образе героя Троянской войны, но в образе народного (домашнего) бога — Змея-предка, с культом *Áhi*-Змея местного населения, современного колонистам — реликтовых ариев, поклонявшихся Верховному божеству и Первопредку в образе Змея. Представления об этом же, вероятно, существовали у греков непрерывно со времен греко-арийской общности в Северном Причерноморье, сохранились в ходе миграций (о чем говорит пример Эпира с культом Ахилла Аспета), затем деградировали до представлений о змеях — домашних богах, но проявились более масштабно во время колонизации, когда греки, по сути, вернулись на землю далеких предков — ранних индоевропейцев и встретились со своими дальними родственниками — реликтовыми ариями.

Якобы „внезапное“ появление в римское время культа Ахилла Понтарха — „Владыки Чёрного моря“ (уже не героя, но бога)... с центром именно на Березани (о чем свидетельствует большее число находок посвящений Ахиллу Понтарху) нельзя объяснить ничем, кроме как непреходящими и древнейшими местными представлениями об *Áhi*-Змее, Верховном божестве и Первопредке. И очевидно, что не „милетцы возвысили Ахилла до бога“... а милетцы, зная, конечно, лишь гомеровского героя Ахилла, столкнулись

в Северном Причерноморье с гораздо более важным и древним местным божеством — *Áhi-Змею*. Этим же объясняется, на мой взгляд, и устойчивость в течение почти тысячелетия культа Ахилла в Северном Причерноморье.

...прекращение существования Бейкушского святилища в начале V в. до н. э. и отсутствие «змеиных» компонентов культа Ахилла в других местах Северного Причерноморья может быть объяснено тем, что *Áhi* — „Змей-первопредок“ был для греков-колонистов, очевидно, в целом уже чуждым божеством...

...последующий перенос центра почитания Ахилла на остров Левке представляется реализацией потребности привести важный для дальнейшей колонизации культ (отказаться полностью от самого культа *Áhi-Змея* — „хозяина“ Северного Причерноморья колонистам, окруженным „варварами“, было явно невыгодно) в соответствие с уже существовавшими легендами о Белом острове и гомеровским Ахиллом, а также с „нормами“ Дельфийского оракула, которым явно не отвечал „варварский“ Бейкуш» (С. 357–358).

До сих пор наша рецензия носила в основном обзорный характер, поскольку, несомненно, выдающийся труд В. Г. Лазаренко, изданный тиражом всего 100 экземпляров, заслуживает того, чтобы быть представленным с максимально возможной полнотой. Под конец необходимо сказать о том важном аспекте в образе Ахилла, который кажется нам явно недооцененным в рассматриваемой книге, — это наличие неиндоевропейских черт в образе Ахилла. Данный образ — явление в высшей степени сложное, многослойное, что во многом обуславливает его дискуссионность. Автор наглядно показал редкость памятников культа Ахилла в Греции в историческую эпоху, убедительно проследил индоевропейские корни этого героя-бога, однако лишь мельком (со ссылкой на гипотезу автора данной рецензии) отметил тот факт, что в его образе есть черты ближневосточного умирающего и возрождающегося божества, спутника Великой богини. Эти черты видятся нам в следующем. Прежде всего, в тесной связи Ахилла с растениями. Эта связь

прослеживается не только на граффити из Бейкушского святилища (*Шауб*, 2002а; 2007; 2011), но и в других местах его причерноморского культа (*Коршунков*, 1989. С. 32–34)⁵. Растительность отнюдь не всегда ассоциировалась с Мировым деревом индоевропейцев, но всегда — с Великой богиней. Особенно ярко эта связь выступает на памятниках минойского Крита (см., например: *Evans*, 1901), но прослеживается она также и в Северном Причерноморье (*Шауб*, 2016). Водный (морской) аспект в образе Ахилла также, скорее всего, еще доиндоевропейский⁶; то же можно сказать и об Ахилле — владыке мертвых, которого можно сравнить с критскими Миносом и Радамантом. Еще одна мифологическая черта, ассоциирующая Ахилла с Великой богиней, — это травестия (в истоках, несомненно, ритуальная), когда его, облачив в женскую одежду, скрыла Фетида на острове Скирос; его сокрытие (временная смерть), а затем обнаружение (возрождение) полностью вписывается в круг идей, связанный с умирающим и возрождающимся божеством, спутником Великой богини всего сущего. Все это вряд ли имманентно реконструируемому индоевропейскому Первопредку, но данный комплекс представлений типичен для религии Анатолии и, шире, всего древнего Ближнего Востока⁷.

Связь Ахилла с Великой богиней Эгеиды наглядна и в других аспектах его мифологии. Так, его мать Фетида, несомненно, являлась одной из ее воплощений (*Шауб*, 2012. С. 7). Кроме того, другие ипостаси Богини (Ифигения,

⁵ Эта небольшая, но ценная работа, является одной из немногих, отсутствующих в библиографии рассматриваемой монографии.

⁶ О минойских представлениях о море как первостихии см. *Schefold*, 1958.

⁷ Вероятно, характерный для ближневосточных народов пессимизм в отношении загробного мира нашел отражение в знаменитом гомеровском пассаже, где Ахилл говорит пришедшему в царство мертвых Одиссею, что лучше быть последним поденщиком на земле, чем царствовать над покойниками (таким образом, раскрывая себя именно в качестве повелителя загробья).

Елена и др.) выступают в мифах в качестве супруга Ахилла (Шауб, 2002а; 2007; 2011).

Да и связь со змеями могла быть не только индоевропейским, но и минойским наследием (в частности, в лице Фетиды, чьи змеиные черты отмечены В. Г. Лазаренко); судя по многочисленным археологическим памятникам, у критян, которые основали Милет, культ змей был одним из главенствующих форм поклонения Великой богине. Эта ассоциация доиндоевропейского почитания змей (см. *Gimbutas*, 1989. P. 121–137) с Ахиллом совершенно не обязательно должна была проявляться в культе этого полиса, но могла сохраняться в генетической памяти милетян — потомков минойцев, их коллективном бессознательном (в комплексе Великой богини и ее спутника).

При допущении многоипостасности не только самой Богини, но и ее спутника, снимаются дискуссии о том, кто был ее паредром в Северном Причерноморье: Ахилл, Геракл, Аполлон или Дионис. Это мог быть любой из них в зависимости от конкретных обстоятельств (подобно тому, как и сама Богиня могла выступать в различных ипостасях: Афроди-

ты, Деметры, Афины и др.) (Шауб, 1999; 2007; 2011).

Завершая рассмотрение книги В. Г. Лазаренко, еще раз отметим, что ее тематика далеко выходит за рамки собственно культа Ахилла. Никогда не теряя из виду своей магистральной темы, автор попутно рассматривает целый ряд мифологических образов, в той или иной степени связанных с Ахиллом, причем и здесь нередко не только находят новые аргументы для подкрепления уже существующих гипотез, но и демонстрирует свой оригинальный взгляд на анализируемые им вопросы. Ценность вклада В. Г. Лазаренко в изучение культа Ахилла и, более того, религиозной жизни обитателей Северного Причерноморья не только античной, но и предшествующих эпох, и еще шире — в исследование греческой мифологии представляется несомненной.

Отрадно, что В. Г. Лазаренко и после издания рецензируемой монографии продолжает свои исследования, результаты которых, также представляющие несомненный интерес, опубликованы им в больших статьях (Лазаренко, 2018; 2019а; 2019б; 2019в).

Буйских, 2001 — Буйских С. Б. Исследование святилища Ахилла на Бейкушском мысу (предварительные итоги) // ANAXAPΣIΣ. Памяти Ю. Г. Виноградова. Севастополь: Херсонесский музей, 2001. С. 34–41 (Херсонесский сборник; Вып. XI).

Коршунков, 1989 — Коршунков В. А. Культ Ахилла в Северном Причерноморье и хвойные растения // Скифия и Боспор: Тез. конф. Новочеркасск, 1989. С. 32–34.

Лазаренко, 2014 — Лазаренко В. Г. Истоки медицины и атлетических состязаний Древнего мира. Ижевск: Изд-во ИЖГТУ, 2014. 388 с.

Лазаренко, 2018 — Лазаренко В. Г. О мнимом сходстве образов Ахилла и Аполлона // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб., 2018. Т. X. С. 155–188.

Лазаренко, 2019а — Лазаренко В. Г. Особенности культа Ахилла в Крыму и на Азиатском Боспоре // БИ. 2019. Вып. XXXIX. С. 20–57.

Лазаренко, 2019б — Лазаренко В. Г. Реликты древнейшего культа змей в Северном Причерноморье античного времени // Вісник заповідника «Кам'яна Могила». Вип. IV. Запоріжжя: Дике Поле, 2019. С. 115–132.

Лазаренко, 2019в — Лазаренко В. Г. Сообщения Геродота о неврах, агафирсах и будинах в контексте древних культов Северного Причерноморья // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб. 2019. Вып. XI. С. 18–75.

Лапин, 1966 — Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1966. 238 с.

Ростовцев, 1918 — Ростовцев М. И. Новая книга о Белом острове // ИАК. 1918. Вып. 65. С. 177–197.

Русяева, 1975 — Русяева А. С. Вопросы развития культа Ахилла в Северном Причерноморье // Скифский мир. Киев: Наукова думка, 1975. Вып. 2. С. 174–185.

- Русяева*, 2005 — *Русяева А. С.* Религия понтийских эллинов в античную эпоху. Киев: Стилос, 2005. 559 с.
- Русяева*, 2006 — *Русяева А. С.* Святилище Ахилла на Тендре в контексте истории и религии Ольвии Понтийской // ВДИ. 2006. № 4. С. 98–123.
- Терещенко*, *Шауб*, 2018а — *Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* Особенности типологии пантикапейской чеканки // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб.: Изд.-полиграф. центр СПбГУ промышленных технологий и дизайна, 2018. Ч. I. С. 139–145.
- Терещенко*, *Шауб*, 2018б — *Терещенко А. Е., Шауб И. Ю.* О семантике образа муравья на монетах Пантикапея // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб. 2018. Вып. X. С. 146–160.
- Топоров*, 1972 — *Топоров В. Н.* К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры // Античная балканистика. М.: Ин-т славяноведения и балканистики, 1972. С. 24–38.
- Топоров*, 1990 — *Топоров В. Н.* Об архаичном слое в образе Ахилла // Образ-смысл в античной культуре. М.: ГМИИ, 1990. С. 64–95.
- Трубачёв*, 1999 — *Трубачёв О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
- Шауб*, 1999 — *Шауб И. Ю.* Культ Великой богини у местного населения Северного Причерноморья // Stratum plus. Кишинев: Высшая школа антропологии, 1999. № 3: Скифский квадрат. С. 207–224.
- Шауб*, 2002а — *Шауб И. Ю.* Ахилл — бог Северного Причерноморья // Новый часовой. 2002. № 13–14. С. 356–367.
- Шауб*, 2002б — *Шауб И. Ю.* Ахилл на Боспоре // БФ: Погребальные памятники и святилища. Ч. I. 2002. С. 186–189.
- Шауб*, 2007 — *Шауб И. Ю.* Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. 484 с.
- Шауб*, 2011 — *Шауб И. Ю.* Эллинские традиции и варварские влияния в религиозной жизни греческих колоний Северного Причерноморья (VI–IV вв. до н. э.). Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. 475 с.
- Шауб*, 2012 — *Шауб И. Ю.* О семантике изображений на золотом браслете из Куль-Обы // Новый Гермес. Вестник античной истории, археологии и классической филологии. СПб., 2012. Вып. V. С. 5–9.
- Шауб*, 2016 — *Шауб И. Ю.* Эллинское и варварское в курганах Боспора Киммерийского (мотив растительности) // Цивилизация и варварство. Вып. V / Отв. ред. В. П. Буданова, О. В. Воробьева. М.: Аквилон, 2016. С. 229–244.
- Яйленко*, 2013а — *Яйленко В. П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–V вв. до н. э. М.: Onebook.ru, 2013. 348 с.
- Яйленко*, 2013б — *Яйленко В. П.* Скифский Ахилл в Северном Причерноморье VIII–V вв. до н. э. и его индоарийские истоки // ДБ. 2013. Т. 17. С. 377–406.
- Bujskikh*, 2006 — *Bujskikh S.* Kap Beikuš — Kap des Achilleus: eine Kultstätte des göttlichen Heros im Mündungsgebiet des Bug // Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römische Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. von J. Hupe. Rahden/Westf.: Leidorf, 2006. S. 111–153.
- Cook*, 1914; 1925; 1940 — *Cook A. B.* Zeus. A Study in Ancient Religion. Vol. I. 1914. 885 p.; Vol. II. 1925. 858 p.; Vol. III. 1940. 1330 p. Cambridge: Cambridge University Press.
- Escher-Bürkli*, 1893 — *Escher-Bürkli J.* Achilleus // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart. Bd. I, 1. Stuttgart, 1893. Sp. 221–245.
- Evans*, 1901 — *Evans A. J.* The Mycenaean Tree and Pillar Cult // Journal of Hellenic Studies. London. 1901. V. XXI. P. 99–204.
- Gimbutas*, 1989 — *Gimbutas M.* The Language of the Goddess. New York: Thames & Hudson, 1989. 388 p.
- Mannhardt*, 1875 — *Mannhardt W.* Antike Wald- und Feldkulte. Berlin: Gebr. Borntraeger, 1875. 668 S.
- Schefold*, 1958 — *Schefold K.* Die Bedeutung der griechischen Meerbilder // Antike Kunst. 1958. №. I. S. 3–5.

ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ

Проблемы современной локализации и идентификации археологических памятников¹

С. А. Семёнов, Ст. А. Васильев²

Аннотация. Статья посвящена проблеме локализации известных археологических памятников в современном ландшафте в ходе проведения разведочных работ на территории Ленинградской области. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные сведения и публикации подчас содержат ошибочные или противоречивые сведения о местах расположения памятников, что в значительной мере затрудняет их поиск. Сложившаяся к настоящему времени запутанная ситуация наглядно проиллюстрирована на примере описания обследований ООА ИИМК РАН в 2017–2019 гг. трех археологических памятников в Лужском и Волосовском районах и распутывания противоречивых историографических сведений о них. Активное хозяйственное освоение новых территорий требует от археологов проведения «ревизии» известных археологических объектов и формирования новой археологической карты региона на новом технологическом уровне.

Annotation. This paper deals with the problem of localization by surveys of previously discovered archaeological sites in the present-day landscape in Leningrad Oblast. Archive documents and publications available to us sometimes contain erroneous or contradictory information on the situation of the already discovered sites, considerably complicating their search. The tangled situation arisen by now is vividly demonstrated at the example of examination by the Department of Rescue Archaeology of ИИМК RAS of three archaeological sites in the Luga and Volosovo districts and unravelling of the contradictory historiographic communications about them. The active economic development of new territories demands from archaeologists to conduct a 'revision' of the known archaeological objects and compilation of a new archaeological map of any region at the new technological level.

Ключевые слова: археологическая карта, инвентаризация, археологическая разведка, локализация и идентификация, археологические памятники, курганно-жальничный могильник

Keywords: archaeological map, inventory, archaeological survey, localization and identification, archaeological sites, kurgan and zhalnik-grave cemetery.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-333-344

¹ Работа выполнена в рамках направления ПФНИ ГАН: 187. Сохранение и изучение историко-культурного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация (Тема № 0184-2019-0011 «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры»).

² Отдел охранной археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. Семёнов С. А. — E-mail: s.s.a.g@mail.ru; Васильев Ст. А. — E-mail: stasilein@mail.ru.

Анализ археологических источников, будь то погребальные, поселенческие, культовые или другие комплексы, в конечном итоге замыкается на основную комплексную археологическую единицу — археологический памятник, имеющий свои культурно-хронологические, морфологические и топографические характеристики.

Многолетними исследованиями археологических памятников накоплен значительный научный материал, иллюстрирующий разнообразие исторических эпох и археологических культур на территории Ленинградской области.

Одним из основных информационных компонентов археологического памятника является его пространственная составляющая, позволяющая анализировать археологический материал с учетом его географического расположения как на микро-, так и на макроуровнях.

Однако как раз этот момент является слабым звеном в комплексе информации об археологическом памятнике. Раскопками и разведками XIX–XX вв. изучено и зафиксировано огромное количество памятников, сведения о расположении которых по различным причинам оказались утраченными или неполными, что затрудняет или делает невозможным локализацию известных памятников в современном ландшафте. Такая ситуация обусловлена не только недостатками топографического описания их расположения, но также и сильно изменившимся за последние 100 лет историческим ландшафтом, утратившим к настоящему времени использованные ранее географические ориентиры.

Несколько волн археологических разведок XX в. с целью упорядочивания накопленной информации, паспортизации и составления археологических карт регионов способствовало наведению относительного порядка, породив вместе с тем обострившуюся к настоящему времени проблему соотношения новых и уже известных археологических памятников.

Наличие лишь малого количества ситуационных или топографических планов для исследованных в XIX в. объектов, сильно

ограниченный доступ к топографическим картам и редкость инструментальных планов для памятников, исследованных в XX в., а также зачастую противоречивые текстовые описания их местоположения, способствовали фиксации одного и того же объекта под разными названиями или отнесению его к категории утраченных, если он не был обнаружен. Кроме того, ошибочная информация поступала в региональные органы охраны, внося еще большую путаницу.

Ситуация обострилась с началом интенсивной строительной-хозяйственной деятельности по всей стране и в связи с изменениями в области земельного законодательства, в результате чего требования к топографической локализации и идентификации археологических объектов повысились до геодезической точности. Очередной ревизии археологических объектов также поспособствовал запуск государственной программы по составлению единого реестра объектов культурного (археологического) наследия народов Российской Федерации. В рамках этой программы с 2014 г. на территории Ленинградской области Отделом охранной археологии ИИМК РАН были обследованы 394 археологических памятника, три из которых наиболее ярко иллюстрируют сложившуюся картину.

Курганно-жальничные могильники у д. Старая Серёдка (Лужский район)

В 1927 г. палеоэтнологическим отрядом ГАИМК Северо-Западной экспедиции КИПС АН в составе Г. П. Гроздилова и Н. Н. Чернягина на возвышенном южном берегу озера «Пишелева», к «юго-востоку от ... д. Старая Серёдка... метрах в 8–10 от озера ... частью на паашне, частью в зарослях олешиника» (здесь и далее выделено авт.) был обнаружен курганный могильник из семи «высоких полусферических насыпей без каменной обкладки» и более мелких насыпей с каменными обкладками (до 20) и без них (13). К крупным курганам были отнесены насыпи высотой 0,75–0,80 м и диаметром 6,1 м, к более мелким — высотой 0,6–0,8 м и диаметром 4,0–5,5 м. К моменту исследования две крупные насыпи

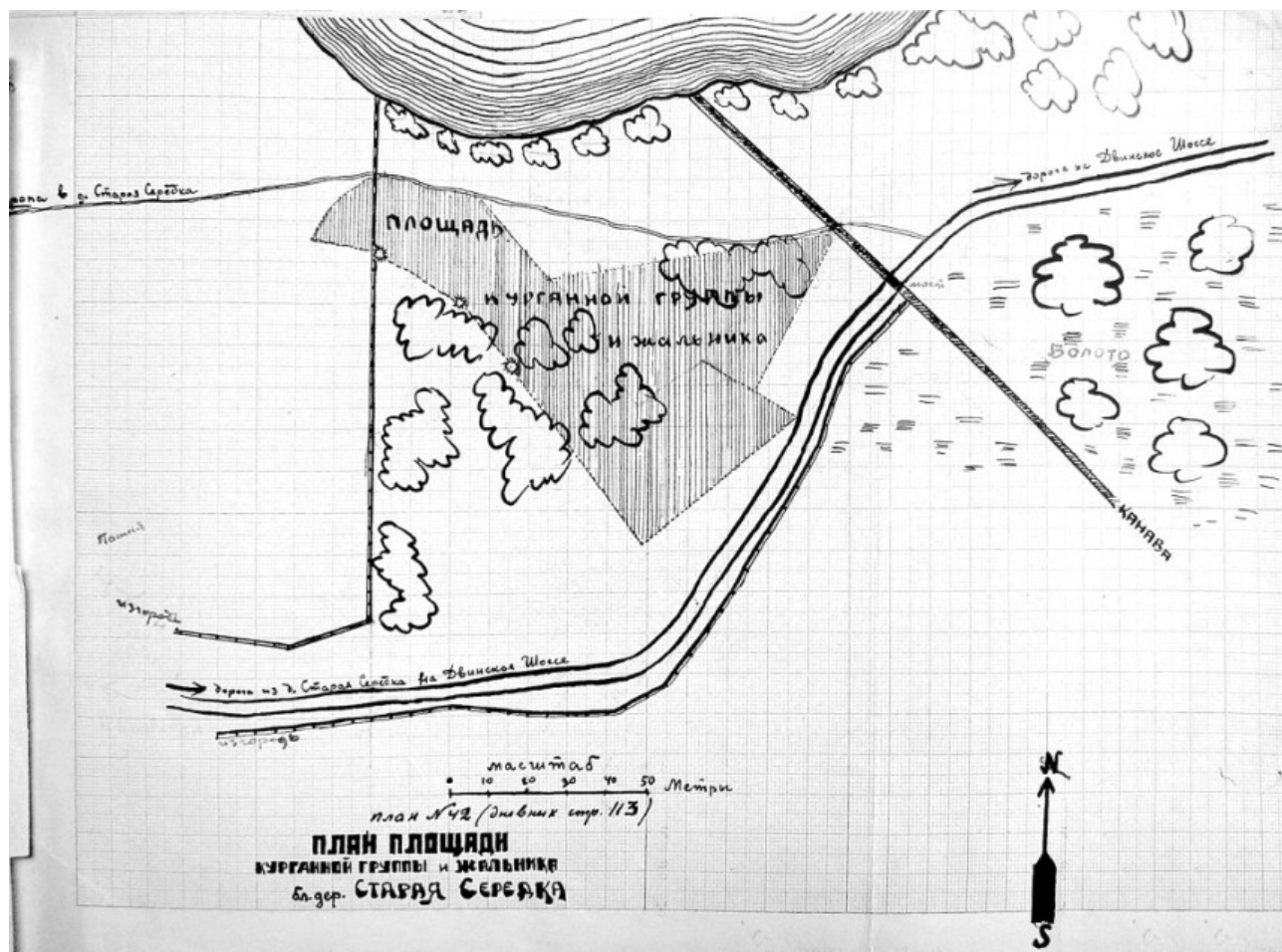

Рис. 1. «План площади курганной группы и жальника бл. дер. Старая Серёдка». Съёмка 1927 г. (Гроздилов, Чернягин, 1931. Л. 5–7)

Fig. 1. “Plan of the area of the kurgan group and zhalnik-grave cemetery near the village of Staraya Seredka”. Surveys of 1927 (Гроздилов, Чернягин, 1931. Sheet 5–7)

были уже раскопаны. Курганы возведены из песка, расстояние друг от друга «от 1 метра до слияния основаниями». Снятый исследователями довольно точный ситуационный план обозначен ими как «План площади курганной группы и жальника бл. дер. Старая Серёдка». Жальники увидены Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным в «расположении насыпей, обложенных камнями», в которых «можно проследить неправильные ряды», вытянутые по направлению северо-северо-запад—юго-юг-восток (Гроздилов, Чернягин, 1927. Л. 113–115; 1931. Л. 5–7) (рис. 1).

На открытую в 1927 г. Г. П. Гроздиловым и Н. Н. Чернягиным курганную группу Инспекцией по охране памятников Ленинградской

области от 4 октября 1954 г. был составлен Паспорт, в котором содержится весьма противоречивая информация о местоположении указанного могильника. Так, например, в п. 2 обозначено, что памятник, названный как «Курганная группа из 36 курганов, известная у населения „могильники“», находится на «... Западном берегу озера Пишелева» (Паспорт памятника..., 1954). Далее, в п. 7 сообщается, что «Курганная группа расположена к Югу от дер. Старая Серёдка на берегу озера» (рис. 2). На прилагаемой к Паспорту памятника схеме местоположение курганной группы также указано: на южном берегу оз. Пишелево (оз. Пишелевское) (рис. 3). Противоречие заключается в том, что восточная граница д. Старая

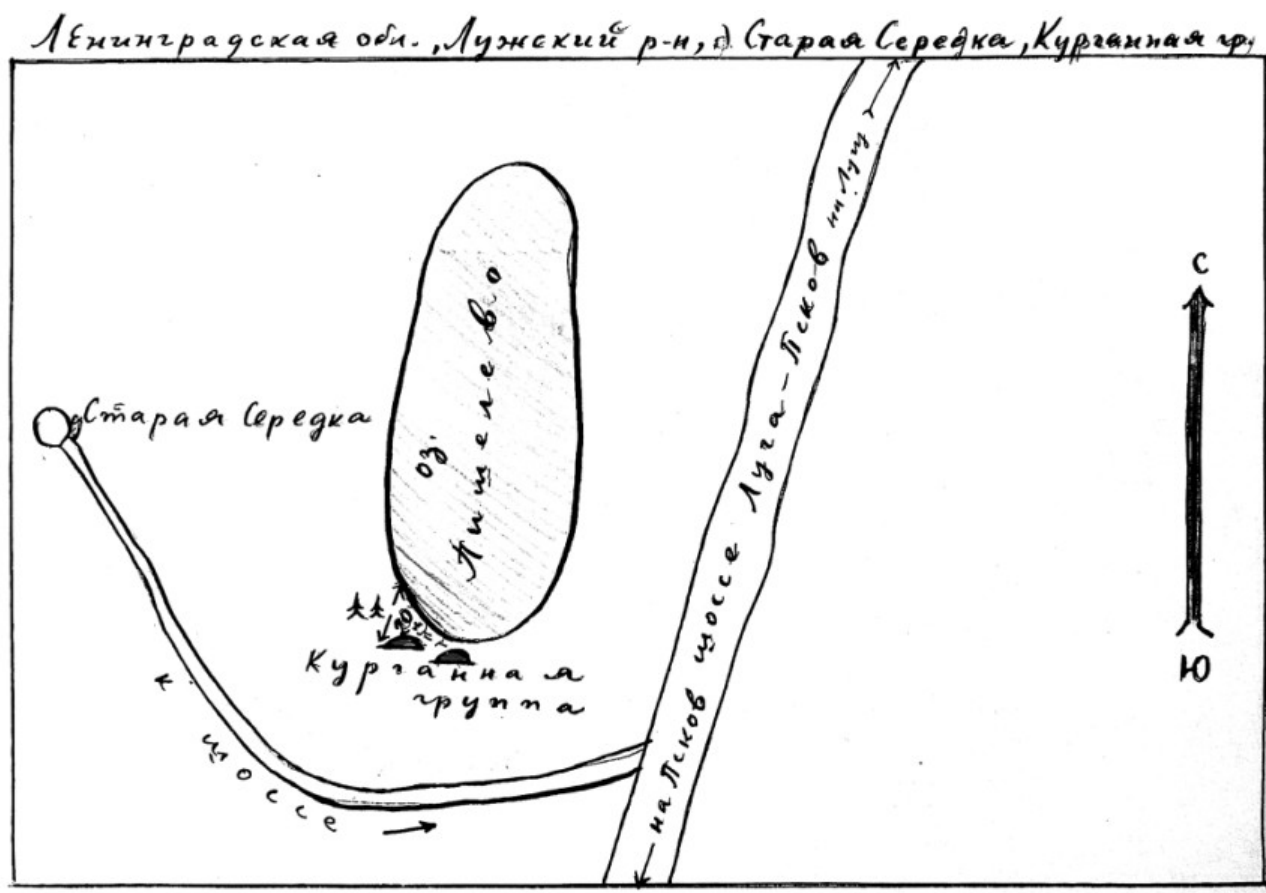

Рис. 2. Схема расположения курганной группы у д. Старая Серёдка к Паспорту памятника, составленная в 1954 г. (Курганная группа из 36 курганов..., 1954)

Fig. 2. Scheme of the location of the kurgan group near the village of Staraya Sereodka for the Site Certificate drawn-up in 1954 (Kurgan group of 36 kurgans..., 1954)

Серёдка начинается в 300 м к западу (запад—юго-запад-запад) от южного берега оз. Пишелевское. Таким образом, получается, что по сведениям Паспорта курганная группа должна находиться в одном из трех взаимоисключающих мест:

- 1) на западном берегу оз. Пишелевское (по п. 2);
- 2) к югу от д. Старая Серёдка, то есть не менее чем в 300 м к западу от западного берега оз. Пишелевское (по п. 7);
- 3) на южном берегу оз. Пишелевское (по схеме к Паспорту).

Позднее памятник как «Курганный могильник близ д. Старая Серёдка» включен в указатель к карте курганов Северо-Западной Руси X–XIII вв. 1956 г. А. В. Успенской и М. В. Фехнер (Успенская, Фехнер, 1956. С. 197, рис. 213).

В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» зафиксированный в 1927 г. могильник учтен как *несохранившаяся* «Старая Серёдка-1. Курганная группа», располагавшаяся в «1,5 км к северу от д. Старая Серёдка, на оз. Раковицкое». Эта информация противоречит не только данным 1927 г., но и запутанным сведениям из Паспорта памятника 1954 г. (Лапшин, 1990. С. 32, № 221).

В 2008 г. разведочная группа СЗАЭ СПбГУ под руководством И. А. Фёдорова на основании сведений Археологической карты В. А. Лапшина «в 1 км к северо-востоку от д. Старая Серёдка, на западном коренном берегу оз. Пишелевское, отделенного от оз. Раковицкое заболоченной протокой»

КОМИТЕТ
ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ РСФСР

Управление охраны исторических и археологических памятников

П А С П О Р Т
памятника археологии

№ _____ по списку, утвержденному Советом Министров СССР, Советом Министров РСФСР

1. Наименование области, края, АССР *Ленинградская обл.
РСФСР*
2. Местонахождение памятника с уточненной топографией (на берегу реки, озера и т. д.)
*Лушский р-н, по шоссе Луга - Тосно, до селения
Старая Середка,
на западном берегу
озера Тимово*
3. Номер листа географической карты и квадрат. *на западном берегу
озера Тимово*
4. Наименование памятника (курган, городище и пр.) и собственное имя, под которым памятник известен у населения.
*Курганная группа из 36 курганов, известная у
населения "могильником"*
5. Размер установленной охранной зоны. *3 м. метра вокруг курганов*
6. Когда и кем открыт памятник
*В 1927 г. Т. Троицким и И. Чернышковым - сотрудниками
Северо-Западного археологического экспедиции в д. Лушской г.*
7. Краткое описание памятника и состояние его (форма, размеры, число единиц в групповом памятнике, к какому времени относятся и пр.)
*Курганная группа расположена к Югу от
д.р. Стар. Середка на берегу озера. На юге заросли
кустарником, травой. К северу от группы
расположены поля и дорога, ведущая к д. Стар. Середка.
Курганы обложены камнями (крупными и мелкими).
Среди курганов имеются несколько впадин-ям
(возможно ям-рашники). Курганы имеют полу-
сферический вид; высота камней достигает от
40 см до 70 см; диаметр от 3 до 7 метров.*

Рис. 3. Паспорт курганной группы из 36 курганов у д. Старая Серёдка, составленный в 1954 г. (Курганная группа из 36 курганов..., 1954. С. 1)

Fig. 3. Certificate of the kurgan group of 36 kurgans near the village of Staraya Sereodka drawn-up in 1954 (Kurgan group of 36 kurgans..., 1954. P. 1)

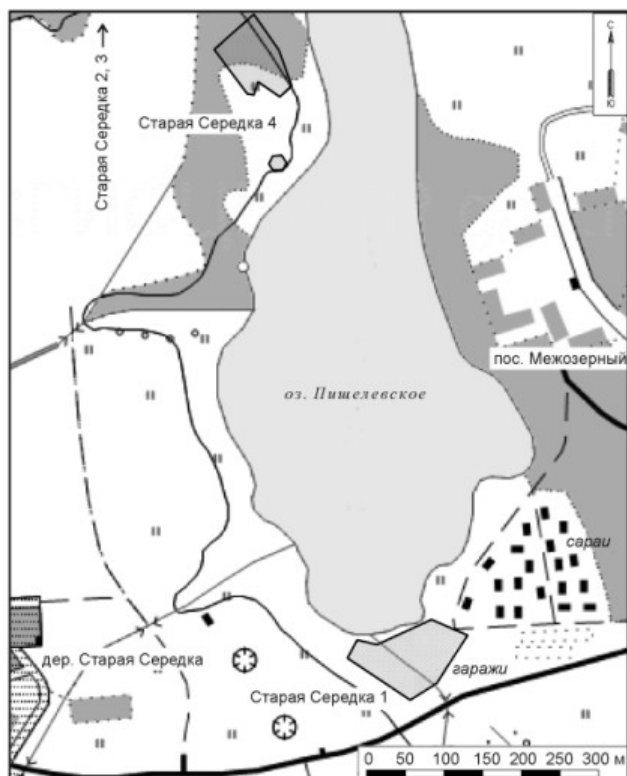

Рис. 4. Место расположения курганно-жальничных могильников Старая Серёдка 1 (по данным 1927 г. и проверке 2017 г.) и неизвестного ранее Старая Серёдка 4 (ошибочно названного Старая Серёдка 1) на карте Ленинградской области

Fig. 4. Location of kurgan and zhalnik-grave cemeteries of Staraya Sereodka 1 (information of 1927 and check of 2017) and previously unknown Staraya Sereodka 4 (erroneously called Staraya Sereodka 1) in a map of Leningrad oblast

фиксирует курганно-жальничный могильник под названием «Старая Серёдка 1», полагая, что обнаружен упоминаемый в 1927 г. памятник, считавшийся к тому времени утраченным. По данным экспедиции, могильник находится на опушке леса, слева от полевой дороги, ведущей из д. Старая Серёдка к озеру, в 0,3 км к югу от места впадения р. Кутка в озеро. В результате осмотра отмечено 20 курганных насыпей различной степени сохранности, две жальничные гряды, почти полностью разрушенные грабительскими ямами, и одиночный курган в 50 м к югу от основной группы (Фёдоров, 2008. С. 9–10, рис. 19–28).

На основании этих сведений в 2010 г. Департаментом по охране памятников Ленинградской области могильник, зафиксированный И. А. Фёдоровым в 2008 г., регистрируется как выявленный объект историко-культурного наследия под названием «Курганно-жальничный могильник Старая Серёдка 1», у которого «подтверждена сохранность считавшегося ранее утраченным памятника» (Акт регистрации..., 2010).

Очевидно, что историографическая путаница привела к открытию в 2008 г. И. А. Фёдоровым неизвестного ранее курганно-жальничного могильника в другом месте, который вместо порядкового названия «Старая Серёдка 4» получил название «Старая Серёдка 1» (Соловьёва, 2017). Новый памятник расположен в 0,75 км к северо-востоку от д. Старая Серёдка, на западном коренном берегу северной оконечности оз. Пишелевское. Однако, судя по плану и описанию 1927 г., могильник у д. Старая Серёдка уверенно локализуется на южном берегу озера Пишелевское. Название же «Старая Серёдка 1» следует относить именно к этому объекту (рис. 4). При дополнительном осмотре данного места в 2017 г. были обнаружены одна четко прослеженная в рельефе небольшая насыпь сохранившегося кургана и несколько маловыразительных возвышений, возможно являющихся остатками остальных разрушенных погребальных насыпей.

Курганно-жальничный могильник у д. Городня (Волосовский район).

Могильник близ д. Городня впервые зафиксирован работами члена Императорского русского археологического общества Льва Константиновича Ивановского в 1883 г. По его данным, курганы были расположены на ровном месте у *безымянного ручья*, обросли мелким лесом, насыпаны из суглинка. Л. К. Ивановским было раскопано 59 курганов (Спицын, 1896. С. 98).

В 1927 г. могильник у д. Городня был обследован Б. А. Коишевским и Л. С. Генераловой в составе палеоэтнологического отряда

ГАИМК Северо-Западной экспедиции КИПС АН. По данным исследователей к северо-западу от д. Городня на поле *на берегу ручья* находится группа из 11 курганов конической формы диаметром около 7 м и обкладкой валунами по основанию. Все курганы были уже раскопаны «ямами сверху». Большая часть могильника распахана, «о чем свидетельствуют как набросанные по межам валуны, так и заметные на пашне остатки насыпей» (Коишевский, Генералова, 1927. Л. 88; 1931. Л. 10).

В 1985 г. отрядом Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством В. А. Лапшина произведен поиск памятника у д. Городня. Исследователь пришел к выводу, что курганная группа, раскопанная Л. К. Ивановским в 1883 г. и обследованная Б. А. Коишевским и Л. С. Генераловой в 1927 г. (оставшиеся 11 курганов. — *Авт.*), к тому времени уничтожена распашкой. Этот «несохранившийся» памятник был обозначен как *Городня-1*. Тогда же, отрядом выделена и осмотрена курганная группа «в 0,5 км к С от бывшей д. Городня и вытянутая вдоль правого берега ручья на протяжении 150 м», получившая обозначение *Городня-2*. Часть курганов этого могильника на момент обследования была *раскопана ямами-колодцами* (вероятно, Л. К. Ивановским. — *Авт.*) (Лапшин, 1985а. С. 26–27; 1985б. Рис. 60–61).

В 1986 г. В. А. Лапшиным проводится дополнительное обследование могильника *Городня-2* (по наименованию 1985 г.), названное исследователем уже как курганно-жальничный могильник *Городня-1*. По его сведениям, в могильнике, расположенном в 600 м к северу от бывшей д. Городня (сгорела в 1941 г.), в 2 км к юго-западу от д. Морозова, вытянутом вдоль западного края *оврага — истока реки Городенки* и поросшем лиственным лесом и орешником, сохранилось 90 погребальных комплексов — курганов и жальничных погребений (Лапшин, 1986а. С. 17–18; 1986б. Рис. 26–29).

В 1988 г. свою лепту в путаницу вносит решение Инспекции охраны памятников Управления культуры Ленинградской области, по которому оба памятника (утраченный

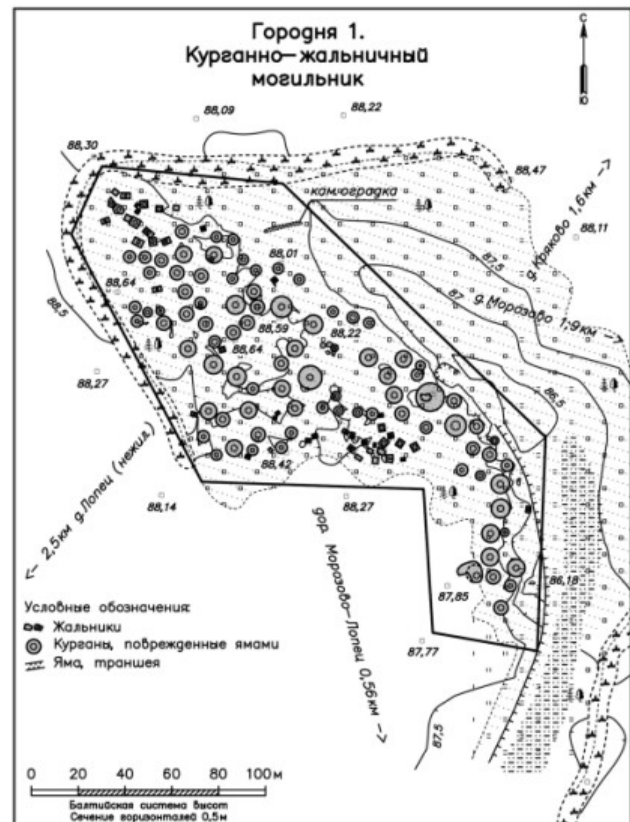

Рис. 5. Топографический план курганно-жальничного могильника *Городня 1*. Съемка ООА ИИМК РАН 28.06.2019 г.

Fig. 5. Topographic plan of the kurgan and zhalnik-grave cemetery of *Gorodnya 1*. Surveys of the Department of Rescue Archaeology ИИМК RAS of 28.06.2019

и существующий по данным В. А. Лапшина) поставлены на первичный учет как вновь выявленные объекты археологии «Курганно-жальничный могильник *Городня I*; 90 насыпей» и «Курганно-жальничный могильник *Городня II*» (Акт № 2–8..., 1988. № 31, 32).

В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятники учтены как несохранившаяся «*Городня-1. Курганная группа*» и существующая «*Городня-2. Курганная группа*», состоящая из 90 погребальных комплексов (Лапшин, 1990. С. 98. № 746, 747).

Сопоставление материалов историографии, топографических карт начала и середины XX в., а также полевое обследование 2019 г. привели к выводу, что выделение

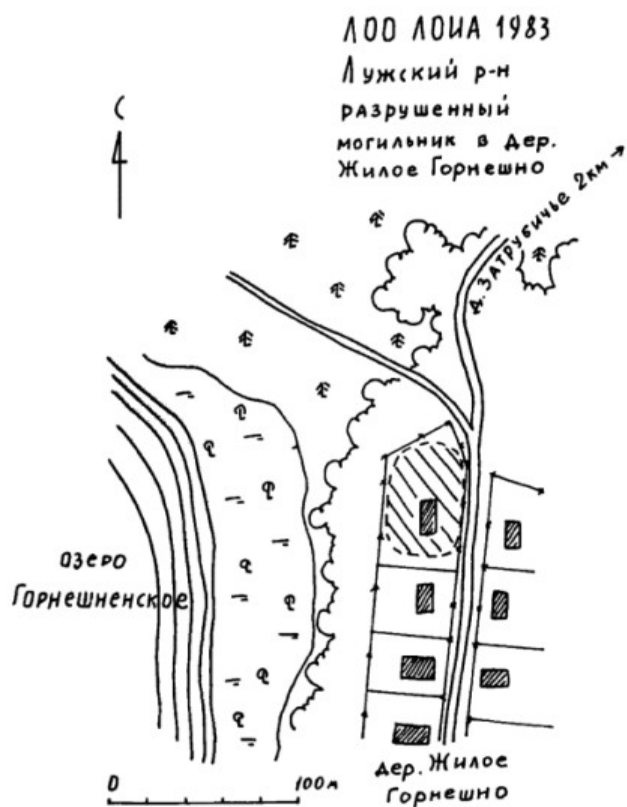

Рис. 6. Глазомерный план расположения «разрушенного могильника» 1983 г. (Платонова, 1983б. Рис. 68)
 Fig. 6. Visual plan of the location of the 'destroyed burial ground' of 1983 (Платонова, 1983б. Рис. 68)

В. А. Лапшиным двух памятников у д. Городня ошибочно. Все данные свидетельствуют о том, что Л. К. Ивановским в 1883 г., Б. А. Коишевским и Л. С. Генераловой 1927 г., В. А. Лапшиным в 1985 и 1986 гг. был обследован один и тот же памятник, расположенный *вдоль ручья*. Мнение В. А. Лапшина о несохранившемся могильнике, вероятно, сложилось из-за путаницы в описаниях местоположения объекта и осмотре экспедицией ГАИМК в 1927 г. только полевой части памятника³. Так, по данным 1927 г., могильник располагался к северо-западу от деревни «на поле, на берегу ручья». Однако в «Археологической карте Ленинградской области» В. А. Лапшин указывает, что несохранившийся могильник,

³ Следует отметить, что и в некоторых других случаях Б. А. Коишевским и Л. С. Генераловой также не были замечены основные массивы памятников.

обследованный в 1927 г., находился к северо-востоку от бывшей д. Городня (Лапшин, 1990. С. 98, № 746) (рис. 5).

Курганно-жальничный могильник Жилое Горнешно 2 (Лужский район)

Могильник, находившийся «на берегу Горнешненского озера в нескольких саженях от деревни», впервые исследован членом-сотрудником Императорского общества любителей естествознания Г. Р. Шмидтом в 1886 г. По его описанию, памятник состоял из «круглых и овальных могил», число которых нельзя было определить, так как большинство камней «было убрано на фундаменты деревенских построек», и из одного кургана, «возвышающегося посреди могилища». Г. Р. Шмидт раскопал этот курган и одну жальничную могилу. Курган высотой 3,2 м диаметром 10,5 м (по замерам Шмидта) имел форму усеченного конуса. На его вершине стоял четырехугольный камень. Раскопанная могила круглой формы (жальник. — Авт.) содержала погребение по обряду труположения на спине, ориентированное головой на запад (Шмидт, 1886. С. 648).

По данным археологической разведки, проведенной в 1983 г. второй группой Ленинградского областного отряда ЛОИА под руководством Н. И. Платоновой, могильник Жилое Горнешно II располагался в 100 м от берега озера Горнешенского, на северной окраине д. Жилое Горнешно, на территории «правой крайней усадьбы при входе в деревню дорогой из Затрубичья». По информации, полученной от местной жительницы Н. Беловой, в 1910 г. она сама раскапывала «остатки могильника» при строительстве усадьбы по просьбе хозяина. Были найдены камни и кости без вещей (Платонова, 1983а. Л. 24–25; 1983б. Рис. 68) (рис. 6).

В 1985 г. отрядом ЛОИА под руководством Н. И. Платоновой в «100 м к северо-востоку от деревни, в сосновом лесу, слева от дороги в д. Затрубичье (северной)» зафиксирован «сопковидный курган» диаметром 18 м и высотой 2 м, раскопанный колодцем и траншеей с подбоем в северо-западной поле. По мнению

Н. И. Платоновой, этот курган и был исследован в конце XIX в. Г. Р. Шмидтом, «причем описание (Шмидтом. — Авт.) производилось в одном ряду с описанием жальников могильника Жилое Горнешно II, расположенного в 100 м к ЮЗ». На глазомерном плане 1985 г. памятник обозначен как «Курган Горнешно II», но в тексте отчета — как вновь выявленный «Жилое Горнешно IV». В отчете также было отмечено, что «грунтово-жальничный могильник», расположенный «в пределах д. Ж. Горнешно», уничтожен (то есть Жилое Горнешно 2, территория которого обозначена на ситуационном плане 1983 г. — Авт.) (Платонова, 1985. Л. 14–15, рис. 39) (рис. 7).

В изданной в 1990 г. В. А. Лапшиным «Археологической карте Ленинградской области» памятник, исследованный в 1886 г. Г. Р. Шмидтом и обозначенный Н. И. Платоновой как уничтоженный «грунтово-жальничный могильник» на северной окраине деревни, учтен как не сохранившийся «Жилое Горнешно-2. Курганно-жальничный могильник» (Лапшин, 1990. С. 48, № 336). Курган же, зафиксированный Н. И. Платоновой в 1985 г. в «100 м к северо-востоку от деревни», учтен как «Жилое Горнешно-4. Курган» (Там же. С. 48, № 338).

В 1990 г. в целях паспортизации памятник, зафиксированный Н. И. Платоновой в 1985 г. в «100 м к северо-востоку от деревни», обследован СЗИАЭ ЛГУ под руководством Е. М. Колпакова. Исследователь также предположил, что это курган, раскопанный Г. Р. Шмидтом в 1886 г. На снятом плане памятника рядом с курганом отмечена еще одна большая насыпь. Памятник учтен как «Курган Жилое Горнешно II» (Колпаков, 1990. Л. 15).

В 2008 г. насыпи, расположенные в «100 метрах к северо-востоку от деревни» осмотрены отрядом ЛОЭ ИИМК под руководством С. А. Семёнова в рамках работы по инвентаризации археологических памятников Лужского района. В отчетных материалах название памятника дано по Археологической карте В. А. Лапшина как «Курган Жилое Горнешно IV» (Семёнов, 2008. Л. 49).

Итак, в историографии мы сталкиваемся со следующими положениями:

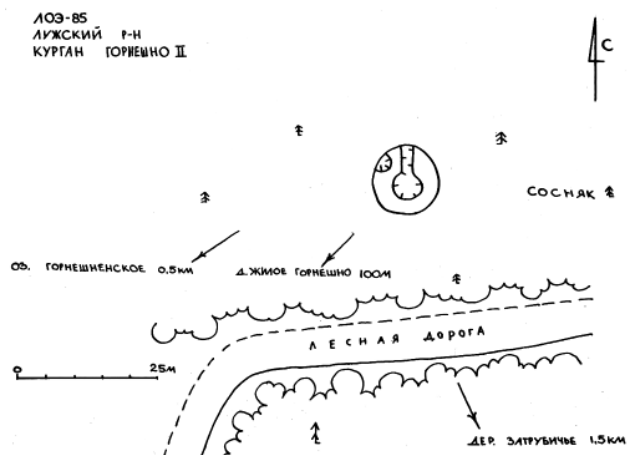

Рис. 7. Глазомерный план кургана, расположенного в «100 м к северо-востоку от деревни, в основном лесу». 1985 г. (Платонова, 1985. Рис. 39)

Fig. 7. Visual plan of the location of the kurgan situated “100 m to the north-east from the village, in a pine forest”. 1985 (Платонова, 1985. Рис. 39)

- 1) КЖМ Жилое Горнешно 2, расположенный на северной окраине деревни, не сохранился;
- 2) КЖМ Жилое Горнешно сохранился в виде одной насыпи в «100 метрах к северо-востоку от деревни»;
- 3) насыпь (2 насыпи), расположенная (-ые) в «100 метрах к северо-востоку от деревни» обозначается (-ются) как Жилое Горнешно 2 или Жилое Горнешно 4.

В 2018 и 2019 гг. памятники у д. Жилое Горнешно обследованы экспедицией ООА ИИМК РАН под нашим руководством. На северной окраине д. Жилое Горнешно, в 90 м к юго-западу от кургана (двух курганов?), отмеченного в Археологической карте Ленинградской области как Жилое Горнешно 4, были зафиксированы еще два кургана и остатки грунтовых захоронений, соотносенные нами с обследованным Г. Р. Шмидтом в 1886 г. курганно-жальничным могильником Жилое Горнешно 2, считавшимся утраченным. Курганы занимают вершину небольшой береговой песчаной гряды вдоль лесной дороги к оз. Нежилое. Территорию к югу, юго-востоку и востоку от насыпей до северной границы деревни и лесной дороги занимают жальничные (грунтовые) погребения, площадь распространения которых определена

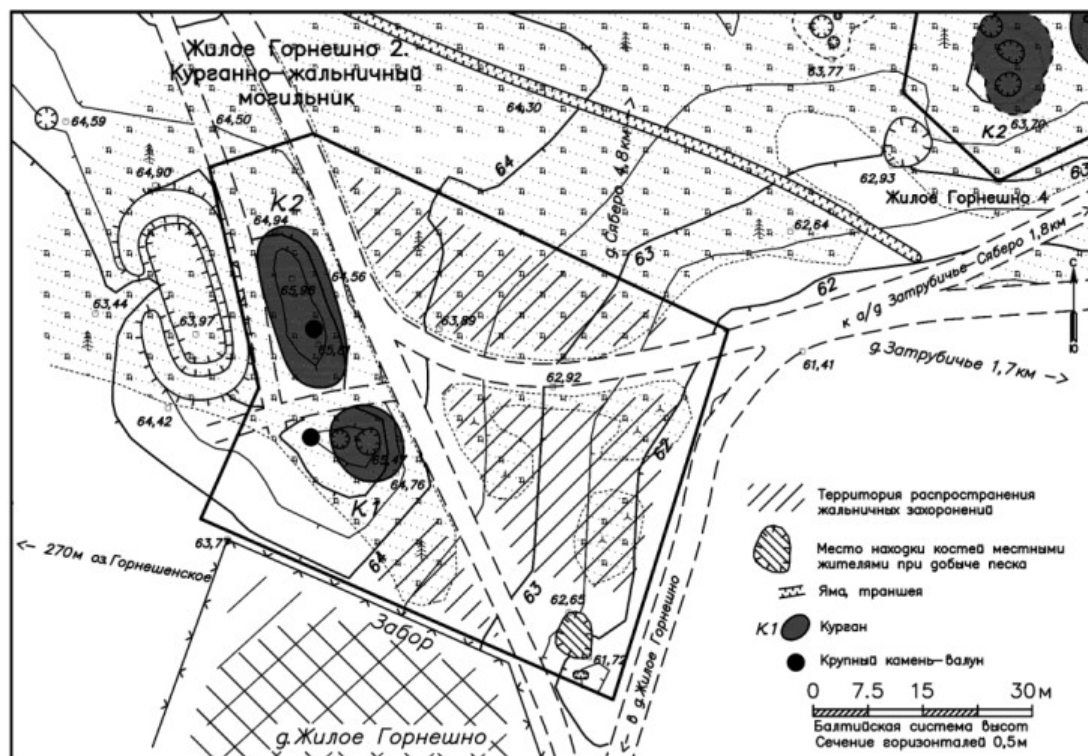

Рис. 8. Топографический план расположения курганно-жальничного могильника Жилое Горнешно 2 и курганного могильника Жилое Горнешно 4. Съёмка ООА ИИМК РАН 22.06.2018 г., уточнение ООА ИИМК РАН 02.07.2019 г.

Fig. 8. Topographic plan of the location of the kurgan and zhalnik-grave cemetery of Zhiloye Gorneshno 2 and kurgan cemetery of Zhiloye Gorneshno 4. Surveys of IIMK RAS of 22.06.2018, carried out more precisely by the Department of Rescue Archaeology IIMK RAS in 02.07.2019

по сумме архивных описаний, ландшафтно-топографической ситуации и полевых обследований 2018–2019 гг. Курган № 1 представляет собой большую насыпь полусферической формы размером 10 × 11 м, несколько повоальную в плане, высотой с разных сторон 1,0–1,5 м. У северо-западной полы расположен большой камень в виде куба размерами 50 × 50 × 50 см. Возможно, именно об этом «четырёхугольном» камне, стоявшем на кургане, упоминал Г. Р. Шмидт в 1886 г. Насыпь повреждена в центре большой старой заплывшей ямой, юго-западная пола — двумя небольшими ямами, северо-западная — еще одной ямой. Курган № 2, расположенный в 4 м к северо-западу от кургана № 1, — удлиненная валообразной формы насыпь размерами 9,5 × 23,0 м и высотой до 1,25 м, вытянутая вдоль лесной дороги по направлению северо-запад—юго-восток. С западной длинной стороны прослеживается

заплывший ровик. На вершине лежит камень с плоскими гранями размерами 90 × 55 × 30 см. Внешние признаки жальничных погребений в виде каменных оградок или небольших насыпей не наблюдаются. Отдельные камни встречаются в треугольнике перекрестка между лесными дорогами, проходящими через территорию могильника. В южной части этого треугольника, перед самой деревней, находится небольшой песчаный карьер размерами 5,0 × 6,5 м, в котором, по свидетельству местных жителей, ранее находили человеческие кости. Еще Г. Р. Шмидтом в 1886 г. отмечалось, что памятник состоял из «круглых и овальных могил», число которых нельзя было определить, так как большинство камней «было убрано на фундаменты деревенских построек» (выделено авт.). Местные жители до сих пор называют курганы «могилками» (рис. 8). Таким образом, в результате архивных

и полевых исследований был вновь выявлен считавшийся утраченным курганно-жальничный могильник Жилое Горнешно 2, решена путаница нумераций, связанных с насыпью (насыпями) Жилое Горнешно 4.

Подробный анализ архивных источников в сочетании с проведением обязательных полевых обследований на современном техно-

логическом уровне в настоящее время важен не только для составления новой актуальной археологической карты. Более четкая топографическая картина расположения памятников является основой для аналитических проектов микрорегионального уровня и моделирования исторического ландшафта различных исторических эпох.

Акт № 2–8..., 1988 — Акт № 2–8 от 03.05.1988 г. Инспекции охраны памятников Управления культуры Ленинградской области о постановке на первичный учет вновь выявленных объектов археологии Волосовского района // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.

Акт регистрации..., 2010 — Акт регистрации выявленных объектов на территории Ленинградской области представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (объекты археологии) № 95 от 20.12.2010 г. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.

Гроздилов, Чернягин, 1927 — Отчет по археологической рекогносцировке в Лужском уезде Ленинградской губ. сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской губернии Г. П. Гроздилова и Н. Н. Чернягина в 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 107. 1927.

Гроздилов, Чернягин, 1931 — Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в дд. Скреблово, Старая Серёдка, Старые Крупели, Ташино, Филимонова Горка, Чеголь, Шильцово Лужского р-на — обследования Г. Гроздилова, Н. Чернягина и П. Шульца в 1927 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 96. 1931.

Кошневский, Генералова, 1927 — Кошневский Б. А., Генералова Л. С. Отчет по археологической рекогносцировке в Ленинградской губ. по маршруту Войсковницы—Веймарн сотрудников экспедиции по палеоэтнологическому обследованию Ленинградской

губернии Б. А. Кошневского и Л. С. Генераловой в 1927 году // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 105. 1927.

Кошневский, Генералова, 1931 — Кошневский Б. А., Генералова Л. С. Материалы по учету археологических памятников (сведения) в дд. Беседа, Бол. Озертицы, Брюховицы, Вруда, Выползово, Горицы, Городня, Загорицы, Княжево, Каложицы, Курск, Лопец, Молосковицы, Недолбицы — Молосковицкий р-н. Обследования Б. Кошневского и Л. Генераловой в 1927 г. // НА ИИМК. РО. Ф. 2 (ГАИМК). Д. 73. 1931.

Колпаков, 1990 — Колпаков Е. М. Отчет об обследовании археологических памятников Ленинградской области в 1990 г. СЗИАЭ ЛГУ // Архив ИА РАН, 1990; Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.

Лапшин, 1985а — Лапшин В. А. Отчет. Разведка в западных районах Ленинградской области. 1985 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 61. 1985.

Лапшин, 1985б — Лапшин В. А. Отчет. Разведка в западных районах Ленинградской области. 1985 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 62 (альбом). 1985.

Лапшин, 1986а — Лапшин В. А. Отчет. Разведка в Ленинградской области. 1986 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 65. 1986.

Лапшин, 1986б — Лапшин В. А. Отчет. Разведка в Ленинградской области. 1986 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 66 (альбом). 1986.

Лапшин, 1990 — Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1. Западные районы. Л.: ЛВВИСУ, 1990. 359 с.

- Паспорт памятника..., 1954 — Паспорт памятника «Курганная группа из 36 курганов, известная у населения «могильники» от 04 октября 1954 г. // Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Платонова, 1983а — Платонова Н. И. Отчет о полевых исследованиях 2-й группы Ленинградского областного отряда ЛОИА в Лужском и Сланцевском районах в 1983 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 70. 1983.
- Платонова, 1983б — Платонова Н. И. Отчет о полевых исследованиях 2-й группы Ленинградского областного отряда ЛОИА в Лужском и Сланцевском районах в 1983 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 71 (альбом). 1983.
- Платонова, 1985 — Платонова Н. И. Отчет о полевых исследованиях Лужского отряда ЛОЭ в 1985 г. // НА ИИМК РАН. РО. Ф. 35. Д. 65. 1985.
- Семёнов, 2008 — Семёнов С. А. Отчет о проведении Лужским отрядом Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН археологического обследования (инвентаризации памятников) территории Лужского района Ленинградской области в 2008 г. СПб., 2008. // Архив ИА РАН. 2008; Архив Департамента государственной охраны, сохранения и использования объектов культурного наследия Комитета по культуре Ленинградской области.
- Соловьёва, 2017 — Соловьёва Н. Ф. Отчет о проведении работ по историко-культурной экспертизе объектов археологического наследия Ленинградской области в 2017 году: Т. LVI. Старая Серёдка 4. Курганно-жальничный могильник. СПб., 2017.
- Спицын, 1896 — Спицын А. А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1896. 123 с. (МАР; № 20).
- Успенская, Фехнер, 1956 — Успенская А. В., Фехнер М. В. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники Северо-Западной и Северо-Восточной Руси X–XIII вв.» // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Госиздательство культурно-просветительной литературы, 1956. С. 139–251 (Тр. ГИМ; Вып. 32).
- Фёдоров, 2008 — Фёдоров И. А. Отчет об археологической разведке в Лужском районе Ленинградской области в 2008 году. СПб., 2008.
- Шмидт, 1886 — Шмидт Г. Р. Курганы и могилы Шелонской пятины (отчет о раскопках, произведенных в 1886 г.) // ИОЛЕАЭ. 1886 г. Т. XLIX, вып. 3. С. 646–648.

ИСТОРИЯ НАУКИ

Курганы и находки у села Троицкое на Нижнем Днестре как памятники древности и объекты кладоискателей XIX — начала XX в.¹

М. Т. Кашуба, И. В. Сапожников²

Аннотация. Статья посвящена микрорегиону с. Троицкое на Нижнем Днестре, центральное место в котором занимает курган Могила Вознесенская. Этому именованному кургану в недавнем прошлом местные жители придавали сакральные функции. В работе публикуются документы дела ИАК «О самовольной раскопке курганов в с. Троицком и его окрестностях» 1895 г. из Научного архива ИИМК РАН. В деле освещен эпизод, когда грабители были пойманы и привлечены к ответственности. Полицейские изъяли находки и передали в Херсонский археологический музей. Согласно сохранившимся рисункам, речь идет о двух скифских могильниках второй половины III — середины II в. до н. э., синхронных расположенному неподалеку могильнику Глиное.

Annotation. The paper deals with the micro-region of the village of Troitskoye on the Lower Dniester River where the barrow of Mogila Voznesenskaya is of most significance. To this personalized kurgan, not long ago, local residents ascribed sacral functions. In this article, documents are published from the dossier of 1895 of the Imperial Archaeological Commission “On an unauthorized excavation of kurgans in v. Troitskoye and its surroundings” from the Scientific Archives of IIMK RAS. In the file, an episode is reported where the robbers were seized and made answerable. The policemen confiscated the finds and passed them to the Kherson Archaeological Museum. According to the preserved drawings, we are dealing with two Scythian burial grounds of the second half of the 3rd — the middle of the 2nd century BC synchronous to the cemetery of Glinoye situated nearby.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Нижнее Поднестровье, Троицкое, курган Могила Вознесенская, архивные документы, Императорская археологическая комиссия, кладоискательство, курганы, могилы, греческие амфоры.

Keywords: Northern Black Sea Coast, Lower Transnistria, Troitskoye, Voznesenskaya Mogila barrow, archival documents, Imperial Archaeological Commission, treasure hunting, burial mounds, burials, Greek amphorae.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-345-366

¹ М. Т. Кашуба провела исследование в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Кашуба М. Т. — Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа; ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: mirra-k@yandex.ru. Сапожников И. В. — E-mail: igors@gcn.ua.

Кладоискательство — занятие очень распространенное в Херсонской губернии... Как и другие душевные болезни, склонность к исканию кладов передается по наследству.
(Гошкевич, 1903. С. II, 70)

При работе с материалами раскопок прошлых лет нередко можно выявить примечательные факты истории археологии, проливающие свет на деятельность различных учреждений в конце XIX — начале XX в. по сохранению древностей. Один из таких сюжетов связан с изучением археологических памятников юга Бессарабии. Речь идет об окрестностях с. Троицкого, расположенного в нижнем течении Днестра, где в 1895 г. самовольные раскопки курганов были предотвращены, грабители пойманы и понесли заслуженное наказание, а изъятые находки переданы в музей. Все эти сведения сохранились в деле «О самовольной раскопке курганов в с. Троицком и его окрестностях» из фонда ИАК (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 39)³. В деле имеются рисунки изъятых предметов, которые из-за перипетий истории региона в XX в. к настоящему времени не сохранились в фондах Херсонского областного краеведческого музея. Отмеченные обстоятельства побудили нас совокупно рассмотреть дореволюционные картографические и нарративные источники, имеющие отношение к с. Троицкому.

Троицкое и окрестности: топография и картография (рис. 1–6)

Окрестности с. Троицкого является частью левого берега долины р. Днестр, примыкающего к двум гирлам реки — Большому и Малому Турунчуку (Малый Днестр). Геологическим базисом для большей части этого мысовидного участка служат лежащие на песках лессы, которые формируют здесь две террасы на уровнях +10–12 и +38–50 м. С запада от плато Причерноморской низменности с абсолютными

³ Далее при архивных ссылках на материалы Рукописного отдела (РО) Научного архива ИИМК РАН название архива не повторяется. Авторы выражают благодарность сотрудникам архива Н. А. Беловой и Т. А. Ершовой за помощь в работе с документами.

отметками +110–115 м район отделен долиной крупной балки Курудоровой, название которой происходит от тюркских слов «куру» и «дере» — *сухая долина*. От побережья Днестра, лежащего выше по течению, его отделяет широкое устье Кучурганского лимана, в настоящее время занятое озерами, протоками, пойменными лесами и зарослями тростника.

Микрорегион удален от переправ, магистральных дорог, речных путей, городищ, крепостей и других оборонительных сооружений, а потому в основном был нанесен на листы разновременных военно-топографических карт разных масштабов. Единственное исключение — «План, представляющий левую сторону реки Днестра» 1792 г. (Волян, 1792). Именно на него впервые был помещен крупнейший курган — Могила Вознесенская, а также хутора на месте будущего с. Троицкого (Сапожников, 2019. С. 87)⁴ (рис. 1). Далее этот курган под своим именем отмечен на «Военно-топографической карте» (3-верстовка, л. XXX-8 1855 г.). На поздних версиях того же листа он помечался как геодезический пункт с абсолютной отметкой +33,3 сажень (70,9 м)⁵ (рис. 2). Долгое время размеры Могилы Вознесенской не были определены. В апреле 1873 г. В. И. Григорович отметил, что «высота этого кургана, сказывают, в 30 сажень» (ок. 64 м) (Григорович, 1974. С. 36; Ястребов, 1894. С. 168). Это далеко от действительности, что подтверждают более поздние карты, где высота кургана определена в 7,9 м (рис. 5) или более 6 м (рис. 6).

Как видно на приведенных картах, Могила Вознесенская входила в состав большой курганной группы (рис. 1–6). В середине XIX в.

⁴ Ф. П. де Волян назвал объект «Курганом Яска» (рис. 1), хотя наиболее крупный курган у с. Яски назывался Чаканка (Григорович, 1874. С. 37) и до сих пор находится в 4,5 км к юго-востоку от Могилы Вознесенской. Мнение о присутствии кургана на другой карте Ф. П. де Волана 1791 г. (Кочубинский, 1896. С. 8) не соответствует действительности (см. Сапожников, 2018. С. 8).

⁵ На 2-верстовой карте начала XX в. абсолютная отметка вершины насыпи составляла +27,4 саж. (58,4 м), что в большей степени соответствует данным съемки 1929 г. — 57,8 м и 1977 г. — 57,7 м (рис. 5; 6).

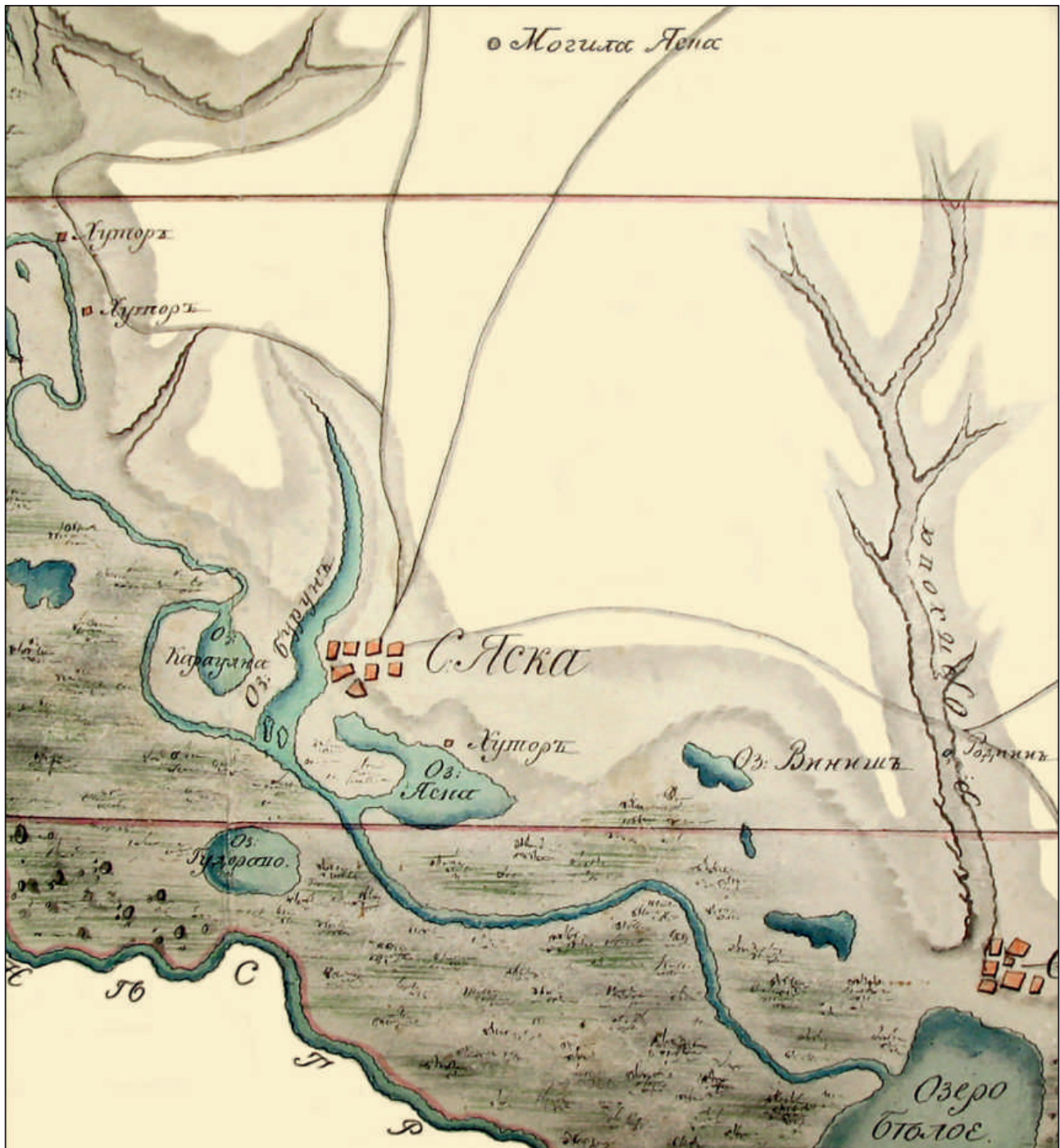

Рис. 1. Район сел Троицкое и Яски (Волян, 1792; фрагмент)

Fig. 1. Vicinity of villages of Troitskoye and Yasski (Волян, 1792; fragment)

она включала в себя 20 насыпей: восемь — к юго-юго-востоку и еще 11 — к северо-северо-западу от центральной насыпи (рис. 2); на 6-верстовке «Побережье Днестра и Турчунчука» начала 1870-х гг. в группе отмечено

четыре-пять насыпей (все к северо-востоку от главного кургана — рис. 3); в начале XX столетия к югу от Могилы помещены восемь курганов (рис. 4); в 1929 г. к югу помещены девять курганов (один из них высотой 3,6 м) и еще

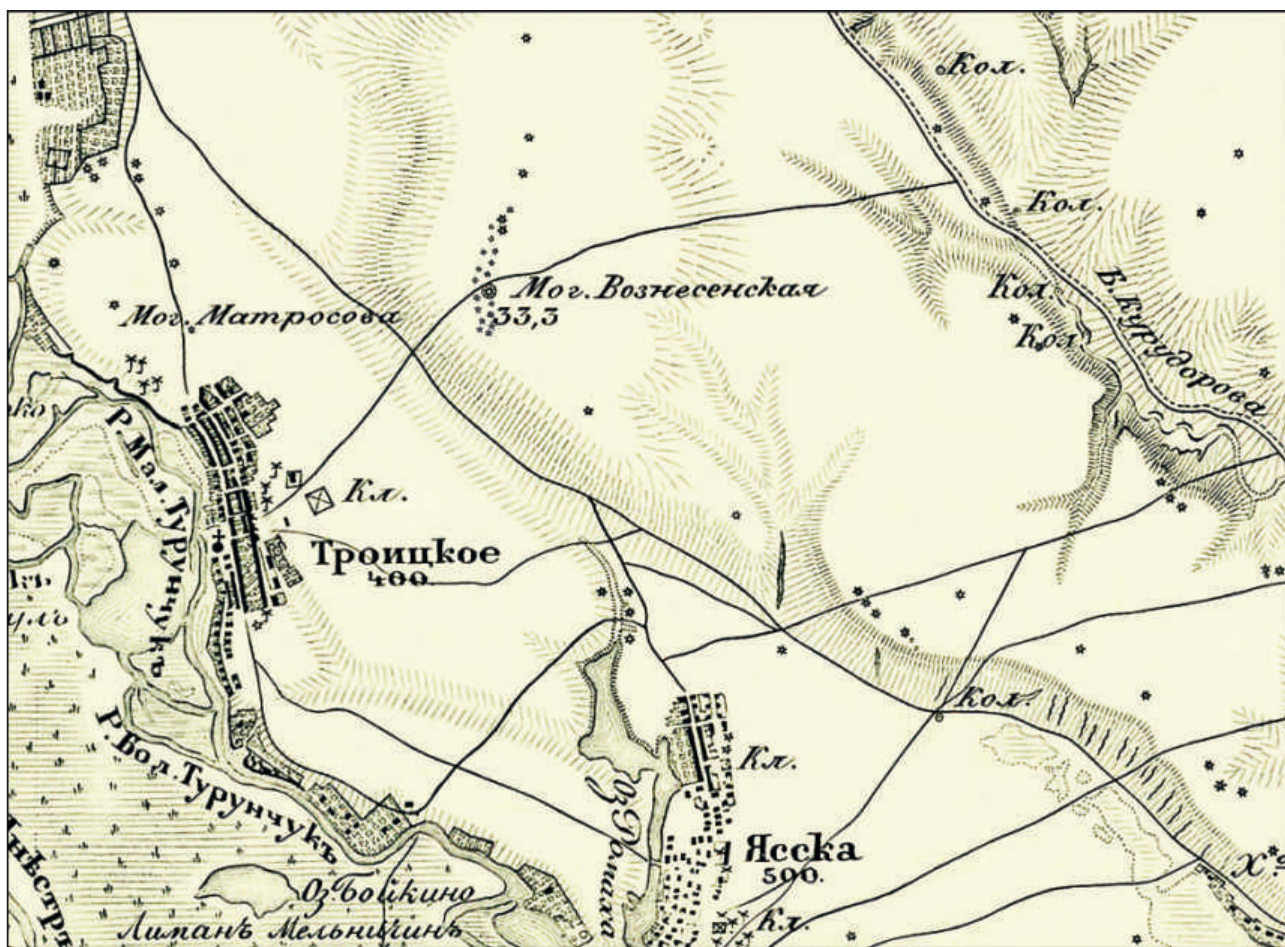

Рис. 2. Район сел Троицкое и Яски (3-верстовая карта, 1855 г.; фрагмент)

Fig. 2. Vicinity of villages of Troitskoye and Yasski (3-verst map, 1855; fragment)

шесть насыпей — в 0,6–1,2 км к СВ (рис. 5)⁶. Наконец, съемки 1976 г. не зафиксировали вокруг Могила Вознесенской ни одного кургана — лишь крупный водосборник и каналы орошения (рис. 6). В 1991 г., в справочнике, составленном на основании разведок 1970-х гг., отмечена «Курганный группа „Могила Вознесенская“» из 16 насыпей, расположенная в 2,5 км к СВ от с. Троицкого, но почему-то привязанная к «восточному берегу беляевской (Курудоровой. — Авт.) балки»⁷ (Гудкова

⁶ Можно добавить, что, по данным полицейских 1895 г., «по разным направлениям от этого кургана разбросано 12 могил высотой от 1 (0,7 м. — Авт.) до 2½ аршин (1,9 м. — Авт.), при окружности от 7 (14,9 м. — Авт.) до 25 (53,3 м. — Авт.) сажень» (док. 5 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 7–8об.).

⁷ На самом деле курган расположен в 1,25 км к востоку–северо-востоку от северо-восточной окраины

и др., 1991. С. 47). В настоящее время курган имеет конусовидную форму и срезанную вершину с металлической пирамидой геодезического пункта; на насыпи или вокруг нее не выявлены остатки камней от крепиды, панциря или кромлеха. Согласно современным измерениям, высота Могила Вознесенской составляет 8,0–8,2 м при диаметре 76–81 м (Сапожников, 2018. С. 8).

В заключение топографического очерка отметим, что в 1895 г. А. А. Кочубинский сделал важное наблюдение. Его суть заключается в том, что в районе сел Яски и Троицкое курганы расположены в основном на трех описанных выше уровнях: на террасе вдоль села и более чем в 4 км от правого берега балки Курудоровой.

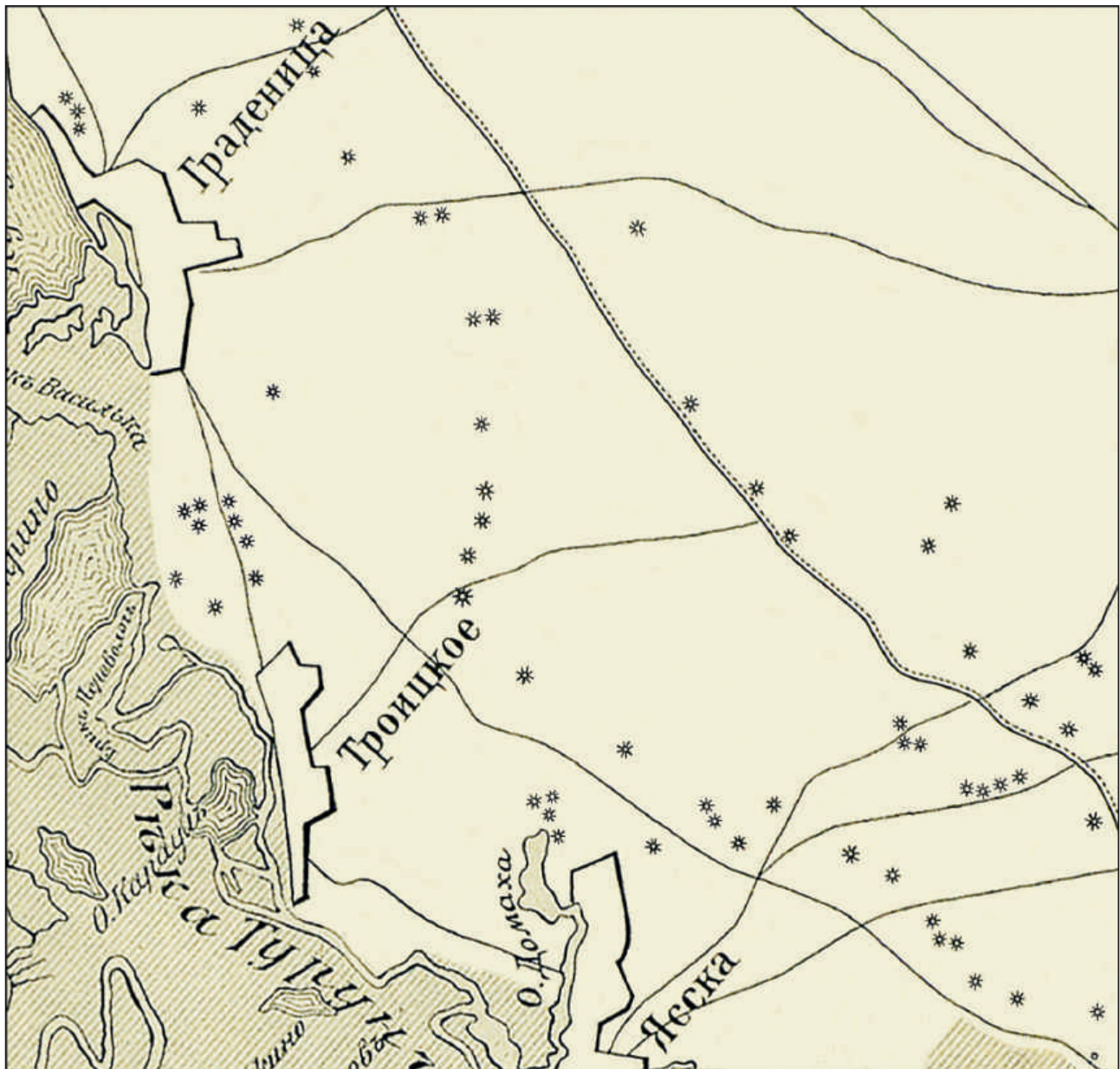

Рис. 3. Район сел Граденицы — Яски (6-верстовая карта «Побережье Днестра и Турунчука», начало 1870-х гг.; фрагмент)

Fig. 3. Vicinity of villages of Gradenitsy — Yasski (6-verst map "Побережье Днестра и Турунчука" (The banks of the Dniester and Turunchuk), early 1870s; fragment)

Турунчука (среди них Могила Матросова); вдоль края средней террасы, повышающейся от Беляевки к Граденицам (среди них Могила Вознесенская)⁸; на расстоянии 8–10 км

к северо-востоку от этой линии, на краю «третьего плоскогорья» с курганами высотой 5–6 м у сел Кагарлык и Майоры (Кочубинский, 1896. С. 5, 8 и сл.) (рис. 2; 3).

⁸ На этой террасе в 4,3–6,3 км к востоку и юго-востоку от кургана Чаканка в 1966 г. Нижне-Днепровская экспедиция ИА АН УССР раскопала пять курганов с погребениями от энеолита до позднего

бронзового века (Алексеева и др., 1977). Другие научные раскопки в районе Троицкого и поблизости от него не проводились.

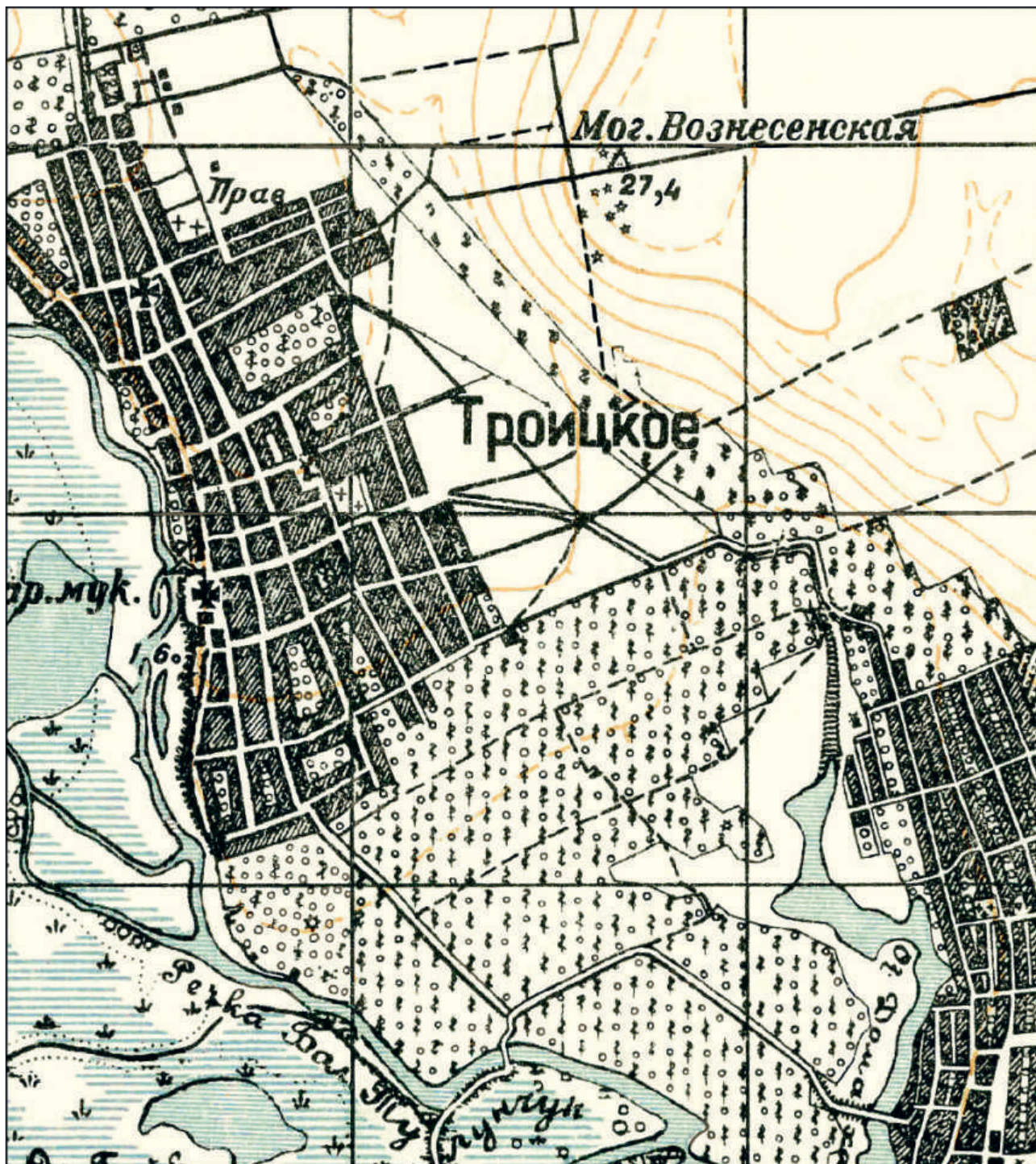

Рис. 4. Село Троицкое и Могила Вознесенская (2-верстовая карта, начало XX в.; фрагмент)
Fig. 4. The village of Troitskoye and Mogila Voznesenskaya (2-verst map, early 20th cen.; fragment)

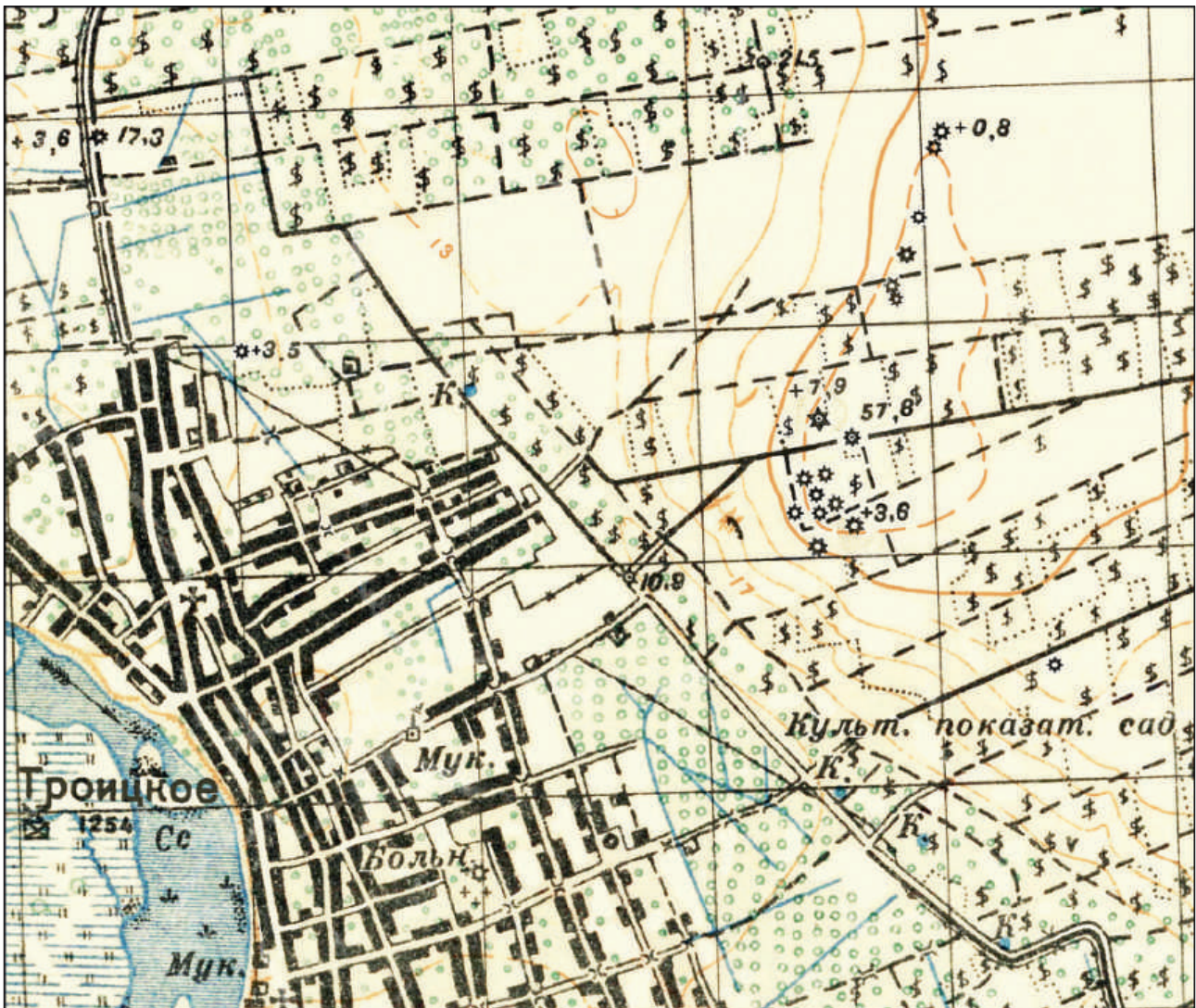

Рис. 5. Село Троицкое и Могила Вознесенская (карта 1929 г. М=1'50 000; фрагмент)
 Fig. 5. The village of Troitskoye and Mogila Voznesenskaya (map of 1929, scale 1 : 50 000; fragment)

Могила Вознесенская в дореволюционных нарративных источниках

Первое описание этого объекта принадлежит В. И. Григоровичу: «От Граденицы до Троицкого не нашел ничего примечательного. Само село Троицкое <...> примечательно своими курганами. Один из них стоит среди кладбища, другой возвышается насупротив, в расстоянии около двух верст и называется Вознесенским. В день Вознесения священники служат на вершине его молебствие и тогда жители села подводят к кургану свою домашнюю скотину» (Григорович, 1874. С. 35–36). Заметим, что к работе, в которой содержится

данная цитата, ученый приложил упомянутую карту Днестра и Турунчука, но Могила Вознесенская на ней не подписана (рис. 3). Если же вспомнить о завышенной высоте кургана, то можно заключить, что, скорее всего, он на кургане не был, а описал с чужих слов.

Более подробны записи А. А. Кочубинского от 21–22 июня 1895 г.: «На следующий день утром я посетил священника и вместе в экипаже отправились на Вознесенскую „Могилу“. Сообщение ямщика о церковном значении кургана вполне подтвердил отец Михаил: на Вознесение всегда молебен на нем, почему

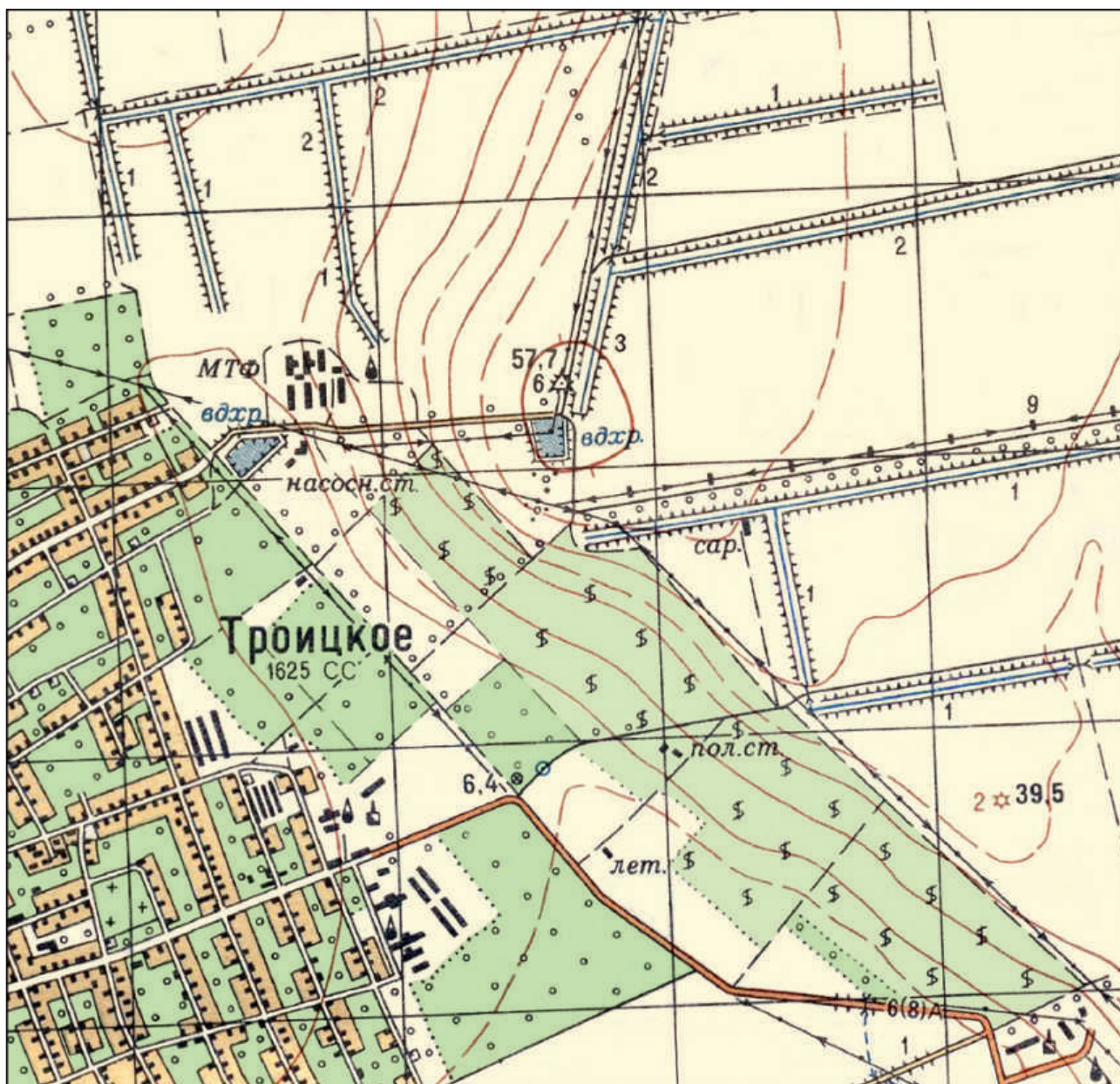

Рис. 6. Село Троицкое и Могила Вознесенская (карта 1977 г., М=1:50 000, фрагмент)

Fig. 6. The village of Troitskoye and Mogila Voznesenskaya (map of 1977, scale 1 : 50 000; fragment)

на маковке его водружен деревянный крест. Теперь новый крест, поставленный недавно. По словам о. Михаила, когда он 8 лет тому назад прибыл на приход в Троицкое, то старый деревянный крест на кургане был высокий; но затем он сильно погрузился в землю, почему и был заменен новым, поставленным несколько в сторону, как оказалось при осмотре „Могилы“. Село довольно растянутое и „Могила“ верстах в 2-х от края села. Курган

расположен на высокой площади и подъем к нему настолько крут, что слабые лошади не могли вынести моего довольно легкого экипажа, и на высоту второго берегового плоскогорья мы должны были идти пешком. Уже сейчас за селом „Могила“ величественно возвышалась впереди нас. Издали она кажется одиноко стоящей; но на самом деле не то, как это и отмечено на карте Деволанта 1791 г., где указан ряд курганов. Именно, когда

и поднялся на высоту, то предо мною развернулась такая картина: в центре высокая, увенчанная крестом „Могила“, а вокруг нее целая группа меньших курганов, расположенных более или менее в одинаковом расстоянии...

С высоты плоскогорья Вознесенского кургана видны: с одной стороны, величественно возвышающийся, как бы царственный берег Бессарабии со значительным числом курганов, расположенных вдоль Днестра; с другой, в северо-восточном направлении открылись новые высоты или третье плоскогорье, верст за 8–10 с новыми, немногими, но, вероятно, грандиозными курганами, едва видневшимися в далекой синеве горизонта. Этих курганов я отметил два: один на восток, другой — на север, к станции Раздельной Юго-западной железной дороги.

Прежде всего сделан был осмотр „Могилы“. Курган этот у подошвы имеет 387 шагов в окружности и 62 шага от основания к вершине. Самая же маковка кургана представляет голую площадку, то есть лишенную всякой растительности, в 36 шагов в окружности, с впадинкой в середине: здесь и было место старого креста, небольшой, сгнивший кусочек которого и лежал тут же. Поверхность „Могилы“ поросла низкой травой, со следами рытья во многих местах, в направлениях: с запада на восток и с севера на юг. Несомненно, эти попытки проникнуть в соблазнительную „Могилу“ были давно: религиозное значение кургана едва ли дозволило бы производить их в эпоху современную. Таков внешний характер центрального и уже не девственного кургана» (*Кочубинский*, 1896. С. 7–8).

В подтверждение сакральной функции «Могилы» А. А. Кочубинский привел слова уроженца Троицкого: «ямщик пояснил, что курган назван по празднику и потому, что в праздник Вознесения (Спаса) на кургане поют молебен, пригнав предварительно туда скотину, и затем уже гонят ее на паству» (*Там же*. С. 5).

Приведенные выше данные свидетельствуют, что во второй половине XIX в. в с. Троицком еще существовал архаичный религиозный обряд очищения скота живым огнем и святой водой (?), связанный с древними

курганами и распространенный у многих народов степной зоны. Свидетелем отправления такого ритуального действия в середине XIX в. в неназванном селе на берегу р. Ингул был писатель М. Б. Чистяков, описавший его в очерке «Устье Дуная, Одесса и Степь». Перед началом обряда селяне гасили в хатах все огни и шли в церковь, где священник правил службу. После этого на дне глубокой и длинной траншеи, специально вырытой в большом кургане, они путем трения разводили костер из бурьяна и через него прогоняли весь свой скот. Очищение огнем проходили также взрослые мужчины. По окончании обряда селяне разжигали очаги в домах огнем из этого ритуального кострища (*Чистяков*, 1867. С. 73–75; *Сапожников*, 2005. С. 410).

Дополнительную сакральную функцию Могиле Вознесенской придавал упомянутый высокий деревянный крест на вершине, который периодически обновлялся. Других конструктивных особенностей насыпи А. А. Кочубинский не упомянул, кроме того, что на кургане были видны «следы рытья во многих местах, в направлениях: с запада на восток и с севера». Однако не исключено, что он наблюдал не грабительские подкопы, а остатки траншей для очищения огнем домашних животных и их хозяев.

Археологические памятники окрестностей с. Троицкое

Самый ранний памятник этого микрорегиона выявлен в 1973 г. И. В. Сапожниковым у Могилы Вознесенской. Речь идет об одноименном местонахождении кремневых позднелептоситических изделий, которые имеют возраст около 20 тыс. лет (*Сапожников, Сапожникова*, 1992. С. 64). Эта находка еще раз продемонстрировала, что на месте наиболее высоких точек местности, с которых открывается хороший обзор окрестностей, располагались сезонные стоянки каменного века, а позднее возводились крупные курганы последующих эпох (*Дворянинов, Сапожников*, 1975).

В свое время Могилу Вознесенскую окружали насыпи, о чем свидетельствует все тот

же А. А. Кочубинский: «Перехожу к меньшим курганам, „пузырям“, как они удачно называются на языке местных жителей. Несколько „пузырей“ разрыто разновременными добровольцами. При осмотре одного из них было видно, что самая насыпь из чернозема, как будто со следами травы, в виде почерневших многочисленных волосков или волокон. Конечно, самый интересный из раскопанных „пузырей“ был бы тот, который был тайком раскопан в минувшую зиму и в результате каковой раскопки было открытие мины в виде склепа, а в ней находка большого глиняного кувшина с двумя ушками и остроконечным дном⁹, как сказано в отношении Императорской Археологической комиссии (док. 3 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–5об. — *Авт.*). Но увы! Осмотреть этот склеп стало делом невозможности не только мне, специально прибывшему на место для этой цели, но и никому на долгое время, конечно не на века. Дело в том, что, за несколько дней до моего приезда в Троицкое рачительные полицейские власти остановились на оригинальном приеме, чтобы отучить крестьян от дальнейших попыток проникнуть в тайники соблазнительного кургана и охранить тайну земли на долго-долго от глаза и научного исследования. За несколько дней до моего приезда открылся в Троицком сап на лошадях, пало две лошади и они были, по приказанию начальства, отвезены на Вознесенскую Могилу, брошены в разрытый склеп „пузыря“ (он первый от дороги), зарыты и пузырь таким образом принял свой старый вид. Теперь уже опасно его трогать... Пришлось ограничиться расспросами немногих сведущих людей, что это был за склеп? Тут был полезен сельский полицейский стражник, сопровождавший меня на курган, — бойкий, грамотный отставной солдат, накрывший хищников из молдавской части села. По его словам, открытая в пузыре мина была сделана сводом, в рост невысокого

человека и шла в направлении от севера на юг. Одну любопытную подробность припоминал солдат и ввиду моего сомнения настаивал на своем показании, что на одной вещи была короткая надпись, и он сам прочел в ней букву *К*. Если это да, то надпись могла быть скорей всего *греческая*. Хозяин лошадей, привезший нас, что-то припоминал, что будто были найдены и „косточки“. Это последнее показание согласно подтверждали позже женщины на селе при осмотре ямы на улице, в молдавской части.

Таким образом, если „Могила“ и окружающие ее „пузырьки“ скрывают внутри себя покойников, то всю эту совокупность курганов можно бы почестить за небольшой некрополь, явившийся за один раз. Но кто скажет — когда и чьи, какого племени руки делали эти черноземные насыпи, кого торжественно погребали на высоком плато в виду быстро несущегося, блестящего белизной своих вод Днестра?» (Кочубинский, 1896. С. 8–9).

Далее А. А. Кочубинский описал объекты, входившие в состав другого могильника, расположенного в самом селе, ближе к берегу Турунчука: «Добыв небольшой запас сведений, и мне пришлось расстаться с интересной „Могилой“. Спускаясь с плато, я взял вправо, чтобы въехать в улицу молдаванской части, расположенной по неровной местности, в улицу, где открыта была вторая мина и с таким же кувшином в результате. Тотчас же по въезде в молдаванскую часть села, я, с указания моего спутника-стражника (он на селе с 1878 года), остановился у ветряной мельницы и попросил из нее хозяина. Хозяин пояснил, что в 1881 году, еще тогда на выгоне, рабочие стали было вбивать в бугорок основной столб мельницы, но земля провалилась, столб был поднят и утверждён в другом месте, саженьях в 8–10 ближе к селу (здесь и стоит теперь мельница). Провал произошел от того, что попали на мину; открывши мину, нашли в ней глек с двумя ушками, но без костей или каких-либо вещей. Вероятно, этот „глек“ такой же кувшин, как и вырытые в „пузыре“ и на улице. За этот глек получено 3 рубля, но от кого, не помнит. Мой стражник все это подтвердил со своей стороны.

⁹ Здесь у А. А. Кочубинского вкралась неточность, как видно из документов дела, в 1895 г. в этом «пузыре» выявили амфору и светильник, а на самом селе — только амфору (док. 1; 5 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2, 7–8об.; рис. 7).

Через несколько шагов мы въехали в главную улицу, от церкви к выезду к Граденицы и остановились у засыпанной мины. Она приходится между домами Максима Карнецова и Дмитрия Тони, ближе к дому первого — в 12 шагах. Сама же закрытая яма была в 5 шагов¹⁰. По показанию собравшихся соседок-женщин (мужья их еще под следствием за раскопку), копало 15 лопат, а не 2, как-де показано в протоколе..., что в мине, которая шла на восток (ход в нее был от запада (т. е. от берега реки. — *Авт.*)) были найдены два „глека“: большой и малый; последний в виде „коганца“ [светильника]¹¹, что в мину едва пролезли. „Никаких вещей, никаких костей не было вовсе в мине, не то, что там на горе, у Вознесенской Могилы“, прибавили в заключение женщины, еще и теперь крайне встревоженные за участь своих мужей, копавших яму и попавших под суд.

Этим окончился мой объезд открытых „мин“ и расспросы о них. Любезный священник пригласил к себе отобедать. За столом почтенная супруга о. Михаила сделала новые сообщения, что вообще почва, что под усадьбами села необыкновенно богата сосудами с ушками, что как только начнут копать новый погреб, так и найдут такой сосуд, но ничего более, что на кладбище, расположенном при въезде в Троицкое со стороны Яссок, при рытье могилы нашли однажды покойника в лодке, конечно, совсем истлевшей. — Когда, на возвратном пути, я проезжал мимо кладбища, на нем ясно обрисовывался контур кургана, убранного могилами» (*Там же*).

Как видим, приведенные сведения подтверждают факты наличия в самом селе двух-трех курганов, в том числе одного на кладбище (сохранился доньяне), которые были отмечены на картах (рис. 2; 5), а также как минимум одного курганного или

бескурганного могильника, на котором были выявлены могилы со склепами и, возможно, одно грунтовое погребение.

Важная дополнительная информация о вскрытых в 1895 г. могилах содержится в донесении помощника пристава г. Маяки. Он привел описания двух «подземелий», начиная с того, что было у Могилы Вознесенской: «глубина до 3 аршин (2,13 м. — *Авт.*), длина 2½ (1,78 м. — *Авт.*) и ширина 2 аршина (1,42 м. — *Авт.*). Грунт земли в нем — желтая глина. Стены и потолок гладко обтесаны. В западной стене подземелья имеется небольшое полукруглое отверстие». Второе «подземелье найдено на глубине около двух аршин от уровня почвы. Размеры его определить трудно, так как при раскопке стены и потолок его обвалились; приблизительно же оно составляет кубическую сажень (более 8 куб. м. — *Авт.*). Здесь также найдена глиняная амфора. В восточной стене имеется небольшое полукруглое отверстие» (док. 5 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 7–8об.).

Кроме того, есть прямое указание о том, что в селе же в 1912 г. нашли надгробие в виде «мраморного четырехгранного столба с греческой надписью». Оно поступило в музей ООИД, будучи купленным в с. Троицком за 20 руб. (Протокол..., 1913. С. 77; *Фабрициус*, 1951. С. 14) (см. ниже).

Этим исчерпываются сведения о памятниках микрорегиона Троицкого, в основном содержащиеся в дореволюционных нарративных и картографических источниках, наиболее ценными из которых являются свидетельства, собранные А. А. Кочубинским в ходе поездки 1895 г., совершенной им по просьбе ИАК (док. 1–8 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–13об.).

Далее здесь в 1954 г. была проведена археологическая разведка, в ходе которой выявлены два поселения к северу (Троицкое-I) и к югу (Троицкое-III) от села, а также пункт находок (Троицкое-II) на берегу Турунчука в северо-западной части села (рис. 5). Обратим внимание на значительные размеры поселений, из которых Троицкое-III имело площадь 800 × 400 м. Авторы разведки пришли к выводу, что материалы поселений можно отнести

¹⁰ По устному сообщению, требующему проверки, где-то в 2009 г. в том же месте с. Троицкое при копании траншеи под фундамент частного жилого дома выявлено разрушенное одиночное погребение. Это была простая грунтовая яма, в которой находились фрагменты амфоры и сероглиняного гончарного кувшина.

¹¹ Отсюда происходит только амфора (см. прим. 10).

к скифской и черняховской культурам (*Кравченко, Кузьменко*, 1959. С. 123–124, табл. XIV). Опубликованная одна иллюстрация материалов этих разведок (*Там же*) не позволяет уточнить их датировку. Некоторые новые данные появились относительно поселения Троицкое-III, расположенного в 150–300 м на Ю-ЮВ от южной окраины села, на мысу прибрежной террасы, в береговых обнажениях которой проступают контуры ям и следы золы, а также встречены фрагменты керамики и обломки костей животных.

Поиски кладов в с. Троицком

Неудивительно, что этот микрорегион не обошла стороной кладоискательская лихорадка, которую на рубеже XIX–XX вв. ярко описал В. И. Гошкевич (1903). Неизвестно, когда местное население приобщилось к этому процессу, но в начале 1870-х гг. отмечалось, что вокруг соседнего села Граденицы есть «много курганов, из которых некоторые затронуты искателями кладов» (*Григорович*, 1874. С. 35). Хотя один из эпизодов поисков кладов в с. Троицком известен давно (*Гошкевич*, 1903. С. 65; *Фабрициус*, 1951. С. 14; см. *Сапожников*, 2018), в нашем распоряжении оказалась небольшая, но емкая подборка документов, отложившаяся в деле «О самовольной раскопке курганов в с. Троицком и его окрестностях» 1895 г. из фондов ИАК (Ф. 1. Оп. 1. Д. 39; *Императорская...*, 2009. С. 50), проливающая свет на события 125-летней давности.

Прежде чем перейти к ранее неизвестным архивным материалам, кратко остановимся на имеющихся публикациях. В отличие от многих других фактов грабежа того времени, история января 1895 г. в с. Троицкое подробно освещалась в прессе и имела широкий резонанс как в общественных, так и научных кругах от Санкт-Петербурга до Херсона и Одессы. Ее кратко описала газета «Правительственный вестник» (док. 4 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 6) и подробнее — газета «Новороссийский телеграф» от 1 июня 1895 г.: «с. Троицкое на Днестре, Одесского уезда. <...> Месяцев пять тому назад семеро крестьян села

Троицкого, Одесского уезда, наслушавшись легендарных рассказов про несметные сокровища, зарытые будто бы в здешних курганах, надумали раскопать один из них, самый высокий, верстах в двух к северу от села. Но работа оказалась не по их силам, так как курган этот слишком высок, а расплывшееся его основание имеет в окружности до полуверсты. Решили сделать пробу на меньшем. Курганчиков небольших размеров вокруг большого много, до двенадцати, и большинство из них уже разрыты прежними кладоискателями. Выбрав нетронутую могилу, крестьяне принялись рыть. На глубине сажени от поверхности насыпи они провалились в глубокое подземелье. Это была погребальная камера, размерами немного менее кубической сажени. Страх обуял мужиков; но с надеждой на заветный клад принялись они обшаривать подземелье. Оно было вырыто в слое желтой глины, потолок и стены его гладко обтесаны; в одной стене оказалось завалившееся полукруглое отверстие. Вместо желанного клада крестьяне наткнулись на истлевший человеческий скелет — и со страху бросились вон из могилы, захватив, однако, с собою лежавший при покойнике огромный глиняный остродонный кувшин (амфору древнегреческой работы) и глиняную же лампочку. Слух об этих раскопках мигом облетел село, и двое других крестьянских парней задумали испробовать счастье в любопытном провале, обнаружившемся под проезжей дорогой в самом селе. Яма эта оказалась также входом в подземелье. И здесь также нашли они огромный остродонный кувшин, кости — и ничего больше. Спустя несколько времени пристав города Маяка получил предписание от херсонского губернатора принять все меры к прекращению хищнических раскопок у с. Троицкое, найденные вещи доставить в Херсонский археологический музей, а виновных в хищнических раскопках крестьян привлечь к уголовной ответственности» (*Кладоискательство...*, 1895. С. 332–333; *Херсонский...*, 1896. С. 55).

Следует подчеркнуть, что до настоящего времени единственным источником научной информации об этих находках в Троицком

была статья А. А. Кочубинского (*Кочубинский*, 1896). Однако в ней имеются неточности и пропущены существенные детали, которые нашли свое отражение в документах публикуемого архивного дела.

Хотя факты незаконных раскопок имели место еще в январе 1895 г., самый ранний документ дела ИАК датирован 10 марта — письмо, подготовленное и. о. секретаря губернского Статистического комитета В. И. Гошкевичем и подписанное херсонским губернатором М. М. Весёлкиным. В письме кратко изложена суть дела и приложен лист с рисунками трех найденных в Троицком предметов (док. 1 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2; рис. 7). Сами предметы на тот момент уже находились в Херсонском археологическом музее при Статистическом комитете (*Костенко, Шевченко*, 2017. С. 20–22), подтверждение чего имеется в работе И. В. Фабрициус (1951. С. 14).

ИАК действовала в двух направлениях: во-первых, она запросила у губернатора подробности об обстоятельствах находок (док. 2 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 4–4об.), а во-вторых, вступила в переписку с правлением Одесского общества истории и древностей относительно того, чтобы оно взяло на себя осмотр мест находок и их дальнейшие исследования за счет ИАК (док. 1 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2). Последняя переписка представлена несколькими письмами (док. 3; 6; 8 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–5об., 10, 13–13об.), опубликованным протоколом заседания ООИД 25 апреля 1895 г. (Протокол..., 1895. С. 5) и даже вырезкой из газетной статьи (док. 4 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 6).

Что касается самой поездки А. А. Кочубинского в с. Троицкое в июне 1895 г., целью которой были «предварительные археологические разведки», то в ней приняли участие председатель Одесской земской управы В. В. Якунин и одесский предводитель дворянства А. Ф. Сухомлинов, а финансировал ее председатель Земского банка Н. Ф. Сухомлинов (*Кочубинский*, 1896. С. 11). В деле содержится краткий отчет об этом вояже, который не содержит практически ничего нового по сравнению с цитированной выше статьей,

кроме, пожалуй, весьма прозорливого замечания о связи «осмотренной местности» с близлежащим «историческим селом Коротным»¹² (док. 7 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12).

Поэтому наиболее ценными документами рассматриваемого дела являются таблица рисунков выявленных и конфискованных предметов, к которой мы еще вернемся (*Приложение* к док. 1 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 3; рис. 7), и цитированное выше сообщение херсонского губернатора в ИАК от 23 мая 1895 г. (док. 5 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 7–8об.). Видимо, оба источника не были знакомы А. А. Кочубинскому, иначе их содержание нашло бы свое отражение в его отчете. Заметим, что во втором документе, кроме числа мелких курганов у Могилы Вознесенской и описания двух «склепов», названы фамилии семи крестьян, вскрывших 11 января 1895 г. один из «пузырей» за селом и еще двух их односельчан, «доисследовавших» во второй половине того же января¹³ провал на улице села (док. 5 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 7–8об.). Мы уже знаем о том, что «накрыл» копателей «полицейский стражник» — расторопный отставной солдат, а на момент пребывания А. А. Кочубинского в с. Троицкое все девять фигурантов дела находились под арестом. Заметим также, что приведенные данные не согласуются со сведениями о «15 лопатах» на вторых «раскопках» (док. 7 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12; *Кочубинский*, 1896. С. 9–10).

К сожалению, пока неясно, чем именно закончилась эта история для «черных копателей» того времени, хотя губернатор М. М. Веселкин писал, что «о результатах возбужденного против названных кладоискателей судебного преследования сочту долгом своевременно сообщить Императорской Археологической комиссии» (док. 5 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 7–8об.), но, видимо, не сделал этого.

¹² Скорее всего, А. А. Кочубинский имел в виду находку в 1846 г. в с. Коротное мраморной плиты с греко-латинской надписью 201 г. н. э. (*Брун*, 1879), по которой имеется обширная библиография (*Юргевич*, 1883; *Фабрициус*, 1951. С. 14; и мн. др.).

¹³ Ср. с датой 15 января, приведенной в более раннем письме губернатора (док. 1 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2).

Рис. 7. Амфоры и светильник, найденные в 1895 г. в с. Троицкое и его окрестностях (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 1. Оп. 1. 1895. Д. 39, первая публикация)

Fig. 7. Amphorae and a lamp found in 1895 in the village of Troitskoye and its surroundings (Manuscript Department of the Scientific Archives of ИИМК RAS. Archive group 1. Inventory 1. 1895. File 39. Sheet 3; first publication)

Находки 1895 г. в с. Троицкое и его окрестностях¹⁴

Имеющиеся в архивном деле рисунки находок 1895 г. в с. Троицкое и его окрестностях, скорее всего, выполнены В. И. Гошкевичем; они публикуются впервые и являются более-менее достоверным источником для определения суммарной даты погребений, в которых были найдены (рис. 7)¹⁵. Отметим,

¹⁴ В архивном деле ИАК (док. 7 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12), как и в опубликованной статье А. А. Кочубинского (Кочубинский, 1896. С. 8–9) приводятся общие и расплывчатые описания найденных в Троицком «склепов» 1895 г., что не позволяет более-менее надежно судить о типе могил. Не исключено, что в данном случае речь может идти о «погребальных сооружениях наподобие „крупного подбоя или катакомбы“» (см. Тельнов и др., 2016. С. 7).

¹⁵ Ознакомившись с этими рисунками, авторы ответственно заявляют, что гераклейская амфора (тип I-A-2) начала третьей четверти IV в. до н. э.

что в специальной литературе высказывались предположения о датировке и культурной принадлежности находок из с. Троицкое, которые были отнесены к «скифским захоронениям III–II вв. до н. э.» (Тельнов, Сеника, 2014. С. 40). Загадочным является источник информации о «пещере с амфорой», найденной в Троицком в 1882 г. (Черненко и др., 1986. С. 12; см. Тельнов, Сеника, 2014. С. 30).

Определить находки в настоящее время можно только по рисункам (рис. 7), так как в Херсонском областном краеведческом музее такие артефакты отсутствуют, а в книгах поступления и учета название «с. Троицкое» не упоминается¹⁶.

(Сапожников, 2018. С. 16–17), опубликованная ранее В. И. Гошкевичем (Гошкевич, 1903. С. 67, рис. 1), не имеет отношения к находкам 1895 г. в с. Троицкое.

¹⁶ Авторы приносят благодарность главному хранителю Херсонского областного краеведческого музея А. И. Андреевой за помощь.

Амфора 1 (из села) имеет вытянутую форму с плавной профилировкой. Невысокий венец слабо выделен валиком. Петлевидные ручки сужаются книзу и закреплены ниже венца и на плечах сосуда. Горло цилиндрическое, слегка расширяется книзу. Ножка имеет усеченно-коническую форму. Высота сосуда 64 см (рис. 7, *слева*). По своим общим морфологическим показателям амфора близка к импорту Фасоса, она веретенообразная, тип III (по С. Ю. Монахову), хотя имеются некоторые отличия, в частности амфоры этого типа имеют высоту более 70 см (Монахов, 2003. С. 74, 202, 281, табл. 51). С известной долей осторожности амфору можно причислить к продукции Фасоса середины — третьей четверти III в. до н. э. С. Ю. Монахов, к которому мы обратились за консультацией, отметил, что амфора, действительно, очень похожа на фасосские середины — третьей четверти III в. до н. э. Однако он обратил внимание на высоту и цилиндрическое горло сосуда, заключив, что «полной уверенности в идентификации быть не может. Хотя надо признать, что у нас очень мало реальных фасосских амфор этого времени» (электронное письмо от 25.02.2020¹⁷).

Амфора 2 (из кургана в двух верстах (2,13 км) от села) имеет плавные и покатые формы корпуса. Венец в виде уплощенного валика. Ручки поставлены широко, закреплены ниже валика и на плечах сосуда, горло с легкой припухлостью. Высота 62 см (рис. 7, *справа*). Исходя из морфологии, находка является импортом Синопы и относится к позднему типу III (по С. Ю. Монахову). Вероятнее всего, амфору следует отнести к одному из трех первых вариантов этого типа (III-A-C), совокупная последовательная датировка которых укладывается в период середины III — второй четверти II в. до н. э. (Монахов, 2003, С. 152–154, 333–334, табл. 103, б; 104, 1–4). Об этом сосуде С. Ю. Монахов заключил, что «для синопской тары этого времени очень характерно, что ручки поставлены под наклоном

(с сужением вверх) к венцу. Размеры также сходятся», и добавил ряд аналогий (ср. Монахов и др., 2017. С. 143–145, Sn11–Sn14).

Светильник (из кургана в двух верстах (2,13 км) от села) можно определить как лепной глиняный светильник, без ручки, с одним рожком (отбит). Он нарисован в неудачном ракурсе (рис. 7, *в центре*), поэтому не поддается детальной атрибуции. В специальной литературе имеется не только упоминание о нем, но также была предложена датировка «в пределах III–II вв. до н. э.» на основе наличия самого светильника и аналогий погребальной камере среди сооружений могильника Глиное (Синика, Тельнов, 2015. С. 188, сн. 8). Действительно, представительная серия лепных светильников, большая часть которых относится к однорожковым изделиям, имеется в скифских погребениях III–II вв. до н. э. могильника Глиное (Тельнов и др., 2016. С. 815–818, рис. 424). С ними сопоставим фрагментированный лепной светильник из кургана возле с. Троицкое, а вероятные обстоятельства его находки — в погребении внутри (?) синопской амфоры вместе с «камешком серо-белого цвета» (док. 4; 5 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 6, 7–8об.) — позволяют вслед за амфорой отнести его к середине III — второй четверти II в. до н. э.

Согласно рисункам найденной керамики, два погребения 1895 г. Троицкого можно суммарно отнести ко второй половине III — середине II в. до н. э., что по датами сопоставимо с расположенным неподалеку скифским могильником Глиное¹⁸ (Тельнов и др., 2016).

Отступление: старые находки других лет из с. Троицкое

В связи с рассматриваемым делом ИАК можно упомянуть еще несколько весьма примечательных археологических объектов, происходящих из с. Троицкое. Один загадочный объект был описан И. В. Фабрициус как «древний покойник в лодке», найденный на кладбище (Фабрициус, 1951. С. 14). Не исключено, что именно эта находка позже

¹⁷ Авторы приносят благодарность проф., д-ру ист. наук С. Ю. Монахову за помощь и ценную консультацию.

¹⁸ Расстояние между памятниками по прямой составляет около 20–21 км.

превратилась в «пещеру с амфорой», якобы выявленную в 1882 г. (Черненко и др., 1986. С. 12; Тельнов, Синика, 2014. С. 30). Проверка показала, что В. Н. Ястребов, на которого ссылалась И. В. Фабрициус, о могиле и лодке не писал ничего, а просто процитировал информацию В. И. Григоровича 1873 г. (Ястребов, 1894. С. 168). Оказалось, что единственным источником сведений о лодке был А. А. Кочубинский. В одном месте он написал, что «на кладбище, расположенном при въезде в Троицкое со стороны Яссок, при рытье могилы нашли однажды покойника в лодке, конечно, совсем истлевшей» (Кочубинский, 1896. С. 10), а в другом: «на кладбище, здесь однажды при рытье могилы была найдена лодка» (док. 7 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12). Вторая цитата содержится в отчете для ИАК, но она в меньшей степени поддается анализу, так как не позволяет связать этот объект ни с курганом, ни со склепом, ни вообще с могилой. Еще более спорной была бы любая датировка «лодки», но даже если она и была связана с погребением, то в Северо-Западном Причерноморье гробы и (или) погребальные носилки в виде ладей встречаются от раннего бронзового века вплоть до первых веков н. э., а в других регионах Европы — и гораздо позднее, вплоть до эпохи средневековья (Дзиговский, Островерхов, 2002. С. 426–427, рис. 2; и др.).

Большой интерес вызывает найденный в 1912 г. мраморный столб. И. В. Фабрициус привязала его к Троицкому на основании выписки из протокола заседания ООИД от 14 мая того же года: «Куплен у крестьянина с. Троицкого Одесского уезда мраморный четырехугольный столб с греческой надписью (зап.[исан] в инв. Па 224) за 20 руб.» (Протокол..., 1913. С. 77). Важно, что в том же протоколе есть сообщение С. Д. Пападимитриу «о том, что ему удалось приобрести для музея Общества камень с надписью, найденный в той местности, в которой он летом 1910 г. занимался предварительными изысканиями в связи с вопросом о местонахождении древней Одессы, т. е. на берегу Тилигульского лимана» (Там же. С. 79).

Интересующий нас памятник из Троицкого в 1916 г. опубликовал В. В. Латышев. Антик имеет размеры 28 × 26 × 36 см и был использован дважды. На одной его стороне вырезано посвящение ольвийских стратегов II в. н. э., а на оборотной — посвящение ольвийских же агораномов III в. н. э. Однако ученый связал столб со второй надписью, приобретенной С. Д. Пападимитриу, и указал место находки как берег Тилигульского лимана у Коблевки, причем Троицкое не упомянул (IOSPE I². С. 520–522, № 685–686). О неточной локализации антика свидетельствует ряд фактов. В протоколе заседания ООИД 14 мая 1912 г. речь ясно идет об одной надписи на плите с Тилигульского лимана, а не о двух; С. Д. Пападимитриу лично был на заседании, но не выступил против привязки первой плиты к с. Троицкое. С середины XIX в. Большое Коблево входило в 3-й стан Одесского уезда и официально было местечком, а не селом. Но главное — столб сохранился в ОАМ НАНУ (инв. № 50445) и на нем до сих пор стоит тот же шифр — 50445. Как видим, нет оснований для пересмотра привязки камня В. И. Фабрициус (1951. С. 14) в пользу Коблево.

На нашу просьбу прояснить ситуацию А. И. Иванчик любезно сообщил, что «камень никак не может быть из Троицкого на Днестре. Возле Коблевки существовало, очевидно, одно из святилищ Ахилла Понтарха, откуда и происходят все эти надписи (речь идет о еще трех плитах. — Авт.). Обе надписи, нанесенные на камень 50455, вне всякого сомнения, ольвийские. Это стандартные посвящения ольвийских коллегий стратегов и агораномов, каких известны десятки. Более того, целый ряд лиц, упомянутых в посвящении стратегов, упомянуты в других ольвийских надписях» (электронное письмо от 29.02.2020¹⁹). Не оспаривая эти доводы, всё же обращаем внимание специалистов на изложенные выше обстоятельства находки мраморного столба, согласно которым он может

¹⁹ Авторы приносят благодарность чл.-кор. РАН, проф. д-ру ист. наук А. И. Иванчику за ценную консультацию.

происходить из с. Троицкое на Днестре. Здесь также можно вспомнить район сел Коротное и Чобручи, где найдены два практически синхронных эпиграфических памятника, но из римской Тиры.

Заключение

Среди разновременных и разнотипных археологических памятников микрорегиона с. Троицкое на Нижнем Днестре выделяется именной курган Могила Вознесенская, который у местного населения еще во второй половине XIX в. имел статус сакрального места. На нем был установлен крест и ежегодно совершался архаичный религиозный обряд очищения скота живым огнем. Очевидно, Могила Вознесенская была центром и господствующей точкой всего Троицкого микрорегиона. Такие курганы, число которых в Северо-Западном Причерноморье вряд ли превысит несколько десятков, являются не только выдающимися археологическими и природно-ландшафтными памятниками, но и местами, которым придавались религиозно-культурные функции.

Опубликованные и проанализированные находки, полученные в 1895 г. в ходе незаконной кладоискательской деятельности жителей с. Троицкое (но сохранившиеся в деле из фондов ИАК), свидетельствуют о наличии как минимум двух скифских могильников (одного — в селе, второго — на расстоянии около 2 км от него), синхронных находящемуся неподалеку могильнику Глиное. Таким образом, Троицкое может быть более-менее достоверно причислено к скифским памятникам III–II вв. до н. э. Нижнего Днестра.

Заслуживают внимания и открывшиеся обстоятельства происхождения дважды использованного мраморного столба (с посвящением ольвийских стратегов II в. н. э. на одной стороне и посвящением ольвийских агораномов III в. н. э. на оборотной), который может быть связан не с Коблевкой, а с Троицким на Днестре.

В заключение отметим, что сделанное ИАК предложение провести раскопки за счет Комиссии (док. 8 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39.

Л. 13–13об.) не осуществилось, а в последующее время, кроме исследования в 1966 г. пяти курганов (Алексеева и др., 1977), другие научные раскопки в микрорегионе с. Троицкое не проводились.

Документ 1

Уведомление Херсонского губернатора в ИАК
Херсон, 10 марта 1895 г. Исх. № 263.

Заслушано в заседании 29 марта.

Оригинал на бланке
(Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2)

Исправником Одесского уезда представлены мне две глиняные амфоры, глиняная же с обломанным носиком лампочка грубой работы и бесформенный кусочек песчаника, с донесением, что 11 января 1895 года девять крестьян с. Троицкое при рч. Малом Турунчаке (см. военно-топографическую 3-верстную карту, ряд XXX, лист 8) вскрыли курган на троицкой толоке в 2-х верстах от селения, и нашли в нем «мину, в каковой мине оказался большой глиняный кувшин о двух ухах с остроконечным /1об./ дном, в коем оказался также глиняный сосудик в виде подсвечника и маленький камушек светло-белого цвета». 15 января, как видно из того же донесения, два троицких крестьянина «открыли мину на улице села Троицкого, в коей найден такой же пустой кувшин, но немного лишь уже первого».

По получению этого донесения, мною предписано исправнику принять все меры к прекращению хищнических раскопок в с. Троицком и его окрестностях, с привлечением виновных к законной ответственности, поручив приставу г. Маяк представить по этому делу обстоятельное донесение, с приложением плана местности /2/.

Имею честь довести об этом Императорской Археологической комиссии, представляя на ее благоусмотрение снимки с найденных древностей.

Губернатор [подпись] (М. М. Веселкин)
И. [исполняющий] д. [ела] секретаря [подпись]
(В. И. Гошкевич)

Приложение: рисунки двух амфор
и светильника на одном листе
(Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 3).

Документ 2

Письмо ИАК Херсонскому губернатору
С.-Пб., 12 апреля 1895 г. Исх. № 433. Отпуск
(Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 4–4об.)

Вследствие отношение вашего превосходительства от 10 марта 1895 г. за № 263 о самовольной раскопке кургана крестьянами с. Троицкое при рч. Малый Турунчак, Импер. Арх. Комиссия имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство доставить ей сведения о результате официального дознания и возбуждения против кладоискателей судебного преследования и вместе с тем имеет честь присовокупить, что она вошла в переговоры с Одесским /4об./ обществом истории и древностей, не согласится ли кто-либо из его членов взять на себя исследование означенного кургана.

Подписал: председатель,
гр. А. Бобринской
Скрепил: делопроизводитель Ил. Суслов
Верно: делопроизводитель [подпись]
(Илья Суслов)

Документ 3

Отношение ИАК
в Одесское общество истории и древностей.
С.-Пб., 12 апреля 1895 г. Исх. № 434. Отпуск.
(Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 5–5об.)

Импер. Арх. Комиссия, получив уведомление от херсонского губернатора от 10 марта 1895 г., за № 263, о самовольной раскопке кургана крестьянами с. Троицкое при рч. Малый Турунчак, имеет честь обратиться в Одесское общество истории и древностей с предложением, не согласится кто-либо из его членов взять на себя исследование на счет Импер. Арх. Комиссии и /5об./ о последующем почтить Арх. Комиссию уведомлением.

При сем прилагается копия с отношения г. херсонского губернатора от 10 марта 1895 г. за № 263.

Подписал: председатель,
гр. А. Бобринской
Скрепил: делопроизводитель Ил. Суслов
Верно: делопроизводитель [подпись]
(Илья Суслов)

Документ 4

Заметка из газеты
«Правительственный вестник»
12 мая 1895 г. № 95
(Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 6)

В заседании Одесского общества истории и древностей, состоявшемся 25-го апреля, доложено было, между прочим, уведомление херсонского губернатора о раскопке кургана крестьянами села Троицкого при речке Малом Турунчаке. В кургане крестьяне нашли мину в виде склепа, в которой оказался большой глиняный кувшин с остроконечным дном, а в кувшине глиняный сосуд в виде подсвечника и камешек серо-белого цвета. В селе Троицком крестьяне также открыли на улице мину, в которой найден пустой кувшин.

Документ 5

Сообщение Херсонского губернатора в ИАК.
Херсон, 23 мая 1895 г. Исх. № 687. Вх. № 457.
Получено 29 мая. Оригинал на бланке
(Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 7–8об.)

Вследствие отношения 12 апреля 1896 г. за № 433, имею честь донести до сведения Императорской Археологической комиссии результаты произведенного помощником пристава гор. Маяк дознания о хищнических раскопках крестьянами курганов у с. Троицкого при рч. Малом Турунчаке.

Курганы у с. Троицкого расположены на возвышенности, в двухверстном расстоянии от села к северу. Самый большой из этих курганов имеет высоту в 2 сажени, при окружности в 250 сажень.

По разным направлением от /7об./ этого кургана разбросано 12 могил высотой от 1 до 2½ аршин, при окружности от 7 до 25 сажень — большей частью уже разрытые.

В их числе находится и могила, вскрытая 11 января 1795 г. крестьянами Яковом Нашко, Никитой Савельевым, Афанасием Марьяновым, Никифором и Никитой Бабеевыми, Сильвестром Бордияновым и Григорием Борневским.

По показанию производивших раскопки крестьян, подземелье обнаружилось на глубине сажени от поверхности насыпи. Размеры подземелья:

глубина до 3 аршин, длина 2½ и ширина 2 аршина. Грунт земли в нем — желтая глина. Стены и потолок гладко обтесаны. В западной стене подземелья имеется /8/ небольшое полукруглое отверстие. Из этой камеры крестьянами извлечена глиняная амфора и такая же грубой работы лампа.

Другое подземелье, под проезжей дорогой в с. Троицкое, обнаружившееся вследствие провала над ним земли, было раскопано в половине того же января 1895 года крестьянами Осипом Толмазаном и Андреем Проскуриным.

По их показанию, подземелье найдено на глубине около двух аршин от уровня почвы. Размеры его определить трудно, так как при раскопке стены и потолок его обвалились; приблизительно же оно составляет кубическую сажень. Здесь также найдена глиняная амфора. В восточной стене /8об./ имеется небольшое полукруглое отверстие.

К этому считаю долгом присовокупить, что дальнейшее исследование первого из описанных подземелий невозможно, так как в нем зарыты две убитые старые лошади.

О результатах возбужденного против названных кладоискателей судебного преследования сочту долгом своевременно сообщить Императорской Археологической комиссии.

При сем имею честь представить карту Херсонской губернии с указанием на ней места раскопок к с. Троицкое.

Губернатор [подпись] (М. М. Веселкин)
И. [исполняющий] д. [ела] секретаря [подпись]
(В. И. Гошкевич)

*Приложение: «Карта Херсонской губернии»
с нарезкой на волости.
Красной точкой обозначено «Место хищнических раскопок крестьянами курганов у с. Троицкого при рч. Малом Турунчаке» (К. 9)*

Документ 6

*Извлечение из отношения Императорского
Одесского общества истории и древностей
от 31 мая 1895 г.*

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 10)

Вследствие предложения ИАК принять на себя кому-либо из членов Общества исследования на счет Комиссии кургана при речке Малом

Турунчаке, оно поручило своему действительному члену А. А. Кочубинскому произвести предварительные изыскания.

Верно: делопроизводитель [подпись]
(Илья Суслов)

Документ 7

*Доклад А. А. Кочубинского о поездке в с. Троицкое
21–22 июня 1895 г.*

Одесса, 11 октября 1895 г. Исх. № 561. Вх. № 864.

Получено 16 октября. Заслушано 18 октября.

Оригинал на бланке
(Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 11–12)

В виду обращения Комиссии Императорское Одесское общество истории и древностей в заседании своем 25 апреля постановило: поручить действительному члену своему А. А. Кочубинскому сделать предварительные археологические разведки относительно местности села Троицкого (Одесского уезда) на Малом Турунчаке и открытых там в начале нынешнего года некоторых предметов древности.

Действительный член А. А. Кочубинский осмотрев с. Троицкое 21 и 22 июня наст. года, о своей командировке предложил подробный доклад в заседании Общества 16 сентября.

Вся местность Нижнего Днестра, от Вакаржи [немецкого с. Мариинского или Гросс-Либенталя], Маяк и через Беляевку, Яски до Троицкого, богата курганами, как на высокой площади самого Днестра, так и на параллельно тянущемся высоком плоскогорье.

При случайном поиске курганов — обыкновенно при темных поисках за кладами — и вообще в этой местности нередко попадаются плиты, но без надписей, скелеты, кости и черепки от посуды однообразной формы — высокие кувшины с узкими доньями и толстыми ушками, но никогда никаких монет. По мнению местных жителей, эти посудыны или «глеки» употреблялись «за Туретчину».

В самом селе Троицком на земле, занятой /11об./ под село (оно основано ранее 1800 года и, вероятно, бывшими выходцами из Запорожья) и сейчас виднеются контуры курганов (напр. на кладбище, здесь однажды при рытье могилы была найдена лодка) и уже раньше случайно открывались предметы древности.

Так, еще в 1881 в новой (с 1858 года) молдавской части села, на выгоне, при постройке мельницы обнаружен был провал земли, где нашли «глек» о 2 ушках, проданный за 3 рубля тогда же. По-видимому, посудина такого же типа, как напр. в Маяках.

Но в самом близком расстоянии от этого места, но более внутрь в село, по улице, ведущей к церкви в Граденицу, находится мина, вскопанная зимою этого года и о которой донесено Комиссии.

Мина теперь засыпана. По показанию собравшихся женщин, копало 15 лопат, что ход в нее был от S [с запада на востока; см. выше²⁰] и были найдены два «глека» (посудины)²¹. «Никаких вещей, никаких костей не было в мине, не то, что там, на горе, у Вознесенской могилы», заметила женщина, муж которой копал здесь и попал под суд.

Сейчас за селом, к СВ «Вознесенская могила» величественно возвышается. Издали она кажется одиноко стоящей. Но на самом деле она, увенчанная крестом, окружена группой мелких курганов — «пузырей», как они называются на месте.

«Вознесенская могила» имеет 387 шагов в окружности и 62 шага от основания к вершине. Макровка — голая площадка со *впадиной* всередине: здесь и было место старого креста. Поверхность могилы со следами рытья во многих местах, в разных направлениях, но старого времени.

Несколько «пузырей» разрыто. Насыпи их из чернозема со следами сгнившей травы. Конечно самый интересный был бы тот, который тайком был недавно разрыт и который открыл внутри себя «мину», и в ней был найден кувшин с двумя ушками и острым дном. Но мина эта теперь не только зарыта, но в нее положены два трупа лошадей, павших за несколько дней до моего приезда от сапа. Так распорядились местные власти... По словам сельского стражника, расторопного отставного солдата, накрывшего копателей, мина была в виде свода, в рост /12/ невысокого человека и шла от S к N [в оригинале вторая буква В]. Извозчик показывал, что были и кости. Стражник прибавлял, что на какой-то вещи он якобы прочел букву К.

²⁰ Как ясно указано самим А. А. Кочубинским (*Кочубинский*, 1896. С. 10).

²¹ Здесь А. А. Кочубинский ошибся, так как два сосуда (амфора и светильник) были найдены в кургане у Могилы Вознесенской (см. Док. 1; 5 — Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–2. 7–8об.; рис. 7).

Таким образом, если «Могила» и окружающие «пузырьки» скрывают покойников, то всю эту совокупность курганов можно бы почесть за небольшой некрополь, явившийся за один раз.

Принимая во внимание, что береговые курганы у соседнего села Яски лежат на той же площади, что и «уличные мины» села Троицкого, ясно, что вся эта береговая полоса [долины] Днестра — 4–5 верст — усеяна была курганами, из коих многие сравнены.

В виду общекурганного характера всей осмотренной местности, в виду открываемых, хотя и однообразных находок, в виду близости ее к историческому селу Коротному, докладчик полагал бы, что курганы сел Яссок и Троицкого заслуживают внимания русской археологии, особенно же «Вознесенская могила». Раскопки, вероятно, не дадут богатых предметов древности, но могут пополнить наши исторические сведения из любопытной местности Нижнего Днестра.

Вице-президент: [подпись] (В. Юргевич)

Испол. обяз. секретаря: [подпись]

(А. Кочубинский)

Документ 8

Письмо ИАК проф. А. А. Кочубинскому
С.-Пб., 25 октября 1895 г. Исх. № 11/54.

Отпуск на бланке

(Ф. 1. Оп. 1. Д. 39. Л. 13–13об.)

Импер. Археологическая Комиссия, получив от Императорского Одесского общества истории и древностей от 11 октября 1895 г. за № 561, извлечение из отчета Вашего о курганах в низовьях р. Днестра, считает долгом принести Вашему Превосходительству свою глубокую признательность за Ваше обстоятельное исследование означенной местности и вместе с тем обращается к Вам с почтеннейшей просьбой, не /13об/ возьмете ли Вы на себя труд произвести раскопку некоторых курганов в местности нижнего течения р. Днестра и, в случае Вашего на то согласия, сообщить Комиссии, какая потребовалась на это денежная сумма.

Подписал: председатель, гр. А. Бобринской

Скрепил и Верно: делопроизводитель
[подпись] (Илья Суслов)

На первом листе надпись рукой И. Суслова:
«Ответ от проф. Кочубинского получен»

- Алексеева и др.*, 1977 — *Алексеева И. Л., Дворянинов С. А., Добролюбский А. О., Кушнир В. Г., Чернов С. И.* Работы Нижне-Днестровской экспедиции // АО 1966 года. М.: Наука, 1977. С. 258.
- Брун*, 1879 — *Брун Ф.* Остров Тирагетов и греко-латинская надпись, найденная в селе Коротном // *Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна (1852–1877)*. Одесса: Тип. Ульриха, 1879. Ч. I. С. 3–13.
- Волян*, 1792 — *Волян Ф. П., де.* План представляющий левую сторону реки Днестра от соединения с лиманом до деревни Карагаш. 1792 г. М: 2 версты в дюйме или 1: 84 000; 74 × 70 см; рукоп. в цвете // НБУ. № 7934; РО РНБ. Ф. 342. Д. 847.
- Гошкевич*, 1903 — *Гошкевич В. И.* Клады и древности Херсонской губернии. Херсон: Юг, 1903. 176, II с., XX табл.
- Григорович*, 1874 — *Григорович В.* Записки антиквара о поездке его на Кальмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра. Одесса: Тип. П. Францова, 1874. 48, VI с.
- Гудкова и др.*, 1991 — *Гудкова А. В., Охотников С. Б., Субботин А. В., Черняков И. Т.* Археологические памятники Одесской области (справочник). Одесса, 1991. 184 с.
- Дворянинов, Сапожников*, 1975 — *Дворянинов С. А., Сапожников И. В.* О возможной интерпретации двух типов геоморфологического расположения стоянок позднего палеолита и мезолита Северо-Западного Причерноморья // 150 лет Одесскому археологическому музею: Тез. докл. юбилейной конф. Киев: Наукова думка, 1975. С. 16–18.
- Дзиговский, Островерхов*, 2002 — *Дзиговский А. Н., Островерхов А. С.* Ладья в погребальных обрядах древнего и средневекового населения Восточной Европы // *Stratum plus*. Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 2002. № 3: Старая Скифия. С. 425–451.
- Императорская...*, 2009 — *Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Ред.-сост. А. Е. Мусин. Приложение.* СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 208 с.
- Кладоискательство...*, 1895 — *Кладоискательство и находки древнегреческих амфор в с. Троицком Одесского у., на Днестре* // *Археологические известия и заметки, издаваемые МАО. М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1895. С. 332–333.*
- Костенко, Шевченко*, 2017 — *Костенко А., Шевченко А.* Виктор Гошкевич и его мир: семья, окружение, древности. Херсон: Б. и., 2017. 116 с.
- Кочубинский*, 1896 — *Кочубинский А.* Поездка на Нижний Днестр (в село Троицкое) // *ЗООИД. 1896. Т. XIX. С. 1–11.*
- Кравченко, Кузьменко*, 1959 — *Кравченко А. А., Кузьменко В. I.* Розвідки археологічних пам'ятоків по Кучурганській річній долині // *Матеріали з археології Північного Причорномор'я. Одеса, 1959. Вип. II. С. 122–125.*
- Монахов*, 2003 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды, 2003. 352 с.
- Монахов и др.*, 2017 — *Монахов С. Ю., Кузнецова Е. В., Чурекова Н. Б.* Амфоры V–II вв. до н. э. из собрания государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический». Каталог. Саратов: Новый проект, 2017. 208 с.
- Отношение...*, 1895 — *Отношение Археологической комиссии от 12 апреля 1895 г. // Протокол 287 заседания ООИД 25 апреля 1895 г. С. 1–11. (отд. оттиск).*
- Протокол...*, 1913 — *Протокол 417 заседания ООИД 15 мая 1912 г. // ЗООИД. 1913. Т. XXXI. С. 75–79.*
- Сапожников*, 2005 — *Сапожников I.* З історії пошуків козацьких скарбів на Запорозжі // *Наукові праці історичного факультету ЗДУ. Дніпропетровськ, 2005. Т. 19. С. 409–410.*
- Сапожников*, 2018 — *Сапожников И.* Курган Могила Вознесенская на берегу Нижнего Днестра по картам и описаниям // *Південний захід. Одесика, 2018. Вип. 25. С. 8–24.*
- Сапожников*, 2019 — *Сапожников И.* Карты и планы Буго-Днестровской части Причерноморья последней трети XVIII века как археологические источники // *Scriptorium nostrum. 2019. № 1 (12). С. 81–110.*

- Сапожников, Сапожникова*, 1992 — *Сапожников И. В., Сапожникова Г. В.* Картографування пам'яток палеоліту і мезоліту в степах Нижнього Подністров'я // *Археологія Південного заходу України / Відп. ред. В. Н. Станко.* Київ: Наукова думка, 1992. С. 49–67.
- Синика, Тельнов*, 2015 — *Синика В., Тельнов Н.* Светильники в погребальном обряде скифов Северного Причерноморья // *Tyragetia, s.n. 2015. Vol. IX [XXIV]. № 1.* С. 183–208.
- Тельнов, Синика*, 2014 — *Тельнов Н. П., Синика В. С.* Скифские памятники в степном Поднестровье: история изучения и современное состояние источниковой базы // *Русин.* 2014. № 2 (36). С. 30–54.
- Тельнов и др.*, 2016 — *Тельнов Н. П., Четвериков И. А., Синика В. С.* Скифский могильник III–II вв. до н. э. у с. Глиное. Кишинев: *Stratum plus*, 2016. 1096 с. (Археологические памятники Приднестровья; Вып. III.)
- Фабрициус*, 1951 — *Фабрициус И. В.* Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. Вып. I. 156 с.
- Херсонский...*, 1896 — *Херсонский губернский музей; обзор древностей, найденных в Херсонской губернии в 1895 г.; поступившие в музей памятники старины // Археологические известия и заметки, издаваемые МАО.* М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1896. С. 53–58.
- Черненко и др.*, 1986 — *Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В., Полин С. П., Скороый С. А., Бокий Н. М., Гребенников Ю. С.* Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1986. 368 с.
- Чистяков*, 1876 — *Чистяков М.* Из поездок по России. СПб., [1867]. 410 с.
- Юргевич*, 1883 — *Юргевич В.* Открытая в 1881 г. в сел. Чобручи греческая надпись древнего города Тире // *ЗООИД.* 1883. Т. XIII. С. 7–16.
- Ястребов*, 1894 — *Ястребов В.* Опыт топографического анализа древностей Херсонской губернии // *ЗООИД.* 1894. Т. XVII. С. 63–177.

Об изучении русского вооружения. Заметки и размышления¹

А. Н. Кирпичников²

Аннотация. В статье подробно освещаются основные этапы в изучении истории русского вооружения начиная с XIX в. Особое внимание уделено трагической судьбе крупнейшего историка-оружиеведа В. В. Арендта, расстрелянного по ложному обвинению в 1937 г. Рассматриваются основные достижения отечественных историков и, прежде всего, самого автора в исследовании средневекового русского оружия, а также публикуются основные положения резолюции, принятой на Международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем» (29–31 марта 2005 г., Санкт-Петербург), направленной на развитие военно-исторической науки.

Annotation. This paper is a report about the main stages in studies of the history of Russian weaponry beginning with the 19th century. A special focus is paid to the tragic fate of a very prominent historian of weapon studies Vsevolod V. Arendt executed after a false accusation in 1937. The major achievements of national historians are discussed and, particularly those of the author himself, in studies of the mediaeval Russian weapons, as well as also the main clauses of the resolution accepted by the International Scientific-Practical Conference 'Military art of Russia and its neighbours in the past, present and future' (March 29–31, 2005, Saint Petersburg) for the development of the military-historian science.

Ключевые слова: история русского вооружения, итоги и перспективы.

Keywords: history of Russian weaponry, results and prospects.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-367-376

Русское оружиеведение имеет точную дату рождения — 1808 г. Именно тогда недалеко от Юрьева-Польского, там, где некогда произошла Липецкая битва, крестьянка А. Ларионова, «находясь в кустарнике для щипания орехов, усмотрела близ орехового куста в кочке что-то светящееся». То были сложенные вместе шлем и кольчуга. Находки были сданы

сельскому старосте, от него попали к священнику и, в конце концов, дошли до Александра I. По поручению царя вещи изучил и в 1832 г. издал президент Академии художеств А. Н. Оленин; он же соотнес их с князем Ярославом Всеволодовичем, бросившим свои доспехи во время бегства с поля битвы в 1216 г. Эта атрибуция не устарела до сих пор и дала толчок к становлению тогда новой науки — исторического оружиеведения.

Изучение старинного вооружения в России представлено серьезными научными трудами А. В. Висковатова, А. Ф. Вельтмана, П. И. Савваитова, Ф. Жилия, Н. Е. Бранденбурга, Э. Э. Ленца (этот перечень можно

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184–2019–0006 «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей».

² Отдел славяно-финской археологии, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

продолжить). Оценка этих и других сочинений — специальная задача. В настоящем сообщении ограничимся темами, связанными с изучением военных древностей первых веков русской истории. Здесь специально хотелось бы остановиться на судьбе и творчестве ученого-оружиеведа В. В. Арендта.

Всеволод Викторович Арендт, историк оружия и военного дела, оставил заметный след в науке. Расстрел в 1937 г. перечеркнул всю его деятельность. Его имя оказалось забытым. Теперь по отрывочным данным можно воссоздать биографию этого незаурядного человека. Некоторые подробности удалось почерпнуть из анкеты ученого, сохранившейся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, и следственного дела, обнаруженного в архиве Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу.

В. В. Арендт родился в Москве 27 февраля 1887 г. Его дворянский род восходит к далеким немецким предкам, жившим в XII в. Что касается В. В. Арендта, то в документах советского времени он записан русским. Мать его была русской, а отец — поляком.

В 1906–1908 гг. молодой дворянин учился на юридическом факультете Университета в Тулузе во Франции, а в 1909–1910 гг. был слушателем Московского археологического института. Как стипендиат этого института В. В. Арендт в 1911 г. находился в заграничной командировке — занимался в музеях Вены и Парижа. Его военная служба юнкером началась в 1908 г. Во время Первой мировой войны В. В. Арендт был боевым офицером. В 1915 г. он командовал эскадрой Первого Лейб-Драгунского Московского имени императора Петра Великого полка. В октябре 1917 г. В. В. Арендт в чине штабс-ротмистра был уволен из армии «по болезни и контузии». Из этого ясно, что он участвовал во фронтовых операциях и ушел из армии, случайно или нет, в дни большевистского переворота.

В дальнейшем в 1918–1923 гг. бывший драгун служит в Красной армии, ведет преподавательскую работу, консультирует учебу

кавалеристов, работает в Главном управлении коннозаводства.

В 1926–1933 гг. В. В. Арендт работал в Государственном историческом музее в Москве (консультант, заведующий отделом). С переездом в Ленинград он более обстоятельно начинает заниматься научной работой. С 1935 г. он числился старшим научным сотрудником, затем ученым секретарем Артиллерийского исторического музея. 1 октября 1937 г. ему присвоили звание профессора Государственного музея этнографии, а на следующий день арестовали. В жизни ученого этот арест был четвертым по счету³. Через два с половиной месяца В. В. Арендта не стало. Его жена Евдокия Ивановна Кожевникова и пасынок погибли в годы блокады Ленинграда. Семейные документы и большая часть библиотеки, видимо, не сохранились. Лишь некоторые книги с экслибрисом Арендта я видел в библиотеке Эрмитажа с надорванными корешками.

О творчестве ученого можно судить по его публикациям. Знание военного дела и военной археологии, а также иностранных языков способствовало тому, что в 1920–1930-х гг. Всеволод Викторович взялся за изучение отдельных видов преимущественно средневекового вооружения: мечей, сабель, шлемов, пушек. Оружие он хорошо знал, свободно разбирался в тонкостях его устройства, авторские рисунки и реконструкции всегда профессиональны. Предметы военной старины рассматривались В. В. Арендтом в контексте европейского исторического оружиеведения.

³ В 1918 г. В. В. Арендт был арестован ВЧК в Москве на две недели, в 1925 г. в Москве — на 12 дней, в 1935 г. задержан НКВД в Ленинграде на два часа. Что касалось последнего ареста в 1937 г., то он произошел в условиях массового террора и истерической охоты на людей, когда, как известно, за одно неосторожно сказанное слово вели на эшафот. Так случилось и с В. В. Арендтом. В нем заподозрили «замаскированного» врага советской власти. К тому же по своему социальному происхождению Арендт, несомненно, рассматривался властями как классово чуждый элемент. Археологи старшего поколения говорили мне, что Всеволод Викторович выглядел как «породистый дворянин». К сожалению, мне не удалось отыскать его фотографию.

В своем творчестве он успешно объединил обстоятельное музейное вещеведение начала XX в. с современными ему международными познаниями в области истории военного искусства. Предметы военной техники оценивались и квалифицировались с общеевропейских исследовательских позиций, и сами приобретали эталонную известность. Это стимулировало изучение собранных в изобилии, но неизвестных в публикациях редкостей наших музеев. Российское оружейноеведение трудами В. В. Арендта стало выходить на передовой общемировой научный уровень. Широкое знание литературы вопроса и музейных собраний позволило В. В. Арендту печататься не только в СССР, но и в Германии. Он являлся иностранным членом немецкого Общества исторического оружейноведения и активно сотрудничал в его журнале *Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde*. Также был членом Академии Тулузы во Франции.

В работах В. В. Арендта встречались ошибки в основном общеисторического плана, например, он утверждал, что древнерусские мечи принадлежали исключительно пришельцам-варягам. Да, варяги на Руси торговали мечами, но не были их монопольными владельцами.

В 1930-х гг. Всеволод Викторович плодотворно занимался техникой клинкового производства и впервые открыл мечи с «накладным Дамаском». Его статья о греческом огне претендует на лучшее понимание этого запутанного вопроса в европейской науке. В. В. Арендт первым разработал методику измерения сабельных клинков, ныне принятую специалистами. По его инициативе началось изучение отечественных и зарубежных пушек, включая редкие образцы корабельной артиллерии. Он впервые опознал и опубликовал пистолетные стволы из собрания Государственного исторического музея в Москве, оказавшиеся древнейшими в Европе.

По отзыву авторитетных ученых — современников В. В. Арендта — А. В. Арциховского, А. П. Смирнова, Г. А. Новицкого, написанному в 1934 г., «он является крупнейшим в СССР специалистом по истории оружия и

автором нескольких десятков (более сорока. — А. К.) печатных работ, где разрешил ряд вопросов, относящихся к оружию сарматскому, тюркскому, новгородскому, московскому». В. В. Арендт был, несомненно, одаренным человеком и в изучении отдельных видов средневекового оружия достиг, может быть, большего, чем его предшественники. Жизнь и творчество ученого были оборваны на взлете в злобещем 1937 г. Эти трагические дни можно представить по его следственному делу, насчитывающему 46 листов.

3 октября 1937 г. арестованному днем раньше В. В. Арендту было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности (по статье 58 УК), что он первоначально отрицал. Ученый обменивался письмами с зарубежными коллегами, музеями и издательствами. Одно это в те годы могло показаться подозрительным. Однако о международных связях, равно как и о научных изысканиях, в деле нет ни слова. Очевидно, программа дознания была иной.

Вызванный на допрос 11 октября В. В. Арендт уже не отрицал «своей вины», а признал, как записано в следственном деле, что в кругу знакомых «высказывал антисоветские взгляды». Он и его «единомышленники» (в деле названы два археолога, этнограф и архивный работник) «осуждали политическую линию ВКП(б) и Советского правительства с контрреволюционных позиций». Подпись под текстом допроса выведена неверной рукой и подчищена. Дознание явно велось с пристрастием. При его чтении обращает на себя внимание поразительное обстоятельство. Документ раскладывается на оговор и очевидную правду, по-видимому, затененную при жизни на свободе или даже не очень скрывавшуюся. Всеволод Викторович со смелостью обреченного высказал своим мучителям то, что, скорее всего, давно разделял. Он сказал: «Главный вопрос, который нас всех волновал и который мы часто обсуждали, это положение интеллигенции в советских условиях. В данном вопросе мы единодушно сходились на том, что интеллигенция в СССР находится в политически бесправном положении.

В процессе своих суждений мы утверждали, что в Советском Союзе осуществляется жесткая диктатура партийной верхушки, подавляющая всякую свободу мысли особенно в среде интеллигенции, лишенной права высказывания своих убеждений и симпатий тому или другому политическому строю. <...> В стране осуществляется резкий нажим на все слои населения, от которого, с нашей точки зрения, больше всего страдает интеллигенция. В области экономики мы резко осуждали политику коллективизации сельского хозяйства как враждебную, проводившуюся насильственным путем и уничтожившую, с нашей точки зрения, стимул развития сельского хозяйства. Мы говорили о том, что советская власть применяет на строительстве рабский труд, имея в виду строительство каналов. Лично я утверждал, что вся страна сейчас замучена, находится в подавленном состоянии».

Приведенные слова провидческие, звучат как суровое обвинение. История подтвердила их справедливость. Сказаны они, безусловно, без подсказки, искренне, честно, для своего времени с захватывающей смелостью. В 1937 г. подобное выступление квалифицировалось как тягчайшее преступление. Все равно, что подписать самому себе смертный приговор. Неслучайно, что допрос завершился стандартной, видимо, наговоренной следователями фразой: «Все наши суждения имели одну цель — показать необходимость борьбы против Советской власти, за ее свержение и восстановление в СССР капиталистического строя».

Одного признания арестованного в «антисоветских» разговорах его с товарищами следователям показалось недостаточно, и они 17 ноября в последний раз допросили В. В. Арндта. Тот, понимая, конечно, безвыходность своего положения, в ответ на вопрос о намерении использовать индивидуальный террор, ответил, что «теракты дадут реальные результаты». Каких-либо сведений о конкретных «подрывных» действиях кружка Арндта в деле, как и следовало ожидать, нет.

В ходе следствия был допрошен единственный свидетель. Им оказалась научная сотрудница Эрмитажа, известный археолог.

25 ноября 1937 г. она сообщила, что знает В. В. Арндта с 1928–1929 гг. Он, будучи музейным работником «очень низкой квалификации», в разговорах «клеветнически заявлял, что интеллигенция в СССР не имеет политических прав и устранена от участия в руководстве политической жизнью страны»; говорил, что «вся страна терроризирована, никто не может сказать свободно о своих политических убеждениях, <...> клеветал на действия органов НКВД, заявляя, что проводятся массовые репрессии, что сажают людей без основания». Допрос заключают слова о том, что «все суждения Арндта содержали в себе резкую злобу и ненависть к Советскому строю, ко всем мероприятиям ВКП(б) и Советского правительства».

В 1962 г. при проверке дела В. В. Арндта ту же свидетельницу вновь попросили рассказать о ее знакомом и записали нечто противоположное прежним показаниям. Оказалось, что Всеволод Викторович был очень «увлечен своей специальностью. <...> Взаимоотношения с ним были хорошие, насколько помню, антисоветских и антипартийных взглядов я от него не слышала». Когда же свидетельнице напомнили о ее показаниях 1937 года и дали их прочитать, то, по словам допрашиваемой, оказалось, что ее первоначальные показания «не соответствуют действительности», а были даны «под принуждением» (я не хочу раскрывать имени этой женщины по этическим соображениям. — А. К.).

Возвратимся к основному сюжету. 26 ноября 1937 г. следствие по делу В. В. Арндта было закончено. Обвинение гласило, что он «входил в антисоветскую группу и участвовал в обсуждении политической линии ВКП(б) и мероприятий Советского правительства с контрреволюционных позиций, является сторонником террористических методов борьбы против Советской власти». 14 декабря В. В. Арндт по приговору особой тройки был расстрелян. Ему было тогда 50 лет.

Утверждение следствия о существовании антисоветской группы стало разваливаться уже в период, когда по делу Арндта в конце 1937 г. привлекли названных в нем людей.

Осужденный как член упомянутой группы заведующий архивом Артиллерийского исторического музея И. Д. Тубянский в жалобе, написанной в лагере в 1940 г., пояснил, что «с Арендтом у меня были лишь нормальные служебные отношения и некоторое уважение к нему как незаурядному специалисту в области военной археологии». Что же касалось обвинения в групповой антисоветской деятельности, то оно «неправильно и необоснованно», а признание добывалось таким путем: «На мое категорическое отрицание (вины) следователь Михайлов поставил меня на „стойку“ и с применением избиений собственных и с помощью других сотрудников отдела. Так как я всё же не мог сообщить ему ничего подходящего, то через сутки непрерывного допроса (следователь) заявил, что будет меня разоблачать». Жалоба не помогла. В 1942 г. Тубянский умер в Онеглаге.

В 1962 г. по запросу заведующего Ленинградским отделением Института археологии АН СССР профессора Б. Б. Пиотровского дело В. В. Арендта было пересмотрено и при этом выяснилось, что никакой антисоветской группы не существовало, и все дело было сфальсифицировано. По протесту прокурора г. Ленинграда Президиум Ленгорсуда дело прекратил 25 декабря 1962 г. В. В. Арендт был посмертно реабилитирован⁴.

Ныне неожиданно открылись новые подробности трагической судьбы ученого. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи сохранился исходный документ — донос. Он поражает примитивностью обвинений и почти истерическим поиском образа врага. Приведем лишь одну выдержку. Автор доноса, коллега Арендта по работе П. В. Львовский, пишет следующее: «Нам был зачитан пункт приказа Наркома Оборона о назначении начальником Артиллерийского управления комкора т. Кулика вместо комкора т. Ефимова. Узнал об этом и Арендт. Спустя четверть часа после

получения этой новости подходит к моему служебному столу и, таинственно опустившись на стул, шепчет мне: „Как вы смотрите на все эти перемены? А я так думаю, что хороших, умных людей убирают с дороги, а назначают одних только...“, при этом Арендт поднялся со стула, вытянулся передо мной, руки по швам, и изобразил из себя такую, дескать, безропотно покорную, глуповатую фигуру, которая остается после насильственного удаления и уничтожения умных, дельных людей, фигуру, готовую слепо и безотчетно подчиняться теперешнему режиму. Эту последнюю выходку Арендта я оценил как наглую вылазку классового врага антисоветски настроенного и вредно влияющего на те „интеллигентные“ круги, в которых он пользуется авторитетом. Полагаю, что дальнейшее пребывание Арендта в наших рядах недопустимо, а его выходы как политического врага нашей Родины должны повлечь за собой принятие, кроме того, и более решительных мер государственной безопасности». Донос был подан 7 июня 1937 г., арест последовал 2 октября, казнь — 14 декабря.

Здесь нельзя не добавить, что начальник музея, ознакомившись с доносом, не побоялся сообщить «по инстанции», что «Арендт проявил себя как знающий, вполне лояльный специалист и во многом содействовал в работе по реконструкции музея, особенно экспозиционных работах, за что имел две благодарности музею и был премирован начальником Артиллерийского управления РККА (комкор Ефимов) в текущем году (то есть 1937. — А. К.) месячным окладом». Эти положительные слова следствием учтены не были. Но вернемся к дальнейшему повествованию. В 1920–1930-х гг. фактически сошли на нет серьезные исследования старинного оружия. Беспощадно уничтожались многие памятники русской боевой славы — храмы, памятники воинам и полководцам, триумфальные ворота, мемориальные доски.

В отношении военного наследия советская власть, если так можно выразиться, «вела стрельбу по своим». Приведу такие примеры. В период борьбы с космополитизмом

⁴ Сравни: Кирпичников А. Н. Допрос с пристрастием: Судьба историка оружия Всеволода Арендта // СҮСЭІТІА: Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 399 (там подробные сноски).

из Артиллерийского исторического музея были сданы на переплавку редчайшие бронзовые иностранные орудия.

Глубокий знаток музейных собраний Государственного исторического музея и архивной письменности М. М. Денисова написала труд «Вооружение русской конницы XIV–XVII вв.». Но рукопись не увидела свет, так как, по мнению рецензента, в ней «не было марксизма». Бабушка русской артиллерии (как ее называли) А. П. Лебедевская всю жизнь занималась деятельностью Пушкинского приказа XVII в. Свои наблюдения она изложила в нескольких томах по истории Артиллерийского музея, честно отметив многочисленные утраты музейных экспонатов вследствие идеологических чисток. Цитировались «акты о списании». Стоит ли говорить, что сочинения Александры Петровны долгое время оставались неизданными.

На волне классовой ненависти были разгромлены музеи прославленных полков царской армии. Их экспонаты раздавались в реквизиторские кладовые Госфильма, костюмерные театров. Здесь встречались неожиданности. В 1936 г. в Королевский музей армии и военной истории в Брюсселе поступило невиданное количество предметов русской военной старины, принадлежавших музеям Лейб-Гвардии Казачьего и Уланского полков. Эти вещи были чудом спасены в годы Октябрьского переворота, вывезены на Дон, затем через Стамбул в Париж, наконец оказались в Брюсселе. Увидев это богатство, хранитель брюссельского Королевского музея армии и военной истории воскликнул: «Это ковчег боевых подвигов огромной страны». Только в 1990-х гг. стало известно о существовании увезенных воинских раритетов. После долгих лет умолчания один из представителей русской эмиграции Н. Белявский по собственной инициативе приступил к описанию этой уцелевшей коллекции.

Многие военные события недавнего прошлого замалчивались или осуждались. Лишь в годы Великой Отечественной войны власти всенародно вспомнили о великих русских

полководцах и их сражениях, но это было только частью попорченной исторической правды.

Времена искажения и недооценки военного прошлого России ныне ушли в прошлое, преодолевается отставание исторического оружиеведения, что особенно наглядно проявлялось при сопоставлении его с состоянием этой дисциплины в Центральной и Западной Европе. Огромные богатства, накопленные в наших музеях, в научном плане долгое время были слабо известны и лишь в последние десятилетия стали, хотя еще отрывочно и неравномерно, систематически изучаться.

Положительным фактором исхода XX в. явился приток в оружиеведение молодых сил и расширение фронта исследований. В этом отношении выдвинулись Санкт-Петербург, Москва, Киев, Новосибирск, ряд региональных центров. Учреждены и работают при Институте истории материальной культуры РАН и Государственном историческом музее, а ныне и в Эрмитаже научные семинары по военной археологии. Регулярно стали созываться военно-исторические конференции и симпозиумы, печатаются серьезные работы. По истории вооружения Древней Руси подготавливаются обобщающие работы и диссертации. Назову лишь некоторых перспективных авторов: О. Двуреченский (ныне кандидат исторических наук, автор книги «Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв.»), Д. Коровкин, С. Каинов, П. Васин. Выдвинулось новое поколение авторитетных историков вооружения, таких как С. В. Ефимов, А. Н. Кулинский, М. В. Горелик. Плодотворна деятельность А. К. Маковской. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи успешно проходят масштабные конференции «Война и оружие».

Новым явлением нашего времени стало повсеместное создание военно-патриотических клубов и групп реконструкторов тактики старинных боев и достоверно воссозданного вооружения и амуниции исторической России и ее соседей. Одним из лучших стоит упомянуть военно-исторический клуб «Княжеская дружина» в Санкт-Петербурге

(руководитель П. А. Васин). Отечественные клубы и объединения с успехом выступают в разных странах. Это ширящееся молодежное движение, которому должно помогать государство.

Вещественные, письменные, изобразительные источники военно-исторической науки поистине неисчерпаемы. Эти ценности сосредоточены в музеях, библиотеках, архивах, частных собраниях, частью обнародованы в публикациях. За исключением Оружейной палаты Московского Кремля, немногих уцелевших семейных и монастырских собраний, у нас, за редким исключением, не сохранились арсеналы крепостей и владельческих родов. Зато обильна находками военная археология. Одними из первых на исключительное богатство вооружения, относящегося к первым векам русской истории, обратил внимание А. В. Арциховский в работе «Русское оружие XIII века», изданной в 1946 г., и Б. А. Рыбаков в книге «Ремесло древней Руси», опубликованной в 1948 г. В дальнейшем археологи-слависты подтвердили и развили эти наблюдения. Перелом в изучении вооружения и снаряжения коня и всадника первых веков русской истории осуществил Институт истории материальной культуры РАН⁵. Удалось собрать сведения, классифицировать, датировать, проследить распространение и использование свыше 8000 предметов военной техники IX–XV вв., происходящих из примерно 1300 погребений и 120 городов и поселений, расположенных на территории Древней Руси. Материал отбирался независимо от его социальной и этнической принадлежности. Его анализ с привлечением письменных и изобразительных источников позволил представить тактику боя, вооружение конницы и пехоты, судить об этапах развития

военного дела и влияния на него восточных и западных соседей. Сопоставление комплексов с вооружением позволило определить, что для наиболее показательного периода IX–XI вв. количество погребений с оружием составляло от 8 до 18 % по отношению к общему числу захоронений. Это с большой долей вероятности определяет мобилизационные возможности тогдашнего общества. В то же время погребения с вооружением, имея в виду его состав, далеко не полностью были адекватны реальному оснащению воина. Например, по обрядовым особенностям во многих случаях не требовалось наделять умершего шлемом, кольчугой, другими частями доспеха. Эти предметы, а также мечи зачастую находились лишь в богатых захоронениях, но это не означало их скудость в войске, как у конников, так и у пехотинцев.

Результаты изучения древнерусского вооружения с учетом их многоплановости и трудоемкости удалось в завершённом виде полностью опубликовать в 1966–1976 гг. в серии «Свод археологических источников» и других изданиях. Эти публикации подытожили все накопленные военной археологией материалы и способствовали развороту последующих изысканий, а также в определенной мере ускорили создание движения реконструкторов, предоставив их участникам надежные достоверные данные.

Древнерусское вооружение в рамках IX–XV вв. исследовано опережающими темпами в максимальном для своего времени объеме. Появившиеся позже новые находки не отменили созданных классификаций оружия и конского снаряжения, однако расширили и в чем-то уточнили источниковедческую базу исследований. Теперь мы знаем об эволюции боевых средств Руси эпохи раннего средневековья сравнительно больше, чем для других периодов. В дальнейшем, конечно, эта неравномерность будет преодолена, хотя количество находок зрелого и позднего средневековья вряд ли значительно перекроет число уже зафиксированных более ранних.

Международным достижением отечественного оружейноведения было фактически полное обоснование новооткрытой отрасли

⁵ В серии «Свод археологических источников» и отдельно опубликованы: Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв.; Древнерусское оружие. М.; Л., 1966. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв.; Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3: Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.; Снаряжение всадника и верхового коня. Л., 1973; Военное дело Руси XIII–XV вв. Л., 1976.

знания — клинковой эпитафии. Здесь мы лидируем среди других европейских стран. К настоящему времени в музеях России, Украины, Белоруссии, а также Чехии, Польши, Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии обследовано свыше 400 мечей IX–XIV вв., и на всех по большей части впервые выявлены ранее неизвестные надписи и знаки — в большинстве ремесленные клейма. Впервые на клинковой оружии X — начала XI в. обнаружены русские надписи с именами ремесленников. Таковыми оказались «Людота (или „Лидоша“) Коваль» и «Слав...» (повреждено). Речь идет о мечедельцах, работавших скорее всего в Киеве во второй половине X — начале XI в. После Каролингской империи Русь стала второй страной в Европе, где выпускались мечи, клейменные на своем языке.

В 2000 и 2005 гг. совместно с А. И. Саксой и А. Томантера впервые изучены 36 целых карельских средневековых мечей и их деталей, находящихся в Национальном музее Финляндии.

Здесь уместно подчеркнуть, что обследование восточноевропейского и конкретно древнерусского вооружения имеет интернациональное значение. Некоторые из наших находок по их дате выступают более ранними, чем такие же в других странах Европы, например шпоры с колесиком.

Воинские вещи из курганов Украины, относящиеся к XII–XIII вв., позволяют обнаружить новые тенденции в развитии доспеха не только на Руси, но и в некоторых других европейских и азиатских странах, где отсутствуют находки этого периода или их мало.

Возросший общественный и научный интерес к военным древностям, к сожалению, не обходится без издержек. Наряду с серьезными работами нередко безапелляционные, дилетантские, некомпетентные выступления, плагиат, некритические атрибуции, например, коса выдается за скрамасакс, а подлинный меч — за позднюю реплику. В угоду модному нигилизму прямо или косвенно высказываются мнения о геополитически predetermined военной несамостоятельности Руси и подчиненности развития ее

боевой техники одним внешним влиянием со стороны норманнов, венгров, хазар, степных кочевников, монголов. В истории России воздействия Востока и Запада на ее культуру имели важное значение, что, однако, не отменяло собственного творчества и выработки национальных форм оружия, происходивших в сложных условиях борьбы русских земель на два фронта, с западным и восточным противниками. Учтем при этом, что изучение военного дела древности может охватывать евразийское пространство, но результативно при условии преодоления прямых и завуалированных националистических оценок и русофобских и антиславянских рассуждений. Технический мир предстает как громадная, в то же время во многом единая лаборатория новаций и усовершенствований, внесенных отдельными центрами, нахождение которых в ряде случаев еще требует разысканий.

Угрозой нормальному состоянию военной археологии, да и шире — сбережению всего отечественного культурного наследия, стало повсеместное безнаказанное разграбление так называемыми черными археологами древних погребений и поселений с целью добычи археологических предметов, включая вооружение, и торговли ими.

Обнаруженные варварскими раскопками, часто с помощью металлоискателей, коллекции находок продаются и нередко уходят за рубеж. Среди этих «рыночных вещей» встречаются подлинные шедевры, например редкие для эпохи становления Русской державы золоченые шлемы. По оценкам специалистов, если не будет соответствующего антиквара-искательского законодательства, то лет через десять страна полностью лишится бесценного археологического наследия.

Вооружение — особая область материальной культуры, которой присущи свои, зачастую интернациональные особенности. К таковым относятся активный технический прогресс, постоянная выработка новинок, направленных к тому, чтобы увеличить наступательные и оборонительные способности воина; не знающая преград быстрота распространения и единство форм оружия

и снаряжения на огромных территориях; восприимчивость к наднациональным техническим заимствованиям; стремление к организации высококвалифицированного индивидуального и коллективного военного ремесла с целью производства наиболее передовых и в то же время долговечных образцов оружия. Далее выступают большая ценность боевых средств и желание заполучить их в виде покупки, подарка или трофея; особое отношение к предметам военной техники как наделенным высшей магической и религиозной силой и в связи с этим существование обычая потомственного наследования и бережного хранения шлемов, мечей, щитов и другого вооружения, приношение воинских вещей язычниками и пережиточно христианами в качестве заградного дара; наделение боевой экипировки частной или государственной эмблематикой, а лучше сказать — гербами; нередкая прямая или опосредованная связь имеющегося арсенала с властью и состоянием общества, позволявшая бедным слоям, особенно в экстремальных ситуациях, пользоваться современным оружием. Всегда показательными являются количество и качество вооружения воина и войска, ибо это придавало уверенность в бою и положительно влияло на морально-психологическое состояние армии.

Прогресс вооружения нередко определял тактику боя и перевороты в способах его ведения. Исследование вооружения важно для понимания его собственного развития, изменения и распространения его форм, тактического использования, установления типологии и хронологии, связи с состоянием и эволюцией армии. В равной мере должно рассматриваться и обратное воздействие военного дела и боевой техники на основные сферы общественной жизни — социальную, политическую и экономическую.

Изучение оружия и военного дела позволяет судить не только о воинском оснащении индивидуального бойца, об экипировке родов войск различных входящих в его состав социальных групп, но и о жизнедеятельности и безопасности народа, возможностях

кузнечного ремесла, развитии торговли, особенно дальней, восприимчивости к изобретениям ближних и далеких соседей.

Боевое использование оружия и войны обостряют конкурентоспособность противников, влияют на международные отношения, убыстряют совершенствование и введение новой техники, побуждают к внедрению новых материалов. Периоды эволюции сменялись скачкообразным развитием. Переломными периодами в истории древнерусского военного дела были IX–X вв., когда на смену пешему бою выдвинулась конница с ее тяжелым и легким снаряжением, XII–XIII вв. ознаменовались утяжелением экипировки воина и использованием профессионально подготовленных конных и пеших лучников и копейщиков, дополненных пехотой, XIV–XV вв. отмечены внедрением огнестрельного оружия и созданием общерусской межобластной армии.

История военного дела эпохи средневековья отмечена своими особенностями, нередко феноменального характера. Начиная с IX в. в состав государственной армии входили от 6 до 14 разноэтничных контингентов. В сущности, мы имеем дело со становлением федеративной армии. Позднее, в XIV в., эта воинская сила преобразовалась в общерусское между княжеское войско, что обеспечило победу на Куликовом поле в 1380 г. В этой битве сражались полки из 36 городов. Можно смело сказать, что в тот период военная необходимость опередила политические потребности Руси в ее объединении под единым руководством. Стоит также вспомнить необычную для своего времени доктрину князя Александра Невского, который, словами его Жития, призвал «жити... не преступая в чужие части». Здесь впервые в истории России высказано опередившее свою эпоху правило о божественной нерушимости государственных границ.

В целом изучение вооружения и военного дела средневековой Руси и ее соседей необычайно многозначно и плодотворно. Здесь открывается волнующая сфера борьбы, сражений, побед и поражений, предстают порой судьбоносные действия людей в отношении преданности своей стране, вождю

и товарищам, ярко проявляется способность выстоять и проявить храбрость и героизм.

Международный опыт убеждает, что в общественном смысле военная археология опрокинула прежние ее «спокойные» оценки. Эта дисциплина вышла за пределы кабинетов ученых и коллекционеров и проникает в досуг и образование рядового человека. В Европе, особенно после Второй мировой войны, появились особые общества, институты, музеи, множество специализированных, в том числе и периодических изданий. Изучением и рассмотрением старинного воинского снаряжения интересуется всё больше людей, вовсе не специалистов. Здесь только нельзя переступать порог дозволенности и путать государственную принадлежность памятников с частной коммерцией.

Перед нами крупное историческое явление, которому присущи бурные технические преобразования, острые военно-политические конфликты, борьба народов, катастрофы и победы, неувядаемое мастерство оружейников — все это способно захватить огромную аудиторию. Обо всем этом шла речь на Международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», которая по распоряжению президента Российской Федерации была успешно проведена 29–31 марта 2005 г. в Санкт-Петербурге и ознаменовалась выступлениями более 145 участников. Для того чтобы сделать результаты конференции действенными, был разработан ряд предложений. Они были обсуждены и приняты на заседании секции упомянутой конференции «Военное дело России и ее соседей в эпоху средневековья IX–XVII вв.», собравшей до 50 участников, из которых 20 выступали с докладами. Внесенные предложения имеют конкретный смысл и ответственность задачам и целям конференции.

Перейдем к их изложению.

1. Предлагалось с учетом позитивных результатов состоявшейся конференции регулярно раз в два-три года проводить ее при совместной организации со стороны Минобороны и Российской академии наук.

2. Предлагалось образовать с паритетным участием Минобороны и РАН постоянно действующий международный комитет по научному изучению военного дела России и ее соседей. Такой комитет осуществляет на международном уровне научные проекты, подготавливает концепцию новых конференций и симпозиумов по актуальным вопросам военной и военно-исторической науки, планирует тематику научных разработок, поддерживает контакты с представителями зарубежных стран.

3. К Правительству РФ обращалась просьба о финансовой поддержке на грантовой основе военно-исторических клубов и объединений по воссозданию старинного вооружения, тактики боя, реконструкции исторического фехтования, турниров и единоборств.

4. Пришло время, основываясь на исторической традиции, восстановить гвардейские части в системе Вооруженных сил России.

5. Высказывалась инициатива по созданию общенародного и общероссийского памятника «Гражданам вечной России от благодарной Родины».

6. Высказывалась рекомендация Правительству РФ о скорейшем принятии законодательных мер против разграбления так называемыми черными археологами историко-археологических памятников и торговли найденными ценностями, в том числе и оружейными раритетами.

Жаль, если высказанные предложения останутся на бумаге.

Нурина экспедиция ГАИМК 1933 г.: записи из полевого дневника И. В. Сеницына¹

(подготовка текста, вводная часть и комментарии Н. Ю. Смирнова²)

Аннотация. Публикация дневниковых записей И. В. Сеницына, участника экспедиции ГАИМК НКП в Центральный Казахстан в 1933 г., приоткрывает неизвестные страницы истории одной из первых спасательных экспедиций академии, работавших в зонах нового крупного советского строительства. Нурина экспедиция, в первую очередь, интересна тем, что была организована по прямой договоренности между ГАИМК и ГУЛАГом и является одним из немногих опытов успешного сотрудничества этих организаций в области охраны памятников истории и культуры.

Annotation. This is a publication of the diary records by Ivan V. Sinitsyn, one of the participants of the expedition of the State Academy of the History of Material Culture of People's Commissariat of Education (GAIMK NKП) sent to the Central Kazakhstan in 1933. This report deals with unknown pages of the history of the first rescue expeditions of the Academy working in zones of the new large Soviet construction project. The Nura Expedition is interesting largely in the fact that it was organized according to a direct agreement with GAIMK and the Main Administration of Camps (GULAG) and was one of the few experiments of a successful collaboration of these organizations in the sphere of protection of monuments of history and culture.

Ключевые слова: ГАИМК НКП, ГУЛАГ ОГПУ, Карагандинский ИТЛ, Карлаг, Нурина экспедиция, И. В. Сеницын, совхоз «Гигант».

Keywords: GAIMK NKП, GULAG (Main Administration of Camps) of OGPU, Karaganda ITL (Penitentiary Labour Camp), Karlag, Nura expedition, I. V. Sinitsyn, Sovkhoz 'Gigant'.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-377-383

К 120-летию со дня рождения
Ивана Васильевича Сеницына

В 1933 г. ГАИМК НКП и ГУЛАГ ОГПУ заключили договор о проведении спасательной археологической экспедиции на территории

так называемого «совхоза „Гигант“» — Карагандинского ИТЛ ГУЛАГа, созданного на обширных пространствах Центрального Казахстана.

По основному месту работ — в бассейне р. Нуры — экспедиция получила название Нурина. Начальником экспедиции был назначен действительный член ГАИМК, профессор Саратовского университета П. С. Рыков, который привлек к работе экспедиции двух своих учеников: Н. К. Арзютова и И. В. Сеницына. От ГАИМК в экспедиции приняли участие научные сотрудники М. И. Артамонов, М. П. Грязнов с женой, М. Н. Комаровой, и аспирант А. Н. Рогачев.

¹ Работа выполнена в рамках ПФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: kolaksais@yandex.ru

Рис. 1. Вид на реку Чурубай-Нуру (совр. Шерубайнура). Рисунок И. В. Сеницына. Бумага, карандаш. Публикуется впервые (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1933 г. Д. 300. Л. 37об.)

Fig. 1. View at the Churubay-Nuru River (modern Sherubaynura). Drawing by I. V. Sinitsyn. Paper, pencil. First publication (Scientific Archives of IIMK RAS. Manuscript Archives. Archive group 2. Inventory of 1933. File 300. Sheet 37rev.)

Результаты работ экспедиции были опубликованы в нескольких изданиях в 1930-е и 1950-е гг., однако история этого уникального по многим параметрам предприятия долгое время оставалась в тени. Тому способствовали несколько факторов, в том числе секретный характер ряда документов, связанных с организацией и проведением экспедиции, а также то, что трое ее сотрудников были впоследствии арестованы (вне связи с самими работами) и подвергнуты репрессиям. При этом двое из них, саратовцы П. С. Рыков и его ученик Н. К. Арзютов, погибли в заключении.

Другой ученик профессора П. С. Рыкова — Иван Васильевич Сеницын (1900–1972) — один из немногих представителей довоенной саратовской школы археологии и краеведения, не только сумевший выжить в годы политических репрессий, но и продолживший научные традиции своих учителей и передавший научную эстафету уже собственным ученикам. Он стал участником Нуринской экспедиции ГАИМК, будучи сложившимся специалистом с опытом как совместных

с П. С. Рыковым, так и самостоятельных полевых исследований (Каргин, 2010).

В Нуринской экспедиции И. В. Сеницын участвовал во всех видах полевых работ, но на него было возложено и ведение хозяйства экспедиции (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1933 г. Д. 84. Л. 82об.). Вероятно, он также делал какую-то часть полевой фотосъемки, так как в его дневниковых записях имеются описания отснятых кадров (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1933 г. Д. 300. Л. 22–23об., 24об.).

Записи И. В. Сеницына в полевом дневнике относятся к периоду выезда экспедиции к месту работ и проведения археологических разведок на территории Карагандинского ИТЛ, также упомянут отъезд экспедиции после завершения работ. Карандашные строки полевых заметок содержат краткие, но любопытные дорожные впечатления, описывают ход разведок и общую атмосферу работ экспедиции на территории одного из «островов» ГУЛАГа. Перед нами, несомненно, документ эпохи, со всеми ее приметами. Несколько эмоциональных записей удачно оттеняют нарисованную картину, в общем-то, обычных полевых будней археологической экспедиции. Крайне необычно здесь только место действия, но для периода 1920–1950-х гг. исправительно-трудовые лагеря — это тоже рядовая и родовая черта советской жизни.

Поденные записи сопровождаются рисунками подъемного материала и отдельных находок из исследованных погребений, несколькими полевыми чертежами, а также двумя набросками окружающих пейзажей, один из которых приводится в публикации (рис. 1).

Публикация полевых заметок И. В. Сеницына является частью большой работы по подготовке к изданию всех материалов, связанных с историей организации и проведения Нуринской экспедиции ГАИМК, ведущейся автором в последние годы (Смирнов, 2020а; 2020б).

При подготовке к публикации рукописный текст был переведен в электронный формат, исправлены очевидные описки и раскрыты сокращения. Пунктуация и орфография приведены к нормам современного русского языка. Все дополнения, в том числе раскрытия

сокращений, сделанные публикатором, помещены в квадратные скобки. Названия населенных пунктов и географических объектов сохранены в авторском написании, а в постраничных сносках указаны их современные названия.

Нурина экспедиция Казакстана³
ГАИМК.
1933 г[од]

3-го июня выехали с Н. К. Арзютовым⁴ из Саратова до Москвы с расчетом встречи с ленинградцами.

4-го [июня] приехали в Москву. На конференции ЦБК⁵ — встреча с Рыковым⁶, Грязновым⁷, Комаровой⁸, Рогачёвым⁹. Проливной дождь. Мрачное настроение. После вечернего

³ До февраля 1936 г. официальным названием автономной республики в составе СССР было Казакская АССР.

⁴ Арзютов Николай Константинович (1899–1942) — археолог, сотрудник Саратовского областного музея краеведения, ученик П. С. Рыкова. В 1933 г. — заведующий археологическим отделом музея, аспирант Нижневолжского института краеведения (*Максимов*, 1998. С. 194–196; *Горюнова*, 2015. С. 2).

⁵ Центральное бюро краеведения — организация, созданная для координации и научного руководства советским краеведческим движением в 1920–1930-е гг. (Центральное бюро...).

⁶ Рыков Павел Сергеевич (1884–1942) — археолог, краевед, д-р ист. наук, профессор. В 1933 г. — заведующий кафедрой всеобщей истории Саратовского педагогического института, лидер саратовского краеведческого движения, директор СОМК и НВИК, действительный член ГАИМК (*Малов, Павлова*, 2010; *Малов*, 2017).

⁷ Грязнов Михаил Петрович (1902–1984) — археолог, д-р ист. наук, профессор. В 1933 г. — заведующий разрядом антропологии во втором Технологическом отделении ГАИМК, ст. науч. сотр. Этнографического отдела Русского музея (*Бобровская, Алёшкин*, 2013. С. 343).

⁸ Комарова Мария Николаевна (1900–1986) — археолог. Жена М. П. Грязнова. В 1933 г. — технический руководитель Лаборатории механического анализа в составе Лаборатории химического анализа в Северо-Западном геологоразведочном тресте (*Бобровская, Алёшкин*, 2013. С. 356; НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1933 г. Д. 84. Л. 59).

⁹ Рогачёв Александр Николаевич (1912–1984) — археолог, д-р ист. наук. В 1933 г. — аспирант ГАИМК (*Бобровская, Алёшкин*, 2013. С. 379).

заседания перекочевка в Останкино. Фанерные домики, дождь, грязь, холод. Студенческие общежития «со всеми удобствами» без самых необходимых¹⁰.

[5-го июня] Пятого числа канитель по хозяйственным делам; получка продовольствия из магазина командировочных, крючкотворство бюрократов, получение «штампа» из МО ГАИМК. Вечером опять мрачное Останкино. На конференции ЦБК хоронили краеведческие институты¹¹.

[6-го июня] Шестого «гулял» по Москве, вечером с Рогачёвым на Казанском вокзале ночевали — Арзютов где-то застрял. Понравился порядок, восстановленный на вокзале.

Утром 7-го в 7.40 м[инут] должны выехать в Караганду.

[7-го июня] 7/VI. В пути. Новые места, новая обстановка. Путь от Москвы на Караганду по ж[елезной] д[ороге] — через Казань — Свердловск — Петропавловск. Проехали Муром и др[угие] пункты. Дорога проходит все время лесом. Красивые места.

8-го [июня] переехали Волгу, Казань, реку Вятку — всюду лес, лес и без конца лес.

11-го [июня] в 4 часа поезд прибыл в Петропавловск. Необычная картина — холод, снег. Все покрыто снегом. 10-го [июня] целый день шел дождь, дул непрерывный ветер. Настроение бодрое.

На всем пути от Казани до Свердловска и далее — непрерывные сосновые леса, которые в районе Петропавловска сменяются березовыми лесами, увалы и низовые места — плоскими равнинами, среди которых куртинами разбросаны березовые рощи.

¹⁰ И. В. Сеницын описывает здесь бараки студенческого городка МГУ. Подробнее об этом раннесоветском проекте коммунального студенческого быта см. очерк В. Фёдорова (*Фёдоров...*).

¹¹ С конца 1920-х гг. в СССР шел процесс, направленный на перестройку отечественного краеведения на советский лад. Уничтожались старые краеведческие организации, организовывались «чистки» рядов участников краеведческого движения, изобреталось особое рабоче-крестьянское «советское краеведение», само движение старательно «огосударствлялось». Подробнее см. *Козлов*, 2013. С. 53–83.

[12 июня] 12/VI прибыли в Караганду. Жуткая картина — снег, грязь, холодный ветер, бычьи кизяки на снегу.

Остановились в помещении Карлага¹². Землянка, приспособленная для ночлега, — будущая приемная для больных. Оживленное строительство города. Временная стройка.

13-го [июня] бродили по Караганде — своеобразное впечатление о системе управления.

13[-го июня] переехали в с[ело] Долинское — Главное управление Карлага¹³. Остановились в общежитии тех[нических] работников — по взаимному непониманию.

14[-го июня] пред[ъявили?] докумен[ты], общие разговоры, прекрасно устроили, хорошее внимание.

Вечером обследовали северо-западный район от села кил[ометров] на восемь. Обнаружено девять курганов. Один курган — на расстоянии 1 км от села к Западу. Курганы небольшого размера, до 8–9 м в диам[етре], вокруг ров и кольцо. В том же направлении еще один плоский, большого размера, и в двух кил[ометрах] от села по тому же направлению — третий курган, раскопан¹⁴.

На ближайших сопках расположенных к Западу от села на расстоянии 7–8 к[илометров], по верху, расположена группа курганов. Три из них — с каменной кладкой по поверхности, небольшого размера,

диаметром 7–8 мет[ров]. Два кургана по внешнему виду напоминают кочевнические курганы — диаметр их 7–8 метр[ов], высота — 70–80 см.

[15–16-го июня] 15–16/VI производили разведки в районе с[ела] Долинского, причем в 1 кил[ометре] от села на небольшой сопке, расположенной на ровной поверхности большой долины, обнаружено поселение ранней бронзовой эпохи. Собран подъемный материал: кремневые орудия, заготовки¹⁵. Культурный слой не обнаружен, видимо, он был незначительный и смыт. Здесь же расположена группа курганов разного размера, всего больше 10 штук.

Вечером 16[-го июня] на машине выехали в [село] Самарское для обследования. Приехали ночью, в два ч[аса]. Остановились у начальника отделения Дру[?]енко¹⁶.

17[-го июня] проводили обследование района с[ела] Самарское.

С[ело] Самарское расположено на р[еке] Нура. С в[осточной] и юго-восточной стороны довольно ровные поля, с юж[ной] — в 3–4-х к[илометрах] идут громадные возвышенности — сопки, местами покрытые выходами белого мрамора — красивые места.

Р[ека] Нура имеет быстрое течение, живописно извивается по широкой пойменной долине, местами очень мелководная, в более глубоких местах много рыбы.

Обследовали левый берег кил[ометров] на десять от села, как вверх, так и вниз по течению. Причем, кил[ометрах] в пяти от села, в с[еверном] направлении, по берегу обнаружены древние памятники — андроновские курганы, курганы с каменным ящиком.

К югу от села по течению Нуры, между сопками и речкой обнаружены курганы. Вся восточная и юго-восточ[ная] сторона занята под земледельч[ескими] культурами.

18[-го июня] сидели целый день без дела — ждали машину. День пропал.

¹² Карагандинский ИТЛ (Карлаг), входивший в систему ГУЛАГ ОГПУ. Основан 17 сентября 1931 г. на базе более раннего ИТЛ, существовавшего при совхозе «Гигант» в составе бывшего Казакстанского ИТЛ. Один из самых крупных сельскохозяйственных и промышленных лагерей ГУЛАГа (Карагандинский ИТЛ...; Система... Карагандинский ИТЛ).

¹³ В с. Долинском (современный пос. Долинка) располагалось управление Карагандинского ИТЛ. Сейчас в здании управления располагается Музей памяти жертв политических репрессий поселка Долинка.

¹⁴ Весьма вероятно, речь идет о кургане, упоминаемом в очерке Л. Ф. Семёнова: в 1927 г. в 2,5 км от с. Долинского был разрушен «при добыче камня» курган с погребением «с серьгами и серебряными браслетами». Вещи были расхищены, а фрагмент скелета из погребения (нижняя челюсть) был передан в Акмолинский музей (Семёнов, 1930. С. 83). Расстояние от села до кургана практически совпадает с указанием И. В. Синицына.

¹⁵ Рисунки некоторых находок были помещены в опубликованном отчете экспедиции (Рыков, 1935. Рис. 17).

¹⁶ Лист с текстом поврежден при старой склейке блокнота, минимум одна буква в фамилии не читается.

19[-го июня] вернулись обратно в Долинское. Опять нерабочий день. Публичка распоясалась: обед¹⁷, парикмахер, «нечего сидеть на одной воде», противно.

20-го [июня] ожидание переезда в [село] Волковское. В 12 ч[асов] приехали в Волковское, произвели обследование по Нуре. Район очень беден памятниками матер[иальной] культуры. К юго-зап[аду], кил[ометрах] в семи по надпойменной долине, обнаружены курганы с каменной кладкой и ровно возвышенные места с разобранными и растасканными камнями, очевидно древними могилами. В основном район неинтересен и небогат. Правый берег не обследован, видимо, он был более населен.

Вечером прозевали машину, ночевка на сеновале.

21-го [июня] перебрались в отделение [лагеря] Карайжара¹⁸, оттуда подводами 22 кил[ометра] — в Долинское. Вечером выехали в Бедаик¹⁹.

22[-го июня] приех[али] в 8 утра, всю ночь в пути. Произвели осмотр района по р[еке] Яксы Суры-Су²⁰. Остановка у нач[альника] производ[ства] лагеря из В[нрзб.]. Хорошее отношение. «Нападение» на Арзютова и Рогачёва²¹.

В районе немного курганов к югу от села, приблизит[ельно] в 1½ к[илометрах] около дороги — два кургана, один раскопан. По гряде [к] юго-западу в 2 к[илометрах] еще три кург[ана]. Один большой раскопан

¹⁷ Слово написано не совсем разборчиво, возможно прочтение «обиды».

¹⁸ Современное с. Каражар.

¹⁹ Видимо, имеется в виду современное с. Бидайык, расположенное в долине р. Сарысу.

²⁰ У П. С. Рыкова в отчете об экспедиции упоминаются реки Джаксы Сары-Су или Джаман Сары-Су (Рыков, 1935. С. 40). Вероятно, речь идет о р. Жаксы Сарысу (Сарысу).

²¹ В кратком отчете, направленном в Комитет по новостройкам ГАИМК после окончания экспедиции, П. С. Рыков характеризует этот эпизод как «нападение бандитов... окончившееся благополучно» для Н. К. Арзютова и А. Н. Рогачёва (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1933 г. Д. 84. Л. 82об.).

большой ямой. По правую сторону реки тоже не оказалось [курганов].

Вечером переехали [в] Коктункуль²² — остановка в охр[ане]. Хороший прием, тихая[?] обстановка.

23[-го июня] осматривали район Коктункуль. Жара невыносимая. Вечером прошли на озеро Куктункуль — решение [принято?] на ходу. Остановились на ночевку у рыбаков, приятное купанье. Уже утром — осмотр окрестностей озера, никаких признаков памятников. Развалины бая Мустафы. Обратный путь. Нервное настроение шефа²³. Опять бесплодный день. Нужно было бы лучше организовать работу. Предвидятся неважные результаты работ.

24[-го июня] целый день в Коктункуле — хуже нельзя ничего придумать, самая неудачная поездка. С величайшей радостью выехали.

25-го [июня] вечером приехали в Долинское. Встреча с Артамоновым²⁴. Чувствуется какая-то неловкость и натянутость.

26[-го июня] день отдыха — баня.

27[-го июня] выезды на хутор Центральный, по реке Чурубай-Нура. В районе реки Чурубай-Нуры около Джартаса²⁵ вплоть до Центрального хутора [обнаружен] ряд памятников — на левой стороне реки две большие группы, среди которых один большой курган с каменным кольцом; ряд курганов по Ч[урубай-]Нуру; около хутора — два могильника

²² Современный пос. Коктенколь неподалеку от одноименного озера.

²³ Известно, что участники Нуринской экспедиции разделились на несколько маленьких групп для охвата большего числа разведочных маршрутов одновременно. По всей видимости, И. В. Синицын был в одной группе с П. С. Рыковым.

²⁴ Артамонов Михаил Илларионович (1898–1972) — археолог, д-р ист. наук, профессор. В 1933 г. — сотрудник сектора доклассового общества ГАИМК, научный сотрудник сектора доклассового общества Гос. Эрмитажа (Бобровская, Алёкшин, 2013. С. 329). Ввиду занятости в Эрмитаже он смог прибыть в экспедицию только 23 июня (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1933 г. Д. 84. Л. 74).

²⁵ Современное с. Жартас.

андроновской культуры с каменными кольцами и курганы с каменными ящиками. 27[-го июня] исключительно удачный день.

[28-го июня] Следующий, 28[-го июня], болтались — договоренность о рабочей силе, «съемка» курганной группы.

29[-го июня] начальный день раскопок, ранний чай, недоразумение с рабочими.

[4-го августа] 4/VIII выехали из Долинского на Караганду. В Караганде ожидание поездки, толкучка, посадка с недоразумением, нахрап ухачей, не оставляющих и в пути. Усталость.

[5-го августа] 5/VIII Рано утром встали. Поезд стоит на ст[анции] Акмолинск. Казаки²⁶ — посадка. Скотское отношение к людям, крик, ругань. Поезд идет по ровной степи от Акмолинска.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1933 г.
Д. 300. Л. 19–21.

Рукопись, карандаш.
Публикуется впервые.

²⁶ Принятое на тот момент в русском языке название представителей казахского населения.

Бобровская, Алёкишин, 2013 — Бобровская Е. В., Алёкишин В. А. Сотрудники РАИМК/ГАИМК/ИИМК АН СССР/ЛОИИМК АН СССР/ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН. Приложение // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 327–400.

Горюнова, 2015 — Горюнова З. А. Личное дело. Штрихи к биографии Н. К. Арзютова // Информационный вестник СОМК. 2015. Вып. 132. Март. С. 2.

Карагандинский ИТЛ... — Карагандинский ИТЛ (Карлаг) // Музей истории ГУЛАГа. [Электронный ресурс]. URL: <https://gmig.bm.digital/author/324296849143914496/karagandinskij-itl-karlag> (дата обращения: 24.04.2020).

Каргин, 2010 — Каргин Ю. Ю. Полевые археологические исследования И. В. Сеницына (К 110-летию со дня рождения) // АВЕС: Межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. В. А. Лопатин. Саратов: ИЦ «Наука», 2010. Вып. 8. С. 7–29.

Козлов, 2013 — Козлов В. Ф. «Огосударствленное» краеведение. История и уроки (По страницам журнала «Советское краеведение». 1930–1936) // Вестник РГГУ. Сер.: Истор. науки., Регион. истор., Краевед. 2013. № 9 (110). С. 53–83.

Максимов, 1998 — Максимов Е. К. Николай Константинович Арзютов // РА. 1998. № 2. С. 194–196.

Малов, Павлова, 2010 — Малов Н. М., Павлова Л. С. Профессор Павел Сергеевич Рыков — первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // ИИП. 2010. № 1. С. 153–177.

Малов, 2017 — Малов Н. М. Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер.: Ист., Междунар. отнош. 2017. Т. 17. № 3. С. 403–406.

НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 1933 г. Д. 84: Переписка по организации работ и охране памятников древности и искусства в зонах строительства Управления лагерями ОГПУ «ГУЛАГ». 1933 г.; Д. 300: И. В. Сеницын. Черновые дневниковые заметки археологических раскопок в Калмыцкой области (колхоз им. Хомутникова в урочище «Три брата», с. Элиста и Нуринской экспедиции (Казахстан) в 1933 г. с рисунками погребений, находок и описью фотографий.

Рыков, 1935 — Рыков П. С. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). Отчет о работах // Археологические работы академии на новостройках в 1932–33 гг. / Отв. ред. И. И. Мещанинов. М.; Л.: ОГИЗ, 1935 (Известия ГАИМК. Вып. 110). Т. II. С. 40–68.

Семёнов, 1930 — Семёнов Л. Ф. Материалы и характеристики памятников материальной культуры Акмолинского округа // ВЦМК. 1930. № 1. С. 77–87.

Система... — Система исправительно-трудовых лагерей в СССР / Отв. ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/> (дата обращения: 15.05.2019).

Смирнов, 2020а — Смирнов Н. Ю. Экспедиция профессора П. С. Рыкова в Центральный

Казахстан в 1933 г. Причины и история организации // Маргулановские чтения — 2020: Сб. матер. междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» / Отв. ред. Б. А. Байтанаев. Алматы: ИА им. А. Х. Маргулана, 2020. В печати.

Смирнов, 2020б — *Смирнов Н. Ю.* Неизвестный контекст знаменитого открытия: работа М. П. Грязнова в Центральном Казахстане в составе экспедиции профессора П. С. Рыкова в 1933 году (к прошедшему 85-летию

открытия первого памятника бегазы-дандыбаевской культуры) // Археология Казахстана. 2020. № 2. В печати.

Фёдоров... — *Фёдоров В.* Воспоминания о Пушкинском студгородке в Останкино // Проза.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2012/12/31/827> (дата обращения: 24.04.2020).

Центральное бюро... — Центральное бюро краеведения // БРЭ. [Электронный ресурс]. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/4675264 (дата обращения: 24.04.2020).

Несколько писем из стола В. Ф. Гайдукевича (Всю ли правду нам надо знать?)

Ю. А. Виноградов

Аннотация. В конце прошлого года в столе, принадлежавшем выдающемуся археологу-антиковеду В. Ф. Гайдукевичу (1904–1966), было найдено несколько писем. В их числе — послания директора Таманского музея А. Г. Остроумова, протестовавшего против передачи таманского саркофага в Государственный исторический музей (г. Москва) в 1941 г., отдельные письма археологов С. А. Семёнова-Зусера, М. М. Кубланова и др.

Annotation. In the end of the last year, a number of letters were found in the desk belonging to the prominent archaeologist Viktor F. Gaydukevich (1904–1966). They included messages of Director of the Taman Museum Andrey Gavrilovich Ostroumov who protested against the transference of the Taman sarcophagus to the State Historical Museum (Moscow) in 1941, some letters of archaeologists Semeon A. Semenov-Zuser, Mikhail M. Kublanov, et al.

Ключевые слова: история науки, античная археология, Боспорская экспедиция, Таманский музей.

Keywords: history of science, ancient archaeology, Bosphorus expedition, Taman Museum.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-384-391¹²

Все посещавшие Отдел истории античной культуры ИИМК РАН непременно обращали внимание на большой стол, стоящий между окнами, выходящими на набережную Невы. Над ним на стене висит портрет В. Ф. Гайдукевича, что и не удивительно, поскольку именно за этим столом на протяжении многих лет трудился наш выдающийся ученый (о нем см.: Гадло, 1964; Капошина и др., 1965; Капошина, Якобсон, 1967; Капошина, 1967; Зинько,

2004; Виноградов, 2005; 2006; 2017; Калашник, 2006; Кунина, 2006). После его смерти в 1966 г. стол принадлежал заведующим Отделом, сменявшим друг друга на этом посту; на моей памяти это были П. Н. Шульц, И. Г. Шургая, Ю. В. Андреев, К. К. Марченко. В конце 2019 г. этот «атрибут власти» достался ученому секретарю Отдела С. В. Кашаеву. Складывается впечатление, что он первым решил проверить содержимое всех его ящиков и ящичков, в результате чего были обнаружены любопытные официальные бумаги и несколько писем, которые сейчас вполне можно признать историческими.

Наиболее ранним документом в этом собрании является официальное письмо из Высшей аттестационной комиссии Всесоюзного комитета по делам высшей школы, датированное 15 декабря 1945 г. В нем говорится:

¹ Исследование проведено в рамках ПФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: vincat2008@yandex.ru.

«Решением президиума Высшей Аттестационной Комиссии от 8-го декабря 1945 г. (протокол № 13/к) ходатайство об освобождении т. Карасева А. Н. от сдачи кандидатских испытаний отклонено».

Казалось бы, ничего особенного в этой записке нет, но на самом деле она разрушает красивый миф о славной плеяде археологов, посвятивших свою жизнь служению археологии и не помышлявших о «житейской прозе» типа защиты диссертаций, получения ученых званий и пр. В числе таких подвижников науки непременно называлось имя А. Н. Карасёва (о нем см. Некролог, 1975). В дружеских беседах об этом, к примеру, неоднократно говорил К. К. Марченко, который был учеником Александра Николаевича. Спору нет — А. Н. Карасёв был выдающимся археологом, несравненным специалистом в области ольвийских древностей, прекрасным учителем и т. д. Защитить кандидатскую диссертацию ему не удалось, но попытка сделать это, как видим, все-таки была предпринята, хотя она не оказалась удачной — не было получено освобождение от сдачи кандидатских экзаменов, а сдавать их в возрасте 43 лет было явно нелегко, да и как-то неловко.

Второй документ — Открытый лист (Відкритий лист), выданный В. Ф. Гайдукевичу 29 вересня (сентября) 1965 г. Институтом археологии АН УССР на право проведения раскопок на Керченском полуострове. Как известно, в ноябре 1962 г. Виктор Францевич перенес тяжелейший инфаркт, от которого полностью оправиться не смог. По этой причине в 1963 г. он был вынужден отказаться от поездки в экспедицию, а в 1964 г. приехал на раскопки Мирмекия в конце августа, когда спала жара (Калашник, 2006. С. 211–212). На следующий год, как видим, Виктор Францевич вновь отважился на рискованный шаг, но Открытый лист по каким-то причинам не был возвращен в Киев, как того требует инструкция. В 1966 г. ему, конечно, никак не следовало ездить на раскопки, но исследователь, увы, решил иначе.

В один сильно пожелтевший конверт было вложено сразу несколько писем, но поставленная

на них дата сразу бросается в глаза — июль 1941 г. Все они были написаны заведующим Таманским музеем Андреем Гавриловичем Остроумовым и касались решения властей о передаче в Государственный исторический музей знаменитого таманского саркофага (о нем см. Гриневиц, 1928; Пятыйшева, 1949; Соколов, 1973. С. 72–73; Виноградов, 2010; Журавлёв, 2010. С. 301–302; Gajdukevič, 1971. S. 295–296).

В первом письме читаем:

«7/VII — 41 г. Доброго здоровья, глубокоуважаемый Виктор Францевич!

Очевидно, грянул час для Таманского саркофага. Прилагаемая копия Вам все <будет> говорить...

Как это быстро, один росчерк Маневского, и все готово³. Им надо все же составить и выслать акт о передаче для сведения, очевидно, бюрократического.

Все же весьма примитивно. Нет решения авторитетной коллегии? Ничего не говорится об обязательстве взаимобмена. Ведь из Таманского музея берут лучшую его вещь, а взамен что — очевидно, только „Акт для сведения“... Это называется бюрократический грабёж. Хотя бы компенсировали существенной помощью музею в выдаче музейных материалов из фондов Гос. Ист. Музея... Не знаю, как они осуществят эту перевозку в военное время? Может быть, теперь отложат. Сообщите, сможете ли Вы и ИИМК нам (Таманскому музею) помочь, чтобы запретить саркофаг от порчи, от перевозки и оставить его на месте без передвижения. Сообщите также, какая судьба постигла археологические материалы <из> раскопок Таманского музея? Высылали ли их нам или нет?

Ваш А. О.

[Приписка] Виктор Францевич!

У меня имеются на руках компрометирующий документ для работников ГИМ —

³Тов. Маневский, как это явствует из писем А. Г. Остроумова, являлся заместителем начальника Управления партийно-просветительской работы Краснодарского крайкома ВКП(б).

Пономарева и Пятышеву. Эти лица возглавляли Фанагорийскую экспедицию в 1936 г. (или 37 г.). Ими было привезено по окончании раскопок из Фанагории во двор музея 40 ящичков с археологическими материалами. Эти ящички были брошены, очевидно, как ненужный хлам посреди двора музея. Прошло много времени. Ящичками этими никто из «гловнов фанагорийцев» — (Пономарев, Пятышева, Блаватский и другие) не интересовался. Вы же эти ящички видели и неоднократно этим возмущались. Как известно, Фанагорийская экспедиция, добывая „этот хлам“, израсходовала на раскопки до 40 000 рублей государственных денежек. Теперь (в 1940 г.) ящички эти рассыпались и черепки вывалились. Таманскому музею пришлось нанять рабочих, уплатить им 60 р. за то, что они вырыли две ямы и закопали туда эти черепки — добычу жадных, циничных „горе-археологов“. На зарытие этого брошенного археологического хлама составлен акт с подписью соответствующих лиц. Копию могу Вам прислать. Всю эту горе-историю можно было бы прописать в газетах. И вот в эти-то руки теперь передается саркофаг, очевидно, в обмен на зарытый хлам. Вот наглость бюрократов-музейщиков.

На всякий случай высылаю Вам заявление музея на счет саркофага.

Пишите свое мнение по данному вопросу
Ваш А. О.».

В своем письме А. Г. Острумов рассказал В. Ф. Гайдукевичу (а теперь уже и нам) о чрезвычайно некрасивой истории, в реальности которой никак нельзя сомневаться (имелся даже акт о зарытии ящичков с находками). В ней были замешаны, в общем, очень уважаемые люди — В. Д. Блаватский, А. Н. Пономарёв, Н. В. Пятышева, составлявшие руководящее звено Фанагорийской экспедиции тех лет (Застрожнова, 2019. С. 193 и сл.). Можно ли сейчас, по прошествии почти 90 лет, простить автору послания излишнюю резкость выражений? Не берусь судить. Вполне очевидно, что происшедшее тогда страшно оскорбило работников Таманского музея.

Упомянутое в письме заявление музея, направленное в ИИМК АН СССР, датировано 8 июля 1941 г.:

«Прилагая при сем копию отношения Управления п/п работы⁴ от 24/VI — с/г. за № 170–58 на разрешение ввоза саркофага в Гос. Ист. Музей, Таманский музей просит ИИМК высказать свое авторитетное мнение по данному вопросу.

Лично мне пришлось в 1925 г. перевозить этот саркофаг в пределах Тамани из огорода церкви, где тогда он стоял под открытым небом, в здание Таманского музея. При этом мною обнаружено внутри саркофага в пористых, утонченных и разрушенных кислотами боковых стенах трещины-наколы, от которых чуть не произошел завал стен саркофага при его перемещении. Опасность эта неустранима, и поэтому всякий неожиданный сильный толчок в пути может разрушить эту ценную вещь.

В силу этого, а также целого ряда других причин, Таманский музей просит ИИМК АН СССР не допустить гибели этого исторического памятника и воспрепятствовать распоряжению Управления п/п работы, настоять пред соответствующими высшими инстанциями об отмене вышеуказанного распоряжения Управления и добиться оставления этого памятника в Таманском историко-краеведческом музее им. М. Ю. Лермонтова, где он пребывает в целостности и сохранности уже шестнадцать лет.

О результате означенного ходатайства прошу уведомить Таманский музей.

Директор Таманского музея
А. Острумов».

Еще одно письмо, датированное 11 июля 1941 г., было направлено в Краснодарский крайисполком, а копия его — в ИИМК АН СССР:

«Прилагая при сем копию отношения Управления п/п работы от 24/VI — 41 г. за № 170–58 прошу Крайисполком дать Таманскому музею

⁴ Управление партийно-просветительской работы.

указание по существу затронутого вопроса.

Таманский музей полагает, что Управление п/п работы должно было бы обратиться в данном случае не непосредственно в музей, а в Краевой Исполком, т. к. музея является подчиненным учреждением пред. Край ОНО и передавать свои экспонаты куда бы то ни было без ведома Крайисполкома не имеет права, чего будет музей придерживаться и в данном случае.

Таманский музей по затронутому вопросу имеет следующее суждение: „Перевозка Таманского мраморного саркофага повлечет за собой неминуемо гибель (разрушение) данного ценного исторического памятника, т. к. имеющиеся наколы-трещины на боковых стенах внутри саркофага могут быть при дорожных толчках причиной завалов стен его. Опасность эта неустранима, и мне, как передвигавшему саркофаг в пределах Тамани в 1925 г., она хорошо известна, о чем и предупреждаю Крайисполком“.

В силу означенного Таманский музей просит Крайисполком не допустить гибели этого ценного исторического памятника, хорошо сохраняющегося в Таманском музее, опротестовать данное решение Управления полит. просвет. работы и возбудить ходатайство пред соответствующими высшими инстанциями о перенесении рассмотрения этого вопроса в компетентный орган — Комитет по делам искусства при СНК СССР и Институт Истории Материальной Культуры АН СССР, дабы вопрос этот — о предмете, имеющем и художественное, и историческое значение, разрешался не в индивидуальном порядке зам. нач. Управл. пол./просвет. работы, а представителями объективной ученой коллегии специальных научных учреждений всесоюзного значения, беспристрастное мнение которых и будет окончательным решением по данному вопросу.

Директор Таманского музея
А. Остроумов».

Еще одно письмо, точнее, два письма были направлены в ИИМК АН СССР 12 июля 1941 г.

«Прилагая при сем копию отношения Таманского музея от 11/VII — 41 г. за № 66, адресованное Краснодарскому Крайисполкому и Вам, прошу ИИМК, хорошо знающего положение дел о Таманском саркофаге, опротестовать единоличное решение зам. нач. Управл. п/п работы о передаче саркофага в Гос. Ист. Музей и тем самым предотвратить возможную гибель ценного исторического памятника, хорошо сохраняющегося в Таманском историко-краеведческом музее им. М. Ю. Лермонтова.

Директор Таманского музея
А. Остроумов».

«Глубокоуважаемый Виктор Францевич!

Спешу Вам выслать заявление из Таманского музея в ИИМК с просьбой предотвратить неминуемую гибель, нависшую над таманской гробницей. Это заявление и копию другого отношения высылаю Вам, а Вы представьте таковые ИИМКу.

Может быть, всю эту переписку и не стоило бы возбуждать, т. к., кажется, всем не до этих мелочей. Но я опасюсь, что Пятышева и компания поспешат во что бы то ни стало осуществить перевозку саркофага. Это их реванши за битые фанагорийские черепки, как нагло и издевательски заявила Пятышева, „пусть остаются Таманскому музею в виде помощи от Гос. Ист. Музея... Ха, ха, ха...“.

Ну довольно. Всех благ. Прошу Вас — утрите нос зарвавшимся археологам „другим“.

Пишите.

Ваш А. О.».

Трудно сказать, сумел ли В. Ф. Гайдукевич предпринять какие-либо шаги, чтобы выполнить просьбы А. Г. Остроумова. Если это и было так, то реального результата они не имели. В условиях разразившейся войны всем инстанциям, как сказано в процитированном письме, было «не до этих мелочей».

Суровые реалии 1941 г., как известно, не позволили перевезти саркофаг в Москву, и в 1942 г. он оказался на территории, оккупированной неприятелем. Немцы оценили этот замечательный памятник по достоинству

и решили отправить его в Германию. С этой целью 14 июля 1943 г. саркофаг был перевезен в Керчь и размещен в склепе Мелек-Чесменского кургана. Там он находился до освобождения города Красной армией и уже оттуда 20 августа 1944 г. был отправлен в Москву. В Государственный исторический музей саркофаг был доставлен 2 сентября того же года (Пятышева, 1949. С. 6–7).

Сохранилось письмо С. А. Семёнова-Зусера из Харькова, датированное 12 ноября 1950 г.:

«Дорогой Виктор Францевич,

Сегодня выслал Вам свою книжку „Скифская проблема в отечественной науке“, а вместе с нею „Рыбное хозяйство“... Нет сомнения, что „Скифская проблема“ в настоящее время уже устарела. Надеюсь на ближайшее 2-ое издание, значительно дополненное и переработанное.

Над чем Вы сейчас работаете?

Примите от меня наилучшие и искренние пожелания.

С глубоким уважением С. Семёнов-Зусер».

Личность С. А. Семёнова-Зусера и его научная деятельность до сих пор не нашла необходимого научного изучения (см.: Шрамко, 1952; Скирда, Чернігова, 2001), хотя, безусловно, того заслуживает. Он довольно активно трудился в Секторе античной формации ГА-ИМК (Виноградов, 2013. С. 167–168), а его исследование «Родовая организация у скифов Геродота» (Семёнов-Зусер, 1931) стало первой попыткой анализа общественно-экономических отношений у скифов, пусть и не во всем удачной. Более крупная работа «Скифская проблема в отечественной науке. 1692–1947» (Семёнов-Зусер, 1947а), которая была защищена автором в 1948 г. в качестве докторской диссертации, нашими видными скифологами того времени была принята весьма критично, как книга полезная, но не заполняющая пробела в скифологии (Ельницкий, 1948. С. 116). Показательно, что в «Боспорском царстве» Гайдукевича (имеется в виду второе издание книги) на эту работу, да и на «Рыбное хозяйство» ссылок нет.

Брошюрка «Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности» (Семёнов-Зусер, 1947б) по-своему интересна. Она посвящена публикации обломка надписи второй половины II в. н. э., обнаруженной накануне Великой Отечественной войны в фондах Археологического музея Харьковского университета, в которой содержится свидетельство существования рыбного рынка в Херсонесе (Там же. С. 5–6, 35–42). Этой публикации предпослан краткий очерк развития рыбного хозяйства в античном Северном Причерноморье. Он тоже по-своему полезен, но содержит ряд неточных формулировок. К примеру, в отношении соуса *гарум* автор отметил, что его приготавливали «только из жирного мяса ценных рыб, а в Причерноморье — преимущественно из скумбрии, сарделек и анчоуса» (Там же. С. 27). Сардельками в данном случае названа местная рыбка-тюлька, но возникает вопрос, почему же в Причерноморье соус готовили из столь малоценной рыбы?

Письмо из Москвы, датированное 27 ноября 1950 г., принадлежит перу А. Л. Шполянской:

*«Глубокоуважаемый Виктор Францевич!
Бесконечно благодарна Вам за внимание!*

На днях меня обрадовали известием, что в Институт привезли пифос. (Дело в том, что я была серьезно больна, а после выздоровления редко бывала в Институте и почти все время работала дома.)

Сегодня посылаю на Ваше имя 60 р. и очень прошу передать их тем людям, которые занимались упаковкой пифоса в ящики. Ваше письмо из Керчи я получила (опять большое спасибо!).

Мы послали директору музея Ф. Т. Гусарову официальное письмо, но еще не получили ответа.

Наши дела с выставкой продвигаются медленно. Сейчас мы ведем переговоры относительно реставрации пифоса. Заказываем различные модели и макеты. Имеем уже много фотографий.

Меня очень интересует круглый жернов IX–X вв., о котором Вы писали. Где он найден?

Можно ли получить его описание и фотографию?

Удачной ли оказалась Ваша поездка в Керчь?

Каковы результаты экспедиции Нины Арсентьевны? Сердечно приветствую ее.

Еще раз горячо благодарю Вас. Всего лучшего.

А. Шполянская»

Об авторе этого письма ничего более-менее определенного сказать нельзя. Скорее всего, она трудилась в Институте археологии и занималась реставрацией археологических находок. В письме упоминается Нина Арсентьевна. Скорее всего, в данном случае имелась в виду Мария Арсентьевна Наливкина, то есть ошибка была допущена и в имени, и в отчестве (Виноградов, 2014. С. 430). Можно напомнить, что именно в 1950 г. М. А. Наливкина начала исследования Керкинитиды в Западном Крыму (Там же. С. 433).

Самое позднее письмо из обнаруженных в столе В. Ф. Гайдукевича принадлежит известному ленинградскому археологу М. М. Кубланову (Хршановский, 2004). На нем поставлена дата 24 марта 1958 г.:

«Многоуважаемый Виктор Францевич!

Мне не удастся встретиться с Вами в часы, когда я имею возможность быть в ИИМКе, поэтому решил написать Вам.

Я получил поручение организовать археологический отряд Музея. Работы планируется на ряд лет; средства этого года — 7–8 тысяч; в дальнейшем, полагаю, эта сумма будет увеличена. При этих обстоятельствах я, имея в виду наши начинания 1956 г., хотел обсудить с Вами возможность присоединения этого отряда к Вашей экспедиции и для этой цели хотел просить Вас назначить место и время встречи.

Вместе с тем я вижу себя вынужденным обратить Ваше внимание на чувство неудовлетворенности и течением, и исходом нашего начинания 1956 г. Оценивая сейчас как отдельные эпизоды, так и общие результаты, я начинаю сомневаться правильно ли понял Вас в свое время и действительно ли разговоры, которые велись тогда, означали

приглашение начать эти работы, хотя, с другой стороны, я довольно четко помню, что разговоры велись именно в этом духе и деньги, оставленные мне на поездку, как будто свидетельствовали об этом же.

Я вспоминаю об этом сейчас отнюдь не из приверженности к такого рода историческим изысканиям, а исключительно из практических соображений: проектируя начать значительные и систематически проводимые работы в тесном сотрудничестве с Вами, я должен быть уверен в наличии подлинного духа сотрудничества и доброжелательства. Я высоко оценил бы, не испытывая ни малейшего чувства неприязни, ясно выраженный отрицательный ответ; но я вряд ли мог бы удовлетвориться ответом, который нуждался бы в дешифровке.

Итак, прошу Вас, если мое предложение покажется Вам заслуживающим внимания, назначить место и время для его конкретного обсуждения. Служебные обстоятельства побуждают меня просить Вас назначить эту встречу до 5 апреля.

С уважением М. Кубланов».

Письмо написано четким, аккуратным почерком. Его прекрасный стиль, продуманность фраз не оставляет сомнения в том, что имелся черновик или даже первый экземпляр данного послания, оставленный автором в личном архиве.

На первый взгляд может показаться, что между Михаилом Моисеевичем и Виктором Францевичем существовали нормальные, деловые отношения, хотя и не лишённые некоторого недопонимания. На самом деле это не так, и непонимание имело место, при этом весьма серьезное. Дело в том, что именно М. М. Кубланов в 1947 г. начал раскопки городища Илурата (Кубланов, 1998. С. 109–111; 2014. С. 114–118). Эти раскопки дали замечательный научный результат, и нетрудно понять причину, по которой исследования Илурата были продолжены уже под руководством В. Ф. Гайдукевича и без М. М. Кубланова. Обиду, нанесенную ему в 1947 г., Михаил Моисеевич не забыл до конца своих дней, что

и не удивительно. Но, возвращаясь к письму, можно поставить вопрос — о чем он хотел договориться с Виктором Францевичем в 1956 г., а затем в 1958 г.? — Трудно сказать... В 1955 г. он был принят на работу в Музей истории религии и атеизма (Казанский собор) и, вероятно, мечтал присоединиться к Боспорской экспедиции ЛОИА, то есть продолжить исследования Илурата? Все может быть, но только такому плану, если он действительно существовал, не суждено было воплотиться в реальные дела. Раскопки некрополя Илурата М. М. Кубланов начал, как известно, только в 1968 г., то есть уже после смерти В. Ф. Гайдукевича. Таковыми были взаимоотношения двух ученых мужей, оставивших свой след (след, конечно, различный) в боспорской археологии. Такова правда об их взаимоотношениях... Но нужна ли сейчас такая правда?

А нужно ли помнить о том, что А. Н. Карасёву, несмотря на его огромные заслуги

перед нашей наукой, не было присвоено звание кандидата исторических наук без защиты диссертации? Наконец, стоит ли ворошить прошлое и вспоминать о конфликтной ситуации, возникшей из-за решения передать таманский саркофаг в Государственный исторический музей? Всё-таки стоит! И пусть без всех этих «некрасивых» фактов история науки может показаться более симпатичной, но она по этой же причине останется неполной, обрывочной, односторонней. Память, конечно, следует хранить, даже очень... Остается высказать сожаление, что наши преемники, если они пожелают разобраться в научном сотрудничестве и ученых конфликтах недавних лет, не будут иметь документов, подобных тем, которые найдены в столе В. Ф. Гайдукевича. Увы, ненадежная бумага хранит свидетельства подлинной истории, по крайней мере, истории межличностных отношений, лучше, чем электронные носители.

Виноградов, 2005 — Виноградов Ю. А. К 100-летию со дня рождения В. Ф. Гайдукевича // АВ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. № 12. С. 323–330.

Виноградов, 2006 — Виноградов Ю. А. Памяти В. Ф. Гайдукевича // БИ. Симферополь: Изд-во Крым. отд. Ин-та востоковедения, 2006. Вып. 13. С. 3–15.

Виноградов, 2010 — Виноградов Ю. А. Курган на Лысой горе под Таманью // *Gaudeamus igitur*: Сб. ст. к 60-летию А. В. Подосинова / Ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коновалова, Г. Р. Цецхладзе. М.: Русский Фонд Содействия образованию и Науке, 2010. С. 113–118.

Виноградов, 2013 — Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры // Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.) / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 160–190.

Виноградов, 2014 — Виноградов Ю. А. К 110-летию М. А. Наливкиной (1904–1981) // АВ. СПб.: Арт-Экспресс, 2014. № 20. С. 430–436.

Виноградов, 2017 — Виноградов Ю. А. В. Ф. Гайдукевич и изучение курганов боспорской

аристократии // Российские археологи XIX — начала XX в. и курганные древности европейского Боспора / Ред. В. А. Горончаровский. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. С. 68–73.

Гадло, 1964 — Гадло А. В. Виктор Францевич Гайдукевич (к шестидесятилетию со дня рождения) // Вестник ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ, 1964. № 2. Сер. истории, языка и литературы. Вып. 1. С. 175.

Гриневиц, 1928 — Гриневиц К. Э. Мраморный таманский саркофаг // ТСАРАНИОН. 1928. Вып. 4. С. 162–177.

Ельницкий, 1948 — Ельницкий Л. А. Рец. на книгу: С. А. Семёнов-Зусер. Скифская проблема в отечественной науке. 1692–1947. Харьков, 1947. Стр. 192 // ВДИ. 1948. № 4. С. 109–116.

Журавлёв, 2010 — Журавлёв Д. В. Памятники греческого и римского периодов // Античное наследие Кубани / Ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Д. Кузнецов. М.: Наука, 2010. Т. III. С. 296–326.

Застрожнова, 2019 — Застрожнова Е. Г. Фанатория. История археологического изучения (конец XVIII — середина XX в.). М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 308 с.

- Зинько*, 2004 — *Зинько В. Н.* К 100-летию со дня рождения Виктора Францевича Гайдукевича // *Археология*. Київ, 2004. № 3. С. 140–141.
- Калашиник*, 2006 — *Калашиник Ю. П.* О Викторе Францевиче Гайдукевиче // *БИ. Симферополь: Изд-во Крым. отд. Ин-та востоковедения*, 2016. Вып. 13. С. 207–213.
- Капошина*, 1967 — *Капошина С. И.* Виктор Францевич Гайдукевич. 1904–1966 // *ВДИ*. 1967. № 1. С. 213–214.
- Капошина и др.*, 1965 — *Капошина С. И., Книпович Т. Н., Якобсон А. Л.* К 60-летию Виктора Францевича Гайдукевича // *СА*. 1965. № 3. С. 89–90.
- Капошина, Якобсон*, 1967 — *Капошина С. И., Якобсон А. Л.* Виктор Францевич Гайдукевич. 1904–1966 // *СА*. 1967. № 2. С. 299–300.
- Кубланов*, 1998 — *Кубланов М. М.* Отрывки воспоминаний // *Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы науч. конф.* / Ред. В. А. Хршановский. СПб.: Гос. музей истории религии и атеизма, 1998. С. 107–112.
- Кубланов*, 2014 — *Кубланов М. М.* Апокрифы. Потаенные дневники советского служащего. Записки о событиях 1936–1975 гг. СПб.: Деметра, 2014. 222 с.
- Кунина*, 2006 — *Кунина Н. З.* О любимом учителе // *БИ. Симферополь: Изд-во Крым. отд. Ин-та востоковедения*, 2006. Вып. 13. С. 219–228.
- Некролог*, 1975 — Памяти Александра Николаевича Карасёва (1902–1972) // *КСИА*. 1975. Вып. 143. С. 117–118.
- Пятышева*, 1949 — *Пятышева Н. В.* Таманский саркофаг. М.: Изд. ГИМ, 1949. 36 с.
- Семёнов-Зусер*, 1931 — *Семёнов-Зусер С. А.* Родовая организация у скифов Геродота. Л.: Огиз, 1931. 34 с. (*Известия ГАИМК*. Т. 9, вып. 1.)
- Семёнов-Зусер*, 1947а — *Семёнов-Зусер С. А.* Скифская проблема в отечественной науке. 1692–1947. Харьков: Харьковский гос. университет, 1947. 192 с.
- Семёнов-Зусер*, 1947б — *Семёнов-Зусер С. А.* Рыбное хозяйство и рынки на юге СССР в древности. Памятники истории экономики и культуры древнего Северного Причерноморья. Харьков: Тип. Харьк. гос. ун-та, 1947. Вып. 1. 46 с.
- Скирда, Чернігова*, 2001 — *Скирда В. В., Чернігова Н. В.* Архівні матеріали С. А. Семёнова-Зусера // *Археологічний літопис Лівобережної України*. Полтава, 2001. Ч. 2. С. 170–171.
- Соколов*, 1973 — *Соколов Г.* Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л.: Аврора, 1973. 191 с.
- Хршановский*, 2004 — *Хршановский В. А.* «Жизнь — это дело, к которому тебя приставили...» // *Историк, археолог, литератор. К 90-летию Михаила Моисеевича Кубланова* / Отв. ред. С. А. Кучинский. СПб: Акционер и К°, 2004. С. 3–6.
- Шрамко*, 1952 — *Шрамко Б. А.* Памяти проф. С. А. Семёнова-Зусера // *КСИА АН УССР*. Киев, 1952. Вып. 1. С. 108–109.
- Gajdukevič*, 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporianische Reich. Berlin: Akademie-Verlag, 1971. 604 S.

К 75-летию Победы

Блокадный дневник Наталии Александровны Энман¹

М. Ю. Вахтина²

Аннотация. Статья посвящена неопубликованному дневнику Н. А. Энман. Ученица Б. В. Фармаковского, специалист в области изучения греческой расписной керамики, Н. А. Энман в 1919–1922 гг. работала в РАИМК. В 1938 г. она стала сотрудником Музея С. М. Кирова, где и трудилась во время блокады Ленинграда. Н. А. Энман была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Записи, которые она вела, отражают повседневную жизнь в осажденном городе и могут служить ценным документальным источником о ленинградской блокаде. Дневник хранится в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга.

Annotation. This paper is devoted to the unpublished diary by N. A. Enman. A disciple of B. V. Farmakovsky, specialist in the sphere of the Greek painted ceramics, N. A. Enman in 1919–1922 worked in RAIMK. In 1938, she became an assistant of the S. M. Kirov Museum where she was working during the blockade of Leningrad. N. A. Enman was awarded medals 'For the defence of Leningrad' and 'For the valorous work during the Great Patriotic War in 1941–1945'. The records which she made reflect the everyday life in the besieged city and may serve as a valuable documentary source about the Leningrad blockade. The diary is kept in the Central State Archives of Historical and Political Documents in Saint Petersburg.

Ключевые слова: Ленинград, воздушная тревога, продуктовые карточки, огород, прорыв блокады.

Keywords. Leningrad, air-raid warning, food cards, vegetable garden, break of the blockade.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-392-417

К биографии Н. А. Энман

Перед тем как речь пойдет о неопубликованных записях Н. А. Энман, сделанных в блокадном Ленинграде, следует сказать несколько слов о ее жизненном пути, так как об этом написано немного. Наталия Александровна Энман родилась 20 ноября 1889 г. в Петербурге. Ее отцом был историк-антиковед,

доктор всеобщей истории Александр Фёдорович Энман³, происходивший из семьи прибалтийских немцев и получивший образование в Дерптском университете. Там же он защитил магистерскую диссертацию. После окончания университета некоторое время работал за границей, во Франции, Англии и Германии, в 1886 г. защитил докторскую диссертацию. После переезда в Санкт-Петербург

¹ Работа над темой ведется при поддержке РФФИ, конкурс «Древности», грант № 18-09-40116.

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия; E-mail: vakhtina@rambler.ru

³ Более подробно о биографии А. Ф. Энмана см. Брокгауз, Эфрон, 1904. С. 846–847; Ростовцев, 1903. С. 84–87.

Рис. 1. Класс 7-Б (Septima 7B) гимназии Петришуле. Санкт-Петербург, 1906 г. (http://allpetrischule-spb.org/jimages/f/f2/1906-Septima_B_fixed). Н. А. Энман — первая слева в первом ряду

Fig. 1. Class 7-B (Septima 7B) of the Petrischule gymnasium (Saint Peter's School). Saint Petersburg, 1906 (http://allpetrischule-spb.org/images/f/f2/1906-Septima_B_fixed). N. A. Enman is the first left in the first row

А. Ф. Энман занимался научной работой и преподаванием: латыни в гимназии Катериншуле, истории и географии (на немецком языке) в Реформатском училище (Ростовцев, 1903. С. 84). В 1885 г. он был принят на службу во II Отделение Библиотеки Императорской Академии наук «на открывшееся в апреле сего года место младшего помощника библиотекаря» (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 682. Л. 4). Мать, Анна Николаевна, в девичестве Юдина, родом из г. Шенкурск Архангельской губернии, до замужества работала домашней учительницей. В 1897 г. Н. А. Энман поступила в подготовительный класс известной петербургской гимназии Петришуле⁴. 1 июля

⁴ Выражаю благодарность Л. Е. Левтову, выпускнику школы Петришуле, одному из главных ее историков, автору проекта виртуального музея школы, за помощь в работе над биографией Н. А. Энман [Электронный ресурс]. URL: http://allpetrischule-spb.org/index.php?title_Энман (дата обращения: 25. 04. 2020).

1903 г. А. Ф. Энман скоропостижно скончался в возрасте 48 лет, что, без сомнения, было большой утратой для всей семьи. Н. А. Энман хранила благодарную память о своем отце, гордилась его образованностью и родом занятий⁵. После его смерти основная забота о девочке легла на плечи ее бабушки и тетки по материнской линии⁶.

В 1907 г., окончив с серебряной медалью полный курс (рис. 1) и дополнительный педагогический класс гимназии, Н. А. Энман

⁵ Спустя много лет в осажденном Ленинграде Н. А. Энман будет вспоминать об отце в 40-ю годовщину его кончины, оставив 1 июля 1943 г. подробную запись в дневнике (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1396. Л. 202).

⁶ Мать, с 1901 г. страдавшая душевной болезнью, периодически находилась в различных больницах и приютах, в одном из этих учреждений она и скончалась в 1931 г. (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-2. Л. 5).

Рис. 2. Н. А. Энман. Высшие женские (Бестужевские) курсы. Санкт-Петербург, 1910 г. (Руднева, 2007. С. 125)

Fig. 2. N. A. Enman. The higher female (Bestuzhev) classes. Saint Petersburg, 1910

получила диплом домашней учительницы. В том же году она была принята по результатам гимназического аттестата на историко-филологическое отделение Высших (Бестужевских) женских курсов (рис. 2). Ее учителями были Б. В. Фармаковский и Ф. Ф. Зелинский, слушала она и лекции М. И. Ростовцева и других преподавателей. На курсах Наталия Энман познакомилась со Стефанидой Рудневой. Знакомство быстро переросло в дружбу, связывавшую этих незаурядных женщин на протяжении двадцати пяти лет. С. Д. Руднева, как и

Н. А. Энман, занималась изучением античности, позже она оставила научные занятия, выбрав иную стезю, о чем мы скажем далее. В своем архиве она сохранила документы, рассказывающие о ее жизни, семье, друзьях, занятиях, обучении на Бестужевских курсах. Многие из них опубликованы в книге «Воспоминания счастливого человека» (Руднева, 2007). В книге достаточно подробно описаны занятия в Университете, научные увлечения курсисток, преподаватели, в числе которых были известнейшие ученые. Вот как, например, она писала о Б. В. Фармаковском: «Б. В. Фармаковский не обладал лекторским талантом, боялся пышных слов и не умел выражать свое восхищение и влюбленность в античное искусство и археологию. Вначале он мог казаться сухарем и формалистом. Лишь потом раскрывались и его действительно поразительная археологическая „премудрость“, и глубокое преклонение перед совершенством скульптур, и влюбленность в каждую деталь и мелочь в керамике, раскрывавшую „живую жизнь“ античного мира... Был он и удивительный, целенаправленный педагог-наставник. Он учил и умел научить всему, что необходимо археологу-искусствоведу... Человек он был бесконечно скромный, сдержанный и замкнутый. В те годы он был холост, жил один в уютно обставленной холостяцкой квартирке, с пожилой и неприветливой на первый взгляд домоправительницей. Вскоре после начала занятий Б[орис] В[ладимирович] предложил желающим взять работу по изучению и определению предложенных им греческих расписных сосудов. Мы, конечно, вызвались. Но на следующем занятии он сказал, что, может быть, это еще рано. Мы очень огорчились и после занятия подошли к нему, чтобы получить новое задание. Но он, к нашему удивлению, смущенно сказал, что мы можем взяться за работу над памятником... Так мы начали нашу археологическую карьеру, которой служили верой и правдой до 1922 г.» (Руднева, 2007. С. 142–143). Говоря о «нашей археологической карьере», С. Д. Руднева имела в виду, прежде всего, себя и Наталию Энман. Летом 1912 г. подруги

побывали на раскопках в Ольвии, где «...первые видели появление из земли хранящихся там сокровищ», в том же году «работали в музеях Москвы, Киева, Одессы», сделали большой доклад об открытиях В. В. Хвойко, описывали в Археологической Комиссии сосуды из Полтавского клада» (*Там же*. С. 149–150). Сама же Н. А. Энман в своей автобиографии в личном деле, хранящемся в Центральном Государственном архиве политических документов СПб., пишет о двух археологических экскурсиях в Грецию. «Во время пребывания на курсах я ездила летом с экскурсией студентов в Грецию, где работала в музеях и на раскопках по специальности. Первая экскурсия продолжалась 18 дней (июль 1910 г.), вторая — около 2-х месяцев (июнь–июль 1914 г.) Учась на курсах, — продолжает Н. А. Энман, — начала зарабатывать, работая по записи и описанию материалов раскопок юга России в быв. Императорской Археологической Комиссии с 1911 по конец 1917 г. (внештатно)» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-2. Л. 5).

Результатом изучения образцов расписной античной керамики, выполнявшегося по указанию и под руководством Б. В. Фармаковского⁷, стали две научные статьи, написанные Н. А. Энман и изданные в выпусках «Известий ИАК».

В 1911 г. выходит ее первая статья, посвященная хиосскому или, как тогда полагали, «навкратийскому» кубку из раскопок Г. Л. Скадовского 1900–1901 гг. на некрополе о. Березань (*Энман*, 1911. С. 142–158). Эта работа с интересом читается и в наше время. Она содержит подробное и полное описание сосуда, предложенная автором датировка близка современной (*Ильина*, 2005. С. 91). В следующем году вышла вторая статья «Ионийская амфора с Таманского полуострова» (*Энман*, 1912. С. 92–103), посвященная клазоменской амфоре с изображением пасущегося оленя (рис. 3), купленной Комиссией

Рис. 3. Расписная амфора, найденная на Таманском полуострове (НА ИИМК РАН. ФО. Негатив П32413)

Fig. 3. Painted amphora found on the Taman Peninsula (Photographic Department of the Scientific Archives of IIMK RAS, negative П 32413)

у частного коллекционера. Эта статья, как и предыдущая, демонстрирует высокий уровень научной подготовки исследовательницы (*Вахтина*, 2019. С. 103–104). Позже амфора, изданная Н. А. Энман, станет «эталонным» сосудом для класса/группы Энман в классификации керамики Клазомен и их круга, предложенной британским ученым Р. М. Куком (*Сook*, 1952. Р. 134–136) и названным им в ее честь. Согласно этой классификации класс или группа Энман включал амфоры и ойнохои с изображением одной фигуры животного в центре метопы на каждой из сторон сосуда.

В 1915 г. Н. А. Энман закончила обучение на историко-филологическом отделении Университета, успешно сдала выпускные

⁷ С. Д. Руднева также успешно справилась с «домашним заданием». Ее статья «Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской» была издана в 1912 г. в том же 45-м выпуске «Известий ИАК», в который вошла и статья Н. А. Энман (*Руднева*, 1912).

экзамены и в сентябре 1917 г. получила диплом I степени по специальности «Древняя история и археология». В сентябре 1919 г. она поступает на работу в недавно учрежденную Российскую Академию истории материальной культуры. В Научном архиве ИИМК РАН хранится краткая автобиография, написанная ее рукой, датированная 9 сентября 1919 г. Вот как описан в ней круг интересов и занятий во время обучения на курсах и после их окончания: «Во время пребывания моего на В. Ж. К. (то есть на Высших женских курсах. — М. В.), я работала у Ф. Ф. Зелинского и в семинариях Б. В. Фармаковского. В это время я занималась специальным вопросом о доисторических стадиях каменного века в Юго-Западной Европе, о чем мною был сделан доклад в семинарии Б. В. Фармаковского. Этим же вопросом я занималась в Музее Этнографии и Антропологии Академии Наук, где мною была разобрана и классифицирована коллекция Трипольских черепков из Кудринцев... Во время работы в семинарии Б. В. Фармаковского мною было начато издание одной вазы, находившейся в Эрмитаже. Работа эта была напечатана в «Известиях ИАК» 1911 г. вып. 40... Второй печатный труд вышел в том же издании в 1912 г. вып. 45 под заглавием „Ионийская амфора с Таманского полуострова“. Эта последняя ваза находится в Археологической Комиссии, и, работая над нею, я начала попутно заниматься в Комиссии, где мне в то время было поручено описание части Перещепинского золотого клада. С 1913 года занятия мои в АК по регистрации и описанию ионийской керамики из Ольвии продолжались с небольшими перерывами до настоящего времени.

С июля 1918 г. я состояла ассистентом по секции античных городов при III Отделе Археологической Комиссии. За последнее время мною ведется подготовка к изданию ряда ионийских черепков и архаического бронзового браслета с о. Березани, также ведется работа по подготовке таблиц к изданию Атласа древностей Юга России и разные текущие археологические работы. Кроме Петрограда Н. Энман⁸ работала в музеях Херсона,

Одессы, Киева, Афин и Кандии» (НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 773. Л. 5). В краткой анкете, приложенной к автобиографии, в пункте о знании иностранных языков Н. А. Энман указала, что владеет французским, немецким, английским, древне- и новогреческим (Там же. Л. 1).

Характеристика Н. А. Энман была подписана Б. В. Фармаковским, который и ходатайствовал о ее зачислении в штат «...на должность ассистента по I разряду I отделения III Отдела Р. А. И. М. К.» (Там же. Л. 3–4).

О работе Н. А. Энман в РАИМК можно судить по ее отчетам, также хранящимся в научном архиве ИИМК. В отчете за первый год она писала: «Iа. Участвовала в разработке типа регистрационной карточки Ольвийских древностей.

б/ и в/ Главной задачей моей за 1919 год было постепенное собирание материала по древне-ионийской керамике в связи с находками в Ольвии, Березани и вообще в России. Начато исследование ионийских керамических стилей, главным образом милетского, в котором начинает выясняться ряд отдельных стадий развития. Мною привлекается материал, находящийся в Херсонском и Одесском музеях, доступный сейчас только по изданиям и рисункам, частью собранный и зарисованный мною во время работы в этих музеях, также весь заграничный материал. Участвовала в устройстве выставки Ольвийских древностей.

г/ Мною подготовляются таблицы ионийской керамики для предложенного к изданию Атласа Южно-русских древностей. В связи с этим мною был исполнен ряд акварелей с ионийских черепков для упомянутых таблиц. В качестве члена экспертной комиссии по оценке рисунков, изготовляемых для Академии, мною велось наблюдение за точностью воспроизведения разрезов Ольвийской серой посуды, исполнявшихся регистратором А. А. Пресняковым.

д/ Предложенная командировка моя в Москву для изучения ионийской керамики в местных музеях не состоялась по обстоятельствам времени (отсутствие помещения для остановки).

⁸ В отчетах она писала о себе в 3-м лице.

ж/ Составляла часть карточного каталога раскопок в России по Отчетам АК за 1886–73 и 1908–1915 гг.

2 а, б/ Мною собирается материал для издания бронзового браслета с о. Березани. Пока еще не удалось установить стиля этой вещи, быть может, он греко-финикийского происхождения и представляет большую редкость, судя по заграничному материалу.

в/ Подготавливается к изданию популярная брошюра об о. Березани и о раскопках на нем; собираются данные по изданиям и архивному материалу; в связи с этим мною был переведен с немецкого языка неизданный отчет Э. Ф. Штерна о последних раскопках на о. Березани за 1913 для помещения его в Известиях Академии.

3/ Готовятся к печати: упомянутое исследование об архаическом браслете и брошюра о Березани» (*Там же*. Л. 6).

Отчет за 1920 г. также отражает активную и разностороннюю деятельность; в числе прочего там упомянута и командировка в Москву, на этот раз состоявшаяся (*Там же*. Л. 8–9). По-видимому, Н. А. Энман успешно продолжала изучение греческой художественной керамики. В научном архиве ИИМК хранятся снимки трех асков из раскопок Ольвии⁹, сделанные по ее просьбе для готовящейся публикации. Однако в конце декабря следующего, 1921 г., исследовательница направляет ученому секретарю РАИМК заявление об уходе. В нем говорилось: «Прошу освободить меня от занимаемой мною должности в Академии, т. к. в настоящее время для меня выяснилась полная невозможность исполнять в должной мере возложенную на меня и доверенную мне работу ассистента Академии Истории Материальной Культуры. Считаю своим долгом оставить работу, которую не могу исполнить» (*Там же*. Л. 10). В январе 1922 г. ходатайство это было удовлетворено. Главную причину, побудившую Н. А. Энман навсегда оставить не только РАИМК, но и занятия классическими древностями, следует искать в ее увлеченности искусством танца.

В том же году по той же причине РАИМК покинула и С. Д. Руднева¹⁰, автор статьи о «милетской» амфоре, найденной на Тамани (1912). Подруги приняли решение отдавать все свои силы работе в студии пластического танца.

Способности Н. А. Энман к музыке и рисованию проявились еще в гимназические годы. Эти занятия она не оставляла на протяжении всей своей жизни. Некоторое время она училась живописи в студии Д. Н. Кардовского. В 1917–1919 гг. по просьбе Ф. Ф. Зелинского проиллюстрировала его популярную книгу «Греческие сказки» для издательства Сабашниковых (*Руднева*, 2007. С. 515).

Дружба Н. А. Энман с тремя выпускницами Петришуле — Е. В. Цинзерлинг и сестрами К. В. и И. В. Тревер — сложилась еще в школьные годы. Учась на Бестужевских курсах, она познакомилась с С. Д. Рудневой, Ю. Ф. Тихомировой и Н. В. Педьковой. Судьбы этих женщин сложились по-разному, все они были деятельны, одарены, многие добились успеха в выбранных ими профессиях и занятиях. Им также было суждено оставить след в развитии музыкального искусства. Вдохновленные творчеством Айседоры Дункан, с большим успехом выступавшей в России, они еще в 1910-х гг. организовали танцевальный кружок, получивший название «Гептахор» (или «Танец семи») — по количеству участниц. Это название предложил Ф. Ф. Зелинский (*Руднева*, 2007. С. 209). Девушки, восхищаясь канонами греческой культуры, стремились к тому, чтобы выразить и передать в движении и танце целый строй мыслей, ощущений и образов. Н. А. Энман не только увлеченно занималась в студии, но и делала эскизы костюмов и декораций, зарисовки, поясняющие танцевальные движения.

Вскоре «Гептахор» был зарегистрирован как «частная студия музыкального движения на самоснабжении при Ленинградском

⁹ Нег. II 21187; 21189; 21191–21194.

¹⁰ «Материально это был совершенно безумный шаг, так как мы переставали быть членами Дома ученых и теряли ученый паек», — писала она впоследствии (*Руднева*, 2007. С. 270).

профессиональном образовании», состав ее расширился (*Там же*. С. 276, 309). Участники студии выступали, ездили на гастроли, занимались преподаванием. Постановки пользовались большим успехом. При студии открылись двухгодичные курсы, где помимо танца преподавали рисование, историю искусств, античную историю. В середине тридцатых годов студия в силу разных причин прекратила свое существование. С. Д. Руднева, основной ее организатор и вдохновитель, вскоре переехала в Москву, где продолжала заниматься танцевальным искусством, делу этому она посвятила всю свою жизнь. Творческие искания и достижения студии, как и жизнь ее участниц, подробно описаны в неоднократно упоминавшихся здесь воспоминаниях С. Д. Рудневой (2007).

После ухода из РАИМК Н. А. Энман помимо студии работала аккомпаниатором на уроках физкультуры в 52-м Детском доме (1923–1925 гг.). «Так как эта работа мало оплачивалась, — писала она позже в своей автобиографии, — я с июня 1925 г. начала внештатно работать во вновь организованном учреждении „Бюро Обмена Минералами“ Института прикладной минералогии (Москва), помещавшемся тогда в Институте Металлов... В ноябре 1931 г. я ушла по собственному желанию из Ин-та Прикладной Минералогии, так как узнала о возможности пойти работать лаборантом парткабинета Лен<инградского> Обл<астного> Комвуза. Я хотела работать и учиться одновременно, так как политического воспитания не имела. С ноября 1931 г. я перешла в Комвуз. Сразу же начала слушать курсы диамата-истмата-ленинизма, истории ВКП(б)... После реорганизации Комвуза в Лен<инградскую> Высшую Коммунистическую Сельскохозяйственную школу им. С. М. Кирова в 1932 г., я работала зав. Кабинетами Диамат-Истмата и Ленинизма... Все эти годы я разрабатывала материалы для наглядных учебных пособий, организовывала выставки к темам дисциплин. <... > Я вела общественную работу, была профоргом 4-х кафедр, членом редакции стенгазеты, оформляла выставки к проработкам студентами

материалов съездов и т. д.» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-2. Л. 6–7).

Осенью 1938 г. Н. А. Энман поступила на службу в недавно образованный Музей С. М. Кирова. Сначала она работала в должности инвентаризатора фондов, позже стала заведующей фондами. Вскоре она вступила в ВКП(б). В Архиве политических документов хранятся материалы, связанные с ее приемом в партию (ЦГАИПД СПб. Ф-1728. Оп. 1. Д. 248964-1, 2). Сухой язык протоколов передает напряжение и «острые» моменты, сопровождавшие обсуждение вопроса о том, достойна ли Наталия Энман рекомендации в кандидаты в члены партии. Сама же она проявила достойную выдержку, отражая нападку недоброжелателей. Судя по выписке из протокола № 13 заседания партбюро музея С. М. Кирова от 8 мая 1939 г. (ЦГАИПД СПб. Ф-1728. Оп. 1. Д. 248964-2. Л. 9–10), неоднократно поднимался вопрос о социальном происхождении ее отца. Н. А. Энман охотно говорила о его научных достижениях, но твердо стояла на том, что не знает ничего о его социальном происхождении, так как лишилась отца, будучи еще очень юной. Звучали и вопросы, выражавшие недоумение по поводу отказа Н. А. Энман от занятий археологией, ее «переориентировки» на работу в Музее Кирова. По поводу ее работы в РАИМК было высказано суждение: «После Октябрьской революции ряд учреждений саботировали, как ваше», на что последовал ответ: «Нет, мы работали честно». Некоторые участники позволили себе недоброжелательные высказывания в ее адрес. Например, некая Т. Рогова заявила: «Знаем мы, как относилась к революции старая интеллигенция — побольше заработать, получше пожить. Держалась замкнуто. Очень поздно проснулась т. Энман. Бестужевские курсы, где она училась, имели революционные элементы, и она почему-то осталась в стороне от этого движения. Почему она переключилась на другую работу, такая образованная, она принесла бы там больше пользы, а здесь она работает на технической работе — инвентаризатором. Я не верю, что она не знает о соцпроисхождении

отца. Я воздерживаюсь от приема т. Энман в партию». Завершил прения директор Музея С. И. Авакумов¹¹: «Нужно отметить, что мы забыли время, когда проходила дифференциация интеллигенции, когда к нам примыкало все лучшее, когда мы вели на этом участке большую работу. Возьмите Энман, ее отец был „книжный червь“, она описывала черепки и дальше этого ничем не интересовалась, но поворот у нее произошел уже 10 лет тому назад, и это время она росла и много работала. <...> Описывать Кировский материал важнее и почетнее, чем описывать черепки. Она пришла не на ставку, а на работу, важность которой вполне понимает и выполняет хорошо. Нужно принять т. Энман в члены ВКП(б)». В итоге 16 участников собрания проголосовали «за», 4 воздержались. В 1939 г. Н. А. Энман была принята кандидатом в члены ВКП(б), а в 1940 г. стала членом партии (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-1).

Когда началась Великая Отечественная война, она продолжала работать в Музее С. М. Кирова, располагавшемся тогда в здании бывшего особняка М. Ф. Кшесинской на Большой Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева)¹².

¹¹ С. И. Авакумов (1894–1962) — директор Музея С. М. Кирова в 1938–1941 гг. В 1941 г. был назначен членом редколлегии и зав. отделом пропаганды газеты «Ленинградская правда», в 1942–1945 гг. был директором Ленинградского института истории ВКП(б). В 1947 г. стал заведующим ЛОИИ АН СССР, а в феврале 1949 г. арестован по «Ленинградскому делу» и осужден по 58-й ст. на 25 лет лагерей. В 1954 г. он был полностью реабилитирован, вернулся в Ленинград и в 1955 г. вновь зачислен в штат ЛОИИ, где и проработал вплоть до своей кончины. [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/s_i_avvakumov (дата обращения: 29.04.2020).

¹² Музей С. М. Кирова был открыт 8 ноября 1938 г. в здании бывш. особняка М. Ф. Кшесинской на Большой Дворянской улице (ныне ул. Куйбышева). В 1946 г. один из филиалов Музея был открыт в его квартире на Кировском пр. (ныне — Каменноостровский пр.), д. 26-28. В 1955 г. здание особняка Кшесинской было передано Музею Октябрьской революции, а Музей полностью переместился в дом, где жил С. М. Киров (Сухарникова, 2012. С. 6).

О блокадном дневнике Н. А. Энман

Записи, сделанные Н. А. Энман в дни блокады Ленинграда, хранятся в Центральном архиве историко-политических документов Петербурга в деле «Воспоминания о 1941–1942 гг. из дневника Н. А. Энман» (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1396)¹³. В деле 356 листов разного формата; часть из них — рукописные записи чернилами в обычных школьных тетрадях с мягкими обложками, другая — машинописные страницы (рис. 4). По-видимому, ветхие фрагменты рукописи позже были перепечатаны на машинке. Записи датируются по дням, начиная с 1 августа 1942 г. (Л. 12), последняя относится к 19 ноября 1943 г. (Л. 356). Часть записей в первой тетради, рассказывающая о начале войны и событиях первого года блокады, не имеет разбивки по датам. Очевидно, эти отрывки были написаны по памяти.

Н. А. Энман по-видимому продолжала вести дневник и после ноября 1943 г., просто часть ее архива не сохранилась. В последних имеющихся записях нет ничего «завершающего», дневник просто обрывается. Это повествование о повседневной жизни в блокадном городе. Жизнеописание велось подробно, детали точны.

Из дневника мы узнаем, что основной задачей, поставленной перед сотрудниками Музея, была работа по сбору материалов о Ленинграде в годы войны. Материалы нужно было группировать по рубрикам (о рубрикаторе не говорится подробно, известно лишь, что он постоянно менялся, что вызвало у автора дневника вполне понятную досаду). Материалы должны были содержать данные о жизни города: работе заводов, предприятий и различных служб, организации обороны, быта, проведении мероприятий, деятельности милиции и пр. Они готовились для будущих исследователей, которые по окончании войны быстрее на их основе могли бы перейти к созданию трудов о военном

¹³ Далее ссылки будут даваться на листы дневника, не указывая полностью номер дела, хранящегося в ЦГАИПД СПб.

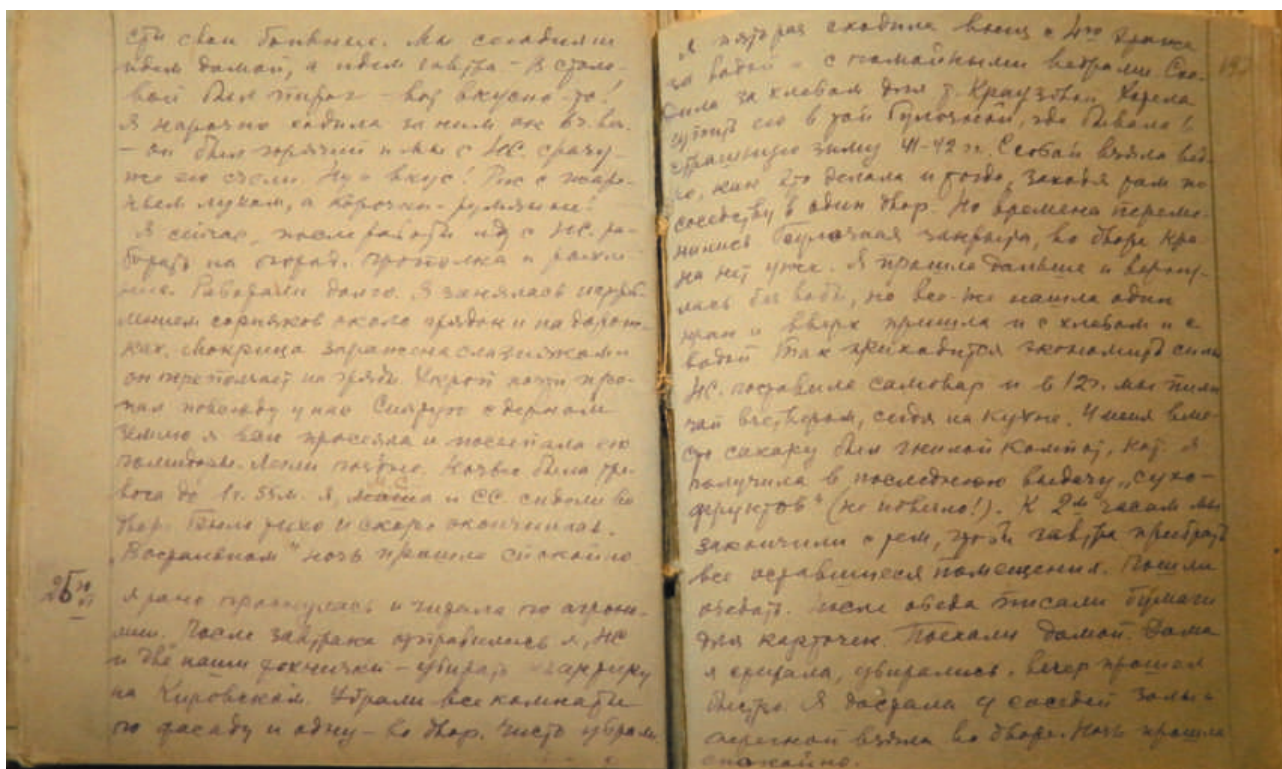

Рис. 4. Страницы блокадного дневника Н. А. Энман (ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Ед. хр. 1396)
 Fig. 4. Pages of the blockade diary by N. A. Enman (Central State Archives of Historico-Political Documents SPb. Collection 4000. Inventory 10. Unit of storage 1396)

Ленинграде. Основным источником были газеты, откуда делались вырезки, которые сортировались, помечались и складывались для дальнейшей работы.

Кроме основной службы обязательными были различные коллективные работы: на общественных огородах, по разборке деревянных строений на дрова и подвозке их в Музей, просто разнообразная «работа на дровах», уборка улиц от снега и др. Во время войны Н. А. Энман приняла на себя должность заместителя директора Музея, она отвечала за получение карточек на весь штат, прикрепление к определенным магазинам и пр. С самого начала войны она начала сдавать кровь для раненых бойцов, гордилась своим донорством, видя в нем личный вклад в грядущую победу¹⁴. Каждая запись представляет

собой описание «одного дня жизни в блокадном городе». Для каждого из них отмечено количество воздушных налетов, их продолжительность указана с точностью до минут. Подробно перечислены продукты, которыми удавалось отovarить карточки, дополнительные «выдачи» к 7 ноября и Новому году, описан урожай, собранный на выделенном участке, количество и качество дров, добытых для Музея, упоминаются места, где можно было набирать воду и пр. Данные о сдаче крови сведены в таблицу (Л. 206об–207), где указаны дни процедур, количество взятой крови, процент гемоглобина; перечислены продукты, приобретенные затем в «донорском магазине». В этих кажущихся немного суховатыми, слабо окрашенными эмоционально записях о чередности дней и дел, на первый взгляд, не всегда удается разглядеть «высокий подвиг». Подвигом был каждый день, каждый час жителей Ленинграда.

Несколько слов об общей «тональности» дневника. При его чтении, конечно же,

¹⁴ В течение первого года донорства она «сдала за год 2 литра 310 куб. см крови — кому-то помогла. Я счастлива, что так могу дать свою жизненную силу родной Красной Армии, дающей мне жизнь» (Л. 33).

ощущается присутствие «внутренней цензуры». Она была, вероятно, двоякого рода. С одной стороны, автор, несомненно, учитывала, что в ее тетради легко могли заглянуть посторонние люди — на службе, где она иногда их хранила, в очередях в Институте переливания крови, сидя в которых, она иногда писала свой дневник и пр. С другой стороны, умение радоваться, желание видеть и отмечать достойное и «светлое» — будь то поведение людей, красота родного города, бытовые удачи и преодоление невзгод, несомненно, помогали в эти тяжелые дни жить, работать, вносить свой посильный вклад в победу над врагом. И поэтому в описании тяжелых, трудных и опасных будней явственно звучат доброе, благожелательное отношение к окружающим, ответственность за свой труд, гордость за свою страну, за свой город, вера в Победу. И это придает всему повествованию светлую, оптимистическую тональность.

О ленинградской блокаде написано много. Писать об этих днях будут и в будущем. Дневник Наталии Александровны Энман, одно из документальных свидетельств жизни в осажденном городе, заслуживает полной публикации. Далее приводятся фрагменты ее блокадной повести¹⁵.

Дневник открывается записью, датированной 22 июня 1941 г., затем следуют воспоминания о значимых событиях первой блокадной зимы (Л. 1–3). Вот как запомнился Н. А. Энман день, когда было объявлено о нападении Германии на Советский Союз: «Я выколачивала во дворе у себя дома¹⁶ теплые вещи и с шубами в охапке, с палкой и щеткой, вошла в комнату, чтобы взять еще что-то. Вдруг — радио, говорит т. Молотов. Вероломное нападение германского фашизма на нашу страну... Никогда, никогда не забыть этого дня, этих минут. Кончилась жизнь, началась война. Будем жить совсем-совсем по-другому,

нашу жизнь, радостную, солнечную — отложим на потом, в будущем будем снова жить... В тот же день утром мы случайно купили по 1 кг сахара, 3 крупы и летом набрали и засушили мешочек грибов. Думали ли мы сейчас, в день войны, что этих „запасов“ — нам хватит до января 1942 г. и что они нам так помогут в трудные, голодные дни! А так вышло». Говоря «мы», Н. А. Энман, не имевшая семьи, имела в виду свою ближайшую подругу, Надежду Степановну Судакову¹⁷, также работавшую в Музее С. М. Кирова. Она обычно фигурирует в дневнике под инициалами Н. С. Инициалами в большинстве случаев обозначены и другие люди, упоминаемые Н. А. Энман.

«Вскоре после начала войны в Музее С. М. Кирова началась работа по подготовке к эвакуации наиболее ценных предметов из музейных фондов. Был организован сбор средств для подшефного госпиталя при Институте травматологии. Мы спешно собирали цветные металлы, несли из домов все, что мог — мы принесли самовар, кастрюли, подсвешники, все собирали в Музее... Собрали много денег, купили материалы, теплых вещей, сшили сами теплые шапки, рукавицы, кашне и пр. В госпиталь сдавали много постельного белья. От 16-и человек (нас осталось к ноябрю 1941 г. с 60 чел. 16 чел., а к декабрю — 10–11 чел.) купили и сшили свыше 30 новых простыней, 100 наволочек, собрали тюфяки, одеяла и т. п... Лихорадочно готовились к эвакуации ценностей Музея. В июле захоронили скульптуру в нашем Музейном саду. Ценности фондов я убирала в подвале. Торопилась. Сроки все сокращались. Укладывали негативы в ящики, ценные, уникальные, все заносились в списки. В залах снимали картины, вынимали из рам, снимали с подрамников, скатывали на огромные рулоны.

¹⁵ Здесь приводится лишь небольшую часть дневника.

¹⁶ Н. А. Энман жила в комнате коммунальной квартиры на ул. Рубинштейна, д. 14, кв. 2. Здесь и далее примечания М. Ю. Вахтиной.

¹⁷ Н. С. Судакова, выпускница Бестужевских курсов, была «человеком большой культуры, живого ума, знаний и интересов». Появившись в 1926 г. в студии «Гептахор» в качестве инспектора Отдела профобразования, она через несколько лет стала членом гептаровской коммуны. С 1938 по 1951 г. работала в Музее С. М. Кирова (Руднева, 2007. С. 308, 517).

Солнечные, жаркие дни. Я сижу на полу в большом зале и укладываю в большие плоские ящики небольшие картины, наброски, гравюры. Одна из наших девушек-экскурсоводов носится по залам и снимает акварели, литографии. Скорее, скорее! <...> Наутро они уедут в глубокий тыл. Это было в середине августа 1941 г. Во всех комнатах кипела работа. Мар. Соломоновна, наш партийный секретарь, успевала когда-то состряпать нам обед. Помню, бегали вниз, в булочную, и на складчину со своих карточек покупали хлеб к обеду. Потом — масса ящиков — 200 шт. и ночью мы их наполняем книгами по полкам, отмечаем на них, какой шкаф, какая полка. Наутро все было готово и ящики увезли в глубокий тыл (Л. 3)... С конца августа 1941 г. я перешла на казарменное положение в квартиру С. М. Кирова. Днем работала в Музее, на ночь уходила в квартиру. Помню ночи. Тревога, бомбежка. Я хожу по темным комнатам Кировской квартиры. Окна все открыты настежь, чтобы сохранить стекло. На руках у меня — кожаные рукавицы, в руках лопата или крюк для хватания „зажигалок“. Когда очень бьет, я стою в передней, за толстой стеной и выглядываю оттуда в комнату, выходящую окном и двумя дверьми балкона на Кировский просп. Небо полыхает, лучи прожекторов. Стучат осколки. Когда все кончается, я иду к телефону и звоню в Музей, что все в порядке. Иногда мне как-то уж очень одиноко в большой, темной квартире и я думаю о том, как мало я смогу сделать для ее охраны в случае чего. Это ведь 4-й этаж, выше — еще квартира, незнакомые люди, а над этим всем — чердак, где никто не дежурит. В Музее, в свою очередь, дежурит Над. Степ. (то есть Надежда Степановна Судакова. — М. В.) и я за нее иногда беспокоюсь, очень уж мал наш домик, весь ходит ходуном и нет в нем устойчивости. А немногочисленные наши люди дежурят на постах все тревоги и на крыше. Днем мы все, как группа самозащиты, дежури́м на своих постах — в залах, на лестницах. Все здания были нашими руками подправлены в противопожарном отношении, сколько песку мы привезли

с пляжа у крепости на тележках в Музей, сколько ведер воды подняли на чердаки вместе с песком. Чердаки мы превратили в совершенно белые. Один из наших работников — мастер на все руки — „дядя Саша“ — сам сделал главнейший инвентарь на пож<арные> посты — совки, щипцы и др. Мы гордились своим оснащением — все проверки от города и р-на давали прекрасные отзывы. Помню какой-то вечер в сентябре. Весь день и ночь стрельба. Это было после первого налета 8-го сентября, когда горели склады и на небе стоял никогда более невиданный столб дыма, освещенный закатом и сам красный от пожара... Стук в дверь Кировской квартиры. Я иду — открываю — стоит моя Над. Степановна с рюкзаком на плечах. Оказывается, не выдержала она пребывания у себя дома в свободные от дежурства ночи и пришла ко мне, чтобы вместе со мной дежурить по ночам в квартире Мироныча (С. М. Кирова. — М. В.). Так и осталась на казарменном со мною, и с тех пор, <несмотря на> все трудности блокады, мы не разлучались. Осенью мы сперва жили в прекрасных условиях в квартире. Было еще тепло, и ночью мы все тревоги продолжали открывать окна. <...> Когда настала поздняя осень, начало зимы, ночью нельзя было открывать окон, все батареи отопления были под ними — начались морозы. Была ночь. Налет. Грохот, бомбы где-то недалеко падали. Плохо, что напротив был большой госпиталь, куда враг целился. Мы были за толстой стенкой в передней — вдруг раздался особый, какой-то звонкий звук и затем — мгновенный звон стекол... Когда мы сразу же бросились в комнаты, то по фасаду на нас, как мертвый оскал черепа — глянули дырки вместо стекол — звезды глядели из черного неба. Весь дом в один миг лишился стекол со стороны Кировского пр. Стекла лежали вдоль всех комнат, до самых стен. Груды их лежали на полу, остальные повисли на марле, которой были оклеены стекла.... И, звеня, качались на ледяном ветру... Если бы мы обходили в тот миг комнаты, нас бы уже не было. Потом выяснилось, что напротив, видимо, в воздухе, разорвалась

осколочная бомба (Л. 5)... Стекла заменили фанерой. Пришли рабочие дома забивать окна. Голодные люди. Еле двигались. Потом умерли, мы узнали. Мы поселились в ванной комнате, чтобы топить колонку. Отопление еще действовало по дому, но жить в больших комнатах становилось холодно».

Вскоре этажом выше прорвало трубы, квартиру затопило (Л. 7). «С тех пор вся квартира замерзла. Мы продолжали жить в ванной... Двери нашей ванной покрылись инеем, он выступил давно, так как без стекол в комнатах было все же холодно. Дальше жили в кухне. Вечером приходили после работы и заранее ждали счастливого мига, когда затопим плиту и погреемся. Вокруг все стены — в кранах, умывальниках, и все это замерзло. Обилие клеенками и др. двери на лестницу, в основную квартиру. НС не могла ходить на работу и брала работу (карточки) на дом, я приходила из Музея, и мы ели суп, который она варила... Вечером у нас доходило до 8 градусов тепла. Старались экономно топить. Спали в комнатке бывшей домработницы, рядом. Печи там не было. Ложились рядком, чтобы было теплее. В постель я брала горячие утюги, укладывала в ноги и за спину, так по очереди согревались. Со стен текла вода. Иногда капало с потолка прямо на головы. Наутро было 0 или 1, а то и -1. Рано утром нас будило радио (мы провели его сюда из других комнат) — я шла за хлебом, пробираясь по нежилой лестнице. Когда приносила хлеб — пили чай или кофе, согревая его на крохах керосина. И я уходила, а через день и НС ходила в Музей.

Как-то в темное утро я стояла в бесконечной очереди за хлебом и уже, подходя к входу — вдруг не могу идти вверх, в булочную. Теряю сознание. Об одном думаю: не упасть, стоять. Не потерять карточек, тогда — конец. Кто-то помог войти. Как-то выстояла в толпе. Уронила портфель с карточками. Кто-то поднял. Подала карточки — взяла обратно. Хлеб взяла, все это — из последних сил. Кто-то вывел под руку и понес хлеб, и довел до Скороходовой ул. Хлеба оказалось меньше, чем

должно было быть. Карточки были целы, и я не упала. Когда я вошла в кухню, НС испугалась, такая я была. Это — единственный раз со мною было. Я ходила за водой с 4-го этажа. Часто приходилось искать по дворам, по домам воды. Ходила к яме от снаряда, упавшего против больницы Эрисмана. Там делалось что-то страшное. Люди из столовых вытаскивали всех и брали воду в чаны и бидоны, а мы ждали на трескучем морозе в огромных очередях. К яме надо было спускаться по обледенелым откосам. Вытаскивали друг друга... Люди падали. Ходила далеко, на Неву у крепости, и оттуда носила воду. Обычно утром, до отхода в Музей, так как после работы ходила в госпиталь, читала там газеты раненым, а в дни, когда шла прямо, забирала воды в Музее и несла...

Зимой 41–42 г. мы не получали зарплаты, в феврале еще за декабрь не получили, потому что Смирнова, наш директор, в декабре слегла в больницу... В Музее не было бухгалтера. Многие сотрудники не могли ходить и лежали. Я ходила и выполняла все поручения хозяйки и др. И приходилось за неделю делать по 35 км по городу и больше. Ясный, солнечный день. Надо идти в Смольный заверять подписи, т. к. больше без зарплаты не можем. Я иду через Неву. У Медицинской Академии лежат трупы, объединенные до половины. Не забыть их. Солнце светит. Иду через парк Ленина к больному бухгалтеру, чтобы составить с ним ведомость. Несу ей свечку, чтобы с нею работать. В парке — солнце, иней блестит. У входа в учреждение — 2 трупа. Женщина — в чулках, точно танцует — откинута нога. Иду в больницу к Смирновой, далеко, на Елагин. В парке — машина с трупами и сверху — девушка с пушистыми, золотистыми волосами. Иду с бухгалтером на Невский, в банк — один этот бухгалтер не хочет идти. В банке все работают в подвале. Чуть горят коптилки... Сколько раз получала там зарплату и с торжеством приносила своим в Музей. Счастлива была, что могу ходить» (Л. 8).

И еще несколько эпизодов первой блокадной зимы.

«Иду за продкарточками, должна идти¹⁸... Иду с утра сдавать кровь в Институт на 3 Советской, иду с Петроградской стороны. Не пропускаю ни одного срока с августа 41 г. Сдав кровь (когда уже в декабре 41 года стали давать паек) — иду в магазин и там строго в очереди за пайком до полной темноты, иногда до 11 веч. Обратно идти во тьме — опасно, т. к. были случаи, что отбирали паек. Идем по парам, под ручку. Шла так однажды, в январе 42 г. Луна, светло. На Литейном попала в потоп от лопнувших труб. Валенки мокрые, обледенели, мороз сильный. Иду с трудом, скользко, как на коньках. Несу в рюкзаке паек. Сворачиваю после цирка к Инженерному замку. Сугробы снега. Падаю несколько раз, т. к. валенки скользят. На мосту еще падаю. НС не спит. Сидит перед потухшей плитой и ждет, и ждет меня. Даю ей хлеба, делю все, лишь бы ее сохранить. Яйца в мешке разбились и смерзлись в комок...

В конце января не было хлеба. Хлебозаводы не работали из-за замерзших водопроводов. Мы стояли в очередях в темном магазине внизу дома, где квартира Кирова — стояли целыми днями. В темноте какие-то тени металась сзади очередей и тащили хлеб из рук... После двух дней мы получили 50 % муки. Это нас спасло. Ночью НС спекла какие-то лепешечки, и мы их не забудем. В эти дни я в метель стояла у другой булочной на улице. Перед мной молодая женщина в серой жакетке из беличьего меха, с черными, пушистыми волосами. Она смотрела мягкими, усталыми глазами и тихо говорила: „Больше не могу, нет сил. Муж болен, кричит — дайте есть! Мать

¹⁸ Н. А. Энман получала продовольственные карточки для всего коллектива Музея. Это была сложная и ответственная работа: сначала составлялись списки сотрудников и акты, заверялись в различных учреждениях подписями и печатями, затем сдавались в определенные сроки в Бюро учета. Получение карточек также требовало составления акта. Потом Н. А. Энман дома заполняла карточки от руки, вписывая фамилии сотрудников, и лишь после этого следовала процедура их раздачи, также оформлявшаяся в установленном порядке. Все эти хлопоты подробно описаны в дневнике.

умирает. Если сегодня я не получу хлеба, я покончу с собой. Больше я не могу слушать голоса мужа“. Я много ей говорила, что нужно держаться, жить, что завтра хлеб же все-таки будет! В тот раз из дверей булочной кто-то вышел и сказал, что хлеба не будет. Очередь разошлась... И все эти дни такие страшные, такие безумно яркие, солнечные, сверкающие каким-то безжалостным блеском мороза, все было полно одним — впереди ведь победа, ведь мы же победим! И одно только желание — дожить до этого дня, который будет» (Л. 9–10).

Датированные по числам записи начинаются с конца ноября 1941 г.

«30 ноября 41 г. Я сижу в фондах и готовлю выставку для госпиталя о жизни и работе т. Кирова. Очень близко падают снаряды. Я переносу щит в другую комнату... и продолжаю работать. Сильный удар — снаряд упал на панели перед окном. Стекла вылетели. Другие 4 снаряда упали в саду. <...> К счастью, один недолет и 4 перелета дали возможность Музею отделаться только трещинами в стенах» (Л. 11).

Огромную роль в жизни ленинградцев играли огороды, на которых выращивали овощи и зелень. В записях Н. А. Энман работы на них упоминаются постоянно. Это и коллективные выезды в Девяткино, на огород, разбитый на участке, выделенном Музею С. М. Кирова, и уход за огородом, организованным в музейном дворе. Еще два небольших «огорода» были посажены Н. А. Энман на окнах и балконе квартиры С. М. Кирова и окнах ее собственной комнаты в квартире на ул. Рубинштейна, куда она изредка навещалась и куда возвратилась по окончании «казарменного положения». В дневнике подробнейшим образом описаны разнообразные «блюда» из собранных овощей, различные способы заготовки (в пищу шли не только корнеплоды, но и ботва, «сок» после варки и пр.).

«2 августа 1942 г. С утра ходила за водой на новое место, т. к. в соседнем дворе почему-то закрыли воду в кране, который среди развалин кирпичей разобранного дома. Всюду искала крана в соседних дворах. Наконец

указали — в следующем доме. Сходила два раза с кастрюлей и ведром по парадной лестнице. В 4-й этаж нести трудно и поэтому старалась думать о чем-нибудь, тогда незаметно поднимаешься. Встретила на лестнице женщину. Это теперь — редкость, такая пустыня кругом — все пустые квартиры. Лестницу никто не убирает... В Музее было пусто. Наши лежали на крыше и грелись. Так давно не было солнца... Опять тревога длилась долго — сварила обед. Потом прорежала свеклу и турнепс в огороде. Нарвала китайской капусты и кап<устного> листа, чтобы нарубить и солить. Вернулась на квартиру уже к 5 или 6 часам. Снова тревога — длилась не менее 3-х часов. Отработала зелень для засола. Утром для больной (Н. С. Судаковой. — М. В.) нужна была грелка. Где согреть воды. Решила вытащить самовар, спрятанный в буфет. Несмотря на ужасный дым, который ел глаза — самовар все же поставила и радовалась, как быстро он вскипел. Сломала корзинку из-под бутылок и эти щепки жгла. Вечером слушала радио и ушивала себе юбку, которая после двух ушивок снова валится. Утром в воскресенье еще собирала навоз на Кировском пр. против трамвайной остановки — люди сидели усталые, долго, видимо, ждали трамвая. Глядели на меня. А мне хоть бы что. Зато я подкормлю свои луки-пореи здесь на балконе и горох, завтра полью навозной жижей помидоры и огурцы. Набрала целый тазик и торжественно снесла в 4-й этаж (Л. 12–13).

3 августа 1942 г. С утра пошла в Музей. Успела до завтрака полить то, что хотела, в огороде...я должна выполнить норму, которой добилась — разрезать и разнести по 30 рубрикам не менее 15-ти газет «Лен<инградская> Правда» за день. Начала я с 4-х газет, а теперь были дни, когда успевала 19 газет разнести. До обеда сделала 6 шт., остальные до 7 ч. 30 м. нужно сделать. <...> Всю ночь со 2-го на 3-е и с 3-го на 4-е где-то близко под городом идет битва. Грохочут выстрелы тяжелой артиллерии. Каждый удар — если думать, что это мы бьем — радость, гордость за нашу Красную Армию. Всей своей жизнью мы обязаны им, нашим дорогим. Каждый миг

там ранение наших бойцов, там смерть, там ярость их ненависти, там красота неповторимого героизма. Как же мы, каждый из нас, должен работать, чтобы достойно помогать нашим бойцам. И еще — вот нас устроили на прекрасное питание¹⁹, и я каждый день, каждый кусок хлеба, ложку супа, каши все я ощущаю как драгоценную помощь, с громадным трудом завезенную в наш город. Я питаюсь, я сыта, я обязана каждую минуту своего труда отдавать делу, которое мне доверили — ведь время-то не ждет. Надо торопиться. Задача огромна и важна — сбор и обработка материалов Великой Отечественной войны — в обстановке нашего города. Многие уезжают. Надо торопиться собирать. Я должна скорее кончить разрезку 1941–1942 гг. Над материалами газет тогда смогут работать научные работники. А сколько еще надо мне сделать — газет много других. Плохо, что через день мы ходим в Институт истории партии — дело поэтому медленнее движется» (Л. 13–13об).

«4 августа. С утра работала в Музее. Канононада гремит. Радио передает музыку, бодрую, веселую. Мы здесь так привыкли к невероятным контрастам в наши дни, что даже не удивляемся им. Обстрелы и музыка, стихи и грохот снарядов, свист их через голову и разрывы. Все это — одновременно. Рвутся снаряды где-то в городе, а люди и дети спокойно идут по улицам. Все это понятно и лишь иногда на минутку удивись — и снова живешь, работаешь, спешишь... Идет проливной дождь, каждый день. Где же лето? Оно незаметно промелькнуло, хороших дней почти не было, и солнца мало видели. В четверг надо ехать полоть на огороде за город — там все залило. Придется работать, стоя в воде, там глина. Надо ехать, а то сорняки ведь не ждут. Хоть бы дождя не было... Сижу в полутьме. Окна с фанерными рамами вместо стекол — закрыты. Оставлена щель. Дождь льет на подоконник. Только что поужинали. Принесли

¹⁹ Время от времени сотрудники Музея прикрепляли к столовой, где можно было пообедать. Обеды эти были скудные — черпак щей с капустой и несколько ложек каши, но по блокадному времени это, конечно же, была огромная поддержка.

кипяченой воды и попили теплого чаю. Здесь нет ничего, на чем греть, а самовар ставить — щепок жаль, их мало. Надо бы написать письма, но темно и нет сил. Дождь поливает мой огород на балконе — это хорошо. Этот огород — в кабинете Мироныча (С. М. Кирова. — М. В.)... Теперь война. Фронт. Мы должны помочь ему обеспечить себя зеленью, сохранить свое здоровье — в этом тоже наша борьба с ненавистным врагом. Боюсь я за дружка своего, Надежду Степановну. Поддерживаю ее, чем могу... Хочу ее сохранить для работы и жизни... Темно. Почти ничего не вижу, иду ложиться. Буду слушать радио. Вся душа там, где рвутся залпы. Юг беспокоит ежечасно. Болит сердце за наши дела на юге. Все ждешь сводки, с 6 час. Утром ждешь, и днем, и вечером... Скоро иду сдавать кровь. Это — торжественный для меня день. Всегда его ощущаю, как выполнение своего долга. Рада, что чуть, чуть начинаю поправляться. Не такой уж скелет, как зимой. Даже стыдно было перед врачами, как шла на осмотр. Вот скоро год, как я донор. С 14 августа того года... Ну, темно, кончаю. Я не умею писать дневник. Надо кратко, одни факты, а я размазываю. Научусь впоследствии. Дождь-то льет» (Л. 13–14).

«6-го августа. С утра сбегала за хлебом, поела зелени сырой и ай-да на огород. Поехали без билетов, т. к. очередь огромная у кассы... Сперва не тот поезд указали, думали не уедем, так как грибниками он прямо увешан, но оказался другой состав, и мы даже сидели. Доехали без дождя, шли по сухой дороге немного в обход. Какой чудный воздух, тихо, не стреляют сегодня. У нас огород на $\frac{1}{3}$ залит водой и свекла гибнет. Капуста карликовая, брюква одна вывозит. Пололи на славу, много сделали. Я сварила щи из капустных листов, моркови, морковной зелени и еще сыроежек нам дал зав. участком. Поели перед отъездом, в 7 час. вечера, а до этого позавтракали взятым с собой. Вечером в поезд все влезли. Массу грибов везут люди. Я наполола щавеля с собой. Хочу положить в квашеную капусту. В квартире темно, света нет... Слушали радио перед сном» (Л. 15).

«8 августа. Теперь снова в Институт переливания крови. Тут сижу в очереди. Маса времени проходит зря... Хочу сохранить % крови тот же, только бы не сбавлять, а то стыдно сдавать жидкую кровь. Сейчас чувствую себя немного крепче, видимо, начала прибавлять в весе. А то как-то взвесилась, и оказалось (в марте–апреле) — с 78–80 кг сбавила за зиму до 52.600. Потом взвесилась через месяц — оказалось 50.700 — оттого, что была в более легкой одежде. А в июне в этой же одежде весила уже 53.600. А теперь, думаю, еще прибавила... Однажды в марте у меня нашли отечность ног и „пастозу“ лица. Не допустили к сдаче крови. Я совсем завяла. Чувствовала себя точно лишенной права гражданства. Ведь давать свою кровь бойцам — это самое дорогое для меня. Это то, что я непосредственно даю фронту, и вдруг — нельзя. Прошло 8 дней, меня снова осмотрели и допустили. Как я была счастлива — словно снова стала полноправным гражданином своего любимого города, своей родины — в трудную, суровую годину. Я уж всюду достаю железистые пиллюли, всякие „глицерофосфены“ и т. п., ем зелень, чтобы витамины получать все, чтобы % гемоглобина в крови не снизить. И он у меня, снизись с 77 до 70 %, все держится так. Я горжусь этим, ведь я же ужасно похудела, меня никто не узнавал, я была (и еще и теперь такая почти) — прямо скелетом — все кости, все мышцы видны, а сидеть прямо — невозможно больно. А врачи говорили „лучше худейте, только не толстейте“ (то есть не пухните) — мне просто неловко было раздеваться догола перед врачами. Кожа вся, как у слона — в складку. Врачи качали головами, но я честно уверяла, что чувствую себя бодро и могу много ходить, что очень много хожу... И меня допускали, хотя дозу уменьшили до 170 кубиков. Сегодня работала вторую часть дня в Музее» (Л. 16).

«9 августа, воскресенье. Опять промчалась неделя и снова — выходной день. Мы сегодня стираем белье в Музее. Работали до 5 час. дня — только развесили — пошел дождь, досушивали на следующее утро. С утра наносила воды в квартиру, убралась. После 5 час.

ездила к себе на квартиру. Там у меня в ящиках на окнах растет укроп, я его поливаю, когда езжу туда (редко). Окна в комнате нашей открыты, пыли масса. Нежилой вид. Ждет комнатка нас. Когда-нибудь вернемся сюда снова... Когда хожу через Кировский мост, не могу налюбоваться Невой, нашим городом. Красота: пустынен он, музыка играет по радио. Часто звучит рояль-скрипки, а вдали грохот канонад. Крепко знаю — не отдадим мы его извергу врагу, не ступит здесь его нога. Часто кажется, что мало делаю своей работой. Знаю, что собирать и обрабатывать материалы этой нашей священной войны — это моя борьба с врагом, который хочет уничтожить все, что попадает к нему, а мы стремимся каждую в черточку сохранить. Собрать все эти “гроздья гнева”, воплощающиеся в героические легендарные дела. Это ли — не важнейшая задача... Это — важное, спешное дело» (Л. 17).

«12 августа. Скоро идем слушать 7-ю симфонию Шостаковича в Филармонию. Это для нас — целое событие. За год войны мы сходили только недавно на фильм „Ленинград в борьбе“... Шла сегодня из кассы Филармонии через площадь жертв Революции (пл. Суворова у Марсова поля. — М. В.) и любовалась капустой на огородах там. Словно розаны огромные — никогда таких не видела раньше.

13-го августа. Сегодня работала в Музее. Подготавливала дела по нашему огороду (надо добыть удобрение для подкормки огорода в Девяткино, получить соль для заготовок ботвы и т. д.). Приводила в порядок канцелярские дела. Электричество уже выключили. Мы сварили на буржуйке чудную зелень — первые свои морковки, свеклу, репку, брюкву. Это сверх-вкусно. Я выпила оставшийся сок и напоила Тосю бухгалтера. Нарвала себе зелени на вечер и Н. С. салату. Пишу в темноте. Наносила воды. Поставили самовар в камине кабинета. Купила по дороге консервированное мясо (300 г), половину разогрели на керосинке (последний керосин, выданный по ½ литра по карточке — сжигаем). Надо купить хоть времянку маленькую. Купила „Цитрусовый напиток“ — ½ литра. Розовый,

кисло-горьковатый. В свекольный салат налила — ничего. Где-то все стреляют. Утром была дымка и стреляли зенитки. <...> Мои заготовки ботвы капусты и турнепса начинают давать плесень. Слишком еще тепло. Не дожусь 15-го, идти к врачам на осмотр для дачи крови 17-го и еще — концерта. Сейчас играют „Симфонические этюды“ Шумана — люблю эту вещь. Красота смотреть с балкона на Кировский проспект. У нас горох дает уже много стручков и порей тянется вовсю. Ничего уже не вижу. На огромном обеденном столе стоит самовар. Сейчас выпью чайку немного, так как уже достаточно жидкости ела» (Л. 17–18).

«18-го августа. В 3 час. 30 мин. поехала в Институт переливания крови. Уже стояла большая очередь во дворе. Пришлось долго ждать на измерение температуры, потом пока вызовут и дадут талон и купон на чай. В очереди читала „Родина зовет“ — есть там очень хорошие рассказы. Хотела написать пару слов тому, кому пойдет кровь моя. Всегда, когда сдаю кровь — чувствую, точно сын это мой (которого когда-то так безумно ждала и так оплакивала, что его не будет). Теперь все бойцы, кому даю кровь — мои сыны любимые. Свою жизненную силу даю им, чтобы могли поправиться и с новой ненавистью бить проклятых немцев — врага нашего лютого. Когда вставили иглу — сразу кровь хлынула волнами. Иди, моя кровь, лейся, давай силы бойцам — громить, поражать, истреблять гадов. Пробыла во всех остальных очередях до 3-х часов. Устала, а в общем не плохо себя чувствую» (Л. 18).

«28-го августа. Работала в Институте И. П.²⁰ К концу дня сюда пришла военфельдшер т. С. — орденосеица, седые волосы, румяное лицо. Глаза — раскосые — пышет жизнерадостностью и здоровьем. Короткая юбка, прекрасные ноги — в очень хороших чулках и белых туфлях на французском каблучке. Гимнастерка, ремни и синий берет. Замечательные вещи она рассказала под стенограмму — свои фронтовые воспоминания.

²⁰ Ленинградский институт истории ВКП(б).

Как несколько раз была ранена. Как 17 девушек должны были отвлечь внимание врага от группы наших бойцов во главе с героем Советского Союза, попавших в окружение. Как девушки подбили 1-й, средний и последний из 9 танков, шедших на них. Как одна вскочила на 2-й танк и бросила внутрь гранату. Как С. лежала раненая в канавке... Как самолеты налетали в группу санитарок, как ее подруге, лежавшей у нее на коленях, оторвало голову, как С. завалило трупами подруг, и спустившийся со стервятника летчик ее не заметил, считая мертвой. Она вся была залита кровью и мозгами убитых девушек и многое еще. <...> Мы слушали. Я задала ряд вопросов. Слезы текли — невозможно было сдержать. Я еще несколько дней ходила под этим впечатлением. Сколько красоты, героических подвигов, а все так просто, такие простые люди их совершают, как естественные дела» (Л. 21).

«31-го августа. После завтрака сразу же пошла в Гор<одское> Управление по выдаче продкарточек. Ответ был благоприятен. Вот-то радость! Теперь я имею право на 1 катег<орию>. Как работник, а не только как донор, и это мне очень кажется хорошим делом. Донором я все равно буду, в этом моя гордость... Пошла от моста Строителей мимо Эрмитажа на площадь Жертв Революции. Эту дорогу по набережной я по делу получения карточек проделала сейчас в эти дни не менее 12-ти раз взад и вперед. По дороге дважды встретила египтолога Н. Д. Ф.²¹ Не видалась свыше 20 лет. Она — в Эрмитаже. Под бомбежки написала 2 книги. Не захотела уехать. Теперь приглашена разработать отдел выставки в Музее Ленина „25 лет работы Музея Эрмитажа“, очень интересно. Хорошо с нею поговорили. Говорила она о том, что войной поставлен вопрос о существовании не только русской, но и вообще — культуры. Говорила, как раньше, в 20-х годах после Октября — не понимала, как это ГИЗ с нее требует написания книжки по Востоку, которую бы читал

для своего самообразования и колхозник, и ученик 3-го класса и еще многие тысячи наших граждан — до ученых включительно. А теперь она поняла, что только так и может писать... Рассказала, как война выявила много прекрасных людей у них в Музее, как и везде... Вечером узнали, что завтра надо уже идти ломать сарай на Пушкинской. Шила еще немного Над. Степ. халат, чтобы идти завтра. Легли немного раньше, прослушали только „Ленинградские известия“. Сегодня сорвали 12 огурцов и Н. С. их замариновала» (Л. 22–23).

Н. А. Энман много пишет о работе «на дровах», одну из записей мы почти полностью приведем ниже.

«3 сентября. С утра отправились после завтрака — на ломку дров. Дали нам сарай в базе для тары. Во дворе бочки, банки, бутылки. При нас начали выносить все это из сарая. На крыше был у них инд<ивидуальный> огород в ящиках. Его спускали по двум доскам вниз. Нас было 9 чел. С собой тележка, лестница, ломы, топоры, пила. Все шло хорошо. К 2-м часам привез какой-то дядя бутылки. С ним сговорились за обед в столовой и 50 руб. денег, что он отвезет к нам в Музей часть наломанных уже досок. Меня послали достать ему обед... Когда пришла обратно, мне уже у входа ребята сообщили, что „одну тетеньку свезли в больницу“ — сразу „под коленками стало кисло“. Думаю, не Над. ли Степ. мою? Оказалось, Марию Максимовну.

Вообще наша инвалидная команда (из 12 чел. только 5 чел. подлежали мобилизации) — потеряла на время одного из сильнейших членов. Они вчетвером стояли на чердачном перекрытии и бабахнули оттуда вниз вместе с настилом. Одна из нас не могла вывернуть балки перекрытия. Мария Максимовна к ней подросла и всей тяжестью они, очевидно, перетянули плохо прибитый настил. М. М., когда к ней подскочили, оказалась сидящей на двух длинных гвоздях. Ей прошло ягодицу и бедро. Кроме того, поврежден позвоночник, и может быть трещина на кости ноги. Остальные отделались ушибами. М. С. ловко упала, и все бы ничего, но на нее (на голову) скатилось

²¹ Н. Д. Флиттнер (1879–1957), известный историк-востоковед и искусствовед (Памяти Н. Д. Флиттнер, 1959).

2 лома. Но все обошлось. Андреева зашибла ногу и спину. Она от сотрясения совсем раскисла, но хотела еще работать. Еле мы ее сплывили в столовую и домой.

Привезли, кроме воза, еще 2 тележки досок. Кабы не это происшествие, поработали бы мы на славу в составе З. С. М. — 65 л. (сердце), Н. С. — 52 г. (сердце и вены на ногах), Н. Э. — 52 г. (вена на лев<ой> ноге)²², дворник 52 л. — с больными ногами, М. С. Б. — 46 л., диабетик, М. К. А. — научный работник, дистрофик, А. Г. Р. — бухгалтер, 30 лет, ничего девушка, работать может, М. М., тоже могла работать, О. Ф. С. — директор, 35 л. — совсем больная, язва желудка, работала под наши чертыханья и сама огрызаясь. „Вот компания какая“ — как поется в детском фильме. Вернулись часам к 7 — пошел сильный дождь. Придя на пост — поели остатки хлеба, запили чаем и — спать» (Л. 24).

Следующие несколько дней также проходят в работе «на дровах», которые нужно было возить на тележках в Музей и пилить. Возили в обход, через Пушкинскую ул. и сквер на ул. Ленина, так как возить по Кировскому (Каменноостровскому) проспекту было запрещено.

«9 сентября. Снова с 8 утра возим, пилим. Теперь уже твердая норма. 4 воза до 4-х — 5 часов дня возит каждая из 2-х наших пар. Я и Н. С. (105 лет нам вместе) возим очень тяжелые возы на тележке: 3-х метровые доски от пола. И как раз в одном месте в парке, где поврежден асфальт и 2 огромные лужи, как назло здесь всегда встречаются автомашины и очень трудно с ними разминуться» (Л. 25).

«11 сентября. Что-то я немного заболела. Желудок. Ну, ничего, все это — пустяки. Сегодня снова солнце, и это бодрит и радует. <...> Ездили хлопотать о ватных костюмах — пришлось немало походить пешком, что очень жаль, т. к. ноги весьма устали. Приехала после 3-х часов. В трамвае прочла купленную брошюрку: происки фашистской разведки в Ленинграде. Очень хорошая книжка, полезная для многих. Сегодня Маша и З. С.

говорили о приобретении на складе бочек для нас. Вот здорово-то. Устроим квашеную капустку... После 5 час. вечера была на огороде, поймали много гусениц на капусте... Я рада, что мы одолели дровяную кампанию, так нас мало и такие мы слабосильные в общем, а поработали на славу, вкладывая все силы. Ведь эти дрова, это зимнее тепло. Это все — фронт против Гитлера. Проживем эту зиму в пику ему, постараемся прожить. Единственное темное пятно — Маруся. Она в больнице, и ей нехорошо, а перспективы неважные. Ведь надо было, чтобы так случилось... Вчера купили 1–2 номера журнала „Звезда“ — там много хорошего. Там поэма Тихонова „Киров с нами“. Хорошие стихи Прокофьева и др. Вот снова темнится уже и писать трудно. Сегодня ночью я тяжело спала — верно, после возки дров. Иду на кухню гладить, пока еда греется» (Л. 26об–27).

«17-го сентября. С утра пошла сдавать кровь: это была моя первая годовщина донорства, 12-й раз я сдавала. Во время сидения в очереди написала письмо тому, кому в этот день пойдет моя кровь. Вроде краткого отчета за год. Давно решила это сделать, когда минет год. Письмо нужно было оставить у зав. Донорским отделом. Сказали, что передадут. Сегодня взяли 170 куб. см, % — 70. Рада, что сдала — каждый раз у меня это радостный праздничный день. Ушла на пост раньше, так как не пилили дров. Я немного устала все же за этот день...

18-го сентября. Сперва думали, что будем разбирать сарай, который нам дали дополнительно, но из этого ничего не вышло. Мы пилили дрова, и в Институт²³ не пошли. Вечером сушили овощи, пока не стало темно» (Л. 28об).

«21-го сентября. Работали в Институте. Местные работники тоже ломают дом. Хорошо, что мы это дело кончили. ... Специализировались на сушке ботвы, свеклы и капусты прямо на плите, на сильном жару. Листья остаются совсем зелеными, сперва ломкими, а затем, полежав, размякают. Насушили овощей

²² Здесь автор дневника имела в виду себя.

²³ Ленинградском институте истории ВКП(б).

банку и банку укропа. Спим в совершенно темной комнате. Спичек почти нет, и коптилку зажигаем очень мало. Керосину тоже почти нет» (Л. 28об–29).

В последние дни сентября — начале октября 1942 г. сотрудники Музея собирали выращенные овощи на общественном огороде.

«1-го октября. Снова с утра поехали в Девяткино. Было нас четверо. В 10 час. утра уже убрали с грядок остатки овощей (турнепс, репа, брюква и ботва). Двое пошли в дом, хотели взять наши 3 мешка с корнеплодами, но дом оказался закрытым. Обрато тащили мы с Машей по 2 мешка, все остальные по одному. На станцию пришли вовремя. Был чудный день, и не хотелось нам ехать в город. Деревья золотые, воздух осенний, прозрачный. На Синявинском направлении здорово бахали, все время гудела канонада. В поезде оказалось гораздо свободнее, но мы стояли на площадке... Вечером снова возились с зеленью» (Л. 32).

«2-го октября. С утра пошли в Ин-т. Работала я там не поднимая головы и удалось обработать только 8 газет. Делала надписи для инвентарной книги. Всю ночь на сегодня была слышна канонада и со стороны Балтийского моря. Вечером я позвала Н. С. на балкон. Вечер был теплый, темно. Все небо полыхает от далеких артиллерийских залпов (их не слышно) — проходят машины с затемненными фарами. Слышны голоса редких прохожих. А над всем этим льются чудесные звуки рояля — передают концерт Ляпунова. Наш любимый город, любишь его все больше, любишься им, он становится все роднее. Остались мы тут в нашем городе, хотя два раза могли уехать. Здесь будем помогать его защищать, здесь работать» (Л. 32об).

«21-го октября. С утра отправилась я после завтрака пешком в Институт Истории партии. Чудесна Нева — красавица наша — небо серое, вода свинцовая — ветер рвет одежду — я иду через Кировский красивый мост — дышу глубоко и хочу, хочу, хочу — скорее-скорее бы уничтожить, доканать, убить всю свору проклятых врагов. Собрать все силы, собраться как-то в комок, в кулак —

и начать. И Нева вновь заиграет на солнце, и чудесный наш город — оживет... Не надо об этом думать, сейчас надо сжать свои мечты — как зубы при усилении — и каждую минуту своей жизни и работы — громить врага во всем, что делаешь, как делаешь» (Л. 39об–40).

«23 октября. Работали у себя в Музее... Сперва пилили и кололи дрова для новой печки в библиотеке. Потом ее стопили. Я начала законопачивать окна на зиму (у нас получены очески ваты)... Маша обнаружила потерю своего кошелька, где была хлебная карточка, талоны на обед и завтрак... 7 дней у нее еще. Правда, есть зелень у нее. Надо ей хоть немного хлеба уделять, если согласятся, — проживем, ничего. Я вчера в саду набрала целый мешок крапивы и сушу ее на плите под трубой времянки. Пусть будет больше зелени, может быть, рады будем зимой. Сегодня вечером чистили снова кочерыжки и утром, к завтраку, будем их есть. Пишу, а сама плохо вижу» (Л. 42об).

По выходным устраивали «большую стирку», что по блокадному времени было очень трудоемким делом. Как правило, Н. А. Энман стирала дома, а потом сносила белье во двор, поближе к источнику воды, и там полоскала и синила. Вот одна из ее «зарисовок» выходного дня.

«25-го октября (выходной день). Наносила с утра воды... Стирка продолжалась до 1 час. дня. Затем отправились обедать. Я сварила стволы и кожу от кочерыжек, так как кожа прекрасно промалывается и идет на еду. А стволистые части я насушила. Не знаю, что из них сделать — одни советуют поджарить, как кофе, другие говорят, что это не пойдет. Когда они сохнут на плите, то сильно пахнут капустой. После обеда я потащила белье в рыночной корзине и тазу вниз во двор — полоскать. Захватила с собой большой таз. Устроила себе из какой-то железной „детали“ подставку, поместив ее на трех кирпичках. Получилось неплохо. Руки очень застыли. Тут же пришли другие женщины полоскать белье, другие мыли капустные листья — совсем желтые. Пришел военный мыть огромный кусок гранита, чтобы положить на бочку.

Но плохо вымыл. Сказал, что у него капуста заплесневела и он выбросил около 6 кг. Все ахнули, а когда он ушел, кто-то сказал: „Видно, ему дешево эта капуста досталась“. А ему одна сказала: „Хоть бы бедным дал, мы бы промыли“ (у нее были желтые капустные листья). А он: „Мы все теперь бедные“. Еще один пришел мыть булжники, которые он принес в вязаной сумке. Уже стало темно, когда я кончила полоскать и синить. Так и день прошел. Не успела ничего зашить и заштопать» (Л. 43–43об).

Приближалась 25-я годовщина Октябрьской революции. Н. А. Энман была приглашена на торжественное собрание в Петроградском райкоме партии.

«4 ноября. Маша принесла мне билет на торжественное заседание актива Петр<о>градского Совета (очень красивый билет белый, с золотым тиснением — сохранию на память). К 4-м была уже в Райкоме. Начали в 5 час. вместо 4-х. Замечательно выступал батальонный комиссар с линкора „Октябрьская Революция“ и очень хорошо один герой Советского Союза — истребитель. Пионеры были чудесные. Я ушла и не осталась на концертное отделение, так как не хотела оставлять Н. С. одну в темной квартире на посту. Сегодня была выдача масла, а можно было купить и сыр — мы взяли, и уж такой он вкусный, но хлеба мало. Завтра получу по донорскому пайку и можно будет поесть... Я сегодня из темной фондовой кладовой достала свой костюм хороший и туфли — и оделась на заседание в самое праздничное. Правда, там сидели в пальто, но я рада была, что и под пальто — лучшее одето. Только согрелась, легла, в 9.20 — тревога. Встали, оделись, я начала писать письмо. В 11 ч. 10 м. — отбой воздушной тревоги. <...> Снова легли. Но свет не погасили. И опять тревога в 11. 40 — и по 1 ч. ночи» (Л. 49).

В середине ноября 1942 г. Н. А. Энман было разрешено оставить пост в квартире С. М. Кирова, и она могла вернуться домой. С нею отправилась и Н. С. Судакова. Н. А. Энман не без юмора описала это «великое переселение».

«Сдвинулись к себе домой на Рубинштейна. Нагрузили наш детский

мальпост²⁴ 8-ю пакетами, а 2 вещи Н. С. несла на плече. Я везла коляску с трудом, так как колеса проваливались в снег, и наша прекрасная асфальтовая дорога была ни к чему. Один раз перевернулась коляска. Какой-то мальчик помог поднять. Еще какая-то женщина, стоявшая на трамвайной остановке, сама, с охотой, помогла мне взобраться на Лебяжий мост (я так ее благодарил, ведь это замечательно, настоящая ленинградка). Солнце светило, и я должна была снять теплую шапку и надела берет. На площади Жертв Революции встретили С. И. А.²⁵, он сказал: „Вот чисто современная картина!“ Доехали через час с хвостиком. Какое счастье — дома! <...> Вымыли окна, обмели карнизы, стены, я навесила темные занавески. Сварили себе кашу (рисовую), съели с хлебом, попили чай с шоколадом. В общем — пировали. Соседи рады, что мы вернулись. Сразу же подписались и тут на тот же танк²⁶. Воду взяла у соседей через площадку (у нас не идет) — не надо ходить вниз, и я счастлива. Здесь только 46 ступеней, а там свыше 100 ступеней. <...> Узнали, что за время нашего отсутствия (с конца июня) — тут умерло двое знакомых в нашем доме. <...> Сейчас по радио такие вести, что радуется душа и верится в недолгий конец войны (лучше об этом не думать!). Сейчас читают стихи В. Инбер, „Пулковский меридиан“ и др. Хорошо. Люблю хорошие стихи» (Л. 56).

Вскоре пришло известие о начале наступления под Сталинградом. Вот как вспоминает этот день Н. А. Энман.

«22 ноября 42 г. Сегодня Н. С. ходила на рынок искать табачку. Нашла 25 папирос, дорого, за хлеб. Ну, как-нибудь обернемся. Сейчас сказали по радио радостную весть о начале

²⁴ То есть детскую коляску, которой Н. А. Энман пользовалась для перевозки тяжелых вещей. Верный мальпост часто упоминается в дневнике.

²⁵ Вероятно, С. И. Авакумова, директора Музея С. М. Кирова в 1938–1941 гг., позже он заведовал Ленинградским институтом истории ВКП(б).

²⁶ Как и многие ленинградцы, Н. А. Энман передавала средства на военные цели. В дневнике несколько раз упоминается танк, а также самолет «Ленинградский донор», на который она передала деньги, следовавшие ей за сдачу крови (Л. 91об).

наступления в р-не Сталинграда. Мы целовались, такая радость! Я побежала к нашим друзьям — соседям по квартире — мать и дочь лежали уже в постели и слушали радио. Мать говорит: „У меня сердце так заболело, что мне кажется, я умираю“. А мы говорим — живите! „Я, — говорит, наверное, умру в день победы“. А я говорю — живите! Все повторяют об этом наступлении — и звучит это по всему СССР, по всему миру, по странам... Наступают решительные дни... На улице — дивная ночь. Луна светит во все лопатки. 2 градуса мороза. Сейчас начали стрелять — не понять, обстрел или что-то другое. Гады, кажется, ведут обстрел. Ярится враг. Наступают решительные времена. Ночью была тревога. Недолго. Я встала и оделась. Н. С. лежала» (Л. 62).

С началом зимы Н. А. Энман, как и другие сотрудники Музея, была мобилизована на уборку снега в помощь дворникам, которые не справлялись с работой. Начали иногда давать свет, но на короткое время.

«21 декабря 42 г. Вот и кончился праздник — света уже нет. В общем, досада и злость во мне. Безобразия и халатность во всем хозяйстве по нашему дому. Сидим теперь во тьме. <...> Снег тяжелый и трудный. Дворники с утра ничего не убрали. Мы теперь и трамвайные пути должны чистить. Сегодня худой день. Узнала, что, кажется, в нашей столовой больше не будет того питания для нас, которое было. Тогда я не знаю, как мы будем жить и свой снег убирать. Н. С. худеет с каждым днем. Я ее не могу больше обеспечить 1-ю категорию, т. к. она не будет, вероятно, работать в Институте истории партии сейчас, так как ей очень трудно ходить пешком. Ну, нечего скулить, может быть, еще и все-то в столовой останется по-старому. Скорее за работу» (Л. 77об.).

После возвращения домой Н. А. Энман посетила семью художника В. А. Зверева²⁷, умершего в блокадном городе.

²⁷ В. А. Зверев сотрудничал с Музеем С. М. Кирова, ему принадлежат портрет С. М. Кирова и несколько рисунков, изображающих этого государственного деятеля, созданных в 1930-х гг. С 1906 г. он учился в Академии художеств в студии Д. Н. Кардовского. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vladimir.ru/Зверев_Василий_Александрович (дата обращения: 04.05.2020).

«23 декабря 42 г. ... Пошла с ул. Р. Люксембург (Введенской. — М. В.) на пл. Льва Толстого, но по пути зашла по просьбе нашего бухгалтера в квартиру худ. Зверева, умершего в мае этого года. Присидела у его жены около 2-х часов, слушая ее скорбный рассказ о болезни и смерти этого замечательного художника... Ему не удалось эвакуироваться, пока он был еще здоров. С сентября по декабрь 1941 г. во время бомбежек старик дежурил по 12 часов на чердаке, с мужеством и стойкостью бойца-ленинградца. Но у него не было теплой одежды, он простудился. В начале декабря заболел. Ему жена хлопотала 1-ю категорию продовольственной карточки. Не удалось, в ЛОСХ²⁸ отнесли бездушно. В январе-феврале и в начале марта лежал в стационаре в „Астории“. Там получил 1 категорию. Оттуда вышел слабый. Можно было уехать, но не смог, а ЛОСХ не устроил ему помощи по эвакуации. Получил ученый паек. К 1-му апреля был получен подарок художникам, но ЛОСХ не довел до сведения и только случайно, около 17 апреля они узнали, что есть прод<овольственный> подарок. Время было упущено. С начала апреля жена и дочь поступили работать в военную организацию, чтобы давать ему паек. Их не было с 7 утра до 7 вечера. Он был один, но начал к концу апреля поправляться и даже писал. Чудный неоконченный портрет Мироныча (С. М. Кирова. — М. В.) — это его работа тех дней. В первые дни мая получили в ЛОСХ соевое молоко. Съел кашу с ним и заболел дизентерией — больше не вставал. 5 мая скончался. Жена пошла в ЛОСХ просить помощь для похорон. Прислали писателя Быльева — он организовал доставку на кладбище (место выхлопотал комитет по делам искусств) — но за это вынудил жену отдать ему хлеб, продкарточку Зверева и др. Из художников никто не пришел проводить его тело на кладбище. Обо всем этом никто из нас в Музее не знал. Мы бы пришли к ним не раз. Думали, что Зверевы уехали, а они думали, что мы все эвакуировались. Так получается. Горько и больно. Хочу

²⁸ Ленинградское отделение Союза художников.

теперь помочь жене. Она работает в совхозе, сейчас возит туда из города золу» (Л. 78–79).

В декабре опять пришло время работать «на дровах», заниматься их распилкой во дворе Музея и ездить за дровами на окраину города.

«28 декабря 42 г. Шли пешком. Скользко и темно, кое-где тает. Узнали, что сегодня с дровами ничего не будет. Готовила материал по карточкам. Пока было темно — пилили дрова. <...> После обеда пошла со всеми документами за карточками и пробыла там до 6 час. 30 мин. Н. С. ушла домой одна. Я вышла из Бюро, решив забрать все карточки домой, чтобы их надписать. Было темно. Долго ждала трамвая. Пришлось идти в полной темноте и дорога жутко скользкая. Дошла хорошо, но очень долго шла. Н. С. отказали в 1 категории. Я зла. Неужели мы не выхлопочем? Вечером света у нас не было. Я в темноте с коптилкой сидела до 11 час. — сделала 130 надписей на карточках и учетных листках (это для 12 человек). Завтра в 8 час. 40 мин. мне надо быть у Райкома — поедем на машине за дровами» (Л. 81об).

С празднованием Нового года обычно связывают светлые, радостные надежды на будущее. И в блокадном городе ждали новогоднего праздника, готовились к нему, кто как мог. Приближение нового, 1943 г., чувствуется и в записях Н. А. Энман, относящихся к последним числам декабря.

«29 декабря 42 г. Нам не дали машины. Мы ждали в РК. Узнав, что не поедем, мы с бухгалтером по дороге в Музей зашли в парикмахерскую и постриглись. Несколько раз я заходила по городу и не могла постричься, все очереди. Днем ходила к Марии Максимовне в больницу. Она — молодцом, поправляется. Провожала меня на лестнице. Ходила в магазин, сегодня получили шоколад, кофе, пиво. Раздавала всем карточки, подготовила отчет в Уч<етное> Бюро, который завтра отнесу. Домой шла с мешком за спиной, где лежали дрова, портфель Н. С., покупки. В руках я несла сумку с двумя литровками пива и банкой квашеной свеклы... Сегодня вечером и вчера ночью здорово стреляли, а около 7 час. вечера была ВТ (то есть воздушная тревога. — М. В.)

около 40 минут. Прекрасно выступала по радио О. Бергольц... Завтра объявлена икра вместо сельдей или сельди (50 % икры). Белый хлеб на талоны 1-го получим — тоже очень замечательно. А сегодня получили шпиг вместо масла полным весом. Публика ждала водки и вина. Пока объявлены выдачи на 30-е и ничего такого нет... Проживем и встретим Новый год и без выпивки — все равно вести хорошие и на сердце — радость, и новый год на этот раз — совсем другой, чем в прошлом году. Прекрасные стихи к новому году читала Бергольц. Дровяные дела отложены до после нового года, и на душе полегче. Там видно будет. Завтра-послезавтра решится все со столовой и для нас, и для нашего обслуживающего персонала. Снова ВТ в 20 ч. 10 м. до 23 ч. 12 м. Читают запись последних известий — третья ВТ с 24 ч. по 2 ч. Читали «В последний час» о взятии нами Котельниково. Четвертая ВТ в 3 ч. 50 м. Пятая тревога была уже утром около 6 ч. 30 мин. по 7 час. 20 м.» (Л. 81об–82).

«31 декабря 42 г. Сегодня рано утром я была уже в своем донорском магазине, дополучала там сельди вместо мяса... Сегодня был опять тормозной день. С фонарем я уже сидела и составляла отчет и акт к нему по раздаче карточек. Н. С. в это время ушла в магазин за икрой, рисом, мылом и порошком. Я сдала отчет, потом пошла исследовать магазин на углу Мичуринской, куда нам советуют сейчас прикрепиться, так как в нашем магазине очень много народу теперь... Вечером слушали радио. Было прекрасное выступление В. Вишневского, а сейчас, уже в 23 ч. 40 м. объявили о выступлении по радио М. И. Калинина. А до того были переданы итоги разгрома немцев под Сталинградом — совинформбюро. Даже слезы брызнули — так это звучало гордо и торжественно на весь мир... Проходит этот год, когда мы боролись не на жизнь, а на смерть с ненавистным врагом. Боролись каждый на своем посту, каждый в своем организме даже, в каждом своем мускуле, в каждой мысли — только бы не сдать Гитлеру, не ослабеть, не сдрейфить, только бы работать и жить, жить — в наше незабываемое время... Вот Надежда Степановна уже взбалтывает пиво. Его мы будем

пить в Новый год. А он уже близок „наступающий“ как сказали по радио — Новый год. Он отмечен наступлением и пойдет под этим победным стягом — к победе... Н. С. зажигает керосиновую лампу, чтобы было светло... Сейчас... Мы подняли стопки с пенным пивом и выпили — за нашего полководца, за наше верховное командование, за нашего отца и друга т. Сталина. Выпили за всех бойцов нашей Красной Армии. Вот выступает т. Попков²⁹. Он прошел нелегкий путь в этом году и с честью вел наш город через все трудности блокады. Здравствуй, Новый год — мы ждем от тебя многого. Мы ждем от тебя — полного разгрома фашистской гадины» (Л. 83–84).

«1 янв. 43 г. Легли в 2 ч. 10 м. утра. Спала до 6 час. Слушала известия. В 9 час. встала — все пролежала, слушая радио. Прибрала комнату. Сходила за хлебом. В 12 ч. начала оформлять газету для подшефного Института (травматологии. — М. В.). Кончила, когда стемнело — около 5 час. За газетой пришла медсестра. Я рада, что сделала эту работу. Это — моя военная работа наряду с донорством. Потом буквально дохла от безделья — в темноте с копилкой. Начала приводить в порядок вещи в чемодане, подшивать воротничок к вязанке — буквально от нечего делать... Сейчас 22 час. 30 м. — придется лечь и снова слушать радио. Так прошел выходной день... Сегодня передали еще один новогодний подарок: Красная Армия взяла Великие Луки» (Л. 84).

В первый день на службе в Музее в наступившем году Н. А. Энман с удовольствием вспоминала прошедший новогодний праздник, отметив, что он был веселее, чем год назад.

«2 янв. 43 г. Сегодня за завтраком поздравлялись с М. С., потом с О. Ф. ... Сегодня у О. Ф. сидели и пересмотрели все по картам, где идут бои. <...> Хочу записать по памяти, чем мы (в смысле угощения) встречали этот Новый год. В прошлом году у нас было пиво и

по плитке шоколада, и мы ели черный хлеб. В этом году у нас было пиво, икра кетовая (вместо мяса), селедки, которые мы замариновали. О. Ф. нам подарила на новый год луковицу, и ее туда же нарезали. Потом мы в столовой к концу дня купили белый хлеб (накануне, по талонам на 1-е января). До этого мы весь день экономили черный хлеб, полученный еще 30.12. Потом у нас были остатки московской горькой, настоящей на рябине, — ее тоже выпили по рюмочке. Соседи нам преподнесли подарок: по кусочку американского свиного фаршу, копченой селедки 2 кусочка, 2 вареной картошки и немного чудесной белой квашеной капусты. А мы их угостили икрой.

Прошлый Новый год мы встречали в квартире на Кировском пр. на казарменном положении. Мы жили в ванной комнате и ели на умывальнике, на который был положен лист фанеры, покрытый клеенкой. Тогда я впервые получила донорский паек. Помню, какое удивительное зрелище было: 2 кило черного хлеба, на столе — мясной бульон, масло, лапша, конфеты „бим-бом“, сахар-рафинад — никогда я не забуду этого великолепия... Всего понемногу, но все — невиданное.

Тогда ведь по карточкам нам многое не досталось в магазине. Днями и вечерами мы выстаивали в очереди за маслом, за кондитерскими изделиями, но так и не получили, много талонов осталось на декабрьской, январской карточках. Трудно было в нашем заблокированном городе — если вспомнить эти тяжкие дни — как хорошо мы живем теперь. Теперь только бы Надежда Степановна подправилась и не худела так. Но талоны в столовую — получены, „путевка в жизнь“, как мы их зовем, и я спокойно сплю, а то одно время очень трепыхалась — а вдруг что-нибудь изменится, и мы не получим этого питания. Теперь скорее бы прошел день по перевозке 25 кубометров дров для Музея, тогда все страхи (из-за Над. Степановны) — минуют. Хорошо бы, чтобы этот день был до сдачи мною крови, а то иногда наши авралы случаются на 3-й, 4-й дни после сдачи, и это не очень хорошо для меня получается. Ну ладно, все это мелочи. На фронтах дела прекрасно идут — и сердце верит крепко, что

²⁹ П. С. Попков — Один из организаторов и руководителей обороны Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. В 1946–1949 гг. был 1-м секретарем Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). Один из главных фигурантов так называемого «Ленинградского дела» (Беглова и др., 1992. С. 504–505).

не так уж долго ждать праздника на нашей улице. Меня беспокоит то, что работа по газетам опять заглохла...» (Л. 84–85).

В дневнике все чаще появляются сообщения об освобожденных городах.

«3 янв. 43 г. Снова день пролетел, как стрела. С утра, пока было темно, пилили дрова... После обеда ко мне пришла медсестра из Института Травматологии и принесла мне торжественное письмо от парт<ийной> и проф<союзной> организаций Ин-та и новогодний подарок — за работу над оформлением стенгазеты — немного изюму и булки. Мне было очень не по себе — еще сказала она, что от души меня, мол, благодарят, а все же — ведь это моя оборонная работа. Я уже решила, как поступить с этой премией — угощу всех.

Завтра настанет трудный день — ехать перевозить дрова. Сколько их перевезем — неизвестно, а получим 25 к/б метров для Музея... Сегодня ночью радио сообщило о взятии нами Моздока» (Л. 86).

Хочется, конечно же, привести здесь отрывок, описывающий день прорыва блокады, события, памятного для всех ленинградцев.

«18 января 1943 г. Сегодня я зря съездила в далекое путешествие на Охту. <...> У нас сегодня зажгли свет... Это мы узнали только вернувшись домой из кино, куда я взяла билеты на 7 час. Фильм „Секретарь райкома“. Прекрасная картина — ни на минуту не отпускает, держит все внимание — чудесно играют. Огромная сила партизанского движения, сила народа показана прекрасно. На улице было не темно (луна в облаках) — шли из кино и все мерещился тот предатель, который там в фильме был среди партизан... Есть они, среди нас ходят по городу... 23 часа. Сейчас говорят по радио — о прорыве блокады Ленинграда! Не могу писать. Заняли Шлиссельбург... Войска Волховского и Синявинского фронта соединились и прорвали блокаду Ленинграда. Слезы текут, черт возьми, — не могу... Родные — неужели правда! Неужели же — правда? Это было сегодня, 18-го января. Сейчас бегала в соседнюю квартиру, хотела позвонить по телефону нашим в Музей, но там телефон как раз не работает...

Спасибо вам, защитники нашего славного города, вечная слава вам, кто пал героически и кто уже не переживет этого дня. Вот уже 1 час ночи, и радио все ликует. Выступал ленинградский рабочий, О. Бергольц, В. Серов (в дневнике нечетко — возможно, В. Серова? — М. В.). Как наши дикторы читали, с каким выражением! Сейчас вернулся Ваня, наш сосед, милиционер — в коридоре поздравлялись с ним. В 2 ч. ночи у нас внезапно прекратилось радио (а передача шла до 6 часа утра) — я моментально заснула.

19 янв. 43 г. Проснулась в 6 час. — сразу же вспомнила вчерашнюю радость и заликовало сердце... Шли в темноте — народ тихо идет на работу, играет музыка. Город настороженно затемнен. Блокада прорвана, но враг близко, и город молчит... Я с С. М. С. украшали нашу ограду красными флагами. Сегодня на нашей улице праздник. Никогда я не забуду, как мы эти флаги втыкали. Ходил тут же милиционер и весело мы с ним обменивались радостью. Наши в Музее вчера совсем обалдели от радости, узнав новости с фронта. Сегодня митинг у нас утром... Читают замечательную корреспонденцию о битве, о наступлении на Ладоге. Какая-то женщина на улице сказала мне, как она пережила вчера радость, но вместе с тем ее муж вчера ушел на фронт, и это она тревожно вспоминает» (Л. 94–95).

«23 янв. 43 г. ... Когда пришла домой около 8 вечера, уже у дома началась тревога. Сейчас уже около 22 часов, а ВТ все еще длится. Сегодня, когда убирали мы снег, вышло солнце. Было замечательно красиво. Небо синее, тополя в нем горой. По эфиру разносился „Онегин“ — сцена письма, тут же грохотали залпы где-то под городом. Я думала, вот бьются там наши и частично бьются за то, чтобы эти звуки <музыки> Чайковского могли звучать и впредь в нашем городе. Наши люди там героически сражаются и умирают, а мы тут чистим наши улицы, чтобы был в городе порядок. Не забыть это утро. Снег белый, сверкает, даже в воздухе искры горят. Вдруг с двух равных сторон от солнца появились спектры — куски радуги — от них белые лучи — прожекторы, и по ним двигаются какие-то тени. Что это было — не знаем. Ловили может быть

разведчика. А небо было исполосовано белыми завесами. Любимый наш город. Устала я на снегу очень, но как приятно работать по уборке нашей улицы, нашего города! Сдвигаешь снег валом у тротуара и думаешь: надо бы сделать проходы, а то людям неудобно будет ходить. Сделаешь проход, а пешеходы уже по нему идут на тротуар, и как здорово приятно, что это я сделала удобный ход для граждан нашего города...» (Л. 97).

Дальнейшие записи 1943 г. отражают те же реалии жизни — работу в Музее, возделывание огородов, бытовые эпизоды. По-прежнему подробно описаны блокадные «блюда», поддерживающие силы.

«28 августа 43 г. ... Если бы не огород, мы бы пропали... Я научилась есть салат из ботвы свеклы (это уже в прошлом году), турнепса, брюквы, репы, тыквы, репы, редиса — это меня спасает. А Н. С. не может сырого есть — она варит супы на утро и на вечер из корнеплодов с добавкой отварных черенков листьев. Я нарежу себе зеленой ботвы и залью ее жижей от супа, посолю и ем без ничего (конечно, с хлебом!), а когда этим подзаложусь — беру немного отварных овощей, кладу в них зел<еную> муку и ем в виде десерта — уж очень это вкусно. А Н. С. ест только вареные овощи» (Л. 331об).

Хочется завершить приведенные здесь выдержки из блокадного дневника Н. А. Энман описанием ноябрьских праздников 1943 г.

«7 ноября. Сегодня праздник. Утром я рано встала и пошла за хлебом. Это оказалось нелегко. Вчера распродали белый хлеб, а нового не подвезли. Но, кроме того, у нас талоны 8 ноября, а на них не дают белого хлеба с изюмом. А мы один раз решили купить галеты и таким образом переключались на карточку следующего дня, и с тех пор никак не можем выправиться на тот же день. Я потомшила. Варили щи кислые из своей капусты с грибами — очень вкусно получилось. Я сидела в саду и чистила корешки — стволы брюквы... Отварила их вечером и смолола. Около 4 час. явилась хозяйка и пригласила на встречу праздника в складчину. Около 5 ч. собрались все, кто с чем — кто с водкой, с пивом, с закуской и т. д., а хозяйка всех

перещеголяла: устроили какой-то замечательный винегрет, что прямо объеденье... Маша даже плитку шоколада „поставила“, но его никто не ел и ей отдали обратно. А О. Ф. насугостила замечательными конфетами „Грильяж“ — на бумажке белка золотая. Потом мы танцевали под патефон. В голове немного кружилось, ведь каждая пара выставила по ½ водки (настойка на сухом чаю с сахаром). Но ни с кем ничего не случилось, а было только весело и тосты мы не скупилась произносить. Разошлись в 10-м часу. О. Ф. и М. дежурили. Это не очень сладко» (Л. 354).

«9 ноября. Утром вышла, еще было темно, небо ясное, заря, и чудные, ярчайшие звезды — на небе горят как бриллианты. Обошла весь участок, все в порядке. Я еще начала снимать флаги на углу Куйбышева ул. — мимо шел какой-то полк с оркестром, ехали телеги, на них — зенитки. Шли бойцы в шлемах, шинелях. Один мне говорит: „Тут прошел праздник-то?“ А я ему: „Прошел тут, а будут новые праздники“. И подумала, придет день и может быть я буду еще жива и буду развешивать флаги в день освобождения города от немецкого окружения. Помню, как в морозный день мы с Машей вставляли красные флаги в честь прорыва блокады. Все шли мимо и улыбались... Сегодня бесы ведут обстрел города где-то... Лягу раньше, может быть и дадут гады поспать?» (Л. 354об.).

Наталия Александровна Энман пережила блокаду и, вероятно, как и мечтала, украшала Музей в честь празднования полного освобождения города. В 1943 г. она была награждена медалью «За оборону Ленинграда», а в 1946 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-3. Л. 8об).

После войны вплоть до выхода на пенсию Н. А. Энман продолжала работать в Музее С. М. Кирова в должности старшего научного сотрудника, заведующей фондами. В последние годы жизни, оставив службу, она на договорных началах занималась разработкой рисунков для вышивки. Скончалась Н. А. Энман в 1961 г. Упав на улице, она сломала ногу и была доставлена в больницу, из которой уже не вышла (Руднева, 2007. С. 517).

- Авакумов, Сергей Иосифович. [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/s_i_avvakumov (дата обращения: 29.04.2020).
- Беглова и др., 1992 — Беглова Л. Н., Булдаков Г. Н., Дегтярев А. Я. Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград: Энциклопедический справочник. М.: Изд-во Большая Российская Энциклопедия, 1992. 698 с.
- Брокгауз, Ефрон, 1904 — Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энман (Александр Федорович) // Энциклопедический словарь. СПб.: Семеновская Типолитография (И. А. Ефрона), 1904. Т. 80. С. 846–847.
- Вахтина, 2019 — Вахтина М. Ю. Класс Энман. О Наталии Александровне Энман // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: Материалы междунар. науч. конф. XX Боспорские чтения / Ред.-сост. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. Симферополь, Керчь, 2019. С. 101–115.
- Зверев Василий Александрович. [Электронный ресурс]. URL: http://www.vladimir.ru/Зверев_Василий_Александрович (дата обращения: 04.05.2020).
- Ильина, 2005 — Ильина Ю. И. Хиосская керамика из раскопок на острове Березань // Борисфен — Березань. Археологическая коллекция Эрмитажа / Ред. С. Л. Соловьев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2005. Т. 1. С. 70–173.
- НА ИИМК РАН. РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 773. 1922. Энман Наталья Александровна.
- Памяти Н. Д. Флиттнер, 1959 — Памяти Н. Д. Флиттнер // ВДИ. 1959. № 4 (70). С. 158–159.
- Ростовцев, 1903 — Ростовцев М. И. А. Ф. Энман (некролог) // ЖМНП. 1903. Ч. CCCL. 11 (ноябрь). С. 84–87.
- Руднева, 1912 — Руднева С. Д. Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 45. С. 104–110.
- Руднева, 2007 — Руднева С. Д. Воспоминания счастливого человека. Степанида Дмитриевна Руднева и студия музыкального движения «Гептахор» в документах Центрального московского архива-музея личных собраний / Авт.-сост. А. А. Кац. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2007. 856 с.
- СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 682: Энман А. Ф.
- Сухарникова, 2012 — Сухарникова Т. А. Мемориальная квартира «Музей С. М. Кирова». Каменноостровский проспект, дом 26–28. СПб.: Гос. музей истории Санкт-Петербурга, 2012. 28 с.
- ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 10. Д. 1396: Воспоминания о 1941–1942 гг. из дневника Н. А. Энман; Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 248964-1: Парторганизация Музея С. М. Кирова. О приеме кандидата партии т. Энман Н. А. в члены ВКП(б); Д. 248964-2: Парторганизация Музея им. С. М. Кирова. О приеме Энман Н. А. в кандидаты ВКП(б); Д. 248964-3: Энман Наталия Александровна.
- Энман, 1911 — Энман Н. А. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани // Известия ИАК. СПб., 1911. Вып. 40. С. 142–158.
- Энман, 1912 — Энман Н. А. Ионийская амфора с Таманского полуострова // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 45. С. 92–103.
- Энман, Наталия Александровна. [Электронный ресурс]. URL: http://allpetrischule-spb.org/index.php?title_Энман (дата обращения: 25.04.2020).
- Cook, 1952 — Cook R. M. A List of Klazomenian Pottery // BSA. 1952. Vol. 47. P. 123–152.

ПЕРСОНАЛИИ

Памяти Льва Самуиловича Клейна (1927–2019)

Последнее выступление Льва Самуиловича в стенах университета, в здании Двенадцати коллегий, носило название «Об идеальной среде для преподавания археологии». Не знаю, есть ли где в мире такая «идеальная среда», но «идеальный преподаватель археологии» — это тот человек, с которым мы недавно навсегда простились. Автор этих строк принадлежит к поколению, закончившему кафедру археологии в 1970-е гг. Помимо очень сильного состава преподавателей тогдашней кафедры к чтению лекций привлекались лучшие специалисты Эрмитажа и Института археологии. Но даже на этом фоне никто не мог сравниться с Л. С. Клейном. Все мы помним его великолепные, отточенные до мельчайших деталей, лекции. Особая страница — знаменитые клейновские семинары. Порой они заканчивались с появлением уборщицы, которая объявляла, что здание университета закрывается на ночь, и после этого мы шли по набережной, продолжая спорить об археологии. Л. С. Клейн всегда создавал вокруг себя феноменальную творческую атмосферу, без которой был бы невозможен путь в науке для нескольких поколений археологов.

Говорить о научном вкладе Льва Самуиловича можно до бесконечности. Глядя на ряды томов, принадлежащих его перу, трудно представить, что все это сделано одним человеком, причем в условиях, порой совсем не способствующих спокойной творческой работе. Одно перечисление областей нашей науки, в которых Л. С. Клейн внес заметный и всемирно признанный вклад, займет немало места. Это, прежде всего, теория и методология

Лев С. Клейн
Lev S. Klejn

археологии. Это история археологии, причем двухтомник, посвященный развитию теоретической мысли в мировой археологии, вне всякого сомнения, является лучшей монографией по данной тематике, когда-либо созданной. Это изучение культур бронзового века, раннего железного века, славянская проблематика (включая знаменитую «норманнскую проблему»). Я уже не говорю о работах Л. С. Клейна, посвященных различным областям науки — истории антропологии, гомеровскому эпосу и т. д.

Вспоминая Л. С. Клейна (а наше знакомство длилось больше сорока лет, со времени моего участия в школьном археологическом кружке при университете), нельзя не сказать, что Лев Самуилович был удивительно сильным человеком. Он сумел пройти через все испытания, которые, увы, доставались многим людям в ходе истории нашей страны. Мальчишкой он попал на фронт, был контужен. После войны жизнь как будто начинала налаживаться, но по завершении университета вместо аспирантуры пришли долгие годы скитаний по окраинным школам. Наконец, Л. С. Клейн обрел свое место на кафедре археологии, и тут новое, самое страшное испытание — тюремное заключение по сфабрикованному делу. Откровенно говоря, когда мы узнали о случившемся с Л. С. Клейном несчастье, мы уже мысленно простились с ним. Каково же было наше удивление, когда через несколько лет Лев Самойлович появился, не сломленный, не раздавленный чудовищной несправедливостью. Наоборот — он нашел в себе силы описать собственные злоключения, и гораздо позднее, уже во времена перестройки, огромное воздействие произвело появление в журнале «Нева» его

очерка «Правосудие и два креста». Помню, как в Сибири, где многие люди, к сожалению, разделившие с Л. С. Клейном его печальный тюремный опыт, старались ознакомиться с этой публикацией, поскольку впервые могли прочитать правду о бесчеловечной системе.

В археологию часто приходят люди, привлеченные тем, что эта наука очень далека от реалий современной жизни. Это своего рода эскейпизм. Совершенно другим человеком был Л. С. Клейн. Он всегда занимал четкую гражданскую позицию, бесстрашно отстаивая ее. Последний период жизни Л. С. Клейна был отмечен, помимо появления многочисленных научных трудов, серией ярких публицистических выступлений в интернет-газете «Троицкий вариант». В них Лев Самуилович давал жесткую оценку происходящему в отечественной системе академической науки и высшего образования.

Уход из жизни Льва Самуиловича Клейна — это огромная потеря для отечественной и мировой науки, для всех людей, знавших его, обсуждавших с ним проблемы археологии, ценивших его эрудицию, острый ум и неординарность суждений.

*С. А. Васильев
Россия, Санкт-Петербург,
Институт истории материальной культуры РАН*

Саяно-Тувинская археологическая экспедиция (1962–2003)

С. Н. Астахов¹

Аннотация. В статье изложены предпосылки, история организации и некоторые итоги исследовательской деятельности Саяно-Тувинской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии (ЛОИА) АН СССР (СТЭАН) в 1962–2003 гг. Создание крупнейшего в то время археологического проекта было вызвано сооружением мощной ГЭС в Саянах. Ее строительство предполагало археологические исследования на затопливаемых землях в каньоне Енисея и Тувинской котловине, а также на площадках, отводимых под промышленные и жилые объекты. СТЭАН были выявлены и изучены археологические памятники широкого диапазона — от раннего палеолита (поздний ашель) и до средневековья (позднее монгольское время). Полученная информация и артефакты введены в научный оборот в виде музейных коллекций и множества работ, в том числе монографий и докладов на российских и международных конференциях. Работа СТЭАН способствовала росту молодого поколения археологов и оказала определяющее влияние на развитие археологической науки в самой Туве.

Annotation. This paper describes the reason and history of organization, as well as some of the results of the activities of the Sayan-Tuva Archaeological Expedition (STEAN) of the Leningrad Division of the Institute of Archaeology (LOIA) AS USSR in 1962–2003. The initiation of the most significant archaeological project of the time was induced by the construction of a large hydro power station in the Sayans which implied the submergence of sites in the Yenisey canyon and Tuva depression, as well as occupation of considerable areas by quarries, settlements and other necessary objects. During the years of activities of STEAN, archaeological sites of different epochs have been revealed and studied — from the Early Palaeolithic (upper Acheulean) to the Middle Ages (Mongolian period). The collections obtained entered museums and were presented as monographs, articles and lectures at scientific conferences. New personnel of archaeologists were trained that was very important for the development of this science in Tuva.

Ключевые слова: археология, гидроэлектростанция, палеолит, неолит, скифы, уйгуры, тюрки, наскальные изображения.

Keywords: archaeology, hydro power station, Palaeolithic, Neolithic, Scythians, Uighurs, Turks, rock representations.

DOI 10.31600/1817-6976-2020-27-420-428

Археология Тувы привлекала внимание российской науки с XIX в. Но небывалое по

интенсивности и продолжительности исследование археологических объектов Тувы развернулось более полувека назад в связи со строительством Саяно-Шушенской гидроэлектростанции (СШГЭС). Автору этих строк посчастливилось быть одним из тех, кто не просто участвовал в этих исследованиях, а вместе с первым начальником СТЭАН А. Д. Грачом (рис. 1, 2) создавал экспедицию

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения ПФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184–2019–0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Отдел палеолита, ИИМК РАН; Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия.

в 1962–1964 гг., затем с 1972 г. возглавил СТЭАН и проработал в ней в общей сложности непрерывно до 1993 г.³ Поэтому автор имеет смелость полагать, что изложение его точки зрения на историю создания и итоги деятельности СТЭАН может оказаться небесполезным. Ведь молодое поколение археологов зачастую имеет слабое представление о наших профессиональных проблемах 60–90-х гг. прошлого века.

В СССР первые археологические изыскания спасательного типа производились в 1921 г. при строительстве Волховской ГЭС на р. Свирь (Смирнов, 2002. С. 57). Позднее организовывались крупные новостроечные экспедиции на Днестре, Каме, Волге, Ангаре, Енисее и на других стройках. СТЭАН предстояло воспринять накопленный опыт и стать крупнейшей новостроечной экспедицией Института археологии (ИА) АН СССР того времени. На территории Красноярского края перед СТЭАН стояла колоссальная задача — осуществить пропорциональное и комплексное исследование всех типов памятников всех периодов. Ей предстояло спасти огромные археологические богатства центральной Тувы и юга Хакассии — от палеолита до новейшего времени. А сделать это было необходимо в течение нескольких лет, так как первоначально СШГЭС планировали ввести в эксплуатацию в 1972 г. Срок этот был определен отнюдь не проектировщиками и строителями, а партийными инстанциями. Они решили назвать станцию «Саяно-Шушенской», поскольку примерно в 80 км вниз по Енисею находилось село Шушенское — место ссылки Ленина в 1897–1899 гг.⁴ Так строительство СШГЭС

³ Роль А. Д. Грача в создании СТЭАН была исключительно велика. Его многообразные усилия по созданию экспедиции, так же, как и прискорбная история его ухода из ЛОИА, подробно обсуждены нами в отдельной работе (Астахов, 2020). В настоящей статье мы будем касаться деятельности А. Д. Грача в той мере, в какой она связана с итогами работы СТЭАН.

⁴ Среди строителей СШГЭС имел устойчивое хождение исторический анекдот: якобы таковое имя станции решили дать потому, что во времена ленинской ссылки в Шушенском уже работал небольшой

Рис. 1. А. Д. Грач

Fig. 1. A. D. Grach

стало важным идеологическим проектом советского времени.

Первоначально СТЭАН формировалась в рамках Красноярской археологической экспедиции (КАЭ) М. П. Грязнова. В 1962 г. в КАЭ работали и А. Д. Грач, и автор этих строк совместно с З. А. Абрамовой. Именно в КАЭ летом 1962 г., как мы уже упоминали (Астахов, 2020), и состоялась наша с А. Д. Грачом договоренность о совместной работе в Туве. Остаток сезона 1962 г. прошел в рекогносцировочной поездке в Туву, а дальше началось интенсивное обсуждение планов. Происходило оно зимой 1962–1963 гг., в основном в ленинградской квартире А. Д. Грача. При планировании мы исходили из предварительного количества памятников: как уже известных, так и найденных нами при разведках в зоне затопления в 1962 г. Конечно, мы понимали — перед нами лишь верхушка археологического айсберга, но не вполне осознавали — сколько трудностей и неожиданностей нас подстерегало.

Например, по данным рекогносцировок выяснилось, что долина р. Ус в Ермаковском районе Красноярского края и географически, и археологически составляет по сути одно

электрический генератор, приводимый в действие водяным колесом.

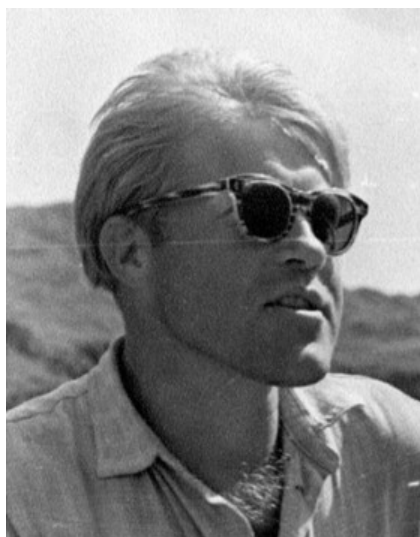

Рис. 2. С. Н. Астахов

Fig. 2. S. N. Astahov

целое с Тувой. А в Туве основным типом археологических объектов являются курганы. Дабы изучить конструкцию кургана, обряд погребения, получить антропологический материал и сопроводительный инвентарь, курган надо раскопать. Раскопки — это всегда затраты больших сил и времени на земляные работы. К сожалению, мы не могли воспользоваться советом, который дал автору этих строк авторитетный археолог С. И. Руденко. Он полагал, что в зоне затопления ГЭС главная задача археолога — не копать, а нанести объекты на карту. А когда-де из-за развития атомной энергетики ГЭС станут не нужны и их водохранилища спустят, тогда-то археологи будущего по координатам найдут и спокойно изучат памятники. Но ведь так могли сохраниться лишь объекты в мертвом объеме водохранилища, а не в активной зоне размыва берегов. Поэтому у нас просто не оставалось никакого другого выхода, кроме старательной и быстрой работы без скидки на срочность.

Однако никто не думал пасовать перед грядущими сложностями. Это было поистине незабываемое время, об атмосфере которого прекрасно написали мои коллеги (Савинов, 1998. С. 68–77; Шер, 1998. С. 24–25). Все мы были молоды (кроме заметно

старшего А. М. Мандельштама), энергичны, до самозабвения преданы науке и с нетерпением ждали начала новой, самостоятельной работы.

В 1964 г. в составе КАЭ был специально создан Тувинский отряд для раскопок курганов в долине Енисея под горой Туран. Это дало возможность провести еще одну рекогносцировку, уточнить ранее полученные выводы. Наконец долгожданным приказом ЛОИА от 9 февраля 1965 г. № 20 «на основании решения Госплана СССР и Государственного производственного Комитета по энергетике и электрификации СССР» произошло официальное создание СТЭАН. Начальником был назначен А. Д. Грач. Первоначально в СТЭАН было образовано семь отрядов, созданных по тематическому принципу. Отрядом № 1 руководил А. Д. Грач, а его ближайшим помощником по делам СТЭАН являлась Н. Л. Деметьева (в замужестве Буровик), будущий министр культуры России 1997–1998 гг. Отряд № 2 возглавил А. М. Мандельштам, № 3 — С. Н. Астахов, № 4 — Д. Г. Савинов, с 1967 г. — И. У. Самбу, № 5 — Ю. И. Трифионов, № 6 — М. Х. Маннай-Оол. Имелся и отряд № 7 (С. М. Биче-Оол), который являлся этнографическим (рис. 3). Наряду с ними существовала группа по изучению природных явлений. Сначала ее возглавил Д. Б. Сарбаа, а затем работник республиканского Музея имени 60 богатырей, знаток природы Тувы И. Н. Путинцев. Особой гордостью А. Д. Грача была авиагруппа во главе с командиром вертолета МИ-1А В. Т. Чистяковым.

Свой первый сезон 1965 г. все отряды СТЭАН провели в Улуг-Хемском районе. Причина тому проста: хорошая дорога тогда имела только от Шагонара до Эйлиг-Хема. Таким образом, исследования СТЭАН поневоле начались в центральной Туве. Поэтому «штабной» отряд № 1 оставался и работал исключительно в Улуг-Хемском районе. Но все другие отряды СТЭАН уже в следующем, 1966 г., двинулись из центральной Тувы поднимать археологическую целину: № 2 — на юго-восток, в Тёс-Хемский район; № 3 — на юго-запад, в Овюрский и Дзун-Хемчикский

Рис. 3. Участники СТЭАН разных лет: 1 — И. У. Самбу, 2 — Н. Л. Дементьева, 3 — Д. Д. Васильев, 4 — А. М. Мандельштам, 5 — Г. В. Длужневская, 6 — С. А. Васильев, 7 — М. Х. Маннай-Оол, 8 — С. М. Биче-Оол, 9 — Д. Г. Савинов, 10 — Я. А. Шер, 11 — В. Я. Беляева, 12 — Ю. И. Трифонов

Fig. 3. STEAN's participants of different years: 1 — I. U. Sambu, 2 — N. L. Dement'eva, 3 — D. D. Vasil'ev, 4 — A. M. Mandel'shtam, 5 — G. V. Dluzhnevskaya, 6 — S. A. Vasil'ev, 7 — M. H. Mannaj-Ool, 8 — S. M. Biche-Ool, 9 — D. G. Savinov, 10 — Ya. A. Sher, 11 — V. Ya. Belyaeva, 12 — Yu. I. Trifonov

районы; № 5 — на запад, к пос. Чаа-Холь. Еще годом позже мы находим отряд № 4 к северо-востоку от Шагонара, в Кызылском районе. В сезон 1968–1970 гг. отряд № 1 также начал вести работы за пределами Улуг-Хемского

района. Он два сезона активно осваивал Овюрский район, который к тому времени уже «освободил» палеолитический отряд № 3, а в 1970 г. занялся Бай-Тайгинским районом. Так к сезону 1970 г. сформировались устойчивые

группы районов, на которые ориентировался каждый отряд СТЭАН. Как видим, работы СТЭАН быстро развернулись на огромной территории площадью около 87 тыс. кв. км. Ее полоса тянулась от крайнего юго-западного Бай-Тайгинского района через центральную Туву на северо-восток — до Тоджинского района включительно.

Движение отрядов внесло существенные коррективы в нашу работу. А. Д. Грач традиционно собирал начальников отрядов на планерки по пятницам. Пока все находились в центральной Туве, эта практика удерживалась. Но когда в 1971 г. начались работы в Саянском каньоне и южной Хакасии (С. Н. Астахов, Ю. И. Трифонов), наши регулярные встречи поневоле прекратились. С 1972 г. их пришлось заменить периодическими объездами отрядов и групп с целью сбора информации о ходе работ и передачи денег, полученных в Кызыле.

Молодым археологам трудно это вообразить, но топографических карт Тувы в распоряжении СТЭАН не имелось, ибо все они тогда считались секретными. К счастью, А. Д. Грачу удалось получить дешифрованные фотопланы сельскохозяйственной аэрофотосъемки. На их основе топограф М. А. Петухов сумел смонтировать карту зоны затопления с единой сеткой из квадратов площадью 25 кв. км каждый. Этой подосновой, к которой привязывались памятники, располагал каждый отряд.

Активно велась отрядами СТЭАН авиаразведка и аэрофотосъемка с применением вертолета. Позже методика авиаразведки с вертолета будет подробно описана А. Д. Грачом (*Грач*, 1980. С. 19–21)⁵. При раскопках курганов для ускорения работ широко применялся метод раздувания насыпи при помощи мощного компрессора.

⁵ Замечу, что для поиска местонахождений каменного века вертолет оказался особенно полезен. Его применение позволяло сразу наметить наиболее перспективные участки, которые затем подробно изучались пешими маршрутами. Ну, а к началу маршрута, как правило, добирались либо по воде, либо на вездеходах ГАЗ-63.

Подчеркнем, что деятельность СТЭАН подвергалась разностороннему содержательному контролю. Во-первых, СТЭАН на постоянной основе представляла Дирекции СШГЭС поэтапные «Акты готовности», а по требованию — готовила обширные справки о ходе работ. Во-вторых, отчеты о полевых исследованиях (ОПИ), которые готовили начальники отрядов и групп СТЭАН, подвергались детальному и строгому обсуждению специалистов ЛОИА. Затем ОПИ рассматривались в Полевом комитете ИА в Москве. И только после устранения замечаний московский комитет принимал решение о выдаче разрешения автору ОПИ на продолжение его работ. В-третьих, руководитель СТЭАН готовил и представлял доклад на ежегодную Всесоюзную археологическую конференцию, а при необходимости направлялся также на международные форумы — вплоть до Всемирного археологического конгресса.

Способствовали росту нашей ответственности многолетние отношения с гидростроителями. Порядок финансирования СТЭАН — от СШГЭС через Президиум АН СССР — практически не изменялся. Финансирование за счет средств, отпущенных на строительство СШГЭС, продолжалось почти 20 лет — до 1984 г. Но как только оно прекратилось, СТЭАН перестала существовать. Приказом по ЛОИА от 10 апреля 1985 г. № 41 СТЭАН ввиду выполнения поставленных перед ней задач была ликвидирована, а ее подразделения в Туве объединены в Тувинскую археологическую экспедицию (ТАЭ), начальником которой назначен С. Н. Астахов (НА ИИМК. РО. Ф. 35. Оп. 6. Д. 434).

После образования ТАЭ, то есть с 1985 по 2003 г., работы продолжались, но только на территории Тувы и в зоне затопления Майнской ГЭС. Особенно сложным, можно сказать «смутным», временем стал для ТАЭ отрезок с 1994 по 2000 г. Экспедиция сохранилась исключительно за счет небольших грантов и помощи коллег: другие экспедиции правопреемника ЛОИА — Института истории материальной культуры РАН (ИИМК) — за счет своих средств оплачивали проезд и содержание

сотрудников ТАЭ. Затем положение с финансированием стабилизировалось. Гранты оказались дополнены средствами, получаемыми за счет строительства различных объектов в самой Туве: в основном дорог и оросительных систем. Это дало возможность ТАЭ просуществовать (правда, с меньшим количеством археологических отрядов) вплоть до 2003 г.

Может показаться удивительным, но сооружение СШГЭС еще и после 2003 г. продолжало обеспечивать археологические работы в Туве. Дело в том, что по техническим причинам сдача СШГЭС в промышленную эксплуатацию произошла только в декабре 2000 г. (см., например: *Гурьев*, 2011. С. 40–41). Закрытие расчетов по сметам СШГЭС заняло еще несколько лет. И вот в 2005 г. был получен остаток сметных средств СШГЭС на археологические изыскания в сумме 200 тысяч рублей (!). К чести тогдашнего руководства ИИМК, все эти средства оказались целиком направлены на нужды ТАЭ.

Применение прогрессивных методик поиска, хорошая организация и контроль работ, систематическая помощь со стороны органов власти Тувы и руководства строительством СШГЭС обеспечили работам СТЭАН высокую результативность. Экспедиция подробно изучила сотни курганов скифского и гунно-сарматского времени, древнетюркских, уйгурских, кыргызских и монгольских погребений. Особое внимание уделялось в СТЭАН изучению укреплений, прежде всего — городищ со стенами из сырцовых кирпичей, хотя А. М. Мандельштам изучил их лишь частично. Кроме того, СТЭАН выявила новые оленные камни, стелы с руническими письменами, прекрасные наскальные изображения и другие артефакты.

Объем журнальной статьи, разумеется, не позволяет провести детальный свод и анализ работ и открытий СТЭАН, которые насчитывают сотни палеолитических и десятки неолитических стоянок, почти две тысячи курганов, сотни других археологических объектов от палеолита до нового времени. Первичная сводка этих работ уже сделана (*Длужневская, Савинов*, 2007. С. 175–183).

Ограничусь для иллюстрации только теми ключевыми результатами в части каменного века, в достижении которых принимал участие лично. До начала работ СТЭАН палеолитических пунктов в Туве насчитывали не более десятка. Самыми известными из них являлись: стоянка на р. Ангачи первооткрывателя тувинского палеолита С. А. Теплоухова (1924 г.); стоянка Ийме в долине Хемчика, найденная С. И. Вайнштейном; Северный Торгалык М. Х. Маннай-оола, а также долина Саглы, где А. Д. Грач еще в 1950-х гг. обнаружил мустьерские изделия. Палеолитические памятники Тувы весьма специфичны и всегда нелегко давались исследователям. Не составляла исключения и наша работа. Для интерпретации результатов мы вынуждены были постоянно обращаться к видным специалистам — прежде всего П. И. Борисковскому. Много помогали СТЭАН В. И. Беляева, Г. В. Григорьева, В. П. Третьяков и многие другие коллеги.

В результате работ палеолитического отряда СТЭАН количество найденных и изученных памятников каменного века перевалило за сотню, то есть увеличилось на порядок. Наиболее полные данные о них сведены нами (*Астахов*, 2008).

Применительно к палеолиту работы СТЭАН позволили сделать два вывода, которые представляются важнейшими открытиями.

1. В 1965 г. автором этих строк совместно с геологом И. А. Лаврентьевым был пройден сложный разведывательный маршрут по Енисею через Саянский каньон протяженностью 228 км. Опыт этой рекогносцировки позволил однозначно утверждать: «Маршрут показал, что человек времен позднего палеолита не мог проходить Саянской „трубой“, и заселение среднего Енисея шло через другие области» (*Астахов*, 1966. С. 25; ср. также: *Грач*, 1966. С. 22).

2. Автором этих строк была выявлена палеолитическая стоянка Торгалык А возрастом 250–300 тыс. лет. Об этой находке было сделано специальное сообщение на Всемирном археологическом конгрессе 1994 г. в Индии (*Astakhov*, 1994). Артефакты поздне-

ашельского возраста доказали, что территория Тувы в позднем палеолите достоверно входила в ареал формирования человека современного типа *Homo sapiens*.

Кроме палеолитических памятников автором совместно с В. И. Беляевой на правом берегу Улуг-Хема, напротив устья Хемчика была обнаружена и раскопана двухслойная мезолитическая стоянка. Там более 6500 л. н. обитали охотники на козерога (*Астахов, Беляева, 1970. С. 182*).

Памятники неолита в Туве также были крайне немногочисленны, хотя первые из них были найдены С. А. Теплоуховым еще в 1920-х гг.; затем С. И. Вайнштейн обнаружил неолит в Тодже. После 1962 г. на Улуг-Хеме, Чаа-Холе и Хемчике палеолитическим отрядом СТЭАН были найдены и изучены десятки стоянок неолитического периода открытого типа, когда на поверхности сохранялись только каменные изделия.

Не могу не упомянуть об одной из первых и особенно дорогих мне находок в Туве, хотя она и не относится к каменному веку. В урочище Биче-Оймак на плато Куйлуг-Хем нам удалось обнаружить стоянку-мастерскую времен поздней бронзы Ак-Даш. Среди ее артефактов оказались керамика, глиняная литейная форма для бронзового ножа и бронзовая подвеска в виде клыка кабарги (*Астахов, 1966. С. 24*). Конечно, неизмеримо большим успехом в поиске памятников бронзового века могли похвастаться мои коллеги А. Д. Грач, А. М. Мандельштам и Ю. И. Трифонов. Подробный перечень памятников СТЭАН эпохи бронзы для зоны затопления СШГЭС также см. *Длужневская, Савинов, 2007. С. 175–181*.

Как видим, Саяно-Тувинская археологическая экспедиция не только справилась с задачей научного спасения более тысячи археологических объектов по применяемым в то время методикам, но и активно дополняла саму методику новыми приемами. Разумеется, далеко не все памятники удалось спасти. Во-первых, в процессе раскопок «вылезали» новые могильники и отдельные курганы, особенно в зоне сработки берегов,

на которую средства не выделялись. Во-вторых, комплексное исследование означало постоянное появление памятников разных типов, на одновременную обработку и фиксацию которых зачастую просто не хватало сил. Например, вопрос о сохранении наскальных изображений Мугур-Саргола стал столь острым, что даже обсуждался на межведомственной комиссии ИА, СШГЭС, СТЭАН и ТНИИЯЛИ. Республиканский музей провел большую работу по копированию петроглифов, но на их физическое сохранение не нашлось ни камнерезной техники, ни денег. В-третьих, палеолитические стоянки у плотины мы начали изучать с опозданием. Прежде место прорыва Енисея через Саяны было доступно только с воды, а мощных моторов и относительно безопасных лодок у СТЭАН в те годы не имелось. Вот почему даже в южной части каньона, куда вода пришла поздно, по подсчетам Г. В. Длужневской, было раскопано лишь около 50 % из обнаруженных 500 объектов (*Астахов, 2008. С. 118*). В-четвертых, некоторые стоянки оказались слишком велики для того, чтобы их полностью раскопать вручную за ограниченное время. Так, палеолитический Кантегир I имел площадь до 5 тыс. кв. м и насчитывал девять слоев глубиной до 5 м⁶. Еще сложнее дело обстояло с центральной Тувинской котловиной, где оказались сосредоточены около 4 тыс. курганов, из которых удалось раскопать не более 20 %. Полностью были очищены в основном небольшие древнетюркские могильники типа Аргалыкты, состоящего из 16 курганов. Крупные же могильники — за исключением могильного поля Аймырлыг — пришлось изучать выборочно.

Раскопанный объект сохранен для науки, если его исследователь не только составил подробный отчет, но и опубликовал полученные результаты. С оперативными публикациями исследований СТЭАН дело обстояло неплохо. С 1966 г. начальники отрядов

⁶ К счастью, данных по близлежащим стоянкам Голубая I и Означенное оказалось достаточно для идентификации культуры Кантегира I.

практически ежегодно размещали заметки в «Археологических открытиях в СССР» (АО). Увидели свет сотни статей сотрудников СТЭАН в периодических изданиях («Советская археология», «Ученые записки ТНИИЯЛИ»), трудах научных конференций, археологических съездов. Однако сводной библиографии статей по СТЭАН не существует, ее еще предстоит составить.

А вот с монографическими описаниями СТЭАН, напротив, откровенно не повезло. Подготовленный А. Д. Грачом первый том научных трудов СТЭАН так и не увидел света. Позднее его материалы разошлись по разным изданиям. Сам А. Д. Грач успел опубликовать лишь одну монографию, в которой коснулся истории СТЭАН фрагментарно. В результате вклад разных отрядов получил у А. Д. Грача, мягко говоря, однобокое освещение. «2-й отряд (руководитель А. М. Мандельштам) в течение ряда лет проводил работы на могильнике Аймырлыг (с 1968 г.)», — скупое писал А. Д. Грач о трудах одного из лучших своих специалистов. А вся деятельность 3-го палеолитического отряда СТЭАН вообще оказалась сведена им к комическому упоминанию: «...принимал участие в исследовании отдельных памятников скифского времени» (Грач, 1980. С. 14).

Смерть помешала А. М. Мандельштаму напечатать почти завершенную книгу об Аймырлыге⁷, а Ю. И. Трифонову — подробно написать о памятниках Аргалыкты.

Нашему тувинскому коллеге В. Т. Монгушу преждевременный уход из жизни также не позволил защитить практически готовую кандидатскую диссертацию, в значительной части посвященную работе СТЭАН. Правда, это невезение отчасти исправлено усилиями других ветеранов СТЭАН и молодого поколения археологов. Будем надеяться, что монографическое описание работ СТЭАН появится в будущем.

Собранные СТЭАН коллекции в основном сосредоточены в Национальном музее

⁷ Обработка материалов по Аймырлыгу до настоящего времени не завершена, но есть надежда на ее окончание.

Республики Тыва. Богатое собрание фотографий и иной иллюстративный материал отложился в фондах НА ИИМК РАН. Копия фильма о СТЭАН «Археологи в центре Азии», снятого Свердловской киностудией документальных фильмов, имеется в Музее А. Д. Грача в Новом Шагонаре.

Отдельно стоит сказать о замечательном кадровом составе СТЭАН. В разные годы начальниками отрядов и групп СТЭАН являлись: А. Д. Грач (1965–1972), С. Н. Астахов (1965–1984), С. А. Васильев (1979–1984), А. А. Гаврилова (1967–1968), Г. В. Длужневская (1973–1983), Е. Л. Кириллов (1983), С. Г. Кляшторный (1969–1972), М. Х. Маннай-Оол (1965), А. М. Мандельштам (1965–1982), С. С. Миняев (1980), Б. Н. Пяткин (1979), Д. Г. Савинов (1965), И. У. Самбу (1966–1976), Вл. А. Семёнов (1974–1984), Э. У. Стамбульник (1979–1984), Т. А. Шаровская (1978–1979), Я. А. Шер (1971–1974), А. Я. Щетенко (1975–1978) (рис. 3).

Базируясь на СТЭАН, в течение многих лет работали: известный тюрколог Д. Д. Васильев, спасший ценнейшие рунические памятники; М. А. Дэвлет, опубликовавшая несколько добротных монографий о наскальных изображениях; Б. Б. Овчинникова (Свердловск), изучавшая древнетюркские артефакты; Р. Ф. Итс, работавший в Туве с группой ленинградских этнографов. Совершенно особую роль для первых лет работы СТЭАН сыграл академик И. А. Батманов, прочитавший знаменитую стелу Багыра.

Некогда молодые археологи СТЭАН С. Н. Астахов, С. А. Васильев, Д. Г. Савинов, Г. В. Длужневская стали докторами исторических наук. И. У. Самбу стал одним из немногих кандидатов исторических наук в Туве. Труды наших коллег Д. Д. Васильева и М. А. Дэвлет получили мировую известность. Б. Б. Овчинникова ныне — профессор Уральского государственного университета. Значит, несмотря на все неудачи, ошибки и промахи, наша общая работа в СТЭАН не была напрасной.

В заключение не могу не высказать искренней признательности всем тем, кто в трудные минуты поддерживал меня в качестве

руководителя СТЭАН. Это прежде всего многочисленные коллеги по работе в самой экспедиции; друзья и соратники по ЛОИА/ИИМК, понимавшие, зачем я взвалил на себя тяжкую ношу начальника; это мои друзья в Туве из числа сотрудников Национального музея Республики Тыва и Тувинского института гуманитарных исследований. Моя особая признательность адресована доктору исторических наук Монгушу Бораховичу Кенин-Лопсану. Он всегда оказывал мне духовную поддержку, вселял в меня веру в свои силы.

Мне удивительно посчастливилось также с семейным «тылом» — моя жена Ирина Ни-

колаевна была замечательным картографом, работавшим в арктических экспедициях. Но иногда ей удавалось проводить часть сезона со мной — на Ангаре, в КАЭ и СТЭАН. Помощь Ирины в камеральной обработке и подготовке иллюстративного материала мне до сих пор трудно переоценить. Вместе с моей дочерью Ольгой мы разведывали ущелье Енисея, не раз проходили на лодке через пороги... Без всегдашней поддержки Ирины и Ольги я никогда не смог бы выполнить то, что мне удалось сделать. Им обеим — мой низкий поклон и благодарность за все пережитое вместе.

Астахов, 1966 — Астахов С. Н. Изучение памятников каменного века в долине Енисея // АО 1965 года. М.: ИА, 1966. С. 24–25.

Астахов, 2008 — Астахов С. Н. Палеолитические памятники Тувы. СПб.: Нестор-История, 2008. 179 с.

Астахов, 2020 — — Астахов С. Н. А. Д. Грач и Саяно-Тувинская археологическая экспедиция // АВ. СПб., 2020. № 26. С. 14–20.

Астахов, Беляева, 1970 — Астахов С. Н., Беляева В. И. Памятники каменного века в Саянском каньоне Енисея и в долине р. Саглы // АО 1969 года. М.: ИА, 1970. С. 180–182.

Гурьев, 2011 — Гурьев А. П. Анализ материалов Акта технического расследования причин аварии на Саяно-Шушенской ГЭС // Гидротехническое строительство. 2011. № 4. С. 40–44.

Грач, 1980 — Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М.: Гл. ред. вост. лит.-ры изд-ва «Наука», 1980. 256 с., ил.

Длужневская, Савинов, 2007 — Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб.: ИИМК РАН, СПбГУ, 2007. 197 с.

Савинов, 1998 — Савинов Д. Г. Между двумя экспедициями // ДКЦАС. 1998. С. 68–77.

Смирнов, 2002 — Смирнов А. С. Сохранение археологического наследия России. История и проблемы // РА. 2002. № 4. С. 50–59.

Шер, 1998 — Шер Я. А. Кое-что из жизни А. Д. Грача // ДКЦАС. 1998. С. 24–25.

Astakhov, 1994 — Astakhov S. The stages of the prehistoric occupation of Tuva // Theme papers the Neogene and the Quaternary: World Archaeological Congress (WAC) 3. New Delhi, 4th–11th December 1994. 2 p.

ХРОНИКА

Институт истории материальной культуры РАН в 2019 г.

В 2019 г. сотрудники ИИМК РАН в рамках «Государственного задания на 2019–2021 гг.» продолжили научно-исследовательские работы по 12 научным темам, утвержденным для Института на 2019 г. Министерством науки и высшего образования Российской Федерации:

1) № 0184-2019-0001: «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде» (рук. — д-р ист. наук С. А. Васильев);

2) № 0184-2019-0002: «Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене» (рук. — канд. ист. наук В. Я. Шумкин);

3) № 0184-2019-0003: «Генезис древних цивилизаций Центральной Азии (V тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) и их взаимодействие с земледельческими центрами Среднего Востока и пастушескими (кочевническими) обществами степной зоны Евразии» (рук. — канд. ист. наук В. А. Алёшкин);

4) № 0184-2019-0004: «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)» (рук. — ст. науч. сотр. В. С. Бочкарёв);

5) № 0184-2019-0005: «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения» (рук. — д-р ист. наук В. А. Горончаровский);

6) № 0184-2019-0006: «Ремесло, торговля, международные связи Северной Руси и ее соседей» (рук. — д-р ист. наук А. Н. Кирпичников);

7) № 0184-2019-0007: «Славяне, финны и германцы в эпоху средневековья. Этнокуль-

турное разнообразие и общие закономерности исторического развития» (рук. — д-р ист. наук А. И. Сакса);

8) № 0184-2019-0008: «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)» (рук. — д-р ист. наук В. Е. Щелинский);

9) № 0184-2019-0009: «Исследование археологического материала Центральной России, Сибири, Северного Кавказа и Крыма эпохи бронзы, железа и средневековья естественнонаучными методами: радиоуглеродное датирование, масс-спектрометрия, спектральный анализ химического состава артефактов, остеология» (рук. — канд. ист. наук А. К. Каспаров);

10) № 0184-2019-0010: «Археологическая и реставрационная деятельность Государственной академии истории материальной культуры на территории Евразии в 1928–1937 гг. (по материалам Научного архива ИИМК РАН)» (рук. — канд. ист. наук М. В. Медведева);

11) № 0184-2019-0011: «Развитие методики изучения и сохранения памятников истории и культуры» (рук. — канд. ист. наук Н. Ф. Соловьёва);

12) № 0160-2019-0044: «Разработка научных подходов, систематизации, научного описания, реставрации, консервации и хранения археологических коллекций» (рук. — канд. культурологических наук А. Ф. Покровская).

В рамках выполнения фундаментальных научных исследований по программам РАН велись исследования по теме: «Разработка методики анализа и интерпретации

археологического наследия на материалах раскопок экспедиции под руководством В. И. Равдоникаса на Земляном городище в Старой Ладоге (1938–1940, 1945–1950, 1957–1959) по фондам Научного архива ИИМК РАН» (рук. — д-р ист. наук В. А. Лапшин).

В ИИМК РАН было создано новое подразделение: Лаборатория камеральной и цифровой обработки, учета и хранения археологических коллекций (в составе лаборатории, в частности, 16 исследователей, возраст которых менее 39 лет).

Основной задачей данного подразделения является широкомасштабное изучение особенностей учета, хранения и публичного представления археологических коллекций, находящихся на хранении в научно-исследовательских учреждениях, в том числе включенных в музейный фонд РФ; создание и совершенствование научно-справочного аппарата к материалам коллекций; развитие методики систематизации и каталогизации коллекций; разработка научных подходов реставрации, консервации и хранения; популяризация научных достижений. Уникальность Лаборатории состоит в том, что, учитывая специфику отдела, она охватывает все типы и виды археологических коллекций от древнейших памятников неолита до нового и новейшего времени. Особое внимание будет уделяться использованию современных инновационных методов реставрации, консервации и хранения археологических коллекций. По итогам года сотрудниками Отдела учета и хранения ИИМК РАН в Музейный фонд РФ включены 699 единиц хранения. На временное хранение в ИИМК РАН принято более 30 000 единиц.

Осенью 2019 г. при поддержке правительства Республики Хакасия ИИМК РАН было принято решение о создании обособленного подразделения — Южносибирского филиала (директор филиала — канд. ист. наук А. В. Поляков). Причиной создания филиала послужила важность изучения Центрально-азиатских степей для исследований по ряду ключевых научных направлений ИИМК РАН. В частности, Минусинские котловины

являются одной из важнейших опорных территорий, где специалисты из Санкт-Петербурга проводят полевые исследования уже почти 100 лет. За это время в стенах института сменились пять поколений археологов, специализирующихся на изучении древней истории Южной Сибири. В последние годы объем проводимых полевых исследований значительно возрос, и создание филиала стало очередным логичным шагом на пути дальнейшего развития Института.

Перед филиалом поставлен широкий спектр задач, как научного, так и организационного планов. Основная цель его создания — активизация научных исследований археологических памятников региона. Южная Сибирь, и особенно Минусинские котловины, является ключевой территорией, где сформирована наиболее проработанная и хорошо датированная стратиграфическая колонка археологических культур. На нее опираются специалисты, работающие по всей Северной Азии. Дальнейшее уточнение и развитие этой эталонной археологической колонки является первостепенной задачей филиала. В ее рамках будут решаться и другие задачи: подготовка кадров совместно с Хакасским государственным университетом, пополнение музейных фондов, работа по популяризации археологии и волонтерские проекты, содействие региональным органам в деле сохранения историко-культурного наследия.

В 2019 г. ИИМК РАН при финансовой поддержке РФФИ реализовал 15 исследовательских и шесть экспедиционных проектов.

При поддержке РФФИ была проведена крупная международная конференция «Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). К 100-летию отечественной академической археологии».

Были начаты научные исследования в рамках проектов 2019 г., поддержанных РФФИ:

1) Усвят: древнерусский город на Новгородско-Полоцком пограничье (рук. — канд. ист. наук И. И. Еремеев);

2) Укрепления Рюрикова городища под Новгородом в контексте новейших археологических изысканий (рук. — д-р ист. наук Н. В. Хвощинская);

3) Костяные и роговые индустрии мезолита-неолита междуречья Немана и Днепра: технология изготовления, функция, культурно-хронологическая идентификация (рук. — мл. науч. сотр. А. А. Малютин);

4) Изучение технологических достижений в обработке растительного сырья в эпоху палеолита Евразии: к вопросу о факторах, повлиявших на процесс становления человека современного вида (мультидисциплинарные исследования) (рук. — канд. ист. наук Н. Н. Скакун).

Продолжены работы в рамках проектов РНФ «Ранняя пора верхнего палеолита Костёнок: хронология и культурная изменчивость» (рук. — канд. ист. наук А. А. Бессуднов) и «Освоение человеком арктической Сибири и эволюция культур каменного века в контексте изменений природной среды позднего неоплейстоцена и голоцена» (рук. — канд. ист. наук В. В. Питулько).

Памятные даты 2019 года

160 лет со дня образования

Императорской археологической комиссии

Императорская археологическая комиссия была создана 2/15 февраля 1859 г., в день, когда Император Александр II утвердил «Положение» о ней. На протяжении второй половины XIX — начала XX в. ИАК, будучи подразделением Министерства императорского двора, являлась единственным государственным органом в России, выполнявшим миссию исследования, собирания и охраны памятников старины. Сложившаяся в процессе деятельности Комиссии практика легла в основу современной регламентации археологических исследований и системы охраны памятников России.

В рамках празднования 160-летия ИАК 20–21 февраля были проведены торжественные мероприятия в зданиях Государственного Эрмитажа и ИИМК РАН. Заслушаны доклады генерального директора Государственного Эрмитажа М. Б. Пиотровского и

директора ИИМК РАН В. А. Лапшина, а также сотрудников ИИМК РАН, Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербургского государственного университета, Института археологии Крыма, Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника и Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. В ходе мероприятия был организован круглый стол по проблемам современного состояния законодательства в области охранной археологии (модератор — канд. ист. наук Н. Ф. Соловьёва).

100-летие российской академической археологии

2019 г. ознаменован еще одним крупным юбилеем для отечественной археологии — сто лет назад, 18 апреля 1919 г., в Петрограде была учреждена Российская, впоследствии Государственная, Академия истории материальной культуры.

Это уникальное для своего времени учреждение по охвату своей деятельности на поприще исследования, сохранения и осмысления исторических и культурных ценностей не имеет себе равных и сейчас. Недаром в состав Академии вошли не только известные археологи, но и целая плеяда выдающихся русских ученых-гуманитариев — историков, востоковедов, лингвистов.

Академия стала важным переходным звеном в эволюции отечественной археологической науки, явившись прямой наследницей первого государственного археологического учреждения России — Императорской археологической комиссии. Ее существование стало не только залогом сохранения лучших традиций дореволюционной археологии, но и обеспечило научную преемственность.

Из недр Академии выросли два крупнейших современных научных центра отечественной археологии — Институт истории материальной культуры РАН и Институт археологии РАН — прямые наследники ленинградского и московского отделений Академии.

Юбилейное заседание 18 апреля происходило в Мраморном дворце — в здании, в котором в 1920–1930-е гг. работала Российская,

а затем Государственная, Академия истории материальной культуры. 19 апреля выступления докладчиков были продолжены в Дубовом зале ИИМК РАН.

Среди выступавших были сотрудники Государственного Эрмитажа, Института археологии РАН, Музея археологии и этнографии им. П. Великого (Кунсткамера) РАН, Института археологии и этнографии СО РАН, Института археологии Крыма РАН, Санкт-Петербургского государственного университета, Свободного университета Берлина, Института археологии Республики Татарстан, а также сотрудники ИИМК РАН.

Полевые работы ИИМК РАН

В 2019 г. в Институте были организованы полевые исследования 31 экспедиции и отдельных отрядов в различных регионах России. Полевая работа экспедиций ИИМК РАН носила как научно-исследовательский характер, так и охранный и аварийно-спасательный характер.

На юге России проведены раскопки памятников различных эпох Западно-Кавказской экспедицией (рук. работ — канд. ист. наук В. А. Трифонов) и отрядами Боспорской экспедиции (рук. работ — д-р ист. наук Ю. А. Виноградов и С. В. Кашаев). Продолжены исследования палеолита на Тамани (рук. работ — д-р ист. наук С. А. Кулаков).

Были продолжены важнейшие исследования по археологии палеолита на Русской равнине: работы Костёнковской экспедиции (рук. работ — канд. ист. наук А. А. Синицын, канд. ист. наук А. А. Бессуднов, канд. ист. наук С. Н. Лисицын), Верхнедеснинской и Нижнедонской экспедиций (рук. работ — канд. ист. наук А. К. Очередной).

В рамках охранно-спасательных работ по реставрации Исторического бульвара г. Севастополя в 2019 г. продолжила работу Севастопольская археологическая экспедиция ИИМК РАН (рук. работ — канд. ист. наук С. Л. Соловьёв). Основным объектом исследований являлись оборонительные сооружения, расположенные на Историческом бульваре г. Севастополя в зоне строительства и реконструкции

объектов Мемориального комплекса. Проведены археологические раскопки 4-го бастиона на площади более 7000 кв. м. Широкомасштабные археологические исследования открыли ранее неизвестные страницы истории Севастополя и позволили с точностью определить местоположение и характер фортификационных сооружений 4-го бастиона по их состоянию на 27 августа 1855 г. В ходе археологических раскопок получена значительная коллекция разнообразных артефактов широкого хронологического диапазона. Материалы раскопок позволяют проследить историю археологизации сооружений на протяжении второй половины XIX в., фиксируют два этапа реконструкции бастиона в начале XX в. и в 1960-е гг. Полученные данные дают возможность связать открытые в ходе работ и видимые на поверхности конструкции с планом 4-го бастиона, составленным Т. Э. Тотлебенем, реконструировать профили рвов и подготовить комплекс мероприятий по сохранению исследуемого объекта археологического наследия в ходе планируемой реконструкции мемориального комплекса.

На Северо-Западе России проводились работы Усвятской (рук. работ — канд. ист. наук И. И. Еремеев), Староладожской (рук. работ д-р ист. наук В. А. Лапшин), Новгородской (рук. работ — д-р ист. наук Н. В. Хвоцинская), Копорской (рук. работ — канд. ист. наук А. А. Липатов) экспедиций. Большое внимание было уделено проведению охранно-спасательных работ в регионе. Обследовано более 300 земельных участков с целью проведения государственной историко-культурной экспертизы земельных участков и охранно-спасательных мероприятий в зонах хозяйственного освоения территории РФ, большая часть из которых приходится на Северо-Запад России.

В 2019 г. продолжены исследования в Арктической зоне России — работы Кольской (рук. работ — канд. ист. наук В. Я. Шумкин, д-р ист. наук Е. М. Колпаков) и Яно-Индигирской (рук. работ — канд. ист. наук В. В. Питулько) экспедиций.

Широкомасштабные спасательные работы были проведены на территории Сибири,

в Республике Тыва и в Красноярском крае. Отдельно следует отметить работы Азиатской Номадической экспедиции по исследованию кургана Туннуг 1 в Республике Тыва (рук. работ — Т. Р. Садыков, Е. К. Блохин). Данные работы проводятся совместно с Русским географическим обществом (проект «Экспедиция Туннуг») и швейцарским фондом *ArchaeoExploration*. Естественнонаучные работы в рамках проекта, а также комплекс исследований в области физической антропологии выполняются совместно с Университетом Берна и рядом других европейских и российских институций (Университет Тарту, Швейцарская высшая техническая школа Цюриха, Институт географии РАН, Самарский государственный социально-педагогический университет). Полевой сезон 2019 г. и последующая обработка материала проведены при финансовой поддержке Русского географического общества, Общества по изучению Евразии (*Society for the Exploration of EurAsia*), д-ра Ф. Паульсена и соответствующих научных программ вовлеченных в проект научных организаций.

Из наиболее значимых международных экспедиций стоит отметить работы российско-туркменской экспедиции по исследованию поселения Йылгынлы-депе в Туркменистане (рук. работ — канд. ист. наук Н. Ф. Соловьёва), а также создание высокоточной 3D-модели современного состояния всей территории объекта Всемирного наследия Древняя Пальмира в рамках Специальной комплексной экспедиции в Пальмире (совместно с Государственным Эрмитажем, Архитектурной мастерской «АММА» и Управлением древностей и музеев Сирии). Поиск памятников древнейшего прошлого человечества производился совместно с зарубежными коллегами канд. ист. наук Е. В. Беляевой на территории Армении и Турции.

Международная деятельность

В рамках Соглашений о сотрудничестве в 2019 г. было заключено несколько новых договоров со странами СНГ и дальнего зарубежья. Ключевым является заключение нового

соглашения между ИИМК РАН и Министерством культуры Туркменистана. В рамках Договора о сотрудничестве между ИИМК РАН и Донецким национальным университетом (г. Донецк) была проведена полевая археологическая практика для студентов Донецкого национального университета на базе Нижнедонской археологической экспедиции ИИМК РАН.

В ноябре 2019 г. в Дамаске состоялось подписание соглашений о сотрудничестве между Управлением древностей и музеев Сирии, Институтом истории материальной культуры РАН и Государственным Эрмитажем. Данные соглашения являются осязаемым шагом по значимому развитию музейных и научных отношений между Россией и Сирией.

Публикационная активность

В ИИМК РАН издается два журнала, которые входят в список ВАК: «Записки ИИМК РАН» и «Археологические Вести». Номер 20 «Записок ИИМК РАН» был посвящен памяти члена-корреспондента РАН Евгения Николаевича Носова — основателя и первого редактора журнала. Более половины статей в данном выпуске являются научными исследованиями, которые были представлены на российско-финляндском симпозиуме «Торговля, обмен и взаимовлияния в доисторическое время и средневековье/историческое время». Е. Н. Носов был одним из первых участников и организаторов данного симпозиума. В № 21 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории.

В выпуск 25 журнала «Археологические вести» включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые введены в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи каменного века до средневековья на территории Евразии.

Вышел в свет № 9 «Бюллетеня Института истории материальной культуры РАН (охранная археология)». В издании освещены

результаты охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. В номере представлены результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, а также других регионов России, которые были осуществлены сотрудниками Отдела охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2017–2019 гг.

В 2019 г. в ИИМК РАН был создан новый журнал — «Первобытная археология. Журнал междисциплинарных исследований» (ответственный редактор — д-р ист. наук Л. Б. Вишняцкий). В сферу интересов журнала входит все хронологическое и географическое пространство первобытности, а приоритетным направлением является публикация результатов комплексных исследований, выполненных объединенными усилиями археологов и представителей естественнонаучных дисциплин: геологов, палеозоологов, палинологов, специалистов по абсолютному датированию и т. д. В изданных в 2019 г. двух номерах журнала рассматриваются материалы археологических исследований последних лет и их интерпретации, а также вопросы истории науки и формирования археологических коллекций.

В 2019 г. сотрудниками ИИМК РАН были опубликованы более 300 научных статей, из которых 42 входят в международную систему цитирования Web of Sciences, а 54 — в базу данных Scopus. Важным является выход в свет специального выпуска журнала *L'Anthropologie* (123), в котором представлены восемь статей сотрудников ИИМК РАН о палеолите Евразии. Также была опубликована статья в журнале *Nature*, в которой рассматриваются вопросы заселения Северо-Восточной Сибири. Вторым автором данной статьи является ст. науч. сотр. ИИМК РАН В. В. Питулько (M. Sikora, V. V. Pitulko, V. C. Sousa et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // *Nature*. 05 June 2019 570, pp. 182–188 <https://doi.org/10.1038/s41586-019-1279-z>).

Продолжалась публикация монографий — всего за 2019 г. вышло в свет 10 монографиче-

ских исследований. Отдельно следует выделить два из них.

Во-первых, «Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии)» (СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. 420 с.: ил. ISBN 978-5-85803-525-1, DOI: 10.31600/978-5-85803-525-1). Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из них посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладogi и Рюрикова городища. Издание рассчитано на археологов и историков.

Во-вторых, книга Колпакова Е. М., Мурашкина А. И., Хартановича В. И., Шумкина В. Я. «Кольский Оленеостровский могильник: 1925–2013» (СПб.; Вологда: Древности Севера, 2019. 480 с.: рус., англ., ил. ISBN 978-5-93061-149-6, DOI: 10.31600/978-5-93061-149-6). Кольский Оленеостровский могильник — уникальный памятник археологии и антропологии середины II тыс. до н. э. — служит базой для многих историко-культурных и этнолого-антропологических построений, касающихся истории Крайнего Севера Европы. Первые погребения на острове были открыты

в 1925 г. С раскопок могильника в 1928 г. начала свои исследования Кольская археологическая экспедиция. Книга представляет полную публикацию всех материалов могильника за все годы раскопок.

Также были опубликованы девять сборников научных трудов, в том числе по итогам проведенных в 2019 г. ИИМК РАН конференциям и полевым семинарам.

Научные конференции

ИИМК РАН выступил организатором и соорганизатором более 15 научных конференций, семинаров и круглых столов в 2019 г. Наиболее масштабной является конференция «Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)» (18–22 ноября 2019 г.). Конференция была приурочена к 90-летию В. М. Массона и 80-летию В. С. Бочкарёва (основные организаторы — канд. ист. наук В. А. Алёшкин, д-р ист. наук Л. Б. Кирчо, канд. ист. наук А. В. Поляков, канд. ист. наук Е. С. Ткач). В данном мероприятии приняли участие более 300 ученых из России, стран СНГ и стран ближнего и дальнего зарубежья. Конференция стала самой масштабной в 2019 г. в археологическом сообществе, ее проведение было профинансировано в рамках проекта РФФИ. К конференции были изданы два тома тезисов докладов конференции «Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург». Том 1: Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии Вадима Михайловича Масона (СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. 291 с. ISBN 978-5-907053-34-2, DOI: 10.31600/978-5-907053-34-2). Том 2: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и

цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарёва (СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. 287 с. ISBN 978-5-907053-35-9. DOI: 10.31600/978-5-907053-35-9).

Сотрудники ИИМК РАН выступили соорганизаторами Первого международно-го исторического форума, который проходил на базе Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. В ИИМК РАН проходили две секции: «Историческая археология: к 160-летию учреждения Императорской Археологической комиссии (1859–2019)» и «К 70-летию члена-корреспондента РАН Е. Н. Носова» (модератор секций от ИИМК РАН — канд. ист. наук О. А. Щеглова).

Был продолжен цикл конференций, посвященный вопросам изучения неолита Восточной Европы. В мае 2019 г. в ИИМК РАН при участии Государственного Эрмитажа и Самарского государственного социально-педагогического университета прошла конференция «Эволюция неолитических культур Восточной Европы» (организаторы от ИИМК РАН — д-р ист. наук С. А. Васильев, д-р ист. наук Е. М. Колпаков, канд. ист. наук Е. С. Ткач). К конференции был издан сборник научных трудов «Эволюция неолитических культур Восточной Европы: Материалы международной конференции, посвященной 120-летию М. Е. Фосс, 110-летию Н. Н. Гуриной и 80-летию А. Т. Синюка», под редакцией А. А. Выборнова, Е. В. Долбуновой, Е. М. Колпакова, Е. С. Ткач (СПб.: ИИМК РАН, Гос. Эрмитаж; Самара: СГСПУ. 116 с. ISBN 978-5-91867-189-4. DOI: 10.31600/978-5-91867-189-4).

Конференция, посвященная изучению памятников ранней поры верхнего палеолита Костёнок «Древнейший палеолит Костёнок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костёнковско-Борщёвском районе)» (организаторы от ИИМК РАН — канд. ист. наук А. А. Бессуднов, д-р ист. наук С. А. Васильев, канд. ист. наук С. Н. Лисицын, канд. ист. наук А. А. Сеницын), прошла в августе

2019 г. на базе Воронежского государственного университета. Участники конференции смогли посетить раскопы на стоянках Костёнки 14, Костёнки 17, Костёнки 11, Костёнки 6 и Борщёво 5. К конференции был издан сборник научных трудов «Древнейший палеолит Костёнок: хронология, стратиграфия, культурное разнообразие (к 140-летию археологических исследований в Костёнковско-Борщёвском районе): Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Воронежская область, с. Костёнки, 20–22 августа 2019 г.)», отв. ред. А. А. Бессуднов (Институт истории материальной культуры РАН; Государственный археологический музей-заповедник «Костёнки». Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. 112 с. ISBN 978-5-9273-2863-5. DOI: 10.31600/978-5-9273-2863-5).

Важным событием для исследователей древнейшего прошлого явилась конференция — полевой семинар, который был организован ИИМК РАН, ИА РАН, МАЭ РАН, ИГ РАН на базе Брянского государственного университета, — «Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта» (10–16 сентября 2019 г.) (организаторы от ИИМК РАН — д-р ист. наук С. А. Васильев, кандидаты ист. наук М. Н. Желтова, А. К. Очередной, К. Н. Степанова). Во время работы сессий участники смогли ознакомиться с археологическими памятниками Верхней Десны: Хотылево I и Бетово (средний палеолит), Хотылево 2, Хотылево 6 и Юдиново (верхний палеолит).

К конференции был издан сборник научных трудов «Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта: Тезисы докладов международной конференции — полевого семинара 10–16 сентября 2019 г.», отв. ред. К. Н. Гаврилов, сост. К. Н. Степанова (Брянск, Бетово, Хотылево, Юдиново. М.: ИА РАН, 2019. 144 с. ISBN: 978-5-94375-294-0. DOI: 10.25681/IARAS.2019), а также путеводитель «Культурная география палеолита Восточно-Европейской равнины: от микока до эпиграветта. Путеводитель конференции-полевого семинара 10–16 сентября 2019 г.», ред. К. Н. Гаврилов,

А. К. Очередной, М. Н. Желтова (Брянск, Бетово, Хотылево, Юдиново. М.: ИА РАН, 2019. 204 с. ISBN: 978-5-94375-295-7).

Развитие методов естественных наук

В 2019 г. в радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН было продолжено датирование образцов угля, дерева, кости, почвы и торфа (более 190 образцов). Данные получены по образцам палеолита, неолита, бронзового, железного веков и средневековья. Продолжено радиоуглеродное датирование образцов торфа и почв локальных криогенных ландшафтно-геохимических систем Центральной Якутии, Чукотки и Ямала (17 образцов). Сотрудниками Лаборатории археологической технологии произведено поляризационное исследование археологических материалов и произведен изотопный анализ 32 образцов из средневековых памятников. В рамках исследований также были получены новые данные о химическом составе артефактов из меди, медных сплавов и стекла различных эпох (от бронзового века до средневековья) и географических регионов Центральной России, Юга Сибири, Пермского Предуралья (всего более 600 экз.).

Музейная деятельность

По результатам полевых работ сотрудниками ИИМК РАН в 2019 г. была разработана концепция Комплексных мероприятий по сохранению, музеефикации и приспособлению для современного использования выявленных сооружений в районе правого фаса 4-го бастиона на мемориальном комплексе памятников обороны Севастополя в 1854–1855 гг. «Историческом бульваре» (авторы — канд. ист. наук С. Л. Соловьёв, канд. культ. наук А. Ф. Покровская).

В рамках празднования 100-летия академической археологии сотрудники ИИМК РАН явились организаторами выставки «Жемчужина Наркомпроса. К 100-летию Академии истории материальной культуры» в Мраморном дворце (Санкт-Петербург) и принимали участие в подготовке выставки «Век археологии» в Государственном историческом музее

(Москва) (рук. — канд. ист. наук М. В. Медведева). К 160-летию ИАК была организована выставка «У истоков российской археологии» в Строгановском дворце (Санкт-Петербург).

В Ковдорском районном краеведческом музее открылась выставка «Сокровища древнего Ковдора» (представитель ИИМК РАН — мл. науч. сотр. А. И. Мурашкин), а в Выборгском государственном объединенном музее-заповеднике — «Сокровища земли карельской» (представитель ИИМК РАН — д-р ист. наук А. И. Сакса, науч. сотр. В. В. Одинцова).

Также в 2019 г. были открыты несколько международных выставок:

1) в рамках сотрудничества с Управлением древностей и музеев Сирии и Государственным Эрмитажем открыта выставка «Две Пальмиры» в Национальном музее г. Дамаск Сирийской Арабской Республики (представитель ИИМК РАН — канд. ист. наук Н. Ф. Соловьёва);

2) в рамках сотрудничества ИИМК РАН с Анадолу Культур (Турция) и Институтом искусствознания (Москва) организована выставка *Poetry of Stones, Ani: An Architectural Treasure on Cultural Crossroads* в Эрмитажном археологическом и художественном музее (г. Анкара, Турция) (представитель ИИМК РАН — канд. ист. наук М. В. Медведева).

Преподавательская деятельность

Кафедра археологии Института истории Санкт-Петербургского государственного университета является основным источником пополнения молодыми научными кадрами ИИМК РАН. В 2019 г. ст. науч. сотр. В. С. Бочкарёв продолжал читать курс лекций по энеолиту и эпохе бронзы, источниковедению археологической науки. Д-р ист. наук В. А. Лапшин начал читать курс по славяно-финской археологии, а канд. ист. наук К. Н. Степанова — по археологии палеолита. Д-р ист. наук И. Ю. Шауб продолжил читать лекции на кафедре истории западноевропейской и русской культуры. Студенты Института истории СПбГУ проходили полевую археологическую практику в экспедициях ИИМК РАН: Верхнедеснинской (рук. — канд. ист. наук К. Н. Степанова), Тувинской (рук. — канд. ист.

наук. М. Е. Килуновская), Кольской (рук. — д-р ист. наук Е. М. Колпаков), Новгородской (рук. — д-р ист. наук Н. В. Хвоцинская).

Д-р ист. наук С. В. Белецкий и канд. ист. наук Н. Ю. Смирнов продолжили читать курсы лекций в Санкт-Петербургском государственном институте культуры, а канд. ист. наук Вл. А. Семёнов — в Академии художеств.

Канд. ист. наук А. В. Поляковым прочитан курс лекций по археологии Минусинских котловин в Народном университете Китая (г. Пекин).

Диссертационный совет

В 2019 г. продолжал работу Диссертационный совет Д 002.052.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата исторических наук по специальности «07.00.06. Археология» (председатель — д-р ист. наук В. А. Лапшин, зам. председателя — д-р ист. наук С. А. Васильев, ученый секретарь — канд. ист. наук П. Е. Нехорошев). В 2019 г. были защищены пять диссертаций: две кандидатские и три докторские. Среди них две докторские и одна кандидатская сотрудников ИИМК РАН: С. А. Кулакова («Ранний и средний палеолит Северо-Западного Кавказа») и Е. М. Колпакова («Петроглифы Кольского полуострова и Северной Фенноскандии») — докторские, А. В. Ларионова («Планиграфический анализ среднепалеолитической стоянки Кетросы») — кандидатская.

Стажировки и прикрепления

В ИИМК РАН в 2019 г. стажировка была оформлена для восьми человек, среди которых исследователи из России (Ростов-на-Дону, Иркутск, Череповец, Красноярск) и зарубежья: Бельгии, Китая, Таджикистана. Продолжают работы по написанию диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук без освоения программ подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре семь исследователей.

Ученый совет ИИМК РАН

В 2019 г. было проведено семь заседаний Ученого совета ИИМК РАН. Особенно

следует выделить расширенное заседание Ученого совета и Отдела славяно-финской археологии от 25 июня. Оно было приурочено к 90-летию старейшего сотрудника ИИМК РАН, научного руководителя направления, профессора, заслуженного работника культуры РФ, д-ра ист. наук А. Н. Кирпичникова. На нем был заслушан доклад Анатолия Николаевича, а также поздравления ему от коллег и близких друзей из Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Пскова, Новгорода, Витебска, Хельсинки и многих иных городов России и мира. Также были получены поздравления и телеграммы от президента Российской Федерации, губернаторов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, членов Совета Федерации РФ и других. К юбилею Анатолия Николаевича вышел в свет сборник научных статей «Земля наша велика и обильна: Сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова» (СПб.: Невская Типография, 2019. 442 с., 170 ил. ISBN 978-5-907053-29-8. DOI: 10.31600/978-5-907053-29-8).

Награды

На расширенном заседании Ученого совета от 25 июня А. Н. Кирпичникову была объявлена благодарность от председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ, губернатора Санкт-Петербурга, вручены Почетная грамота Комитета по науке и высшей

школе Санкт-Петербурга, а также благодарственное письмо от Администрации Псковской области.

В честь столетия российской академической археологии Почетные грамоты Российского исторического общества вручены докторам ист. наук С. А. Васильеву, Н. В. Хвоцинской и канд. ист. наук М. В. Медведевой. Архивариус Н. Д. Моисеева была награждена благодарственной грамотой Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры за значительный вклад в сохранение исторического и культурного наследия Санкт-Петербурга.

Докторам ист. наук Ю. А. Виноградову и С. А. Васильеву объявлены благодарности от Министерства науки и высшего образования РФ за значительные заслуги в сфере образования и многолетний добросовестный труд. Также д-ру ист. наук Ю. А. Виноградову вручена благодарность президента Южного переходного совета Айдаруса Касима аль-Зубейди (Южный Йемен).

Кандидат ист. наук А. К. Каспаров награжден специальной медалью, учрежденной Керченским археологическим музеем-заповедником — «За верность Делу» (вручена в рамках Юбилейной конференции «К 100-летию российской академической археологии и 80-летию Нимфейской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа»).

Е. С. Ткач
ученый секретарь ИИМК РАН

AD MEMORIA

Памяти Сергея Степановича Миняева (1948–2020)

11 апреля 2020 г. на 72-м году жизни ушел из жизни Сергей Степанович Миняев — крупнейший отечественный исследователь древностей сюнну, ученый с мировым именем, полевые открытия которого по праву вошли в сокровищницу мировой археологии.

Сергей Степанович связал свою жизнь с археологией в 1966 г., когда после окончания средней школы поступил на вечернее отделение кафедры археологии Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета. Будучи студентом, он начал работать лаборантом в экспедициях и реставрационных мастерских ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) на условиях хоздоговорного финансирования, а с мая 1968 г. был зачислен в штат Института на должность лаборанта спектральной лаборатории.

В студенческие годы Сергей Степанович прошел прекрасную полевую школу, участвуя в раскопках курганов на юге России и в Сибири, а также в исследованиях памятников сюнну в Забайкалье, которыми руководила известный специалист, сотрудница кафедры археологии ЛГУ, канд. ист. наук А. В. Давыдова, учеником которой стал молодой археолог.

В 1972 г. после окончания университета Сергей Степанович был призван в ряды Советской армии. После демобилизации в 1973 г. он возвращается в Институт и окончательно определяет основную область своих научных интересов: археология развитых кочевнических обществ Центральной Азии и Северного Китая. В 1978 г. Сергей Степанович поступил в аспирантуру ЛОИА. Его руководителем стал крупнейший исследователь архео-

С. С. Миняев (1948–2020)

S. S. Minyaev (1948–2020)

логических памятников Сибири д-р ист. наук М. П. Грязнов. В начале 1982 г. Сергей Степанович успешно завершил аспирантуру и 3 марта этого же года с блеском защитил кандидатскую диссертацию «Бронзовые изделия хунну (типология, производство, распространение)» на заседании Ученого совета ЛОИА АН СССР.

После защиты он становится младшим, а затем и старшим научным сотрудником Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа. К этому времени Сергей Степанович был уже сложившимся ученым, полностью

раскрывшим свой яркий талант и полевого исследователя, и успешного организатора экспедиционных проектов. В 1981 и 1982 гг. он исполнял обязанности заместителя начальника Сибирской экспедиции ЛОИА АН СССР, работавшей в зоне КАТЭК.

В 1982 г. Сергей Степанович возглавил Забайкальский отряд (впоследствии Забайкальская экспедиция) ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН, которая под его началом успешно работала до 2006 г.

Раскапывая в Бурятии такие эталонные памятники, как поселение Дурёны и Дырестуйский могильник, Сергей Степанович проделал огромный объем работ по систематизации археологических коллекций, обнаруженных им на памятниках сюнну в Забайкалье. Постепенно он ввел в научный оборот весь корпус российских источников по археологии сюнну, опубликовав три монографии («Комплекс памятников у с. Дурены». СПб., 2003, в соавторстве с А. В. Давыдовой; «Дырестуйский могильник», СПб., 1-е изд., 1998; 2-е изд., 2007; «Художественная бронза сюнну. Новые открытия в России». СПб., 2008, в соавторстве с А. В. Давыдовой). Эти научные труды, а также монография *Art of the steppes*, изданная в Брюсселе в 2002 г., являются существенным вкладом автора в решение дискуссионных проблем археологии сюнну.

Одно из самых блестящих археологических открытий начала нынешнего столетия, по праву вошедшее в мировой фонд археологии, было сделано Сергеем Степановичем в пади Царам (Республика Бурятия), где он в течение семи полевых сезонов раскопал одно из крупнейших в мире погребальных сооружений сюнну. Детальное изучение этого курганного комплекса, содержащего, вероятно, останки предводителя кочевого объединения, существенно обогащает наши знания о погребальном обряде знати сюнну и о социальной стратификации этого кочевнического общества. За исследование столь уникального объекта

Сергей Степанович получил международную награду «За выдающийся вклад в сюннскую археологию», которая была вручена ему на Международной конференции в Турции в 2007 г.

В 2008–2010 гг. он принимал участие в археологических исследованиях ИИМК РАН на юге Вьетнама. С 2009 по 2018 г. Сергей Степанович в качестве консультанта принимал участие в работах Центральноазиатской экспедиции Государственного Эрмитажа, которая исследует элитный курган сюнну в пади Оргойтон (Республика Бурятия).

Изучая проблемы происхождения и эволюции культуры кочевников сюнну, сыгравших огромную роль в истории древних племен Центральной Азии и Северного Китая в эпоху железа, Сергей Степанович стал ведущим отечественным специалистом в этой области археологии. Научные разработки Сергея Степановича хорошо известны и за рубежом, благодаря его участию во многих международных грантах и конференциях.

Научные достижения Сергея Степановича нельзя рассматривать в отрыве от его нравственного авторитета и человеческого обаяния, которым он был щедро наделен. Его ценили и уважали коллеги как принципиального, доброжелательного и отзывчивого человека, обладающего тонким чувством юмора. Всем импонировала его корректная манера ведения научных дискуссий, поражало его совершенное владение различными компьютерными программами и другими цифровыми технологиями. Сергей Степанович был страстным охотником, увлеченным футбольным болельщиком, в деталях разбирающимся во всех тонкостях этой замечательной игры.

С уходом Сергея Степановича Миняева российская археология в области изучения Центральной Азии эпохи сюнну понесла большую утрату, но его дело будет продолжено, а начатые проекты не угаснут. Мы будем помнить о его научном вкладе, о его интересных докладах, об исходившей от него притягательной силе.

М. Т. Кашуба, В. А. Алёшкин
Санкт-Петербург, Институт истории
материальной культуры РАН

Памяти Сергея Никитича Астахова (1933–2020)

11 июля 2020 г. от нас навсегда ушел доктор исторических наук Сергей Никитич Астахов, один из старейших сотрудников ИИМК РАН, всемирно известный специалист по палеолиту Сибири, Центральной и Восточной Азии.

Перу С. Н. Астахова принадлежит более 100 печатных работ, в том числе монографические труды «Палеолит Тувы», «Палеолитические памятники Тувы», «Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске», «Древний палеолит Японии», и большие разделы в книгах «Палеолит Енисея», «История Тувы», «Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания».

На протяжении многих лет С. Н. Астахов успешно руководил крупнейшей новостроечной экспедицией нашего института — Саяно-Тувинской, сочетая собственные полевые работы с огромной по объему организационной и административной деятельностью.

От своего учителя, Алексея Павловича Окладникова, Сергей Никитич унаследовал масштабность научных интересов, умение видеть проблемы развития древней культуры, не замыкаясь в узких региональных рамках. Благодаря его поискам, большая область, лежащая в самом сердце Азиатского материка, обрела свою древнейшую историю.

В сложнейших условиях пустынной, степной и горнотаежной местности, зачастую вдали от населенных пунктов, С. Н. Астахову удалось открыть и исследовать десятки первоклассных памятников каменного века

С. Н. Астахов (1933–2020)

S. N. Astahov (1933–2020)

в диапазоне от ашеля до неолита. Позднее С. Н. Астахов руководил разведками по каменному веку вдоль трассы строящейся железной дороги Кызыл—Курагино и на юге Тувы в составе российско-японской экспедиции.

Многолетняя работа С. Н. Астахова в Туве была по достоинству оценена руководством республики. Ему было присуждено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Тыва», он награжден юбилейными

медалями «100 лет городу Кызылу» и «Единение России и Тувы 100 лет».

Научные интересы С. Н. Астахова никогда не замыкались в рамках Южной Сибири. Он принимал активное участие в изучении древнейших культур Севера. Плодотворными были его поездки в Японию, Монголию и Непал.

С. Н. Астахов всегда сочетал научную работу с активной общественной деятельностью на благо нашему коллективу. На протяжении многих лет он возглавлял профсоюзную организацию института, был заместителем директора ИИМК, помощником директора по специальным вопросам, представлял институт на общих собраниях РАН.

Последние годы жизни С. Н. Астахова были посвящены работе над коллективным фундаментальным сводом по палеоантропологии и археологии нижнего палеолита. Увы, тяжелые болезни воспрепятствовали завершению столь важного дела.

Сергей Никитич запомнится нам как доброжелательный, чуткий и очень скромный человек, большой любитель природы, страстный охотник и рыболов, мастер на все руки, легко управляющийся с моторной лодкой и грузовиком в экспедиционных условиях.

Светлая память о Сергее Никитиче сохранится в наших сердцах.

*С. А. Васильев
Санкт-Петербург, Институт истории
материальной культуры РАН*

Список сокращений

АНИИ	—	Арктический и антарктический научно-исследовательский институт. СПб.
АБГИЗ	—	Абхазское государственное издательство
АБИГИ	—	Абхазский институт гуманитарных исследований
АВ	—	Археологические вести. СПб.
АВЕС	—	Археология Восточно-Европейской степи
АГМ	—	Абхазский государственный музей
АДІУ	—	Археологія і давня історія України
АИЯЛИ	—	Абхазский институт языка, литературы и истории
АНА	—	Академия наук Абхазии
АО	—	Археологические открытия
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭАЕ	—	Археология, этнография и антропология Евразии
б. и.	—	без указания издательства
БИ	—	Боспорские исследования. Керчь–Симферополь
БРЭ	—	Большая Российская Энциклопедия
БС	—	Балтийская система
БФ	—	Боспорский феномен. СПб.
БЧ	—	Боспорские чтения
ВАС	—	Всероссийский археологический съезд
ВДИ	—	Вестник древней истории. М.
ВИМАИВ и ВС	—	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВНК	—	Всероссийская нумизматическая конференция
ВСОГО	—	Восточно-Сибирский отдел Географического общества СССР
ВСОРГО	—	Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества
ВЦМК	—	Вестник Центрального музея Казахстана
г. х.	—	год хиджры
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ГАСК	—	Государственная академия славянской культуры
ГИАМЗ	—	Государственный историко-архитектурный музей-заповедник
ГИМ	—	Государственный исторический музей
ГМИИ	—	Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГРГО	—	Государственное Русское географическое общество
ГУ	—	Государственный университет
ГУЛАГ ОГПУ	—	Главное управление лагерей Объединенного государственного политического управления
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
ДБ	—	Древности Боспора. М.
ЗДУ	—	Запорізький державний університет. Запоріжжя
ЗООИД	—	Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ИА РАН	—	Институт археологии Российской академии наук. М.
ИАК	—	Императорская Археологическая комиссия
ИАЭТ СО РАН	—	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.
ИВ РАН	—	Институт востоковедения Российской академии наук. М.
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
ИИП	—	История и историческая память
ИИФиФ	—	Институт истории, филологии и философии
ИКАМ	—	Инвентарная книга археологического материала
ИОЛЕАЭ	—	Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИПЦ СПБГУПТД	—	Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна
ИТЛ	—	Исправительно-трудовой лагерь
КБИГИ	—	Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
КВЖД	—	Китайско-Восточная железная дорога
КГИЗ	—	Керченский государственный исторический заповедник
КИПС	—	Комиссия по изучению племенного состава населения
КНИЭ ИОКМ	—	Комплексная научно-исследовательская экспедиция Иркутского областного краеведческого музея
КС ОАО	—	Краткие сообщения Одесского археологического общества
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л.
КФУ	—	Крымский федеральный университет
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛОИА	—	Ленинградское отделение Института археологии
ЛОЭ	—	Ленинградская областная экспедиция
МАИЭТ	—	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАКК	—	Материалы к археологической карте Крыма
МАО	—	Московское археологическое общество
МАР	—	Материалы по археологии России

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МАСП	—	Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса
МАЭ РАН	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук. СПб.
МГУ	—	Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИАР	—	Материалы и исследования по археологии России
МИЦАИ	—	Международный институт центральноазиатских исследований
МО	—	Московское отделение
МОИП	—	Московское общество испытателей природы
НА	—	Научный архив
НАН	—	Национальная академия наук
НАНУ	—	Национальная академия наук Украины.
НБУ	—	Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського. Київ
НВИК	—	Нижеволжский институт краеведения
НВФ	—	Научно-вспомогательный фонд
НГУ	—	Новосибирский государственный университет
НИИ	—	Научно-исследовательский институт
НИИЯЛИ	—	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НиНЗ ИА	—	Новгород и Новгородская земля. История и археология.
НКП	—	Народный комиссариат просвещения
НОА ИА РАН	—	Научно-отраслевой архив Института археологии РАН
нрзб.	—	слово написано неразборчиво
ОАМ	—	Одесский археологический музей
ОГИЗ	—	Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОИПК	—	Отдел истории первобытной культуры (ныне — Отдел археологии Восточной Европы и Сибири). Эрмитаж
ООА	—	Отдел охранной археологии
ООИД	—	Одесское общество истории и древностей
ПГОИАХМЗ	—	Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ПИФК	—	Проблемы истории, филологии, культуры
ПФНИ ГАН	—	Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук
РА	—	Российская археология
РАН	—	Российская академия наук
РГГУ	—	Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ	—	Российский гуманитарный научный фонд
РГО	—	Русское географическое общество
РИО	—	Редакционно-издательский отдел
РККА	—	Рабоче-крестьянская Красная армия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

РО	—	Рукописный отдел
РО РНБ	—	Рукописный отдел Российской национальной библиотеки
РФФИ	—	Российский фонд фундаментальных исследований
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников. М.
СамГПУ	—	Самарский государственный педагогический университет
СГМИИ	—	Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
СГУТиКД	—	Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
СЗАЭ	—	Северо-Западная археологическая экспедиция
СЗИАЭ	—	Северо-Западная историко-археологическая экспедиция
СКФУ	—	Северо-Кавказский федеральный университет
СНВЕ	—	Средневековая нумизматика Восточной Европы
СНК	—	Совет народных комиссаров
СО РАН	—	Сибирское отделение Российской академии наук
СОИГСИ	—	Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева. Владикавказ
СОМК	—	Саратовский областной музей краеведения
СЭ	—	Советская этнография
ТАС	—	Тверской археологический сборник
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа
ТНИИР-Центр	—	Тверской научно-исследовательский историко-археологический и реставрационный центр
ФО	—	Фотоотдел
ХМ	—	Херсонесский музей
ХМАО	—	Ханты-мансийский автономный округ
ЦСН	—	Центр по сохранению историко-культурного наследия. Иркутск
ЮНЦ РАН	—	Южный научный центр Российской академии наук
	—	
ACSS	—	Ancient civilizations from Scythia to Siberia
IOSPE I ²	—	Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae (2-е изд. 1916 г.).
PUC	—	Publications du CRAHAM
UPA	—	Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie

Научное издание

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВЕСТИ
ВЫПУСК 27

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Издательская группа ИИМК РАН
А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева,
Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Адрес редакции: Россия, 191186, Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., 18, Институт истории материальной культуры РАН
Тел. (812) 3121484, факс (812) 5716271
<http://www.archeo.ru>; vesti@archeo.ru

Корректор: О. К. Чеботарева
Верстка: Е. В. Новгородских

Подписано в печать 04.08.2020. Формат 60×90/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 56. Тираж 300 экз. Заказ 484

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Книжная Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ.
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru